СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ второй.

Полемическіе матеріалы для политическаго словаря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1881.

2 шк
т

212
36

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУШИНСКАГО.
НАБЕРЕЖНАЯ ЕКАТЕРИНИНСКАГО КАНАЛА.
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 г.

Стр.

I— 1

Слѣды Петра Великаго.—Петровскій Сборникъ «Русской Старины».—«Царь Петръ Великій» г. Петрова, іюньское внутреннее обозрѣніе Вѣстника Европы и проч.—Слѣдовъ Петра въ наличности не оказывается. — «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» г. Кавелина.—Два слова о его же «Задачахъ психологіи».—Какъ слѣдуетъ искать слѣдовъ Петра.—«Русскіе общественные вопросы», сборникъ «Недѣли». — Таинственный незнакомецъ.—Нужные люди.—Случай изъ исторіи французской журналистики и случай бывшій недавно съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями».—Бесѣда со старымъ воробьемъ.

II— 61

Письма г. Скальковскаго съ московской политехнической выставки.—«Малайскій архипелагъ» Уоллеса.—«Протоколы и стенографическіе отчеты засѣданій перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ интересующихся отечественною промышленностью».—Мысли г. Скальковскаго танцуютъ кадриль. — Теоретическая и практическая точки зрѣнія. — Русскій рабочій вопросъ на съѣздѣ промышленниковъ.—«Англо-саксонская сельская община» г. Сокальскаго.

III— 106

Г. Страховъ. — Русская печать о послѣдней книгѣ Ренана. — Субъективная и объективная оцѣнка фактовъ.—Элементы европейской цивилизаціи.—Политическій матеріализмъ.—Веселенькій пейзажикъ.—Два посвященія.—Великолѣпный князь Тавриды и Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ.

IV— 144

Слова. —Императоръ Сигизмундъ.—Императоръ Павелъ.—Статья г. Костомарова о великорусской пѣснѣ.—Отечество.—Патріоты и казнокрады.—Одинъ изъ проэктовъ освобожденія крестьянъ.—Старый и новый патріотизмъ.—Опять г. Скальковскій. — Либеральная литература.

V— 167

Причитанья сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ. — О матеріалахъ, какъ они собираются современною литературой.—О матеріалахъ, какъ они современною литературой обрабатываются. — Г. Милюковъ и г. Буренинъ.—Симптомы и причины болѣзни литературы. — Одна старая статья. — «Политика какъ наука» г. Стронина. — Русскіе соціологи. — Фокусники. — Статья г. Жуковскаго о Кэри.—Проектъ ученаго трактата.

VI— 200

«Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи» г. Беллярминова.—Пересаливающая оффиціальная благонамѣренность. — «Матеріализмъ, наука и христіанство».—Кадка меду и нѣсколько ложекъ дегтю.—Книга Навиля «Отецъ небесный».—Соціальный организмъ.—Къ вопросу о реальномъ образованіи.—Естественныя науки, какъ орудіе «скотоподобія».—Г. Стронинъ и великороссы.

Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1873 г.

I— 235

На новый годъ.—Изъ исторіи отношеній нашей литературы къ праздному любопытству.—Диссертація г. Зибера: «Теорія цѣнности и каппитала Рикардо».—Почему тенденціозная литература иногда даетъ замѣчательные художественные и научные результаты, а иногда нѣтъ.—Совѣтъ «Маляру».—Г. Эдинъ де Пуле.—«Разсвѣтъ, сборникъ произведеній писателей-самоучекъ»—Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ? Ничего не произойдетъ.—Куда вышелъ изъ народа г. Губонинъ?—«Очерки ирландской жизни» Тренча.—Важный соціологическій законъ и его примѣненіе къ условіямъ успѣха и къ задачамъ литературы.—Самоотреченіе Милля.—Два слова о публицистикѣ и беллетристикѣ.

II— 271

«Шурриры» «Гражданина».—Отчего г. Достоевскій не пользуется темами подходящими къ его таланту и беретъ неподходящія.—Комментаріи къ «Бѣсамъ».—Дневникъ писателя.—Власы и citoyens du monde civilisé. — Тѣхъ ли и всѣхъ-ли бѣсовъ нарисовалъ г. Достоевскій.

Письмо къ графу Орлову-Давыдову **311**

Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго **332**

Графъ Бисмаркъ **380**

Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха **428**

Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 года.

I.

Іюль 1872.

Слѣды Петра Великаго. — Петровскій Сборникъ «Русской Старины».— «Царь Петръ Великій» г. Петрова, іюньское внутреннее обозрѣніе Вѣстника Европы и проч.—Слѣдовъ Петра въ наличности не оказывается.—«Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» г. Кавелина.— Два слова о его же «Задачахъ психологіи». — Какъ слѣдуетъ искать слѣдовъ Петра. — «Русскіе общественные вопросы», сборникъ «Недѣли».—Таинственный незнакомецъ. — Нужные люди.—Случай изъ исторіи французской журналистики и случай, бывшій недавно съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями.»—Бесѣда со старымъ воробьемъ.

По случаю Петровскаго юбилея сказано множество рѣчей и издано много книгъ и брошюръ. Къ сожалѣнію моему, я не могъ ознакомиться со всею этою массою словъ и писаній. Особенно жалѣю я о моемъ незнакомствѣ съ рѣчью г. Бестужева-Рюмина «О причинахъ разногласія во взглядахъ на Петра» (она до сихъ поръ еще не напечатана) и съ сборникомъ народныхъ пѣсень о Петрѣ, изданнымъ въ Москвѣ г. Безсоновымъ (онъ еще не полученъ въ Петербургѣ). Во всемъ, что̀ мнѣ удалось прочитать, я встрѣтилъ много общихъ мѣстъ, много не нужныхъ мелкихъ подробностей, наконецъ много разшаркиваній передъ

нынѣшнимъ временемъ, когда «великія цѣли Великаго осуществились» и т. д., — но очень мало такого, что́ было бы дѣйствительно достойно памяти гиганта русской исторіи. О газетахъ говорить нечего: «Русскій Міръ» дѣлаетъ выписку изъ Устрялова и затѣмъ говоритъ отъ себя: пойдемъ по слѣдамъ Петра! «С.-Петербургскія Вѣдомости» дѣлаютъ выписку изъ Соловьева и затѣмъ говорятъ отъ себя: пойдемъ по слѣдамъ Петра! Можетъ быть впрочемъ я и перепуталъ, можетъ быть изъ Соловьева дѣлаетъ выписку «Русскій Міръ», а изъ Устрялова «С.-Петербургскія Вѣдомости», но это мало мѣняетъ дѣло. Глубокомысліе, такъ сказать, обязательное, авторовъ передовыхъ статей и не позволяло ожидать отъ нихъ чего нибудь меньшаго или чего нибудь бо́льшаго, чѣмъ Устряловъ-Соловьевъ и слѣды Петра. Но въ нижнихъ этажахъ этихъ газетныхъ листовъ, въ фельетонахъ, которымъ дозволяется быть интереснѣе, явилось и еще кое что. Такъ «Русскій Міръ» разсказываетъ какой-то анекдотъ изъ жизни Петра, а въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» памяти Петра посвящены два первыя письма г. Незнакомца о московской политехнической выставкѣ. Второе изъ этихъ писемъ любопытно. Оно вопервыхъ очень горячо и бойко написано и вообще удачно, а вовторыхъ содержитъ въ себѣ въ видѣ маленькаго хвостика нѣкоторый характерный намекъ на современность. Побывавъ въ Парижѣ, Петръ сказалъ, что тамъ заслуживаютъ вниманія только науки и искуства, «все-же прочее воняетъ» (въ такомъ родѣ). Разсказавъ это, Незнакомецъ прибавляетъ отъ себя: вотъ что́ понималъ Петръ еще въ прошломъ столѣтіи и до чего у насъ многіе не могутъ возвыситься и до сихъ поръ. Это намекъ на сочувственное отношеніе большинства русскаго общества къ французамъ во время послѣдней войны. На мѣстѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» я бы тщательно избѣгалъ подобныхъ намековъ, потому что они должны напоминать имъ нѣкоторыя ихъ неудачныя пробы пера. Но оставимъ это. Вышеупомянутый хвостикъ любопытенъ въ болѣе общемъ смыслѣ. Онъ свидѣтельствуетъ, какъ мало понимается у насъ разница между петровскимъ вре-

менемъ и нынѣшнимъ. Петръ былъ во Франціи въ 1717, кажется, или въ 1718 году. Былъ онъ тамъ во время малолѣтства Людовика XV и регентства герцога Орлеанскаго, однимъ словомъ въ самые темные дни Франціи, когда къ деспотизму Людовика XIV прибавился еще крайній развратъ безпутнаго регента и его двора, мотовство и алчность въ средѣ самого общества и проч. Поэтому было совершенно достойно великаго царя отвернуться отъ этой мерзости. Но, спрашивается, неужели повторять справедливый въ свое время приговоръ Петра и повторять его теперь, послѣ того, что̀ пережито и дано человѣчеству Франціей,—значитъ идти «по слѣдамъ Петра»? Конечно «С.-Петербургскія Вѣдомости» во время франко-прусской войны шли даже дальше приговора Петра и отняли у Франціи и «науки и искуства». Но уже само собою разумѣется, что они въ то время значительно уклонялись отъ «слѣдовъ Петра».

Что̀ такое слѣды Петра? Я не знаю, всѣ ли авторы юбилейныхъ брошюръ, рѣчей и статей задавали себѣ этотъ вопросъ. Вѣрно только то, что всѣ они предлагаютъ намъ идти по слѣдамъ Петра. Большинство утверждаетъ кромѣ того, что намъ для этого и не требуется дѣлать какихъ-нибудь особыхъ усилій, ибо мы уже и теперь идемъ по этимъ слѣдамъ. Рѣзче всего выражена эта мысль въ рѣчи, сказанной въ день юбилея въ Варшавѣ профессоромъ тамошняго университета г. Вейнбергомъ. Г. Вейнбергъ поставилъ дѣло такъ ловко, что слушатели его вѣроятно недоумѣвали, что̀ они собственно собрались дѣлать—память-ли Петра чествовать, или просто радоваться тому, что мы живемъ въ настоящее время, когда и проч. Эта двойственность задачи юбилея сказывается впрочемъ болѣе или менѣе во всѣхъ рѣчахъ и писаніяхъ по поводу двухсотлѣтія рожденія Петра: живой о живомъ и думаетъ.

Но все-таки что̀ такое слѣды Петра? Я беру книжку г. Петрова «Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ всероссійскій» и ищу въ ней отвѣта на этотъ вопросъ. Еслибы какой-нибудь иностранецъ пожелалъ познакомиться съ личностью Петра по этой книжкѣ, то онъ пришелъ

бы вѣроятно въ большое недоумѣніе. Конечно, сказалъ бы онъ, этотъ Петръ былъ большой охотникъ воевать, путешествовать, строить корабли и жечь фейерверки; но чѣмъ-же ужь онъ такъ великъ? Положимъ, что военная дѣятельность Петра была необходима для упроченія благоденствія и самостоятельности Россіи. Но, за вычетомъ этой дѣятельности, Петръ является у г. Петрова какимъ-то довольно безалаберно странствующимъ фейерверкеромъ и пиротехникомъ. И такъ пойдемъ по слѣдамъ Петра и будемъ жечь фейерверки, тѣмъ болѣе, что это весело и къ нашему теперешнему настроенію подходитъ.

Я беру «Петровскій сборникъ», изданный Русскою Старпной, и опять спрашиваю: гдѣ слѣды Петра? Я не знаю, почему Русской Старинѣ пришло въ голову назвать этотъ сборникъ «Петровскимъ». Это не болѣе, какъ оттискъ VI нумера Русской Старины, что́ и значится на оберткѣ сборника. Какъ нумеръ журнала, посвященнаго изученію нашего недавняго прошлаго, этотъ сборникъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ нумеровъ: въ немъ есть вещи интересныя и неинтересныя, важныя и неважныя. Но если это «Петровскій» сборникъ, то зачѣмъ въ него попала, напримѣръ, написанная въ 1835 (въ оглавленіи опечатка *1735*) году «Солдатская сказка про двухъ царей, россійскаго и нѣмецкаго» и т. д., — произведеніе барабанно-патріотической, шовнистской школы? Во всякомъ случаѣ поищемъ слѣдовъ Петра въ томъ, что даетъ «Петровскій сборникъ». Интереснѣе всего въ сборникѣ слѣдующія двѣ вещи: секретныя депеши объ обидѣ прусскаго посла Петромъ и Меньшиковымъ и «шутки и потѣхи Петра Великаго». Эти два ряда документовъ очень любопытны, но въ нихъ Петръ рисуется съ самой непривлекательной своей стороны. Онъ является здѣсь грубымъ «московитомъ», оскорбляющимъ прусскаго посла, восточнымъ деспотомъ, неимѣющимъ ни малѣйшаго понятія о международномъ правѣ, и изобрѣтателемъ въ высшей степени грубыхъ и циническихъ «шутокъ и потѣхъ». Это, что-ли, «слѣды Петра»?

Въ рѣчи академика Веселовскаго о Петрѣ, «какъ основателѣ Академіи Наукъ», въ рѣчи академика Грота о Петрѣ, «какъ

просвѣтителѣ Россіи», даже въ довольно безграмотныхъ брошюрахъ гг. Божерянова («Очеркъ развитія искуствъ въ Россіи въ царствованіе П. В.») и Купріянова («Исторія медицины (въ) Россіи въ царствованіе П. В.») можно пожалуй найти настоящіе слѣды Петра. Но это слѣды или слишкомъ общіе (Петръ любилъ просвѣщеніе), или слишкомъ уже спеціальные (Петръ цѣнилъ искусство и уважалъ медицину). Впрочемъ рѣчь г. Веселовскаго заключаетъ въ себѣ небезполезное напоминаніе о взглядѣ Петра на значеніе академіи наукъ. По мысли Петра, академія должна была состоять изъ трехъ частей, имѣвшихъ тѣсную связь между собой: 1) изъ собственно академіи, члены которой должны были трудиться о «совершенствѣ художествъ и наукъ», оказывать въ случаѣ надобности помощь своими познаніями присутственнымъ мѣстамъ и пещись о распространеніи и заведеніи «вольныхъ художествъ и мануфактуръ»; 2) изъ университета, въ которомъ академики преподавали бы публичныя лекціи о «художествахъ и наукахъ» и 3) изъ «гимназіума», гдѣ адъюнкты или элевы академиковъ обучали бы юношей первымъ основаніямъ наукъ и приготовляли ихъ къ поступленію въ университетъ, въ учителя будущихъ училищъ и т. п.

Я обращаюсь къ «Вѣстнику Европы». Этотъ солидный, акуратный и по преимуществу историческій журналъ, какъ извѣстно, еще загодя началъ готовиться къ юбилею. Въ майской уже книжкѣ этого года, вышедшей по обыкновенію 1-го мая, были напечатаны статьи: «О старомъ зимнемъ дворцѣ и палатѣ, въ коей скончался государь императоръ Петръ Великій. Записка 1834 года» А. Л. Майера (съ двумя рисунками), «Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго» г. Герье и «Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ Великомъ» г. де-Пуле. Но въ двухъ послѣднихъ статьяхъ Петръ значится болѣе по прикосновенности. Г. де-Пуле, напримѣръ, разыскалъ въ Полтавѣ семейный архивъ фамиліи Горленковъ и содержимое его разсказалъ подъ заглавіемъ «Малороссійскіе эмигранты *при Петрѣ*», хотя Петръ тутъ собственно съ боку припека. Что касается до первой статьи, то она представляетъ плодъ трудолюбиваго изслѣдованія, окон-

ченнаго въ 1834 году, о томъ, въ какой комнатѣ Петръ умеръ. Комнату эту покойный Майеръ разъискалъ и редакція «Вѣстника Европы» съ своей стороны замѣчаетъ: «При помощи изслѣдованій Майера, было бы возможно возвратить великой памяти Петра В. мѣсто его кончины и дать ему соотвѣтствующее назначеніе: въ верхнемъ этажѣ Зимняго дома устроить, напримѣръ, музей Петра Великаго, а въ нижнемъ, гдѣ онъ скончался—часовню, въ которую можно бы было спускаться черезъ музей, такъ-какъ нижній этажъ Зимняго дома Петра Великаго теперь находится въ уровень съ мостовой и ниже ея».—И чудесно. Только съ г. Погодинымъ надо бы было посовѣтоваться. А слѣдовъ Петра все-таки нѣтъ. Но въ іюньской книжкѣ «Вѣстникъ Европы» уже вплотную подходитъ къ дѣлу и печатаетъ прямо посвященную юбилею статью: «Государственныя идеи Петра Великаго и ихъ судьба».

Статья эта, замѣняющая въ іюньской книжкѣ внутреннее обозрѣніе, написана очень ловко. Цѣль ея—доказать, что такъ-называемый «петербургскій» періодъ русской исторіи, періодъ господства бюрократіи и централизаціи, вовсе не можетъ считаться дѣтищемъ Петра, что Петръ готовилъ Россіи совершенно иную будущность. Петръ былъ настоящій диктаторъ, вышедшій изъ народа, деспотически вдвинувшій государство въ новую колею, но вовсе не имѣвшій въ виду династическихъ цѣлей. Онъ не желалъ уступать кому бы то ни было ни іоты изъ своего полновластія, но только по тому, что иначе онъ не могъ бы совершить своей реформы. Возводить же свой цезаризмъ въ принципъ, въ систему онъ никогда не думалъ. Его идеаломъ былъ слѣдующій типъ государственнаго управленія: вопервыхъ одно высшее, полноправное учрежденіе—сенатъ, и вовторыхъ совершенно самостоятельное областное управленіе съ самымъ широкимъ вліяніемъ земскаго, выборнаго начала. При этомъ благоустройство провинцій предполагалось отдать въ полное распоряженіе дворянъ, а городовъ — городскаго сословія. Съ этою цѣлью городамъ дана была собственная, независимая городская полиція, собственное управленіе и судъ съ полною гарантіей

отъ вмѣшательства бюрократіи, по всѣмъ не только сословнымъ, но и гражданскимъ и даже уголовнымъ дѣламъ. Такое же широкое самоуправленіе предполагалось и для провинцій учрежденіемъ выборныхъ изъ дворянъ, ландратскихъ коллегій и земскихъ коммисаровъ и другими мѣрами, къ числу которыхъ авторъ причисляетъ и учрежденіе майората. «Мысль эта, — замѣчаетъ авторъ, — правда, была весьма нераціональна; но во всякомъ случаѣ и она свидѣтельствуетъ, что Петръ вовсе не былъ расположенъ ко всеуравнивающей, всесглаживающей системѣ бюрократіи, а ожидалъ развитія государства отъ созданія въ немъ крѣпкихъ, самостоятельныхъ сословій». Вотъ, говоритъ авторъ, къ чему считалъ насъ способными Петръ еще полтораста лѣтъ тому назадъ и вотъ что было извращено его преемниками, дѣйствительными отцами и матерями «петербургскаго» періода нашей исторіи.

Повторяю, статья написана ловко, нужные автору факты сгруппированы удачно. Въ статьѣ ищутся и находятся слѣды Петра. Но я не думаю, чтобы это были подлинные слѣды Петра; я не думаю даже, что послѣдніе могутъ быть отысканы при помощи пріема, употребляемаго авторомъ іюньскаго внутренняго обозрѣнія «Вѣстника Европы». Несомнѣнно, что Петръ не былъ ни систематическимъ деспотомъ по принципу, ни блюстителемъ династическихъ интересовъ, — послѣднее онъ доказалъ слишкомъ хорошо. Но кромѣ этого въ изслѣдованіи нашего автора едвали есть что нибудь несомнѣнное. Ища слѣдовъ Петра, нашъ авторъ развертываетъ передъ нами отчетливую программу русской конституціи, а это именно и подозрительно. Если Петръ не былъ систематическимъ деспотомъ, то точно также не былъ онъ и систематическимъ либераломъ. Можно конечно при извѣстномъ искусствѣ сгруппировать факты изъ дѣятельности Петра такъ, что на нихъ самъ собою напросится ярлыкъ какого-нибудь изъ современныхъ политическихъ принциповъ: цезаризма или конституціонализма, централизаціи или самоуправленія, деспотизма или либерализма. Но никакихъ такихъ принциповъ Петръ не зналъ и всякая система, и по личному его духу,

и по свойствамъ его задачи, была ему совершенно чужда. Отыскивать ее, да еще въ такихъ рѣзкихъ контурахъ, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, совершенно тщетно. Различныя мѣры Петра, къ которымъ можетъ быть пришпиленъ ярлыкъ какого-нибудь современнаго политическаго принципа, представляютъ собою не болѣе, какъ ощупью искомыя—и потому часто противорѣчивыя—средства для достиженія одной великой цѣли. Найдите самую общую формулу этой цѣли, и вы найдете дѣйствительные слѣды Петра. Но допустимъ, что вы найдете что нибудь цѣнное и безъ такой общей формулы. Положимъ, что Петръ дѣйствительно имѣлъ тотъ самый идеалъ государственнаго управленія, какой нарисованъ авторомъ іюньскаго внутренняго обозрѣнія «Вѣстника Европы». Эта находка будетъ имѣть по всей вѣроятности только историческое значеніе. Конечно люди, для которыхъ не писанъ законъ вообще, могутъ презирать и законъ исторической перспективы. Но достаточно самыхъ слабыхъ понятій о теоріи вѣроятностей, чтобы разсудить, что конституціонный идеалъ середины прошлаго столѣтія имѣетъ весьма мало шансовъ оказаться идеаломъ современнаго государственнаго строя. Петръ могъ находить, что во Франціи его времени все, кромѣ наукъ и искусствъ, «воняетъ». Но этотъ приговоръ есть, какъ историческій фактъ, одно дѣло, а какъ «слѣды Петра», какъ нѣчто такое, чему мы должны слѣдовать, — другое дѣло. Идти по слѣдамъ Петра вовсе не значитъ попугаеобразно повторять все, что онъ говорилъ, и продѣлывать все, что онъ дѣлалъ. Я ужь не говорю о дикихъ попойкахъ и циническихъ забавахъ Петра, благо въ этомъ «слѣдовъ» никто и не видитъ. Но Петръ, напримѣръ, именно въ сферѣ государственнаго управленія заимствовалъ многое изъ тѣхъ самыхъ остзейскихъ порядковъ, которые, за смертью «Вѣсти», всѣми нашими публицистами порицаются. Но это еще не значитъ, чтобы для нашихъ публицистовъ было невозможно шествіе по слѣдамъ Петра, даже въ той-же самой области государственныхъ идей. А еще остзейскіе порядки выдержали со временъ Петра, въ сравненіи съ тѣмъ, что пережила съ тѣхъ поръ Франція, ко-

нечно ничтожныя перемѣны. Я не знаю,—можетъ быть Петръ, еслибы онъ жилъ, и теперь сказалъ бы, что все во Франціи воняетъ. Но я знаю навѣрное, что онъ сказалъ бы это не потому, что онъ нашелъ во Франціи вонь въ 1717 году. При такомъ способѣ разсужденія мы непремѣнно придемъ къ тому странному результату, что идти по слѣдамъ Петра значитъ быть попугаемъ, которому все равно, кто бы ни вошелъ въ комнату, — г. Буренинъ или Сократъ, онъ знай себѣ кричитъ: дуракъ пришелъ! Петръ былъ конечно всего менѣе попугай. Это одна изъ оригинальнѣйшихъ личностей въ нашей исторіи, и, какъ ни парадоксально это можетъ показаться, но идти по слѣдамъ Петра во многихъ случаяхъ значитъ дѣйствовать и разсуждать совсѣмъ не такъ, какъ дѣйствовалъ и разсуждалъ въ свое время Петръ. Именно потому, что онъ дѣйствовалъ и разсуждалъ въ свое время, а мы въ свое. Въ высшей степени мала вѣроятность, чтобы въ какой нибудь, даже частной области комбинація народныхъ и государственныхъ силъ и потребностей настоящаго времени оказалась тождественною съ соотвѣтственною комбинаціей временъ петровскихъ. Упускать это изъ виду значитъ, между прочимъ, унижать Петра; значитъ предполагать, что онъ всею своею дѣятельностью не пошатнулъ современную ему комбинацію общественныхъ силъ.

И такъ пріемъ исканія слѣдовъ Петра, который употребляется г. Незнакомцемъ, отчасти авторомъ іюньскаго внутренняго обозрѣнія «Вѣстника Европы» и весьма многими другими, — это вообще самый употребительный пріемъ, — содержитъ въ себѣ клевету на исторію и Петра, отрицаніе реформы и цѣлую массу противорѣчій. Есть только одно средство выдти изъ этихъ противорѣчій,—найти общую формулу дѣятельности Петра, формулу цѣли, формулу на столько общую, чтобы она, объясняя его дѣятельность, давала указанія и для нашей. Я ожидалъ, что ко дню петровскаго юбилея кто нибудь изъ нашихъ даровитыхъ историковъ приготовитъ такую работу. Естественнѣе всего было ждать чего-нибудь подобнаго отъ «Вѣстника Европы», въ которомъ группируются наши лучшія силы по части исторіи. Но «Вѣстникъ

Европы», къ сожалѣнію, ограничился напечатаніемъ записки о мѣстѣ кончины Петра съ присовокупленіемъ проекта новой часовни, затѣмъ «Малороссійскими эмигрантами» и ловкимъ, но по самому замыслу своему фальшивымъ внутреннимъ обозрѣніемъ. Я ждалъ отъ нашихъ историковъ, между которыми есть и теоретики, и талантливые художники-психологи, двухъ работъ, которыя разумѣется въ принципѣ могли бы быть слиты въ одну. Я ждалъ вопервыхъ новой, яркой, сильной характеристики личности Петра. Эта монументальная фигура, стоящая на главномъ, такъ сказать, водораздѣлѣ русской исторіи, этотъ царственный революціонеръ, этотъ азіатъ-европеецъ, этотъ дикарь, способный къ самымъ высокимъ и нѣжнымъ чувствамъ, этотъ работникъ на тронѣ, до сихъ поръ еще не ясенъ русскому обществу. Эта фигура, хоть надъ ней и много работали, и до сихъ поръ еще состоитъ изъ отдѣльныхъ кусковъ, несложенныхъ, неспаянныхъ, неохваченныхъ одною общею идеею. И я думаю, что большинство общества не знаетъ Петра, какъ личности, какъ характера, очевидно выкроеннаго руками природы и русской исторіи изъ цѣльнаго куска и въ то же самое время полнаго повидимому противорѣчій. Двухсотлѣтній юбилей рожденія Петра не принесъ съ собой ничего такого, что̀ помогло-бы разрѣшить эти противорѣчія, а между тѣмъ Петръ — субъектъ, въ высшей степени любопытный даже въ чисто-психологическомъ отношеніи. Другая работа, которой я ждалъ отъ русскихъ историковъ, состоитъ въ уясненіи вышеупомянутой общей формулы общественной дѣятельности Петра. Ничего и такого не явилось. Надо идти назадъ, къ сороковымъ годамъ, чтобы найти слѣды «слѣдовъ Петра» въ ихъ общемъ выраженіи.

Глубокомысленные авторы передовыхъ статей «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Міра», приглашая идти по слѣдамъ Петра, ссылаются на Соловьева и Устрялова. Я буду цитировать просто журнальную статью г. Кавелина «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» (Сочиненія, т. I). Заговоривъ объ этой статьѣ, я такъ сказать трогаю локтемъ новое сочиненіе г. Кавелина «Задачи психологіи», печатавшееся сначала въ

«Вѣстникѣ Европы» и теперь вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ. Оцѣнка этого произведенія не входитъ въ планъ моей статьи. Я скажу только одно: г. Кавелинъ считаетъ «Задачи психологіи» нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ «Взгляда». Я, равно какъ и многіе другіе, привыкшіе съ почтеніемъ относиться къ трудамъ г. Кавелина, глубоко сожалѣю, что онъ написалъ продолженіе, ни въ какомъ отношеніи не достойное начала. Когда въ 1864 или въ 1865 году г. Кавелинъ писалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» свои неудачныя статьи объ «Уголовно-статистическихъ этюдахъ» г. Неклюдова, мы думали, что это просто плодъ минутнаго, необдуманнаго увлеченія. Оказывается, что высказанныя тогда почти ребяческія воззрѣнія на психическую жизнь въ связи съ этическими задачами развились въ цѣлую систему. Это весьма огорчаетъ многихъ, помнящихъ заслуги г. Кавелина передъ русскимъ обществомъ. Что касается до «Взгляда на юридическій бытъ древней Россіи», то конечно и самъ авторъ измѣнилъ бы въ немъ теперь многія, даже весьма важныя частности: 1846 годъ не вчера былъ. Но для меня важно только то философско-историческое построеніе, которое лежитъ въ основѣ «Взгляда», и ужь конечно за болѣе полное развитіе авторомъ этого построенія можно бы было отдать десять «Задачъ психологіи».

Древній міръ не зналъ идеи личности. Человѣкъ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей, въ древности ничего не значилъ и былъ, можно сказать, совсѣмъ неизвѣстенъ. Даже древнія религіи, будучи мѣстными, національными, исключительными, не давали никакой цѣны человѣку, какъ человѣку. Онѣ брали подъ свое покровительство человѣка, только какъ члена извѣстной группы. Христіанство дало совершенно новый толчокъ исторіи. Оно породило мысль о безусловномъ достоинствѣ человѣка и человѣческой личности внѣ стихійно установившихся узкихъ опредѣленій. «Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ — господиномъ ихъ». Съ этихъ поръ для всѣхъ народовъ, несмотря на болѣе или менѣе долгія остановки, ошибки и заблужденія,

установилась одна цѣль: «безусловное признаніе достоинства человѣка, лица, и всестороннее его развитіе». Но къ этой цѣли, сообразно различію историческихъ условій, народы идутъ различными путями. Несходны были пути Россіи и Европы. Но съ Петра Великаго эти пути соединяются.

Отличительная черта древней русской жизни есть полное отсутствіе юридической опредѣленности. «Напрасно станемъ мы искать въ ней власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига. При всей ограниченности онъ представляетъ многія прекрасныя черты. Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, какъ потомъ, не было еще различія между «моимъ» и «твоимъ»—источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ; всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ». Это былъ бытъ чисто-семейный, кровный, стихійный. Въ созиданіи его не участвовали мысль, сознаніе. Но именно потому онъ былъ не только неопредѣленъ, а и непроченъ. Онъ заключалъ въ самомъ себѣ задатки разрушенія. Самъ собою, по мѣрѣ расширенія семей и родовъ, кровный бытъ долженъ былъ распадаться. Вскорѣ званіе старѣйшины пришлось сдѣлать выборнымъ, вмѣстѣ съ чѣмъ выдвигалось начало личности, личнаго достоинства. Образовались въ поселеніяхъ вѣча. Но во всемъ этомъ все-таки весьма мало было юридически установившагося. Только съ развитіемъ и усиленіемъ Москвы, чисто отвлеченное лицо — государство, а вмѣстѣ съ нимъ и начало личности стали окончательно затирать собою кровныя, стихійныя общественныя узы. Только съ этихъ поръ мысль и нравственные интересы замѣнили собою родство, какъ основаніе общественнаго быта. Въ XVII столѣтіи личное начало было уже выработано нашей исторіей, личность освободилась отъ ига природы и кровнаго быта. Но эту независимость личность получила не сознательно, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе стихійнаго хода вещей. Поэтому она оставалась бездѣятельною, въ ладу съ несоотвѣтствовавшею ей обстановкою. Долго это не

могло тянуться. «Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы *и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего*». Но неразвитость и бессодержательность личности ручались за то, что она не могла начать дѣйствовать совершенно самостоятельно. Она должна была начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Таковъ, по мнѣнію г. Кавелина, въ самыхъ общихъ чертахъ, ходъ русской исторіи до Петра. Развитіе Европы шло иначе. Тамъ съ самаго начала личный элементъ получилъ широкое развитіе. Начало личности сказалось уже въ германскихъ дружинахъ, въ этихъ вольныхъ, сознательныхъ, юридическихъ, а не кровныхъ и стихійныхъ, какъ у славянъ, союзахъ. Этимъ личнымъ началомъ проникнуты и новыя государства, основанныя германцами. Правда, этотъ личный элементъ грубъ, проникнутъ эгоизмомъ, не похожъ на христіанскій идеалъ. «Но мало-по-малу, подъ разнообразными формами, повидимому неимѣющими между собою ничего общаго или даже противоположными, воспитывается *человѣкъ*. Изъ области религіи мысль о безусловномъ его достоинствѣ постепенно переходитъ въ міръ гражданскій и начинаетъ въ немъ осуществляться. Тогда чисто-историческія опредѣленія, въ которыхъ сначала сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются, въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ, котораго цѣль—всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначилась. Достиженіе ея—въ будущемъ».

И такъ у насъ не было начала личности. Но древняя жизнь его создала, а съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого-то мы такъ тѣсно сблизились съ Европой, ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени пришла къ одной цѣли съ нами. «*Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ, тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ*, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ *человѣку* и пересоздавала это общество. Въ ней насту-

палъ тоже новый порядокъ вещей, противоположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ національному. *А у насъ вмѣстѣ съ началомъ личности человѣкъ прямо выступалъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала и слѣдовательно не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій....* И въ Европѣ и у насъ рѣчь шла тогда о *человѣкѣ;* сознательно или безсознательно — это все равно. Бо́льшая развитость, бо́льшая сознательность была причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ и только что началъ жить съ XVIII вѣка. И такъ вся разница только въ предыдущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь — одинъ. Это совпаденіе началось уже со времени петровской реформы. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи».

Я считаю эту философско-историческую схему весьма замѣчательною, въ особенности въ виду бѣдности русской исторической литературы по части широкихъ общихъ выводовъ. И потому мнѣ было бы очень прискорбно, еслибы я опустилъ что нибудь существенное въ изложеніи основной мысли г. Кавелина. Его «Взглядъ» давно уже считается очень цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу, но я осмѣливаюсь думать, что онъ все-таки цѣнится ниже своего достоинства.

Но можетъ быть читатель недоволенъ тѣмъ, что въ «замѣткахъ» своихъ я преслѣдую его отвлеченными, теоретическими

вопросами, что я выкапываю статью 1846 года ради ея теоретическаго философскаго значенія. Можетъ быть читатель ждетъ отъ историка ярко расцвѣченной картинки, а отъ публициста— нырянія, зажмуря глаза, въ омутъ чисто-практическихъ вопросовъ. Это очень вѣроятно. Далеко ушли отъ насъ тѣ времена, когда г. Кавелинъ писалъ свой «Взглядъ». Тогда, можетъ быть по отсутствію достаточно захватывающей практической дѣятельности, любили теоретизировать и философствовать; теперь мы стали практиками, теперь намъ теоріями и отвлеченностями заниматься некогда. Теперь составилось даже очень либеральное объясненіе отлыниванья отъ теоріи. Говорятъ: кругомъ насъ кипитъ практическая жизнь, требуются руки и головы на разрѣшеніе вопросовъ, довлѣющихъ злобѣ дня. Заниматься отвлеченностями значитъ теперь предаваться тонкой умственной гастрономіи насчетъ народа, требующаго прочно гарантированнаго куска хлѣба. Говорятъ: послужимъ народу прямо, практически, дѣломъ. Читатель, зажмите ротъ тому, кто вамъ говоритъ это. Онъ или лицемѣритъ или не вѣдаетъ, что говоритъ. Есть сферы мысли, витаніе въ которыхъ дѣйствительно составляетъ не болѣе какъ умственную гастрономію, безсознательно преступную. Но эти сферы осуждены самою наукою, въ нихъ даже не легко забраться извнѣ. Но если вы вздумаете нырнуть въ омутъ практическихъ вопросовъ, зажмуря глаза, т.-е безъ прочнаго теоретическаго базиса, то, какими бы чистыми и высокими планами вы ни задавались, ваше служеніе народу окажется медвѣжьей услугой. Вы не народу русскому служить будете, а первому встрѣчному «нужному» человѣку, который уже разумѣется съумѣетъ обойти васъ. Вы не только не гарантируете народу куска хлѣба, но поможете нужному человѣку вырвать кусокъ хлѣба прямо изо рта у народа. Только прочный теоретическій базисъ дастъ вамъ возможность разсѣкать явленія на ихъ составныя части и отличать въ нихъ дѣйствительно бѣлое отъ дѣйствительно чернаго, помимо привычныхъ формулъ и словъ, сплошь и рядомъ только затемняющихъ положеніе вещей. Только прочный теоретическій базисъ дастъ вамъ возможность открывать сходство въ

явленіяхъ, на первый взглядъ ни мало несходныхъ. А разъ вы будете умѣть производить эти двѣ операціи, т.-е. анализъ и сравненіе явленій, васъ не проведетъ уже ни одинъ нужный человѣкъ. Добывайте-же себѣ этотъ базисъ, добывайте во что бы то ни стало и прежде всего. Это дѣло вовсе не трудное въ сравненіи съ цѣнностью тѣхъ результатовъ, которые оно за собой повлечетъ и для васъ самихъ, и для всѣхъ окружающихъ васъ, и для всего, что вамъ свято и дорого. Вотъ почему я васъ приглашаю остановиться между прочимъ и на философско-исторической теоріи г. Кавелина. Мы сейчасъ увидимъ, что она имѣетъ цѣну и непосредственно для практическихъ вопросовъ.

Во «Взглядѣ» г. Кавелина бросается въ глаза нѣкоторая неопредѣленность терминологіи, вводящая повидимому въ ошибки и самаго автора, а тѣмъ болѣе могущая сбить читателя. Впрочемъ все необходимое для исправленія дѣла можетъ быть почерпнуто изъ самого-же «Взгляда». Г. Кавелинъ то противопоставляетъ, то отождествляетъ понятія «личности» и «человѣка». Не будь этой неопредѣленности, мы бы увидѣли, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходства между теченіемъ русской и европейской жизни гораздо больше, чѣмъ то кажется г. Кавелину, а въ другихъ отношеніяхъ гораздо меньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ и «слѣды Петра» получатъ нѣсколько иное значеніе. Собственно говоря, нельзя утверждать, — можетъ быть г. Кавелинъ и самъ теперь согласится съ этимъ,—что германскіе народы сразу принесли съ собою начало личности въ Европу. Но безъ сомнѣнія начало это во всякомъ случаѣ развилось у нихъ гораздо быстрѣе и интенсивнѣе, чѣмъ у насъ. Далѣе значеніе христіанства, какъ историческаго фактора, слишкомъ велико, чтобы его надо было преувеличивать, а авторъ его очевидно преувеличиваетъ. Это видно уже изъ того, что онъ вовсе почти не упоминаетъ о немъ, когда слѣдитъ за ходомъ русской исторіи. И спрашивается, почему-же такой всеопредѣляющій факторъ не сгладилъ различія между русскою и европейскою исторіей задолго до Петра и его реформы? Поэтому мы и помимо христіанства можемъ очень удобно разсуждать о томъ, что̀ такое личность и что̀ такое че-

ловѣкъ. Повидимому, мысль автора слѣдуетъ понимать такъ. Въ отдаленной древности вездѣ судьба человѣка и общественный бытъ управляются чисто-фатальными, стихійными условіями. Человѣкъ живетъ въ извѣстной мѣстности, родится отъ извѣстнаго отца и матери, имѣетъ братьевъ, сестеръ и т. д. Эти условія, не имъ созданныя, кладутъ на него свою печать. Его личная творческая дѣятельность ничтожна, онъ ничего не выбираетъ. Съ теченіемъ времени онъ начинаетъ избирать себѣ и товарищей, и начальниковъ, и мѣсто жительства, и родъ занятій. Это уже прозывается личность, личная мысль, личное сознаніе. Но, сбрасывая съ себя одно стихійное ярмо за другимъ, личное начало можетъ принять двоякое направленіе. Оно можетъ «поставить себя безусловнымъ мѣриломъ всего» и не признавать надъ собою никакихъ ограниченій, ни старыхъ, стихійныхъ, ни новыхъ, сознательныхъ. Это будетъ чисто-эгоистическое начало, могущее возникнуть только при узкой сферѣ интересовъ и односторонности задачъ, при «односторонніхъ историческихъ опредѣленіяхъ», какъ выражается г. Кавелинъ. Это направленіе слишкомъ эгоистично, чтобъ можно было сомнѣваться въ томъ, что оно *лично*. И въ то же время оно слишкомъ односторонне, чтобы его можно было признать *человѣчнымъ*. Но развитіе личнаго начала можетъ принять и другое направленіе. Человѣкъ можетъ разбить стихійныя оковы, налагаемыя на него, напримѣръ, родствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчиниться сознательно избраннымъ ограниченіямъ, напримѣръ, товарищества. Смотря по бо́льшей или меньшей широтѣ условій, въ которыя при этомъ попадетъ человѣкъ, его развитіе приметъ направленіе болѣе или менѣе *человѣчное*. Вотъ, мнѣ кажется, что хотѣлъ сказать авторъ «Взгляда» своимъ противопоставленіемъ идей личности и человѣка. Но такъ-какъ въ чистомъ, исключительномъ видѣ эти двѣ идеи еще никогда не осуществлялись, то на различныхъ промежуточныхъ формахъ онѣ могутъ и совпадать. Надо признать относительность той и другой идеи. А если такъ, то намъ придется нѣсколько измѣнить построеніе г. Кавелина съ фактической стороны. Нельзя согласиться съ нимъ, что въ петров-

ское время Европа «развивши начало личности до-нельзя, во всѣхъ его историческихъ, тѣсныхъ опредѣленіяхъ, стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ *человѣку*». Петръ далеко не дожилъ до такого времени. Еще философія XVIII вѣка, еще первая революція работали все надъ тѣмъ-же одностороннимъ усиленіемъ личнаго начала, которое продолжаетъ усиливаться и понынѣ, правда, уже вызывая грозную реакцію. Въ этомъ все горе, вся бѣда Европы. Петръ и предвидѣть не могъ ничего подобнаго. Но Петръ точно чутьемъ понималъ опасность нѣкоторыхъ сторонъ исключительно личнаго начала. Ему при этомъ много помагало положеніе Россіи. Въ Россіи дѣйствительно *личность* и *человѣкъ* могли почти безпрепятственно выступить на арену исторіи вмѣстѣ, именно потому, что личность до Петра едва существовала и слѣдовательно никакихъ «историческихъ опредѣленій»имѣть не могла. Дѣйствительно, вся частная жизнь Петра и вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія въ русской исторіи начала личности не въ смыслѣ того направленія, которое она приняла отчасти при немъ, а въ особенности послѣ него въ Европѣ, а въ смыслѣ *человѣчности*. Вотъ искомая общая формула дѣятельности Петра. Петръ былъ выше Европы. И при исканіи «слѣдовъ Петра» необходимо имѣть это въ виду. Возьмемъ нѣсколько, по возможности разнообразныхъ примѣровъ изъ жизни и дѣятельности Петра, чтобы нагляднѣе уяснить себѣ его задачу.

Припомнимъ вопервыхъ его знаменитыя слова въ письмѣ къ царевичу Алексѣю: «Я за отечество и за подданныхъ моихъ жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то неужели пожалѣю тебя. Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный». Здѣсь слышится голосъ человѣка, рѣшительно и безповоротно покончившаго со стихійнымъ началомъ родства. Но здѣсь нѣтъ личности, ставящей себя «безусловнымъ мѣриломъ всего». Петръ сбрасываетъ иго кровныхъ и династическихъ интересовъ, но онъ немедленно же сознательно налагаетъ на себя иго «отечества и подданныхъ», ради которыхъ онъ дѣйствительно «жизни не жалѣлъ».

Любопытно, что Петръ, будучи очень близокъ съ Лейбницемъ, ни малѣйше не увлекался его метафизикой. И это совершенно понятно. Метафизика ставитъ личность въ полномъ смыслѣ «безусловнымъ мѣриломъ всего». Это было нѣчто совершенно чуждое и духу и задачѣ Петра. Петръ порѣшилъ съ предразсудками и суевѣріемъ. Онъ грубо и цинически топталъ ихъ своимъ «всешутѣйшимъ соборомъ» и т. п. Но, сбрасывая это иго, Петръ не распускалъ личность, не оставлялъ ее въ безвоздушномъ пространствѣ своеволія: онъ наложилъ на нее иго науки.

Петръ желалъ развитія промышленности, но идея безусловной частной собственности, безусловнаго господства личности надъ предметами общей необходимости была ему совершенно чужда. Это ясно видно изо всей его дѣятельности. Приведемъ слѣдующій примѣръ. Горное и металлургическое производство было до Петра въ рукахъ землевладѣльцевъ. Петръ взялъ его въ руки государства. Затѣмъ онъ разрѣшилъ разработку минераловъ и частнымъ лицамъ, но на слѣдующихъ условіяхъ. Въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіума говорится: «Намъ однимъ, яко монарху, принадлежатъ рудокопные заводы; но мы по любви къ нашимъ подданнымъ милостиво соизволяемъ употребленіе ихъ каждому и всѣмъ вообще, кто имѣетъ къ тому охоту». Далѣе всѣмъ и каждому даровалось право производить всякія горныя и металлургическія работы *безразлично на своихъ или на чужихъ земляхъ*, «дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось».

Любопытно начало этого указа: «Намъ однимъ» и т. д. Ужь конечно этотъ царь-плотникъ, царь-матросъ, дѣлавшій себѣ какую-то странную потѣху изъ «кесаря» Ромодановскаго, не кичился своимъ положеніемъ. Отъ этого «Намъ однимъ» не отдаетъ также и деспотизмомъ. Утверждать это было бы такъ же легкомысленно, какъ видѣть въ Петрѣ систематическаго либерала нынѣшняго чекана съ программою сената и «крѣпкихъ, самостоятельныхъ сословій». Коллизія обстоятельствъ заставляла Петра сплошь и рядомъ, за невозможностью создать новую

узду для исключительно личнаго начала, для безусловнаго измѣренія всего однимъ этимъ началомъ — оставлять въ полной неприкосновенности, даже сильнѣе затягивать старую узду. Таковъ именно смыслъ указа объ учрежденіи бергъ-коллегіума и безчисленнаго множества другихъ. Требуется развить горнозаводское дѣло. Если предоставить его на волю безусловной частной собственности, то «божіе благословеніе будетъ подъ землей втунѣ пропадать». И вотъ Петръ ломаетъ идею частной собственности. А чѣмъ могъ онъ мотивировать такую ломку, какъ не тѣмъ, что «намъ однимъ, яко монарху, принадлежатъ рудокопные заводы»? Но онъ только пропускаетъ, такъ сказать, сквозь свою монаршую волю это право владѣнія заводами и затѣмъ отдаетъ его безразлично всякому желающему и умѣющему вести дѣло.

Задача Петра была трудна и громадна. Ему предстояло разбудить личность, сбросить съ нея старыя стихійныя оковы, но немедленно же указать ей новыя границы. Здѣсь и слѣдуетъ искать «слѣдовъ Петра». Мы не найдемъ при этомъ слѣдовъ, въ такой мѣрѣ ясныхъ и опредѣленныхъ, чтобы они давали намъ готовую, полную и опредѣленную програму дѣйствій. Отъ такихъ требованій надо совершенно отрѣшиться. Петръ былъ бы безумцемъ, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ надѣялся провести программу, подобную той, какая ему приписывается авторомъ іюньскаго внутренняго обозрѣнія «Вѣстника Европы». Могъ ли онъ разсчитывать дѣйствительно опереться на сенатъ, которому вынужденъ былъ читать такія наставленія: «Никому въ сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которые не касаются службѣ нашей, меньше же кому дерзновеніе имѣть бездѣльными разговорами или шутками являться; но надобно вѣдать, что есть оное мѣсто сочинено, гдѣ поступать подобаетъ со всякою надлежащею учтивостью». Могъ ли онъ дѣйствительно опереться на дворянское самоуправленіе? Г. Романовичъ-Славатинскій такъ характеризуетъ отношеніе дворянъ того времени къ мѣстному самоуправленію: «Дворянина тянуло въ деревню не для того, чтобы пріобрѣсть въ ней авторитетъ

и значеніе въ средѣ собратовъ землевладѣльцевъ, не для того, чтобы участвовать въ управленіи родною мѣстностью. Въ деревню его тянуло, чтобы *полежебокствовать*, чтобы насладиться привольемъ и покоемъ сельской жизни, чтобы показать дворянскую волю надъ холопами и дать разгуляться страстямъ и инстинктамъ, сдерживаемымъ дисциплиной царской службы. Понятно то безучастіе, какое показало мѣстное шляхетство къ выбору такой важной мѣстной должности, какъ должность земскаго коммисара. На выборы въ эту должность шляхество вмѣсто себя посылало своихъ прикащиковъ, что возбранялось указомъ 1724 года, предписывавшимъ выбирать самимъ помѣщикамъ, а въ выборѣ тѣхъ коммисаровъ прикащикамъ не быть (№ 4,458). Но указы не могли породить въ шляхетствѣ интереса къ выборамъ, на которые оно продолжало смотрѣть, какъ на тяжелую обязанность, отъ которой старалось *отлынивать*, какъ *отлынивало* отъ обязательной службы» (Дворянство въ Россіи, 408).

Петръ могъ конечно ошибаться и часто ошибался, но онъ слишкомъ хорошо зналъ современное ему русское общество, чтобы возвести въ систему такую ошибку какъ конституціонная программа XIX вѣка въ грубой и неразвитой Россіи XVIII вѣка. Хотя несомнѣнно, что въ числѣ другихъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей онъ пускалъ въ ходъ и самоуправленіе. Точно также онъ въ случаѣ надобности не постѣснился бы, и дѣйствительно не стѣснялся, вмѣшаться въ зачатки самоуправленія своею державною волею. Въ числѣ другихъ ощупью отыскиваемыхъ мѣръ Петръ схватился и за институтъ майората. Но не надо забывать, что у насъ это не былъ институтъ исключительно дворянскій, какъ въ Европѣ; ибо по мысли Петра майоратъ распространялся не только на поземельную, а и на движимую собственность, слѣдовательно былъ равно обязателенъ для всѣхъ сословій. Учрежденіе майората мотивировалось для Петра не только желаніемъ сохранить отъ раззоренія дворянскія фамиліи, а и чисто государственными цѣлями,— удобствомъ сбора податей и привлеченіемъ младшихъ сыновей

къ государственной службѣ и другимъ занятіямъ, и заботами о крестьянахъ. При этомъ Петръ разсуждалъ такъ: дѣти богатаго отца привыкли жить роскошно, а между тѣмъ, въ силу раздробленія наслѣдства, оказываются бѣдняками, обременяющими, для удовлетворенія своихъ широкихъ потребностей, крестьянъ поборами. Петръ не зналъ дилеммы: «всеуравнивающая, всесгла живающая бюрократія», или «крѣпкія, самостоятельныя сословія». По самому положенію своему, онъ долженъ былъ пробовать очень разнообразныя комбинаціи власти и свободы, между которыми особенно любопытно учрежденіе «фискаловъ». Это были областные прокуроры, выборныя лица, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за дѣйствіями мѣстной администраціи. Эти фискалы не были учрежденіемъ сословнымъ. Напротивъ, они могли быть всякаго «чина», лишь бы былъ человѣкъ «добрый». Да и вообще Петръ былъ слишкомъ проникнутъ государственною идеею, которая впрочемъ не была для него ни династическою, ни полицейскою идеею, чтобы навязать личности тѣсныя сословныя границы. Его задача состояла въ томъ, чтобы вывести на арену исторіи не узкую, ограненную односторонними сословными интересами *личность*, а всесторонняго *человѣка*. Самъ Петръ служилъ интересамъ не династіи, а русскаго народа. Поэтому ему вполнѣ естественно было требовать отъ другихъ служенія тому-же русскому народу, а не тому или другому сословію. Конечно онъ могъ, въ видѣ временной мѣры, требовать хотя какого нибудь разширенія личныхъ интересовъ, хотя бы въ предѣлахъ сословія или родной мѣстности. Но разумѣется Петръ глубоко понималъ, что это только временная мѣра, и очень удивился бы, еслибы узналъ, что ко дню его двухсотлѣтняго юбилея этотъ этапъ, эта станція обратилась въ цѣль путешествія.

Задача Петра была такъ широка, дѣятельность его была такъ многосторонняя и сталкивалась съ такими трудностями, что представитель любой современной политической доктрины можетъ не безъ успѣха навязать ему свое ученіе. Но можно конечно a priori сказать, что такой пріемъ объясненія дѣятель-

ности Петра приведетъ къ грубымъ ошибкамъ. Многимъ можетъ показаться, что принимаясь за дѣло этимъ способомъ, можно во́ всякомъ случаѣ придти къ чему-то вполнѣ ясному и осязательному, тогда какъ выведенная мною изъ «Взгляда» г. Кавелина формула дѣятельности Петра обща до безсодержательности. Но ясность результатовъ, добытыхъ первымъ способомъ, есть оптическій обманъ, нѣчто фальшивое въ самомъ основаніи своемъ. Вы получаете какъ будто очень много, тогда какъ въ сущности не получаете ровно ничего, или по крайней мѣрѣ не больше чѣмъ отъ «Малороссійскихъ эмигрантовъ при Петрѣ». Напротивъ общая формула, въ родѣ Кавелинской, и не пытается дать вамъ что нибудь рѣзко очерченное, ибо именно съ ея точки зрѣнія все рѣзко очерченное будетъ въ данномъ случаѣ фальшфейеромъ. Она вамъ самимъ предоставляетъ анализомъ современныхъ условій привести въ ясность вопросъ о «слѣдахъ Петра». Она не безсодержательна, а только не берется за невозможное дѣло: связать двѣ историческія точки, отстоящія одна отъ другой на 150 лѣтъ, вполнѣ опредѣленными частностями. Сбрасывая съ себя и съ Россіи иго всего стихійнаго, фатальнаго, безсознательнаго, Петръ не выпустилъ ни свою и никакую другую личность въ безвоздушное пространство. Онъ сознательно подчинялъ всѣ личные интересы интересамъ русскаго народа. Служите русскому народу, топите всякіе личные интересы въ интересахъ народа,—и вы пойдете по его слѣдамъ. Но вы не пойдете по слѣдамъ Петра, если будете расширять предѣлы отечества или требовать непремѣнно шествія по стопамъ западной цивилизаціи. Хотя въ свое время Петръ и расширялъ предѣлы Россіи и шелъ по стопамъ западной цивилизаціи, дѣлая это единственно въ интересахъ народа, но съ тѣхъ поръ понятія западной цивилизаціи и народа значительно усложнились и подлежатъ новому пересмотру. Только анализомъ этихъ понятій въ ихъ новомъ видѣ можно уяснить себѣ и частности слѣдовъ Петра. Не анализомъ этимъ конечно, а только нѣкоторыми указаніями на него мы займемся сейчасъ. А теперь укажемъ на литературную новость.

Недавно вышелъ заслуживающій нѣкотораго вниманія «Сборникъ» Недѣли «Русскіе общественные вопросы». Прежде всего заслуживаетъ вниманія исторія этого сборника, разсказываемая самими гг. издателями. Вотъ эта интересная и поучительная исторія. Г. Гайдебуровъ и г-жа Конради купили газету «Недѣля» у ея прежняго владѣльца г. Генкеля, въ октябрѣ 1869 года, послѣ шестимѣсячной ея пріостановки. При этомъ г. Генкель остался отвѣтственнымъ редакторомъ газеты, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы по прошествіи извѣстнаго времени онъ былъ замѣненъ другимъ лицомъ. Послѣднее оказалось однако дѣломъ нелегкимъ. Новые издатели представили въ главное управленіе по дѣламъ печати съ разу трехъ лицъ, ходатайствуя объ утвержденіи кого нибудь изъ нихъ отвѣтственнымъ редакторомъ. Всѣ трое были забракованы, точно также и четвертое, и пятое лицо. Между тѣмъ 4 апрѣля 1871 года «Недѣля» получила третье предостереженіе и была снова пріостановлена на шесть мѣсяцевъ. Удовлетвореніе подписчиковъ за этотъ полугодовой перерывъ и составляетъ цѣль сборника «Русскіе общественные вопросы». Но этимъ не окончились мытарства Недѣли. По полученіи третьяго предостереженія г. Генкель сталъ настоятельно требовать исполненія условія относительно замѣны его другимъ отвѣтственнымъ редакторомъ. Впрочемъ издателямъ-сотрудникамъ «Недѣли» удалось уговорить г. Генкеля еще на нѣкоторое время, и съ 4-го октября 1871 г. «Недѣля» стала выходить по прежнему. Дѣло однако шло плохо. Въ 1871 году подписчиковъ было 2,000 слишкомъ, а въ 1872 г. цифра эта упала до 1,500, причемъ нѣкоторые подписчики, высылая только полугодовую плату, выражали прямо увѣренность, что «Недѣля» только полгода и просуществуетъ, въ виду новыхъ административныхъ взысканій. Издатели рѣшились вести дѣло какъ можно осторожнѣе, и дѣйствительно, впродолженіе пяти мѣсяцевъ «Недѣля» никакихъ непріятностей съ цензурой не имѣла. Но въ началѣ марта случился неожиданный казусъ: г. Генкель внезапно уѣхалъ за границу, не предупредивъ объ этомъ никого. Издатели-сотрудники «Недѣли» обратились въ главное управленіе по дѣламъ печати

съ просьбой о разрѣшеніи имъ, впредь до пріисканія и утвержденія новаго редактора, выпускать газету подъ временною отвѣтственностью кого-нибудь изъ нихъ. Но разрѣшенія не послѣдовало и «Недѣля» пріостановилась. Тогда издатели представили новое—по общему счету шестое—лицо для утвержденія его постояннымъ редакторомъ, но опять потерпѣли неудачу. Съ седьмымъ повторилась та же самая исторія. Надо замѣтить, что закономъ не полагается никакого опредѣленнаго срока на собраніе главнымъ управленіемъ нужныхъ ему свѣдѣній о томъ или другомъ кандидатѣ на званіе отвѣтственнаго редактора. Издателямъ-сотрудникамъ «Недѣли» въ прошломъ году пришлось ждать отвѣта относительно одного изъ представленныхъ лицъ—*болѣе полугода*. Между тѣмъ существуетъ постановленіе, по которому «всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но *по какимъ либо причинамъ* непоявлявшееся въ теченіе года, считается прекратившимся, и на возобновленіе онаго требуется новое разрѣшеніе». Положеніе г. Гайдебурова и г-жи Конради очевидно крайне затруднительно. Они вопервыхъ должны изыскивать средства для удовлетворенія подписчиковъ. Далѣе представляя послѣдовательно въ главное управленіе одного редактора за другимъ, они легко могутъ пропустить установленный закономъ годовой срокъ. Наконецъ даже и передать газету въ другія руки имъ крайне трудно. Кто возьметъ газету,—какъ бы ни были скромны требованія ея нынѣшнихъ владѣльцевъ,—кто возьметъ газету, недающую никакого дохода, неимѣющую редактора и въ глазахъ подписчиковъ значительно дискредитированную? Г-г. издатели справедливо замѣчаютъ: «правда, у насъ не часты случаи, подобные настоящему. Но уже одна возможность такихъ положеній, въ которыхъ издатели, безъ всякой съ своей стороны вины, лишаются всего своего имущества, заставляетъ обратить вниманіе на неполноту нашего законодательства о печати». Дѣйствительно, это фактъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься. Вы издаете газету или журналъ безъ цензуры. Въ случаѣ нарушенія законовъ о печати относительно васъ могутъ быть приняты слѣдующія мѣры: 1) судебное преслѣдованіе,

2) предостереженія и пріостановка изданія, 3) запрещеніе розничной продажи нумеровъ, 4) задержаніе нумеровъ изданія до выхода ихъ въ свѣтъ, 5) запрещеніе изданія. Положимъ, вы подверглись всѣмъ этимъ взысканіямъ и наказаніямъ за исключеніемъ послѣдняго и перваго (судебное преслѣдованіе періодическаго изданія есть у насъ къ сожалѣнію величайшая рѣдкость). Наконецъ вы рѣшаетесь вести дѣло какъ можно осторожнѣе и строго блюсти затѣмъ, чтобы не выходить изъ предѣловъ законности, рѣшаетесь однимъ словомъ исправиться. Это вамъ удается и вы мирно и спокойно существуете годъ, два. Но тутъ съ вашимъ редакторомъ, непринимающимъ, собственно говоря, никакого участія въ изданіи, ни въ хозяйственномъ, ни въ литературномъ отношеніи, случается какой нибудь неожиданный казусъ: онъ умираетъ, исчезаетъ за границу, наконецъ просто по личнымъ непріятностямъ съ вами отказываетъ вамъ въ своей подписи. Вы представляете 10 — 20 лицъ, вполнѣ повидимому политически благонадежныхъ, но ни одно изъ нихъ не утверждается. Между тѣмъ проходитъ годъ,—и трахъ!—вы нетолько лишаетесь возможности вести дорогое и привычное вамъ дѣло, но еще вдобавокъ раззоряетесь, а между тѣмъ вы исправились, вы ни въ чемъ не виноваты, вы, положа руку на сердце, можете сказать: откуда мнѣ сіе? Подозрительнымъ людямъ можетъ даже придти въ голову, что эта браковка цѣлаго ряда кандидатовъ на неимѣющее никакого значенія званіе, есть нѣчто преднамѣренное. Но какая же надобность правительству прибѣгать къ такимъ кривымъ путямъ, когда интересы закона такъ прочно гарантированы совокупностью вышеупомянутыхъ взысканій и наказаній? Какая ему, далѣе, надобность раззорять людей, посильно и въ предѣлахъ законности желающихъ послужить отечеству? Будемъ надѣяться, что новый уставъ о печати, котораго мы уже давно ждемъ, доставитъ болѣе солидныя гарантіи собственности издателей и свободѣ прессы. Будемъ надѣяться, что онъ съузитъ предѣлы административныхъ взысканій и замѣнитъ ихъ судебными преслѣдованіями. Будемъ надѣяться, что онъ обусловитъ собою меньшую разборчивость въ дѣлѣ утвержденія от-

вѣтственныхъ редакторовъ, этихъ часто «лицъ безъ рѣчей». Замѣтимъ мимоходомъ, что, несмотря на существующую нынѣ въ этомъ отношеніи разборчивость, то и дѣло слышно объ исчезновеніи отвѣтственныхъ редакторовъ, вмѣстѣ съ чѣмъ сажается на мель предпріятіе и утрачивается довѣріе публики къ новымъ изданіямъ. Такъ исчезли редакторы «Современнаго Обозрѣнія» — г. Тибленъ, «Азіатскаго Вѣстника» — г. Пашино, «Искры» — г. Леонтьевъ. А между тѣмъ это вѣроятно все лица «избранныя». Будемъ надѣяться на новый уставъ:

Вотъ пріѣдетъ баринъ, —
Баринъ насъ разсудитъ...

Впрочемъ, объ этомъ уставѣ ходятъ разнорѣчивые слухи...

Но обратимся къ содержанію сборника «Недѣли». Мы не найдемъ тутъ чего-нибудь очень крупнаго или блестящаго, найдемъ напротивъ не мало слабаго, поверхностнаго и ненужнаго. Но взамѣнъ того мы найдемъ во многихъ статьяхъ сборника задатки трезваго пониманія требованій нашей общественной жизни. Я позволяю себѣ обратить вниманіе читателя на слѣдующія отдѣльныя положенія нѣкоторыхъ сотрудниковъ сборника. Такія мысли не часто встрѣчаются въ русской литературѣ и заслуживаютъ полнаго вниманія.

«Освобожденіе крестьянъ съ землей сдѣлало Россію въ соціальномъ смыслѣ tabula rasa, на которой еще открыта возможность написать ту или другую будущность. Эта возможность начать съ начала и положить зародышъ будущаго развитія возлагаетъ на представителей умственной жизни въ Россіи широкую задачу: руководствуясь опытомъ другихъ странъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, исправленіе которыхъ теперь составляетъ тамъ заботу всѣхъ передовыхъ дѣятелей. Важность этой задачи, выпавшей на долю дѣйствующихъ поколѣній, требуетъ отъ нихъ напряженія всѣхъ умственныхъ силъ, самой добросовѣстной работы, не допускающей никакихъ предвзятыхъ идей, никакого обезьянничества. Все сдѣланное теперь отзовется на всей будущей жизни Россіи; всякій промахъ, всякое легкомысленное рѣ-

шеніе падетъ тяжелымъ проклятіемъ на теперешнее поколѣніе» (А. В. Яковлевъ. Ассоціація и артель, 300).

«Пролетаріатъ къ сожалѣнію дѣйствительно зарождается въ Россіи; можно сказать даже, что онъ ростетъ довольно быстро... Требуется предотвратить язву пролетаріата, свирѣпствующую въ западной Европѣ и угрожающую въ будущемъ Россіи. Излеченіе этой язвы мнѣ всегда казалось такою тяжелою задачею, которая, по крайней мѣрѣ моему уму, моимъ понятіямъ не по силамъ. Но въ то же время я убѣжденъ, что предупрежденіе ея возможно, если только мѣры будутъ приняты во время» (Кн. А И. Васильчиковъ. Ссудосберегательныя товарищества въ Россіи, 315).

Мы отъ души привѣтствуемъ энергическія слова г. Яковлева и тревожныя сомнѣнія кн. Васильчикова. Пора оставить самоуслажденіе юбилейнымъ ораторамъ и застольнымъ поэтамъ. Давно пора. Вопросъ объ общемъ направленіи нашей жизни, затертый разработкою частностей, не есть вопросъ, ни праздный, ни «идиллическій», какъ многіе стараются увѣрить. Его ставитъ сама жизнь и отвертѣться отъ него могутъ только мелкая и въ сущности бездѣльная дѣловитость, да сознательное лицемѣріе. Мы дѣйствительно переживаемъ важную и торжественную минуту, на нашу долю дѣйствительно выпала важная задача. Но минута эта важна не какъ стимулъ для юбилейныхъ тостовъ и ликованія. Она важна потому, что опредѣляетъ собою переломъ въ русской исторіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе важный, чѣмъ переломъ XVIII вѣка, отмѣченный геніальнымъ образомъ Петра. Вотъ мысль, которую намъ особенно хотѣлось бы внушить читателю. Пусть читатель идетъ налѣво, пусть онъ идетъ направо (намъ хотѣлось бы, разумѣется, чтобы онъ избралъ правую сторону), но пусть онъ по крайней мѣрѣ знаетъ что онъ дѣлаетъ. Только сознаніе важности этой цѣли можетъ скрасить невеселую возню съ разными безшабашными рыцарями безпечальнаго образа.

Насъ усердно приглашаютъ идти по слѣдамъ Петра. Намъ усердно жужжатъ, что никакихъ особенныхъ приготовленій для

такого шествованія не требуется, ибо мы и такъ идемъ уже по слѣдамъ Петра. А между тѣмъ мы должны выслушивать такія, напримѣръ, горькія истины. Одинъ изъ сотрудниковъ сборника «Русскіе общественные вопросы», кн. Васильчиковъ говоритъ: «Слово «народный», мнѣ кажется, употреблялось и употребляется весьма часто всуе. *Народнымъ* зовутъ и просвѣщеніе, хотя оно до новѣйшаго времени исключительно обращалось къ образованію средняго и высшаго сословія; *народнымъ* называютъ и продовольствіе, хотя мѣропріятія по этому предмету большею частью доставляли очень скудныя средства и очень незначительному меньшинству населенія; *народнымъ* называли и здравіе, хотя медицинскія пособія до простаго народа весьма рѣдко достигали; наконецъ *народнымъ* называли и кредитъ, хотя онъ давался только подъ залогъ такого имущества, движимаго и недвижимаго, какого у народа нѣтъ, или подъ учетъ такихъ бумагъ, какихъ въ простомъ народѣ въ обращеніи не существуетъ» (306). Помимо горькой иронія, которая заключается въ томъ, что народное здравіе, народное просвѣщеніе, народное продовольствіе, народный кредитъ народу не даются, — это иронія исторіи, виноваты въ ней не мы, не наше поколѣніе, — въ словахъ кн. Васильчикова звучитъ еще одна горькая истина. Та именно, что къ иронія исторіи мы относимся какъ къ чему-то логическому, что намъ нужно разъяснять такія истины. Намъ еще недавно, съ удивительною ясностью лба, доказывали, что въ Россіи существуютъ только два направленія: ретроградное и либеральное, въ которомъ группируются всѣ искренніе друзья народа. Но что такое народъ? Вотъ вопросъ, на который едва-ли въ состояніи будутъ отвѣчать всѣ яснолобые либералы. Для нихъ, какъ выражается Базаровъ, народъ есть тотъ таинственный незнакомецъ, который фигурируетъ въ романахъ г-жи Ратклифъ. Онъ нуженъ, неизбѣженъ, какъ дѣйствующее лицо романа, но снимать съ него покрывало таинственности значитъ разрушать планъ романа. А романъ хорошъ и увлекателенъ. Въ немъ описывается Россія, просвѣщенная, изрѣзанная по всѣмъ направленіямъ желѣзными дорогами, переполненная фабриками и за-

водами, кишащая банками и акціонерными обществами, самоуправляющаяся. Вотъ какими благами засыпанъ въ романѣ яснолобыхъ либераловъ таинственный незнакомецъ. Не разрушать же эту картину ради какихъ-то логическихъ требованій, ради разоблаченія иронiи исторіи, ради устраненія таинственности, когда въ ней именно весь смакъ романа.

Къ счастію, противъ этой таинственности возникаетъ уже нѣкоторая реакція. Появляются люди, умѣющіе анализировать понятіе народа. Кн. Васильчиковъ разсказываетъ очень любопытную исторію о томъ, какъ нѣкоторые финансовые тузы желали пристроиться къ дѣлу народнаго кредита. Кн. Васильчикову и его единомышленникамъ приходилось просить совѣтовъ и указаній у нѣкоторыхъ спеціалистовъ-финансистовъ. Тѣ утверждали, что народный кредитъ невозможенъ, такъ-какъ народъ не можетъ представить никакого обезпеченія. А на возраженіе, что ссуды могутъ обезпечиваться круговою порукою крестьянъ, спеціалисты «отвѣчали улыбкой жалости къ такимъ превратнымъ экономическимъ и финансовымъ понятіямъ». Но тутъ-же «явились и другіе финансисты съ болѣе практическими или спекулятивными соображеніями, которые предлагали въ этомъ случаѣ свои услуги для основанія центральнаго банка въ помощь ссуднымъ товариществамъ и разумѣется съ участіемъ въ ихъ барышахъ и убыткахъ. Когда мы имѣли дерзость отвѣчать, что не только такую помощь не признаемъ въ настоящее время нужною, но что участіе въ барышахъ и убыткахъ крупнаго банка только повредитъ нашему дѣлу, то улыбка жалости превращалась въ улыбку презрѣнія». И кн. Васильчиковъ былъ очевидно достоинъ этой улыбки презрѣнія, — не правда-ли, яснолобые либералы? Онъ затѣялъ «идиллію», — это даже спеціалисты рѣшили,—онъ задумалъ обойтись безъ «нужныхъ» людей, великодушно предлагавшихъ свои щедрыя услуги тому самому народу, кость отъ кости котораго составляютъ они сами. Развѣ неизвѣстно кн. Васильчикову, что въ Россіи существуютъ только два разряда людей: ретрограды и либералы или, что то же, искренніе друзья народа? Зачѣмъ-же онъ такъ

неделикатно отталкиваетъ друзей народа, входящихъ въ составъ народа? «Дѣйствительно, спрашиваетъ кн. Васильчиковъ, былъ-ли вѣренъ разсчетъ практическихъ финансистовъ? Правда, что едва-ли при другихъ операціяхъ банки и банкиры могли бы заработывать такіе проценты, какіе обнаруживаются въ отчетахъ ссудныхъ товариществъ. Въ одномъ изъ нихъ прибыль составляетъ 32% на паевой капиталъ, въ другомъ 39%, въ третьемъ 48%, въ четвертомъ 33%, въ пятомъ 24%. Наконецъ въ одномъ, именно Гдовскомъ, Петербургской губерніи, 79%. Въ средней сложности всѣхъ товариществъ отношеніе чистой прибыли къ собственному паевому капиталу составляетъ 31—32%. Очевидно, что центральный банкъ нашелъ бы выгоды отъ участія въ такихъ барышахъ, но едва-ли бы эти барыши не исчезли отъ участія крупныхъ капиталистовъ, поглощаясь ими соразмѣрно ихъ благотворительному содѣйствію». Идиллія, положительно идиллія! Впрочемъ, какъ свидѣтельствуетъ кн. Васильчиковъ, дѣло народнаго кредита идетъ недурно и безъ нужныхъ людей. Нужно думать, что интересы капиталистовъ, предлагавшихъ свои услуги ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, не совсѣмъ совпадаютъ съ интересами народа, что капиталисты эти не входятъ въ составъ таинственнаго незнакомца.

Кто-же этотъ таинственный незнакомецъ? Ближе всего было бы думать, что онъ мужикъ. Но это совсѣмъ несправедливо. Въ статьѣ г. Шапиро «Нужды русскаго сѣвера» (Русск. общ. вопросы, 161 — 238), основанной отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ автора, отчасти на работахъ архангельскаго статистическаго комитета (кстати, нельзя не пожалѣть объ отсутствіи въ Петербургѣ склада провинціальныхъ изданій), читатель найдетъ массу фактовъ, доказывающихъ, что мужикъ еще не значитъ народъ. На Поморьѣ существуетъ характерная поговорка: пусти душу въ адъ, такъ и будешь богатъ. Занимаются пусканіемъ души въ адъ обыкновенно кулаки изъ крестьянъ-же. Сколотивъ всякими правдами и неправдами кое-какой капиталецъ, кулакъ, въ качествѣ нужнаго человѣка, предлагаетъ свои услуги рабочимъ артелямъ или отдѣльнымъ промышленникамъ. Онъ

предлагаетъ ихъ съ такимъ-же великодушіемъ, съ какимъ крупные капиталисты брались помочь дѣлу ссудо-сберегательныхъ товариществъ устройствомъ центральнаго банка. Онъ платитъ за нихъ подати, отпускаетъ товары въ долгъ и при помощи такихъ благодѣяній закабаляетъ ихъ совсѣмъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они его иначе и не зовутъ какъ своимъ господиномъ. Точно также ведутъ себя и артельные старосты и приказчики купеческихъ конторъ, вышедшіе все тоже главнымъ образомъ изъ крестьянъ. Но едва-ли даже яснолобые либералы будутъ утверждать, что интересы этихъ кулаковъ, состоящіе въ высасываніи изъ народа всякой трудовой копѣйки, суть интересы народа. Они не станутъ этого утверждать впрочемъ только потому, что операція высасыванія производится въ этомъ случаѣ въ сравнительно мелкихъ размѣрахъ, съ патріархальною грубостью и безъ малѣйшихъ либеральныхъ украшеній. Но, высасывая понемножку, кулакъ изъ крестьянъ можетъ наконецъ развернуться, повести дѣло на широкую ногу и обзавестись и либеральными украшеніями, тѣмъ болѣе, что при веденіи дѣла на широкую ногу грязная, грубая сторона операціи высасыванія не бросается такъ въ глаза. Но можетъ-ли крестьянинъ скопить сумму, достаточную для веденія широкаго дѣла? Можетъ. Это видно изъ біографіи нашего извѣстнаго желѣзнодорожнаго дѣятеля г. Губонина. Какъ видно изъ свѣдѣній, обязательно сообщенныхъ объ немъ публикѣ въ № 178 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Губонинъ откупился въ 1860 году на волю у своего помѣщика, генерала Бибикова, за 10,000 рублей. Значитъ, онъ въ крѣпостномъ даже состояніи съумѣлъ составить себѣ довольно такіе кругленькій капиталецъ. Я не знаю, какими путями онъ его добылъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» объ этомъ не говорятъ). Но вѣрно то, что онъ нынѣ ведетъ мильонныя дѣла, признается однимъ изъ самыхъ нужныхъ людей въ Россіи и радуетъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» тѣмъ, что «Коммисаровская школа создана для непмущихъ, для дѣтей простаго народа, и создана въ бо́льшей части человѣкомъ, который самъ вышелъ изъ простаго народа». И все-таки я не думаю, чтобы

нитересы г. Губонина совпадали съ интересами русскаго народа, несмотря на всѣ его пожертвованія и услуги русскому прогрессу. Они не совпадаютъ ровно въ такой-же мѣрѣ, въ какой чужды интересамъ народа интересы г. Варшавскаго и прочихъ тузовъ, біографіи которыхъ до сихъ поръ къ сожалѣнію не опубликованы, но которые могутъ быть самаго аристократическаго происхожденія.

Въ западной Европѣ, гдѣ, за громаднымъ развитіемъ различныхъ взаимно враждебныхъ интересовъ, гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ, выяснить понятіе народа, тѣмъ не менѣе выработался (правда, не школьною наукою) на этотъ счетъ очень простой и глубоко вѣрный взглядъ: народъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, есть совокупность трудящихся классовъ общества. Служить народу значитъ работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду; слѣдовательно между прочимъ и самому себѣ, если только вы вообще чему нибудь служите. Вотъ до послѣдней степени простая мысль, которая тѣмъ не менѣе снимаетъ нѣсколько покрывало таинственности съ незнакомца, фигурирующаго въ красивомъ романѣ яснолобыхъ либераловъ. Этою нехитрою мыслью должны повѣряться всѣ разсужденія о развитіи отечественной промышленности и сельскаго хозяйства, о самоуправленіи и проч., и проч. Возьмите любой цвѣтокъ прогресса и цивилизаціи. Если онъ теперь или въ будущемъ, непосредственно или косвенно, безусловно или по стеченію обстоятельствъ поведетъ къ закабаленію труда, ляжетъ на него бременемъ,—онъ не стоитъ мѣднаго гроша, ибо подрываетъ корень существованія общества. Другое дѣло, если этотъ цвѣтокъ можетъ быть посаженъ на нашей почвѣ, если не съ пользою для народа, то по крайней мѣрѣ не въ ущербъ ему. Тогда насаждайте его, и пусть онъ плодится и множится. Это, къ счастію, понимается уже многими, какъ видно изъ статей гг. Португалова, Шапиро, Яковлева, Васильчикова, напечатанныхъ въ сборникѣ «Русскіе общественные вопросы». И за это мы охотно

прощаемъ сборнику его слабыя стороны и желаемъ ему всякаго успѣха.

Для облегченія положенія трудящихся классовъ гребуется прежде всего устраненіе нужнаго человѣка. Въ немъ именно все дѣло. И иди мы по настоящимъ, а не поддѣльнымъ слѣдамъ Петра, не по тѣмъ, которые ищутся попугаеобразнымъ способомъ, нужный человѣкъ не сидѣлъ бы у насъ въ переднемъ углу. Нужный человѣкъ есть самый яркій представитель того исключительно личнаго начала, недовѣріе къ которому Петръ завѣщалъ намъ всею своею дѣятельностью. Являясь какъ бы на помощь труду, нужный человѣкъ только закабаляетъ его. Представляя элементъ труда въ обществѣ, народъ не имѣетъ въ своихъ рукахъ орудій производства. Ихъ предлагаетъ ему нужный человѣкъ и за это получаетъ львиную долю продукта. Дѣло значитъ только въ томъ, чтобы сосредоточить орудія производства въ рукахъ представителей труда. Все, становящееся поперегъ дороги къ этой цѣли,—будь это свобода, промышленность, желѣзная дорога, грандіозный финансовый планъ, самоуправленіе,—подлежитъ уничтоженію, которое будетъ и выгодно и справедливо. Истинная свобода, правильно организованная и полезная промышленность, не шулерская финансовая комбинація, нужная желѣзная дорога, истинное самоуправленіе—не могутъ стоять въ противорѣчіи съ интересами народа или, что то же, труда. Въ такомъ положеніи могутъ быть только цѣли и результаты дѣятельности нужнаго человѣка, прикрытые красивою мантіей таинственнаго незнакомца. Какъ-же справиться съ нужнымъ человѣкомъ? Вышепоименованные авторы предлагаютъ различныя мѣры: ссудо-сберегательныя кассы и другія ассоціаціи, сосредоточеніе предпринимательской дѣятельности въ земствѣ (передачу земству изъ рукъ скупщиковъ и капиталистовъ хлѣбной торговли, рыбныхъ ловлей, эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ, пароходства, желѣзныхъ дорогъ, страхованій и проч.). О значеніи этихъ мѣръ говорилось у насъ еще недавно въ статьѣ «Рѣчь князя Васильчикова» И мы прибавимъ здѣсь только нѣсколько словъ. Когда у насъ заходитъ рѣчь

объ организаціи народнаго труда (это плеоназмъ, употребляющійся только по привычкѣ), раздаются обыкновенно голоса, громко и съ азартомъ отрицающіе государственную помощь. Трудно представить себѣ что нибудь страннѣе и даже, можно сказать, наглѣе этихъ голосовъ. Стоитъ только припомнить, что они раздаются въ странѣ, гдѣ съ одной стороны только вчера освобождены государственнымъ вмѣшательствомъ милліоны крѣпостныхъ, гдѣ съ другой стороны послѣ освобожденія огромныя суммы, изъ взыскиваемыхъ съ податныхъ сословій, т. е. почти исключительно съ труда, уходятъ на субсидіи и гарантіи капиталистамъ-предпринимателямъ. Эти привилегіи, субсидіи и гарантіи никѣмъ не опротестованы, протесты считаются даже идилліями, тогда какъ при малѣйшемъ намекѣ на государственную помощь труду, поднимаются азартные крики. Можно помочь крестьянскими деньгами и г. Губонину, и г. Варшавскому, и кому угодно, но только не крестьянамъ. Тутъ мы начинаемъ взывать о свободѣ, невмѣшательствѣ, о «казенной» организаціи труда, о самопомощи и о другихъ прекрасныхъ вещахъ. И въ этомъ хорѣ не отказывается принимать участіе и литература, журналистика. Происходи все это, напримѣръ, во Франціи, нашелся бы разумѣется какой нибудь Локруа, который сказалъ бы,—я не хочу портить переводомъ эти мѣткія слова: servir le peuple, c'est la théorie et le pretexte pour les journalistes vendus à la bourgeoisie; se servir du peuple, c'est la pratique et le profit.

Но у насъ эти слова вовсе не могутъ быть названы мѣткими. Буржуазія въ смыслѣ людей средняго достатка и порядочнаго образованія конечно всегда у насъ существовала. Но въ смыслѣ обособленныхъ интересовъ и стремленій она только что послѣ освобожденія крестьянъ и могла народиться. Это разъ. Вовторыхъ голосъ журналистики имѣетъ у насъ еще слишкомъ мало вѣса, чтобы могла образоваться систематическая купля и продажа мнѣній. Возможны конечно отдѣльные случаи такой купли и продажи,—они вѣдь существовали еще во времена Булгарина. Но это все-таки исключенія. И даже сравнивая два поразительно сходныя, по внѣшности, явленія въ русской и европейс-

кой журналистикѣ, изъ которыхъ послѣднее завѣдомо обусловлено самою наглою продажностью, мы не рѣшимся сдѣлать тотъ же приговоръ относительно перваго. Мы найдемъ для него другія объясненія, тоже конечно прискорбныя. Намъ именно хочется сопоставить два такія явленія.

Вышеприведенныя слова Локруа сказаны были между прочимъ по поводу одной крупной взятки, взятой знаменитымъ редакторомъ «Фигаро» Вильмессаномъ, тѣмъ самымъ Вильмессаномъ, который имѣлъ однажды наглость публично и въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ благодарить Ротшильда за какую-то подачку. Исторія этой взятки слѣдующая.

Одно изъ наиболѣе дутыхъ и шулерски организованныхъ акціонерныхъ обществъ, и безъ того уже ошеломившее биржу громадностью основнаго капитала, собраннаго единственно съ цѣлью монополизировать дѣло ажіотажа, вскорѣ послѣ первой же выдачи очень высокаго и конечно фальшиваго (или фиктивнаго) дивиденда,—задумало увеличить свой капиталъ еще нѣсколькими десятками милліоновъ. Общественное мнѣніе отнеслось нѣсколько подозрительно къ такому увеличенію, и Вильмессанъ, постоянно игравшій на биржѣ, вздумалъ воспользоваться этимъ, т. е, ознакомиться съ закулисною стороною предпріятія и написать очень рѣзкую передовую статейку о вредѣ, ожидающемъ акціонеровъ, если капиталъ общества еще увеличится. Прибавлено было, что правленіе и директоры не безъ цѣли облекаютъ эту мѣру таинственностью и не обнародуютъ оффиціально, какимъ порядкомъ они предполагаютъ совершить это увеличеніе, что крайне нужно сдѣлать предварительно, чтобы акціонеры могли приготовиться къ возраженію на ближайшемъ общемъ собраніи. Акціонеры чуть не предупреждались Вильмессаномъ, что ихъ хотятъ ограбить. На биржѣ и между акціонерами составилась оппозиція правленію общества; противники увеличенія капитала уже надѣялись восторжествовать, и что же? Наканунѣ дня, въ который все должно было рѣшиться, появляется статья того же Вильмессана о глубокой проницательности людей, задумавшихъ развить такое золотое и прибыльное дѣло до крайнихъ размѣ-

ровъ, чтобы разомъ убить всякую возможность конкуренціи ему со стороны и облагодѣтельствовать такимъ образомъ акціонеровъ, т. е. обезпечить имъ на долгое время дивидендъ еще болѣе высокій, чѣмъ полученный на первый годъ. Это было написано для акціонеровъ, которымъ предстояло на завтра присутствовать въ общемъ собраніи. Наступилъ роковой день и конечно гибельная для акціонеровъ мѣра, превознесенная однимъ изъ директоровъ правленія до небесъ—была принята; за нее оказалось большинство голосовъ, а наличное меньшинство, т. е. оппозиція, заговорившая на основаніи первой статьи Вильмессана, была осмѣяна. Чтобы къ этому меньшинству не присоединились акціонеры отсутствовавшіе, чтобы не могло явиться уже никакой возможности для протеста противъ этого рѣшенія и всѣ пути для оппозиціи были закрыты, чтобы наконецъ фальшь эта не повліяла на биржевую игру акціями новаго выпуска, правленіе заказало Вильмессану еще третью передовую статью. Въ ней значилось, что во время общаго собранія правленіе и директоры, стоявшіе за увеличеніе капитала, разбили въ прахъ глупые доводы меньшинства, что оппозиція была смѣшана съ грязью, и въ заключеніе самъ авторъ этой статьи, редакторъ газеты «Фигаро», признавалъ, что имѣлъ до сихъ поръ очень смутное понятіе о геніальнѣйшей комбинаціи, выяснившейся на послѣднемъ общемъ собраніи. Продажный фолликюлеръ и лакей буржуазіи взялъ конечно на столько кругленькую сумму за самоуниженіе по финансовымъ и спекуляціонно-биржевымъ вопросамъ, что могъ даже вовсе пожертвовать своимъ авторитетомъ по этой части на будущее время и пожалуй дать подписку, что ничего не будетъ писать отнынѣ о биржевыхъ и акціонерныхъ фокусахъ.

Въ литературѣ посыпались на Вильмессана самыя безцеремонныя уличенія, которыя онъ парировалъ съ свойственною ему наглостью. Но репутація его была во всякомъ случаѣ сдѣлана. Вильмессанъ былъ заклейменъ именемъ «воришки посредника», держащаго вора въ рукахъ угрозой доноса полиціи и берущаго съ него за молчаніе извѣстный процентъ.

Теперь просимъ читателя сравнить слѣдующія двѣ статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ биржевой хроникѣ № 81 сообщены свѣдѣнія о проектѣ увеличенія капитала международнаго банка. Хроникеръ замѣчаетъ при этомъ: «До выслушанія объясненій (которыя правленіе банка должно было дать 19 апрѣля) нельзя разумѣется составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія обо всемъ, имѣющемъ произойти, ни взвѣсить выгоду или невыгоду увеличенія капитала». Затѣмъ въ № 84, отъ 25-го марта, появилась статья, направленная прямо противъ предположенной операціи. Вотъ эта статья цѣликомъ.

«Въ свое время мы сообщали о грандіозныхъ проектахъ учрежденія различныхъ банковъ съ капиталами въ десятки милліоновъ, — проектахъ, которые представлялись министерству финансовъ, — и о намѣреніи нашего правительства не разрѣшать подобныхъ учрежденій впредь до выясненія пользы и цѣлесообразности дѣятельности разрѣшенныхъ уже десятковъ акціонерныхъ банковъ. Получивъ отказъ, учредители грандіозныхъ предпріятій не ретировались, но, руководствуясь совѣтами предводителей нашихъ биржевыхъ спекулянтовъ, начали изыскивать въ уставахъ существующихъ банковъ различныя неясныя статьи, чтобы воспользоваться ими для разширенія банковой дѣятельности, вопреки высказаннымъ на этотъ счетъ намѣреніямъ правительства. *Къ услугѣ подобныхъ прожектеровъ* явился нашъ международный банкъ.

«Въ публикѣ и биржевыхъ сферахъ до сихъ поръ ходили разнаго рода темные слухи и предположенія касательно порядка увеличенія капитала международнаго банка; но никто ничего положительнаго сказать не могъ,— само правленіе, въ объявленіи о приглашеніи акціонеровъ въ общее собраніе на 16-е апрѣля, ничего не говоритъ, какимъ порядкомъ предполагаетъ оно увеличить капиталъ банка. Молчаніе довольно странное...

«Въ № 81 «Спб. Вѣдомостей» нашъ биржевой хроникеръ объяснилъ, какимъ образомъ правленіе международнаго банка предполагаетъ увеличить капиталъ банка. Но, конечно, объясненіе это нельзя считать официальнымъ, и желательно бы услышать что-либо болѣе опредѣленное отъ самаго правленія.

«Во всякомъ случаѣ, полезно разобрать предлагаемую реформу на основаніи объясненій, приводимыхъ биржевымъ хроникеромъ. Новый выпускъ акцій, въ количествѣ 100,000, долженъ быть помѣщенъ заграницей въ кредитныхъ учрежденіяхъ Вѣны и Берлина, со взносомъ по 100 руб. на акцію. Первое, что бросается въ глаза, это возможный приливъ въ Россію изъ-за границы капитала въ 10 милліоновъ рублей. Сумма почтенная. Но кто мо-

жетъ поручиться, что сумма эта останется въ Россіи хотя нѣсколько мѣсяцевъ? При настоящемъ спекулятивномъ направленіи фондовой биржи, можно, основываясь на практикѣ недавняго прошедшаго, положительно сказать, что всѣ эти 10 милліоновъ рублей, вмѣстѣ съ большою премією отъ 20 до 40 руб. на акцію, что составитъ отъ 2 до 4 милліоновъ рублей, перейдутъ, мѣсяца черезъ два или три, назадъ заграницу.

«Другими словами, большая часть акцій новаго выпуска, или даже все количество перепродастся назадъ въ Россію и, вмѣсто 10 милліоновъ рублей заграничныхъ денегъ, на которыя мы разсчитываемъ, иностранные благодѣтели банкиры возьмутъ съ насъ еще преміи милліона 2 или 4, а пожалуй и болѣе, смотря по спекулятивному направленію рынковъ здѣшняго и заграничныхъ. Мы видимъ изъ этого всю непрактичность новаго проекта и сильно сомнѣваемся, что онъ когда-либо будетъ утвержденъ правительствомъ. Если же онъ пройдетъ, то конечно только съ условіемъ, чтобы акціи втораго выпуска не обращались въ Россіи и не были котированы ни на одной изъ русскихъ биржъ.

«Проектъ непрактиченъ еще и съ другой стороны. Войдемъ въ положеніе акціонеровъ, владѣющихъ акціями перваго выпуска международнаго банка. Собранный банкомъ капиталъ по старымъ 20,000 акціямъ, по 150 р., составляетъ 3 милліона руб. Если правленіе сочло нужнымъ увеличить капиталъ, оно могло потребовать отъ акціонеровъ остальной взносъ по 100 руб. на старую акцію; это составитъ 2 милліона, или всего 20,000 акцій по 250 р., 5 милліоновъ. Еслибъ обороты банка, положимъ, приняли большіе размѣры, можно было сдѣлать второй выпускъ акцій на 5 милліоновъ или сколько нужно частями; въ такомъ случаѣ, какъ это дѣлается во всѣхъ акціонерныхъ обществахъ, старымъ акціонерамъ дается обыкновенно право получить новыя акціи по номинальной цѣнѣ. Это право стараго акціонера, думаемъ мы, оспариваемо быть не можетъ, и было бы явною несправедливостью, чтобъ въ такомъ деликатномъ дѣлѣ вопросъ о продажѣ всѣхъ 100,000 акцій новаго выпуска заграничнымъ кредитнымъ учрежденіямъ можно было рѣшить большинствомъ голосовъ въ общемъ собраніи акціонеровъ.

«Если правленіе утвердитъ эту мѣру большинствомъ голосовъ, то недовольные ею, присутствующіе въ общемъ собраніи акціонеры могутъ составить протестъ противъ дѣйствій правленія за превышеніе власти, прося привести въ исполненіе § 46 устава. Подобный протестъ можетъ быть поданъ и отъ акціонеровъ, не присутствовавшихъ въ общемъ собраніи и несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства.

«Въ приглашеніи правленія сказано только, что въ собраніи 19-го апрѣля будетъ обсуждаться вопросъ объ увеличеніи капитала банка, и будетъ предложенъ вопросъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава. Какъ говорятъ, надежда правленія основана на § 3 устава, гдѣ говорится, что основной капиталъ общества въ 5.000,000 руб. распредѣляется на 20,000 акцій,

каждая въ 250 р., и можетъ быть увеличенъ впослѣдствіи, по постановленію общаго собранія акціонеровъ, порядкомъ, утвержденнымъ министромъ финансовъ. Намъ кажется страннымъ, почему правленіе или совѣтъ банка не объявили офиціально, какой порядокъ будетъ предложенъ для увеличенія капитала, а также какіе §§ устава будутъ предложены общему собранію акціонеровъ для измѣненія Изъ многолѣтней акціонерской практики мы можемъ вспомнить немало прискорбныхъ фактовъ чему подвергается акціонеръ, отправляющійся на общее собраніе и незнающій о чемъ пойдетъ рѣчь въ собраніе, гдѣ предлагаются вопросы, впродолженіи мѣсяцевъ обдуманные лицами, предлагающими ихъ, но которые акціонерамъ должно окончательно обсудить и рѣшить впродолженіи какого-нибудь получаса. Чтобъ приготовиться къ общему собранію, акціонерамъ безотлагательно теперь же надобно потребовать отъ правленія объясненій, какимъ порядкомъ предполагается увеличить капиталъ банка, какіе §§ устава требуютъ измѣненія и какъ предполагаютъ изиѣнить ихъ.

«Надѣемся, что это справедливое требованіе акціонеровъ будетъ уважено правленіемъ и совѣтомъ банка очень скоро, чтобъ дать акціонерамъ возможность представить правленію, до общаго собранія, свои соображенія въ установленный уставомъ срокъ. Иначе все это дѣло будетъ имѣть характеръ спекуляціи, прикрытой только для виду согласіемъ нѣкотораго количества акціонеровъ.

«Очень можетъ быть, что увеличеніе на 10 милліоновъ капитала нашихъ банковыхъ учрежденій и не повлечетъ за собою какихъ-либо дурныхъ послѣдствій; но мы противники всякаго эскамотажа и убѣждены, что дѣло хорошее и одинаково выгодное для Россіи и для иностранныхъ банкировъ ни въ какой таинственности не нуждается. Обстановка же всей спекуляціи, о которой мы говоримъ, не внушаетъ намъ довѣрія, и мы считаемъ своимъ долгомъ обратить на нее вниманіе публики.

Дѣло совершенно ясное: «С.-Петербургскія Вѣдомости» агитируютъ противъ увеличенія капитала международнаго банка, воодушевляютъ и даже отчасти создаютъ оппозицію. Наступаетъ 19-е апрѣля, и «С.-Петербургскія Вѣдомости» слѣдующимъ эмфатическимъ образомъ описываютъ этотъ день въ № 110:

Въ среду 19-го апрѣля, происходило общее собраніе акціонеровъ международнаго коммерческаго банка, имѣвшее *громадный интересъ и привлекшее многочисленную публику*, которая состояла, разумѣется, исключительно изъ акціонеровъ. *Животрепещущимъ вопросомъ дня, имѣвшимъ громадный интересъ*, былъ вопросъ объ увеличеніи капитала банка до тридцати милліоновъ рублей, посредствомъ выпуска, за границей, ста тысячъ новыхъ акцій, по 250 руб. каждая. Причиной столь значительнаго увеличенія капитала была

крайняя необходимость (а 25-го марта ея еще не было?) устранить отъ международнаго банка угрожавшую ему въ началѣ нынѣшняго года и могущую еще возобновиться опасность отъ учрежденія проектированнаго нѣсколькими биржевыми игроками большаго промышленнаго банка, извѣстнаго на биржѣ подъ именемъ «княжескаго», съ двадцати-пяти-милліоннымъ капиталомъ, осуществленіе котораго могло низвести международный банкъ на степень банкирской конторы. Посредствомъ выпуска ста тысячъ новыхъ акцій за границею, международный банкъ тѣсно сближался съ двумя значительными заграничными кредитными учрежденіями: Ротшильдскими Credit-Anstalt въ Вѣнѣ и Disconto-Gesellschaft въ Берлинѣ, получалъ значеніе первокласнаго европейскаго, дѣйствительно «международнаго» банка, и отстранялъ отъ себя на всегда возможность какой бы то ни было вредной конкуренціи. Значительное большинство акціонеровъ банка, узнавшее еще въ мартѣ (*25-го марта, какъ жаловались «С.-Петербургскія Вѣдомости, никто еще ничего не зналъ*) условія, на которыхъ правленіе предполагаетъ увеличить капиталъ банка, признало важность и пользу этого увеличенія, отнеслось сочувственно къ проектированнымъ правленіемъ условіямъ (подробно объясненнымъ въ биржевой хроникѣ № 81-го «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей)», и обѣщало правленію свое содѣйствіе. Между тѣмъ, недѣли за двѣ до 19-го марта, т.-е. крайняго срока перевода акцій на имя акціонеровъ для полученія права присутствія въ общемъ собраніи 19-го апрѣля, на биржѣ распространился слухъ объ оппозиціи, готовящейся противодѣйствовать предполагаемому увеличенію капитала международнаго банка. Одни говорили, что оппозиція истекаетъ изъ одного частнаго банка; другіе утверждали, что она идетъ отъ однаго изъ соучредителей такъ-называемаго «княжескаго» банка, готовившагося быть директоромъ означеннаго банка и предчувствовавшаго неосуществимость своихъ искательствъ въ случаѣ осуществленія увеличенія капитала международнаго банка. «С.-Петербургскія Вѣдомости» всего менѣе могли имѣть въ виду *такую (развѣ дѣло въ этомъ?)* оппозицію, когда высказывали свои соображенія противъ той же мѣры. Никто не зналъ навѣрно, какая будетъ оппозиція. но всѣ ожидали оппозиціи серьезной, капитальной и осмысленной. Усиленная покупка акцій, несмотря на быстро и чрезмѣрно увеличивающуюся цѣну ихъ, подтверждала биржевые слухи о готовящейся оппозиціи. Вслѣдствіе сего, въ собраніе 19-го апрѣля и явилось, какъ сказано выше, весьма большое число акціонеровъ.

«Докладъ правленія о дѣятельности банка въ истекшемъ году, доставившей акціонерамъ $23^{40}/_{100}\%$ дивиденда, былъ прослушанъ сочувственно и отчетъ за 1871 годъ утвержденъ единогласно. Вещь естественная, такъ-какъ такого результата не достигалъ до сихъ поръ ни одинъ изъ здѣшнихъ частныхъ банковъ. Затѣмъ прочитанъ былъ докладъ правленія объ увеличеніи капитала банка и о способахъ этого увеличенія. *Глубочайшая тишина воцарилась* въ собраніи по прочтеніи этого доклада. Хотя громадное большинство раздѣляло воззрѣнія и доводы доклада правленія, но для составленія себѣ

болѣе вѣрнаго понятія о пользѣ предлагавшейся мѣры, *не мѣшало выслушать оппозицію, а главное* составить себѣ понятіе объ этой оппозиціи. Кто она такая? Какія ея цѣли и побужденія? Какое значеніе имѣютъ въ нашемъ финансовомъ, биржевомъ и акціонерномъ мірѣ члены этой оппозиціи? *Оппозиція зачитала (вѣроятно то, что С.-Петерб. Вѣд. говорили въ № 84)* и заговорила. Во-первыхъ, не зачѣмъ увеличивать капиталъ банка; во-вторыхъ, нѣкоторые параграфы устава банка вовсе не обязательны для акціонеровъ; въ-третьихъ, не для чего международному банку быть первоклассным банкомъ, совсѣмъ не для чего; въ-четвертыхъ, обѣщаніе отдать подъ судъ всѣхъ акціонеровъ банка, которые большинствомъ трехъ четвертей голосовъ рѣшатъ увеличеніе капитала банка! въ-пятыхъ, увеличеніе капитала банка есть посягательство на собственность акціонеровъ! въ-шестыхъ, къ чему помѣщать новыя акціи за границею, когда «мы сами можемъ спустить ихъ здѣсь!» *Гомерическій смѣхъ потрясъ залу собранія*, когда все это было высказано. Оппозиція оказалась не капитальною, не финансовою, даже не патріотическою, какъ того ожидали нѣкоторые, а оказалась она просто-на-просто игровою, и состояла изъ двухъ биржевыхъ маклеровъ, двухъ зайцевъ, одного содержателя второстепенной банкирской конторы и двухъ занимающихся биржевою игрою лицъ, итогъ: 15 игровыхъ голосовъ противу 355 голосовъ дѣйствительныхъ акціонеровъ, вотировавшихъ въ пользу увеличенія капитала банка и соотвѣтствующаго измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ устава.

«Возражалъ оппозиціи членъ совѣта банка Н. Н. Сущовъ, основательныя, мѣткія и остроумныя возраженія котораго градомъ сыпались на несчастную оппозицію, при неумолкаемыхъ рукоплесканіяхъ и неудержимомъ смѣхѣ всего собранія.

Дѣло опять таки совершенно ясное: «С.-Петербургскія Вѣдомости» одобряютъ затѣянную операцію и унижаютъ оппозицію, ими отчасти созданную. «С.-Петербургскія Вѣдомости» стараются изо всѣхъ силъ смѣшать оппозицію съ грязью и утверждаютъ, что, говоря противъ увеличенія капитала международнаго банка, они имѣли въ виду оппозицію вовсе не такую. Какъ будто дѣло въ этомъ! Доводы оппозиціи, приводимые въ статьѣ № 110 съ грубою ироніей и едва-ли вполнѣ точно, во всякомъ случаѣ весьма сходны съ доводами самихъ «С.-Петергскихъ Вѣдомостей», высказанными въ № 84. Въ этомъ легко убѣдится всякій, точно также, какъ и въ томъ, что ни одной изъ мѣръ, предложенныхъ въ № 84 для охраненія интересовъ акціонеровъ, правленіе не приняло. И тѣмъ не менѣе «С.-Пе-

тербургскія Вѣдомости» вторятъ «гомерическому хохоту» надъ «несчастной» оппозиціей! Воистину можно сказать: чего смѣешься? надъ собой смѣешься. И такъ-то «С.-Петербургскія Вѣдомости» всегда хохочутъ и всегда «гомерически...» Весело имъ живется.

Между поведеніемъ «Фигаро» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» по внѣшности сходства не мало. Но это только по внѣшности. Фигаро завѣдомо взялъ взятку. Относительно же «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» мы не имѣемъ въ рукахъ никакихъ фактовъ, которые давали бы намъ право бросить имъ такое тяжкое обвиненіе. Но этого мало. Мы вполнѣ увѣрены, что такихъ фактовъ не существуетъ вовсе. Дѣло объясняется гораздо проще.

Мы видѣли, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» представляютъ собою скопище людей эмансипированныхъ, и что это не случайное явленіе.*) Они имѣютъ прекрасныя намѣренія, но по положенію и ходу вещей постоянно колеблются самымъ легкимъ зефиромъ. Они желаютъ идти по слѣдамъ Петра, потому что видятъ въ нихъ свѣтъ, силу, счастье, свободу, а это все прекрасныя вещи. Мы увѣрены, что если «С.-Петербургскія Вѣдомости» и не согласятся признать вышепоставленную задачу—сосредоточеніе орудій производства въ рукахъ рабочихъ силъ—центральною задачей нашей жизни, то все-таки въ одной изъ ближайшихъ передовыхъ статей отнесутся къ ней размазисто, но сочувственно. Но это не помѣшаетъ имъ конечно тутъ-же требовать новыхъ гарантій и привиллегій для всевозможныхъ нужныхъ людей и въ этомъ именно видѣть слѣды Петра. Что-же тутъ удивительнаго, что они высказываютъ два противоположныя мнѣнія объ операціяхъ международнаго банка? Грандіозный финансовый планъ, обманутые или осчастливленные акціонеры, гомерическій хохотъ, потрясающій стѣны залъ,—все это такъ похоже на Европу (зри слѣды Петра), что «С.-Петербургскія Вѣдомости» даже нѣсколько польщены тѣмъ, что видятъ передъ

---

*) Я не счелъ нужнымъ перепечатывать статейку, въ которой развивалась эта мысль.

собою такой «животрепещущій вопросъ дня», имѣющій такой «громадный интересъ», привлекающій такую «многочисленную публику». Они торопятся сказать свое слово, а торопливость приноситъ свои плоды. Вотъ и все. Я осмѣливаюсь повторить такъ разсердившее «С.-Петербургскія Вѣдомости» мнѣніе, что они суть кроткая дѣвица, затягивающаяся въ корсетъ и желающая всѣмъ нравиться. Но если дѣвица вступитъ въ бракъ? Это можетъ совершиться самымъ тихимъ, самымъ незамѣтнымъ и нимало не позорящимъ нравственный элементъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» манеромъ. Я представляю себѣ это дѣло, въ возможности, такъ. Обстоятельства «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»— чего Богъ сохрани — нѣсколько запутываются. Немедленно разумѣется является нужный человѣкъ въ лицѣ какого нибудь г. Полякова, г. Баймакова, вообще какого нибудь финансоваго туза. Является нужный человѣкъ и предлагаетъ свои услуги: примите, молъ, меня въ компанію, я въ литературную часть мѣшаться не буду, я смотрю на дѣло съ чисто коммерческой точки зрѣнія. «С.-Петербургскія Вѣдомости» не князь Васильчиковъ: они благодушны. Они вдобавокъ часто одобряли институтъ нужнаго человѣка. Они соглашаются, а нужный человѣкъ свое дѣло знаетъ и въ концѣ концовъ кладетъ-таки на почтенную газету свою печать. Понятно, что пути къ браку могутъ быть безконечно разнообразны и что нѣтъ надобности предполагать, что исходною точкою будетъ непремѣнно запутанность обстоятельствъ.

До какой въ самомъ дѣлѣ степени могутъ быть разнообразны эти пути, видно изъ слѣдующаго. Г. Незнакомецъ есть безспорно талантливѣйшій сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Ѣдетъ онъ нынѣче на политехническую выставку въ Москву и два свои первыя письма пишетъ противъ Москвы: и такая она, и сякая, и Петра измучила, и гоголевскимъ Петрушкой отъ нея пахнетъ и т. д. Письма написаны горячо, съ увлеченіемъ и удачно. Но въ слѣдующихъ письмахъ оказывается уже, что Петербургъ есть исключительно чиновникъ, тогда какъ въ Москвѣ «растутъ крѣпкія общественныя силы, въ ней находятся люди,

умѣющіе жертвовать своими капиталами и своимъ знаніемъ въ пользу научныхъ и народныхъ цѣлей» и т. д., и т. д. Вообще тонъ совершенно измѣняется. Въ чемъ-же дѣло? Г. Незнакомецъ такъ много говоритъ о вагонахъ г. Губонина, о пожертвованіяхъ г. Губонина, о школѣ г. Губонина, о біографіи г. Губонина и имѣетъ на этотъ счетъ такія свѣдѣнія, что всякій догадается, что онъ былъ въ Москвѣ гдѣ нибудь недалеко отъ г. Губонина. Далѣе, Незнакомецъ разсказываетъ, что у него какой-то московскій профессоръ забылъ табакерку. Значитъ, у него былъ въ гостяхъ московскій профессоръ. Какъ человѣкъ впечатлительный, г. Незнакомецъ очевидно воспринялъ все, что ему было говорено московскимъ профессоромъ и людьми, близкими къ г. Губонину. И вотъ онъ перемѣнилъ свой взглядъ на Москву. А какъ талантливѣйшій сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» онъ, еслибы остался жить въ Москвѣ, непремѣнно потянулъ бы (какъ это и случалось не разъ) почтенную газету въ бракъ. Хорошо еще, что г. Незнакомецъ время отъ времени путешествуетъ, ѣздитъ не только въ Москву, а и изъ Москвы.

Возьмемъ теперь г. Буренина. Но съ г. Буренинымъ я намѣренъ повести особую и довольно длинную бесѣду.

Гейне гдѣ-то, кажется въ «Reisebilder», говоритъ, что нѣтъ животнаго несноснѣе клопа, потому что если вы его раздавите, то онъ и послѣ смерти будетъ вамъ мстить, преслѣдуя васъ своимъ отвратительнымъ запахомъ. Но запахъ этотъ испускается клопомъ и до смерти, какъ только вы на него наступите. Мнѣ довелось сдѣлать недавно этотъ экспериментъ: я наступилъ на однаго такого клопа, на г. Буренина, и онъ уже воскурилъ свой фиміамъ. Я было-думалъ ограничиться краткимъ очеркомъ корсетно-критическихъ пріемовъ этого сочинителя, просто посадить на мѣсто сверчка, незнающаго своего шестка, и пройти мимо. Я думаю, что отчасти достигъ своей цѣли и что г. Буренинъ на будущее время воздержится отъ потѣшныхъ сужденій по вопросамъ, въ которыхъ онъ есть воистину z или послѣдняя буква азбуки. Я это вижу изъ того, что онъ вотъ уже три фельетона сряду (съ маленькимъ отдыхомъ впрочемъ

надъ дрянностью измышленій г. Стебницкато,—тема на столько уже затасканная, что ею смѣло можетъ заняться и послѣдняя буква азбуки) посвящаетъ перебранкѣ съ «Отечественными Записками». Правда, г. Буренинъ называетъ это полемикой, но объ этомъ ниже. Во всякомъ случаѣ за все это время масса научныхъ и публицистическихъ статей въ другихъ журналахъ, въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Дѣлѣ», въ «Бесѣдѣ», въ «Знаніи», въ «Зарѣ»—осталась безъ строгаго стража науки и справедливости, безъ критической оцѣнки старымъ воробьемъ, котораго на мякинѣ не проведешь. Я думаю, что въ концѣ концовъ г. Буренинъ, благодаря мнѣ, сядетъ таки на свое мѣсто и ограничится личной перебранкой и тѣмъ, что у насъ называется литературной критикой, т. е. прикидываніемъ разныхъ нравственныхъ verités de monsieur la Palisse къ беллетристическимъ произведеніямъ. Повторяю, начало этого конца я уже вижу. Недавно «Петербургскія Вѣдомости» выразили удивленіе, что у насъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно о такой знаменитости, какъ Гартманъ. Но вотъ въ «Дѣлѣ» появляется о Гартманѣ статья г. Кедрова, а старый воробей молчитъ. Въ «Дѣлѣ» же появились «Общественно-психологическіе этюды» г. Онгирскаго, писателя кажется новаго, которому въ прежнее время старый воробей непремѣнно бы послалъ снисходительное одобреніе или строгое порицаніе, а теперь старый воробей молчитъ. «Петербургскія Вѣдомости» и въ особенности г. Буренинъ ждали появленія критической статьи о «Задачахъ психологіи» г. Кавелина. Такая статья г. Литвинова явилась въ «Знаніи», а старый воробей молчитъ. Я думаю, что явись теперь даже новая статья г. Жуковскаго, полная математическихъ формулъ,—старый воробей и то промолчитъ. И я этому очень радъ, потому вопервыхъ, что это молчаніе резонно, потому вовторыхъ, что я вижу въ немъ дѣло рукъ своихъ. Вотъ какіе результаты получились уже отъ того, что я наступилъ только на клопа: онъ уже стремится въ свою нору. Но въ то-же время онъ испускаетъ свой характеристическій запахъ. А разъ атмосфера уже заражена, я рѣшаюсь ужь заодно раздавить клопа совсѣмъ. Да, я его сейчасъ раздавлю.

Онъ будетъ конечно продолжать испускать свой характерный запахъ и послѣ смерти, онъ будетъ даже выдавать этотъ запахъ за продолженіе своего существованія, и не безъ основанія; но въ душѣ онъ самъ себѣ не будетъ вѣрить, а всякій порядочный человѣкъ, если не глазами, такъ обоняніемъ убѣдится, что передъ нимъ лежитъ раздавленный клопъ.

Побесѣдуемте, мой старый воробей, по душѣ. Не смущайтесь кличкой «старый воробей». Давая вамъ ее, я имѣю въ виду не возрастъ вашъ, который мнѣ неизвѣстенъ, а мудрость и глубокомысліе вашей литературной физіономіи, вашъ воробьиный апломбъ. Давая вамъ клички, я грѣшу нѣкоторымъ embarras de richesses, но это не бѣда. Помните, что вы прежде всего старый воробей, ибо и въ положеніи раздавленнаго клопа, я знаю, вы сохраните хитроумную физіономію стараго воробья, котораго никакой чортъ на мякинѣ не проведетъ. И такъ, мой старый воробей, будемъ бесѣдовать обо мнѣ и объ васъ. Опять таки не смущайтесь тѣмъ, что я собираюсь вести разговоръ объ личностяхъ, изъ которыхъ одна моя, а другая ваша. Это ровно ничего не значитъ. Извѣстное препирательство г. Антоновича съ «Русскимъ Словомъ» о томъ, гдѣ кто спитъ и сколько у кого винокуренныхъ заводовъ, велось подъ прикрытіемъ общихъ идей. А вотъ примѣръ противоположнаго свойства. Дрянной писака Миркуръ написалъ пасквиль на Прудона. Это подало послѣднему поводъ написать одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ произведеній «De la justice dans la révolution et dans l'église». Сочиненіе это переполнено разсказами и разсужденіями о личностяхъ самаго Прудона, Миркура и архіепископа Безансонскаго. Но это нисколько не умаляетъ достоинствъ книги, потому что факты изъ собственной жизни Прудона, равно какъ и фигуры пасквилянта и его патрона, служатъ автору только матеріалами для вывода нѣкоторыхъ общихъ истинъ. Эти матеріалы даже особенно цѣнны, именно потому, что они пережиты самимъ авторомъ. Такъ вотъ, достопочтенный воробей, если намъ удастся повести бесѣду по послѣднему способу, то мы будемъ совершенно чисты передъ нашими читателями, которымъ, вы понимаете, вовсе не интересны личныя перебранки

гг. сочинителей. Но поскольку мы съ вами типичны, поскольку изъ нашихъ чисто-личныхъ проявленій можетъ быть сдѣланъ какой нибудь общій выводъ, мы имѣемъ право занимать собою публику. Мой старый воробей, я вижу что вы дѣлаете: вы взяли карандашъ и черкнули на поляхъ противъ того мѣста, гдѣ говорится о Прудонѣ. Вы разсчитываете сдѣлать по этому случаю язвительное замѣчаніе, что вотъ дескать—«сей юный умъ» (скажите, старый воробей, отчего вы видите особенную язвительность въ эпитетѣ «юный»?) мнитъ себя Прудономъ и проч. Но это вы напрасно. Положите пока карандашъ на мѣсто. Я не Прудонъ, но за то и писать я собираюсь не о справедливости въ революціи и церкви, а о нѣкоторыхъ явленіяхъ русской журналистики. Будемте-же бесѣдовать.

Я былъ еще очень молодъ, когда мнѣ довелось прочитать сочиненіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Оно произвело на меня сильное впечатлѣніе, которое еще увеличивалось тѣмъ, что книгу Дарвина я прочиталъ одновременно съ книгою Мишле «l'Amour». Я не берусь вамъ передать тотъ глубокій внутренній разладъ, который поднялся при этомъ въ моемъ молодомъ существѣ. Мой юный умъ былъ порабощенъ строгою логикой Дарвина и массою выставленныхъ имъ фактовъ. Но моему юному сердцу былъ противенъ этотъ неумолимый законъ неустанной борьбы за каждую пядь земли, за каждый кусокъ хлѣба, за каждый глотокъ воды. Это шло совершенно въ разрѣзъ съ тѣми неопредѣленными, но чистыми и высокими идеалами, какіе обыкновенно волнуютъ «юность», эту постоянную цѣль вашихъ, мой старый воробей, туповатыхъ стрѣлъ. Мой юный умъ, вѣроятно въ качествѣ юнаго, былъ настолько смѣлъ и послѣдователенъ, что дотягивалъ страшную нитку до конца. Онъ рѣшилъ, что Дарвиново изслѣдованіе обязательно и для фактовъ общественной жизни, что оно узакониваетъ, какъ нѣчто стихійно неизмѣняемое, все то, бороться съ чѣмъ представлялось мнѣ дотолѣ священною миссіей, долгомъ. Но тѣмъ сильнѣе протестовало юное сердце. И бывали минуты, когда я глубоко ненавидѣлъ великаго англійскаго натуралиста. А рядомъ съ нимъ стоялъ старикъ

Мишле съ своимъ беззубымъ шамканьемъ о любви, приторный, расплывающійся, безсильный. И отъ этого сопоставленія становилось на душѣ еще тяжеле: на одной сторонѣ, на той, къ которой лежитъ душа,—безсиліе мысли и паточная риторика, а на противоположной—всепокоряющая сила знанія и логики. О, мой старый воробей, вы навѣрное не переживали ничего подобнаго, а то изъ васъ ни за что бы не выросъ старый воробей. Если вамъ и случалось требовать отъ жизни или мысли примиренія, то вы безъ сомнѣнія добывали его на тотъ-же манеръ, какимъ добываете словоизверженія теперешнихъ своихъ фельетоновъ. Я подозрѣваю, что вы и родились старымъ воробьемъ. Но я былъ юнъ,—какъ это смѣшно, мой старый воробей!—и желалъ получить примиреніе не иначе, какъ цѣликомъ и съ бою. Я не стану вамъ разсказывать какъ, кто и что помогло мнѣ найти примиреніе. Достаточно вамъ знать, что оно мнѣ не легко досталось и что въ нѣсколько лѣтъ я передумалъ и переучился больше, чѣмъ вы во всю свою жизнь. Вы понимаете, мой старый воробей, что я не кокетничаю, я не говорю, чтобы я отъ младыхъ ногтей только и дѣла дѣлалъ, что сидѣлъ за книжками. Нѣтъ, я жилъ и живу, какъ и всѣ люди. Точно также не думаю я изображать передъ вами себя въ качествѣ явленія исключительнаго. Напротивъ я твердо увѣренъ, что приведенная исторія есть исторія всякаго журналиста, за вычетомъ конечно старыхъ воробьевъ. Разница только въ предметѣ, давшемъ толчокъ умственной дѣятельности. Одного толкнетъ теорія Дарвина, другаго философія Гегеля, третьяго какой нибудь вопросъ изъ русской исторіи, четвертаго практическая неурядица жизни и т. д. Далѣе, смотря по свойствамъ предмета, давшаго толчокъ, смотря по темпераменту, складу ума и т. д., толчокъ выдерживается болѣе или менѣе стойко и живо. Но, какъ я уже однажды выразился, каждый журналистъ во всякомъ случаѣ долженъ имѣть нѣкоторый узелъ, свитый изъ систематизированныхъ извѣстнымъ образомъ теоретическихъ или практическихъ знаній и тѣхъ или другихъ нравственныхъ принциповъ. Разъ узелъ свитъ, откуда бы онъ ни получилъ свое начало, журналистъ самымъ ходомъ

вещей притягивается къ оцѣнкѣ явленій текущей жизни. Повторяю, это исторія почти каждаго журналиста, и только потому я ее и разсказалъ, что она типична.

Но, мой старый воробей, вы лучше всякаго другаго знаете, что вы не принадлежите къ этому типу. Я вамъ разсказалъ исторію журналиста-труженика, собственными усиліями пробивающагося къ свѣту. Я вамъ разскажу другую исторію, исторію безшабашнаго строчилы, получившаго весь крошечный запасъ своихъ силъ по наслѣдству, получившаго не много, но даромъ. Вотъ эта исторія.

Въ минуты сильнаго общественнаго возбужденія является большой спросъ на литературныхъ дѣятелей, является и большое предложеніе. Является именно нѣсколько крупныхъ талантовъ, сразу занимающихъ видныя мѣста въ журналистикѣ. Являются таланты меные сильнѣе, но во всякомъ случаѣ ясно сознающіе характеръ минуты. Являются затѣмъ міріады мелкихъ полезностей, ничего собственно въ положеніи вещей не понимающихъ, но благодаря напримѣръ версификаторской способности, употребляемыхъ на черную работу не безъ успѣха для дѣла. Достопочтенный воробей, вы такъ часто потѣшаетесь надъ фурьеризмомъ, что вамъ не безъизвѣстна конечно мысль Фурье о предоставленіи уличнымъ гаменамъ обязанности очищать отхожія мѣста. Этимъ дѣломъ обыкновенно вышеупомянутыя полезности занимаются съ бо́льшимъ или меньшимъ увлеченіемъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Они самымъ поверхностнымъ образомъ усвоиваютъ себѣ идеи того лагеря, къ которому они прикомандировались. Но это не бѣда, ибо для очистки отхожихъ мѣстъ многаго не требуется. Но вотъ наступаетъ реакція, волны общественнаго движенія улеглись, видныхъ литературныхъ дѣятелей остается въ наличности мало; одни умерли, другіе «странствуютъ далече» и т. д. По мѣрѣ того, какъ происходитъ этотъ процессъ спада воды, мелкія полезности либо тихо и смирно продолжаютъ свою скромную работу, либо отходятъ совсѣмъ въ сторону. Но нѣкоторые начинаютъ мало-по-малу возвышаться въ собственныхъ глазахъ. Ихъ умственный багажъ не великъ и состоитъ

изъ обрывковъ налету схваченныхъ идей и словъ, они ничего сами не заработали, но, не говоря уже о томъ, что на безрыбьи и ракъ рыба, они старые писатели, старые воробьи. И вотъ, къ тому времени, когда литература опять получаетъ возможность съ грѣхомъ пополамъ дышать, такой старый воробей уже окончательно забываетъ, что его призваніе состоитъ въ исполненіи обязанностей гаменовъ Фурье. Онъ имѣетъ обширныя литературныя знакомства, онъ поставляетъ фельетоны, стихи, журнальныя обозрѣнія, библіографическіе отчеты заразъ въ «Петербургскія Вѣдомости», «Недѣлю», «Вѣстникъ Европы», не оставляя изрѣдка удостоивать произведеніями своей музы и «Отечественныя Записки». Онъ шныряетъ по всѣмъ редакціямъ, собираетъ слухи и сплетни, знаетъ кто старъ, кто «юнъ», кто ходитъ въ трактиръ, кто не ходитъ, кто подписывается подъ статьями, кто не подписывается. И все это еще болѣе убѣждаетъ его, что онъ даже вовсе и не воробей, а большая птица. Къ оставшимся отъ періода его поступленія на должность гамена виднымъ литературнымъ дѣятелемъ онъ относится отчасти съ простымъ почтеніемъ, отчасти съ самымъ холопскимъ подобострастіемъ. Что же касается до вновь прибывающихъ литературныхъ силъ, то въ силу того, что онъ старый воробей, а они «юны», онъ третируетъ ихъ съ высока, иногда читаетъ болѣе или менѣе строгія нотаціи, иногда даритъ своимъ милостивымъ покровительствомъ, словомъ ведетъ себя какъ настоящій рядовой, достигшій за выслугу лѣтъ перваго офицерскаго чина: въ сраженіи онъ не бывалъ, служилъ болѣе въ фурштатѣ, но теперь онъ прапорщикъ и хоть держитъ по старой памяти передъ ротнымъ командиромъ руки по швамъ, но на молодаго солдата смотритъ съ самымъ комичнымъ видомъ стараго воробья. И бѣда, если такому старому воробью не окажетъ должнаго уваженія кто-нибудь изъ вновь прибывшихъ литературныхъ силъ. Это приводитъ стараго воробья въ ярость, въ пылу которой онъ даже передъ ротнымъ командиромъ всякую субординацію забываетъ...

Достопочтенный воробей, здѣсь я нахожу возможнымъ пе-

рейти къ конкретному примѣру. Настоящимъ журналистомъ я сталъ всего съ 1869 года, когда сталъ работать въ «Отечественныхъ Записках». Пописывалъ я, правда, и прежде, но въ этихъ писаніяхъ было мало установившагося. Съ 1869 года я напечаталъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ довольно сложнымъ и труднымъ. Я излагалъ то, что́ выносилъ въ головѣ и сердцѣ, что́ мнѣ было дорого и свято, какъ матери ребенокъ. Вы не знаете этого ощущенія, мой старый воробей. А то вы поняли бы, какое чувство должны были возбуждать во мнѣ ваши покровительственныя одобренія моей литературной дѣятельности. Представьте себѣ молодого художника, выставившаго свою первую большую картину, надъ которой онъ много думалъ и работалъ. Представьте себѣ, что къ художнику подходитъ неизвѣстный ему человѣкъ и начинаетъ, «уставясь въ землю лбомъ», глубокомысленно и покровительственно похваливать картину. Представьте себѣ наконецъ, что по первому слову незнакомца художникъ узнаетъ, что это—малярнаго цеха подмастерье! А я васъ узналъ именно съ перваго слова, какъ только вы сказали свое обычное глубокомысленное: «можно не соглашаться, но должно признаться». Я васъ насквозь видѣлъ. Я помню напримѣръ, что репортируя однажды о нумерѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ которомъ была моя статья, вы писали приблизительно слѣдующее: «вотъ что я нашелъ въ такой-то книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» по части «художествъ», какъ выражались въ журналахъ сороковыхъ годовъ, а по части «наукъ» обращаетъ на себя вниманіе статья г. Михайловскаго», и т. д. Я узналъ, зачѣмъ вамъ понадобилось это воспоминаніе о рубрикахъ журналовъ сороковыхъ годовъ, поставленныхъ вами въ ковычкахъ: «науки» и «художества». Мнѣ это сказало чувство моего оскорбленнаго вашими похвалами самолюбія. Вы разсуждали такъ: чортъ ее знаетъ, эту статью—написано такъ, что съ одной стороны похоже на «науку», а съ другой не похоже. И вотъ вы вызвали тѣнь «наукъ» и «художествъ» и при помощи ея произвели диверсію: свалили все на эту совершенно никому ненужную тѣнь. Укори васъ кто-нибудь въ томъ, что

вы назвали мою статью научною, вы безъ сомнѣнія объяснили бы, что я, молъ, вѣдь не даромъ «науки»-то въ ковычкахъ поставилъ: меня, молъ, на мякинѣ-то не такъ легко провести. Вы понимаете, мой старый воробей, что въ моемъ положеніи не трудно было даже преувеличивать значеніе вашихъ экивоковъ. Но фактъ тотъ, что въ каждомъ вашемъ фатальномъ: «можно не соглашаться, но должно признаться» — сидѣло для меня оскорбленіе. Находились благодушные люди, изъ тѣхъ впрочемъ, которые интересуются болѣе лично мною, чѣмъ статьями, находились, говорю, люди поздравлявшіе меня, по поводу вашихъ позорныхъ похвалъ, съ успѣхомъ! Какъ! Меня, честнаго труженика, собственными силами добывающаго свой насущный хлѣбъ и хлѣбъ идеи, меня покровительственно одобряетъ воробей! ворона въ павлиньихъ перьяхъ, не имѣющая положительно никакой подготовки для сужденія о занимающихъ меня предметахъ. И это мой успѣхъ! Мнѣ попадались нумера «Петербургскаго Листка», «Петербургской Газеты», «Дешевой и Общедоступной Библіотеки», въ которыхъ меня ругательски ругали. Наглость и безсмыслица этой ругани меня сначала возмущали, пока не обтерпѣлся, но никогда не питалъ я къ темнымъ авторамъ этой ругани такого чувства, какое питаю къ вамъ. Васъ я глубоко презираю, васъ, который до послѣдняго времени меня одобрялъ, васъ, который работалъ надъ составленіемъ моей литературной репутаціи! Подивитесь силѣ неблагодарности! Вы отогрѣли змѣю на груди. Мой старый воробей, вы дали большой промахъ, совершенно несоотвѣтствующій вашей осторожности и вашему глубокомыслію. Зачѣмъ вы меня расхваливали? Вопервыхъ вамъ теперь пожалуй ужь и не повѣрятъ, когда вы будете уличать меня въ невѣжествѣ, бездарности, пустотѣ и проч.; скажутъ: а что-жь, братъ, ты, старый воробей, раньше-то говорилъ. Это разъ. Вовторыхъ вы меня избаловали. Сами посудите.—Я отъ васъ же получилъ аттестатъ побѣдителя не только гг. Антоновича и Жуковскаго, но даже Гёксли. Заручившись этимъ аттестатомъ, я и думаю: ужь если я Гёксли побѣдилъ, такъ Буренина-то конечно раздавлю, какъ клопа. И я васъ давлю. И чѣмъ я васъ

давлю? Не тѣмъ, что я «философъ», а вы перелагатель былинъ, переводчикъ Кальдерона (едва-ли впрочемъ съ испанскаго языка), фельетонистъ и многихъ другихъ орденовъ кавалеръ. Вы стремитесь все доказать, что я не философъ. Напрасный трудъ. Спросили бы вы меня, я бы вамъ сказалъ, что я и самъ не признаю себя философомъ, хоть интересуюсь и философскими вопросами. И не тѣмъ я васъ давлю, что я, какъ вы даже теперь утверждаете, обладаю «знаніями, стараніемъ и дарованіемъ,» т.-е. всѣми факторами, необходимыми для полнаго литературнаго успѣха, а вы не обладаете ни однимъ изъ нихъ. Нѣтъ, я васъ давлю просто своимъ званіемъ работника; работника не въ смыслѣ поставщика извѣстнаго числа страницъ или строкъ. Отъ литературной работы требуется нѣчто большее, чѣмъ простая механика: требуется сознательное служеніе извѣстной идеѣ и неустанная работа надъ собой. Вы считаете возможнымъ уязвить меня разсужденіями о томъ, что я писатель начинающій, что мнѣ предстоитъ еще много работы впереди, что теперешняя моя работа есть только подготовительная къ дальнѣйшей. О, мой старый воробей, опять-таки спросили бы вы меня, и я забѣжалъ бы впередъ, подставилъ бы грудь подъ эту якобы ядовитую стрѣлу. И не умеръ бы отъ нея. Нѣтъ, я бы сказалъ вамъ: ваша пѣсенка конечно спѣта, вы свой урокъ выучили и забыть успѣли, воробьиная пѣсня недолга, а у меня большой урокъ заданъ и конца я не вижу своему приготовленію. Понимаете ли теперь, почему я васъ давлю, почему вы достойны презрѣнія, какихъ бы вы ни измышляли пружинъ для приданія себѣ вида авторитетности и солидности? Потому, что со мной «можно не соглашаться», но нельзя не признавать за мной титула работника, а съ вами можетъ быть и можно соглашаться, но «должно признаться», что вы шалопай.

Достопочтенный воробей! Если ко мнѣ, какъ къ «юному» вы относились покровительственно, то въ «Отечественныхъ Запискахъ» есть лицо, на которое вы постоянно смотрѣли снизу вверхъ. Это—г. Салтыковъ, одинъ изъ немногихъ видныхъ литературныхъ дѣятелей, оставшихся отъ періода вашего посту-

пленія на должность гамена. Было что-то глубоко холопское въ томъ подобострастномъ смакованіи каждой строки этого писателя, которому вы съ увлеченіемъ предавались. Вы курили, курили... Богъ мой, сколько вы потратили курева! такъ что вчужѣ обидно за г. Салтыкова становилось. И вдругъ сыръ боръ загорѣлся и вы забыли всякую субординацію. Изъ-за чего? Я вамъ разскажу сначала другую маленькую исторію, тоже довольно характерную для нашихъ литературныхъ нравовъ. Существуетъ на свѣтѣ писатель Окрейцъ *). Я не знаю,—старый ли онъ воробей или молодой, но во всякомъ случаѣ птица одного полета съ вами, не менѣе васъ развязный и наглый. Этотъ г. Окрейцъ доставилъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» свой романъ, который былъ забракованъ. Сталъ г. Окрейцъ издавать «Дешевую и Общедоступную Библіотеку» (теперь онъ издаетъ «Всемірный Трудъ» и получилъ уже три предостереженія; «С.- Петербургскія Вѣдомости», имѣйте уваженіе!). Появилось въ этой «Библіотекѣ» журнальное обозрѣніе за подписью С. С. Окр—цъ. А въ этомъ обозрѣніи появились такого рода строки: «Пока г. Салтыковъ не былъ редакторомъ, до тѣхъ поръ онъ былъ писатель удовлетворительный. Но какъ только въ его руки попалъ редакторскій карандашъ, онъ и самъ испортился и свой журналъ сталъ портить; печатаетъ вещи, которыхъ не слѣдуетъ вовсе печатать, и *не печатаетъ вещей, которыя долженъ бы былъ печатать*». Это по крайней мѣрѣ на чистоту, прямое указаніе на редакторскій карандашъ, написавшій на романѣ г. С. С. Окрейца роковое «возвратить автору». Вы ведете свои дѣла разумѣется не такъ толсто, но все-таки не особенно

---

*) Кстати объ этомъ господинѣ. «Заря» (она теперь уже прекратилась, не успѣвъ даже сказать своего слова о Петрѣ) говоритъ: «Любопытно бы знать, какой это С. С. Окрейцъ? Не тотъ-ли, который служилъ въ западномъ краѣ становымъ приставомъ при исправникѣ Блохинѣ и былъ уволенъ... (если тотъ, то онъ знаетъ за что) и потомъ въ Вильнѣ съ двусмысленными цѣлями посѣщалъ дома покойныхъ В. Ѳ. Ратча и Н. В. Гоголя и вообще терся въ извѣстномъ кружкѣ виленскаго общества?» («Заря», № 2. стр. 177).

тонко. Какъ только что я, «юный», осмѣлился продерзостно ощипать «крылья-перья» стараго воробья, вы пришли въ воробьиную ярость и накинулись на всю редакцію «Отечественныхъ Записокъ», обругавъ заодно и г. Пятковскаго, осмѣлившагося непочтительно отозваться о вашихъ стихотвореніяхъ въ «Новомъ Времени». Но относительно г. Салтыкова вы все еще субординацію соблюдали, съ легкимъ впрочемъ уклономъ къ покровительственному тону. Вы говорили: «Г. Салтыковъ—даровитый сатирикъ, можно смѣло сказать, лучшій сатирикъ нашихъ дней—по формѣ впрочемъ и не всегда по внутренней сущности своихъ сатиръ, о которой можетъ быть и существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія» (фельетонъ № 144). Это ужь было знаменитое: «можно не соглашаться, но должно признаться». Никакихъ подобныхъ экивоковъ дотолѣ г. Салтыкову вы говорить не осмѣливались, вы пресмыкались безъ всякихъ двусмысленностей. Но все-таки при помощи варіацій на благодарную и всеобъемлющую тему «можно не соглашаться, но должно признаться»—вы всегда могли съ честью выдти изъ затрудненія и вновь начать свои пресмыканія передъ г. Салтыковымъ. Но вслѣдъ затѣмъ вамъ была возвращена изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» ваша довольно объемистая рукопись. Это случилось съ вами не въ первый разъ. Но тутъ возвращеніе манускрипта сопровождалось такими обстоятельствами, что вы ясно поняли, что дѣло кончено, что вы подверглись остракизму. И вотъ ваша воробьиная душа запылала негодованіемъ. Какъ! воскликнули вы,—я, старый воробей, и терплю такой афронтъ, такой убытокъ и такое наконецъ сокращеніе рессурсовъ по части шнырянья по всѣмъ редакціямъ! И вы настрочили свой фельетонъ № 170. Читая его, я радовался за г. Салтыкова, избавившагося наконецъ отъ вашего позорнаго куренія и получившаго возможность быть вами обруганнымъ. Конечно вы скажете, что вы раздѣляете произведенія г. Салтыкова на двѣ половины, изъ которыхъ одну одобряете, а другую строго порицаете. Прекрасно, значитъ васъ на мякинѣ не проведешь. Но, достопочтенный воробей, отчего вы до сихъ поръ, четыре

года сряду докладывая своимъ читателямъ о статьяхъ г. Салтыкова, *ни разу* не проговорились о существованіи половины, которую вы строго порицаете? Почему ни разу не ложились до сихъ поръ подъ ваше перо такія выраженія, какъ «пошлость «фикъ» и «трефандосовъ», употребляемыхъ г. Салтыковымъ для замаскированія *вздора*, который онъ выдаетъ за глубину мысли», или: «недомысленная публицистическая сатира въ духѣ г. Салтыкова»? Почему доселѣ изъ вашихъ отчетовъ о статьяхъ г. Салтыкова только и видно было, что живъ, живъ еще курилка-журналистъ! Согласитесь, что это самое блистательное приложеніе холопскаго принципа «либо ручку пожалуйте, либо въ зубы», характеристика котораго такъ понравилась вамъ—помните, мой старый воробей?—въ моей статьѣ о суздальской критикѣ.

Не говорите-же, мой старый воробей, о полемикѣ. Вы говорите: «Полемисты «Отечественныхъ Записокъ» привыкли, какъ видно, къ такого рода критической послѣдовательности, которая захватываетъ огуломъ, не разбирая, различныя стороны писателя: коли писатель, молъ, хорошъ, значитъ онъ хорошъ во всемъ и всегда. Я такой огульной послѣдовательности, откровенно признаюсь, не имѣю и не желаю имѣть». Какая сила убѣжденія, какая непреклонность! Кто подумаетъ, что произноситъ все это... воробей. При этомъ вы такъ много сдѣлали выписокъ изъ послѣдняго фельетона г. М. М., что и я позволю себѣ маленькую выписку изъ него же: «Эта самоувѣренность есть не что иное какъ продуктъ извѣстнаго рода выработки, которая дозволяетъ человѣку барахтаться и городить вздоръ даже тогда, когда онъ чувствуетъ себя окончательно уличеннымъ и припертымъ къ стѣнѣ. Выдержавшіе подобнаго рода дрессировку люди никогда не отвѣчаютъ прямо и даже не увертываются отъ вопросовъ; они просто въ свою очередь ошеломляютъ васъ вопросами, не имѣющими ничего общаго съ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь». De te, мой воробей, fabula narratur. Вы не полемизируете, вы барахтаетесь. Вы «признаетесь откровенно» (какъ вы однако въ самомъ дѣлѣ откровенны!), что не любите «огульной послѣдовательности». Это хорошо, это дѣлаетъ вамъ честь. Но васъ

никто къ такой послѣдовательности и не приглашалъ. Я имѣлъ честь уличить васъ въ томъ, что вы *объ одной и той же статьѣ одного и того-же автора, разсматривая ее съ одной и той же стороны,* съ одинаковою развязностью выразили два діаметрально-противуположныя мнѣнія. Вотъ въ чемъ дѣло, мой упорный, мой барахтающійся воробей, а не въ огульной послѣдовательности. Вамъ хочется, чтобы я для вящшаго вашего посрамленія еще разъ перепечаталъ оба ваши мнѣнія. Извольте, я это сдѣлаю.

Въ фельетонѣ № 144-го г. Буренинъ пишетъ о г. Елисеевѣ: когда онъ «вздумалъ явиться въ качествѣ ученаго публициста и выступилъ съ нѣкоторыми либерально-статистическими статьями, спеціалисты дѣла доказали ему, что онъ въ статистикѣ смыслитъ не очень много и что статьи его блещутъ больше лоскомъ либерализма, чѣмъ серьезными свѣдѣніями и мыслями». Въ объясненіе этого надо напомнить, что «спеціалисты дѣла» суть г. Жуковскій, занимавшійся разборомъ статей г. Елисеева въ извѣстной брошюрѣ объ «Отечественныхъ Запискахъ». И въ свое время тотъ-же г. Буренинъ отзывался объ этомъ дѣлѣ такъ: «Право, я не уразумѣю этого обстоятельства, по которому иные дѣятели нашей литературы объявляютъ только себя способными на уразумѣніе истинной мудрости въ извѣстной отрасли литературы или науки. Г. Жуковскій думаетъ, что политико-экономическія познанія способенъ обнаруживать во всей полнотѣ единственно онъ, а для г. Елисеева это дѣло уже недоступно» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1869 года, № 196).

И вы это называете полемикой, мой старый воробей? Однако васъ право вовсе не такъ трудно провести на мякинѣ.

Въ томъ-же фельетонѣ № 170-го, отъ 24-го іюня, вы снисходительно даете мнѣ урокъ относительно условныхъ формъ вѣжливости. «Этотъ и тому подобные эпитеты («почтенный»), говорите вы, примѣняемые къ редакціи и къ «Отечественнымъ Запискамъ», не что иное, какъ общепринятая форма вѣжливаго отношенія, а отнюдь не выраженіе лестнаго мнѣнія о журналѣ и редакціи». Вы утверждаете далѣе, что я этого, по своей *юно-*

сти, не знаю. «Этотъ *юный* философъ, продолжаете вы, желая поразить публику явными противорѣчіями, будто бы (въ самомъ дѣлѣ: будто бы?) заключающимися въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», обобщаетъ помянутыя обычныя формы вѣжливости и ставитъ намъ въ укоръ, что еще вчера для насъ «Отечественныя Записки», по собственнымъ нашимъ словамъ, были органомъ уважаемымъ, а нынѣ мы совѣтуемъ имъ вступить «въ союзъ съ здравымъ смысломъ». Подобныя обобщенія для *юнаго* философскаго ума конечно представляются очень глубокими; но пусть *юный* умъ уразумѣетъ, что онъ заблуждается. Это замѣчаніе исключительно и предназначено для *юнаго* ума». Экъ вамъ однако моя юность поперегъ горла стала! Во всякомъ случаѣ благодарю за урокъ. А то я, мѣсяцъ тому назадъ, говоря о вашей наглости, называлъ васъ «почтеннымъ» хроникеромъ въ буквальномъ смыслѣ. Послѣ вашего урока, я, какъ видите, величаю васъ даже «достоночтеннымъ», и все такъ-же искренно. Шутникъ вы, право. Но будемъ говорить серьезно. Вы нѣсколько запоздали своимъ заявленіемъ о томъ, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» вообще и вы, старый воробей, въ частности никогда не уважали «Отечественныя Записки», а называли ихъ уважаемыми только изъ вѣжливости. За нѣсколько дней до вашего фельетона, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана редакціонная замѣтка такого приблизительно, если не буквально содержанія: Мы должны извиниться передъ читателями. Мы неоднократно называли «Отечественныя Записки» уважаемымъ органомъ. Мы ошибались. Мы убѣдились теперь, что они недостойны уваженія и спѣшимъ поправить свою ошибку и т. д. Вотъ вамъ, мой старый воробей, примѣръ, достойный подражанія. Онъ комиченъ, но вѣдь и вы комичны. Уважалъ, говоритъ, а теперь не уважаю. Скажите и вы прямо: говорилъ прежде то-то, а теперь не говорю. Вы пересолили въ своемъ усердіи, воробей, изъ чего заключаю, что можно быть Хамомъ, не будучи въ то-же время сыномъ Ноя. Вы уже plus royaliste que le roi. Очевидно редакція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» своей замѣткой отрицаетъ ваше хитроумное сплетеніе насчетъ

эпитета «почтенный». Значитъ, изо всей редакціи вы одинъ не только теперь не уважаете «Отечественныя Записки», но и прежде не уважали, ибо кого-кого, а васъ-то на мякинѣ не проведешь. А между тѣмъ вы одинъ изо всѣхъ сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» дарили «Отечественныя Записки» своими произведеніями. Что-же это такое? O tempora, o mores! Г. Буренинъ, этотъ чистый и незапятнанный стражъ науки и справедливости, этотъ образецъ литературной добросовѣстности, этотъ рыцарски честный полемистъ, этотъ... я чуть-чуть не сказалъ: шутъ гороховый... однимъ словомъ Бу-ре-нинъ, этимъ все сказано, даетъ свои стихотворенія въ недостойный уваженія журналъ, и даетъ, замѣтьте, вплоть до тѣхъ поръ, пока не подвергается остракизму.

Скажите, воробей, трудно вамъ барахтаться или, какъ вы выражаетесь, полемизировать? Нѣтъ, я думаю, легко. Я даже потому и занимаюсь вами такъ долго, что вамъ легко барахтаться. Я не льщу себя надеждой сразу заставить васъ замолчать. Когда вы вздумали разъ распространиться о варварскихъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ генерала Бакланова (по поводу записокъ послѣднаго, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»), генералъ прислалъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» рѣзкое и строгое письмо, въ которомъ обзывалъ васъ «шустрымъ дѣтиной» (не значитъ ли это, чего добраго, «юный умъ»?) и еще какъ-то. «С.-Петербургскія Вѣдомости» смиренно напечатали посланіе генерала съ приложеніемъ кроткаго извинительнаго примѣчанія отъ редакціи, а вы ни гу-гу. Но я не генералъ Баклановъ, и потому не разсчитываю на такой скорый конецъ. И тѣмъ не менѣе я занимаюсь вами и буду заниматься, именно потому, что вы барахтаетесь съ «легкимъ сердцемъ». Изъ такихъ людей рекрутируется такъ много способствовавшая паденію Франціи, такъ называемая либеральная литература, литература наглая и продажная...

Тс! Не торопитесь тянуть меня въ судъ. Я не подлежу обвиненію ни въ клеветѣ, ни въ диффамаціи. Я не только не говорю, что вы продажный писатель, но утверждаю напротивъ,

что люди вашей породы рѣдко бываютъ продажными: одни не хотятъ продаваться, другіе не могутъ, потому что ихъ никто не купитъ. И тѣмъ не менѣе люди вашей породы составляютъ самый подходящій персоналъ продажной литературы. Имъ конечно въ ротъ ничего не попадетъ, а только по усамъ потечетъ. Но они безцѣнны въ своемъ родѣ, потому что на кого и на что нельзя натравить доблестнаго рыцаря, написавшаго на своихъ доспѣхахъ девизъ: ni foi, ni loi? Передъ чѣмъ остановится онъ, если только ловкому человѣку удастся забрать его въ руки и пустить впередъ въ качествѣ пушечнаго мяса? Теперь вы конечно едва-ли кому нужны. Но съ развитіемъ желѣзнодорожнаго, фабричнаго, банковаго дѣла, не замедлятъ явиться ловкіе люди изъ финансовыхъ тузовъ, королей и валетовъ, которые заполонятъ журналистику. Тутъ-то и понадобитесь вы и вамъ подобные. Вы станете нужнымъ человѣкомъ. Это будетъ... кто знаетъ? Это будетъ можетъ быть завтра. И вотъ почему я вами занимаюсь.

Прощайте или вѣрнѣе до слѣдующаго раза. И помните, что я съумѣю разглядывать васъ не въ ущербъ интересамъ публики. Я не говорю, чтобы у меня не сорвалось иногда крѣпкое слово, но я никогда не снизойду до голой ругани. И, клянусь честью, вамъ станетъ наконецъ стыдно. А пока не стыдно,—исполняйте свою функцію: заражайте атмосферу. Allez toujours!

II.

Августъ 1872 года.

Письма г. Скальковскаго съ московской политехнической выставки. — «Малайскій архипелагъ» Уоллеса. — «Протоколы и стенографическіе отчеты засѣданій перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью»—Мысли г. Скальковскаго танцуютъ кадриль. — Теоретическая и практическая точки зрѣнія. — Русскій рабочій вопросъ на съѣздѣ промышленниковъ.—«Англо-саксонская сельская община» г. Сокальскаго.

Вы конечно читали напечатанныя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» остроумныя письма г. Скальковскаго съ москов-

ской политехнической выставки. Во всякомъ случаѣ я обращаю на нихъ ваше вниманіе. Г. Скальковскій становится настолько замѣтнымъ писателемъ и практическимъ дѣятелемъ, что было бы небезполезно подвести итоги его дѣятельности. Къ сожалѣнію, мнѣ эта работа не подъ силу. Г. Скальковскій пишетъ съ очевиднымъ знаніемъ дѣла и о срочномъ и почтовомъ пароходствѣ, и объ испанской живописи, и о нуждахъ русской промышленности, и о глицериновомъ мылѣ, и о красотѣ севильянокъ и проч., и проч., и проч. Я не хочу подвергаться эпиграммамъ въ родѣ извѣстнаго акаѳиста покойнаго Щербины (см. «Русскую Старину» за январь):

Радуйся, Испаніи невиданіе,
Радуйся, Испаніи описаніе,
Радуйся, живописи непониманіе,
Радуйся, о живописи трактованіе,
Радуйся, музыки неразумѣніе,
Радуйся, музыки разсужденіе и т. д.

Поэтому я отказываюсь отъ оцѣнки литературной дѣятельности г. Скальковскаго въ цѣломъ. Пусть кто хочетъ возьметъ на себя этотъ трудъ, а я берусь доставить только кое-какіе матеріалы, причемъ получатся, я надѣюсь, не безъинтересные побочные результаты.

Въ № 177-мъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» (второе письмо съ выставки) г. Скальковскій пишетъ: «Въ послѣднее время очень много разсуждали о кустарной промышленности, собирали даже о ней кое-какія свѣдѣнія и писали статейки съ проектами поставить кустарное производство на «раціональныя» основанія. Лучшимъ средствомъ для этого рекомендовалось начало ассоціаціи. Признавая пользу артельнаго начала, которое въ кустарномъ дѣлѣ отчасти и приложено, нельзя все-таки не признать, что всѣ попеченія о благѣ кустарной промышленности— чистая блажь и происходятъ по большей части отъ незнанія условій промышленнаго производства вообще и кустарнаго производства въ особенности. Промышленность, какъ любовь: гоните ее въ дверь, она влетитъ въ окно. Никакое государство,

какъ бы иностранные ученые и отечественные доктринеры ни считали его земледѣльческимъ, безъ промысловъ существовать не можетъ, а въ особенности когда горючій матеріалъ дешевъ и свободныя руки зимой въ изобиліи. Потому еще въ доисторическую эпоху возникли въ Россіи разнообразныя отрасли промышленности на кустарномъ началѣ, существующія безъ большихъ измѣненій до настоящаго времени. Невѣжество и неприхотливость потребителей, крѣпостное право, неумѣнье разцѣнить свой трудъ, недостатокъ фабрикъ и заводовъ и прикрѣпленіе людей къ землѣ, болѣе всего по отсутствію удобныхъ средствъ къ передвиженію, поддержпвали временно существованіе подобнаго способа производства; но при устройствѣ настоящихъ фабрикъ и заводовъ, онъ теряетъ свой raison d'être и долженъ непремѣнно исчезнуть, какъ исчезъ въ государствахъ даже менѣе развитыхъ, нежели Россія. Мы не говоримъ о ремеслахъ и мелкой промышленности, они конечно всегда, останутся. Но продолжать ковать гвозди, воруя казенный лѣсъ, и ткать холсты, получая по 3 копѣйки въ день, когда одна хорошая фабрика сработаетъ гораздо болѣе, нежели цѣлый уѣздъ, занимающійся кустарнымъ производствомъ, значитъ безцѣльно растрачивать экономическія силы и пренебрегать рабочими руками въ странѣ, гдѣ ихъ-то всего болѣе и не достаетъ для эксплуатаціи безмѣрной почвы съ ея нетронутыми богатствами. Если же мы нашу промышленность, взамѣнъ силы пара, техническаго и денежнаго капитала, будемъ угощать экономическими теоріями и проектами, то польза будетъ не очень велика, а къ тому, кажется, и клонятся предполагаемыя улучшенія кустарнаго производства».

Вотъ голосъ дѣлопроизводителя общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и редактора «Трудовъ» онаго, секретаря перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ и заводчиковъ, автора сочиненій «Стоитъ-ли поощрять русскую промышленность?» «Срочное и почтовое пароходство въ Россіи и заграницей», словомъ — голосъ практика. Но подобно большинству сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Скаль-

ковскій есть дѣятель двухголосый. Въ № 184-мъ (второе письмо съ выставки) г. Скальковскій пишетъ: «Всѣ механическія издѣлія блѣднѣютъ передъ прядильными машинами фабрики Плате и ком., пущенными въ ходъ нашими мануфактуристами. Публика равнодушно посматриваетъ на эти машины, какъ бы не зная, что эти веретена произвели величайшій общественный переворотъ новѣйшихъ временъ, окончанія и послѣдствій котораго не предвидятъ самые проницательные люди, но передъ которымъ кажутся жалкими перевороты отдѣльныхъ государствъ. Машины эти, изобрѣтателя которыхъ не идеализируютъ, какъ другихъ реформаторовъ, потому что ими обязаны не одному какому-либо человѣку, а соединеннымъ усиліямъ многихъ инженеръ-механиковъ, создаютъ новый порядокъ вещей, вліяніе котораго отражается на отдаленнѣйшихъ островахъ Австраліи, гдѣ появленіе дешевыхъ мануфактуръ вноситъ разлагающій элементъ въ первобытную цивилизацію; эти-то машины создаютъ своимъ распространеніемъ промышленный пролетаріатъ со всѣми связанными съ нимъ вопросами и головоломными задачами, тотъ порядокъ вещей и тотъ пролетаріатъ, о которомъ одинъ знаменитый естествоиспытатель и путешественникъ написалъ недавно слѣдующія строки, разсуждая преимущественно объ Англіи: «Преодолѣніе силъ природы повлекло за собою быстрое возрастаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что̀ въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности, порока и поощреніе столькихъ гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизился-ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія, и не принесло-ли это движеніе болѣе зла, нежели добра. Въ сравненіи съ нашимъ удивительнымъ прогрессомъ въ физикѣ и ея практическихъ примѣненіяхъ, англійская общественная и нравственная организація остается въ состояніи варварства. И если мы будемъ продолжать обращать главныя наши силы къ утилизированію знанія законовъ природы только съ цѣлью дальнѣйшаго расширенія торговли и промышленности, то слѣдующій за этимъ неизбѣжно вредъ можетъ возрасти до такихъ гигант-

скихъ размѣровъ, что мы будемъ не въ силахъ справиться съ нимъ. Нужно признать тотъ фактъ, что богатство, знанія и культура, выпадающія на долю немногихъ лицъ, не составляютъ еще цивилизаціи и не могутъ служить символомъ совершенства нашего общественнаго быта. Наши безпримѣрные успѣхи въ промышленности и торговлѣ, наши обширные и многолюдные города создали цѣлую армію пролетаріевъ и преступниковъ, ряды которыхъ увеличиваются съ каждымъ днемъ; они создали многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ тяжеломъ неблагодарномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на долю ничтожнаго меньшинства выпали одни лишь удовольствія; они видятъ вокругъ себя роскошь и довольство, наслаждаться которыми они лишены всякой надежды; въ этомъ отношеніи положеніе ихъ хуже дикарей». Слова богатаго англичанина невольно пришли намъ на память въ манежѣ. Они составляютъ обратную сторону всей политехнической выставки».

Мрачныя слова, вспомнившіяся г. Скальковскому на выставкѣ, принадлежатъ знаменитому сопернику Дарвина Уоллесу и взяты изъ очень интересной книги послѣдняго «Малайскій архипелагъ. Страна орангъ-утанга и райской птицы» (Спб., 1872). Я долженъ сознаться, что эта и нѣкоторыя другія страницы въ сочиненіи Уоллеса, за которыя гг. Антоновичъ и Жуковскій назвали бы его «либеральничающимъ невѣждой», а г. Коршъ «Бѣдной Лизой», имѣютъ въ моихъ глазахъ высокую цѣну. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей науки и слѣдовательно трезвой мысли, человѣкъ, и по своему умственному развитію и по своему матеріальному положенію имѣющій возможность просмаковать всѣ тончайшія блага цивилизаціи, человѣкъ этотъ, сравнивая бытъ высоко цивилизованной страны съ бытомъ дикарей, говоритъ: «Наше общество едва ли имѣетъ какое либо реальное превосходство надъ обществомъ лучшихъ изъ дикарей. Вотъ урокъ, почерпнутый мною изъ наблюденій надъ нецивилизованными племенами» (621). Это поучительно. Поучительны также страницы 506—7, поводъ которымъ данъ слѣдующимъ, дѣйствительно поразительнымъ фактомъ: «въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ земли (на

Аруанскихъ островахъ) дикари могутъ покупать платье дешевле, чѣмъ народъ въ той странѣ, гдѣ оно производится; дитя ткача должно дрожать зимой отъ холода, не будучи въ состояніи купить себѣ вещей, доступныхъ дикарю тропическихъ странъ, гдѣ платье служитъ только для украшенія».

Я прошу читателя запомнить два приведенныя мѣста изъ писемъ г. Скальковскаго съ выставки.

Передо мной лежитъ довольно любопытная книга: «Протоколы и стенографическіе отчеты засѣданій перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью». Съѣздъ происходилъ, какъ извѣстно, въ 1870 году; но отчеты его засѣданій опубликованы только въ нынѣшнемъ. Я не берусь говорить объ этомъ сборникѣ документовъ вообще, какъ потому, что не имѣю нужныхъ для этого спеціальныхъ свѣдѣній, такъ и потому, что многое въ сборникѣ имѣетъ слишкомъ спеціальный интересъ. Я возьму изъ него только нѣчто, всего два, три эпизода.

Въ первомъ засѣданіи перваго отдѣленія съѣзда рѣчь шла о вліяніи желѣзныхъ дорогъ на промышленность. Въ концѣ засѣданія г. Скальковскій сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: «Не угодно ли будетъ собранію выразить, чтобы желѣзныя дороги, проходящія по каменно-угольнымъ бассейнамъ или въ мѣстностяхъ, завѣдомо богатыхъ каменнымъ углемъ, по условію, выраженному въ концессіяхъ, или по нравственному вліянію правительства на правленія дорогъ, непремѣнно употребляли бы горючимъ матеріаломъ каменный уголь, для того, чтобы спасти остатки лѣсовъ». При этомъ г. Скальковскій указалъ на Курскую, Московскую и Азовскую желѣзныя дороги, какъ на такія, которыхъ необходимо связать предлагаемымъ имъ условіемъ. На это предложеніе предсѣдатель, г. фонъ-Бушенъ возразилъ слѣдующими, восторженно принятыми словами: «Я полагаю, что первое и главное условіе для развитія всякой промышленности есть свобода! (*непремѣнно! браво!*) Повторять здѣсь подобную аксіому, какъ ту, что только свободный трудъ производителенъ, что промышленность должна имѣть полный просторъ, чтобы брать и упо-

треблять матеріалъ тотъ, который выгоднѣе и дешевле и который поэтому можетъ служить для удешевленія самаго произведенія—совершенно излишне. (*Вѣрно! Браво!*) Я не раздѣляю мнѣнія о томъ, чтобы съѣздъ фабрикантовъ, который хлопочетъ о нуждахъ фабрикантовъ, долженъ былъ выразить свою дѣятельность въ томъ, чтобъ просить подвергнуть отдѣльныя отрасли промышленности регламентаціи. Всякая регламентація вредна вообще въ промышленномъ дѣлѣ, и чѣмъ ея меньше, тѣмъ для дѣла лучше» (*браво!*) и т. д. Было заявлено далѣе, что вопросъ, поднятый г. Скальковскимъ, не подлежитъ разрѣшенію перваго отдѣленія. Г. Скальковскій взялъ свое предложеніе назадъ, съ тѣмъ, чтобы перенести его во второе отдѣленіе съѣзда. Третье засѣданіе втораго отдѣленія было спеціально посвящено вопросу о распространеніи употребленія ископаемаго топлива въ Россіи, и г. Скальковскій продолжалъ отстаивать свою мысль объ обязательномъ, для извѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ, употребленіи каменнаго угля. Онъ и нѣкоторые другіе указывали на Харьково-Таганрогскую дорогу, въ районѣ которой остается лѣсу всего на одинъ, на три года; на Грушевскую, на Азовскую дороги, прорѣзывающія богатѣйшія каменно-угольныя мѣсторожденія и тѣмъ не менѣе отапливающіяся дровами и т. п. Г. Скальковскому возражали, что промышленность регламентаціями только забивается. Одинъ изъ ораторовъ объявилъ: «Пусть наши богатства лежатъ въ землѣ, если ихъ нужно вынимать съ регламентаціями»! Это восклицаніе напоминаетъ извѣстное: perissent les colonies pourvu que le principe soit sauvé! или еще болѣе знаменитое: fiat justicia, ruat coelum! Г. Скальковскій довольно удачно парировалъ эти возраженія. Онъ называлъ ихъ «громкими фразами» и говорилъ, что «если запрещаютъ выбрасываться изъ окна, такъ вѣдь это тоже регламентація».

Теперь другой эпизодъ. Второе засѣданіе съѣзда занято было изслѣдованіемъ вопроса: «какія мѣры могутъ быть приняты для содѣйствія умственному и нравственному развитію нашего рабочаго сословія»? Между прочимъ г. Кайгородовъ выразилъ мнѣніе о необходимости устранить дѣтей младшаго возраста отъ

работъ на фабрикахъ. Г. Скальковскій возразилъ на это такъ: «Дѣйствительно, эта мѣра казалась бы одною изъ гуманнѣйшихъ для улучшенія быта фабричныхъ рабочихъ; но мнѣ кажется, что въ Россіи эта мѣра совершенно непримѣнима. Въ промышленномъ законодательствѣ западной Европы существуетъ теперь стремленіе по возможности ограничивать дѣтскую работу на фабрикахъ. Въ новомъ промышленномъ уставѣ, проектъ котораго составленъ въ министерствѣ финансовъ, имѣлось это въ виду и срокъ ограниченъ 12 годами. Но противъ этого возстаютъ фабриканты и, какъ мнѣ кажется, совершенно справедливо. На Западѣ населеніе чрезвычайно плотно и чувствуется нерѣдко избытокъ въ рабочихъ рукахъ. Поэтому тамъ и легко сдѣлать порядочныя ограниченія. Въ Бельгіи воспретили даже недавно всю женскую работу въ горномъ дѣлѣ, но въ Россіи подобная мѣра была бы стѣснительна и отразилась бы тяжело на нашемъ рабочемъ классѣ, который чрезвычайно бѣденъ. По моему мнѣнію, надобно не сокращать, а по возможности усиливать всѣ средства для увеличенія заработковъ, такъ-какъ отъ матеріальнаго благосостоянія зависитъ и улучшеніе нравственное». Противъ мысли о выгодности труда малолѣтнихъ для самихъ рабочихъ говорилъ профессоръ Вреденъ. Онъ указалъ на то обстоятельство, что если крестьянинъ-земледѣлецъ занимается еще напримѣръ ткачествомъ, причемъ послѣднее играетъ только роль подспорнаго занятія, то эта подспорная работа оцѣнивается безъ всякой нормы. Заработная плата въ такихъ случаяхъ падаетъ нерѣдко такъ низко, что становится даже возможна конкуренція ручной работы съ машинною. Такова-же роль труда несамостоятельныхъ членовъ рабочей семьи: что бы ни заработывали жена и дѣти, они все-таки приносятъ кое-что въ домъ и слѣдовательно повидимому облегчаютъ положеніе семьи. Но это только повидимому. На самомъ дѣлѣ фабрикантъ, оцѣнивая трудъ малолѣтнихъ внѣ всякой нормы, стремится замѣстить этимъ дешевымъ трудомъ трудъ взрослыхъ работниковъ. Благодаря этой конкуренціи, падаетъ и заработная плата взрослыхъ, такъ что въ результатѣ рабочій оказывается въ огром-

номъ убытке. Г. Скальковскій объявилъ, что онъ не станетъ возражать противъ теоретической справедливости вывода г. Вредена, но тѣмъ не менѣе остался при своемъ мнѣніи, что для Россіи нѣтъ надобности въ ограниченіи работы дѣтей на фабрикахъ. «Въ настоящее время, замѣтилъ г. Скальковскій, очень много говорятъ о свободѣ промышленности и о свободѣ торговли; но свобода промышленности состоитъ въ возможно меньшемъ числѣ ограниченій, запрещеній и наблюденій. Еслибы возможно было уменьшить стѣсненія въ промышленномъ уставѣ, то отъ этого промышленность конечно только бы выиграла».

Мы собрали матеріалы и можемъ начать постройку.

Мы имѣемъ четыре мысли г. Скальковскаго: 1) о значеніи кустарной промышленности, 2) о значеніи крупной промышленности (эта мысль выражена словами Уоллеса), 3) объ обязательности для извѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ употребленія минеральнаго топлива, 4) о дѣтскомъ трудѣ на фабрикахъ. Нетрудно видѣть, что эти четыре мысли г. Скальковскаго въ нѣкоторомъ родѣ танцуютъ кадриль. Танецъ идетъ весело и живо, пары мѣняются мѣстами, продѣлываютъ chassé en avant, chassé croisé, кружатся, галопируютъ, сходятся, наконецъ вѣжливо раскланиваются и расходятся въ разныя стороны; онѣ можетъ быть, никогда уже болѣе не встрѣтятся, а можетъ быть при первыхъ звукахъ веселой ритурнели расположатся въ прежнемъ порядкѣ. Это дѣло бальнаго фатума.

Сопоставимъ сначала два первыя воззрѣнія. Г. Скальковскій считаетъ нелѣпостью, блажью заботы о кустарной промышленности, о выводѣ занимающихся ею изъ-подъ ярма кулаковъ-скупщиковъ и т. п. Онъ желаетъ скорѣйшей замѣны кустарниковъ крупною промышленностью, ибо одна хорошая фабрика наработаетъ больше, чѣмъ цѣлый уѣздъ, занимающійся кустарнымъ производствомъ. Какія же формы крупной промышленности должны смѣнить наши кустарники? какими путями мы можемъ придти къ этимъ формамъ? Отвѣты на эти вопросы не составляютъ тайны ни для кого изъ приглядывавшихся къ дѣятельности г. Скальковскаго. Изъ тѣхъ же протоколовъ перваго всероссій-

скаго съѣзда промышленниковъ это очень не трудно усмотрѣть: свобода и покровительство, вотъ двусмысленный и нѣсколько противорѣчивый лозунгъ г. Скальковскаго. Далѣе, покровительство распредѣляется для него въ обратномъ отношеніи къ силамъ покровительствуемыхъ, по принципу: большому кораблю большое и плаваніе, а маленькій и въ лужѣ погуляетъ. Такъ напримѣръ онъ желаетъ «*облегченія* для паруснаго судоходства, *поощренія* — для пароваго и *субсидій* для большихъ пароходныхъ компаній». (Протоколы, 82). Въ брошюрѣ г. Скальковскаго «Стоитъ ли поощрять русскую промышленность?» я нахожу, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: «Было время, когда англичане находились въ зависимости отъ промышленности прирейнскихъ городовъ.—Мы покупаемъ у англичанъ цѣлую лисицу, отдавая имъ за нее отдѣланный лисій хвостъ, говорили нѣмцы, потому государственные люди Англіи двѣсти лѣтъ заботились объ изданіи законовъ, покровительствующихъ своей промышленности, и добились того, что сами промышленники хлопочутъ уже тамъ о свободной торговлѣ и отмѣнѣ пошлинъ. Мы, хотя носимъ англійскія моды и заводимъ въ подражаніе иностранцамъ общества покровительства животныхъ, но не хотимъ подражать имъ въ покровительствѣ своего труда». Но къ чему дѣлать выписки и цитаты? И безъ нихъ ясно, что г. Скальковскій желаетъ замѣны кустарниковъ существующими на западѣ, главнымъ образомъ въ Англіи, формами крупной промышленности. И придти къ нимъ онъ желаетъ тою же проторенною дорожкой, какою шла западная Европа и опять таки главнымъ образомъ Англія. А къ чему пришла Англія? Намъ отвѣчаетъ на это самъ г. Скальковскій отчасти своими собственными словами, отчасти словами Уоллеса. Быть можетъ, читатель, еслибы вамъ пришли въ голову при видѣ прядильныхъ машинъ такія мрачныя мысли, какія занимали г. Скальковскаго на выставкѣ, быть можетъ вы призадумались бы надъ ролью кустарной промышленности. Быть можетъ вы сказали бы себѣ: надо искать такой комбинаціи, которая устраняла бы невыгоды кустарнаго производства, но въ то же время не довела бы насъ до «цѣлой арміи преступниковъ и пролета-

ріевъ, ряды которыхъ увеличиваются съ каждымъ днемъ»; а буде такая комбинація въ настоящую минуту по нѣкоторымъ обстоятельствамъ неудобна, то не подождать ли намъ херить кустарники съ развязностью почти военнаго человѣка? Картина, представленная Уоллесомъ, такъ страшна и мрачна, такъ несетъ отъ нея человѣческимъ мясомъ и человѣческой душой, принесенными въ жертву «невѣдомому богу» (кто вѣдаетъ этого бога?), что иной можетъ пожалуй сказать: а пусть себѣ тверитяне и новгородцы продолжаютъ пока ковать гвозди, воруя казенный лѣсъ,—это все-таки лучше и во всякомъ случаѣ будущее остается въ нашихъ рукахъ. Но вѣдь мы присутствуемъ при веселой кадрили: пары мѣняются мѣстами, сходятся, расходятся,

Чертогъ сіялъ,
Гремѣли хоры,

Уоллесъ пошелъ не знаю куда, а г. Скальковскій либо въ помѣщеніе комитета общества для содѣйствія торговлѣ и промышленности, либо въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»...

Опять веселый ритурнель. Является новая пара мыслей г. Скальковскаго. Г. Скальковскій желаетъ спасти лѣса и для этого предполагаетъ обязать нѣкоторыя желѣзныя дороги употреблять минеральное топливо. Ему говорятъ, что это будетъ регламентація, которая, какъ и всякая регламентація, только стѣснитъ промышленность, что промышленникъ воленъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который для него сподручнѣе. Г. Скальковскій отвѣчаетъ, что это только громкія фразы, что пожалуй и запрещеніе выбрасываться изъ окна есть та же регламентація. Затѣмъ г. Скальковскому говорятъ, что не надо бы пускать дѣтей на фабрики. Онъ отвѣчаетъ: это будетъ регламентація, которая, какъ и всякая регламентація, только стѣснитъ промышленность; промышленникъ воленъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который для него сподручнѣе. Можетъ быть кому-нибудь покажется, что это только громкія фразы, что пожалуй и запрещеніе выбрасываться изъ окна есть тоже регламентація. Но во всякомъ случаѣ, пары дѣлаютъ chassé en avant, chassé croisé, сходятся, кружатся,

наконецъ вѣжливо раскланиваются и расходятся въ разныя стороны... Г. Скальковскій, сохранивъ лѣса при помощи регламентаціи и снабдивъ фабрики дѣтскимъ трудомъ при помощи свободы, удаляется, слегка полькируя, въ комитетъ общества для содѣйствія промышленности или въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»...

Эта небезканканная кадриль поучительна. И не только какъ матеріалъ для характеристики дѣятельности г. Скальковскаго. Четыре мысли г. Скальковскаго сами собой разбиваются на двѣ діаметрально противоположныя группы, взаимныя отношенія которыхъ опредѣлить весьма важно. Назовемъ воззрѣнія г. Скальковскаго на кустарную промышленность и дѣтскій трудъ на фабрикахъ—практическими, и его же мысли о крупной промышленности и обязательности употребленія каменнаго угля—теоретическими. Понятное дѣло, что эти названія чисто условныя, ибо нѣтъ такой практики, которая не имѣла бы или по крайней мѣрѣ не могла бы имѣть соотвѣтственной теоріи; а съ другой стороны *теоретическій* отнюдь не значитъ *не практическій*. Тѣмъ не менѣе, тѣ двѣ точки зрѣнія, о которыхъ мы говоримъ, до такой степени различны, что единовременное существованіе ихъ въ головѣ одного и того же человѣка можетъ быть по справедливости названо довольно рѣдкою игрою природы (lusus naturae).

Наиболѣе характеристическая черта практической точки зрѣнія состоитъ въ уваженіи къ условіямъ, среди которыхъ приходится рѣшать данную задачу. Это уваженіе можетъ принимать различныя формы, достигать различныхъ степеней. Иногда напримѣръ условія задачи признаются просто хорошими и ненуждающимися ни въ какомъ обновленіи, иногда стихійно неизмѣняемыми, иногда наконецъ просто о достоинствахъ и недостаткахъ наличныхъ условій не говорится вовсе и слѣдовательно ихъ законность подразумѣвается. Въ этомъ состоитъ и сила и слабость практической точки зрѣнія. Практикъ (я напоминаю, что это чисто условное названіе) не оглядывается по сторонамъ, не удаляется отъ задачи ни на шагъ. Поэтому ему легко представить рѣшеніе задачи, не осложненной побочными данными; ему

легко и убѣдить поверхностныхъ слушателей, читателей, наблюдателей, что онъ говоритъ только дѣло. Его рѣшенія всегда просты и понятны большинству. Но за то они по необходимости узки и въ большинствѣ случаевъ ошибочны, ибо анализъ условій задачи, отъ котораго практикъ отлыниваетъ, существенно необходимъ для самаго рѣшенія. Положеніе теоретиковъ гораздо труднѣе. Достойно вниманія, что засѣданія всероссійскаго съѣзда промышленниковъ, въ которыхъ г. Скальковскій, въ качествѣ теоретика, ратовалъ за наши южные лѣса, были посвящены вовсе не лѣсоводству, а каменноугольной промышленности и желѣзнодорожному дѣлу. Поднимая вопросъ о будущности нашихъ лѣсовъ на югѣ, предлагая принять мѣры для ихъ сохраненія, г. Скальковскій уклонился отъ вопросовъ, поставленныхъ въ программѣ съѣзда. Это явленіе весьма обыкновенное, когда люди разсуждаютъ съ теоретической точки врѣнія, которая стремится охватить и принять въ соображеніе возможно большій кругъ явленій. Есть множество вопросовъ, которые очень волнуютъ практиковъ, но о которыхъ теоретикъ даже говорить не станетъ, если для удовлетворительнаго ихъ рѣшенія требуется предварительно измѣнить совокупность обставляющихъ вопросъ условій. Онъ заговоритъ объ этихъ условіяхъ, объ этихъ, въ глазахъ практиковъ и толпы, совершенно посторонникъ дѣлу вещахъ. Понятно поэтому, что публика аплодировала не г. Скальковскому, а г. фонъ-Бушену, отчасти за его гимнъ свободѣ, отчасти за чисто-практическую постановку вопроса: если предпринимать при наличныхъ условіяхъ находитъ болѣе выгоднымъ отоплять локомотивы дровами, то и пусть его отопляетъ; а что въ близкомъ будущемъ это ляжетъ бременемъ на цѣлый край и поведетъ даже къ важнымъ климатическимъ измѣненіямъ,—до этого г. фонъ Бушену дѣла нѣтъ, это не въ его околодкѣ.

Уваженіе практиковъ къ условіямъ задачи часто принимаетъ даже комическій характеръ. Вотъ напримѣръ г. Скальковскій, разсуждая на этотъ разъ какъ практикъ, говоритъ, что кустарное производство гвоздей въ Новгородской губерніи есть безо-

бразіе, между прочимъ потому, что крестьянамъ приходится для этого воровать лѣсъ. Конечно это безобразіе, но оно говоритъ вовсе не противъ кустарной промышленности. Дѣло только значитъ въ томъ, что условія жизни крестьянина должны быть измѣнены въ извѣстномъ направленіи, чтобы ему не приходилось воровать казенный лѣсъ. Лѣсу, благодаря Бога, въ Россіи много и, если г. Скальковскій будетъ продолжать энергически защищать его отъ безпутнаго хищничества, такъ гвоздарные кустарники могутъ, въ принципѣ, устроиться недурно. Но г. Скальковскій не видитъ возможности даже такого измѣненія условій жизни мужика. Ни «облегченія», ни «поощренія», ни «субсидіи» не въ силахъ поставить мужика въ такое положеніе, чтобы онъ не нуждался въ ворованномъ лѣсѣ...

Итакъ практическая точка зрѣнія стремится рѣшить данную задачу, по возможности сохранивъ безъ измѣненія окружающія условія. Практикъ, желая произвести въ жизни народа извѣстную перемѣну, имѣетъ въ виду только одинъ рядъ фактовъ. Для теоретика дѣло осложняется двумя вопросами: во-первыхъ возможно ли предложенное измѣненіе при незыблемости другихъ, на первый взглядъ посторонніхъ условій? во-вторыхъ, если предложенное измѣненіе дѣйствительно будетъ имѣть мѣсто, то не отзовется ли оно на нѣкоторыхъ сторонахъ народной жизни настолько тяжело, что эта тяжесть перевѣситъ ожидаемыя непосредственныя благодѣтельныя послѣдствія измѣненія?

Рѣчь идетъ объ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ развитіи рабочихъ. Г. Скальковскій полагаетъ, что прекраснымъ средствомъ для улучшенія положенія рабочихъ можетъ служить полная свобода въ дѣлѣ допущенія дѣтей на фабрики. Эта мѣра будетъ имѣть во-первыхъ всѣ тѣ общія благія послѣдствія, какія даются свободными учрежденіями: фабрикантъ получитъ возможность болѣе широкаго выбора подходящихъ рабочихъ силъ, крестьянинъ или городской рабочій получитъ возможность отдавать своихъ дѣтей туда, гдѣ по условіямъ его жизни помѣстить ихъ всего выгоднѣе. Недаромъ и фабриканты, и рабочіе протестуютъ противъ ограниченія дѣтскаго фабричнаго

труда. Далѣе ребенокъ рабочій получаетъ на фабрикѣ лучшую чѣмъ дома пищу, съ малолѣтства пріучается къ мастерству, такъ или иначе учится. Такъ разсуждаетъ практикъ и заканчиваетъ свое разсужденіе весьма гуманной фразой: надо не сокращать, а усиливать всѣ средства заработковъ и вмѣстѣ съ матеріальнымъ улучшеніемъ получится и нравственное. На теоретическое замѣчаніе г. Вредена о пониженіи заработной платы путемъ конкуренціи дѣтскаго труда г. Скальковскій отвѣчаетъ, что, за слабымъ развитіемъ фабричнаго дѣла въ Россіи, конкуренція эта не можетъ у насъ имѣть такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ въ странахъ промышленно-развитыхъ. Это возраженіе съ практической точки зрѣнія, признающей выводы г. Вредена слишкомъ широкими, слишкомъ отдаляющимися отъ дѣла, весьма вѣско. Но теоретикъ можетъ найти напротивъ доводы г. Вредена недостаточно широкими.

Нѣкоторыя эмпирическія условія, среди которыхъ намъ приходится рѣшать вопросъ о дѣтскомъ трудѣ, указаны г. Скальковскимъ совершенно вѣрно: фабриканты дѣйствительно ропщутъ на проектъ новаго промышленнаго устава, нѣсколько, хотя далеко недостаточно ограничивающій эксплуатацію дѣтскаго труда; сами рабочіе дѣйствительно желаютъ отдавать своихъ дѣтей на фабрики, видя въ ихъ трудѣ извѣстное подспорье. Другія условія указаны г. Скальковскимъ невѣрно. Такъ напримѣръ, когда онъ утверждалъ, что рабочіе вообще и дѣти въ частности получаютъ на фабрикахъ хорошую пищу, то былъ немедленно остановленъ людьми, повидимому близко знакомыми съ фабричными порядками. Наконецъ есть еще условія, совершенно упущенныя изъ виду ораторомъ. У насъ существуетъ мнѣніе, что нашъ фабричный рабочій гораздо развитѣе, гораздо выше, если не въ нравственномъ, то по крайней мѣрѣ въ умственномъ отношеніи, нежели крестьянинъ. Это мнѣніе рѣшительно ни на чемъ не основано. Оно держится едва-ли не потому только, что нѣчто подобное дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ западной Европѣ. Но если на Западѣ до нѣкоторой степени дѣйствительно существуетъ указанное отношеніе между крестьяниномъ и фаб-

ричнымъ рабочимъ, то оно обязано своимъ происхожденіемъ отнюдь не фабричному режиму, а вліяніямъ совершенно иного свойства, какихъ у насъ и въ поминѣ нѣтъ, именно вліянію широкой политической жизни, которая естественно концентрируется въ городахъ и едва достигаетъ деревень. Высокое развитіе нѣкоторыхъ представителей рабочаго класса составляетъ только облеченный въ плоть и кровь протестъ противъ фабричнаго режима. Но и то не должно преувеличивать значенія этого развитія. Что касается собственно дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, то я приведу изъ Маркса слѣдующіе отвѣты нѣкоторыхъ дѣтей рабочихъ на вопросы правительственнаго коммисара. *Двѣнадцатилѣтній* мальчикъ: «четырежды четыре—восемь, а четыре четверки—16. Король—это *тому*, кому принадлежатъ всѣ деньги и все золото. Говорятъ, что у насъ есть король и что этотъ король—королева и что его называютъ принцесса Александра. Говорятъ, что она вступила въ бракъ съ королевскимъ сыномъ. Принцесса—эта мужчина». *Двѣнадцатилѣтній* мальчикъ: «Я живу не въ Англіи. Думаю, что есть такая страна, но я объ ней не слыхалъ». *Четырнадцатилѣтній*: «Слышалъ я, какъ нѣкоторые говорили, будто бы Богъ создалъ міръ и потомъ утопилъ весь народъ, кромѣ одного человѣка; слышалъ я, что этотъ одинъ человѣкъ былъ маленькая птичка». *Пятнадцатилѣтній*: «Я ничего не знаю объ Лондонѣ». *Семнадцатилѣтній*: «Чортъ—добрый человѣкъ. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Христосъ былъ злой человѣкъ».—Отвѣты эти заимствованы изъ оффиціальнаго документа. Таковы дѣти рабочіе въ странѣ, высокоразвитой въ промышленномъ отношеніи, въ странѣ, которую г. Скальковскій рекомендуетъ намъ взять за образецъ «покровительства своему труду», въ странѣ, на которую съ сочувствіемъ взирали многіе изъ членовъ всероссійскаго съѣзда промышленниковъ. Къ невообразимой умственной забитости ребенка, съ 7, 8, и даже 12 лѣтъ (противъ этой цифры наши фабриканты уже протестуютъ, находя ее слишкомъ высокою) запертаго на фабрикѣ, слѣдуетъ еще прибавить крайнюю деморализацію и физическое уродство. Факты и изслѣдованія, относящіеся сюда, слишкомъ извѣстны для

того, чтобы объ нихъ стопло распространяться. Далѣе, мы нынѣ очень хорошо знаемъ, что умственныя, физическія и нравственныя особенности искалѣченнаго фабрикой ребенка будутъ передаваться изъ рода въ родъ, и чѣмъ длиннѣйшій рядъ поколѣній выживетъ одинъ и тотъ же забивающій режимъ, тѣмъ труднѣе будетъ поправить дѣло. Изъ совокупности этихъ элементарныхъ, всѣмъ понятныхъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ фактовъ ясно видно, что дѣтскій трудъ самъ по себѣ составляетъ громадное зло. Размѣры этого зла въ будущемъ трудно даже предвидѣть. Спрашивается, какъ возможно надѣяться улучшить положеніе рабочаго класса этимъ путемъ. Не есть-ли это, говоря откровенно, просто безсмыслица? И ради чего предлагается вести на закланіе дѣтскія души, въ которыхъ заключается вся будущность страны? Ради того, что ребенокъ-рабочій увеличитъ заработокъ семьи. Это типъ практической аргументаціи. Что невѣжественный, нищій человѣкъ разсчитываетъ выжать изъ своихъ дѣтей нѣкоторую прибавку къ своему скудному заработку—это вполнѣ понятно и естественно: его гонитъ нищета, его разумъ не протестуетъ. Но когда люди образованные, «интересующіеся отечественною промышленностью» всенародно заявляютъ о своемъ желаніи загнать ребятъ на фабрики ради улучшенія положенія рабочаго класса, то дѣло получаетъ особый интересъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что мысль г. Скальковскаго о свободѣ дѣтскаго труда не вполнѣ прошла на съѣздѣ. Но насъ интересуетъ здѣсь практическая точка зрѣнія, а не резолюціи съѣзда. И мысль г. Скальковскаго представляетъ очень характерный образецъ разсужденій съ практической точки зрѣнія. Теоретикъ, столкнувшись съ вопросомъ о дѣтскомъ трудѣ, сказалъ бы, что въ виду неисчислимаго зла, долженствующаго проистечь изъ свободы дѣтскаго труда, разсчитывать поправить положеніе рабочихъ этимъ путемъ свободы—по малой мѣрѣ смѣшно (иной могъ бы употребить слово болѣе жесткое); что напротивъ условія жизни рабочаго должны быть такъ измѣнены, чтобы онъ вопервыхъ понялъ весь ужасъ совершаемаго имъ дѣтоубійства, чтобы онъ вовторыхъ и не нуждался въ

такомъ дѣтоубійствѣ. Но практикъ желалъ бы улучшить положеніе рабочаго, по возможности не измѣняя условій его жизни или, что́ то же, не улучшая его положенія. Это нелѣпость, но она въ томъ или другомъ видѣ повторяется на каждомъ шагу людьми, смотрящими на вещи съ практической точки зрѣнія. Это нелѣпость, но при помощи самыхъ простыхъ махинацій она можетъ получить соблазнительный видъ очевидной практической истины. Г. Скальковскій можетъ по пальцамъ разсчитать: рабочій получаетъ, скажемъ, 15 рублей; онъ даетъ семилѣтняго сына на фабрику и тотъ получаетъ 4 рубля, двѣнадцатилѣтняя дочь—5 рублей; итого заработокъ семьи равняется 24 рублямъ. Чего же вамъ больше желать? 24 больше 15. Результатъ блестящій, способный ослѣпить многихъ. Задача рѣшена и притомъ просто и ясно: девять цѣлковыхъ ощупать можно. Теоретикъ напротивъ пугаетъ васъ будущимъ, которое еще когда-то будетъ, и предлагаетъ, если вы дѣйствительно хотите улучшить положеніе рабочаго, рѣшить задачу трудную и многосложную, потревожить многіе интересы, измѣнить условія жизни рабочаго. Понятно, что уже по самой сложности своей задача эта не можетъ достигнуть простоты и ясности девяти цѣлковыхъ. Это не по плечу толпѣ, тогда какъ практикъ составляетъ кость отъ кости и плоть отъ плоти ея; онъ только повторяетъ желанія и мысли фабрикантовъ и рабочихъ, по скольку они совпадаютъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что практикъ обратится къ теоретику съ такимъ репримандомъ: я дѣло дѣлаю, я не задаюсь широкими планами, но я все-таки улучшаю положеніе рабочаго, хоть въ размѣрѣ девяти цѣлковыхъ; а вы что? вы «угощаете нашу промышленность экономическими теоріями и проектами». На это теоретикъ можетъ съ справедливою гордостью отвѣтить: пусть я, по вашему, не дѣлаю дѣла, но я не гублю своего народа. А вы не только губите его, но губите полусознательно, потому что приходятъ же вамъ въ голову на московской выставкѣ мрачныя мысли Уоллеса.

Благодаря тому обстоятельству, что общія выраженія цѣлей теоретиковъ и практиковъ совпадаютъ, благодаря тому напри-

мѣръ, что и тѣ и другіе говорятъ объ улучшеніи положенія рабочаго класса, у насъ довольно распространено мнѣніе о ихъ солидарности. Можно довольно часто слышать мнѣніе, что теоретики суть радикалы, желающіе нѣкотораго быстраго и крутого измѣненія условій народной жизни, а практики суть «постепеновцы», добивающіеся въ окончательномъ результатѣ того же, но придерживающіеся принципа: тише ѣдешь, дальше будешь. Это совсѣмъ несправедливо. Разница тутъ не въ степени, а въ самомъ направленіи. Это было бы для насъ совершенно ясно, еслибы мы потщательнѣе анализировали такія понятія, какъ «цивилизація», или не держали бы идеи «народа» въ положеніи таинственнаго незнакомца, фигурирующаго въ романахъ г-жи Ратклифъ. Въ статьѣ «Что такое счастіе?» («Отечественныя Записки», № 4-й), былъ приведенъ цѣлый рядъ мнѣній людей, болѣе или менѣе авторитетныхъ, о смыслѣ цивилизаціи. Были подобраны воззрѣнія людей только сочувствующихъ существующему въ Европѣ экономическому порядку вещей. Общій смыслъ всѣхъ этихъ мнѣній состоитъ въ томъ, что нищета и невѣжество народа т. е. трудящихся классовъ, составляютъ существенное, необходимое условіе европейской цивилизаціи. Совершенно то же самое говорятъ и соціалисты, внутренніе враги Европы, какъ она исторически сложилась. Значитъ въ Европѣ дѣло поставлено совершенно ясно. Если мы за грѣхи свои доживемъ когда нибудь до того, что наши практики посмѣютъ говорить столь же громко и откровенно, какъ практики европейскіе, то будетъ можетъ быть уже поздно разсуждать о томъ, въ чемъ состоитъ разница между теоретической и практической точкой зрѣнія. Но за то тогда дѣло будетъ совершенно ясно.

Большинство ораторовъ перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ и промышленниковъ требовало свободы, свободы и свободы. Мы слышали уже красивое восклицаніе: «Пусть наши богатства лежатъ въ землѣ, если ихъ нужно вынимать съ регламентаціями!» Мы привели также начало покрытаго рукоплесканіями гимна свободѣ, пропѣтаго г. фонъ-Бушеномъ. Это глубокое уваженіе къ свободѣ прорывалось на съѣздѣ на каждомъ

шагу: шла ли рѣчь о банкахъ или дѣтскомъ трудѣ, о воспитаніи или желѣзныхъ дорогахъ—ораторы, взывавшіе къ свободѣ, получали на свою долю аплодисменты и одобренія. Съѣздъ открылся рѣчью г. Вешнякова, имѣвшею цѣлью связать съ понятіемъ свободы самый фактъ съѣзда. «Прошли тѣ времена — сказалъ ораторъ — когда промышленное законодательство во всѣхъ почти странахъ заключало въ себѣ не только опредѣленіе общихъ условій существованія въ государствѣ фабричной и ремесленной промышленности, но и стѣснительныя ограниченія относительно права заниматься тою или другою отраслью труда и предписанія относительно обязательнаго размѣра, вида, качества и даже цѣны издѣлій. Нынѣ свобода труда, свобода промышленности сдѣлались девизомъ современнаго промышленнаго прогресса. Освободившись отъ лежавшей надъ нею опеки, предоставленная собственному самостоятельному развитію, промышленность почувствовала потребность въ самопознаніи, въ уясненіи самой себѣ своихъ нуждъ». А одно изъ средствъ такого самопознанія представляютъ съѣзды промышленниковъ. Другой ораторъ по воду однаго проекта замѣтилъ: милостивые государи, вамъ предлагаютъ не правительственное вмѣшательство, а «*напротивъ* очень раціональную мѣру» (Протоколы, 11). Такимъ образомъ члены съѣзда безъ всякихъ преній, молча рѣшили, что правительственное вмѣшательство во всякомъ случаѣ негодно, а свобода во всякомъ случаѣ раціональна. И въ тоже время большинство членовъ съѣзда обсуждало подлежащіе вопросы съ чисто-практической точки зрѣнія. Это совпаденіе не случайное, какъ не трудно видѣть изъ самаго легкаго анализа понятія свободы.

Мы не будемъ пока говорить о нѣкоторой туманности этого понятія въ обиходномъ его употребленіи и переведемъ слово «свобода» словами «независимость и личная иниціатива». Полагаемъ, что относительно этого перевода пререканій быть не можетъ. Но, спрашивается, чего мы добиваемся, говоря о свободѣ? Рѣшаемъ ли мы теоретическую задачу или даемъ практическое правило? Есть ли для насъ свобода цѣль, къ которой

мы должны стремиться, или средство для достиженія другихъ цѣлей, напримѣръ благосостоянія? Практики, не любящіе анализировать свои общія идеи, не задаютъ себѣ этихъ вопросовъ. Между тѣмъ они очень важны. Что независимость и личная инициатива сами по себѣ желательны—въ этомъ въ современномъ обществѣ всѣ согласны, и теоретики и практики. Мы говоримъ: въ современномъ обществѣ, потому что въ средніе вѣка и у насъ при крѣпостномъ правѣ смотрѣли на дѣло иначе. Но указаніе цѣли не есть еще практическое правило. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, говоритъ пословица. Если къ независимости и личной инициативѣ ведутъ не всѣ пути, то во всякомъ случаѣ при признаніи свободы цѣлью, могутъ существовать весьма различные взгляды на способы достиженія этой цѣли. Практики этого не хотятъ знать или не понимаютъ и, зарядившись идеей свободы, говорятъ о ней и какъ о цѣли дѣйствія, и какъ о наилучшемъ способѣ дѣйствія. Это весьма подозрительно. Это прежде всего непрактично, если подъ практичностью разумѣть искуство скоро и съ возможно малыми убытками достигать извѣстной цѣли. Понятно, что наука можетъ выработать идею такой цѣли, которая въ своемъ общемъ выраженіи станетъ обязательною для всѣхъ странъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Но совершенно непонятно, чтобы эта непререкаемая, общая цѣль достигалась при всѣхъ обстоятельствахъ одними и тѣми же средствами. Экономическіе и вообще соціологическіе факты представляютъ собою нѣчто въ такой мѣрѣ сложное, постоянно измѣняющееся, колеблющееся, что даже просто дико думать найти здѣсь какое-нибудь универсальное средство для достиженія извѣстной цѣли, хотя цѣль эта и можетъ быть универсальною. Два человѣка, живя въ разныхъ условіяхъ, могутъ задаться одною и тою же цѣлью, могутъ напримѣръ задумать фабрикацію писчей бумаги. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что способы достиженія этой общей цѣли должны быть одинаковы. Способы эти опредѣлятся окружающими условіями: въ лѣсистой мѣстности фабрикантъ будетъ жечь дрова и выдѣлывать бумагу изъ дерева, а при другихъ условіяхъ—станетъ употре-

блять каменный уголь и тряпье. Практики это очень хорошо понимаютъ и даже требуютъ, чтобы фабриканту была предоставлена полная свобода выбора способовъ дѣйствія. Но какъ только рѣчь заходитъ не о частностяхъ, а о самой свободѣ, такъ они начинаютъ утверждать, что знаютъ способъ дѣйствій, пригодный всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ. Мало того, это уваженіе къ свободѣ, какъ къ средству, застилаетъ для практиковъ самую цѣль. Мы видѣли недавно, что Спенсеръ, разсуждающій въ этомъ случаѣ какъ настоящій практикъ, признаетъ путь свободы единственнымъ раціональнымъ путемъ при всѣхъ обстоятельствахъ. И его нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что по его же изслѣдованіямъ этотъ путь ведетъ къ наибольшей зависимости. Правъ Спенсеръ фактически или нѣтъ — мы думаемъ, что правъ, что свобода, какъ универсальное средство, дѣйствительно ведетъ къ зависимости—но онъ тутъ только наивно и вмѣстѣ строго послѣдовательно дотягиваетъ до конца особенности практической точки зрѣнія. Практикъ желаетъ рѣшить всякую предложенную задачу, по возможности не измѣняя прилегающихъ условій. Свобода естественно представляется при этомъ единственно раціональнымъ путемъ, ибо она, въ качествѣ универсальнаго средства, избавляетъ вопервыхъ отъ обязанности вникать въ крайне-измѣнчивыя условія задачи: еслибы медицина была столь наивна, что увѣровала бы въ какую-нибудь панацею, то понятно діагностика оказалась бы ненужною. Вовторыхъ свобода предписываетъ ничего не измѣнять, а предоставлять все въ данный моментъ существующее его естественному развитію. Это практику какъ нельзя болѣе на руку. Все, предоставленное своему естественному развитію, идетъ по направленію наименьшаго сопротивленія, слѣдовательно легчайшимъ, простѣйшимъ путемъ, какой только возможенъ при данныхъ условіяхъ. А это только практику и нужно. О будущемъ, о томъ, что получится въ окончательномъ результатѣ, практикъ не думаетъ. Если оно и вспомнится напримѣръ г. Скальковскому на политехнической выставкѣ, то все-таки не окажетъ никакого вліянія на его

образъ мыслей и дѣйствій. Это все равно, какъ нищему приснилось бы, что онъ король: солнце встанетъ, разбудитъ нищаго и онъ пойдетъ себѣ просить Христа ради.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что практическая точка зрѣнія практична только въ самомъ узкомъ, техническомъ смыслѣ слова. Она годится только въ такихъ случаяхъ, когда условія заданной задачи очень просты. Она годится сапожнику, механику, вообще технику, но совершенно не годится публицисту, государственному дѣятелю, вообще человѣку, имѣющему дѣло съ явленіями достаточно сложными. Насадить въ своемъ отечествѣ промышленность и сшить сапоги, это двѣ вещи разныя, а между тѣмъ наши практики, насаждая промышленность, дѣйствуютъ и разсуждаютъ чисто какъ сапожники: они исполняютъ заказъ. Заказывая сапожнику сапоги, я назначаю ему извѣстную, строго опредѣленную и очень узкую рамку: сапоги должны быть опойковые, съ широкими носками, съ такими-то каблуками и т. д. Кромѣ этой рамки и своего личнаго интереса сапожникъ не долженъ принимать въ соображеніе ничего. Такъ дѣйствуютъ и наши практики.

Первый всероссійскій съѣздъ фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью, посвятилъ два засѣданія на разсужденія о способахъ поднять положеніе нашего рабочаго. Это очень немного (всѣхъ засѣданій было 17). Но мы бы пожалуй примирились съ этимъ малымъ количествомъ времени, удѣленнымъ съѣздомъ на обсужденіе вопроса первѣйшей важности, еслибы онъ былъ по крайней мѣрѣ поставленъ какъ слѣдуетъ. Къ сожалѣнію этого отнюдь нельзя сказать. Предсѣдатель, г. Делавоссъ, открывая засѣданіе, объявилъ, что удовлетворительное рѣшеніе вопроса о положеніи рабочихъ вполнѣ гарантировано вопервыхъ важностью самого дѣла; вовторыхъ тѣсною связью, существующею между положеніемъ рабочаго и интересами промышленниковъ; втретьихъ «тою чертою нашего промышленника, которая не всегда къ сожалѣнію встрѣчается на Западѣ, а именно готовностью удѣлить изъ накопленныхъ богатствъ излишекъ для меньшихъ своихъ братій». Зару-

чившись такими солидными гарантіями, предсѣдатель счелъ нужнымъ замѣтить, что всѣ «абстрактные, умозрительные вопросы» должны быть устранены изъ обсужденія. «Желательно,—продолжалъ г. Делавоссъ,—чтобы нашъ рабочій не представлялъ человѣка больнаго, требующаго медицинскихъ пособій, у изголовья котораго врачи начали нескончаемую полемику о тѣхъ причинахъ, которыя породили въ немъ эту болѣзнь, и о дѣйствіи этой болѣзни на разныя части организма и т. п. Необходимо предположить, что люди, которые примутъ участіе въ настоящихъ преніяхъ, достаточно знакомы съ бытомъ нашего мастероваго и слѣдовательно предложенныя ими мѣры могутъ быть обсуждены только съ точки зрѣнія большей или меньшей ихъ практичности и примѣнимости къ дѣлу». Мудрено было ждать чего нибудь хорошаго отъ такаго начала. Начертанная г. Делавоссомъ программа въ своемъ родѣ драгоцѣнна. Ею исключаются два ряда изслѣдованій: вопервыхъ всѣ научныя, теоретическія или пожалуй «абстрактныя, умозрительныя» разсужденія о законахъ экономическаго развитія, поскольку они отражаются на положеніи рабочаго, вовторыхъ всѣ конкретныя, описательныя, историческія изслѣдованія причинъ того или другаго явленія изъ быта рабочихъ. Что же остается за вычетомъ этихъ двухъ обширныхъ областей, безспорно имѣющихъ довольно близкое отношеніе къ занимавшему съѣздъ вопросу? Остается точка зрѣнія «большей или меньшей практичности и примѣнимости къ дѣлу». Точка зрѣнія несомнѣнно почтенная, если «дѣло», о которомъ идетъ рѣчь, вполнѣ выяснено изслѣдованіемъ соотвѣтственныхъ «абстрактныхъ, умозрительныхъ вопросовъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ точка зрѣнія вполнѣ несостоятельная въ томъ изолированномъ видѣ, въ какомъ она желательна г. Делавоссу. Въ съѣздѣ принимали участіе кроткіе и благонамѣренные люди чистой науки, какъ г. Вреденъ; ловкіе и остроумные люди публицистики и канцелярской дѣятельности, какъ г. Скальковскій; наконецъ люди чистой практики, какъ г. Сыромятниковъ, заявившій «о недостаточности образованія провинціальнаго русскаго купечества, къ средѣ котораго и я (г. Сыромятниковъ) принадлежу»; люди,

«неумѣющіе красно говорить», но твердо увѣренные, что «торговая промышленность составляетъ силу и богатство страны». Если признавать заслуживающею вниманія только точку зрѣнія большей или меньшей практичности, то конечно указанія г. Сыромятникова должны считаться наиболѣе цѣнными. Дѣйствительно всѣ указанія г. Сыромятникова были весьма практичны. Такъ напримѣръ когда г. Вреденъ доказывалъ, что трудъ малолѣтнихъ оплачивается безъ всякой нормы, что тутъ не имѣютъ силы ни спросъ и предложеніе, ни издержки на содержаніе рабочаго, ни такъ-называемый естественный предѣлъ заработной платы, г. Сыромятниковъ, становясь на сторону г. Скальковскаго, возразилъ: «плата за работу опредѣляется не произвольно, а по соглашенію съ рабочимъ, и смотря по труду и работѣ онъ получаетъ больше или меньше». Это конечно практично, но уже слишкомъ просто, до такой степени просто, что пожалуй и не стоило съѣзжаться для выслушиванія подобныхъ экономическихъ воззрѣній. А между тѣмъ они выслушивались. А когда г. Вреденъ нѣсколько дольше продержалъ слушателей въ области «абстрактныхъ, умозрительныхъ» вопросовъ, предсѣдатель замѣтилъ, что въ виду малаго количества времени нельзя-ли ограничить пребываніе ораторовъ на каѳедрѣ 15 минутами. За это предсѣдатель получилъ въ концѣ засѣданія благодарность за «безпристрастіе и примѣрное терпѣніе», съ которыми онъ руководилъ преніями. Крайняя бѣдность результатовъ преній не представляетъ при такихъ обстоятельствахъ ничего удивительнаго. Но она увеличивается еще однимъ обстоятельствомъ. Предположеніе г. Делавосса о томъ, что участвующіе въ преніяхъ достаточно знакомы съ положеніемъ русскихъ рабочихъ, блистательно не оправдалось. Такъ что съѣздъ принялъ между прочимъ слѣдующія двѣ резолюціи: принимая во вниманіе, что въ настоящее время имѣется весьма мало свѣдѣній о бытѣ рабочихъ въ Россіи, съѣздъ выражаетъ желаніе: 1) чтобы правительство, при участіи ученыхъ обществъ и спеціалистовъ, предприняло рядъ изслѣдованій для изученія современнаго положенія рабочаго сословія въ нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, 2) чтобы въ видахъ

возможности улучшенія быта рабочаго населенія въ Россіи распространеніемъ такъ-называемыхъ хозяйственныхъ и промышленныхъ артелей, было произведено правительствомъ изслѣдованіе этого вопроса и изданъ нормальный уставъ такихъ артелей.

Намъ кажется однако, что ни недостатокъ людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ русскихъ рабочихъ, ни недостатокъ времени, на который постоянно ссылался г. Делавоссъ, не суть коренныя причины бѣдности резолюцій съѣзда по вопросу объ улучшеніи положенія рабочаго сословія. Нельзя сказать, чтобы на съѣздѣ не было людей, компетентныхъ въ вопросѣ о положеніи рабочихъ. Тутъ былъ напримѣръ г. Шапиро, какъ извѣстно, хорошо знакомый съ бытомъ рабочаго люда на сѣверѣ Россіи, — но онъ почти не принималъ участія въ преніяхъ. Тутъ былъ г. Хорошевскій, управляющій домбровскими заводами, были и другіе управляющіе заводами; были, правда въ очень ограниченномъ числѣ, бывшіе и настоящіе фабриканты, какъ г. Сыромятниковъ и т. д. Эти люди не могутъ не знать быта рабочихъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности. Значитъ не въ этомъ дѣло. Что же касается до недостатка времени, то это вопросъ очевидно не первичный. Спрашивается, почему коммисія изъ членовъ русскаго техническаго общества и общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ, составлявшая программу съѣзда, удѣлила такъ мало времени вопросу, быть можетъ важнѣйшему изъ всѣхъ, какіе обсуждалъ съѣздъ? Намъ кажется, что качественная и количественная бѣдность резолюцій съѣзда, обусловленная конечно отчасти и недостаткомъ времени, коренится несравненно глубже, имѣетъ ту же самую причину, что и недостатокъ времени. Намъ кажется, что причину эту нетрудно открыть, прислушаваясь къ заключительной рѣчи г. Делавосса.

Передъ баллотировкой резолюцій шестаго отдѣленія съѣзда, предсѣдатель пожелалъ выразить «свой субъективный взгдядъ» на только что оконченныя пренія. Но этотъ субъективный взглядъ весьма характеренъ, какъ по сущности своей, такъ и по формѣ. Г. Делавоссъ сказалъ слѣдующее:

«Сколько я могъ себѣ уяснить, главная цѣль нашего съѣзда есть сближеніе между собой двухъ фракцій дѣятелей, изъ коихъ одна заключаетъ въ себѣ элементъ научный, теоретическій, а другая чисто практическій. Сближеніе это необходимо для обсужденія нѣкоторыхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью нормальное развитіе и упроченіе нашей промышленности, а также возвышеніе умственнаго и матеріальнаго уровня нашего рабочаго люда. *Если такимъ образомъ одна фракція дѣятелей подаетъ руку помощи другой, безъ всякой задней мысли, но съ чистосердечною откровенностью и съ твердымъ желаніемъ трудиться для общаго дѣла, то было бы весьма странно и неестественно видѣть въ условіяхъ, скрѣпляющихъ связь между сказанными фракціями, такія положенія, которыя падаютъ тяжелымъ бременемъ на одну изъ нихъ, и вслѣдствіе неподготовленности этой послѣдней къ воспріятію новыхъ, мало испытанныхъ еще теорій организаціи рабочаго труда, грозятъ ей переворотами того порядка, который установился почти полувѣковой практикой.* Вопросы, которые предложены намъ для обсужденія, имѣютъ такую громадную важность и такъ обширны по содержанію, что для рѣшенія своего требуютъ предварительно всесторонняго и глубокаго изученія, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Не далѣе какъ сегодня намъ сказали, что *эти вопросы въ настоящее время еще не разрѣшены въ тѣхъ государствахъ, которыя насъ во всемъ опередили, и гдѣ занимается ими издавна цѣлая масса ученыхъ экономистовъ и образованныхъ промышленниковъ.* Слѣдовательно было бы опрометчиво предполагать, чтобы наше отдѣленіе могло въ два или три засѣданія выработать такія положительныя данныя, чтобы на основаніи ихъ мы могли бы ходатайствовать о принятіи какихъ бы то ни было коренныхъ, рѣшительныхъ мѣръ относительно этихъ вопросовъ, *а тѣмъ менѣе такихъ, которыя требуютъ энергическаго репрессивнаго дѣйствія самодержавной власти на дѣла той фракціи дѣятелей, съ которыми мы въ настоящее время намѣревались заключить союзъ для преслѣдованія одинаковой цѣли».*

Съ грустью выписываемъ мы эти кудреватые, мягкіе періоды директора московскаго техническаго училища. Невольно лѣзутъ въ голову вопросы: зачѣмъ говорилъ все это г. Делавосс? Зачѣмъ онъ такъ изгибался, желая благополучно протискаться между «двумя фракціями дѣятелей»? За что такъ глубоко унизилъ онъ науку, «элементъ научный, теоретическій» передъ горстью русскихъ фабрикантовъ, которые вдобавокъ съ такимъ равнодушіемъ отнеслись къ дѣлу съѣзда, что ихъ присутствовало разъ, два, да и обчелся? И какую роль играетъ при этомъ нашъ рабочій людъ, надъ головами котораго «двѣ фракціи дѣя-

телей подаютъ другъ другу руку помощи»? Если мы расплетемъ кудри рѣчи г. Делавосса, то получимъ слѣдующее: Мы, люди науки, желаемъ вмѣстѣ съ вами, фабрикантами и промышленниками, обсудить между прочимъ положеніе рабочаго народа. Но вы не бойтесь. Вы наслышались о разныхъ теоріяхъ, которыя считаютъ нужнымъ и возможнымъ сократить ваши барыши. Не бойтесь, мы не предложимъ ничего подобнаго. Мы безъ всякой задней мысли, съ чистосердечною откровенностью предлагаемъ вамъ союзъ.—Вотъ что говорилъ предсѣдатель шестаго отдѣленія перваго всероссійскаго съѣзда промышленниковъ. И эта рѣчь бросаетъ яркій свѣтъ и на комплименты «той особенности русскихъ промышленниковъ, что они всегда готовы пожертвовать излишекъ (?) въ пользу меньшей братіи», и на узкую постановку вопроса о положеніи рабочихъ, и на весь ходъ преній. Люди науки знаютъ, что энергическое воздѣйствіе на дѣла «другой фракціи дѣятелей» было бы нужно въ интересахъ рабочаго люда. Но, зная это, люди науки все-таки молчатъ, ибо боятся потревожить душевное спокойствіе фабрикантовъ. Мало того, люди науки прямо говорятъ: мы знаемъ что нужно, но мы молчимъ, потому что не хотимъ нарушать миръ души «другой фракціи дѣятелей». Во всякомъ случаѣ понятно, что при такихъ условіяхъ дебаты о положеніи рабочихъ не могли представлять серьезнаго интереса. Если взглядъ г. Делавосса на эти дебаты вѣренъ, а онъ кажется вѣренъ, то господа дебатирующіе должны были все время находиться подъ вліяніемъ извѣстныхъ заднихъ мыслей, хотя бы послѣднія только въ томъ и состояли, что какъ бы, молъ, насъ не заподозрили въ заднихъ мысляхъ и въ недостаткѣ чистосердечія. А вслѣдствіе этого вниманіе ораторовъ устремлялось совсѣмъ не туда, куда слѣдовало по программѣ. Напримѣръ рѣчь идетъ о дѣтскомъ трудѣ. Было бы весьма не трудно доказать, что для блага самихъ рабочихъ дѣтей ихъ на фабрики допускать не слѣдуетъ. Софизмъ г. Скальковскаго относительно дѣтскаго труда, какъ подспорья, могъ бы только вызвать соображенія о необходимости нѣкоторыхъ коренныхъ мѣръ. Во всякомъ случаѣ вопросъ шелъ бы объ улучшеніи положенія рабо-

чаго класса. Но надъ ораторами висѣла, какъ Дамокловъ мечъ, опасность обидѣть, оскорбить, потревожить «другую фракцію дѣятелей». Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ парализировался вопросомъ о необходимости чистосердечно поддерживать союзъ съ фабрикантами, для которыхъ ограниченіе дѣтскаго труда невыгодно. Подобную замѣну одного вопроса другимъ мы уже видѣли въ защитѣ г. Скальковскимъ южныхъ лѣсовъ, когда рѣчь шла о каменноугольной промышленности. Но тамъ условія задачи расширялись, тогда какъ здѣсь они суживались. И такимъ-то образомъ торжествовала практическая точка зрѣнія, предписывающая въ настоящемъ случаѣ улучшать положеніе рабочихъ, не улучшая его.

Но кудрявая рѣчь г. Делавосса любопытна не только какъ ключъ къ тайнѣ дебатовъ о рабочемъ вопросѣ на съѣздѣ промышленниковъ. Она можетъ служить наглядным примѣромъ одного важнаго недоразумѣнія, красною нитью проходящаго чуть ли не по всѣмъ господствующимъ у насъ воззрѣніямъ на современное положеніе Россіи. Хотя на съѣздѣ весьма часто говорилось, что нашъ промышленникъ, нашъ рабочій, наша наука отличаются отъ заграничныхъ весьма рѣзко, но на дѣлѣ пренія о рабочемъ вопросѣ шли въ чисто заграничномъ тонѣ. Мы не хотимъ конечно этимъ сказать, чтобы засѣданія шестаго отдѣленія съѣзда представляли точный снимокъ съ подобныхъ собраній въ западной Европѣ. Конечно они тамъ несравненно благоустроеннѣе и обстоятельнѣе. Мы говоримъ только о тонѣ, о направленіи дебатовъ. Г. Делавоссъ ссылался на то, что рабочій вопросъ не разрѣшенъ и въ государствахъ, во всемъ насъ опередившихъ, и отсюда заключилъ, что тѣмъ паче можемъ и даже должны отложить разрѣшеніе его мы. Къ сожалѣнію, ни г. Делавоссъ и никто изъ присутствующихъ не попытался объяснить указанный имъ фактъ изъ европейской жизни. Между тѣмъ объяснить его весьма легко и было бы на съѣздѣ весьма умѣстно.

Современный экономическій порядокъ въ Европѣ началъ складываться еще тогда, когда наука, завѣдующая этимъ кру-

гомъ явленій, не существовала и когда нравственныя идеи были крайне грубаго свойства. Вслѣдствіе этого европейская жизнь складывалась почти такъ-же безсмысленно и безнравственно какъ въ природѣ течетъ рѣка или растетъ дерево. Рѣка течетъ по направленію наименьшаго сопротивленія, смываетъ то, что можетъ смыть, будь это алмазная копь, огибаетъ то, чего смыть не можетъ, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по иниціативѣ человѣческаго разума и чувства. Этотъ разумъ и это чувство, можно сказать, не присутствовали при возникновеніи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ. Они были въ зачаточномъ состояніи и воздѣйствіе ихъ на естественный, стихійный ходъ вещей было ничтожно. Конечно люди всегда старались такъ или иначе повліять на ходъ вещей. Но они руководствовались при этомъ указаніями самого скуднаго опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только въ высшей степени рѣдко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современною наукою и современными нравственными идеями. Такое совпаденіе, хотя оно и случалось, было въ своемъ родѣ чудомъ, рѣдчайшимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Конечно европейскія законодательства предписывали даже весьма энергическія мѣры, стараясь направить экономическое развитіе въ ту или другую сторону. Но въ большинствѣ случаевъ эти мѣры, не смотря на свой насильственный характеръ, только ускоряли естественный процессъ развитія. Такова напримѣръ покровительственная торговая политика, которой держалась въ свое время и нынѣшняя представительница фритредерства—Англія. Вотъ почему мы и говоримъ, что разумъ (разумѣя разумъ, просвѣтленный наукой) и нравственное чувство (болѣе или менѣе развитое) не вліяли на ходъ экономическаго развитія въ Европѣ. Величайшимъ актомъ вмѣшательства разума и чувства было освобожденіе крѣпостныхъ, но и въ этомъ актѣ было много стихійнаго. Въ освобожденіи крестьянъ въ Европѣ слѣдуетъ отличать двѣ стороны. Рядомъ со свободой, съ паденіемъ феодальной зависимости идетъ цѣлый длинный рядъ явленій, клонящихся къ тому, чтобы отдѣлить соб-

ственность отъ труда, собственника отъ условій труда, производителя отъ орудій производства. Дѣло началось съ обезземеленія свободныхъ, освобожденныхъ крестьянъ. Оно происходило индѣ насильственно, индѣ путемъ свободы: мелкіе землевладѣльцы и члены дурно организованныхъ, плохо гарантированныхъ поземельныхъ общинъ снесли свои надѣлы на рынокъ, ибо съ узкой, практической точки зрѣнія, при наличныхъ условіяхъ, ихъ было выгодно продать. Далѣе, какъ мелкая поземельная собственность не могла выжить рядомъ съ крупной, такъ кустарная промышленность не могла удержаться при укрѣпленіи и возрастаніи крупной. Вездѣ освобожденный отъ феодальной зависимости крестьянинъ и ремесленникъ утрачиваютъ тѣмъ или другимъ путемъ свои права собственности на землю и орудія производства. Мелкій, но самостоятельный собственникъ становится наемникомъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи только свой трудъ, между тѣмъ какъ всѣ небходимыя условія труда—земля, инструменты, машины—по мѣрѣ своего улучшенія и усложненія сосредоточиваются въ другихъ рукахъ, въ рукахъ капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Вотъ задняя сторона экономическаго развитія Европы, сторона, обыкновенно упускаемая изъ виду апологетами крупной промышленности. Апологеты эти любятъ приводить статистическія данныя, повидимому свидѣтельствующія о высокомъ благосостояніи современнаго рабочаго по сравненію съ положеніемъ крѣпостнаго или раба. Данныя эти или невѣрны или невѣрно понимаются. Это доказано. Но еслибы это даже и не было доказано, то вѣрно то, что практическій, стихійный путь или, что то же, путь свободы какъ универсальнаго средства, привелъ къ зависимости. Ибо въ концѣ этого пути общество трудящихся собственниковъ распалось на громадную массу рабочихъ, неимѣющихъ собственности, и собственниковъ. Этотъ процессъ былъ безсмысленъ и безнравственъ, какъ всякій стихійный процессъ, неуправляемый человѣческимъ разумомъ и нравственнымъ чувствомъ. А когда онъ окончательно обрисовался, то свыкшіеся съ нимъ разумъ и нравственное чувство уже въ значительной степени утратили спо-

собность имъ возмущаться. Поэтому вполнѣ естественно, что во всемъ опередившія насъ государства не разрѣшили своего рабочаго вопроса. Но намъ они въ этомъ отношеніи не указъ. Тамъ крупные промышленники представляютъ великую общественную силу, могучую и числомъ своимъ, и своимъ образованіемъ, и громадными капиталами. Тамъ удовлетворительное рѣшеніе рабочаго вопроса дѣйствительно равняется революціи, которая должна взволновать весь вѣками складывавшійся общественный строй и поколебать интересы важные, сильные, многочисленные. Поэтому тамъ была бы по крайней мѣрѣ объяснима та кудрявая осторожность, то zirlich-manierlich, которое выразилось въ рѣчи г. Делавосса. А у насъ? Съ чего мы-то станемъ вести свои дѣла такъ, какъ будто бы наши капиталисты не ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ капля въ морѣ русскаго народа или какъ будто бы наши рабочіе ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ пролетаріевъ? Только одинъ изъ ораторовъ съѣзда, именно г. Губинъ, попытался-было по крайней мѣрѣ одну сторону вопроса поставить на надлежащую точку зрѣнія. «Слово «рабочій», говорилъ г. Губинъ, нельзя понимать у насъ въ томъ смыслѣ какъ за границей. У насъ нѣтъ или очень мало такихъ рабочихъ, которые бы родились на заводѣ. У насъ они одинъ годъ работаютъ на суконной фабрикѣ, другой на сахароваренномъ заводѣ и т. д., и если работаютъ на одной фабрикѣ, то все-таки по большей части имѣютъ за собою матеріальную поддержку въ принадлежащей имъ землѣ. Слѣдовательно наши рабочіе не могутъ быть приравниваемы къ фабричнымъ Бельгіи, Франціи и Англіи, гдѣ они являются безземельными пролетаріями. У насъ рабочіе не составляютъ отдѣльнаго рабочаго сословія. Напротивъ того они состоятъ и изъ мѣщанъ, и изъ крестьянъ, живутъ и по уѣздамъ, и по городамъ». Къ сожалѣнію это указаніе было сдѣлано ради безспорно важной, но второстепенной цѣли, именно въ доказательство того, что устройство школъ на заводахъ недостаточно. Между тѣмъ указанный г. Губинымъ общеизвѣстный фактъ громадной важности долженъ бы

былъ лечь въ основаніе всѣхъ преній о русскомъ рабочемъ вопросѣ.

Уже лѣтъ тридцать, сорокъ занимаемся мы разсужденіями на тему: Россія и Европа. Срокъ, кажется, достаточный для того, чтобы успѣло выработаться какое-либо опредѣленное воззрѣніе на положеніе Россіи въ виду европейской цивилизаціи. Но за все это время мы успѣли выказать много самохвальства и самоуничиженія и добыли очень мало такого, что дѣйствительно стояло бы на высотѣ безспорной или хоть по крайней мѣрѣ вѣроятной истины. Насъ путаютъ здѣсь больше всего фантомы въ родѣ тѣхъ, какіе подсказали г. Делавоссу его рѣчь, и національное самолюбіе. Но путаница существуетъ и помимо этихъ двухъ факторовъ. Люди, необуреваемые ни излишествами національнаго самолюбія, ни фантомами, люди спокойные и свѣтлые, какъ серебряный рубль, отправляясь отъ совершенно вѣрнаго факта, скажутъ вамъ: положеніе нашего рабочаго не имѣетъ ничего общаго съ западнымъ пролетаріатомъ, а потому за будущность Россіи нечего бояться: крупная промышленность не произведетъ въ ней того, что она произвела въ Европѣ. Спрашивается, гдѣ основанія такого оптимизма? Развѣ европейскій рабочій въ свое время не былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь еще находится нашъ? И развѣ не прогрессъ промышленности выбилъ его изъ этой колеи? Пусть намъ докажутъ, что европейскій рабочій никогда не былъ собственникомъ земли и орудій производства, самостоятельнымъ хозяиномъ; пусть также докажутъ, что его теперешнее положеніе не обусловливается развитіемъ фабричной промышленности. Тогда только приведенный оптимистическій взглядъ будетъ имѣть за себя нѣкоторую вѣроятность. Но этого доказать невозможно.—Другіе, опять-таки отправляясь отъ безпорнаго положенія, скажутъ: цивилизація одна—общечеловѣческая, и какой-нибудь самостоятельный русской цивилизаціи ожидать нельзя; а потому мы должны идти тѣмъ же путемъ, какимъ шла и идетъ Европа, избѣгая только развѣ нѣкоторыхъ частностей: общинное землевладѣніе, кустарная промышленность и т. п. осуждены и европейской практикой,

и европейской наукой.—Да, конечно цивилизація одна, уже потому одному, что научныя истины остаются истинами вездѣ и всегда. Но когда намъ приходится слышать приведенное мнѣніе, намъ вспоминается эпизодъ изъ пушкинскаго отрывка «Импровизаторъ». Итальянцу-импровизатору выпала тема: «Клеопатра и ея любовники». Импровизаторъ затруднился. Онъ пожелалъ узнать, какихъ именно любовниковъ Клеопатры имѣлъ въ виду господинъ, задавшій тему. «Потому что у великой царицы ихъ было много» пояснилъ импровизаторъ. Пій IX, парижская коммуна, Бисмаркъ, международное общество рабочихъ, Наполеонъ III, дарвинизмъ и проч., и проч., и проч.,—все вѣдь это продукты европейской цивилизаціи, и за каждымъ изъ нихъ значится цѣлая программа. Кого же мы возьмемъ себѣ въ руководители? Князь Васильчиковъ, въ своей извѣстной рѣчи, говоритъ, что разрушеніе нашей поземельной общины сдѣлалось у насъ своего рода Carthago delenda est, и самъ князь Васильчиковъ къ сожалѣнію не считаетъ нужнымъ сдѣлать этому воззрѣнію достодолжный отпоръ. Распущеніе общины требуется во имя такъ-называемыхъ здравыхъ экономическихъ началъ и историческихъ законовъ цивилизаціи. Говорятъ: этотъ вопросъ рѣшенъ наукою и цивилизаціей окончательно и безповоротно. Не совсѣмъ однако окончательно. Англія составляетъ, какъ извѣстно, предметъ воздыханій многихъ. Правда эти многіе не прощаютъ Англіи кое-какихъ частностей въ родѣ законовъ о бѣдныхъ, а также феодальной подкладки, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохранившейся въ Англіи больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Но во всякомъ случаѣ это страна, гигантски цивилизованная, и, что для насъ въ настоящую минуту важнѣе всего, страна, снабжающая цивилизованный, а отчасти и нецивилизованный міръ здравыми экономическими началами. Между тѣмъ въ настоящее время въ Англіи происходитъ весьма любопытное и поучительное для насъ движеніе, способное либо разочаровать насъ въ томъ, что Англія есть страна здравыхъ экономическихъ началъ, либо заставить насъ усомниться въ здравости началъ, признаваемыхъ нами здравыми. Движеніе имѣетъ цѣлью реформу поземельныхъ отно-

шеній. Въ немъ принимаютъ участіе признанные научные авторитеты, государственные дѣятели, публицисты, рабочіе. Составляются общества, собираются митинги. Вотъ нѣкоторыя черты изъ этого движенія.

Изъ числа обществъ, имѣющихъ цѣлью способствовать реформѣ поземельныхъ отношеній, первое по времени основанія есть «лига національной реформы» (national reform league), образовавшаяся въ средѣ рабочихъ въ пятидесятыхъ годахъ. Программа лиги сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: «Земля принадлежитъ націи. Жатва и другія произведенія земли—фермеру. Все, что̀ фермеръ можетъ получить въ обмѣнъ на добытые изъ почвы или при ея посредствѣ продукты, за исключеніемъ того, что—въ видѣ ренты —уплатитъ государству, составляетъ неоспоримую его собственность».

Лигу эту смѣнила въ послѣднее время «лига земли и труда» (land and labour league). На митингѣ 28 февраля 1870 года эта новая лига выставила слѣдующія требованія: «1) Чтобы измѣнены были законы, въ силу которыхъ народъ принужденъ голодать (to starve) дома или изгоняется изъ родной страны. 2) Чтобы земля была вновь возвращена во владѣніе націи, такъ-какъ нынѣшніе владѣльцы ея (которыхъ самъ Гладстонъ не задумывается назвать the lounging class) злоупотребляютъ своимъ правомъ владѣнія. Но они должны получить вознагражденіе, по примѣру ирландской церкви. Нищета, до которой дошелъ народъ, въ настоящее время требуетъ спѣшной помощи; и эта помощь будетъ оказана ему въ томъ только случаѣ, если рабочимъ дана будетъ возможность прилагать свой трудъ къ обработкѣ пустопорожнихъ земель не гдѣ нибудь за морями, а у себя дома, въ Англіи».

На митингѣ въ Соутгемптонѣ 25 мая 1870 г. приняты были рабочими слѣдующія рѣшенія: «Желательно — 1) Чтобы обширные участки плодородной земли, впустѣ лежащіе въ «Новомъ лѣсѣ» (Hampschire), были приспособлены къ воздѣлыванію, причемъ впрочемъ менѣе годные къ обработкѣ могли бы быть оставлены и въ естественномъ состояніи, чтобы была возможность наслаждаться дикими красотами первобытной природы. 2) Чтобы

плодородные участки не было дозволено присвоивать въ частную собственность: они должны отдаваться въ аренду на довольно продолжительный срокъ, чтобы возбудить въ арендаторѣ интересъ къ воздѣлыванію земли безъ истощенія почвы. Самые же участки должны быть раздѣлены такъ, чтобы въ обработкѣ ихъ могли принять участіе преимущественно мелкіе фермеры».

Для характеристики отношенія рабочихъ къ поземельному вопросу приведемъ еще слѣдующее письмо, напечатанное въ концѣ 1870 года въ органѣ рабочаго класса «Пчелиный улей». Письмо адресовано къ Гладстону и заключаетъ въ себѣ благодарность за его дѣятельность по церковному и поземельному вопросамъ въ Ирландіи. Затѣмъ авторы переходятъ къ англійскимъ порядкамъ и заканчиваютъ письмо такъ: «Мы вовсе не думаемъ указывать на тѣ измѣненія, которыя необходимо произвесть въ поземельныхъ законахъ Англіи. Имѣя дѣло съ ирландскимъ поземельнымъ вопросомъ, вы уже доказали и способность вашу отыскивать средства для устраненія гнетущихъ народъ бѣдствій, и сверхъ того рѣдкія стойкость и мужество, чтобы привести въ исполненіе одинъ разъ принятое рѣшеніе, плодъ политической мудрости и справедливости. Найдется-ли у васъ столько же энергіи и доброй воли, чтобы то же самое дѣлать для Англіи? Мы убѣдительно просимъ, чтобы законодательство на очереди не было отложено, во избѣжаніе тысячи случайностей; чтобы оно не было навязано правящимъ классамъ силою подъ гнетомъ народной нищеты и отчаянія, чтобы оно не было ускорено (при посредствѣ парламента) вслѣдствіе аграрной борьбы, которая можетъ вспыхнуть за стогомъ сѣна, за живою изгородью. Борьба во всякомъ случаѣ неизбѣжна. Но въ какой бы формѣ ни возгорѣлась она, мы просимъ васъ быть готовыми къ этой борьбѣ, со всею энергіей, какою вы владѣете, и приготовить къ ней другихъ. Возстановленіе связи народа нашей страны съ землею, на которой онъ родился, будетъ конечно почвою, на которой разгорится ближайшая серьёзная политическая борьба въ королевствѣ».

Такъ смотрятъ на дѣдо рабочіе. Либеральная партія съ своей

стороны организовалась, въ виду поземельнаго вопроса, въ два кружка: Кобденскій клубъ и Общество реформы поземельнаго владѣнія (land tenure reform association). Въ послѣдней своей рѣчи Кобденъ (онъ умеръ въ 1865 году) между прочимъ говорилъ: «Еслибы мнѣ было теперь 25 или 30 лѣтъ, а не вдвое болѣе, я снова взялъ бы Адама Смита въ руки, и мы имѣли бы лигу для свободнаго перехода земли, какъ имѣли лигу для свободной торговли хлѣбомъ. Какъ прежде, такъ и теперь, Адамъ Смитъ былъ бы намъ авторитетомъ. Я не сомнѣваюсь, что успѣхъ увѣнчалъ бы наши усилія, еслибы только взяться за дѣло какъ слѣдуетъ, т.-е. видѣть въ немъ не осуществленіе революціонныхъ или чартистскихъ стремленій, но дальнѣйшее только приложеніе началъ экономической науки. И я говорю смѣло: кто возьмется за это дѣло и приведетъ его къ концу, сдѣлаетъ для англійскаго бѣдняка болѣе, нежели въ состояніи были сдѣлать для него мы, приложивъ начала свободы къ торговлѣ». Въ память Кобдена друзья его основали клубъ, имѣющій цѣлью подготовить матеріалы для реформы поземельныхъ отношеній. Въ 1870 году клубъ издалъ сборникъ статей, касающихся поземельной собственности въ Англіи и въ другихъ странахъ. Весьма многіе члены клуба видятъ якорь спасенія въ общинномъ землевладѣніи, вслѣдствіе чего тщательно изучаются, какъ вымершія, такъ и существующія еще формы сельской общины. Книга Нассе объ англійской средневѣковой сельской общинѣ переведена на англійскій языкъ; извѣстные труды Маурера о нѣмецкой общинѣ также отчасти переводятся, отчасти компилируются; изучается индійская община.

Кобденскій клубъ задался исключительно теоретическими цѣлями. Напротивъ общество реформы поземельной собственности ведетъ дѣятельную агитацію. Во главѣ общества стоитъ Д.-Ст. Милль. Притязанія крупныхъ землевладѣльцевъ, основанныя на давности, Милль старается парализировать доказательствами, что общинныя права древнѣе помѣстныхъ. Затѣмъ обществомъ, окончательно сложившимся на митингѣ 15-го мая 1871 года, принята слѣдующая программа Милля: Общество желаетъ:

«1) устранить всякаго рода препятствія для свободнаго перехода земель изъ однѣхъ рукъ въ другія. 2) Отмѣнить законъ о первородствѣ. 3) Ограничить право отдѣльныхъ лицъ обставлять владѣніе землею, переходящею по наслѣдству, разными стѣснительными условіями. 4) Обложить налогомъ поземельную собственность на слѣдующемъ основаніи: такъ-какъ цѣнность земли постоянно возрастаетъ, преимущественно отъ совокупнаго дѣйствія размножающагося населенія и накопляющихся богатствъ, безъ особенныхъ заботъ со стороны собственниковъ земли, то слѣдуетъ требовать въ пользу государства весь размѣръ ренты, который (послѣ предварительной оцѣнки) окажется увеличеніемъ прежняго размѣра, помимо усилій и затратъ со стороны самихъ владѣльцевъ. 5) Способствовать пріобрѣтенію на общественный счетъ помѣстій, поступающихъ въ продажу, для развитія кооперативнаго земледѣлія и—6) мелкаго феремерства. 7) Озаботиться о томъ, чтобы земли, принадлежащія коронѣ, общественнымъ учрежденіямъ, а также пожертвованныя для благотворительныхъ цѣлей, не переходили въ частное владѣніе. Ими слѣдовало бы также воспользоваться для улучшенія жилищъ рабочаго класса. 8) Пустопорожнія земли, или требующія парламентскаго акта для обнесенія ихъ оградою (то-есть обращенія ихъ въ частную собственность) должны быть удержаны для національнаго употребленія, съ вознагражденіемъ за то помѣстныхъ и общинныхъ правъ. 9) Послѣ предоставленія большей части земель, нынѣ впустѣ лежащихъ, для обработки мелкимъ фермерамъ и кооператорамъ, слѣдуетъ озаботиться, чтобы менѣе плодородные участки удержаны были въ дикомъ состояніи, для общаго пользованія, развитія вкуса къ сельскимъ удовольствіямъ—и чтобы рѣшеніе объ ихъ окончательномъ назначеніи предоставлено было будущимъ генераціямъ. 10) Предоставить государству войти во владѣніе (послѣ вознагражденія настоящихъ собственниковъ) всѣми естественными предметами и постройками (находящимися на извѣстныхъ участкахъ земли), имѣющими значеніе для науки, искусства или исторіи, и прирѣзать къ этимъ участкамъ такую полосу окружающей ихъ земли, какая будетъ найдена необ-

ходимою для означенной цѣли». Общество реформы поземельной собственности считаетъ въ числѣ своихъ членовъ—кромѣ Милля—Фосетта, Роджерса, Оджера, Кернса, Поттера, Клиффъ-Лесли и другихъ видныхъ представителей науки и публицистики.

Независимо отъ дѣятельности рабочихъ и либераловъ, выставила свою программу и консервативная партія. Это «новое соціальное движеніе» (The new social movement) организовано Д. Скоттомъ Росселемъ, которому удалось сблизить нѣкоторую группу крупныхъ землевладѣльцевъ съ нѣкоторою группою рабочихъ. По программѣ Росселя, рабочіе англійскіе нуждаются болѣе всего: «1) Въ семейныхъ жилищахъ, съ необходимыми для сохраненія здоровья условіями, въ которыхъ можно было бы пользоваться чистымъ воздухомъ и свѣтомъ. 2) Въ снабженіи ихъ здоровою, дешевою и питательною пищею. 3) Въ досугѣ, которымъ могли бы пользоваться для выполненія семейныхъ и общественныхъ обязанностей, для цѣлей образованія и радостей семейной жизни. 4) Въ организаціи мѣстнаго управленія, чѣмъ можно было бы обезпечить благосостояніе жителей поселковъ, селъ и городовъ. 5) Въ систематическомъ преподаваніи началъ разныхъ знаній и усовершенствованій въ каждомъ ремеслѣ (преимущественно для искусныхъ работниковъ). 6) Въ публичныхъ паркахъ, постройкахъ и разнаго рода учрежденіяхъ для поучительнаго отдыха, соединеннаго съ нравственнымъ совершенствованіемъ. 7) Въ приспособленіи различныхъ общественныхъ учрежденій для общей пользы».

Соотвѣтственно этому составлены семь предложеній, которыя были представлены нѣкоторымъ, какъ говоритъ Д. С. Россель, «наиболѣе способнымъ и умѣреннымъ» рабочимъ. Они образовали изъ себя совѣтъ (council of working men) для обсужденія этихъ предложеній и приняли ихъ 4-го февраля 1870 года. Вотъ эти предложенія. «Предполагается: 1) перемѣстить семейства рабочихъ изъ настоящихъ вертеповъ ихъ скученія (crowded dens) въ большихъ городахъ въ мѣста, гдѣ бы они могли пользоваться просторомъ и здоровымъ воздухомъ. 2) Организовать самоуправленіе посредствомъ соединенія для муниципальныхъ цѣлей

деревень, городовъ и графствъ, предоставивъ имъ право пріобрѣтать для общей пользы земли и распоряжаться ими. 3) Постановить, чтобы 8 часовъ добросовѣстнаго, искуснаго труда составляли рабочій день. 4) Устроить для всѣхъ доступныя школы. 5) Учредить для всѣхъ доступные публичные рынки на началахъ кооперативныхъ. 6) Ввести въ программу общественнаго управленія учрежденіе и поддержку различныхъ локалей для отдыха и соединить съ ними распространеніе знаній и развитіе вкуса. 7) Скупить на счетъ государства желѣзныя дороги и содержать ихъ на общественный счетъ, чтобы онѣ могли служить, подобно почтовому управленію, для общей пользы». Положенія эти приняты были въ сентябрѣ 1870 года и консервативными лордами, а также нѣкоторыми изъ партіи виговъ. Они образовали тогда же, съ цѣлью изготовленія парламентскихъ биллей, совѣтъ законодателей (council of legislators). Въ октябрѣ 1871 года обнародованы были приведенныя семь положеній и «новое соціальное движеніе» получило гласность.

«Новое соціальное движеніе» есть собственно говоря пуфъ. Очень понятно, что консервативная партія, ядро которой составляютъ крупные поземельные собственники, въ виду дѣятельности рабочихъ и либераловъ, сочла полезнымъ выставить и свою программу, въ которой рабочимъ обѣщались всякія блага, но тщательно устранялся вопросъ дня—реформа поземельныхъ отношеній. Дѣло это, какъ можетъ быть читатель помнитъ по газетамъ, надѣлало одно время много шуму: нѣкоторые лорды отказывались отъ участія въ «новомъ соціальномъ движеніи», Скоттъ Россель настаивалъ, что оно поднято совмѣстнымъ участіемъ лордовъ и рабочихъ и т. д. Теперь оно совсѣмъ затихло. Только немногіе могли видѣть въ немъ что-нибудь серьёзное. (Замѣчу мимоходомъ, что въ числѣ этихъ немногихъ находится «суздальская» фракція позитивистовъ. См. издающійся съ апрѣля нынѣшняго года журналъ «Ordre et progrés, La politique positive» № 4-й).

Гораздо поучительнѣе дѣятельность радикаловъ и либераловъ. Либеральное «общество реформы поземельнаго владѣнія» сдѣ-

лало-было попытку сближенія съ радикалами, именно пригласило на митингъ 15-го мая нѣкоторыхъ членовъ «лиги земли и труда». Радикалы отказались на томъ основаніи, что общество допустило въ свою программу многіе компромиссы, какъ напримѣръ допущеніе свободной купли и продажи земли, которая такимъ путемъ попадетъ въ руки лендлордовъ и слѣдовательно все движеніе только усилитъ послѣднихъ. За то съ другой стороны на Милля, Фоссета и проч. посыпались упреки въ невѣжествѣ, въ утопичности и т. д. «Times» утверждалъ, что общество реформы поземельнаго владѣнія задалось несообразною цѣлью уничтожить врожденное людямъ стремленіе къ наживѣ и, подорвавъ спекуляцію землею, ослабить вообще духъ предпріимчивости. «Міромъ управляетъ—по словамъ «Times» — сила, на которую ни одинъ философъ не имѣлъ до сихъ поръ ни малѣйшаго вліянія, которая могущественнѣе обѣихъ палатъ и всей поземельной аристократіи. Сила эта — jobbery, барышничество». Когда одинъ изъ членовъ кобденскаго клуба внесъ въ прошломъ году въ парламентъ предложеніе о реформѣ поземельныхъ законовъ въ самомъ скромномъ размѣрѣ (именно о реформѣ законовъ о завѣщаніи и наслѣдствѣ), то изъ 658 членовъ нижней палаты въ пользу предложенія высказалось только 49. А во время преній былъ высказанъ слѣдующій взглядъ: «Планы Милля и подобныхъ ему экономистовъ ведутъ лишь къ тому, чтобы жизнь обратилась въ сущее несчастіе, такъ-какъ никакіе разсчеты, основанные на собственности, не будутъ возможны». Дебаты дали только одинъ цѣнный результатъ, именно свѣдѣніе, что къ сессіи нынѣшняго (1872) года готовится билль о переходѣ земельныхъ владѣній изъ рукъ въ руки (land transfer bill).

Свѣдѣнія объ этой борьбѣ въ Англіи заимствованы нами изъ любопытной маленькой книжки г. Сокальскаго «Англо-Саксонская сельская община. I. Первобытная англо-саксонская община» (Харьковъ, 1872). Въ коротенькомъ предисловіи авторъ объясняетъ, почему онъ выбралъ для изслѣдованія такой отдаленный періодъ изъ жизни народа, намъ совершенно чуждаго.

«Первыя начала судебъ этого народа, говоритъ г. Сокальскій, имѣютъ много общаго съ нашими судьбами. Сходныя черты могутъ служить объясненіемъ нашего прошлаго, а отчасти и того, на какой почвѣ мы стоимъ, куда мы идемъ». Авторъ тысячу разъ правъ. Книжка повидимому университетскаго происхожденія, а въ такомъ случаѣ она способна доставить двойное удовольствіе. Члены университетскаго сословія къ сожалѣнію не часто даютъ себѣ отчетъ, почему они выбираютъ для своихъ диссертацій и изслѣдованій тотъ или другой предметъ.

И такъ куда мы идемъ? По стопамъ западной цивилизаціи? Но у Клеопатры было много любовниковъ. «Times» съ его апологіей барышничества — цивилизація. Радикалы, требующіе обращенія всѣхъ земель въ государственную собственность — цивилизація. Либералы, желающіе свободнаго перехода земель; либералы, требующіе ограниченія свободы завѣщаній и измѣненія законовъ о наслѣдствѣ; либералы, присматривающіеся къ средневѣковому общинному землевладѣнію; наконецъ консерваторы, сочиняющіе шулерское «новое соціальное движеніе» — все это цивилизація. Куда же намъ идти? Очевидно, что сказать: пойдемъ по стопамъ европейской цивилизаціи,—значитъ ровно еще ничего не сказать. Надо остановиться на какихъ-нибудь общихъ началахъ, которыя освѣщали бы и путь, пройденный Европой, и нашъ будущій путь.

Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ *передачи* условій труда въ руки работника, экспропріаціи теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только *сохраненіе* условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности. У насъ подъ самымъ Петербургомъ, т.-е. въ одной изъ наиболѣе англизированныхъ мѣстностей, въ мѣстности испещренной фабриками, заводами, парками, дачами, существуютъ деревни, жители которыхъ живутъ на *своей* землѣ, жгутъ *свой* лѣсъ, ѣдятъ *свой* хлѣбъ, одѣваются въ армяки и тулупы *своей* работы изъ шерсти *своихъ* овецъ. Гарантируйте имъ прочно это свое, и русскій рабочій вопросъ рѣшенъ.

А ради этой цѣли можно все отдать, если какъ слѣдуетъ понимать значеніе прочной гарантіи. Скажутъ: нельзя же вѣчно оставаться при сохѣ и трехпольномъ хозяйствѣ, при допотопныхъ способахъ фабрикаціи армяковъ и тулуповъ. Нельзя. Но изъ этого затрудненія существуютъ два выхода. Одинъ, одобряемый практическою точкою зрѣнія, очень простъ и удобенъ: поднимите тарифъ, распустите общину, да пожалуй и довольно, — промышленность, на подобіе англійской, какъ грибъ выростетъ. Но она съѣстъ работника, экспропріируетъ его. Есть и другой путь, конечно гораздо труднѣе, но легкое разрѣшеніе вопроса не значитъ еще правильное. Другой путь состоитъ въ развитіи тѣхъ отношеній труда и собственности, которыя уже существуютъ въ наличности, но въ крайне грубомъ, первобытномъ видѣ. Понятно, что цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе поземельной общины. Народъ нашъ чутьемъ слышитъ, откуда близится къ нему опасность. Въ № 197-мъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатана любопытная кореспонденція о безпорядкахъ въ Купянскомъ уѣздѣ (Харьковской губерніи). Это обыкновенная у насъ печальная путаница, въ которой фигурируютъ «пять возовъ розогъ». Не мое дѣло ее разсказывать, и я только приведу слѣдующія слова крестьянъ: «Какъ возьмемъ владѣнную запись, такъ сейчасъ сможемъ продавать часть земли, когда будетъ на то согласіе двухъ третей общества,—а у насъ всегда наберется голи, а лѣнтяевъ и того болѣе. Вотъ паны да купцы водкою да деньгами подобьютъ насъ продать имъ часть земли, да еще лучшей. Деньги за землю поступятъ въ казну, намъ полегчаетъ на нѣсколько копѣекъ, а мы ту же проданную землю будемъ нанимать по 3, да по 5 рублей въ годъ... Пока земля казенная, съ голоду я не умру; и что бы со мной ни было, а земля останется при мнѣ, а какъ мы выкупимъ, то она достанется богатымъ. Я умру, и земля пойдетъ на общество, а выростутъ дѣти и получатъ землю; а какъ выкупимъ, да подѣлимъ, то пока выростутъ дѣти, опекуны и волость проживутъ

землю, какъ бываетъ съ избами и другимъ имуществомъ, и дѣтямъ нашимъ придется таскаться нищими». На замѣчаніе какого-то либерала, что продажа части, выкупъ и раздѣлъ зависятъ отъ ихъ доброй воли, крестьяне, сильные своимъ здравымъ смысломъ, отвѣчали: «Только дай намъ право, такъ добрую волю нашу въ кабакахъ легко будетъ достать... Такой-то (имя и отечество) сейчасъ споитъ насъ, подкупитъ волостное и сельское начальство, да и купитъ у насъ лучшую землю, а мы останемся при однѣхъ усадьбахъ и неудобной землѣ».

Конечно закрѣпленіе общины есть только первый необходимый шагъ правительственнаго вмѣшательства, но шагъ въ высшей степени важный, опредѣляющій судьбу народа по крайней мѣрѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Общинное землевладѣніе и крупная промышленность по образцу англійской рядомъ долго существовать не могутъ. Кто нибудь долженъ будетъ уступить. И вотъ почему, какъ справедливо выразился кажется г. Кавелинъ, община есть палладіумъ русскаго народа. На ней написано: симъ побѣдиши. Скажутъ: община стѣсняетъ свободу личности. Это старая сказка. Что̀ такое свобода, независимость, личная инициатива? Для практиковъ это устланный розами путь въ бездонную пропасть. Для теоретиковъ это цѣль пути, до которой нельзя дойти не потерпѣвши ни одной царапины. Конечно эта точка зрѣнія не допускаетъ красивыхъ фразъ, ежеминутныхъ виватовъ свободѣ и проклятій регламентаціи. По ея словарю дѣтоубійство есть только дѣтоубійство, а не свобода труда, пролетаріатъ—только пролетаріатъ, а не свобода выбора занятій. Свободенъ ли безземельный наемникъ, брошенный на произволъ стихійнаго, т.-е. безсмысленнаго и безнравственнаго закона спроса и предложенія труда? У насъ не то что г. Скальковскій, а и г. Сыромятниковъ толкуетъ о «свободѣ труда». Въ Европѣ эту пѣсню начинаютъ бросать, и, какъ мы видѣли, авторитетнѣйшіе либералы поговариваютъ о правительственномъ вмѣшательствѣ въ той или другой формѣ. Личная инициатива возможна въ экономическомъ порядкѣ вещей только для собственника. Бойтесь же прежде всего и больше всего такого обще-

ственнаго строя, который отдѣлитъ собственность отъ труда. Онъ именно лишитъ народъ возможности личной иниціативы, независимости, свободы. Вотъ точка зрѣнія, съ которой съѣздъ промышленниковъ долженъ бы былъ обсуждать русскій рабочій вопросъ, еслибы онъ хотѣлъ его разрѣшить, еслибы онъ могъ хотѣть... Во всякомъ случаѣ люди науки могли хотѣть. Но они предпочли «безъ задней мысли, съ чистосердечною откровенностью» подать черезъ головы народа руку помощи «другой фракціи дѣятелей». Они предпочли обратить въ «жупелъ» консервативнѣйшій изъ вопросовъ русской жизни. Они вторили невѣжественной толпѣ и только посильно помогли затемнить и безъ нихъ достаточно затемненный вопросъ, самъ по себѣ ясный какъ божій день. Грустно... Откуда же ждать свѣту? Что ходъ вещей, неруководимый свѣтомъ науки, привелъ старую Европу къ бѣдствіямъ—это понятно. Но мы только что начинаемъ жить теперь, когда наука уже обладаетъ и нѣкоторыми истинами и нѣкоторымъ авторитетомъ. А она хвостомъ виляетъ... Лисій хвостъ и волчій ротъ—вотъ эмблема двухъ фракцій перваго всероссійскаго съѣзда заводчиковъ, фабрикантовъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью.

Одинъ изъ ораторовъ съѣзда промышленниковъ, именно г. Кайгородовъ, предложилъ съѣзду «выбрать изъ среды своей или основать новое общество для содѣйствія умственному, нравственному и матеріальному развитію нашихъ рабочихъ, подобно тому, какъ существуетъ общество для развитія нашей торговли и промышленности». Изъ всего вышесказаннаго читатель можетъ a priori заключить, что предложеніе это особеннаго сочувствія не вызвало. И дѣйствительно, изъ протоколовъ и стенографическихъ отчетовъ не видно даже, чтобы предложеніе г. Кайгородова вызвало хоть какія-нибудь пренія: его просто *замолчали*. Между тѣмъ общество для содѣйствія умственному, нравственному и матеріальному развитію рабочихъ имѣло бы у насъ гораздо больше правъ на существованіе, чѣмъ раздуваемое газетами общество для содѣйствія торговлѣ и промышленности. Желательно было бы, чтобы мысль г. Кайгородова не пропала без-

слѣдно. Благодаря существованію такого спеціальнаго общества нашъ рабочій вопросъ могъ бы систематически разработываться, не занимая задняго угла въ засѣданіяхъ съѣздовъ промышленниковъ, не играя роли «жупела», пугающаго слабонервныхъ старухъ.

III.

Сентябрь 1872.

Г. Страховъ. — Русская печать о послѣдней книгѣ Ренана. — Субъективная и объективная оцѣнка фактовъ.—Элементы европейской цивилизаціи.—Политическій матеріализмъ.—Веселенькій пейзажикъ.—Два посвященія.—Великолѣпный князь Тавриды и Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ.

Г. Страховъ давно уже, въ некрологѣ Аполлона Григорьева, разсказалъ, что покойный критикъ говорилъ ему, г. Страхову: кромѣ тебя теперь и писать некому. Весьма вѣроятно, что мнѣніе Григорьева раздѣляется болѣе или менѣе обширнымъ кругомъ лицъ. Но огромное большинство все-таки привыкло смотрѣть на г. Страхова только какъ на смѣшнаго писателя. Это мнѣніе не то что невѣрно, а неполно. Пожалуй и Донъ-Кихотъ смѣшонъ, но его тощая фигура способна вызвать не только смѣхъ. Съ извѣстной точки зрѣнія это не только не комическій образъ, а напротивъ вполнѣ трагическій и притомъ невольно влекущій къ себѣ ваши симпатіи. Пусть г. Страховъ смѣшонъ какъ Донъ-Кихотъ, но онъ и мужественъ какъ Донъ-Кихотъ, и задаетъ себѣ удивительные подвиги какъ Донъ-Кихотъ, и преданъ своей Дульцинеѣ какъ Донъ-Кихотъ, и даже какъ Донъ-Кихотъ не знаетъ своей Дульцинеи. Дѣйствительно въ г. Страховѣ, какъ писателѣ, есть нѣчто доблестное, степенное, нѣсколько аскетическое, словомъ нѣчто рыцарственное. Прослышалъ г. Страховъ, что за моремъ рыцарь Джонъ-Стюартъ Милль прославился своей логикой. Г. Страховъ, не только не смущаясь всемірною славою англійскаго рыцаря, но напротивъ почерпая изъ этого обстоятельства удвоенную энергію, бросается на него съ крикомъ: «да здравствуетъ

Дульцинея!» Въ результатѣ боя оказывается, что англійскій рыцарь Джонъ-Стюартъ-Милль—«глупецъ». Называя Милля глупцомъ, г. Страховъ и не думаетъ ругаться. Онъ степенно, хотя и мужественно, опредѣляетъ что́ такое глупость, прикидываетъ полученную мѣрку къ Миллю и находитъ, что она приходится какъ разъ. Это не брань,—рыцари не бранятся. Собственно говоря, предпріятіе г. Страхова гораздо еще величественнѣе. Не на одного Милля «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ», а на всю современную науку и философію, поѣхалъ съ поднятымъ забраломъ, смѣло и безхитростно. Этого мало. Во время самаго боя нашъ рыцарь выбираетъ себѣ положенія, крайне трудныя, такъ что иногда не знаешь даже, точно-ли передъ тобою рыцарь безъ страха и упрека или это необыкновенно отважный акробатъ. Рыцарь ведетъ бой такъ. Мудрость, говоритъ онъ, есть умственное зрѣніе, способность различать предметы. Что́ же мы видимъ въ современной мудрости? Атомическая теорія уничтожаетъ всѣ различія между предметами, сводя ихъ къ группамъ атомовъ, теорія единства силъ природы уничтожаетъ различія между теплотою, электричествомъ, химическимъ сродствомъ и т. д.; теорія измѣнчивости органическихъ типовъ сглаживаетъ различія между животными и растительными видами; сторонники равноправности мужчинъ и женщинъ забываютъ разницу между обоими полами, и проч., и проч., и проч. Гдѣ же тутъ мудрость, способность усматривать различія между предметами? Это просто глупость.—Ударъ, чрезвычайно искусный и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени рискованный, чисто-рыцарскій. Ибо стоитъ только сказать, что мудрость есть умѣніе усматривать сходство между предметами (а это опредѣленіе имѣетъ столько же правъ на существованіе, какъ и опредѣленіе г. Страхова), и Россинантъ долженъ будетъ увлечь своего храбраго сѣдока въ совершенно противоположную сторону. Такъ сражался г. Страховъ по поводу книги Милля «О подчиненности женщинъ».

Да не подумаетъ однако читатель, что мы желаемъ смѣяться надъ г. Страховымъ. Не отрицая смѣхотворности его литературной физіономіи, мы не можемъ отказать ему въ своемъ со-

чувствіи и уваженіи. Г. Страховъ человѣкъ разносторонне и философски образованный; онъ довольно тонкій діалектикъ; онъ дѣйствительно если не смѣлый мыслитель, то смѣлый писатель. Когда современную науку и философію назоветъ глупостью круглый невѣжда, то тутъ не будетъ ничего достойнаго вниманія, не будетъ даже смѣлости. Не помню, какіе дикари вплотную подбѣгали къ направленнымъ противъ нихъ европейскимъ пушкамъ и старались заткнуть страшныя жерла своими шляпами, считая возможнымъ задержать такимъ способомъ вылетъ ядеръ и картечи. Тутъ нѣтъ особенной смѣлости, потому что нѣтъ знанія. Дѣятельность г. Страхова не такова. Онъ вкусилъ европейской науки въ такой мѣрѣ, какъ можетъ быть немногіе изъ нашихъ писателей. Онъ знаетъ, что шляпой нельзя заткнуть пушечнаго жерла. И тѣмъ не менѣе затыкаетъ. Пусть это смѣшно, безумно, но нельзя не отдать должнаго смѣлости и самоотверженію г. Страхова. Возникающая при этомъ психологическая задача, признаемся, для насъ неразрѣшима. Но борьба, несомнѣнно долженствующая происходить въ душѣ и головѣ г. Страхова, не заключаетъ въ себѣ ничего смѣшнаго. Что такая борьба должна существовать, это можно было бы сказать a priori. Но несомнѣнные признаки ея имѣются и въ наличности. Г. Страховъ ежеминутно готовъ выкинуть самое отчаянное, головоломное salto mortale. Но онъ смѣлъ только въ отрицаніи. Какъ это ни странно, но г. Страховъ есть главнымъ образомъ отрицатель. Правда, что онъ преимущественно отрицаетъ отрицаніе, но изъ этого все-таки какъ-то не выходитъ ничего положительнаго. Г. Страховъ до такой степени слабъ по этой части, что ухватился обѣими руками за грошовыя положенія г. Данилевскаго. Это для него какая-то манна, которой онъ ждалъ, сорокъ лѣтъ странствуя въ пустынѣ. Идетъ ли рѣчь о Дарвинѣ, г. Страховъ пишетъ: эта сторона ученія Дарвина блистательно объяснена въ книгѣ Н. Я. Данилевскаго. Идетъ ли рѣчь о Ренанѣ — г. Страховъ замѣчаетъ: можно подумать, что Ренанъ только что прочелъ книгу г. Н. Я. Данилевскаго. Читая любую статью г. Страхова, вы изумляетесь отважности его нападеній и крайней бѣд-

ности, неуловимости положительныхъ результатовъ битвы. Отчего это происходитъ? Единственно отъ того, что г. Страховъ съ одной стороны желаетъ заткнуть шляпой жерло пушки, а съ другой стороны понимаетъ, что ядро непремѣнно снесетъ шляпу. Въ этой борьбѣ есть конечно извѣстная доля комизма, но есть и нѣчто достойное уваженія и сочувствія. Мы не смѣшиваемъ г. Страхова съ разными проходимцами, говорящими вздоръ безданно и безпошлинно. Г. Страховъ платитъ пошлину, и навѣрное очень тяжелую. Поэтому намъ было всегда прискорбно видѣть, что г. Страховъ окруженъ проходимцами и долженъ нести извѣстную долю отвѣтственности за дѣянія, совершенно не соотвѣтствующія его рыцарскому достоинству. Не говоря уже о безобразной травлѣ на «нигилистовъ», продолжавшейся въ «Зарѣ», гдѣ Страховъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ и во всякомъ случаѣ самымъ виднымъ, до послѣдняго ея издыханія, мы отмѣтимъ слѣдующій фактъ. Буквально наканунѣ своей смерти «Заря» печатала въ газетахъ шарлатанскія объявленія въ такомъ родѣ: въ виду необычайнаго нашего успѣха, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ поторопиться, дабы мы заранѣе могли озаботиться вторымъ изданіемъ первыхъ нумеровъ. Мы увѣрены, что г. Страховъ совершенно не причастенъ этому шулерству, обнаружившемуся такъ быстро. Однако и г. Страховъ не безъ грѣха. Въ своемъ второмъ и послѣднемъ нумерѣ «Заря» не мало негодовала на «Гражданина», желающаго «поставить точку» къ реформамъ. И тотчасъ же послѣ смерти «Зари» ея главный сотрудникъ, г. Страховъ появился въ «Гражданинѣ» съ обширной статьей о послѣдней книгѣ Ренана... Впрочемъ статья эта интересна и поучительна.

Книга Ренана «La réforme intellectuelle et morale» вызвала у насъ не мало толковъ. Объ ней съ почтеніемъ отзывались и «Московскія Вѣдомости», и «Русскій Вѣстникъ», и «Вѣстникъ Европы», — послѣдній впрочемъ едва-ли не по недоразумѣнію. Московскимъ органамъ печати появленіе книги Ренана какъ разъ на руку. Либеральный французъ, отрекающійся чуть не отъ всего кодекса либерализма и проклинающій его источникъ—пер-

вую революцію, — какая богатая и благодарная тема. «Самосознаніе просыпается во Франціи... Мы всегда говорили... Уроки исторіи...» и т. д., и т. д. А въ концѣ концовъ краткая, но сильная нотація русскимъ «революціонерамъ, матеріалистамъ, коммунистамъ» и проч., и указаніе на Пруссію и Англію, какъ на страны, спокойно, но вѣрно приближающіяся къ истинному идеалу государственнаго устройства и народной жизни. Все это очень плоско, избито и пишется какъ бы по рецепту. Рыцарскій нравъ г. Страхова не могъ помириться съ такой легкой задачей. Г. Страховъ повелъ дѣло обстоятельнѣе, своеобразнѣе и смѣлѣе. Онъ выбралъ изъ La réforme наиболѣе характерныя мѣста, дополнилъ ихъ цитатами изъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Ренана и снабдилъ своими комментаріями. Только. Но при этомъ получилась очень тонкая характеристика Ренана, какъ мыслителя, и не лишенная не только интереса, а и правды — оцѣнка европейской цивилизаціи. Дѣло не обходится однако безъ salto mortale, безъ аргументовъ и положеній, въ высшей степени рискованныхъ. Ренанъ есть писатель, обладающій извѣстнымъ индивидуальнымъ характеромъ, выдѣляющимъ его изъ ряда другихъ европейскихъ писателей. Есть писатели характернѣе его въ томъ или другомъ отношеніи; есть и такіе, которые блѣднѣе его. Но такая простая обстановка вопроса о личности Ренана не нравится г. Страхову. Съ обыкновеннымъ смертнымъ нашъ рыцарь не подумалъ бы преломить копье. И вотъ онъ предварительно превращаетъ Ренана въ «полнаго представителя европейскаго просвѣщеія» вообще, а затѣмъ и политической мысли въ частности. Но это надо доказать. «Не коммунисты, говоритъ г. Страховъ, не матеріалисты и позитивисты суть истинные представители современнаго просвѣщенія; это лишь уродства, имъ порожденныя, имѣющія силу лишь потому, что они столько же исполнены метафизики, фанатизма, слѣпой вѣры, какъ и самыя древнія ученія. Просвѣщенный, умственно развитый человѣкъ ясно видитъ противорѣчіе, которое заключается въ этихъ вольнодумствахъ, именно, что они опираются на нѣкоторой узкой вѣрѣ. Какъ онъ можетъ признать,

что все существующее есть вещество? Или, что цѣль человѣческой жизни есть матеріальное благосостояніе? Или, что философія естъ одно изъ заблужденій человѣчества?» Это очевидно salto mortale, и при томъ двойное, если даже не тройное. Мы отмѣтимъ однако только одну его сторону, именно, что воззрѣнія, заключающія въ себѣ противорѣчія, не могутъ быть признаны представителями современнаго просвѣщенія. Это совершенно вѣрная мысль. Но, какъ увидимъ, вся статья г. Страхова направлена къ тому, чтобы доказать, что Ренанъ есть нѣкоторое воплощенное противорѣчіе, нѣкоторый обличенный въ плоть и кровь разладъ. А между тѣмъ Ренанъ-то и оказывается «полнымъ представителемъ европейскаго просвѣщенія». Г. Страховъ очень любитъ выбирать себѣ для боя наиболѣе опасныя и невыгодныя положенія.

Какъ бы то ни было, но никакихъ настоящихъ резоновъ въ пользу своего мнѣнія о Ренанѣ, какъ о полномъ представителѣ европейскаго просвѣщенія, г. Страховъ не приводитъ. Нельзя же признать вышеприведенное разсужденіе резономъ. Да и вообще мысль г. Страхова трудно утвердить на резонахъ. Ренанъ—человѣкъ безспорно очень образованный, но образованіе его, какъ исключительно классическое, гуманитарное, весьма односторонне. Ренанъ никогда не изучалъ законовъ природы и только очень недавно приступилъ къ поверхностному изученію политической жизни народовъ. Конечно не надо быть энциклопедистомъ, чтобы считаться полнымъ представителемъ европейскаго просвѣщенія. Для этого достаточно усвоить себѣ общій духъ европейскаго просвѣщенія и затѣмъ прилагать его къ любой частной области. Едва-ли можно сказать это объ Ренанѣ, и во всякомъ случаѣ г. Страховъ этого не доказалъ. Онъ просто изъ рыцарской отваги превратилъ мельницу въ великана,—было бы съ кѣмъ сражаться. За то характеристика Ренана, какъ индивидуума, у г. Страхова очень удачна. Мысль Ренана, по мнѣнію нашего автора, «постигая и объясняя прошлое, отрекается отъ всѣхъ началъ этого прошлаго, а новыхъ началъ не находитъ въ себѣ». Ренанъ «уважаетъ всякую вѣру, но самъ не

имѣетъ никакой; преклоняется предъ всякимъ подвигомъ, совершеннымъ въ простотѣ сердечной, но самъ не можетъ чувствовать побужденій къ подвигамъ; восхваляетъ всѣ формы исторической жизни, но самъ неспособенъ ни признать какія-нибудь изъ нихъ за настоящія, правильныя, ни создать или стремиться создать новую форму». Онъ «нѣсколько завидуетъ прошлому и лишенъ всякой иниціативы для будущаго». Въ политическомъ отношеніи Ренанъ — «консерваторъ, но такой, который только ставитъ прошлое выше настоящаго, а никакъ не можетъ желать его возвращенія». «Еслибы у Ренана былъ свой собственный идеалъ, были начала, осуществленія которыхъ въ жизни онъ желалъ бы, то онъ не могъ бы жалѣть о старомъ порядкѣ и бояться его разрушенія; но такъ-какъ такого идеала у него нѣтъ, то ему остается одинъ выходъ—желать возвращенія стараго порядка, не создать новую жизнь, а возстановить исчезнувшую. Старая форма жизни представляется ему единственно возможною, единственно понятною, — по той причинѣ, что, не чувствуя въ себѣ никакого вполнѣ жизненнаго движенія, онъ способенъ цѣнить и признавать только чужую жизнь, только ту, которою еще живутъ другіе народы или нѣкогда жила его собственная страна... Ренанъ есть нѣчто въ родѣ французскаго славянофила съ тою разницею, что начала, признаваемыя нашими славянофилами, еще сохранились въ народѣ, еще крѣпко живутъ въ немъ, и что наши славянофилы сами искренно вѣрятъ въ эти начала. Ренанъ же мечтаетъ о возстановленіи такой жизни, которая исчезла почти безъ слѣда, разрушена въ самомъ корнѣ; притомъ, какъ ни ясно онъ понимаетъ эту жизнь, самъ онъ можетъ только уважать ея начала, но никакъ не вѣрить въ нихъ; онъ находится въ такомъ же отношеніи къ старому порядку, въ какомъ находится къ религіи».

Все это, или почти все, весьма вѣрно и весьма тонко. Лучшей характеристики Ренана мы не встрѣчали. Но невольно возникаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ могутъ быть цѣнны соображенія человѣка, стоящаго въ положеніи, такъ мастерски описанномъ г. Страховымъ? Человѣкъ этотъ не имѣетъ ни въ про-

шедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ никакой умственной или нравственной опоры. Онъ всему чужой. Чего же ждать отъ этой тѣни? Онъ можетъ, получивъ нѣкоторое возбужденіе отъ необычайныхъ событій прошлой войны, написать нѣсколько прочувствованныхъ словъ Штраусу. Онъ можетъ говорить истину, можетъ заблуждаться. Но никакого особеннаго значенія его рѣчамъ придавать нельзя. Такимъ образомъ, благодаря г. Страхову, оказывается, что московская пресса совершенно напрасно радовалась появленію книги Ренана.

Г. Страховъ занялъ иную позицію. Ему кажется, что Ренанъ есть полный представитель европейскаго просвѣщенія, что онъ не исключительная единица, а широко распространенный типъ, что вся «разумная» часть не только Франціи, а и всей Европы находится въ такомъ же положеніи, какъ Ренанъ. Утверждаетъ это г. Страховъ совершенно бездоказательно, даже не считаетъ нужнымъ доказывать. Но, какъ бы то ни было, онъ идетъ дальше московской прессы и отрываетъ у Ренана «со святыми упокой» не только Франціи, а и Германіи. Въ концѣ концовъ только Россія оказывается для Ренана гарантированною отъ грозящаго цивилизованному міру паденія. Г. Страховъ замѣчаетъ при этомъ въ мнѣніяхъ Ренана «глубокомысліе, обширный и тонкій взглядъ на вещи, превосходное пониманіе исторіи и вмѣстѣ чудесное безпристрастіе, искреннюю любовь къ правдѣ, дѣйствительное желаніе добра». Одного только, по мнѣнію г. Страхова, Ренанъ не понимаетъ и не можетъ понять—духовнаго и политическаго склада Россіи. Поскорбѣвъ однако объ этомъ, порадуемся тому, что «полный представитель европейскаго просвѣщенія» глубокомысленъ, превосходно понимаетъ исторію и проч., а не «глупъ», какъ можно бы было думать руководствуясь прежними статьями г. Страхова.

Г. Страховъ очень удобно раздѣлилъ свою статью на шесть главъ: 1) о Ренанѣ вообще; 2) сужденія Ренана о революціи 1789 года; 3) сужденія Ренана о современномъ состояніи Франціи; 4) средства, предлагаемыя Ренаномъ для спасенія Фран-

ціи; 5) сужденія Ренана о внутреннемъ состояніи Европы; 6) значеніе франко-прусской войны и ея послѣдствія.

Мѣткую характеристику Ренана, сдѣланную г. Страховымъ, мы уже видѣли. Теперь посмотримъ на мнѣнія Ренана въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они сгруппированы и расположены г. Страховымъ.

Въ предисловіи къ Essais de morale et de critique, изданнымъ въ 1859 году, Ренанъ писалъ: «Въ 1851 году я еще питалъ относительно Революціи и происшедшей отъ нея формы общества обыкновенные во Франціи предразсудки, которымъ суждено было поколебаться только вслѣдствіе жестокихъ уроковъ. Я считалъ революцію синонимомъ либерализма, а такъ-какъ это слово (либерализмъ) представляетъ для меня довольно хорошо высшую формулу развитія человѣчества, то фактъ, которымъ, по ученію ошибочной философіи исторіи, знаменуется пришествіе въ міръ либерализма, являлся мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ священнымъ. Я не видалъ еще скрытой язвы въ той общественной системѣ, которая была создана французскимъ умомъ; я не замѣчалъ, что при своей насильственности, при своемъ кодексѣ, основанномъ на чисто матеріалистическомъ понятіи о собственности, при своемъ презрѣніи къ личнымъ нравамъ, при своей манерѣ *принимать въ разсчетъ лишь недѣлимое и видѣть въ недѣлимомъ только пожизненное существо, не имѣющее нравственныхъ связей,—Революція заключала въ себѣ зародышъ разрушенія, который долженъ былъ вскорѣ привести къ господству посредственности и слабости, къ угасанію всякой великой инициативы, къ наружному благосостоянію, условія котораго разрушаютъ другъ друга..... Ничего не можетъ быть пагубнѣе для націи, какъ фанатизмъ, заставляющій ее полагать свое самомнѣніе въ защитѣ извѣстныхъ словъ, прикрываясь которыми ее можно вести до послѣднихъ предѣловъ рабства и униженія*». Въ 1868 году, въ предисловіи къ книгѣ Questions contemporaines, Ренанъ говорилъ: «Во всемъ великая, а въ иныхъ отношеніяхъ возвышенная, Революція есть опытъ, дѣлающій безмѣрную честь народу, который осмѣлился его сдѣлать; но это опытъ неудавшійся.

Сохранивъ лишь одно неравенство, — неравенство имущества; оставивъ лишь однаго гиганта, государство, и тысячи пигмеевъ; создавъ могущественный центръ, Парижъ, среди умственной пустыни, провинціи; превративъ общественныя службы въ администраціи; остановивъ развитіе колоній и закрывъ такимъ образомъ единственный исходъ, которымъ современныя государства могутъ уйти отъ задачъ соціализма, *Революція создала націю, будущее которой мало надежно, націю, гдѣ одно богатство имѣетъ цѣну, гдѣ благородство можетъ только больше и больше падать*». Въ статьѣ «о конституціонной монархіи во Франціи», вошедшей въ Réforme intellectuelle et morale, Ренанъ говоритъ: «Французская революція есть событіе столь необыкновенное, что съ нея должно начинаться всякое разсужденіе о дѣлахъ нашего времени. Во Франціи не совершается ни одного важнаго событія, которое не было бы прямымъ послѣдствіемъ этого главнаго факта, глубоко измѣнившаго условія жизни нашей страны. Какъ все великое, дерзкое, героическое, все превосходящее обыкновенную мѣру человѣческихъ силъ, французская революція будетъ въ теченіе вѣковъ предметомъ, занимающимъ умы, порождающимъ споры, поводомъ ко взаимной любви и ненависти. Съ одной стороны французская революція (имперія, по моему мнѣнію, составляетъ ея продолженіе) есть слава Франціи, по преимуществу французская эпопея; но почти всегда націи, имѣющія въ своей исторіи какой-нибудь исключительный фактъ, искупаютъ этотъ фактъ долгими страданіями и часто платятся за него своимъ національнымъ существованіемъ. Такъ было съ Іудеею, Греціей и Италіей. За то, что они создали единственныя въ своемъ родѣ вещи, которыми живетъ и пользуется міръ, эти страны подвергались вѣкамъ униженія и національной смерти. Національная жизнь есть нѣчто ограниченное, посредственное, узкое. Чтобы сдѣлать что нибудь необыкновенное, всеобщее, нужно разорвать эту тѣсную сѣть; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, мы раздираемъ отечество, такъ какъ отечество есть совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество.... Я думаю, что Революція будетъ имѣть для Франціи

подобныя слѣдствія, хотя не столь продолжительныя, такъ-какъ дѣло Франціи было менѣе велико и всеобще, чѣмъ дѣло Іудеи, Греціи, Италіи. Вѣроятно XIX вѣкъ будетъ считаться въ исторіи Франціи искупленіемъ за Революцію». Въ той-же статьѣ, доказывая, что замѣна дворянства буржуазіею, неравенства, основаннаго на рожденіи, неравенствомъ, основаннымъ на имуществѣ, не принесла съ собой безусловно справедливаго порядка вещей, Ренанъ замѣчаетъ: «*Французская буржуазія ошиблась, думая, что посредствомъ своей системы конкурсовъ, спеціальныхъ училищъ и правильнаго служебнаго повышенія, она можетъ основать справедливое общество. Народъ легко ей докажетъ, что бѣдное дитя исключено изъ этихъ конкурсовъ, и сравнительно съ нею будетъ правъ, утверждая, что полная справедливость требуетъ, чтобы всѣ французы при рожденіи были поставлены въ одинаковое положеніе*».

Вотъ нѣкоторыя мысли Ренана о первой революціи. Мы привели далеко не все, что собрано г. Страховымъ, и сдѣлали это не безъ цѣли. Мы не уклоняемся отъ порядка изложенія, принятаго г. Страховымъ, но постараемся разбить каждую изъ его главъ или рубрикъ на двѣ существенно различныя части. Одно изъ первыхъ правилъ критики, къ сожалѣнію весьма часто забываемое, состоитъ въ различеніи объективной и субъективной оцѣнки фактовъ. Постоянное соблюденіе этого простаго правила избавило бы насъ отъ многихъ недоразумѣній. Указаніе на существованіе факта, на его вѣроятныя причины и слѣдствія, на его распространенность и т. д. составляетъ объективную оцѣнку. Субъективная же оцѣнка состоитъ въ одобреніи или порицаніи факта, въ указаніи на его желательность или нежелательность съ извѣстной точки зрѣнія. Конечно въ сужденіяхъ того или другаго писателя о томъ или другомъ фактѣ не всегда легко отличить эти двѣ стороны. Ибо усвоенная авторомъ субъективная точка зрѣнія не только существенно вліяетъ на характеръ и направленіе его наблюденій и умозаключеній, но даже подсказываетъ ему для объективной оцѣнки выраженія далеко не объективнаго свойства. Возьмемъ напримѣръ вышеупомянутое разсуж-

деніе г. Страхова о глупости. Собственно говоря, онъ желалъ оцѣнить современную науку и философію совершенно объективно. Онъ желалъ показать, что въ этой наукѣ и философіи есть всѣ признаки глупости, извѣстнаго качества, допускающаго анализъ и описаніе. Бываютъ люди бѣлокурые и черноволосые. Понятію одного о красотѣ соотвѣтствуетъ свѣтлый цвѣтъ волосъ, другаго—темный. Но собственно въ словахъ «бѣлокурый», «черноволосый» нѣтъ ни одобренія, ни порицанія. Въ такомъ именно смыслѣ называлъ г. Страховъ современную науку «глупою». Тѣмъ не менѣе очевидно, что разсужденіе г. Страхова вышло вовсе не такъ безстрастно, что и посылка и выводы его подсказаны ему извѣстными симпатіями и антипатіями. Г. Страховъ это очень хорошо безъ сомнѣнія и самъ понимаетъ, потому что въ любопытной статьѣ своей о дарвинизмѣ («Переворотъ въ наукѣ», «Заря» № 1) онъ доказываетъ, что «то, что́ думаетъ человѣкъ, не есть объективная истина, независимая отъ его натуры, а есть именно то, что́ ему *хочется думать*». Въ устахъ Страхова «глупый» было аналогично не съ «бѣлокурый» или «черноволосый», а съ «бѣлобрысый» или «черномазый». Такимъ-то образомъ переплетаются другъ съ другомъ субъективная и объективная точки зрѣнія, перетягивая вѣсы то на одну, то на другую сторону. Это однако только затрудняетъ обязанность критики отличать субъективную оцѣнку отъ объективной. Мы все-таки должны ихъ по возможности отдѣлять. Такъ мы и поступимъ съ Ренаномъ. Мы будемъ слѣдовать изложенію г. Страхова, но сначала приведемъ и разсмотримъ болѣе или менѣе объективную сторону сужденій Ренана о первой революціи, о франко-прусской войнѣ и т. д. Затѣмъ прослѣдимъ такимъ же порядкомъ и болѣе или менѣе субъективную ихъ сторону. Если при этомъ нѣсколько пострадаетъ яркость ренановскихъ красокъ, замѣчательная красивость и даже художественность его изложенія, то взамѣнъ получатся нѣкоторыя другія выгоды.

«Легко было видѣть — говоритъ Ренанъ, разсуждая о современномъ состояніи Франціи—что французская Революція, слабо задержанная на нѣкоторое время событіями 1815 года, во вто-

рой разъ увидитъ передъ собой своего вѣчнаго врага, германское или, лучше сказать, сѣверное славяно-германское племя, другими словами Пруссію, оставшуюся страною стараго порядка и такимъ образомъ предохранившуюся отъ матеріализма промышленнаго, экономическаго, соціалистическаго, революціоннаго, который ослабилъ добродѣтель всѣхъ другихъ народовъ. Твердое рѣшеніе прусской аристократіи побѣдить французскую Революцію имѣло такимъ образомъ два отдѣльные фазиса: одинъ съ 1792—по 1815-й, другой—съ 1848 по 1871-й, и тотъ и другой—побѣдоносные; и такъ вѣроятно будетъ и впередъ, если только Революція не овладѣетъ и самымъ врагомъ своимъ — для чего большія удобства представитъ присоединеніе Германіи къ Пруссіи, хотя еще и не очень скоро... Побѣда Германіи была побѣдой человѣка дисциплинированнаго надъ недисциплинированнымъ, человѣка почтительнаго, заботливаго, внимательнаго, методическаго — надъ человѣкомъ, неимѣющимъ этихъ свойствъ. Это побѣда науки и разума, но въ то же время это побѣда стараго порядка, того принципа, который отвергаетъ верховную власть народа и право населеній располагать своей судьбой. Идеи объ этой власти и этомъ правѣ не только не укрѣпляютъ племени, но обезоруживаютъ его, дѣлаютъ неспособнымъ ко всякому воинственному подвигу... Война доказала до очевидности, что мы уже не обладаемъ прежними воинскими способностями... Благородныя стремленія прежней Франціи, патріотизмъ, энтузіазмъ къ прекрасному, жажда славы исчезли вмѣстѣ съ благородными классами, представлявшими собою душу Франціи... Начните говорить крестьянину или соціалисту интернаціоналки [1]) о Франціи, о ея прошломъ, о ея геніи: онъ не пойметъ этого языка. Воинская честь съ этой ограниченной точки зрѣнія — безуміе; стремленіе къ великимъ дѣламъ, слава умственной жизни—фан-

---

[1]) Насъ нѣсколько удивляетъ, что такой рыцарственный писатель, какъ г. Страховъ, влагаетъ въ уста французу такое своеобразно-обрусѣлое выраженіе. Какъ бы ни смотрѣлъ европеецъ на международное общество рабочихъ, оно для него все-таки не „интернаціоналка“.

тавіи; деньги, потраченныя на искусство и науку—брошены въ воду, безпутно истрачены, взяты изъ кармана людей, ни мало не нуждающихся въ наукѣ и искусствѣ... Съ 1848 года начались два движенія, которыя должны были убить не только всякій воинскій духъ, но и всякій патріотизмъ: я разумѣю необыкновенное развитіе матеріальныхъ стремленій у рабочихъ и у крестьянъ. Ясно, что соціализмъ рабочихъ есть прямая противоположность воинскому духу. Съ другой стороны крестьянинъ, съ тѣхъ поръ какъ ему открылась дорога къ богатству и показано было, что его промыселъ всего вѣрнѣе даетъ доходъ, почувствовалъ удвоенное отвращеніе отъ конскрипціи. Я говорю по опыту. Я дѣлалъ избирательную кампанію въ маѣ 1869 года въ департаментѣ Сены и Марны; могу увѣрить, что на своемъ пути среди деревенскаго населенія я не нашелъ ни единаго элемента прежней воинской жизни... Съ одной стороны успѣхи вещественнаго процвѣтанія поглощали буржуазію; съ другой—соціальные вопросы совершенно заглушили вопросы національные и патріотическіе. Эти два рода вопросовъ составляютъ какъ будто противовѣсъ другъ другу; развитіе однихъ есть признакъ ослабленія другихъ... Сказать ли прямо? Наша политическая философія содѣйствовала нашему паденію. Главный принципъ нашей морали — устранять темпераментъ, давать какъ можно больше господства разуму надъ животною стороною; между тѣмъ воинственный духъ требуетъ прямо противоположнаго. Чѣмъ мы могли руководствоваться, мы, либералы, неимѣющіе возможности допустить божественное право въ политикѣ, какъ скоро мы не допускаемъ сверхъестественнаго въ религіи? Простымъ человѣческимъ правомъ, компромиссомъ между безусловнымъ раціонализмомъ Кондорсе и XVIII вѣка и между правами, проистекающими изъ исторіи. Неудавшійся опытъ Революціи излечилъ насъ отъ поклоненія разуму; но при всей нашей доброй волѣ, при всѣхъ усиліяхъ, мы не могли придти къ поклоненію силѣ или праву, основанному на силѣ — въ чемъ заключается нѣмецкая политика».

Въ то время какъ дѣла шли такимъ образомъ во Франціи,

«совершенно другой духъ, древній духъ того, что́ мы называемъ старымъ порядкомъ, жилъ въ Пруссіи и во многихъ отношеніяхъ въ Россіи. Англія и остальная часть Европы шли по тому же пути, какъ и мы, по пути мира, промышленности, торговли, признаваемому школою экономистовъ и бо́льшею частью государственныхъ людей за самый путь цивилизаціи. Но были двѣ страны, въ которыхъ еще сохранялось честолюбіе въ старомъ смыслѣ этого слова, стремленіе къ увеличенію, національная вѣра, племенная гордость. Россія, вслѣдствіе своихъ глубокихъ инстинктовъ, вслѣдствіе своего фанатизма, въ одно время и религіознаго и политическаго, сохраняла священный огонь прежнихъ временъ, сохраняла то, чего такъ мало у насъ, народа, изношеннаго эгоизмомъ, то-есть — быструю готовность идти на смерть за дѣло, съ которымъ не связанъ никакой личный интересъ. Въ Пруссіи дворянство, обладающее преимуществами, крестьяне, управляемые почти феодальнымъ порядкомъ, воинственный и національный духъ, доходящій до суровости, тяжелая жизнь, нѣкоторая общая бѣдность, вмѣстѣ съ нѣкоторою завистью къ народамъ, ведущимъ жизнь болѣе пріятную — сохранили условія, составляющія во всѣ времена силу народовъ... Это народъ существенно монархическій; онъ не чувствуетъ никакой нужды въ свободѣ; у него есть добродѣтели, но добродѣтели классовъ. Между тѣмъ какъ у насъ одинъ и тотъ же типъ чести есть идеалъ для всѣхъ, въ Германіи дворянинъ, бюргеръ, профессоръ, крестьянинъ, работникъ имѣетъ свою особую формулу обязанностей; обязанности человѣка, права человѣка слабо понимаются. И въ этомъ заключается великая сила, ибо нѣтъ болѣе сильной причины политическаго и военнаго упадка, какъ равенство».

Однако и Германія не застрахована. «Прусская военно-феодальная партія, всего больше внушающая опасенія за миръ Европы, повидимому должна современемъ уступить значительную долю своего перевѣса берлинской буржуазіи, нѣмецкому духу, столь широкому, столь свободному духу, который станетъ глубоко либеральнымъ, какъ только будетъ освобожденъ отъ тис-

ковъ прусскаго военнаго порядка... Сила, съ которою происходитъ нѣмецкое движеніе, должна породить очень быстрыя развитія. Нужно отказаться отъ всѣхъ аналогій въ исторіи, если завоеванная Германія въ свою очередь не завоюетъ Пруссіи и не поглотитъ ее. Невозможно предполагать, чтобы нѣмецкое племя, какъ оно ни мало революціонно, не восторжествовало надъ прусскимъ ядромъ, какъ бы крѣпко оно ни было. Прусскій принципъ, по которому основа націи есть армія, а основа арміи мелкое дворянство, не можетъ быть приложенъ къ Германіи. Германія, самый Берлинъ, имѣетъ буржуазію. Основою истинной нѣмецкой націи станетъ то, что составляетъ основу всѣхъ современныхъ націй—богатая буржуазія... Вообще огромное большинство человѣческаго рода питаетъ ужасъ къ войнѣ. Истинно христіанскія идея кротости, справедливости, доброты все больше пріобрѣтаютъ силы въ мірѣ. Воинственный духъ живетъ только въ воинахъ по ремеслу, въ дворянскихъ классахъ сѣверной Германіи и въ Россіи. Демократія не хочетъ, не понимаетъ войны. Прогрессъ демократіи разрушитъ царствованіе этихъ желѣзныхъ людей, выходцевъ минувшаго времени, вдругъ появившихся къ ужасу нашего вѣка изъ нѣдръ стараго германскаго міра. Чѣмъ бы ни кончилась настоящая война (статья писана во время войны), эта партія будетъ побѣждена въ Германіи. Ея дни сочтены демократіею».

И тогда... Тогда наступитъ часъ возмездія для Франціи. «Ея возмездіе нѣкогда будетъ состоять въ томъ, что она ушла дальше всѣхъ по той дорогѣ, которая ведетъ къ исчезновенію всякаго благородства, всякой добродѣтели. Мы останемся ниже народовъ германскихъ и славянскихъ, пока эти народы сохранятъ иллюзію, свойственныя молодымъ племенамъ; но эти племена въ свою очередь состарѣются; они пойдутъ по пути всего рожденнаго. Самое жестокое мщеніе, какое Франція можетъ совершить надъ гордымъ дворянствомъ, бывшимъ главною причиною ея пораженія, состоитъ въ томъ, чтобы жить въ демократіи, доказать фактомъ возможность республики. Тогда недолго пришлось бы ждать той минуты, когда мы могли бы сказать нашимъ побѣди-

телямъ, какъ мертвецы пророка Исаіи: Et tu vulneratus es sicut et nos; nostri similis effectus es! (Ты раненъ какъ и мы; ты намъ подобенъ!) И такъ пусть Франція останется тѣмъ, что̀ она есть; пусть она неустанно держитъ знамя либерализма, давшаго ей ея роль въ послѣдніе сто лѣтъ. Этотъ либерализмъ часто бываетъ причиною слабости, но по этому самому міръ приметъ его; ибо міръ дряхлѣетъ и теряетъ свою древнюю суровость. Франція во всякомъ случаѣ гораздо вѣрнѣе достигнетъ возмездія, если будетъ обязана имъ своимъ недостаткамъ, чѣмъ если-бы была принуждена ожидать его отъ достоинствъ, которыхъ никогда не имѣла. Чѣмъ побѣждена Франція? Тѣмъ остаткомъ нравственной силы, суровости, тяжести, самоотверженія, которыя еще устояли въ глухомъ закоулкѣ міра противъ разъѣдающаго дѣйствія эгоизма. Пусть французской демократіи удастся образовать государство, способное къ жизни, и эта старая закваска быстро исчезнетъ отъ дѣйствія самаго энергическаго элемента, разлагающаго всякую добродѣтель, какой только былъ извѣстенъ до сихъ поръ міру».

Сатирико-лирическій тонъ этой великолѣпной въ своемъ родѣ тирады напоминаетъ намъ, что мы должны ограничиться пока объективной стороной взглядовъ Ренана. Но, какъ уже сказано, выдѣлить эту сторону бываетъ не всегда легко. Какъ мы ни старались добиться этого результата, но во всемъ вышеприведенномъ сквозятъ симпатіи и антипатіи Ренана. А передать дѣло своими словами мы не рѣшались въ интересахъ точности. Читатель долженъ самъ нѣсколько потрудиться и извлечь изъ приведенныхъ мыслей по возможности обнаженную отъ морали фактическую оцѣнку первой революціи и послѣдней войны. Намъ нѣтъ пока дѣла до того, что̀ одобряетъ и чего не одобряетъ Ренанъ. Для насъ важно только знать, какія фактическія послѣдствія имѣла Революція, какія причины породили паденіе Франціи, какова вѣроятная будущность Германіи. Если читатель сдѣлаетъ мысленно это отвлеченіе, то увидитъ, что сужденія Ренана далеко не новы, что ихъ не разъ высказывали люди совершенно противоположнаго образа мыслей, что въ Ренанѣ

они только осложняются нѣкоторыми специфическими чертами. Читатель, знакомый даже только съ переведеннымъ на русскій языкъ первымъ томомъ исторіи великой революціи Луи Блана, безъ труда усмотритъ сходство между сужденіями знаменитаго соціалиста и обрадовавшаго своей книгой московскую прессу Ренана. Въ частностяхъ окажется разумѣется много различій, но мы говоримъ объ общемъ смыслѣ. Въ концѣ-концевъ о фактическомъ ходѣ Революціи говорятъ разумѣется одинаково всѣ писатели отъ Фихте до Капфига, отъ Луи Блана до Баранта, отъ Кине до Ренана и де-Местра. Но для каждаго изъ нихъ элементы причинъ и слѣдствій группируются иначе, смотря по тѣмъ сторонамъ, на которыя они обращаютъ преимущественное вниманіе. И нетрудно убѣдиться, что вниманіе Ренана и Луи Блана — мы могли бы взять любаго соціалиста — направлено въ одну и ту же сторону. Достаточно вспомнить, что Луи Бланъ называетъ періодомъ *индивидуализма* то начавшееся Революціей теченіе дѣлъ, которое по Ренану «принимаетъ въ разсчетъ лишь недѣлимое и видитъ въ недѣлимомъ только пожизненное существо, неимѣющее нравственныхъ связей». Старый порядокъ представлялъ извѣстную систему нравственныхъ и матеріальныхъ узъ. Узы эти Революція разорвала, не замѣнивъ ихъ никакими новыми, и мѣриломъ всего поставила недѣлимое. Это недѣлимое, приносимое и приносившееся при старомъ порядкѣ въ жертву различнымъ идеальнымъ единицамъ, каковы: церковь, государство, нація, сословіе, корпорація, семейство, со времени Революціи стало наоборотъ приносить самому себѣ въ жертву всѣ идеальныя единицы. Это повлекло за собой усиленіе матеріальныхъ стремленій, и золотой телецъ замѣнилъ собой и Бога, и боговъ стараго порядка. Вотъ въ самомъ общемъ видѣ мысль и Ренана, и Луи Блана. Слова, подчеркнутыя нами въ сужденіяхъ Ренана о Революціи, могли бы быть цѣликомъ написаны рукою Луи Блана. Что касается до несовмѣстности буржуазнаго либеральнаго развитія съ воинственностью и мечтами о національной славѣ, то объ этомъ предметѣ можно найти весьма много у того же Луи Блана какъ въ исторіи революціи, такъ и въ Histoire

de dix ans. Введеніе послѣдняго сочиненія все посвящено доказательствамъ, что паденіе Наполеона I было неизбѣжно въ силу того, что онъ самъ себѣ противорѣчилъ, съ одной стороны стремясь сохранить индивидуалистическій тонъ, заданный Революціей, а съ другой—желая быть монархомъ-воителемъ, носителемъ національной славы. Вообще говоря, мысль о несовмѣстности воинственнаго духа съ развитіемъ промышленныхъ интересовъ и либеральной буржуазіи давно уже стала общимъ мѣстомъ. Особенность Ренана состоитъ въ рѣзкой, крутой постановкѣ вопроса и въ указаніи нѣкоторыхъ сторонъ его, обыкновенно упускаемыхъ изъ виду. Самые ординарные апологеты современнаго порядка вещей толкуютъ о постоянномъ развитіи мирныхъ наклонностей, вызываемыхъ промышленнымъ строемъ общества. Ренанъ идетъ дальше этой азбуки и указываетъ на сопутствующее развитію мирныхъ наклонностей исчезновеніе доблестей, чувства долга, готовности жертвовать жизнью ради дѣла не личнаго. Но и эта сторона вопроса разработана соціалистами.

Въ приложеніи къ франко-прусской войнѣ тема эта дѣйствительно не была въ европейской печати развита никѣмъ такъ полно и рѣзко, какъ Ренаномъ. На это существуютъ особыя причины. Почему именно Ренанъ могъ усмотрѣть всѣ стороны страшнаго года, мы увидимъ только уяснивъ себѣ его субъективную точку зрѣнія, весьма своеобразную. А почему вообще и французамъ и нѣмцамъ трудно и теперь даже представить всесторонній анализъ значенія минувшей войны—это ясно само собой. Могли ли въ самомъ дѣлѣ нѣмцы признать, что ихъ побѣда есть побѣда силы надъ разумомъ, варварства надъ цивилизаціей? Могли ли французы признать, что ихъ пораженіе есть пораженіе эгоизма самоотверженіемъ, распущенности—чувствомъ долга? Между тѣмъ на сторонѣ нѣмцевъ дѣйствительно были грубая сила, варварство и вмѣстѣ съ тѣмъ самоотверженіе, чувство долга, а на сторонѣ французовъ — разумъ, цивилизація и вмѣстѣ съ тѣмъ эгоизмъ и распущенность. Россія во время франко-прусской войны не побѣждала и пораженій не терпѣла, поэтому русская печать могла бы усмотрѣть различныя стороны

дѣла и извлечь такимъ образомъ изъ кровавыхъ событій весьма полезный урокъ для себя. Въ огромномъ большинствѣ своихъ органовъ однако русская печать оказалась далеко ниже этой задачи. Она обнаружила замѣчательную скудость, сбивчивость, неясность своихъ руководящихъ началъ. Русская печать (мы говоримъ о большинствѣ), весьма рьяная въ мелочахъ, въ частностяхъ, умѣющая тутъ и волноваться и браниться, отличается замѣчательнымъ благодушіемъ и простодушіемъ, когда какой-нибудь вопросъ поднимается событіями на извѣстную высоту. Одна часть русской прессы излюбила извѣстныя понятія или вѣрнѣе слова, каковы: разумъ, цивилизація, свобода. Другая часть ненавидитъ эти слова. Наконецъ есть слова нейтральныя, къ которымъ всѣ относятся съ уваженіемъ, таковы: самоотверженіе, чувство долга. Но процессъ зарожденія этихъ отношеній къ извѣстнымъ понятіямъ или словамъ весьма теменъ. Занесло на полянку вѣтромъ сѣмя и выросъ грибъ. Выросъ онъ быстро, самъ въ зарожденіи и ростѣ своемъ неповиненъ. Вотъ и вся исторія большей части нашей періодической прессы. Напрасно будете вы толковать напримѣръ, что либерализмъ есть извѣстное политическое ученіе, къ которому можно относиться и такъ и иначе. Для «Русскаго Міра» слово «либералъ» будетъ все-таки ругательнымъ словомъ, и если онъ найдетъ, что вы поступаете неумно или неблагонамѣренно, онъ назоветъ васъ либераломъ, хоть вы у него на головѣ колъ тешите, доказывая, что вы политическаго ученія, называемаго либерализмомъ, не исповѣдуете. Для «Петербургскихъ Вѣдомостей» напротивъ «либералъ» есть нѣкоторый чинъ, и опять-таки вы можете тесать колъ до втораго пришествія. Простодушнымъ органамъ ни разу не приходитъ въ голову разложить доктрину либерализма на ея составныя части. Оттого-то мы и видимъ, что «Русскій Міръ», для котораго «либералъ» значитъ пустой или неблагонамѣренный человѣкъ, ратуетъ за распущеніе крестьянской общины и торжество личной собственности, т.-е. стоитъ за идею, существенно либеральную. А «Петербургскія Вѣдомости», для которыхъ

«либеральный» значитъ похвальный, придерживаются протекціонизма, т.-е. ученія совершенно нелиберальнаго.

При такомъ настроеніи русской печати трудно было бы ожидать, чтобы она рѣшилась признать въ числѣ причинъ прусскихъ побѣдъ грубую силу, варварство и рядомъ съ нимъ самоотверженіе, чувство долга; а въ числѣ причинъ пораженія французовъ—ихъ распущенность, эгоизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ высокую цивилизацію, ихъ духъ равенства и свободы. Для благодушной русской печати такое сочетаніе словъ дико. Ормуздъ тутъ самымъ безпорядочнымъ образомъ перемѣшанъ съ Ариманомъ, тогда какъ русская печать любитъ, чтобы Ормуздъ былъ Ормуздомъ, а Ариманъ—Ариманомъ. Это конечно удобнѣе: и понимать легче, и жить легче. Но къ сожалѣнію въ дѣйствительности дѣло происходитъ не такъ.

Воинственный духъ слабѣетъ по мѣрѣ развитія науки и промышленности. Это доказывается какъ многочисленными историческими примѣрами, такъ и самыми элементарными соображеніями о существенно мирныхъ свойствахъ научнаго и промышленнаго духа. Изъ этого слѣдуетъ, что при равенствѣ другихъ условій побѣжденнымъ непремѣнно долженъ оказаться народъ, выше стоящій въ умственномъ и промышленномъ отношеніи. Усвоить себѣ эту простую мысль намъ мѣшаетъ только традиціонное уваженіе къ воинственности и къ побѣдѣ, значительно поколебленное, но все еще дающее себя знать въ нашихъ сужденіяхъ объ историческихъ событіяхъ. Воинъ въ нашихъ понятіяхъ все еще окруженъ извѣстнымъ ореоломъ. Законности этого ореола нельзя отрицать вполнѣ, ибо какъ ни какъ, а воинъ дерется и умираетъ въ то время, какъ остальное населеніе пользуется плодами мира. Но это не должно путать нашихъ понятій и мѣшать намъ признать, что извѣстная степень грубости и бѣдности составляетъ необходимое условіе воинственности націи. Таково вліяніе умственнаго и матеріальнаго развитія вообще. Затѣмъ нѣкоторыя формы промышленнаго развитія и извѣстный опредѣленный строй мысли еще болѣе ослабляютъ воинственный духъ косвеннымъ образомъ, именно разлагая тѣ

идеи преданности нѣкоторому общему дѣлу, готовности приносить свою личность въ жертву, которыя составляютъ, не менѣе грубости и бѣдности, необходимыя условія воинственнаго духа и побѣды. Что касается до «права населенія располагать своими судьбами», то Ренанъ очевидно ошибочно приписываетъ ему безусловно ослабляющее военный духъ значеніе. Исторія представляетъ не мало воинственныхъ племенъ, вполнѣ пользовавшихся этимъ правомъ. И это понятно: богатая и умственно развитая нація воспользуется правомъ располагать своими судьбами конечно ради сохраненія мира, но нація грубая и бѣдная будетъ только стимулироваться этимъ правомъ на военные подвиги. Да и вообще значеніе права населенія распологать своими судьбами всецѣло зависитъ отъ свойствъ самаго населенія: одинъ народъ слѣлаетъ изъ него одно употребленіе, другой другое. Но затѣмъ анализъ Ренана совершенно вѣренъ. Тѣ формы экономическаго, политическаго и умственнаго развитія, которыя вся Европа въ большей или меньшей степени усвоила себѣ со временъ первой революціи и подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ, дѣйствительно ослабляютъ военный духъ не только прямо, своимъ мирнымъ характеромъ. Онѣ въ то же время вліяютъ въ томъ же направленіи и косвенно,—заглушая чувства долга и самоотверженія, противопоставляя всякимъ идеальнымъ единицамъ эгоистическую личность. Не Ренану принадлежитъ честь открытія и формулировки этой истины,—задолго до него она была высказана, смѣрена и взвѣшена соціалистами всѣхъ оттѣнковъ. Игнорируя родственныя его сужденіямъ (въ объективномъ конечно только отношеніи) воззрѣнія соціалистовъ, Ренанъ не только впадаетъ въ несправедливость. Онъ лишаетъ самого себя возможности провести до конца анализъ элементовъ европейской цивилизаціи. Ренанъ неоднократно говоритъ о соціализмѣ, но онъ вездѣ ставитъ его рядомъ съ либерализмомъ и отдѣляетъ эти два ученія только запятыми. Это пріемъ удовлетворительный, поскольку рѣчь идетъ объ отрицательной сторонѣ соціализма; да и то не обо всей. Вѣрно то, что и либерализмъ, и соціализмъ одинаково враждебны старому порядку. Но въ то

время какъ либерализмъ, разрушая или отрицая старыя идеальныя еденицы,—семью, общину, корпорацію, сословіе, государство, націю,—выставляетъ на ихъ мѣсто одинокую личность, единицу матеріальную, соціализмъ создаетъ новыя идеальныя единицы. Различіе это въ высшей степени важно. Ренану стоило бы только немного оглядѣться, чтобы увидѣть, что самоотверженіе, чувство долга, готовность жертвовать собою общему дѣлу не вымерли въ Европѣ, существуютъ не въ одной Пруссіи. Какъ бы мы ни смотрѣли на рабочіе союзы въ Англіи, на международное общество рабочихъ, на многочисленные рабочіе союзы въ Германіи, на стачки рабочихъ, но нельзя отрицать, что качества, приписываемыя Ренаномъ исключительно пруссакамъ и отчасти русскимъ, достигаютъ въ означенныхъ союзахъ и обществахъ высокаго развитія. Или возьмемъ парижскую рѣзню. Мы здѣсь совершенно устраняемъ вопросъ объ одобрительности или неодобрительности поведенія различныхъ частей парижскаго населенія. Мы видимъ только, что люди страдали и умирали не за свое личное дѣло. Слѣдовательно самоотверженіе, чувство долга, вообще признаніе надъ собой верховной власти нѣкоторой идеальной единицы играли здѣсь извѣстную роль. Поверхностнаго наблюдателя, какимъ въ этомъ случаѣ оказывается и Ренанъ, смущаетъ здѣсь то обстоятельство, что онъ не можетъ отвлечься отъ привычныхъ формъ идеальныхъ единицъ; вслѣдствіе чего ему кажется, что отсутствіе преданности къ идеальнымъ единицамъ стараго порядка равносильно низверженію всякихъ идеальныхъ единицъ, самого ихъ принципа.

Итакъ элементы европейской цивилизаціи обрисованы Ренаномъ не полно. Кромѣ самоотверженныхъ, но грубыхъ воиновъ, кромѣ распущенныхъ, эгоистичныхъ мирныхъ гражданъ, существуютъ еще мирные граждане (мирные въ принципѣ, обстоятельства могутъ въ извѣстной мѣрѣ фактически измѣнить дѣло), готовые жертвовать собою не хуже суровыхъ воиновъ, хотя и для другихъ идеаловъ. Конечно не всегда легко разграничить эти три элемента, они постоянно переплетаются другъ съ дру-

гомъ: и въ Пруссіи есть и распущенность, и мирное самоотверженіе; и во Франціи есть дикіе воины. Во всякомъ случаѣ будущее Европы зависитъ не только отъ того, что́ возьметъ верхъ: старый порядокъ или первая революція. Мало того, этотъ вопросъ даже не заслуживаетъ большаго вниманія, такъ-какъ рѣшеніе его слишкомъ очевидно. Ренанъ совершенно справедливо говоритъ, что и въ Пруссіи, въ этой единственной въ Европѣ крупной и достаточно полной представительницѣ стараго порядка, въ ближайшемъ будущемъ дворянство уступитъ мѣсто буржуазіи, военный духъ—мирному промышленному и умственному развитію. Это вопросъ рѣшеный. Нерѣшеный вопросъ состоитъ только въ томъ, какія формы приметъ это мирное развитіе,—восторжествуютъ ли начала первой революціи во всемъ ихъ объемѣ, или къ нимъ сдѣлана будетъ извѣстная поправка. Старые идеалы падутъ, но замкнется-ли жизнь въ личности, въ матеріальной единицѣ, или личность преклонится предъ новыми идеалами,—вотъ основной вопросъ европейской жизни, совершенно упущенный Ренаномъ изъ виду. Обошелъ его Ренанъ потому, что самъ онъ, какъ прекрасно объяснилъ г. Страховъ, не имѣетъ никакихъ идеаловъ: сверху небо, снизу земля, съ боковъ и продуваетъ.

Переходя къ субъективной сторонѣ изслѣдованія Ренана, мы встрѣчаемъ прежде всего обвиненіе всей современной цивилизаціи въ «матеріализмѣ». Слово это употребляется здѣсь гораздо шире, чѣмъ обыкновенно. Это не только извѣстное ученіе о природѣ. Объ этой сторонѣ Ренанъ даже весьма мало говоритъ; его занимаетъ преимущественно «политическій матеріализмъ». По этой теоріи, говоритъ Ренанъ, «общество не есть что либо религіозное или священное. Оно имѣетъ лишь одну цѣль, ту, чтобы недѣлимыя, его составляющія, наслаждались возможно бо́льшею суммою благосостоянія, не заботясь объ идеальномъ назначеніи человѣчества. Къ чему говорить о возвышеніи, облагороженіи человѣческаго сознанія? Дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы сдѣлать довольнымъ большинство, обезпечить для всѣхъ нѣкотораго рода ординарное счастіе, конечно очень относительное, ибо

благородная душа питала бы отвращеніе къ тому счастію и возмутилась бы противъ общества, которое бралось бы его доставить. Въ глазахъ просвѣщенной философіи общество есть великій провиденціальный фактъ, оно устроено не человѣкомъ, а самою природою, для того, чтобы на поверхности нашей планеты происходила умственная и нравственная жизнь. Внѣ общества человѣкъ никогда не существовалъ. Человѣческое общество, мать всякаго идеала, есть прямое произведеніе верховной воли, которая хочетъ, чтобы добро, истина, красота имѣли въ мірѣ созерцателей. Это трансцендентное отправленіе человѣчества не совершается посредствомъ простаго сосуществованія недѣлимыхъ. Общество есть іерархія. Всѣ недѣлимыя священны и благородны, всѣ существа (даже животныя) имѣютъ права. Но не всѣ существа равны, они суть члены обширнаго тѣла, части безмѣрнаго организма, совершающаго божественную работу. Отрицаніе этой божественной работы есть заблужденіе, въ которое легко впадаетъ французская демократія. Считая наслажденія недѣлимаго единственымъ предметомъ общества, она приходитъ къ отрицанію права идеи, первенства духа. Не понимая неравенства племенъ, такъ-какъ дѣйствительно этнографическія различія съ незапамятныхъ временъ исчезли въ ея нѣдрахъ, Франція пришла къ тому, что видитъ общественное совершенство въ нѣкотораго рода общей посредственности. Сохрани насъ Боже мечтать о воскрешеніи того, что умерло. Но, не требуя возстановленія дворянства, позволительно думать, что важность, придаваемая рожденію, во многихъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ важность, придаваемая имуществу; одна не больше справедлива, чѣмъ другая, и единственное справедливое отличіе, то-есть отличіе заслуги добродѣтели лучше соблюдается въ обществѣ, гдѣ классы основаны на рожденіи, чѣмъ въ томъ, гдѣ одно богатство есть основаніе неравенства... Жизнь человѣческая стала бы невозможною, еслибы человѣкъ не давалъ себѣ права подчинять животныхъ; она точно также была бы невозможна, еслибы держались того отвлеченнаго понятія, по которому всѣ люди раждаются съ одинаковымъ правомъ на иму-

щество и на общественное положеніе... Человѣчество есть таинственная лѣстница, рядъ равнодѣйствующихъ силъ, проистекающихъ одна изъ другой. Трудолюбивыя поколѣнія людей народа и крестьянъ создаютъ существованіе честнаго и экономнаго буржуа, который въ свою очередь создаетъ дворянина, человѣка, освобожденнаго отъ вещественнаго труда, всецѣло преданнаго предметамъ безкорыстнымъ. Каждый въ своемъ классѣ есть хранитель преданія, нужнаго для успѣховъ цивилизаціи. Нѣтъ двухъ нравственностей, двухъ наукъ, двухъ воспитаній. Есть одна умственная и нравственная область, блистательное созданіе человѣческаго духа, которое творится въ малой долѣ каждымъ, кромѣ эгоиста, и которому каждый причастенъ въ различныхъ степеняхъ... Мы уничтожили бы человѣчество, еслибы не допустили, что цѣлыя массы должны жить славою и наслажденіемъ другихъ. Демократъ называетъ глупцомъ крестьянина стараго порядка, работавшаго на своихъ господъ, любившаго ихъ и наслаждавшагося высокимъ существованіемъ, которое другіе ведутъ по милости его пота. Конечно тутъ есть безсмыслица при той узкой, запертой жизни, гдѣ все дѣлается съ закрытыми дверями, какъ въ наше время. Въ настоящемъ состояніи общества преимущества, которыя одинъ человѣкъ имѣетъ надъ другими, стали вещами исключительными и личными: наслаждаться удовольствіемъ или благородствомъ другаго кажется дикостью; но не всегда такъ было. Когда Губбіо или Ассизъ глядѣлъ на проходящую мимо свадебную кавалькаду своего молодаго господина, никто не завидовалъ. Тогда всѣ участвовали въ жизни всѣхъ; бѣдный наслаждался богатствомъ богатаго, монахъ радостями мірянина, мірянинъ молитвами монаха; для всѣхъ существовали искусство, поэзія, религія... Превосходство церкви и сила, которая ручается за то, что у церкви есть еще будущее, состоитъ въ томъ, что она одна понимаетъ это и научаетъ это понимать. Церковь хорошо знаетъ, что лучшіе люди часто бываютъ жертвами преимуществъ такъ называемыхъ высшихъ классовъ; но она знаетъ также, что природа хотѣла, чтобы жизнь человѣчества имѣла многія степени. Она знаетъ и признаетъ, что грубость многихъ есть усло-

віе воспитанія одного, что потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь; но она не называетъ однихъ привилегированными, а другихъ обдѣленными, ибо дѣло человѣческое для нея нераздѣлимо. Уничтожьте этотъ великій законъ, поставьте всѣхъ людей на одну линію, съ равными правами безъ связи подчиненія общему дѣлу, — вы получите эгоизмъ, посредственность, разобщенность, сухость, невозможность жить, нѣчто похожее на жизнь нашего времени, печальнѣе которой, даже для человѣка изъ народа, еще никогда не было. Если имѣть въ виду только право недѣлимыхъ, то несправедливо, чтобы одинъ человѣкъ былъ пожертвованъ другому; но нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, чтобы всѣ были подчинены высшему дѣлу, совершаемому человѣчествомъ. Религія имѣетъ силу объяснять эти тайны и предлагать въ идеальномъ мірѣ обильныя утѣшенія всѣмъ, кто приносится въ жертву въ юдольномъ мірѣ.»

Вотъ полная теорія Ренана. Въ ней есть дѣйствительно нѣчто, если не новое и оригинальное, то по крайней мѣрѣ неожиданное. Узкій, но всегда послѣдовательный Мальтусъ высказалъ нѣкогда мысль, что страсть къ накопленію богатствъ, ради выгоды системы наибольшаго раздѣленія труда и наибольшаго производства, должна быть отдѣлена отъ влеченія къ наслажденіямъ. Онъ требовалъ такихъ мѣръ, которыя побуждали бы капиталистовъ только копить и копить, предоставляя всю массу наслажденій рантьерамъ, дворянству. Тербованіе это любопытно во многихъ отношеніяхъ. Оно свидѣтельствуетъ во первыхъ, что Мальтусъ былъ благодушнѣйшій утопистъ, послѣдовательный до слѣпоты. Странно конечно было ожидать, чтобы капиталисты отказались отъ всякихъ наслажденій, но не страннѣе чѣмъ ожидать, чтобы рабочіе размножались и прекращали размножаться по заказу рынка труда. Оба требованія до сихъ норъ не перешли въ область дѣйствительности и, надо думать, никогда съ ними этого не случится. Одному изъ нихъ посчастливилось въ томъ смыслѣ, что оно стало истиной школьной науки; другое встрѣтило сильный отпоръ. Но оба они одинаково фантастичны и одинаково логичны. Разъ система наибольшаго раз-

дѣленія труда признается идеаломъ общественнаго устройства, естественно желать, чтобы рабочій былъ только рабочій, а не отецъ семейства, чтобы капиталистъ не отвлекался отъ указанной ему общественной функціи, чтобы онъ плодилъ капиталъ, сберегалъ и только. Всѣ доводы, какіе приводятся въ пользу системы раздѣльнаго труда вообще и въ пользу той или другой частности ея, вполнѣ приложимы и къ требованію Мальтуса. Но оно не только не осуществилось въ жизни, но встрѣтило рѣзкій отпоръ и какъ теоретическое положеніе. Капиталисты и ихъ теоретики—экономисты не пошли на эту удочку: они слишкомъ хорошо знали цѣну тѣмъ наслажденіямъ, отказаться отъ которыхъ предлагалъ имъ Мальтусъ ради идеала, имъ въ другихъ отношеніяхъ весьма симпатичнаго. Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени. Идея дворянства, какъ монополиста наслажденій, особенно во Франціи, ist längst gestorben, verdorben. Надо имѣть много смѣлости, чтобы говорить то, что говоритъ Ренанъ. Неудивительно было бы, еслибы онъ отстаивалъ двухчленную «таинственную лѣстницу человѣчества», еслибы онъ доказывалъ, что провидѣніе предназначило «трудолюбивыя поколѣнія людей народа для созданія существованія честнаго и экономнаго буржуа». Это говорится часто, и если не столь краснорѣчиво, то за то обставляется внушительнымъ аппаратомъ эрудиціи. Но Ренанъ ставитъ еще надъ честнымъ и экономнымъ буржуа—«дворянина, человѣка, освобожденнаго отъ вещественнаго труда, всецѣло преданнаго предметамъ безкорыстнымъ». Вотъ что смѣло. Однако это не есть смѣлость мыслителя, это—смѣлость писателя, смѣлость характера. Это та самая смѣлость, которая побуждаетъ г. Страхова затыкать пушечное жерло шляпой при полномъ сознаніи, что шляпу ядромъ вырветъ. Это обнаруживается тѣми многочисленными оговорками и шатаніями, которыми Ренанъ обставляетъ свою мысль. Онъ и не хочетъ «воскрешать умершее», и хочетъ; кончается дѣло тѣмъ, что въ числѣ средствъ для поправленія французскихъ дѣлъ онъ предлагаетъ возстановить дворянство «до извѣстной степени». Во всякомъ случаѣ смѣлаго человѣка видѣть пріятно. Но крайне

непріятно видѣть лицемѣра, ссылающагося на авторитетъ церкви, которой онъ не признаетъ, и отсылающаго «всѣхъ, кто приносится въ жертву въ юдольномъ мірѣ», за «обильными утѣшеніями въ идеальный міръ», въ который онъ самъ не вѣритъ. А такимъ къ сожалѣнію является Ренанъ. Но надъ этимъ не стоитъ останавливаться. Это просто одинъ изъ печальныхъ результатовъ неестественнаго положенія людей, стремящихся заткнуть жерло пушки шляпой.

Политическая теорія Ренана далеко не нова. И по общему смыслу своему, и во многихъ частностяхъ она есть сколокъ съ античныхъ политическихъ доктринъ, которыя въ свою очередь представляютъ оправданіе и идеализацію античнаго общественнаго устройства. Конечно это сходство ограничивается преимущественно только положительной стороной ученія Ренана, потому что античный міръ не зналъ того, что Ренанъ называетъ политическимъ матеріализмомъ. Мы привили выше параллель, которую Ренанъ проводитъ между исторіей Франціи съ одной стороны и исторіей Іудеи, Греціи, Италіи съ другой. Ренанъ смотритъ на дѣло такъ, что всякая нація, совершившая нѣчто великое, выходящее изъ ряда вонъ, послужившая всему міру, должна искупить это величіе страданіями и даже иногда смертью. Какъ общее положеніе, это бездоказательно и невѣрно. Но если мы лишимъ мысль Ренана ея абсолютнаго характера и снимемъ съ нея мистическій покровъ, то найдемъ въ ней нѣчто цѣнное. Дѣйствительно Іудея, Грецiя, Италія дали міру извѣстную духовную пищу, которую онъ отчасти и до сихъ поръ переживаетъ. Дѣйствительно Іудея, Грецiя, Италія вытерпѣли вслѣдъ затѣмъ долгія страданія. Это относится и къ Франціи, которая дала міру первую революцію и нынѣ терпитъ величайшія страданія. Воздерживаясь отъ той мистической точки зрѣнія, въ силу которой нація страдаетъ *за* что-нибудь, мы не можемъ однако не признать, что страданія Іудеи, Греціи, Италіи и нынѣ Франціи суть отчасти *слѣдствія* ихъ прошлаго величія. Ренанъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи любопытное замѣчаніе. «Національная жизнь, говоритъ онъ, есть нѣчто ограниченное, посредствен-

ное, узкое. Чтобы сдѣлать что-нибудь необыкновенное, всеобщее, нужно разорвать эту тѣсную сѣть; но съ тѣмъ вмѣстѣ, мы раздираемъ отечество, такъ-какъ отечество есть совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество.» Замѣчаніе это очень тонко. Но желательно было бы знать, какъ смотритъ Ренанъ на изображаемую имъ дилемму: либо узкія рамки національныхъ предразсудковъ и установившихся идей, либо широкая дѣятельность на весь міръ. Надо выбирать одно изъ двухъ. Но Ренанъ беретъ иногда одно, иногда другое, смотря по обстоятельствамъ. Такъ по поводу франко-прусской войны онъ замѣчаетъ: «Германія стала лишь націей, въ настоящую минуту она сильнѣйшая изъ всѣхъ націй; но извѣстно, какъ недолги бываютъ эти гегемоніи и что онѣ оставляютъ послѣ себя. Нація, ограничивающаяся однимъ лишь соображеніемъ своего интереса, уже теряетъ общую роль. Всякая страна пріобрѣтаетъ господство лишь общими сторонами своего генія: патріотизмъ противоположенъ нравственному и философскому вліянію.» Здѣсь слышится какъ бы укоръ патріотизму и во всякомъ случаѣ отрицательное отношеніе къ «совокупности предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество». Но это не мѣшаетъ Ренану съ негодованіемъ говорить, что «соціализмъ рабочихъ есть прямая противоположность воинскому духу; это почти отрицаніе отечества; доказательство—ученіе интернаціоналки.» Изъ этого видно, что личный взглядъ Ренана на національность, на отечество — неясенъ ему самому. Онъ согласенъ, чтобы идеи эти стушевались передъ «нравственнымъ и философскимъ вліяніемъ» и стоитъ за нихъ горой, когда имъ грозитъ соціализмъ. Это не мѣшаетъ однако ему вѣрно указывать фактъ: нація, производящая нѣчто великое, тѣмъ самымъ перестаетъ быть націей. Она есть нѣчто бо́льшее, она должна перестать быть совокупностью узкихъ предразсудковъ. Но здѣсь нѣтъ еще причинъ и поводовъ къ страданіямъ. Конечно разставанье съ вѣками установившимся предразсудками и идеями не можетъ обойтись безъ извѣстныхъ усилій, извѣстныхъ даже пожалуй страданій, но это

просто переходный моментъ, отнюдь не влекущій за собой непремѣнно крупныхъ несчастій, паденія. Іудея, Греція, Италія, теперешняя Франція страдали не вслѣдствіе своего величія, а вслѣдствіе односторонности этого величія. Греція напримѣръ дала міру философскую мысль и искусство, можетъ быть до сихъ поръ не во всѣхъ отношеніяхъ превзойденныя міромъ. Въ этихъ направленіяхъ Греція высосала изъ себя все, что̀ могла высосать, и поднялась въ нихъ до общечеловѣческаго значенія. Но за то другія стороны жизни оставались въ Греціи подъ спудомъ, даже клеймились презрѣніемъ. И эту-то односторонность развитія Греція должна была искупить тяжкими страданіями, если ужь говорить объ искупленіи. Точно также и Франція искупаетъ нынѣ не величіе своего развитія, давшаго міру идеи равенства и свободы, а односторонность этого величія. Одну часть силъ Франціи первая революція развила далеко за предѣлы узкихъ національныхъ рамокъ, но другая осталась на прежней степени, а сравнительно даже понизилась. Революція 1848 года была попыткою возстановить нарушенное равновѣсіе. Попытка не удалась, и Франція будетъ страдать до тѣхъ поръ, пока не развернетъ всѣхъ своихъ силъ. Когда это случится, Франція опять дастъ міру нѣчто достойное ея прошлаго. И только въ случаѣ невозможности, еслибы оно было доказано, такого факта, Франція должна все глубже и глубже погрязать въ «политическомъ матеріализмѣ», затягивая вмѣстѣ съ собой и всю Европу.

«Политическій матеріализмъ» существуетъ. Онъ обошелъ весь міръ со своими девизами: chacun chez soi, chacun pour soi, laisser faire, laisser passer,—вездѣ оставляя по себѣ пагубные слѣды, вездѣ разлагая старыя идеальныя единицы и нигдѣ не создавая новыхъ. Онъ громко стучится и въ двери Россіи. Но не Ренану съ нимъ бороться. Во первыхъ не ему принадлежитъ честь начала борьбы съ политическимъ матеріализмомъ: ее завязали соціалисты. Во вторыхъ что̀ предлагаетъ онъ взамѣнъ? Подслащенную и подмалеванную античную идею «таинственной лѣстницы человѣчества», то-есть то именно одностороннее развитіе соціальныхъ силъ, которое сгубило Іудею, Грецію, Ита-

лію, Францію. Въ третьихъ наконецъ Ренанъ самъ не знаетъ, съ чѣмъ онъ борется. Въ числѣ атрибутовъ политическаго матеріализма онъ желаетъ видѣть стремленіе надѣлить всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ. Онъ полагаетъ, и г. Страховъ съ нимъ соглашается, что здѣсь играетъ главную роль *зависть*. Не говоря уже о томъ, что всѣ желающіе равномѣрнаго распредѣленія матеріальнаго благосостоянія, желаютъ и равномѣрнаго распредѣленія духовныхъ благъ и наслажденій; не говоря о томъ, что странно называть завистью желаніе снабдить сосѣда тѣмъ, чего у него нѣтъ; не говоря обо всемъ этомъ,—развѣ желаніе надѣлить всѣхъ и каждаго матеріальнымъ благосостояніемъ не способно составить идеалъ, вызвать высокія чувства, великія мысли? Развѣ наконецъ мы не видимъ этого и въ дѣйствительности, хотя бы и въ слабомъ размѣрѣ?

Собственный идеалъ Ренана не заслуживаетъ никакого вниманія, хотя бы уже потому, что «честный и экономный буржуа», охотно помѣщающійся на спинѣ «трудолюбивыхъ поколѣній людей народа», ни за что не пуститъ къ себѣ на шею «человѣка, освобожденнаго отъ вещественнаго труда и преданнаго предметамъ безкорыстнымъ». Но для насъ любопытна конструкція этого идеала, и то потому, что ей сочувствуетъ г. Страховъ. А г. Страховъ интересуетъ насъ здѣсь и самъ по себѣ, и какъ представитель извѣстной партіи, школы. Г. Страховъ есть, какъ извѣстно, славянофилъ. Г. Страховъ очень хорошо понимаетъ несостоятельность идеала Ренана для Европы. Но онъ полагаетъ, что нѣчто подобное возможно и законно въ Россіи, какъ непосредственный продуктъ русской почвы. Не даромъ онъ называетъ Ренана французскимъ славянофиломъ.

«Политическое честолюбіе, — говоритъ г. Страховъ, — совершенно чуждо русскому народу; охотно жертвуя всѣмъ для государства, онъ не ищетъ непремѣннаго участія въ управленіи государствомъ; это участіе считается дѣломъ тяжелымъ, скорѣе повинностью, чѣмъ правомъ. Житейскій матеріализмъ, пониманіе собственности и удовольствій, какъ главныхъ вещей въ жизни, противны кореннымъ нравамъ русскаго народа, его нѣ-

сколько аскетическому настроенію. Есть нѣкоторая высшая область, въ которой русскіе люди ищутъ и требуютъ равенства, свободы, братства; но это не область вещественныхъ интересовъ и политическихъ правъ. Отсюда же происходитъ особенный характеръ того, что можно назвать «воинственнымъ духомъ» русскихъ. Этотъ духъ состоитъ главнымъ образомъ въ стойкости и самоотверженіи». Нарисовавъ эту картину, представляющую отчасти идиллію, отчасти пасквиль, г. Страховъ начинаетъ вмѣстѣ съ Ренаномъ «политиканствовать», разсуждать о томъ, какъ германскій, романскій и славянскій міры будутъ между собой драться и что изъ этого можетъ произойти. Наконецъ г. Страховъ сожалѣетъ о томъ, что Ренанъ, вообще прекрасно понимающій Россію, не понимаетъ православія. За вычетомъ политиканства, которое нисколько не занимательно, главная мысль г. Страхова состоитъ въ томъ, что Россія гарантирована отъ политическаго матеріализма особенностями русскаго народа, который неспособенъ «завидовать», глядя «на свадебную кавалькаду молодаго господина». Не теряя надежды вернуться къ этому веселенькому пейзажику, мы представимъ теперь читателю другое развлеченіе.

Передъ нами лежитъ старая книга,—русскій переводъ сочиненія Гоббза De cive, 1776 года. Книга эта снабжена слѣдующимъ посвященіемъ:

«Его Сіятельству, Графу Григорію Александровичу Потемкину, Высокопревосходительному господину Генералу-аншефу, командующему легкой конницею, всѣми иррегулярными войсками и Санктпетербургскою дивизіею, сенатору, Государственной военной коллегіи вице-президенту, Новороссійскому, Азовскому и Астраханскому Государеву намѣстнику, войскъ тамо поселенныхъ и Днѣпровской линіи главному командиру, Ея Императорскаго Величества Генералу-адъютанту, дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Подполковнику, Кавалергардскаго корпуса Порутчику, Кирасирскаго Новотроицкаго полка Шефу, мастерской и оружейной палаты Верховному Начальнику, разныхъ иновѣрцевъ, обитающихъ въ Россіи по коммисіи новосочиняемаго уложенія Опекуну, Вольнаго Экономическаго Общества въ Санктпетербургѣ и Вольнаго россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Члену, орденовъ Россійскихъ: Святаго Апостола Андрея, Святаго Александра Невскаго и Святаго Великомученика

и Побѣдоносца Георгія 2 класса; Польскихъ: Бѣлаго Орла и Святаго Станислава; и Голштинскаго Святыя Анны Кавалеру, Милостивому Государю.

«Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь! Между безчисленными дарами, отъ преблагого и всещедраго Бога на насъ изліянными, нѣтъ ни единаго столь превосходнаго, столь неоцѣненнаго, какъ человѣческій разумъ... Того ради перевелъ я основанія философическія о гражданинѣ, Ѳомою Гоббезіемъ благоурожденнымъ Англичаниномъ написанныя, въ коихъ между прочимъ доказываетъ онъ, что человѣкъ внѣ общества еетъ твореніе безпрестанному страху подверженное, что спокойствіе свое обрѣсти онъ можетъ въ единомъ токмо гражданскомъ состояніи, и что изъ всѣхъ гражданства образовъ самый наилучшій есть тотъ, въ коемъ единое лице правительствуетъ. Кому жъ мнѣ посвятить сію книгу?—Благодѣтельствуя человѣческому роду и частно гражданамъ, во храмѣ трудолюбивыхъ Музъ воспитаннымъ, сооружаете вы въ сердцахъ своихъ согражданъ тысячи олтарей своему имени, пріемля самаго наипослѣднѣйшаго общества члена милосердо, и снисходительно его слушая, не устрашаете, но плѣняете его своею великостію. Ободренный сими столь прехвальными вашего Сіятельства дѣлами, осмѣливаюсь и я первый плодъ трудовъ моихъ посвятить имени вашего Высокографскаго Сіятельства. Сіятельнѣйшій Графъ! Есть минуты, кои пекущіеся о общественномъ благосостояніи именитые люди собственно для себя посвящаютъ, упражняясь питающимъ человѣческую душу любомудріемъ. И такъ, ежели обремененный общественными дѣлами вашего Сіятельства духъ помыслитъ нѣкогда отъ трудовъ своихъ успокоиться: то удостойте тогда всенижайшее мое приношеніе великодушнаго вниманія. Симъ единымъ стократъ награжденъ будетъ Сіятельнѣшій Графъ! Милостивый Государь! вашего Сіятельства преданнѣйшій слуга Семенъ Веницѣевъ»

Передъ нами лежитъ другая книга, новая—«Новыя таблицы для быстраго вычисленія размѣра процентовъ государственныхъ займовъ, оборотовъ разныхъ кредитныхъ, акціонерныхъ и страховыхъ обществъ, и частныхъ оборотовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ срочныхъ уплатъ. Составилъ З. Пинето. *Изданіе автора.* Спб. 1871.» Книга тоже снабжена посвященіемъ:

«Самуилу Соломоновичу Полякову, въ знакъ высокаго уваженія и искренней благодарности, отъ автора.

«Милостивый Государь, Самуилъ Соломоновичъ! Дѣятельность ваша успѣла уже доказать, что стремленія Ваши направлены къ общественной пользѣ. Вы, въ теченіе короткаго времени, строили до двухъ тысячъ желѣзныхъ дорогъ. Приложеніемъ Вашихъ способностей къ желѣзнодорожному дѣлу Вы уже обратили на себя вниманіе не только русскаго правительства и русской

публики, но и заграничныхъ промышленныхъ обществъ. Руководствуясь тою же мыслію объ общественной пользѣ, Вы устремили Ваши заботы на распространеніе въ Россіи техническихъ знаній, необходимыхъ для упроченія въ ней желѣзнодорожнаго дѣла. Въ подобныхъ же видахъ вы приняли на себя расходы по изданію настоящаго сочиненія, которое, независимо отъ своего научнаго интереса, должно приносить пользу финансовому міру. Въ знакъ уваженія къ Вашимъ достоинствамъ и съ признательностью за благотворное участіе въ трудѣ моемъ, считаю долгомъ посвятить мою книгу Вашему имени. Я питаю увѣренность, что наградою Вашею за доброе дѣло будетъ также и благодарность тѣхъ, которые, пользуясь моимъ сочиненіемъ, найдутъ въ немъ пособіе въ своихъ финансовыхъ занятіяхъ. Примите, милостивый государь, выраженіе моего глубокаго уваженія и искренней преданности, съ коими имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугой З. Пинето».

Читатель, эти два посвященія, поставленныя рядомъ, представляютъ, такъ сказать, кристализованную философію новой русской исторіи.

Если авторы посвящаютъ свои произведенія не роднымъ своимъ или личнымъ знакомымъ, непользующимся общественною извѣстностью, а людямъ публичнымъ, то посвященія имѣютъ важное философско-историческое значеніе. Статистика посвященій могла бы представить самый серьёзный и громадный интересъ. Она могла бы представить безцѣнный матеріалъ для характеристики направленій и напряженности общественнаго движенія. Всякій читатель безъ сомнѣнія убѣдится въ этомъ послѣ минутнаго размышленія надъ двумя вышеприведенными посвященіями. Сравните только образы двухъ фигурирующихъ въ нихъ меценатовъ, и вы увидите, какъ далеко и въ какую сторону шагнули мы въ теченіе столѣтія: «великолѣпный князь Тавриды» и Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ! Цѣлая бездна лежитъ между этими двумя именами. Безчисленные титулы мецената прошлаго столѣтія исчезли и современный меценатъ имѣетъ только имя, отчество и фамилію. Г. Поляковъ не кавалергардскаго корпуса поручикъ, не его высокографское сіятельство, не командующій всѣми иррегулярными войсками. Онъ просто Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ. Писатель прошлаго столѣтія посвящаетъ свою

книгу «вашему (*в* строчное) Высокографскому Сіятельству»; писатель современный посвящаетъ свой трудъ просто «Вамъ»: Сравните далѣе предметы обѣихъ книгъ. Писатель прошлаго столѣтія переводитъ книгу «благоурожденнаго англичанина Ѳомы Гоббезія», теоретика войны и абсолютизма. Въ посвященіи своемъ Веницѣевъ говоритъ между прочимъ, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ «человѣкъ не внемлетъ уже гласу истины: но на подобіе возмѣтаемаго вѣтромъ праха несется туда, куда влечетъ его погибельная необузданность. Онъ предпочитаетъ мечтательное благо истинному, онъ поставляетъ блаженство свое въ неограниченности». Современный писатель направляетъ полетъ своей мысли въ совершенно иныя сферы. Онъ занятъ наукою и финансами. Къ книгѣ г. Пинето приложены отзывы компетентныхъ людей,—академика Сомова и управляющаго государственнымъ банкомъ г. Ламанскаго,—изъ которыхъ видно, что г. Пинето сдѣлалъ нѣчто и для науки и для финансовой практики. Наконецъ еще одно различіе. Изъ посвященія великолѣпному князю Тавриды не видно, чтобы меценатъ какимъ нибудь образомъ отблагодарилъ Веницѣева за посвященіе: можетъ быть соболью шубу съ плечъ для него спустилъ, а можетъ быть и пакость ему какую нибудь сдѣлалъ. Не то въ наше время. На оберткѣ «Новыхъ таблицъ» значится, что это изданіе автора, а въ посвященіи говорится, что Самуилъ Соломоновичъ принялъ на себя издержки изданія. Слѣдовательно дѣло чистое: Самуилъ Соломоновичъ поблагодарилъ за посвященіе впередъ и чистыми деньгами. Это впрочемъ различіе не важное и показываетъ только, что г. Пинето имѣетъ гораздо больше фактическихъ основаній публично разсыпаться въ похвалахъ передъ г. Поляковымъ, чѣмъ Веницѣевъ передъ Потемкинымъ.

И такъ сильные міра сего въ наше время не тѣ, что въ прошломъ столѣтіи. Сравнивая фигуры великолѣпнаго князя Тавриды и Самуила Соломоновича Полякова, можно жалѣть, что cесі a tué cela; можно радоваться этому; можно наконецъ желать, чтобы фигура Самуила Соломоновича уступила свое мѣсто инымъ образамъ, но нельзя отрицать факта: cесі a tué cela. Кого знаетъ

вся Россія? Не полководцевъ, не князей, а Самуиловъ Соломонычей и Петровъ Іонычей. Нельзя отрицать осуществленія идеи равенства въ исчезновеніи титуловъ сильныхъ міра сего и въ замѣнѣ ихъ скромнымъ именемъ, отчествомъ и фамиліей. Нельзя отрицать торжества мирныхъ началъ науки, финансовыхъ оборотовъ и путей сообщенія, кристаллизующихся въ образѣ Самуила Соломоновича Полякова, надъ военными задачами, представляемыми памятью князя Таврическаго. Если г. Пинето и не говоритъ о свободѣ, то по соображенію другихъ условій можно утвердительно сказать, что онъ не посвятилъ бы Самуилу Соломоновичу трактата о «погибельной необузданности». Значитъ торжествуетъ и свобода.

Желательно было бы знать, какое мѣсто отведетъ г. Страховъ Самуилу Соломоновичу въ своемъ веселенькомъ пейзажикѣ. Можетъ быть г. Страховъ затруднится еврейскимъ происхожденіемъ мецената. Но мы охотно замѣнимъ г. Полякова г. Губонинымъ, который есть «нашъ братъ русакъ», который еще недавно былъ «русскимъ мужичкомъ». Но веселенькій пейзажикъ г. Страхова такъ любопытенъ, а намъ остается такъ мало мѣста, что мы должны отложить свое намѣреніе поговорить о немъ въ этотъ разъ. Мы жалѣемъ объ этомъ, равно какъ и о томъ, что намъ не удалось сегодня-же дорисовать портретъ г. Страхова и показать, что онъ есть русскій Ренанъ, что мѣткая характеристика Ренана, сдѣланная г. Страховымъ, вполнѣ приложима и къ нему, г. Страхову.

Что же касается до Самуила Соломоновича Полякова, то онъ есть сама революція. Мы говоримъ совершенно серьезно. Нужды нѣтъ, что Самуилъ Соломоновичъ не строитъ баррикадъ, не поднимаетъ ни трехцвѣтнаго, ни краснаго знамени, не поетъ марсельезы, не кричитъ о равенствѣ, о свободѣ и о братствѣ. Если читатель отрѣшится отъ этого традиціоннаго революціоннаго декорума, то онъ убѣдится, что мы правы. Что такое революція, въ научномъ смыслѣ слова? Это измѣненіе коренныхъ началъ жизни даннаго общества, не обмелѣніе или половодье, не приливъ или отливъ, а измѣненіе направленія русла жизни.

Въ какую сторону произойдетъ измѣненіе, при какой обстановкѣ,—это безразлично. Мы видѣли въ прошлый разъ, что рабочій вопросъ, будучи вопросомъ революціоннымъ въ Европѣ, составляетъ одинъ изъ консервативнѣйшихъ вопросовъ русской жизни. Это значитъ, что коренныя начала русской экономической жизни не требуютъ революціи, измѣненія направленія своего теченія. Требуется только развитіе этихъ началъ. Будутъ-ли при этомъ баррикады или нѣтъ, это все равно, т.-е. въ томъ смыслѣ все равно, что не измѣняетъ консервативнаго характера русскаго рабочаго вопроса. Съ другой стороны революція можетъ совершиться и подъ звуки марсельезы, и подъ звуки всякой другой пѣсни. Есть много такъ-называемыхъ революцій, которыя не имѣютъ никакого революціоннаго значенія. Есть наоборотъ много явленій вполнѣ революціоннаго свойства, но вовсе не имѣющихъ традиціоннаго революціоннаго облика. Къ числу такихъ явленій принадлежатъ и Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ и Петръ Іоновичъ Губонинъ. Не въ томъ дѣло, что г. Губонинъ изъ мужичка сталъ тузомъ. Это, такъ сказать, только его личная революція, и сдѣлайся онъ хоть новымъ Потемкинымъ, онъ тѣмъ самымъ не несетъ еще съ собой новаго принципа, а только счастливо добивается извѣстнаго положенія, давнымъ давно существовавшаго. Но гг. Поляковы, Губонины и Варшавскіе не Потемкины, не кавалергардскаго корпуса поручики и войскъ «тамо поселенныхъ» начальники. Нѣтъ, они носители новаго принципа, тузы новаго чекана. И вотъ почему они суть революція. Еслибы этотъ пунктъ былъ вполнѣ ясенъ для русскаго общества и русской печати, то имъ оставалось бы одно изъ трехъ: либо 1) скорбѣть о распаденіи старыхъ идеальныхъ единицъ, о разрывѣ сѣти національныхъ предразсудковъ и установившихся идей, о паденіи воинственнаго духа, связанномъ съ утратою извѣстныхъ доблестей; либо 2) радоваться торжеству мирныхъ началъ науки и промышленности и идей свободы и равенства, бросаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ омутъ политическаго матеріализма; либо 3) не скорбя объ упадкѣ военнаго духа и разрывѣ сѣти національныхъ предразсудковъ, избѣгать тѣхъ формъ экономическаго, полити-

ческаго и умственнаго развитія, которыя влекутъ за собой распущенность и эгоизмъ. Каждый можетъ выбирать по своему вкусу. Но слѣдуетъ помнить, что выборъ этотъ можетъ совершиться свободно и разумно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ тщательно анализировать ходячія монеты политическихъ словопреній, каковы: либерализмъ, равенство, свобода, революція, консерватизмъ.

IV.

Октябрь 1872.

Слова.—Императоръ Сигизмундъ.—Императоръ Павелъ.—Статья г. Костомарова о великорусской пѣснѣ.—Отечество.—Патріоты и казнокрады.—Одинъ изъ проектовъ освобожденія крестьянъ.—Старый и новый патріотизмъ.—Опять г. Скальковскій.—Либеральная литература.

Слово есть божественный даръ, данный человѣку для выраженія его мыслей. Это всѣ говорятъ.—Есть однако и исключенія.—Слова суть средства для прикрытія мыслей, говорилъ Талейранъ.—Когда не хватаетъ мысли, поучалъ Мефистофель школьника, слово съ успѣхомъ занимаетъ его мѣсто.—Одинъ мрачный испанскій юмористъ доказывалъ, что нѣтъ ничего легче, какъ управлять человѣкомъ при помощи словъ. Если вы хотите вести человѣка на смерть, говорилъ онъ, скажите ему, что вы его ведете къ славѣ, и онъ пойдетъ за вами.—Надо признаться, что во всѣхъ этихъ болѣе или менѣе ехидныхъ отступленіяхъ отъ ходячаго мнѣнія есть извѣстная доля правды. Но всѣ они слишкомъ бьютъ на демонизмъ, и авторы ихъ навѣрное не вѣрили самимъ себѣ, когда произносили хулу на слово. Да оно такъ и должно быть на основаніи самыхъ этихъ афоризмовъ. Мнѣ больше нравится русская пословица, если не выражающая, то могущая выразить ту же самую мысль: языкъ мой—врагъ мой. Да, человѣкъ и языкъ его, его слово—исконные враги. Овладѣть словомъ, подчинить его себѣ, сдѣлать изъ него вѣрнѣйшаго раба своего,—вотъ одна изъ задачъ человѣчества. Задача въ высшей

степени важная, трудная, лежащая въ основаніи множества задачъ соціальной жизни. Слово—это такая же стихійная сила какъ и всѣ силы природы. Въ открытой, прямой борьбѣ съ ней человѣкъ почти всегда безсиленъ. Разсказываютъ, что на Констанцскомъ соборѣ императоръ Сигизмундъ въ латинской рѣчи сказалъ между прочимъ: Videte, patres, ut eradicetis schismam Hussitarum. Одинъ монахъ латинистъ перебилъ императора словами: Serenissime rex, schisma est generis neutri. — Почемъ ты знаешь? — Александръ Галлъ говоритъ.—Это кто?—Монахъ.—Ну, а я императоръ римскій и мое слово, надѣюсь, не хуже слова монаха.—Въ этомъ спорѣ правъ былъ съ одной стороны монахъ, а съ другой пожалуй и императоръ въ томъ смыслѣ, что слово императора дѣйствительно ничѣмъ не хуже слова монаха, или вѣрнѣе, и монахъ и императоръ тутъ одинаково безсильны. Въ іюльской книжкѣ «Русской Старины» приведено интересное распоряженіе императора Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими. Вотъ любопытный списокъ этихъ словъ:

Не употреблять:	*Писать*:
Обозрѣть.	Осмотрѣть.
Выполнить.	Исполнить.
Степень.	Классъ.
Пособіе.	Вспоможеніе.
Стража.	Караулъ.
Отрядъ.	Деташементъ, команда.
Общество.	Собраніе.
Гражданинъ.	Купецъ, мѣщанинъ.
Именитый гражданинъ.	Именитый купецъ, мѣщанинъ

Императоръ Павелъ преслѣдовалъ опальныя слова не только указами. Такъ однажды онъ выгналъ изъ кареты Нелединскаго-Мелецкаго за то, что тотъ употребилъ опальное слово «представители», говоря о какихъ-то впрочемъ неодушевленныхъ предметахъ («Девятнадцатый вѣкъ», II, 372). Однако усилія императора Павла изгнать изъ употребленія извѣстныя слова оказались

также безплодными, какъ и надежда императора Сигизмунда передѣлать родъ слова schisma.

Такъ-то трудно бороться со словами прямо, открыто. Можно навѣрное сказать, что всякій, предпринимающій такую борьбу, потерпитъ фіаско. То или другое слово можетъ вамъ казаться неправильнымъ, неудачнымъ, невѣрнымъ названіемъ извѣстнаго предмета или выраженіемъ извѣстнаго понятія, но никакимъ вашимъ усиліямъ оно не поддастся и будетъ существовать. Если оно и исчезнетъ, такъ такимъ же долгимъ и извилистымъ путемъ, какимъ вошло въ употребленіе. Тутъ, собственно говоря, и хлопотать не объ чемъ. Слово существуетъ, и пускай себѣ существуетъ. Но важно, чтобы оно насъ не обманывало, чтобы состояніе нашего сознанія было по возможности независимо отъ привычнаго сочетанія звуковъ. Въ этомъ-то и состоитъ трудность. Отдѣльныя личности часто одолѣваютъ ее въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. И тогда для нихъ является возможность, по талейрановски, не только выражать свои мысли словами, но и скрывать мысли при помощи словъ. Они овладѣли своими словами. Языкъ ихъ пересталъ быть врагомъ ихъ. А господинъ извѣстнаго круга словъ есть господинъ извѣстнаго круга людей. Онъ владѣетъ ключомъ къ ихъ сердцамъ и головамъ. Есть слова имѣющія дѣйствительно какое-то магическое вліяніе, способныя увлекать и отдѣльныхъ людей и массы, вести ихъ въ огонь и воду, на смерть и убійство. А между тѣмъ многія изъ нихъ суть *только* слова, т. е. названія и выраженія, либо называющія и выражающія совсѣмъ не то, что обыкновенно съ ними связывается, либо ничего не выражающія и не называющія. Habent sua fata не только книжки, а и слова. И судьба словъ бываетъ часто гораздо удивительнѣе судьбы книгъ. Обыкновеннѣйшая изъ этихъ удивительныхъ судебъ такова. Къ извѣстному понятію приросло извѣстное слово. Понятіе расширяется, разслаивается, сдвигается сообразно историческому ходу отношеній человѣка къ соотвѣтствующему ряду фактовъ, а слово стоитъ себѣ какъ скала незыблемая. Такимъ путемъ слово весьма часто не только утрачиваетъ первоначальное значеніе, но получаетъ

два или нѣсколько различныхъ значеній или даже лишается всякаго значенія. Языкъ человѣка поневолѣ становится врагомъ его, обманывая его на каждомъ шагу, не поддаваясь его усиліямъ возстановить равновѣсіе между состояніемъ его сознанія и извѣстнымъ сочетаніемъ звуковъ. Чаще всего такихъ усилій и не бываетъ, и люди умираютъ и убиваютъ, радуются и плачутъ, не задавая себѣ вопросовъ: за что? чему? А люди, которымъ удалось оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ, большею частію держатъ свой секретъ про себя и играютъ словами, какъ мячикомъ. Можно конечно не обинуясь назвать такихъ людей негодяями. И еслибы дѣло было только въ нихъ, такъ самое ихъ негодяйство представляло бы извѣстную гарантію для общества. Но не говоря уже о непосредственныхъ жертвахъ игры въ мячикъ, которыя принадлежатъ главнымъ образомъ къ рядамъ темной массы, есть люди, принимающіе участіе въ игрѣ, ничѣмъ въ ней собственно не рискуя, но и не съ злостными цѣлями, а просто по глупости и пустотѣ. Мало того, въ игрѣ сплошь и рядомъ фигурируютъ благороднѣйшіе и весьма умные люди, но которымъ не удалось по разнымъ причинамъ стать господами своихъ словъ, которые напротивъ находятся цѣликомъ въ ихъ власти. Невольная симпатія къ этимъ людямъ, часто жизнью, полною лишеній и страданій, и даже кровью своею свидѣтельствующимъ о чистотѣ своихъ намѣреній, — отражается и на погубившихъ ихъ словахъ. Эти слова обдаются этимъ отраженнымъ свѣтомъ, и путаница усиливается. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Попытайтесь наложить ножъ анализа на какое бы то ни было изъ волнующихъ людей словъ, и на васъ со всѣхъ сторонъ поднимется лай. Всѣ приладились уже къ этимъ словамъ. И либералы, и консерваторы, и ретрограды, и радикалы сами стали нѣкоторымъ образомъ словами и вы своимъ анализомъ посягаете на ихъ душевное спокойствіе. Культъ словъ есть культъ легкій и удобный. Онъ даетъ возможность безъ малѣйшихъ усилій мысли трактовать о матеріяхъ важныхъ и быть при этомъ увѣреннымъ, что ты дѣлаешь дѣло, надуваешь не только другихъ, а и самого себя. И все это дѣлаютъ слова, слова

слова. Много есть такихъ словъ, ненавистныхъ однимъ, священныхъ для другихъ, но главное словъ предательскихъ, не легко поддающихся власти человѣка: цивилизація, революція, народность, конституція, отечество, слава, свобода, патріотизмъ... Надо еще замѣтить, что слова эти, имѣя міровое значеніе, тѣмъ не менѣе для каждаго народа своеобразно спеціализируются. У насъ напримѣръ есть свое слово «переворотъ», но мы взяли и «революцію», какъ слово, выражающее извѣстный оттѣнокъ того же понятія, но не нами выработанный. Слово это мы получили съ извѣстной готовой репутаціей, провѣрять которую однако, благодаря игрѣ въ мячикъ, и не пытались. Мы только осложнили ее своими родными элементами. Все это разумѣется не можетъ способствовать ясности идей и независимости сознанія отъ словъ. Оттого-то въ жизни такъ часто повторяется одна хорошенькая сказка мудраго Кузьмы Пруткова. Баринъ, уѣзжая, поручаетъ одно растеніе особенному вниманію садовника: «Блюди особенно ты за растеньемъ симъ»—говоритъ баринъ—пусть оно хорошенько «прозябаетъ». Баринъ черезъ нѣсколько времени возвращается и освѣдомляется, хорошо ли прозябаетъ растеніе. Садовникъ: «Изрядно, говоритъ, прозябло ужь совсѣмъ». Такія qui pro quo исторія устраиваетъ очень часто. Они могли бы подать поводъ къ сочиненію очень веселой книжки, еслибы изъ-за нихъ не «прозябали» растенія. Это послѣднее обстоятельство, являясь неожиданнымъ финаломъ маскарадной интриги, нѣсколько парализируетъ ея веселый характеръ.

Надо перестать мыслить словами— вотъ задача, въ полномъ объемѣ, можно сказать, неразрѣшимая, потому что понятія слишкомъ крѣпко срослаются со словами, но до извѣстной степени возможная и обязательная. Для этого требуется время отъ времени ликвидировать ходячій политическій жаргонъ, сводить итоги наслоеніямъ понятій, образующимся съ ходомъ исторіи въ неподвижной формѣ слова. Мы хотимъ представить нѣкоторые матеріалы для таковой ликвидаціи.

Что такое отечество? Это не просто извѣстная страна. Это сумма географическихъ, экономическихъ, юридическихъ, полити-

ческихъ и т. д. фактовъ и идей, завѣщанныхъ намъ отцами. Ренанъ, а за нимъ и г. Страховъ опредѣляютъ, какъ мы видѣли, отечество «совокупностью предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество». Это то же самое. Слѣдовательно любовь къ отечеству есть уваженіе къ совокупности фактовъ и идей, полученныхъ нами по наслѣдству и всему человѣчеству недоступныхъ. Это опредѣленіе, съ извѣстной точки зрѣнія совершенно вѣрное, слишкомъ хорошо говоритъ само за себя, чтобы надъ нимъ стоило долго останавливаться. Пойдемъ дальше.

Недавно вышли «Русскія народныя пѣсни, собранныя В. Шейномъ», съ которыми мы знакомы только по статьѣ г. Костомарова «Великорусская народная пѣсенная поэзія» въ «Вѣстникѣ Европы». Нѣкоторые изъ приводимыхъ г. Костомаровымъ пѣсень поразительны по своему безобразно-звѣрскому содержанію. Такъ въ одной жена, повѣсивъ мужа на деревѣ, надругается надъ трупомъ и спрашиваетъ:

Али ты сладкихъ яблокъ накушался,
Соловьиныхъ пѣсенъ наслушался?

Въ другой жена давитъ мужа при содѣйствіи своего любовника: жена стала

Петлюшку на шеюшку
Накидывати;
Своему милому конецъ подала:
Ты тяни, тяни, милой,
Натягивай, небось!
Новые гужи не сорвутся,
У стараго шея не оторвется.
Старый захрипѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится,
Высунулъ языкъ
Будто Вася бузыкъ (пьяница).

Есть варіантъ этой пѣсни:

Ногами забилъ,
Будто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ —
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ —
Смѣяться сталъ!

Г. Костомаровъ приводитъ много пѣсень, если не столь ярко-безобразныхъ, то во всякомъ случаѣ способныхъ навести на самыя печальныя размышленія о семейномъ бытѣ нашего народа. Пѣсень противоположнаго свойства, которыя могли бы быть нѣкоторымъ противовѣсомъ вышеприведеннымъ, у г. Костомарова напротивъ очень мало. Это не значитъ разумѣется, чтобы ихъ было мало въ дѣйствительности или даже въ сборникѣ г. Шейна. Статья г. Костомарова имѣетъ цѣлью только обратить вниманіе общества на новыя изысканія въ области великорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества и сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно собиранія образцовъ его. Это не самостоятельное изслѣдованіе, какимъ является печатающаяся въ «Бесѣдѣ» обширная статья того же г. Костомарова о малороссійской пѣснѣ. Поэтому въ статьѣ г. Костомарова о великорусской пѣснѣ могутъ естественно встрѣчаться всякіе продукты случайности, въ томъ числѣ и нѣкоторая односторонность. Но здѣсь это для насъ безразлично. Достаточно того, что приведенныя пѣсни существуютъ. Г. Костомаровъ замѣчаетъ, что это пѣсни не шуточныя, въ которыхъ народъ позволяетъ себѣ иногда грязно и грубо, но во всякомъ случаѣ только въ шутку воспѣвать какое-нибудь безобразіе, и не былевыя, въ которыхъ описываются единичные случаи. Нѣтъ, это пѣсни, свидѣтельствующія о болѣе или менѣе распространенномъ фактѣ и болѣе или менѣе распространенномъ отношеніи къ нему. Г. Костомаровъ считаетъ нужнымъ прибавить, что обстоятельство это не даетъ еще права произносить карающій приговоръ надъ безнравственностью русскаго народа, ибо теперешніе неудовлетворительные способы собиранія и обнародованія пѣсень не даютъ возможности судить о предѣлахъ ихъ распространенія, о времени и усло-

віяхъ ихъ возникновенія, о варіантахъ и т. д. Притомъ же, заключаетъ г. Костомаровъ, пѣсни эти во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ и о хорошихъ сторонахъ русскаго народа, о «бодрости его духа», его выносливости и т. п. Все это можетъ быть и вѣрно. Но мы недоумѣваемъ, зачѣмъ все это понадобилось г. Костомарову. Кто же посмѣетъ произнести по поводу нѣсколькихъ пѣсень карающій приговоръ народу? Мы твердо увѣрены, что факты и отношенія къ нимъ, выражающіяся въ приводимыхъ г. Костомаровымъ пѣсняхъ, найдутся почти у каждаго народа въ извѣстный періодъ его развитія. Можно рѣшительно сказать, что съ точки зрѣнія современнаго образованнаго человѣка каждый народъ можетъ оказаться безнравственнымъ, но изъ этого-то и слѣдуетъ, что карающіе приговоры въ этомъ случаѣ совершенно нелѣпы. Они столь же нелѣпы, какъ противоположная крайность,—засахариваніе каждой черты народнаго быта. Важенъ прежде всего фактъ, — онъ на лицо. Затѣмъ идетъ объясненіе его, которое не должно быть ни карающимъ приговоромъ, ни идеализаціей.

И такъ фактъ на лицо. Приведенныя пѣсни поются русскимъ народомъ, онѣ входятъ въ составъ «совокупности предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество». Онѣ — часть нашего отечества. Скажутъ, что пѣсни эти во всякомъ случаѣ рѣдки, ихъ рѣдко кому удавалось слышать. Пусть такъ. Но навѣрное каждому удавалось слышать пѣсни въ родѣ слѣдующей, также приводимой г. Костомаровымъ:

Какъ не люты ли собаки заревѣли,
Какъ не борзыя ли собаки завизжали.
Заревѣлъ-то мой старый старчище,
Слѣзаетъ старчище со печищи,
Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
Онъ и бьетъ ли не бьетъ полегоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку.

Это мотивъ, достаточно всѣмъ знакомый и въ пѣснѣ, и въ дѣйствительной жизни. Это уже несомнѣнно наше отечество. И любить отечество значитъ любить эти мотивы. Но конечно съ

этимъ не согласится ни одинъ «патріотъ». Впрочемъ можетъ быть и согласится. Намъ вспоминается одинъ эпизодъ изъ жизни г. Кельсіева, разсказанный имъ въ книгѣ «Галичина и Молдавія». Г. Кельсіевъ увидѣлъ гдѣ-то гуцульскіе топоры, которыми гуцулы (маленькое русинское племя въ Галиціи, близкое къ малорусскому) между прочимъ отсѣкаютъ косы дѣвицамъ, лишившимся невинности. Дѣлается это такъ: дѣвицу привязываютъ за косу къ столбу, а пьяные молодцы-гуцулы швыряютъ въ нее топорами и ловко попадаютъ въ косу. Топоры эти показались г. Кельсіеву похожими на топоры такъ называемаго бронзоваго періода цивилизаціи, и г. Кельсіевъ отправился ихъ посмотрѣть. «Отыскать слѣды бронзоваго періода въ XIX вѣкѣ было лестно, разсказываетъ г. Кельсіевъ, но еще лестнѣе было отыскать ихъ у русскихъ». Ему лестно было знать и доказать, что есть русскіе, которые въ XIX вѣкѣ остались такими же варварами, чуть не четвероногими звѣрями, какими *всѣ* люди были много и много десятковъ вѣковъ тому назадъ! Это исповѣдуется не врагъ русскихъ, а напротивъ патріотъ и притомъ въ минуту самой жаркой любви къ отечеству: крайности сходятся. Конечно только очень пылкіе патріоты такъ предательски проговариваются. Остальные предпочитаютъ умалчивать о некрасивыхъ фактахъ или засахаривать ихъ. Но будь они смѣлѣе и послѣдовательнѣе, они должны бы были, если не радоваться находкамъ въ родѣ находки г. Кельсіева, то по крайней мѣрѣ любить и уважать найденное. Какъ бы то ни было, но патріоты не послѣдовательны. Отечество есть совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество. Патріоты объявляютъ, что должно любить это наслѣдіе отцовъ и жертвовать для него всѣмъ. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаясь съ тѣмъ или другимъ явленіемъ, составляющимъ ингредіентъ отечества, они находятъ возможнымъ отвернуться отъ него. На чемъ основана эта браковка ингредіентовъ отечества? Конечно на чемъ-нибудь, лежащемъ внѣ отечества, внѣ совокупности предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять человѣчество. Отмѣтивъ эту непослѣдователь-

ность патріотизма, отмѣтимъ еще слѣдующую черту его. Гуцульскіе топоры и гуцульскіе нравы нѣкогда принадлежали цѣлой, широко распространенной цивилизаціи. У другихъ народовъ они вымерли, замѣнились иными элементами, у гуцуловъ остались. Это памятникъ тѣхъ временъ, когда народности еще не успѣли достаточно обособиться подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и различія историческихъ судебъ. То же самое можно сказать о большинствѣ такъ-называемыхъ національныхъ особенностей, ибо наука свидѣтельствуетъ о почти тождественности первыхъ формъ цивилизаціи у большинства народовъ. Слѣдовательно съ извѣстной точки зрѣнія патріотизмъ оказывается самымъ крайнимъ космополитизмомъ, только, такъ-сказать, заднимъ числомъ: онъ хватается за тѣ именно явленія народной жизни, которыя нѣкогда были свойственны всѣмъ народамъ.

Эти внутреннія противорѣчія идеи патріотизма показываютъ, что слова «отечество», «любовь къ отечеству», выражавшія въ свое время дѣйствительное отношеніе людей къ извѣстнымъ фактамъ, утратили уже это значеніе. Они отлично выражали состояніе сознанія нашихъ предковъ и потому вошли во всеобщее употребленіе. Они существуютъ и до сихъ поръ, но связанныя съ ними понятія уже не таковы; языкъ нашъ сталъ врагомъ нашимъ. Когда предки наши говорили: я люблю свое отечество,— они отлично понимали, что̀ значатъ эти слова. Но когда эти слова говорятся нами, мы не связываемъ уже съ ними такихъ отчетливыхъ представленій. Это сдѣлала исторія, измѣнившая и отечество, и понятіе объ немъ, но не коснувшаяся слова «отечество».

Одинъ старый историкъ сдѣлалъ слѣдующее остроумное и глубокомысленное замѣчаніе. Въ отдаленной древности только главы семействъ, отцы, patres были дѣйствительными членами общества, гражданами. Когда ихъ единичные интересы, въ которыхъ кульминировались интересы ихъ чадъ и домочадцевъ, слились въ нѣкоторомъ общемъ интересѣ, то этотъ послѣдній былъ названъ patria (подразумѣвается res), т.-е. дѣло, интересъ отцовъ, или отечество. Дѣйствительные члены первыхъ «оте-

чествъ», «патрій» назывались поэтому патриціями. Слѣдовательно, когда крестьяне наши не только твердили помѣщикамъ: вы наши отцы, мы ваши дѣти, — но дѣйствительно видѣли свою славу и гордость въ величіи помѣщика (такіе типы всѣмъ знакомы), они были настоящими патріотами въ древнемъ и истинномъ значеніи слова. Такимъ образомъ отечество есть не просто совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество. Въ этой совокупности звенитъ нѣкоторая особенная струна, задающая тонъ всему остальному. Дѣло здѣсь вовсе не въ одной этимологіи, какъ читатель сейчасъ убѣдится.

Какъ-то нѣсколько лѣтъ уже тому назадъ намъ, къ слову, пришлось провести маленькую параллель между казнокрадствомъ и извѣстнаго сорта патріотизмомъ. Мы разовьемъ эту тему. Что патріотизмъ и казнокрадство могутъ уживаться рядомъ, на это есть фактическія доказательства. Можно бы было привести длинный рядъ славныхъ именъ, обладатели которыхъ жили славою своего отечества, украсили его исторію своими подвигами, далеко раздвинули его предѣлы, и въ то же самое время были казнокрадами въ самомъ прямомъ смыслѣ слова. Мы однако не потревожимъ этихъ именъ, потому что они собою доказательства не представляютъ. Мы ставимъ вопросъ въ общей формѣ: не имѣютъ ли патріотизмъ и казнокрадство какого-нибудь общаго корня? и отвѣчаемъ: имѣютъ. Чтобы читателя не шокировало это сопоставленіе, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что здѣсь разумѣется только особый видъ патріотизма. Мы, лично, не исповѣдуемъ конечно іезуитской теоріи ubi bene, ibi patria, которая составляетъ отрицаніе всякаго патріотизма, но мы и не выворачиваемъ этого девиза на изнанку, не говоримъ ubi patria, ibi bene. Считаемъ пока достаточною эту оговорку.

Названіе «страны казнокрадства», которымъ кто-то окрестилъ Россію, до извѣстной степени заслужено нами. Не потому конечно, чтобы случаи казнокрадства составляли исключительно русское явленіе, но потому, что мы относимся къ нимъ крайне благодушно. Растратитъ «излюбленный» человѣкъ казенныя или

общественныя деньги, и общество выводитъ изъ этого только то заключеніе, что надо общими силами пополнить растраченное. А недавно былъ даже выработанъ и не безъ успѣха публично защищаемъ особый терминъ «позаимствованія» — слово очень красивое, все значеніе котораго можетъ быть оцѣнится только тогда, когда растеніе «прозябнетъ ужь совсѣмъ». Между тѣмъ «позаимствованіе» у частнаго человѣка всякій не обинуясь назоветъ воровствомъ-кражей или воровствомъ-мошенничествомъ. Обстоятельство это вполнѣ объясняется русскими соціальными отношеніями прошлаго времени, далеко не вполнѣ ослабѣвшими и понынѣ. Крѣпостное право и раздѣленіе общества на податныя и неподатныя сословія естественно должны были воспитать въ нашей интеллигенціи глубочайшее презрѣніе къ трудовому грошу податныхъ сословій. Когда какая-нибудь барыня отдавала нѣсколько сотенъ такихъ грошей за билетъ на спектакль съ благотворительной цѣлью, для нея было ясно только то, что она благотворитъ, соединяя пріятное съ полезнымъ. Тѣмъ труднѣе было интеллигенціи справиться съ понятіемъ о казнѣ, въ пополненіи которой она была совершенно невинна. Интеллигенція, не участвуя въ государственныхъ доходахъ, тѣмъ самымъ стояла внѣ государства и его дѣйствительныхъ, реальныхъ интересовъ, и въ то же время, живя насчетъ крѣпостнаго труда, развивала въ себѣ такъ называемыя «высокія» стремленія и чувства. Отсюда идутъ два скользкихъ пути: къ казнокрадству и къ барабанному патріотизму. Скажутъ, что патріотическая интеллигенція и сама несла свою кровь и свое достояніе. Несомнѣнно. Здѣсь кстати будетъ однако привести разсказъ Растопчина о взрывѣ энтузіазма интеллигенціи въ 1812 году:

«Въ минуту, когда губернскій предводитель кончилъ свою рѣчь, нѣсколько голосовъ воскликнуло: «нѣтъ! не по четыре со ста, а по сту съ тысячи, вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца». Большинство собранія съ громкими криками повторило эти слова. Государь благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Теперь надо изъяснить поводы этой необыкновенной щедрости. Предложеніе губернскаго предводителя было спра-

ведливо и благоразумно; но два голоса, первые захотѣвшіе дать больше, чѣмъ было предложено главою дворянства, принадлежали двумъ весьма различнымъ лицамъ. Одинъ былъ человѣкъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила: у него не было никакой собственности въ Московской губерніи. Другой, человѣкъ съ здоровыми легкими, былъ подлъ, глупъ и дурно принятъ при дворѣ. Онъ предлагалъ мнѣ свой голосъ за честь быть приглашену къ императорскому обѣду. И вотъ какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаютъ и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія! Какъ часто человѣкъ превознесенъ до облаковъ газетами и біографами за дѣйствіе или слово, хотя быть можетъ онъ тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ или въ словѣ, имъ произнесенномъ» (Девятнадцатый вѣкъ. II, 115).

Далѣе Растопчинъ разсказываетъ о томъ, уже совершенно неподдѣльномъ энтузіазмѣ, который выказало при этомъ случаѣ московское купечество. Мы привели слова Растопчина только какъ любопытное свидѣтельство одного изъ очевидцевъ и конечно не выведемъ изъ нихъ сомнѣній въ доблестяхъ русскаго дворянства. Въ 1812 году оно ни въ чемъ не уступало другимъ классамъ общества. Замѣтимъ однако, что дворяне можетъ быть слишкомъ высоко цѣнили свои подвиги. Въ томъ же второмъ томѣ «Девятнадцатаго вѣка» помѣщена коллекція записокъ, предположеній и проектовъ по предмету освобожденія крестьянъ, относящихся къ 1809—1848 годамъ. Тутъ есть проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, Шипова и другихъ. Всѣ они болѣе или менѣе блѣдны, и характернѣе другихъ намъ показался проектъ неизвѣстнаго, безъ означенія года. Проектъ заключался въ слѣдующемъ: «Объявить сначала закономъ, что помѣщикъ есть собственникъ земли, а не крестьянъ, на оной поселенныхъ, и притомъ постановить, что впредь населенныя имѣнія могутъ быть продаваемы только въ цѣломъ составѣ, безъ раздробленія какимъ бы то ни было способомъ. Затѣмъ издать манифестъ, въ коемъ объявить, что государь императоръ, *желая вознаградить патріотическія чувства, оказанныя дворянствомъ*

въ отечественную войну, установляетъ ленныя помѣстья, присвояя владѣльцамъ оныхъ титулы бароновъ, графовъ и маркизовъ или маркграфовъ, смотря по получаемому ими съ имѣнія доходу. Именно: имѣнія, приносящія менѣе 4 т. руб. доходу, составятъ обыкновенное дворянское помѣстье; дающія отъ 4 до 12 т. руб., будутъ названы баронствами; приносящія отъ 12 до 20 т. руб., возводятся въ графства, а отъ 20 до 35 т. руб. —въ маркизства или маркграфства. Помѣщики таковыхъ ленныхъ имѣній обязаны отдѣлить своимъ крестьянамъ часть земли, достаточную для ихъ продовольствія, за которую сіи послѣдніе обязываются равную часть обработывать въ пользу владѣльца, или платить денежный оброкъ по обоюдному согласію. Ленныя помѣстья не могутъ быть ни отчуждаемы, ни раздробляемы по наслѣдству, если они не состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ ленныхъ владѣній, и поступаютъ къ старшему въ родѣ, который выплачиваетъ прочимъ сонаслѣдникамъ за слѣдующія имъ части деньгами. Для облегченія таковыхъ сдѣлокъ долженъ быть учрежденъ владѣльческій банкъ».

Этотъ оригинальный проектъ, принадлежащій вѣроятно перу какого-нибудь маркиза Собакевича или маркграфини Коробочки in potentia, очевидно преувеличиваетъ значеніе патріотическихъ чувствъ дворянства въ отечественную войну, требуя за нихъ особой награды, да еще такой, какъ феодальное право. Отечественная война была войной за существованіе государства, и въ интересахъ самихъ дворянъ было напрячь всѣ силы для борьбы съ Наполеономъ. Интеллигенція не представляла и не могла представлять собою въ этомъ случаѣ обособленной внутри общества группы интересовъ. Ея чувства были направлены въ ту же сторону, куда направлялись чувства каждаго мужика. Разумѣется не этотъ патріотизмъ имѣемъ мы въ виду, когда проводимъ параллель между патріотизмомъ и казнокрадствомъ. Конечно не всегда легко провести совершенно ясную границу между res patria и res publica. Но дѣло не въ этой границѣ, а въ *патріотическомъ* направленіи мысли, или вѣрнѣе въ увлеченіи патріотическими словами. И съ этой точки зрѣнія нѣтъ разницы

между итальянскимъ патріотомъ, республиканцемъ Мадзини и прусскимъ патріотомъ, юнкеромъ Бисмаркомъ. Мадзини всю жизнь говорилъ, что онъ служитъ «Богу и народу», но онъ ошибался, онъ служилъ «отцамъ», какъ оказалось на дѣлѣ. Бисмаркъ конечно не ошибается. Онъ овладѣлъ своимъ языкомъ, онъ умѣетъ будить словами «отечество, «патріотизмъ» тѣ именно элементы «совокупности предразсудковъ и установившихся идей», которые ему нужны. И результаты получились блестящіе: Францію побѣдила Германія, Германію Пруссія, Пруссію «отцы», — res patria побѣдила всю Европу.

Res patria не остается безъ измѣненій. Одни отцы уступаютъ мѣсто другимъ или сами преобразуются ходомъ исторіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются характеръ и направленіе патріотизма. Еще недавно русскій патріотизмъ былъ почти исключительно военнымъ; онъ слагался изъ славы русскаго оружія и завоевательно-политическихъ мечтаній. Крымская война и реформы нынѣшняго царствованія измѣнили характеръ и «отцовъ» и патріотизма. Даже франко-прусская война почти не разбудила стараго духа, и можетъ быть только гг. Данилевскій и Страховъ попрежнему горятъ желаніемъ прибить свои щиты къ вратамъ Цареграда. Рѣдко-рѣдко когда проскользнетъ гдѣ-нибудь старопатріотическая нота. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы патріотизмъ исчезъ. Нѣтъ, онъ только преобразился и нынѣшнія газеты нисколько не уступаютъ въ этомъ отношеніи своимъ предшественницамъ. Патріотизмомъ полно и само общество. Чтобы судить о силѣ и направленіи новаго патріотизма, мы приведемъ рѣчь священника Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, П. С. Иларіонова, сказанную имъ по случаю освященія сажеприготовительнаго завода г. Беггрова:

«Боголюбезнѣйшій виновникъ настоящаго торжества! По вашему доброму приглашенію, по любви къ вамъ и сочувствію благому дѣлу, сегодня мы собрались подъ мирный покровъ вашъ для того, чтобъ вмѣстѣ съ вами раздѣлить вашу радость и признательность къ тому благословенію небесному, которое озарило ваши мысли и указало вамъ средства къ новой въ Россіи обще-полезной дѣятельности на благое просвѣщеніе.

«Открытіемъ новаго завода на русской землѣ изъ такого матеріала, который издавна былъ знакомъ не только намъ, но и дальнимъ нашимъ предкамъ, спокойно жившимъ, въ ихъ патріархальной простотѣ, въ простыхъ избахъ съ черными трубами, вы съ одной стороны оправдываете на дѣлѣ извѣстную поговорку, что «отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ», а съ другой — этимъ новымъ производствомъ вы избавляете нашу матушку Россію отъ тягостныхъ ея расходовъ въ пользу иностранцевъ, даже и за то, что̀ намъ самимъ издавна «колетъ или ѣстъ глаза». «Стыдъ не дымъ, глаза не ѣстъ», говорили наши предки, а между тѣмъ этотъ дымъ-то иностранный, за который мы платили деньги, и кололъ до сихъ поръ намъ глаза за наше слабое умѣнье пользоваться нашими родными средствами, за нашу слѣпую привычку во всемъ и за всѣмъ обращаться къ иностранцамъ. Честь вамъ и хвала за ваше новое отечеству весьма полезное предпріятіе!

«Святая церковь православная, къ которой вы принадлежите какъ усердный членъ ея, благословляетъ нынѣ чрезъ мое посредство благое начало вашего добраго, общеполезнаго учрежденія, которому должны сочувствовать вполнѣ не только ваши присные и близкіе, но и всѣ благомыслящіе люди.

«Дай Богъ и начать, и продолжать вамъ производство вашихъ новыхъ работъ съ полнымъ успѣхомъ, по божію благословенію, на пользу вамъ самимъ и вашимъ ближнимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на пользу вамъ любезнаго отечества и нашей церкви православной, которая всегда благословляетъ честные труды разумныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей!

«Вознесемъ ко Господу усердную молитву о добромъ успѣхѣ благого предпріятія».

Въ прежнія времена такая рѣчь могла бы быть сказана только развѣ полководцу какому-нибудь или градоначальнику. Легкія, фамильярныя остроты священника Иліодорова были бы въ старину замѣнены остроумiемъ болѣе возвышеннымъ, въ родѣ знаменитаго «Пускай астрономы доказываютъ» и т. д. Нѣкоторыя другія второстепенныя и третьестепенныя особенности «штиля» также были бы нѣсколько измѣнены. Но въ общемъ характеръ рѣчи былъ бы именно таковъ. Ново въ рѣчи священника Иліодорова лицо, къ которому онъ обращается, и поводъ, по которому онъ къ нему обращается. Новъ не патріотизмъ, а его мотивы и объекты. Патріотическій вѣнокъ все такъ-же пышенъ, но, какъ говорится въ какой-то эпиграммѣ,

Видѣнъ въ немъ и листъ лавровый,
И ассигнаціи листокъ.

Рѣчь священника Иларіонова бросается въ глаза только потому, что она есть рѣчь, т. - е. произведеніе ораторскаго искусства, требующаго, какъ извѣстно, нѣкоторой экстраординарности украшеній. Но по существу своему новый патріотизмъ тихъ, выражается стилемъ болѣе дѣловымъ, чѣмъ ухарскимъ и выспреннимъ, и только изрѣдка дозволяетъ себѣ легкія, изящныя завитушки. Его слѣдуетъ искать въ литературѣ. Но за то литература имъ до такой степени ровно окрашена, что нѣтъ почти возможности за что нибудь ухватиться. Если тутъ и есть что нибудь своеобразное, такъ это патріотизмъ многочисленныхъ художественныхъ фельетоновъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и въ особенности фельетоновъ г. В. С. Да и то своеобразны они больше своею нескладностью и назойливостью. Растопыренные они какіе-то, но все-таки патріотически растопыренные. Было время, когда новый патріотизмъ заявлялъ себя и нѣкоторымъ энтузіазмомъ. Но прошелъ его медовый мѣсяцъ, и онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть: дѣловымъ, сухимъ, водянистолиберальнымъ, скучнымъ для постороннихъ и прибыльнымъ для избранныхъ, для новыхъ «отцовъ».

Когда я читалъ рѣчь священника Иларіонова, я радовался. Дѣйствительно, зависѣть отъ иностранцевъ до такой степени, чтобы даже сажи своей не имѣть, когда курныхъ избъ вдоволь, — это прискорбно. Теперь, думалъ я, развивая каламбуры священника Иларіонова, г. Тургеневъ уже не посмѣетъ иронизировать на тему: русскій дымъ. Теперь дѣйствительно во очію оправдывается стихъ: «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ», и въ особенности конечно г. Беггрову. Дымъ пошелъ на службу отечеству. Такъ радоваться приходится почти каждый день, радоваться не тою шумною радостью, какая сопровождала нѣкогда извѣстія о нашихъ побѣдахъ надъ внѣшнимъ врагомъ, а радостію тихою, спокойною. Тамъ дымъ, здѣсь нефть, тутъ желѣзо тамъ капиталы, все утилизируется, все поступаетъ на службу отечеству. И мы радуемся, патріотически радуемся. Какъ далекъ этотъ патріотизмъ отъ стараго, къ которому все-таки примѣшивалось чувство горечи! Все - таки тамъ кровь лилась, иной разъ

кровь близкихъ людей. Пусть г. Спасовичъ толкуетъ о «жирномъ мирѣ». Пусть нашъ патріотизмъ заплылъ жиромъ. Намъ хорошо, развѣ что скучно только, за то совѣсть чиста...

Одинъ только г. Скальковскій не радуется. Его смущаютъ мрачныя слова Уоллеса. Мы преодолѣваемъ силы природы, отдавая ихъ на службу отечеству. Но г. Скальковскій знаетъ, что «преодолѣніе силъ природы повлечетъ за собой быстрое возростаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что въ свою очередь будетъ имѣть слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности, порока и поощреніе столькихъ гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизится ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія и не принесетъ ли это движеніе больше зла, чѣмъ добра». Мы дѣлаемъ быстрые успѣхи въ промышленности и торговлѣ, покоряемъ даже дымъ отечества. А г. Скальковскій знаетъ, что эти успѣхи «создаютъ цѣлую армію пролетаріевъ и преступниковъ, ряды которыхъ будутъ увеличиваться съ каждымъ днемъ, создадутъ многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ будетъ проходить въ тяжкомъ, неблагодарномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на долю ничтожнаго меньшинства выпадутъ одни лишь удовольствія».

Какъ хотѣлось бы, я думаю, г. Скальковскому, чтобы написанное перомъ могло быть хоть топоромъ вырублено. Г. Скальковскій только пошутилъ:

Развѣ публика не знаетъ?
Онъ шутилъ, вѣдь онъ шутилъ!

Несмотря на патріотизмъ, жить становится такъ скучно, такъ скучно, что надо-же и пошутить наконецъ. Г. Скальковскій продолжаетъ шутить. Онъ писалъ о лицевой и объ «оборотной» сторонѣ московской политехнической выставки. Мы сдѣлали сводъ его мнѣніямъ,—больше ничего. Но г. Скальковскій счелъ нужнымъ огрызнуться словами: «безсодержательное фразерство». Гдѣ оно, безсодержательное фразерство? Въ описаніи лицевой или оборотной стороны московской политехнической выставки?

А тамъ или тутъ оно есть. Это г. Скальковскій, самъ авторъ, справедливо показываетъ. Оборотную сторону выставки г. Скальковскій описывалъ въ сотрудничествѣ Уоллеса, лицевую—одинъ. Осмѣливаемся думать, что сотрудничество Уоллеса не можетъ повредить г. Скальковскому. Осмѣливаемся утверждать, что «безсодержательное фразерство» относится къ соображеніямъ самого г. Скальковскаго. И онъ правъ, клеймя ихъ этимъ именемъ. Да, вы правы, г. Скальковскій. Иначе, какъ безсодержательнымъ фразерствомъ, нельзя назвать всѣ эти патріотическіе толки о возвеличеніи Россіи при помощи промышленности, торговли, улучшенныхъ путей сообщенія. Сто лѣтъ тому назадъ это не было бы безсодержательнымъ фразерствомъ, это былъ бы лучъ свѣта. А нынѣ само общество знаетъ цѣну всѣмъ этимъ вещамъ, оно слишкомъ хорошо знаетъ цѣну ихъ лицевой стороны. Вы попробовали коснуться ихъ «оборотной» стороны, вы дали себѣ этотъ праздникъ, но послѣ праздника пошли будни, и вы возвратились къ своей будничной работѣ какъ ни въ чемъ не бывало. О, конечно это безсодержательное фразерство! Вы увидѣли и даже сказали, что каждый шагъ по широкому и свѣтлому пути, рекомендуемому вами по буднямъ, ведетъ народъ въ пропасть, изъ которой, нѣкоторые думаютъ, нѣтъ выхода. Но на другой-же день вы бодро встали на широкую и свѣтлую дорогу опять. О, да, это даже больше чѣмъ безсодержательное фразерство. Вы не похожи на того садовника, который заморозилъ растеніе по наивности. Вы беретесь, въ предѣлахъ представляющейся вамъ дѣятельности, «блюсти особенно», чтобы растеніе хорошенько прозябало, и терпѣливо ждете того момента, когда оно «прозябнетъ ужь совсѣмъ». Вы знаете, что новый патріотизмъ ведетъ только къ установленію новой res patria, и спокойно присоединяете свой голосъ къ патріотическому хору. Да... Нѣтъ, я не знаю, какъ это назвать.

Г. Скальковскій есть типъ, имѣвшій только несчастіе обмолвиться и тѣмъ самымъ обнаружиться. Собственно говоря, кто-же не знаетъ у насъ того, что сказалъ г. Скальковскій отчасти словами Уоллеса, отчасти своими собственными. Всякому образо-

ванному человѣку болѣе или менѣе извѣстно, что развитіе свободныхъ учрежденій и промышленности въ Европѣ сопровождалось и до сихъ поръ сопровождается явленіемъ «цѣлой арміи пролетаріевъ и преступниковъ», «усиленіемъ бѣдности и порока». Всякому извѣстно также, что въ нынѣшнее царствованіе Россія вступила на путь развитія свободныхъ учрежденій и промышленности. Казалось бы, цѣлая группа вопросовъ дня сама собой напрашивается на разрѣшеніе. Что̀ можетъ быть естественнѣе опасенія повторенія у насъ печальной стороны европейскихъ порядковъ и что̀ имѣетъ болѣе правъ на вниманіе литературы? Замѣтимъ, что насъ въ настоящее время не волнуютъ вопросы національные и что широкая и заманчивая область собственно политическихъ, конституціонныхъ вопросовъ, поглощающая столько литературныхъ силъ въ Европѣ, для насъ заперта на замокъ, ключъ отъ котораго заброшенъ чуть не за тридевять земель въ тридесятое царство. Такъ что и съ этой стороны все гонитъ насъ къ такъ-называемому соціальному вопросу, который не имѣетъ пока у насъ того революціоннаго и слѣдовательно «запрещеннаго» характера, какимъ онъ является въ Европѣ. И однако литература молчитъ, молчитъ, судя по г. Скальковскому, вполнѣ зная ужасы возможнаго исхода положенія вещей. Tarde venientibus ossa,—нашимъ потомкамъ, какъ позднимъ гостямъ на аренѣ исторіи, мы оставимъ однѣ обглоданныя кости. О, какимъ нехорошимъ словомъ обзовутъ теперешнюю литературу наши потомки! Слово будетъ жесткое, но справедливое. Современная литература не имѣетъ права сказать словами одного писателя прошлаго столѣтія: «вѣмъ азъ убогій, яко то есть глубина велія и за недоумѣніе мое азъ во глубину далѣе не смѣю поступати да не погрузитъ мя» (Русскій Вѣстникъ, сентябрь, «Борьба съ протестантскими идеями въ петровское время»). Вопервыхъ такая скромность не пристала современной литературѣ; вовторыхъ и «глубины» никакой нѣтъ. Конечно разрѣшеніе насущнѣйшихъ вопросовъ русской жизни нелегко, хотя все-таки легче, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда; но постановка этихъ вопросовъ не

представляетъ ни малѣйшихъ трудностей: нагнитесь и поднимите.

Въ сентябрской книжкѣ Русскаго Вѣстника напечатано начало обширной статьи г. Безобразова «Война и революція. Очерки нашего времени». До сихъ поръ статья представляетъ только нѣкоторыя пропилеи и совершенно неизвѣстно что́ воспослѣдуетъ дальше. Пропилеи, какъ пропилеи, не хуже и не лучше другихъ статей почтеннаго академика. Но въ нихъ есть недурная характеристика современной литературы: «Стараясь какъ можно болѣе совлечь съ себя ультра-отвлеченный идеалистическій и космополитическій характеръ стараго времени, литература наша стремилась сдѣлаться какъ можно болѣе мѣстною, дѣловою и практическою, и въ этомъ отношеніи достигла замѣчательнаго совершенства: въ своемъ пламенномъ рвеніи къ гласности, не только нѣкоторыя мелкія періодическія изданія превратились въ исключительные органы городскихъ сплетень, въ обиліи насылаемыхъ въ столичныя редакціи изъ всѣхъ концовъ Россіи и едва понятныхъ даже на той улицѣ, на которой живутъ сами кореспонденты, но въ весьма видныхъ ежедневныхъ изданіяхъ обличенія разныхъ частныхъ случаевъ повседневной жизни,—мелкаго насилія, обмана, невѣжества, административныхъ пререканій между вѣдомствами и учрежденіями, самыя мелкія новости, въ большинствѣ случаевъ невѣрныя, изъ канцелярскаго и бюрократическаго міра, о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ форменной одеждѣ, въ штатахъ, въ подраздѣленіи должностей и пр.,—все это занимаетъ самое главное мѣсто. Это административное, канцелярское и слѣдственное направленіе текущей литературы доходитъ до того, что публикуются цѣлые ряды столбцовъ,—этимъ особенно отличаются провинціальныя корреспонденціи,—гораздо болѣе похожіе на уголовныя слѣдствія, на полемическія канцелярскія бумаги, на такъ называемыя *отношенія* между должностными лицами и присутственными мѣстами нежели на газетныя статьи..... Микроскопическіе факты обыденной жизни, публикуемые въ иностранныхъ газетахъ въ отдѣлѣ объявленій и рекламъ, возводятся въ событія дня. Неужели въ

подобномъ реализмѣ, изобличающемъ по большей части ничто иное, какъ оскудѣніе умственныхъ силъ на литературномъ поприщѣ, можетъ заключаться призваніе литературы?».

Само собою разумѣется не въ этомъ. Но г. Безобразовъ ошибается, приписывая указываемое имъ явленіе оскудѣнію только умственныхъ силъ. Сотрудникъ г. Безобразова, г. Боевъ начинаетъ свой разсказъ «Воронъ», напечатанный въ той же сентябрской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», слѣдующими игривыми словами: «Уже не одну недѣлю жилъ Иванъ Мартьяновичъ въ Коземахъ. Какъ прежде надо было непремѣнно опредѣлить служебное положеніе, такъ теперь необходимо опредѣлить «убѣжденія» лица описываемаго. Я рѣшаюсь разомъ уронить сіе лицо, во избѣжаніе недоразумѣній заявивъ, что оно убѣжденій едвали опредѣленныхъ, пріѣхало не для агитацій массъ, не для заведенія школъ какихъ нибудь или ассоціацій, а по «своимъ дѣламъ».—Эти лакейскія игривости, свойственныя далеко не одному г. Боеву, въ довольно большомъ количествѣ вкраплены въ разсказъ. Что онѣ означаютъ? Оскудѣніе умственныхъ силъ? Да. Но прислушайтесь къ этой лакейской ироніи, къ этимъ шипящимъ звукамъ торжествующей мелкоты, и вы увидите въ нихъ еще нѣчто. Голая умственная скудость простодушна. Она или радуется тому, что разныя «убѣжденія», каковы бы они ни были, полетѣли къ чорту, и всѣ путешествуютъ «по своимъ дѣламъ», либо она скорбитъ, что еще недостаточно по ея мнѣнію пригнулись къ ея уровню дѣла, люди и идеи. Но она не иронизируетъ. Такъ иронизируетъ умственная скудость, осложненная скудостью нравственною. Только единовременнымъ вліяніемъ этихъ двухъ скудостей слагается bestia trionfante современной русской литературы и жизни. И чья доля больше, — рѣшить трудно. Велика скудость умственная, это правда. Но ею одною нельзя объяснить даже мелкости и дробности интересовъ, которыми поглощена литература.

> Wer will was Lebendiges erkennen und beschreiben,
> Sucht erst den Geist herauszutreiben;

Dann hat er die Theile in seiner Hand,
Fehlet leider der geistige Band.

Русская литература строго придерживается этого ехиднаго рецепта Мефистофеля. Каждую мелочь она выворачиваетъ во всѣ стороны, разглядываетъ, обнюхиваетъ, ощупываетъ, и такъ увлекается этой операціей, что всякій geistiger Band теряетъ для нея свою цѣну. Отсутствіе всякихъ объединяющихъ, обобщающихъ началъ есть несомнѣнно результатъ умственной скудости, но нежеланіе ихъ имѣть, презрѣніе къ нимъ, позорная игра съ ними, иронія надъ ними, — все это есть дѣло скудости нравственной. Мы сдѣлали выше предположеніе, что каждому образованному человѣку, а тѣмъ паче представителю литературы извѣстны два факта или два ряда фактовъ: вопервыхъ вступленіе Россіи на путь свободныхъ учрежденій и развитія промышленности; вовторыхъ печальныя явленія, сопровождавшія и сопровождающія шествіе по тому же самому пути Европы. Смѣемъ думать, что гипотеза наша небезосновательна, да наконецъ въ лицѣ г. Скальковскаго она облекается въ плоть и кровь. Въ виду этого мы понимаемъ возможность въ литературѣ такихъ рѣчей: свободныя учрежденія и промышленное развитіе принесли съ собой въ Европѣ столько зла, отъ котораго она никакими кровопусканіями и припарками отдѣлаться не можетъ, что мы не хотимъ ихъ вовсе. Это были бы рѣчи неразумныя, но они принимаютъ въ соображеніе оба всѣмъ извѣстные факта, не скрываютъ отъ добрыхъ людей ничего, никого не надуваютъ. Такихъ рѣчей въ литерарурѣ нынѣ не раздается, развѣ въ закоулкахъ гдѣ-нибудь. Подавляющее большинство представителей русской литературы или приглашаетъ общество идти по проторенной тропинкѣ прогресса, или занимается мелкой, копотливой работой переворачиванія на этой самой тропинкѣ камешковъ и дерновинъ. Пока литература разсматриваетъ только то, что у нея подъ носомъ, отъ нея естественно должна ускользать перспектива той дороги, надъ камешками и дерновинами которой она работаетъ. Это и естественно, и простительно, какъ всякое проявленіе умственной скудости. Но—ссылаюсь опять-таки на г.

Скальковскаго — литература знаетъ характеръ ожидающей народъ перспективы. Знаетъ и зажмуриваетъ глаза, прячетъ голову, какъ страусъ. Разница только въ томъ, что страусъ ни кого кромѣ себя не обманываетъ и менѣе всего обманываетъ преслѣдующихъ его враговъ. А литература... Но для характеристики ея образа дѣйствій пришлось бы употребить выраженія, до такой степени невѣжливыя, что мы предпочитаемъ прибѣгнуть къ другому пріему.

V.

Ноябрь 1872 г.

«Причитанья сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ.—О матеріалахъ, какъ они собираются современною литературой.—О матеріалахъ, какъ они современною литературой обработываются. — Г. Милюковъ и г. Буренинъ.— Симптомы и причины болѣзни литературы.—Одна старая статья.—«Политика, какъ наука», г. Стронина.—Русскіе соціологи.—Фокусники.—Статья г. Жуковскаго о Кэри.—Проектъ ученаго трактата.

Недавно вышла очень любопытная книга: **Причитанья сѣвернаго края**, собранныя Е. В. Барсовымъ. Содержаніе ея крайне однообразно, монотонно, уныло и исчерпывается двумя словами: мужикъ умеръ. Умеръ мужикъ и «вопитъ» надъ его трупомъ вдова, дочь, сосѣдка или такъ просто посторонняя талантливая «вопленица». Это надгробныя рѣчи и некрологи мужика.

Мужикъ умеръ. Умеръ онъ въ мѣстахъ, довольно отдаленныхъ отъ центровъ просвѣщенія и цивилизаціи: «сѣрой заюшко туды не проскакиватъ, малая птичка не залетыватъ, извощички къ намъ не заѣзживаютъ, перехожія калѣки не прохаживаютъ... у озеръ нѣтъ перегребныхъ малыхъ лоточекъ, черезъ рѣченьку дубовой нѣтъ мостиночки» (91).

Мужикъ умеръ. Вдова, мать, сестра «вопитъ». Вопервыхъ она любила покойника: это былъ «скачоная жемчужинка», «яра свичушка», «яблонь кудреватая», хоть вмѣстѣ съ тѣмъ «упьянсливая головушка». Вовторыхъ: «какъ послѣ своей надежной

головушки я по земскимъ избамъ находилася, у судебныхъ то мѣстъ да настоялася, безъ креста то вѣдь я Богу намолилася, безъ Исусовой молитовки накланялась, всѣмъ судьямъ, властямъ вѣдь я да накорилася» (16). Втретьихъ наконецъ: «я безъ вѣтрышка горюша нонь шатаюся, на работушкѣ, побѣдна, призамаюся: *надо силушка держать да мнѣ звѣриная, потяги надо держать да лошадиныи*».

Мужикъ умеръ. Вдова знаетъ:

«Тутъ мнѣ скажутъ еще власти поставленныи: Припасай золоту казну безсчетную, ты отдай намъ всѣ тягости казенныя. Я раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ; мнѣ гдѣ взять золота казна безсчетная, мнѣ отдать да всѣ вѣдь подати казенныя? Какъ приду я отъ спорядныхъ отъ сусѣдушекъ, посовѣтуюсь съ сердечнымъ своимъ дитяткомъ; говорить стане сердечно мило дитятко: да ты слушай-же родитель моя матушка, со двора продать любиму набъ скотиночку, со конюшенки продать да коня добраго. Еще слушай-ко родитель моя матушка: ты пойди да въ мелкорубленыя клѣточки, жаль разстаться со любимой мнѣ скотинушкой; ты бери столько ключи да золоченыи, отмыкай да ты ларцы тамъ окованыи, да ты вынь оттоль цвѣтно это платьице, заложи да ты сусѣду спорядовому.—Тутъ скажу да я сердечному-то дитятку: «Жаль нести да мнѣ-ка цвѣтно это платьице; какъ выростешь до полнаго ты возроста—станешь ѣздить по гульбищамъ въ немъ, прокладбищамъ, по этымъ по владычнымъ божьимъ праздничкамъ». Какъ отвѣтъ держитъ сердечно мило дитятко: мнѣ не честь хвала, родитель, молодецкая, што вѣдь подати казенныя не плочены; не къ лицу тебѣ родитель, родна матушка, што таскаться по избамъ тебѣ по земскіимъ, у стола стоять, родитель, у судебнаго, супротивъ стоять судей неправосудныихъ» (183).

Мужикъ умеръ. Вопленица учитъ вдову:

«Не жалій, бѣдна, любимоей покрутушки, заложи — снеси крестьянину богатому, ты проси да золотой казны по надобью, запродай свою любимую скотинушку, набери да золотой казны безсчетной. Какъ пріѣдутъ дохтура да славны лекари, какъ со этого со города Петровскаго, попроси да бѣдна добрыихъ ты людушекъ, своихъ сельскіихъ проси, бѣдна, начальничковъ, писаревъ проси побѣдна, хитромудрыихъ, штобъ вступились по побѣдной головушкѣ, уговорили-бъ дохтуровъ да оны лекарей, задарили-бъ золотой казной безсчетной, штобъ надеженьку твою не патрушили, штобы бѣлой его груди не пороли, штобы сердечушко его не вынимали, штобъ назолушки телѣса тебѣ не надавали, штобы придали ко матушкѣ сырой землѣ то бы его да безъ терзанья. Не убойся ты спорядная сусѣдушка, говори бѣдна горюшица смѣлешенько, ты корись, бѣдна, съ великоей обидушкой, ты упрашивай, бѣд-

на, съ горючмы слезмы. Може сдобрятся судьи неправосудныи. Ты сули имъ золотой казны по надобью, *во потай сули безъ добрыхъ то безъ людушекъ;* тутъ озарятся оны на золоту казну» (250).

Мужикъ умеръ, староста. Старостиха вопитъ, обращаясь къ міру:

«Онъ не плутъ былъ до васъ, не лиходѣйничекъ, соболѣзновалъ объ обществѣ собраномъ; онъ стоялъ по вамъ стѣной да городовой отъ этыхъ мировыхъ да злыхъ посредниковъ. Теперь все прошло у васъ миновалося. Нѣтъ заступушки у васъ, заборонушки! Какъ наидетъ мировой когда посредничекъ, какъ заглянетъ во избу да онъ во земскую, не творитъ да тутъ Исусовой молитовки, не кладетъ да онъ креста-то по писанному. Не до того это начальство добирается, до судовъ этотъ посредникъ доступаетъ, во потай у недоростковъ онъ вывѣдываетъ, ужъ нѣтъ-ли гдѣ корыстнаго дѣлишечка. Да онъ такъ-же надъ крестьянствомъ надругается, быдто въ родѣ человѣкъ какъ некрещоной. Онъ затопае ногами во дубовой полъ, онъ захлопае руками о кленовой стулъ, онъ въ походню по покоямъ запохаживае, точно вихорь во чистомъ полѣ полетывае, быдто звѣрь да во темномъ лѣсу порикивае. Тутъ на старосту скрозь зубы онъ срыгается, онъ безъ разуму рукой ему пригражівае. Сотворитъ ему посредникъ таково слово: «што на ямъ да вы теперь не собираетесь? неподсудны мировому знать посреднику? не покорны вы властямъ да поставленнымъ? Штобы всѣ были сейчасъ-же на ямъ согнаны»! Какъ у этыхъ мировыхъ да у посредниковъ нѣту душеньки у ихъ да во бѣлыхъ грудяхъ, нѣту совѣсти у ихъ да во ясныхъ очахъ, нѣтъ креста то вѣдь у ихъ да на бѣлой груди. Уже не бросать-же участковъ деревенскіихъ, не покинуть же крестьянской этой жирушки все для этыхъ властей да страховитыхъ! Назадъ староста бѣжитъ да не оглядываетъ, подъ окошечко скоренько постучается онъ у этыхъ сусѣдей спорядовыхъ, штобы справились на ямъ да суровешенько: «какъ наѣхала судья неправосудная.... онъ для податей пріѣхалъ ли казенныхъ, аль казна его безсчетна придержалася, аль цвѣтно его платье притаскалося, аль козловы сапоги да притонталися»..... Возгорчится какъ судья вѣдь страховитая, въ темномъ лѣсѣ быдто боръ да разгарается, во всѣ стороны бывъ пламень какъ кидается, быдто Свирь рѣка посредничекъ свирѣпой, быдто Ладожско великое, сердитое... Тутъ спрогоборитъ онъ старостѣ таковослово: «Вы даете все повольку мужикамъ глупцамъ, какъ бездѣльникамъ вѣдь вы да потакаете; хоть своей казной теперь а долагайте-тко, да вы подати казенныя сполняйте-тко». Мужиченки дробятъ да все поглядаютъ: ужель морюшко сине да пріутихнетъ, мировой скоро ль посредничекъ уходится, за дубовыимъ столомъ да пріусядется? Буде взыщется одинъ мужикъ смѣлугище—уже такъ стане на мужика срыгатися, быдто звѣрь да во темномъ лѣсѣ кидается... Стане староста судью тутъ уговаривать: «Не давай спѣси во бладую головушку, суровьства ты во ретливое сер-

дечушко. На крестьянъ ты съ кулаками не наскакивай, удержи да свои бѣлы эти рученьки, не ломай-ко ты персти свои злачены. Не на то да вѣдь вы судьи выбираетесь!... Околъ ноци мужики да поисправятся, наживутъ да золоту казну безсчетную». Сговоритъ да тутъ посредникъ таково слово: «Да вы счасливы крестьяна деревеньскіи, што вѣдь староста у васъ да преразумной»! Какъ уѣдетъ тутъ судья да страховитая, сговорятъ да тутъ крестьяна таково слово: «Міроѣды мировы эты посредники... въ темномъ лѣсѣ быдто звѣри то съѣдучіи, въ чистомъ полѣ быдто змѣи-ти клевучіи»... Какъ въ ту пору теперь да въ тое времечко, какъ по этой почтовой ямской дороженькѣ... точно черной быдто воронъ приналетывалъ, мировой этотъ посредникъ такъ наѣзживалъ; деревенскія робята испугалися, по своимъ домамъ они да разбѣжалися. Онъ напалъ да на любимую сдержавушку, быдто звѣрь точно на упадь во темномъ лѣсу. Я съ работушки побѣдна убиралася, изъ окошечка въ окошечко кидалася,—да куда-жъ мою надежу подѣваютъ?... Ужь какъ этотъ мировой да злой посредначекъ, какъ во страдную, въ рабочу пору времечко, онъ схватилъ его съ луговой этой поженки, посадилъ да онъ во крѣпость во великую, отлучился што безъ спросу на недѣлюшку... Я склонилася въ тяжелую постелюшку съ за этого злодія супостатаго, што обидѣлъ насъ побѣдныихъ головушекъ, присрамилъ да онъ при обчествѣ собраномъ. Со безчестья въ лицѣ кровь разыгралася, со стыда буйна головка зашаталася. Ворочался какъ надеженька со крѣпости, въ чистомъ полѣ неможенье сустигало, на пути злодій смеретушка срѣтала... Вы падите-тко, горюци мои слезушки, вы не на воду падиде-тко не на землю, на не божью вы церковь, на строеньице; вы падите-тко горюци мои слезушки, вы на этого злодія супостатаго, да вы прямо ко ретливому сердечушку! Да ты дай-же Боже Господи, штобы тлѣнъ прошолъ на цвѣтно его платьице, какъ безумьице во буйну бы головушку! Еще дай да Боже Господи ему въ домъ жену неумную, плодить дѣтей неразумныихъ! Слыши Господи молитвы мои грѣшныя! Прими Господи ты слезы дѣтей малыихъ»! (282—288).

Вотъ какіе глубоко-трагическіе обороты прорываются иногда въ надгробныхъ рѣчахъ и некрологахъ мужика. Всякіе комментаріи тутъ неумѣстны. Приведемъ еще содержаніе чрезвычайно оригинальнаго плача о писарѣ. Начинается онъ впрочемъ тоже проклятіями: «Буди проклято велико это горюшко, буди проклята злодійная незгодушка. Какъ по нынѣшнимъ годамъ да по бѣдовымъ лучше на̀ свѣтъ человѣку не родиться; много страсти теперь, да много ужасти, какъ больше того великіихъ пригрозушекъ; наѣзжаютъ то судьи да страховитыя...» Далѣе идетъ поэтическій разсказъ о происхожденіи теперешняго горя. По-

ѣхали рыбаки въ «Окіянъ-море» и поймали тамъ необыкновенную рыбу: «точно хвостъ да какъ у рыбы лебединый, голова у ей въ родѣ какъ козлиная». Стали рыбу пластать и нашли у ней въ брюхѣ множество песку и «ключи золоченыи». Пошли рыбаки къ себѣ въ деревню и стали тѣ ключи прилаживать: къ церковнымъ замкамъ не подходятъ, къ лавочнымъ не подходятъ. «По тюрьмамъ пошли заключенныимъ: въ подземельныя норы ключъ поладился, гдѣ сидѣло это горюшко велико. Потихошеньку замокъ хоть отмыкали, безъ молитовки, знать, двери отворяли. Не успѣли тутъ ловцы—добры мо́лодцы отпереть двери дубовыя, съ подземелья злое горе разомъ бросилось, чернымъ вороно́мъ въ чисто поле слетѣло; на чистомъ полѣ горюшко садилося и само тутъ злодійно восхвалялося, што тоска буде крестьянамъ не удольная... По чисту полю горюшко катилося, стужей — инеемъ оно да тамъ садилося, надъ зеленымъ лугомъ становилося, частымъ дождикомъ оно да разсыпалося. Съ того моръ пошелъ на милую скотинушку, съ того зябель на сдовольны эты хлѣбушки; непріятности во добрыхъ пошли людушкахъ». Затѣмъ кума-вопленица обращается къ писарю съ просьбой довести до свѣдѣнія «Бладыки — свѣта истиннаго» о крестьянскихъ невзгодахъ, о томъ, что «зло несносное, велико это горюшко по Россіюшкѣ летаетъ яснымъ соколомъ, надъ крестьянами злодійно чернымъ во́рономъ. Возлетитъ оно злодійно само радуется: «на бѣломъ свѣтѣ я распоселилося, до этыихъ крестьянъ я доступило, не начаются обиды, накачаются; не надіются досады, принавидятся... Ты пороскажи крестовой-милой кумошко, ты пороскажи Бладыкѣ многомилосливому, што не праведныя судьи разселяются, свысока глядятъ оны да выше лѣсушку, злокоманно ихъ ретливое сердечушко, точно ледъ какъ въ синемъ морѣ. Некуды отъ ихъ злодіевъ не укроешься, во темныхъ лѣсахъ найдутъ оны дремучихъ, все доищутся въ горахъ оны высокихъ, доберутся вѣдь во матушкѣ сырой землѣ... Кабы вѣдали цари да со царицами, кабы знали всѣ купцы да вѣдь московскіи про безчастную бы жизнь нашу крестьянскую!» (288 и слѣд.).

Надо впрочемъ замѣтить, что подобные «гражданскіе мотивы» сравнительно рѣдко встрѣчаются въ причитаніяхъ, собранныхъ г. Барсовымъ. Въ большей части случаевъ причитанья не выходятъ изъ предѣловъ личныхъ или семейныхъ дѣлъ покойника. Обычай «вопить» есть одинъ изъ древнѣйшихъ народныхъ обычаевъ, постепенно вытѣсняемый цивилизаціей. Въ качествѣ языческаго, онъ давно уже сталъ подвергаться преслѣдованіямъ со стороны какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ властей. Г. Барсовъ приводитъ въ предисловіи нѣсколько образчиковъ такихъ преслѣдованій, которыя однако сдѣлали мало. Гораздо больше сдѣлалъ ходъ исторіи. Первоначально надъ покойникомъ вопили непремѣнно члены его семьи или вообще люди, наиболѣе къ нему близкіе. Но съ теченіемъ времени эти голоса кровныхъ родныхъ, непосредственно заинтересованныхъ въ жизни и смерти покойнаго, стали уступать мѣсто талантливымъ или просто навыкшимъ спеціалисткамъ причитаній. Естественно поэтому, что отъ многихъ плачей вѣетъ чѣмъ-то холоднымъ и заученымъ, хотя иногда и весьма изысканнымъ. А разъ искусство «вопленія» становится достояніемъ немногихъ личностей, оно долго держаться не можетъ. Впрочемъ, судя по тѣмъ энергическимъ и свѣжимъ нотамъ, которыя часто прорываются въ причитаніяхъ, очевидно новыхъ, можно думать, что этотъ моментъ еще очень далекъ. И это понятно. Причитанія не то что былины, открытыя Гильфердингомъ въ тѣхъ же краяхъ, гдѣ собиралъ свои матеріалы г. Барсовъ. Здѣсь и въ новѣйшихъ варьяціяхъ на вѣковѣчную тему: мужикъ умеръ — встрѣчаются поразительно непосредственные и наивные обороты мысли и рѣчи. Особенно трогательно-наивными показались намъ часто попадающіеся предполагаемые разговоры со смертью и сожалѣнія о неимѣніи портрета покойника. Въ первыхъ смерть изображается «злодіемъ», который тайкомъ пробирается въ избу и которому напрасно предлагаютъ и ѣду и питье, и «любимую скотинушку» и «гулярно платьице», чтобы онъ оставилъ въ покоѣ намѣченную жертву. Что касается до портрета, то вопленицы представляютъ его себѣ не иначе, какъ написаннымъ на

гербовой бумагѣ рукой «писаречка хитро-мудраго». Еслибы такой портретъ былъ, вдова стала бы его «день держать во бѣлыихъ во рученькахъ»: «лицо къ лицюшку вѣдь буду прилагати, я семеюшкой своею называти, уже въ ночь да у ретливаго сердечушка я на нѣжныя груди, да на ретливыя». А когда выростутъ дѣти и станутъ спрашивать про отца, вдова покажетъ имъ тотъ «гербовый листъ — бумаженьку». Но дѣти спросятъ: «кто же пойдетъ на распашисты полосушки? Какъ у насъ да вѣдь, родитель матушка, нѣту пахаря на чистыихъ полосушкахъ, сѣнокосца на луговыхъ нѣтъ поженкахъ, рыболовушка на синемъ нѣтъ Онегушкѣ». Тутъ только разлетится иллюзія, и вдову «ушибать стане великая тоскичюшка».

Трудъ г. Барсова заслуживаетъ всякаго вниманія и благодарности. Надгробныя рѣчи и некрологи мужика, какъ видитъ читатель, чрезвычайно любопытны, характерны и потому всегда и вездѣ достойны изученія, а тѣмъ паче собиранія. Но особенно пріятно появленіе «Причитаній сѣвернаго края» и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ изданій у насъ и теперь. Дѣйствительно, матеріалы, сырье,—вотъ все, что́ даетъ и въ большинствѣ случаевъ можетъ давать цѣннаго современная литература. Поэтому желательно, чтобы матеріалы по крайней мѣрѣ были такого свойства, чтобы они пригодились на что нибудь будущему изслѣдователю. Къ сожалѣнію даже и это скромное требованіе рѣдко удовлетворяется современною литературою. Въ «Сборникѣ русскаго историческаго общества», изданіи весьма солидномъ, помѣстившемъ на своихъ страницахъ такой почтенный трудъ, какъ «Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія» г. Полѣнова, въ седьмомъ томѣ Сборника находимъ между прочимъ такой матеріалъ: «Собственноручная записка Екатерины II, хранящаяся между письмами къ В. Суворову, о Матренѣ Бунди:

«Матрена Бунди живетъ близь Калинкинова моста, мужъ ея грекъ и онъ былъ въ иностранной коллегіи».

И все. Такихъ «матеріаловъ» читатель встрѣчалъ конечно множество во многочисленныхъ періодическихъ и не періодиче-

скихъ изданіяхъ, посвященныхъ и русской старинѣ и русской и европейской современности. Это одно изъ проявленій той мелкости интересовъ и идей, о которой мы говорили въ прошлый разъ и которою по общему сознанію больна почти вся наша современная литература.

Но, кромѣ этой мелкости, мы наталкиваемся еще на одно любопытное литературное явленіе. Никогда у насъ не появлялись въ такомъ количествѣ и никогда не пользовались такимъ успѣхомъ изданія, посвященныя разработкѣ нашей старины. Впрочемъ мы ошиблись, употребивъ слово *разработка*. Разработки никакой нѣтъ, мы ее цѣликомъ предоставляемъ будущему, а сами только подготовляемъ матеріалы для нея. Мы разрываемъ архивы и вытаскиваемъ оттуда что ни попало, по пословицѣ: вали валóмъ, послѣ разберемъ. Мы имѣемъ въ этомъ родѣ: десять лѣтъ «Русскаго Архива», три года «Русской Старины», восемь томовъ «Сборника русскаго историческаго общества», четыре кажется тома бумагъ изъ архива князя Воронцова, четыре тома «Осемнадцатаго вѣка», два тома «Девятнадцатаго вѣка», Историческія бумаги Арсеньева и проч., и проч., и проч., не считая множества мемуаровъ и записокъ, разбросанныхъ по общимъ, ученo-литературнымъ журналамъ. Если принять въ соображеніе, что вся эта масса матеріаловъ издана въ сравнительно очень короткій срокъ и почти вся относится къ довольно короткому періоду нашей исторіи, то нельзя не подивиться ея увѣсистости. Среди всякаго сброда, въ этой массѣ встрѣчаются матеріалы, въ высшей степени драгоцѣнные, и надо думать, что наши потомки будутъ намъ благодарны за наше трудолюбіе. Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ — что мы дѣлаемъ изъ этихъ матеріаловъ? Отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: ничего. Одни издаютъ, другіе читаютъ. И это-то именно и характеристично для нашего времени. Въ жизни каждаго народа бываютъ такіе моменты, когда онъ жадно набрасывается на свое прошедшее, ища въ немъ поученій, указаній и проч., словомъ—смысла. Это бываетъ обыкновенно въ минуты тяжелыхъ уроковъ исторіи и разочарованія въ настоящемъ и будущемъ.

Если мотивы эти и могли бы дѣйствовать въ настоящую минуту въ нашемъ обществѣ и литературѣ, то они во всякомъ случаѣ не дѣйствуютъ. Не поученій, не указаній, не смысла ищемъ мы въ нашемъ прошедшемъ, ибо мы только собираемъ матеріалы, не пытаясь ихъ такъ или иначе группировать и освѣтить. Издатели и собиратели движимы преимущественно трудолюбіемъ, ну и барышами конечно, а читатели — желаніемъ читать анекдоты. Это доказывается ничтожностью, и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи, попытокъ обработать сырой матеріалъ, въ сравненіи съ громаднымъ количествомъ сырья. А между тѣмъ мы поглощены нашимъ прошедшимъ. Вотъ напримѣръ іюньская книжка «Русскаго Вѣстника». Въ ней мы находимъ статьи: «Дѣйствія Бибикова въ пугачевщину» г. Анучина, «Царская невѣста», былина г. Милюкова, «Царь Петръ и царевичъ Алексѣй», отрывокъ изъ трагедіи г. Аверкіева, «Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности» г. Бурнашева, «О перевязочныхъ пунктахъ Севастополя» г. Соловьева. Для одного нумера общаго учено-литературнаго журнала кажется слишкомъ достаточно статей, посвященныхъ недавно и давно прошедшему.

Мы случайно напали на іюньскую книжку «Русскаго Вѣстника», но она вовсе не составляетъ явленія исключительнаго. Читатель можетъ замѣтить, что повѣсть г. Милюкова и трагедія г. Аверкіева не представляютъ по крайней мѣрѣ сырья. Дѣйствительно, если наша старина и подвергается какой-нибудь обработкѣ, то главнымъ образомъ беллетристической. Таковы трагедіи графа А. Толстаго, стихо-смѣхо-снотворные опыты въ томъ же родѣ г. Аверкіева, повѣсти и романы гг. Милюкова, Клюшникова, Кельсіева, Петрова и проч. Но слѣдующій курьёзъ можетъ показать, до чего иногда доходитъ эта обработка. Повѣсть г. Милюкова или «былина», какъ онъ ее называетъ, написана какимъ-то удивительнымъ языкомъ, въ которомъ современные слова и обороты рѣчи перемѣшаны для чего-то съ древними. Напримѣръ: «Бояринъ указалъ поднять ее и, опознавъ, что семья той женщины не подавну измерла

голодною смертью и сама она недужна отъ холода» и т. д. Или: «И по тому наказу выходилъ изъ малой боковой двери игрецъ-нѣмчинъ во фряжскомъ короткомъ кафтанѣ, съ хитро подвитыми волосами, кланялся низко государю и садился къ органамъ. И какъ началъ играть онъ, закуковала на нихъ золотая кукушка, показывая число часовъ по тому времени, а когда она смолкла, взыграли и органныя трубы иноземнымъ согласіемъ». Г. Милюковъ въ коротенькомъ предисловіи замѣчаетъ, что къ такой несообразности побудило его «не желаніе быть оригинальнымъ, а увѣренность въ томъ, что языкъ этотъ, если не придастъ достоинства сочиненію, то можетъ быть смягчитъ его недостатки». Г. Милюковъ даетъ прекрасный рецептъ бездарнымъ беллетристамъ: напишите плохую историческую повѣсть, потомъ замѣните въ ней Іоанну д'Аркъ «скотопаской орлеанской» иностранца «нѣмчиномъ», музыканта «игрецомъ»—и дѣло въ шляпѣ. Это очень удобно, но тѣмъ не менѣе является любопытный вопросъ: кого г. Милюковъ своими благоглупостями благоудивить хочетъ?

Другой примѣръ. Гильфердингъ вывезъ изъ Олонецкой губерніи въ Петербургъ пѣвца или «сказителя» былинъ Рябинина. Рябининъ говорилъ свои былины публично въ географическомъ обществѣ, получилъ серебряную медаль и таковую же чарку въ древне-русскомъ стилѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Гильфердингъ, географическое общество и Рябининъ удовлетворили любознательности многихъ любителей и знатоковъ народнаго творчества и оказали нѣкоторую услугу наукѣ. Но вотъ, какъ древле трофеи Мильтіада не давали спать Ѳемистоклу, такъ трофеи Рябинина не даютъ спать г. Буренину, и онъ начинаетъ перелагать былины на современный русскій языкъ. Переложеніе это предпринимается не съ научною или педагогическою цѣлью, какъ напримѣръ существующіе у насъ многочисленные переводы Слова о полку Игоревѣ, а такъ, неизвѣстно зачѣмъ:

Всталъ Чурило съ зарею,
Онъ водой ключевою
Умывается, кудерки чешетъ,

Надѣваетъ на ножки
Онъ сафьяны сапожки,
Вышелъ въ городъ—красою всѣхъ тѣшитъ.

Стихъ недуренъ. Но кого, собственно, г. Буренинъ своими благоглупостями благоудивить хочетъ? Впрочемъ, принимая въ соображеніе, что г. Буренинъ производитъ операцію въ нѣкоторомъ отношеніи обратную Милюковской, вопросъ долженъ быть упрощенъ, такъ сказать, усовремененъ въ своей формѣ. Надо спросить просто: кого г. Буренинъ своими глупостями удивить хочетъ?

Итакъ вотъ какой обработкѣ подвергается сырой матеріалъ нашей старины. Послѣ этого совершенно понятно восклицаніе одного изъ безчисленныхъ современныхъ мемуаристовъ, г. Лорера: «Былъ бы кучеръ Илья Байковъ грамотенъ, какія бы онъ записки могъ написать для нашихъ журналовъ и для отечественной исторіи!» («Русскій Архивъ», XI, 2,265). Операціи, какъ г. Милюкова, такъ и г. Буренина суть фокусы, въ родѣ тѣхъ, какіе были въ ходу въ римской литературѣ временъ упадка цивилизаціи. Появляясь въ серьезныхъ и распространенныхъ журналахъ, они свидѣтельствуютъ все о томъ же оскудѣніи литературнаго русла.

Оскудѣніе это не составляетъ ни для кого тайны. Оно много разъ и многими констатировалось и обсуждалось. Но мнѣ кажется, что до сихъ поръ еще не выяснены ни существенная сторона, ни ближайшая причина оскудѣнія. Лучше всего этого можно достигнуть путемъ сравненія теперешней литературы съ ея предшественницей—литературой пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Мы будемъ имѣть въ виду исключительно такъ-называемую либеральную литературу. Почему?—это будетъ ясно само собой ниже.

Надо замѣтить, что самое положеніе либеральной литературы въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ было гораздо выгоднѣе положенія теперешней либеральной литературы и обезпечивало ей многое, чего лишена современная литература.

Во первыхъ у нея были враги, и враги не изъ-за непомѣщенія статей и т. п., а враги изъ-за крупнаго жизненнаго дѣла, притомъ враги, въ началѣ по крайней мѣрѣ, весьма сильные. Разъ есть такіе враги, значитъ есть серьезная борьба, а борьба, не мелочная конечно, даетъ возможность развернуть силы. У теперешней либеральной литературы враговъ нѣтъ или почти нѣтъ: все стало либерально, все выкрашено одной краской; нѣкоторые пытаются притворяться не либеральными, но тщетно; столкновенія свелись на мелочныя дрязги. Во вторыхъ, что́ еще важнѣе, прежняя либеральная литература имѣла передъ собой ясно поставленную живую цѣль, около которой какъ около центра группировались всѣ побочные вопросы. Цѣль эта была—освобожденіе крестьянъ. Нынѣшняя либеральная литература такой ясной, осязательной цѣли не имѣетъ. Въ недавно вышедшей книгѣ г. Стронина «Политика, какъ наука», находимъ нѣкоторый трактатъ о «возможномъ у насъ видѣ парламентаризма». Г. Стронинъ категорически говоритъ, что дѣло «начнется безъ сомнѣнія формой усиленія государственнаго совѣта членами по выборамъ, а окончится вѣроятно формою вѣча, т. е. единственнаго для всѣхъ сословій совѣщательнаго собранія». Впрочемъ г. Стронинъ допускаетъ возможность раздѣленія вѣча на боярскую думу и земскую думу. «Возможно наконецъ—прибавляетъ г. Стронинъ — устройство обѣихъ думъ по избранію, но только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а именно при осуществленіи федераціи» (472). Г. Стронинъ обсуждаетъ все это въ качествѣ ученаго, провидящаго отдаленное будущее. Въ другомъ мѣстѣ онъ столь же категорически говоритъ, что въ близкомъ будущемъ никакихъ крупныхъ реформъ не предвидится, ибо по наукѣ выходитъ, что Россія должна прожить тридцать лѣтъ «акціи» или «прогрессіи» и затѣмъ тридцать лѣтъ «реакціи» или «регрессіи», потомъ опять сначала и т. д. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ есть моменты возрастанія и убыванія, и нынѣ мы переживаемъ моментъ убывающей прогрессіи. Дѣло чистое, противъ науки не пойдешь. Вотъ когда мы подойдемъ къ тому отдаленному будущему, о которомъ де-

батируетъ г. Стронинъ, тогда либеральная литература будетъ имѣть цѣль, столь же осязательную и ясную, какъ освобожденіе крестьянъ. Какъ бы то ни было, современная либеральная литература достаточно ясной цѣли не имѣетъ и продовольствуется общими мѣстами и расплывающимися хорошими словами. Въ третьихъ наконецъ даже признавая эти суррогаты удовлетворительными въ качествѣ цѣлей, нельзя не видѣть еще одного громаднаго преимущества прежней либеральной литературы: она могла относиться къ своей цѣли безусловно правдиво и искренно, ибо на цѣли этой не было и нѣтъ ни малѣйшаго пятна, въ ней не было и нѣтъ ни малѣйшей раздвоенности—ее можно было только принять или отвергнуть. Теперешняя либеральная литература не смѣетъ прямо взглянуть въ лицо будущему. Она не можетъ быть искренна; потому что тѣ общія мѣста и расплывающіяся неопредѣленности, которыя составляютъ для нея суррогатъ осязательной цѣли, значительно зачернены, какъ самымъ ходомъ европейской исторіи, такъ и многочисленными разъясненіями его и въ европейской, и въ русской литературѣ. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что политическая и экономическая свобода въ Европѣ оказалась новымъ видомъ рабства народа, что «національное богатство» оказалось тамъ нищетой народа и проч. Спрашивается, въ какой мѣрѣ горячо и искренно можетъ преслѣдовать литература эти цѣли? Благодаря этой раздвоенности, русская либеральная литература очутилась въ положеніи Буриданова осла, который стоитъ между двумя связками сѣна и не знаетъ, за которую изъ нихъ схватиться. Но такъ-какъ, проголодавшись, оселъ все-таки долженъ сдѣлать выборъ, то и русская либеральная литература выбираетъ себѣ наконецъ извѣстный путь, все-таки косясь однако на другую связку сѣна. Отсюда мелочность, несмѣлость и, скажемъ прямо, нечестность современной русской литературы. Ей приходится выѣзжать на мелочахъ, отнюдь не смущая своего спокойствія болѣе широкимъ размахомъ, который, чего добраго, захватитъ что-нибудь неподходящее, и прибѣгать къ хорошимъ словамъ, отнюдь не добираясь до ихъ смысла.

Скажутъ можетъ быть, что европейская либеральная литература, еще ближе нашей знающая тѣневыя стороны европейской цивилизаціи, тѣмъ не менѣе не такъ безнадежно плоска, какъ наша. Это справедливо. Но вопервыхъ у европейской либеральной литературы есть враги, потому что европейская печать вовсе не такъ сплошь либеральна, какъ наша (какъ это ни странно съ перваго взгляда, но это вѣрно). Вовторыхъ европейская либеральная печать имѣетъ передъ собой совершенно опредѣленныя цѣли. Но, что̀ самое важное, знаніе тѣневыхъ сторонъ цивилизаціи не можетъ лишать европейскую литературу бодрости въ такой мѣрѣ какъ нашу. Въ Европѣ либеральная литература есть отраженіе и органъ сильной, богатой, образованной буржуазіи. Либеральная литература тамъ стоитъ не «на песцѣ», какъ у насъ, она имѣетъ глубокіе и прочные корни въ обществѣ и потому естественно дѣйствуетъ смѣло, безъ слабостей и и уступокъ. Европейскій либералъ есть продуктъ цѣлаго, весьма сложнаго и могучаго механизма и вполнѣ овладѣлъ своими словами. Его не проведешь словами «отечество», «патріотизмъ» и т. п. Когда русскіе одержали блестящую побѣду при Синопѣ, это былъ ударъ для Франціи, но парижская биржа, одно изъ колесъ механизма, во всеуслышаніе иначе оцѣнила этотъ фактъ и подняла курсы: она радовалась. Наоборотъ провести другихъ при помощи хорошихъ словъ европейскій либерализмъ умѣетъ такъ, какъ еще не снилось нашимъ мудрецамъ. Мы съ одной стороны не на столько причастились благъ европейской цивилизаціи, каковы свобода мысли, свобода политическая, многоразличныя матеріальныя удобства жизни и проч., — чтобы вдохновляться ими, ставить ихъ краеугольнымъ камнемъ литературы. Съ другой стороны, за отсутствіемъ у насъ того класса общества, на долю котораго въ Европѣ главнымъ образомъ выпадаютъ всѣ эти блага, мы не можемъ такъ безповоротно односторонне рѣшать соотвѣтственные вопросы, какъ то возможно въ Европѣ. Т.-е. пожалуй и можемъ, но въ такихъ рѣшеніяхъ не можетъ быть смѣлости и искренности. Они должны произноситься всегда съ нѣкоторою оглядкой.

Для уясненія больнаго мѣста современной литературы вернемся на минуту къ предмету, затронутому въ прошлый разъ. Въ основаніи каждаго государства лежитъ фактъ завоеванія, призванія, вообще столкновенія двухъ или нѣсколькихъ неравныхъ силъ. Взаимныя отношенія этихъ неравныхъ силъ составляютъ существенную часть «совокупности предразсудковъ и установившихся идей» или отечества. Ими даже исчерпывается отечество, res patria. Эти отношенія устанавливаются дѣятельностью слѣпыхъ силъ природы, — кровнаго родства и расовыхъ различій. Люди принимаютъ ихъ безъ разсужденій или «предъ разсужденіями». Всѣ возникающіе изъ этихъ отношеній предразсудки и установившіяся идеи имѣютъ цѣлью идеализацію указаннаго Ренаномъ факта: «грубость многихъ есть условіе воспитанія одного, потъ многихъ позволяетъ немногихъ вести благородную жизнь». Въ силу этого интересы цѣлаго отождествляются съ интересами извѣстной части, кульминируются въ нихъ. Это не болѣе какъ фикція, но она вполнѣ овладѣваетъ умами людей. Во имя ея совершаются величайшіе подвиги и величайшія злодѣйства. Не въ томъ дѣло, что человѣкъ жертвуетъ собою для нѣкотораго цѣлаго или для другихъ людей. Онъ можетъ это дѣлать вполнѣ сознательно и видѣть свое счастье и свою славу въ счастьи и славѣ цѣлаго или другихъ людей. Фикція начинается съ того момента, когда человѣкъ, работая по своему разумѣнію на цѣлое, работаетъ въ сущности на извѣстную часть цѣлаго, и когда эта часть и сама проникается мыслью о верховенствѣ своихъ интересовъ и цѣлей. Какъ показываетъ этимологія слова «патріотизмъ», люди первоначально не ошибались въ значеніи чувствъ и идей, выражаемыхъ имъ. Это были чувства чисто личной преданности «отцамъ» и ихъ интересамъ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе усложненія соціальныхъ отношеній, этотъ простой и ясный характеръ патріотическихъ чувствъ утратился и замѣнился фиктивнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ частныхъ случаяхъ интересы отцовъ были солидарны съ интересами остальныхъ частей цѣлаго, и эти частные случаи еще болѣе способствовали укрѣпленію фикціи. Она покоится на установившихся про-

цессомъ исторіи идеяхъ и предразсудкахъ, т.-е. на чемъ-то, какъ бы предшествующемъ сужденію, независимомъ отъ него, неподлежащемъ ему. Этотъ предразсудочный патріотизмъ можетъ претерпѣвать значительныя измѣненія, ибо отечество, т.-е. извѣстный видъ общества, есть неподвижная форма съ текучимъ содержаніемъ. Общественныя силы могутъ комбинироваться самымъ различнымъ образомъ, но мысль, привыкшая уже къ предразсудочно-патріотическому направленію, продолжаетъ отождествлять интересы цѣлаго съ интересами отцовъ. Патріотизмъ требуетъ только, чтобы были отцы, все равно какіе, кандидаты же на это высокое мѣсто поставляются исторіей и притомъ въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ. За гордыми, мужественными, бряцающими во славу отечества мечами, вопнами идутъ ряды мирныхъ отцовъ-промышленниковъ. И хотя вмѣстѣ съ этимъ наступаетъ вѣкъ вящшаго реализма, — иллюзіи и фикціи не прекращаются. Во имя патріотизма тѣ немногіе, воспитаніе и благородная жизнь которыхъ обусловливается грубостью и потомъ многихъ, сегодня ведутъ этихъ многихъ на бойню, а завтра... Но это завтра есть уже сегодня, и потому иллюзуарность не можетъ быть до такой степени очевидна, мы всѣ до извѣстной степени находимся въ ея власти. Сама жизнь устроиваетъ дѣло такъ, что на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ трудно отвлечь интересы всего общества отъ интересовъ новыхъ отцовъ, хотя бы напримѣръ г. Беггрова съ его сажеприготовительнымъ заводомъ. Это тѣмъ затруднительнѣе, что ничто не мѣшаетъ практическимъ людямъ, предпринимающимъ утилизацію силъ природы, быть людьми достойными уваженія, а утилизація силъ природы есть сама по себѣ дѣло полезное и необходимое.

Никто конечно не ждетъ, чтобы мы въ своихъ скромныхъ замѣткахъ разъяснили, какимъ образомъ изъ всего этого выходятъ «цѣлыя арміи пролетаріевъ и проступниковъ» и проч. Будемъ надѣяться, что г. Скальковскій посвятитъ этому любопытному и нелишенному значенія вопросу часть своихъ досуговъ и представитъ спеціальное изслѣдованіе. Мы указываемъ только,

что русская жизнь выдвигаетъ крупный вопросъ и что литература наша не пытается не только разрѣшить его, а даже поставить. Мы указываемъ далѣе на вѣроятныя причины такого поведенія литературы.

Бываютъ въ исторіи такіе моменты, когда общество приноситъ тяжелыя и кровавыя жертвы во имя фикціи, во имя трудно поддающихся власти человѣка словъ. Оно приноситъ ихъ охотно, съ энтузіазмомъ, являетъ чудеса самоотверженія, мужества и преданности смутно сознаваемымъ идеямъ. Литература въ такихъ случаяхъ или молчитъ, потому что не смѣетъ говорить, или сама вмѣшивается въ общее теченіе и поетъ пѣсни Тиртея или говоритъ пламенныя рѣчи Фихте. Много обыкновенно бываетъ, въ такихъ патріотическихъ произведеніяхъ и подогрѣтаго и грубаго, но есть въ нихъ также и искреннее чувство и сила. Такою была и русская литература въ крымскую войну.

Бываютъ другіе моменты исторіи, когда общество, разочарованное въ старыхъ фикціяхъ, предается покаянію. Тогда на первый планъ выдвигается литература смѣлая, съ увлеченіемъ перебирающая все полученное по наслѣдству, всѣ предразсудки и устновившіяся идеи, разоблачающая всѣ иллюзіи и фикціи и добирающаяся до ихъ реальныхъ основъ. Установившіяся идеи она стремится замѣнить сознательно избираемымъ направленіемъ, предразсудки—убѣжденіемъ. Какъ Ѳома Невѣрный, она желаетъ вложить персты въ язвы гвоздиныя. — Такова была русская литература послѣ крымской войны до середины шестидесятыхъ годовъ.

Бываютъ наконецъ времена мрачнаго затишья, когда умственныя и въ особенности нравственныя силы литературы изсякаютъ. Она покоя требуетъ. Она неспособна ни воодушевлять общество на какіе бы то ни было подвиги, ни допросить тотъ духовный хлѣбъ насущный, который она пережевываетъ, не останавливаясь, подобно жвачному животному. Она жуетъ... жуетъ... жуетъ... — Такова наша теперешняя литература. Тщетно стали бы мы у нея добиваться отчета въ ея поведеніи: зачѣмъ она интересуется этимъ и почему проходитъ мимо того? Она этого

сама не знаетъ. Она затвердила, что литература должна отзываться на современные вопросы и исполняетъ эту формальность. Но это именно одна формальность, потому что, тщательно (и то впрочемъ не особенно) разглядывая всякую мелочь, литература сознательно отворачивается отъ крупнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни. Если прежняя литература сплошь и рядомъ хватала черезъ край въ своемъ стремленіи совлечь съ себя ветхаго человѣка, если она нерѣдко впадала въ крайности отрицанія, то это не мѣшало ей оставаться на высотѣ своего призванія: за ея отрицаніемъ скрывалось столько вѣры, столько силы, что ей нечего было бояться. Современная литература напротивъ до такой степени внутренно безсильна и въ сущности ни во что не вѣритъ, что должна во что бы то ни стало прятаться подъ покровомъ предразсудковъ, т. е. недопрошенныхъ идей. Какъ бы ни допрашивала себя прежняя литература, какимъ бы органомъ отрицанія она ни предавалась, въ ней было здоровое и неразрушимое зерно, изъ котораго немедленно выростало нѣчто взамѣнъ допрошеннаго и отброшеннаго: «Разрушу и создамъ», могла бы сказать эта литература девизомъ Прудона. Такого зерна въ современной литературѣ нѣтъ. Она нищая, ей не по средствамъ тѣ расходы умственной и нравственной силы, какіе могла себѣ позволять ея богатая предшественница. Она знаетъ или вѣрнѣе чуетъ, что, наложивъ руку на свои лохмотья, она рискуетъ предстать передъ обществомъ въ полномъ блескѣ своей непривлекательной наготы. И вотъ почему она не прочь даже солгать въ прямомъ смыслѣ слова, не говоря уже о лжи косвенной, состоящей въ умалчиваніи и утаиваніи. И эта-та лживая, умалчивающая литература осмѣливается называть «молчальниками» тѣхъ немногихъ, которые предлагаютъ ей, оставя частности, высказаться по общимъ вопросамъ современной жизни. Конечно на этотъ счетъ она никого не обманетъ.

Вполнѣ цѣня глубину нравственнаго оскудѣнія современной русской литературы, мы склонны однако думать, что въ большинствѣ ея представителей оскудѣніе это проявляется болѣе

пассивно, чѣмъ активно. Немногіе развѣ дѣйствуютъ вполнѣ злостно. Большинство же лишено энергіи и на добро и на зло. Вяло, лѣниво, улиткообразно справляетъ литература свою службу, сообщаетъ свѣдѣнія, научныя и изъ текущей практической жизни, возится и копошится надъ ними. Несмотря на копотливость и приверженность къ разработкѣ текущихъ вопросовъ, она въ сущности не отъ міра сего, ибо міръ этотъ даетъ ей только самыя скудныя, такъ-сказать, микроскопическія возбужденія. Формальнымъ образомъ она исполняетъ свои обязанности прекрасно, но едва-ли она знаетъ, зачѣмъ она существуетъ. Она аккуратна съ виду, но глубоко неряшлива въ существѣ. Она очень любитъ бодриться, но такой умственной и нравственной дряблости въ литературѣ русское общество давно уже не видало. Въ одной изъ своихъ рѣчей по Нечаевскому дѣлу г. Спасовичъ желалъ охарактеризовать ту особенность русскихъ дѣятелей, которую онъ называетъ радикализмомъ. Русскіе дѣятели, по мнѣнію г. Спасовича, обнаруживаютъ особенную склонность къ анализу, къ докапыванію до корня вещей. Мы думаемъ: разныя времена, разные и нравы, новыя птицы, новыя и пѣсни. Еще не такъ давно приговоръ г. Спасовича былъ бы справедливъ. Недовѣріе къ слову, презрѣніе къ рутинѣ, жажда труда, самостоятельной работы надъ своими мыслями и чувствами, почти слѣдовательское отношеніе къ установившимся идеямъ и ходячимъ мнѣніямъ еще недавно были выдающимися чертами русскаго общества и русской литературы. Можетъ быть эти черты еще живы кое-гдѣ въ обществѣ, но въ литературѣ было бы напраснымъ трудомъ искать ихъ. Теперешняя литература напротивъ требуетъ прежде всего спокойствія, рутины, словъ, ходячихъ мнѣній, праздности. Она гонитъ и отъ себя, и отъ общества все, что могло бы нарушить сонное спокойствіе, и стремится укрыться подъ сѣнь установившихся идей. Прочь анализъ и допросы; прочь вызываемые ими грозные или безобразные призраки; прочь «убѣжденія», «направленія», всѣ эти отчеты передъ самимъ собой и передъ ближними. Литература путешествуетъ «по своимъ дѣламъ» и съ высоты этого круглаго, жирнаго конька то насмѣшливо,

то апатично посматриваетъ на все, чему прежде поклонялась, и поклоняется всему, что прежде сжигала.

Для подтвержденія нашей мысли о характерѣ отношеній прежней литературы къ своимъ задачамъ, мы напомнимъ читателю статьи не какихъ нибудь нигилистовъ или свистуновъ. Для насъ и выгоднѣе и удобнѣе, да наконецъ это будетъ и безпристрастнѣе, опереться на мнѣнія человѣка, никогда никѣмъ къ сонму неблагонамѣренныхъ и утопистовъ не причислявшагося, почтеннаго практическаго дѣятеля по педагогіи и талантливаго беллетриста, гр. Л. Н. Толстаго Мы напомнимъ читателю одну изъ Ясно-полянскихъ статей этого писателя: «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» (Сочиненія, изд. Стелловскаго, часть II). Въ статьѣ этой графъ Толстой, отстаивая мысль о необходимости критерія педагогіи и свою формулу этого критерія, требуетъ отъ своихъ оппонентовъ категорическаго отвѣта на такіе вопросы: кто рѣшилъ, что прогрессъ, какъ онъ понимается обыкновенно и какъ онъ практикуется въ Европѣ, а теперь и у насъ, ведетъ къ благосостоянію? Что слѣдуетъ признавать благосостояніемъ: улучшеніе-ли путей сообщенія, распространеніе книгопечатанія, освѣщеніе улицъ газомъ, размноженіе домовъ, призрѣніе бѣдныхъ и т. п., или первобытное богатство природы —лѣса, дичь, рыбу, сильное физическое развитіе, чистоту нравовъ и т. п.? Гдѣ доказательства, что прогрессъ принесъ людямъ больше добра, чѣмъ вреда? Почему $^{9}/_{10}$ европейскаго населенія считаютъ себя неудовлетворенными благодѣяніями прогресса и противодѣйствуютъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ? Для кого собственно выгодно преодолѣніе силъ природы, побѣды надъ пространствомъ и временемъ и проч.? Графъ Толстой не только задаетъ эти вопросы, но и отвѣчаетъ на нихъ. Онъ доказываетъ, что телеграфы, книгопечатаніе, желѣзныя дороги, пароходы, машины, удовлетворяя желаніямъ и наклонностямъ «незанятыхъ классовъ» общества, сами по себѣ ни малѣйше не гарантируютъ благосостоянія народа. «Прогрессъ благосостоянія не только не вытекаетъ изъ прогресса цивилизаціи, но большею частью противоположенъ ей». «Прогрессъ тѣмъ выгоднѣе для

общества, чѣмъ невыгоднѣе для народа.» «Прогрессъ книгопечатанія, какъ и прогрессъ электрическихъ телеграфовъ, есть монополія извѣстнаго класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые подъ словомъ «прогрессъ» разумѣютъ свою личную выгоду, вслѣдствіе того всегда противорѣчащую выгодѣ народа».—Вотъ нѣкоторые изъ положеній и выводовъ, къ которымъ приходитъ графъ Толстой. Мы совершенно согласны съ основною мыслію автора, но, не касаясь затрогиваемаго вопроса по существу, мы обращаемъ вниманіе читателя на пріемы и духъ изслѣдованія графа Толстого. Они типичны, несмотря на свою оригинальность, и весьма характерны для нашего недавняго прошлаго. О графѣ Толстомъ конечно ужь нельзя сказать того, что такъ часто говорится о другихъ, что вотъ, дескать, человѣкъ забавляется парадоксами или строитъ утопіи по своей отчужденности отъ практической жизни. Произнеся такой приговоръ, «хитромудрые писаречки» считаютъ себя вправѣ отвертываться отъ мыслей приговореннаго. Но вотъ человѣкъ, не по заказу или наряду, а по доброй волѣ, изъ любви къ дѣлу, принимается за теорію и практику воспитанія и приходитъ къ вышеприведеннымъ соображеніямъ. Каждый, мы увѣрены, придетъ къ нимъ при достаточной смѣлости, искренности и разумѣется при достаточныхъ умственныхъ способностяхъ. Многіе къ нимъ и приходили, но никто не приходитъ къ нимъ теперь. Отчего? Еще недавно и въ обществѣ и въ литературѣ всѣ стремились дать себѣ полный отчетъ въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждомъ своемъ шагѣ. Зачѣмъ? для чего? почему?—вотъ вопросы, съ которыми мы подступали къ самымъ привлекательнымъ словамъ, къ самымъ пышнымъ понятіямъ, къ самымъ освященнымъ идеямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это стремленіе не допускать въ свою жизнь и свои вѣрованія ничего недопрошенаго обратилось подъ конецъ въ нѣкоторыхъ личностяхъ въ своего рода узкій догматизмъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, почему мы были такъ пытливы и смѣлы, почему мы могли вызывать на бой и вѣковой прогрессъ Европы, и всѣ преданія своей старины, весь грозный своею реальностью міръ фактовъ

и всю область идеаловъ человѣчества? Отвѣтъ очень простъ. Мы были смѣлы, потому что были сильны. Сильны не внѣшнею какою-нибудь силою, хотя и она до извѣстной степени была на лицо, но она была продуктомъ силы внутренней, нравственной, крѣпости идеаловъ, вѣры въ нихъ.

Все это разлетѣлось, какъ дымъ, вслѣдъ за движеніемъ, вызваннымъ освобожденіемъ крестьянъ и продолжавшимся нѣкоторое время по инерціи и послѣ него. Никакихъ идеаловъ общество и литература нынѣ не имѣютъ. Поговорите съ земскими дѣятелями, съ адвокатами, съ прокурорами, съ писателями, выбирайте наиболѣе дѣятельныхъ, наиболѣе суетящихся, — и вы увидите, какъ мало въ нихъ вѣры въ свою суетню, сколько въ нихъ скептицизма; не того здороваго скептицизма, который не позволяетъ ступить шагу безъ отчета самому себѣ, а скептицизма болѣзненнаго, немѣшающаго шагать куда бы ни потянули аппетиты. Сравните это нормальное теперешнее положеніе съ смѣшными крайностями недавняго прошлаго, въ родѣ идеальныхъ становыхъ приставовъ. Это будетъ сравненіе поучительное. «Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто»,—такъ кажется называлась одна изъ комедій, въ которыхъ фигурировали идеальные становые пристава. Комедія была забавна, но замѣтьте, что ея слащавая мораль была несравненно выше морали теперешней жизненной комедіи, въ которой никто въ свое мѣсто не вѣритъ и все-таки остается на немъ.

И такъ симптомы и главная причина болѣзни современной литературы суть слѣдующіе. Литература и вся образованная часть общества знаютъ, что матеріальное и политическое развитіе, на путь котораго мы вступаемъ, будетъ полезно и выгодно только извѣстному классу общества, а народу не только не поможетъ, но даже поставитъ его въ положеніе худшее. Что же касается того класса общества, которому оно будетъ выгодно, то онъ въ настоящую минуту еще почти не существуетъ и создается только самымъ процессомъ развитія. Еслибы этотъ классъ былъ уже въ наличности на достаточной степени развитія, то, опираясь на него и его интересы, литература могла бы развер-

нуться, расцвѣсть болѣе или менѣе пышно, вполнѣ искренно и сознательно. Нынѣ она этого сдѣлать пока еще и не можетъ и не хочетъ. Она движетъ общество къ той же цѣли, но только пассивно. Съ другой стороны привычное, традиціонное уваженіе къ фактамъ означеннаго матеріальнаго и политическаго развитія мѣшаетъ литературѣ взглянуть въ лицо будущему и оцѣнить его по достоинству. Отсюда безцѣльность, лживость, неискренность, фальшивость современной либеральной литературы. Въ виду катящейся на насъ лавины европейской цивилизаціи, литературой овладѣла паника, благодаря которой она не смѣетъ ни призывать лавину, ни протестовать противъ нея. Призывы однако совершаются чаще, но только въ мелочахъ и по частямъ.

Не всѣ однако такъ объясняютъ современное оскудѣніе литературы, хотя почти всѣ признаютъ фактъ. Справедливость обязываетъ насъ привести хотя одинъ образчикъ иныхъ объясненій. И мы дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ намъ представляется случай рекомендовать одну новую книгу, упомянутую уже книгу г. Стронина: «Политика, какъ наука». На стр. 413-й этой книги фактъ оскудѣнія современной литературы утверждается самымъ категорическимъ образомъ: «интеллигенція вымерла до тла во всѣхъ сферахъ; нигдѣ ни таланта, ни признака малѣйшаго творчества; нѣтъ у насъ больше ни ученыхъ, какъ Пироговъ, Остроградскій, Грановскій, ни поэтовъ, какъ Пушкинъ, Лермантовъ, ни беллетристовъ, какъ Гоголь, Тургеневъ, ни критиковъ, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, ни актеровъ, какъ Каратыгинъ, Мочаловъ, ни музыкантовъ, какъ Глинка, Даргомыжскій, ни живописцевъ, какъ Брюловъ, Ивановъ, ни популяризаторовъ, какъ Писаревъ, Чернышевскій, ни пропагандистовъ, какъ Герценъ, ни агитаторовъ, какъ Бакунинъ и все, что̀ есть у насъ, это только такіе агитаторы, какъ Каракозовъ и Нечаевъ,—замѣна, отъ которой не поздоровится никакому обществу». Дѣло не въ томъ, что г. Стронинъ здѣсь не совсѣмъ вѣрно констатируетъ факты: гг. Соловьевъ, Костомаровъ, какъ ученые, стоятъ не ниже Грановскаго; г. Сѣченовъ и нѣкоторые другіе съ честью поддержи-

ваютъ знамя русской науки; Каракозова никогда никто агитаторомъ считать не могъ; музыкальное наше развитіе по мнѣнію многихъ не кончается, а только начинается; живописцы у насъ, говорятъ, есть почище Брюллова; г. Тургеневъ остается такимъ же талантливымъ беллетристомъ и т. п. Дѣло не въ томъ также, что самый пріемъ г. Стронина—измѣреніе оскудѣнія при помощи переклички—совершенно неудовлетворителенъ. Дѣло только въ томъ, что фактъ, на который хотѣлъ указать г. Стронинъ, не подлежитъ сомнѣнію. Какъ объяснить его? Г. Стронинъ дѣлаетъ это яко бы научнымъ манеромъ, даже съ чертежами, изображающими полукругъ и нѣкоторую волнообразную линію: на каждой восходящей волнѣ сдѣлана надпись: «акція», а на нисходящей: «реакція». Къ этому прибавлена еще стрѣлка, указывающая, что эти волны куда-то подвигаются (стр. 164, 168). Здѣсь и объясненіе все. За «акціей» должна слѣдовать «реакція». Это неизбѣжно. Ждать или желать чего-нибудь иного, говоритъ г. Стронинъ, значитъ ждать или желать постоянной ѣды безъ промежутковъ, нужныхъ для пищеваренія. Мысль эта многократно развивается г. Стронинымъ, но она собственно вся тутъ, равно какъ и все объясненіе. За то у г. Стронина много пророчествъ. Заявивъ, что русская интеллигенція нынѣ исчерпывается Каракозовымъ и Нечаевымъ (даже страшно становится), г. Стронинъ продолжаетъ: «Но за то же обратите вашъ взоръ на число выростающихъ у насъ сельскихъ и городскихъ банковъ, на количество возникающихъ потребительныхъ обществъ, на всѣ наши акціонерныя, страховыя и кредитныя общества, компаніи и товарищества и наконецъ въ особенности на эту внезапно укрывшую нашу почву сѣть желѣзныхъ дорогъ, на рельсы, протянувшіеся на десятки тысячъ верстъ, тогда какъ еще десять лѣтъ назадъ ихъ не было и одной тысячи—и вы увидите, что общество живетъ, но только живетъ экономической, а не политической жизнью» (Намъ пріятно привести слова графа Л. Н. Толстого, которыми онъ въ упомянутой выше статьѣ отвѣчалъ на подобную же тираду: «все это прекрасно, чувствительно; но для кого это выгодно?»). Изъ

этого, равно какъ и изъ общаго закона акцій и реакцій, г. Стронинъ заключаетъ: «Ко времени непосредственно слѣдующаго царствованія и поколѣнія начнетъ ослабѣвать экономическая жизнь и будетъ продолжаться только вяло, отдыхая и собираясь съ новыми силами и капиталами. Жизнь политическая, правительственная, отдохнувъ къ тому времени, воспрянетъ; но воспрянетъ въ томъ только отношеніи, въ которомъ дѣйствительно отдохнула, т.-е. въ политикѣ внѣшней, а не внутренней, въ войнѣ, а не въ мирѣ. И наконецъ наиболѣе отдохнувшая интеллигенція наиболѣе всего и воспрянетъ съ новою силою и энергіей. Будущее поколѣніе обѣщаетъ намъ одинъ изъ пышнѣйшихъ разцвѣтовъ нашей интеллигенціи» (414). Одно изъ этихъ предсказаній г. Стронинъ развиваетъ далѣе и утверждаетъ, что если не въ слѣдующемъ поколѣніи, когда «правительственная дѣятельность воспрянетъ въ войнѣ», то все-таки скоро Россія завоюетъ Европу, всю безъ остатка, такъ что и на сѣмена не оставитъ! Мы не остановимся въ своихъ завоеваніяхъ, «пока развѣ не дойдемъ до Атлантическаго океана; тутъ только конецъ, тутъ только дальше идти некуда» (386). Дѣйствительно, тутъ ужъ только и остается, что камень на шею, да въ воду.

А хорошо быть ученымъ; все-то онъ знаетъ, все предвидитъ, ко всему готовъ. Г. Стронинъ даже вотъ что знаетъ. Онъ раздѣляетъ наше дворянство на «европейскую аристократію», не только сочувствующую всѣмъ благимъ реформамъ, но забѣгающую имъ впередъ, и аристократію «монгольскую», упорную и своекорыстную. Такъ вотъ г. Стронинъ знаетъ, что «европейская аристократія наша въ Москвѣ напримѣръ относится къ монгольской въ послѣднее время, какъ 123 : 110» (344). Точность поразительная! Но болѣе всего намъ нравятся въ сочиненіи г. Стронина научныя разсужденія о «методахъ завоеванія». Въ сочиненіи «Исторія и методъ» онъ раздробилъ общественную науку что-то на очень много наукъ,—штукъ, помнится, шестьдесятъ,—въ числѣ которыхъ есть соціалистика, эрготика, междоусобное право, и проч. и проч. Теперь онъ повидимому каждую изъ этихъ наукъ хочетъ не только опредѣлить, а и построить.

Построилъ онъ «политику, какъ науку» и обѣщаетъ идти дальше. И навѣрное пойдетъ, пока развѣ въ Атлантическій океанъ не упрется. Пріятно будетъ ознакомиться напримѣръ съ междоусобнымъ правомъ, въ которое, чего добраго, войдетъ ученый трактатъ о «методахъ грабежа, разбоя и воровства со взломомъ».

Говоря безъ шутокъ, мы не обратили бы никакого вниманія на новое произведеніе г. Стронина, еслибы значеніе измышленій этого писателя не раздувалось такой распространенной газетой, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», и еслибы образъ мыслей г. Стронина не гармонировалъ такъ съ общимъ настроеніемъ литературы. Продуктъ современной литературы долженъ имѣть прежде всего степенный, ученый видъ,—произведенія г. Стронина удовлетворяютъ этому требованію. Продуктъ современной литературы долженъ ерзать около текущихъ вопросовъ, ничего однако не объясняя,—произведенія г. Стронина удовлетворяютъ и этому. Рѣчь идетъ напримѣръ о жалкомъ состояніи теперешней литературы. Представьте себѣ двухъ фланеровъ, которые собственно ни малѣйше литературой не интересуются, но наложили на себя обязанность быть au courant. Встрѣчаются они на Невскомъ проспектѣ.—Отчего это, mon cher, прежде Пироговъ, Грановскій, а теперь никакого творчества?—Ты забылъ, mon cher, что за акціей всегда должна слѣдовать реакція. И фланеры расходятся, вполнѣ удовлетворенные, но единственно потому, что ничто въ нихъ и не подлежало удовлетворенію. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ живой человѣкъ, интересующійся дѣломъ, принимающій въ немъ участіе, желающій вліять на его ходъ,—развѣ онъ можетъ удовлетвориться этими акціями и реакціями? Между тѣмъ современная литература удовлетворяется.

Въ послѣднее время у насъ появилось не мало сочиненій по соціологіи, т.-е. не по той или другой отрасли нравственно-политическихъ наукъ, а обнимающихъ всѣ или многія отправленія общества. Въ Европѣ такихъ сочиненій появляется разумѣется гораздо больше, но тамъ они очень разнообразны по своимъ принципамъ и методамъ. Тамъ можно встрѣтить трактаты объ обществѣ и съ богословской, и съ метафизической, и

съ научной точки зрѣнія. У насъ этого нѣтъ. Г. Стронинъ (Исторія и методъ, Политика, какъ наука), г. Жуковскій, г. Глинка (Наука о человѣческомъ обществѣ), г. П. Л. (Мысли о соціальной наукѣ будущаго*) и проч., начинаютъ свои трактаты непремѣнно заявленіями о положительности, научности ихъ точекъ зрѣнія и методовъ, о вѣрѣ въ законосообразность явленій соціальной жизни, неподчиненность послѣднихъ ничьему произволу и проч. Нельзя не порадоваться этому явленію въ принципѣ. Оно свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые фазисы развитія, черезъ которые должна была проходить европейская мысль, чтобы напослѣдокъ убѣдиться въ ихъ несостоятельности, могутъ быть обойдены нами. А это даетъ надежду, что и въ практической жизни мы, благодаря своему позднему выходу на поле цивилизаціи, можемъ избѣжать многихъ ошибокъ, за которыя Европа платилась и платится кровью и вѣковыми страданіями. Но festina lente! Предполагая посвятить особый этюдъ спеціально-русскимъ соціологамъ, мы замѣтимъ теперь только слѣдующее. Что общество повинуется въ своемъ развитіи извѣстнымъ законамъ, — это несомнѣнно, но не менѣе несомнѣнно присущее человѣку *сознаніе свободнаго выбора дѣятельности.*

Изъ этихъ двухъ несомнѣнностей возникаетъ противорѣчіе, разрѣшенія котораго здѣсь отъ насъ не требуется, и мы замѣтимъ только, что въ разныя времена въ общемъ сознаніи преобладаетъ то одна, то другая изъ этихъ половинъ истины. Нынѣ у насъ господствуетъ убѣжденіе въ непреложности законовъ общественнаго движенія и состоянія. И это совершенно соотвѣтствуетъ теперешнему общему настроенію нашего общества и литературы. Возможность и даже обязанность плыть по теченію, только формулируя его, а не подвергая нравственной оцѣнкѣ, малый запросъ на силу воли и ясность идеаловъ и большой спросъ на

*) Писателя этого не должно смѣшивать съ подписывающимся иногда тѣми же буквами авторомъ «Исторіи физико-математическихъ наукъ» и многочисленныхъ философскихъ статей.

покорность ходу вещей; невѣріе въ собственныя силы,—вотъ что сопряжено съ одностороннимъ примѣненіемъ идеи законосообразности къ явленіямъ общественной жизни. Нетрудно видѣть, что все это какъ разъ приходится по мѣркѣ современному обществу. Нельзя постоянно принимать пищу, говоритъ г. Стронинъ, нужны промежутки для перевариванія ея; точно также невозможна вѣчная «акція», нужны и реакціи; мы попали въ моментъ реакціи и прати противу рожна не слѣдуетъ и нельзя. Аналогія подведена очень осязательная: въ самомъ дѣлѣ нельзя же вѣчно ѣсть. А между тѣмъ выводъ утѣшителенъ: онъ снимаетъ отвѣтственность со всякаго бездѣльника и фигляра за его бездѣльничанье и фиглярство. Я ничего не дѣлаю, не вѣрю въ занимаемое мною въ обществѣ мѣсто, надуваю, ворую, для меня нѣтъ ничего святаго и формула моей жизни исчерпывается щедринскимъ словомъ: «жрать»! Но за меня законъ акцій и реакцій. Вините въ моемъ существованіи Бога; вините фатумъ, мойру, исторію, но меня оставьте жрать, пока мнѣ жрется. Наступитъ время новой «акціи» и посмотрите какъ я воспряну, какихъ я подвиговъ надѣлаю: я пройду побѣдоносно всю Европу и зачерпну кирасирской каской воды изъ Атлантическаго океана. Вамъ не нравится мой методъ грабежа, разбоя и воровства со взломомъ? Но таковъ ужь будетъ характеръ акціи, и опять-таки вините въ немъ кого хотите, кромѣ меня. Я не имѣю понятія о причинахъ паденія и торжества народовъ, я и не хочу въ нихъ вдумываться. Законы исторической жизни всегда безошибочно укажутъ мнѣ истину: гдѣ сила, тамъ и право, побѣдитель выше побѣжденнаго. Ни думать, ни отвѣчать за что либо, ни работать надъ чѣмъ-нибудь, ни стремиться куда бы то ни было — незачѣмъ; все, что должно быть, будетъ, чего не должно быть — не будетъ. Завидное положеніе! Но, о вы, почтенные соціологи, что же мнѣ дѣлать, если мнѣ глубоко противно черпать кирасирской каской воду изъ Атлантическаго океана? если нѣтъ такого метода грабежа, разбоя и воровства со взломомъ, который не возмущалъ бы меня? если мнѣ хочется чего-нибудь, кромѣ жратвы? Если вы мнѣ не можете

отвѣтить, то объясните мнѣ по крайней-мѣрѣ мое существованіе, грызущаго меня червяка. — Соціологи ухмыляются. Это пройдетъ, снисходительно говорятъ они. — Боги науки! Неужели пройдетъ? — Пройдетъ, пройдетъ, надо только приспособиться къ условіямъ существованія вообще и къ требованіямъ науки въ частности. — Я глубоко уважаю науку. Я ее до такой степени уважаю, что покажите мнѣ истину и, я увѣренъ, я паду предъ ней ницъ, не сумѣю противиться ей, еслибы и желалъ.—Мы вамъ покажемъ истину, спокойно - величаво отвѣчаютъ соціологи и начинаютъ показывать...

Но я съ изумленіемъ вижу, что мнѣ показываютъ не истину, а фокусы. Выходитъ на эстраду г. Жуковскій и, презрительно оглядывая публику, говоритъ: я вамъ все это сейчасъ математическимъ методомъ обработаю. Начинается обработка, но публика видитъ, что ей просто переводятъ старыя истины на математическій языкъ. Это очень ловкій фокусъ, требующій и терпѣнія и искусства, но это все - таки не истина, а фокусъ; такой же фокусъ, какъ переводъ былинъ съ народнаго языка на языкъ образованныхъ классовъ, какъ написаніе повѣсти на древне-новомъ языкѣ, какъ «Конецъ Чертопханова». Я не вижу не только истины, но не понимаю, зачѣмъ понадобился переводъ старыхъ истинъ на математическій языкъ, зачѣмъ переводъ былинъ, зачѣмъ нужна повѣсть на невѣроподобномъ языкѣ, зачѣмъ наконецъ понадобился Конецъ Чертопханова. Я развлекаюсь, это правда, но вѣдь только развлекаюсь. При этомъ я пораженъ тѣмъ, что у развлекающаго меня фокусника хватаетъ духу писать напримѣръ слѣдующее: «Само собою разумѣется, что относительно точнаго метода Контъ вообще повторилъ только то, что было высказываемо гораздо ранѣе его и съ бо́льшимъ смысломъ со временъ Бэкона, что книга его по ея содержанію вмѣсто положительной философіи точнѣе должна быть названа книгой «положительной философіи для однѣхъ наукъ и не положительной для другихъ». Но она все-таки носила заманчивое, хотя и невѣрное заглавіе положительной философіи; далѣе, она была написана языкомъ популярнымъ и представляла цѣльное

обозрѣніе системы знанія. Все это дѣлало ее цѣнной для философовъ и популяризаторовъ третьей руки, имѣющихъ обыкновеніе ограничивать свое философское образованіе одной какой-либо книгой. Все это еще дѣлало ее цѣнной для свѣтскихъ людей, нашедшихъ въ ней руководство, въ которомъ философія была низведена на степень гостиннаго чтенія» («Кэри и его теорія», «Вѣстникъ Европы», октябрь). Мнѣ странно, что забавляющій меня фокусникъ такъ великолѣпенъ. При этомъ онъ дѣлаетъ фокусъ, невходящій въ программу сеанса. Притомъ же фокусъ этотъ крайне грубъ, ибо всякій прочитавшій хотя одну страницу Конта знаетъ, что популярнаго языка и гостиннаго чтенія тамъ съ собаками не отыщешь. Изъ чего слѣдуетъ заключить что г. Жуковскій, для вящшей послѣдовательности въ своемъ презрѣніи къ популярному языку и гостинному чтенію, не читалъ Конта. Какъ ни странно это заключеніе, но къ нему можно подойти еще съ одной стороны. Статья г. Жуковскаго представляетъ изложеніе и комментарій книги Кэри «Руководство къ соціальной наукѣ». Въ книгѣ этой Кэри предается между прочимъ совершенно неосновательной и мѣстами просто дикой критикѣ Конта. Онъ Конта просто не понялъ, а г. Жуковскій положилъ это непониманіе въ основаніе своего хитромудраго приговора. Мы увѣрены, что еслибы г. Жуковскій читалъ самого Конта, онъ бы его понялъ лучше Кэри. Но, скажутъ можетъ быть, понять Конта не такая ужь хитрость, чтобы ее не могъ одолѣть такой замѣчательный писатель, какъ Кэри. Вѣдь, какъ свидѣтельствуетъ г. Жуковскій въ той же статьѣ, «изъ всей массы экономистовъ, являвшихся въ такомъ изобиліи въ теченіе первой половины текущаго столѣтія, Кэри представляется однимъ изъ немногихъ заслуживающихъ упоминанія. Самъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не достигаетъ математической простоты и ясности Рикардо и часто является поверхностнымъ и парадоксальнымъ, но его въ то же время выдвигаетъ изъ ряда своеобразность и оригинальность воззрѣнія на извѣстныя существенныя стороны экономическаго вопроса. Въ этомъ отношеніи Кэри пришелъ все-таки не съ пустыми руками

въ науку и обратилъ вниманіе на такія существенныя вещи, на которыя до него не было обращено надлежащаго вниманія». Дѣйствительно, нынѣ г. Жуковскій весьма благосклоненъ къ Кэри. Но я вспоминаю одну очень хорошую статью того же г. Жуковскаго въ «Современникѣ»: «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ». Статья эта пестрѣетъ фразами: «Кэри не понялъ», «Кэри не сознавалъ», «Кэри не понималъ» и проч. Есть въ ней также слѣдующее замѣчаніе: «Система Кэри, какъ можно догадываться, была встрѣчена не безъ живого сочувствія французскими экономистами въ трудахъ Бастіа и пользуется до сихъ поръ популярностью въ кругу рутинныхъ писателей. У насъ ей также былъ отданъ почетъ, болѣе впрочемъ по простотѣ, чѣмъ сознательно, г. Бунге. Не такъ отнесся къ ней Дж.-Ст. Милль. Онъ просто посмѣялся надъ ней». И такъ Кэри пожалуй могъ и не понять Конта, ибо могъ же онъ обратиться изъ вождя рутинныхъ писателей въ писателя своеобразнаго и оригинальнаго; изъ человѣка, надъ которымъ резонно смѣются, въ человѣка, котораго резонно уважаютъ. Мнѣ любопытно только знать, причемъ тутъ русская литература, которая прежде, въ лицѣ г. Бунге, «отдавала системѣ Кэри почетъ болѣе по простотѣ, чѣмъ сознательно», а нынѣ, въ лицѣ г. Жуковскаго, отдаетъ ей почетъ вѣроятно болѣе сознательно, чѣмъ по простотѣ. Или мы можетъ быть во исполненіе мечтаній Руссо возвращаемся къ первобытной простотѣ?

Г. Жуковскій, снисходительно кивнувъ головой въ отвѣтъ на аплодисменты, удаляется съ эстрады. Его мѣсто заступаетъ г. Стронинъ. Слышится вступленіе: сейчасъ я вамъ, милостивые государи и государыни, покажу соціалистику, соціологію, эрготику, пальятику, прагматику, исторіологію, пѳѳсологію, эвидентику, аттентику, обсерватику, и все это мы обработаемъ аналогическимъ методомъ. Начинается... Боже, что́ это начинается!

«Всякое возможное общество, идя снизу вверхъ, непремѣнно сужается, такъ что оканчивается наконецъ вершиною, состоящею изъ одной индивидуальности. Другими словами, строеніе обще-

ства есть чисто пирамидальное» (Политика, какъ наука, 13). Идутъ доказательства историческія: консулы, императоры, суффеты, архонты-эпонимы и проч. Далѣе идутъ доказательства отъ разума, наименѣе занятныя. Наконецъ занятнѣйшія доказательства отъ аналогики.

«Связь движенія и пирамидальности коренится еще глубже, чѣмъ въ природѣ человѣка: она коренится въ природѣ животныхъ и даже во всей мертвой, неорганической природѣ. Въ этой послѣдней напримѣръ для удобнѣйшаго разсѣченія пробѣгаемой среды по закону механики требуется, чтобы тѣло было обращено въ сторону движенія наименьшею своею поверхностью. А чтобы сообщить ему наиболѣе завостренную поверхность, геометрія не знаетъ для этого никакой иной фигуры, кромѣ пирамидальной: только благодаря этой послѣдней формѣ и обращенію ея въ сторону движенія вершиной своей, свободно разсѣкаетъ свой воздухъ движущаяся въ немъ стрѣла, свободно разсѣкаетъ свою жидкость движущійся въ ней корабль, свободно разсѣкаетъ свое дерево движущійся въ немъ клинъ. Благодаря тому же самому построенію совершается перемѣщеніе и въ зоологическомъ царствѣ. Мы не знаемъ ни одной группы животныхъ, перемѣщеніе коей совершалось бы при иномъ построеніи, чѣмъ болѣе или менѣе трехугольное. Всякая стая перелетныхъ птицъ, всякое стадо, всякій рой летитъ впередъ не иначе, какъ построившись трехугольникомъ и обратившись въ сторону движенія вершиной его, то-есть маткой, вожатымъ, передовымъ... Другая причина того же факта есть статическая, а не динамическая. Безъ широкаго и неподвижнаго основанія внизу нѣтъ, по законамъ физики, устойчивости предмета» и т. д.

Вамъ надоѣдаетъ, вы улавливаете мысль автора и убѣждаетесь, что если мы къ Атлантическому океану пойдемъ, то непремѣнно клиномъ, что если мы попрочнѣе стоять захотимъ, то непремѣнно нужно широкое и неподвижное основаніе. Вы хотите чего-нибудь другаго; можно и другаго, чего хочешь, того просишь. Напримѣръ вы желаете знать: «такъ ли будетъ и всегда, какъ было до сихъ поръ и какъ есть теперь? не можетъ ли вся эта организація (пирамидальная-то) перевернуться современемъ вверхъ дномъ» (24). Для отвѣта на этотъ вопросъ г. Стронинъ обращается къ аналогіи общества съ отдѣльнымъ организмомъ. Въ результатѣ естественно оказывается, что «мы имѣемъ полное право утверждать, что притязаніе извергнуть изъ общественнаго тѣла торговлю, какъ тунеядство, или аристократію, какъ не-

производительное сословіе, есть то-же что и притязаніе выбросить изъ человѣка сосудистую систему, мозгъ, сердце, и все это для того, чтобы онъ сталъ счастливѣе! Отчего бы не выбросить послѣ этого пропагандистовъ, которые также только суются между производителями и потребителями идей?» Какое остроуміе, какая сила, какая ѣдкость! И все это сопровождается величавыми заявленіями столь свойственными нашимъ соціологамъ, что, дескать, если вы не способны внимать холодному голосу науки, если вы неприготовлены къ точнымъ пріемамъ науки, такъ можете не читать дальше.

Публика, для развлеченія которой продѣлываются всѣ эти фокусы, начинаетъ утомляться и говоритъ:

Почтенный соціологъ и политикъ, какъ ученый! Вы можете прекратить свое представленіе. Спускайте занавѣсъ. Я уразумѣлъ секретъ вашихъ фокусовъ, я знаю откуда берутся у васъ эти безчисленные аршины лентъ, которые вы вытаскиваете яко бы у себя изо рта, знаю куда дѣвается горящая пакля, которую вы будто бы глотаете, знаю гдѣ искать тѣхъ пятіалтынныхъ, которые исчезаютъ изъ вашихъ рукъ. Угодно вамъ доказательства? Я все это сейчасъ самъ продѣлаю. Я, при помощи вашихъ же пріемовъ, построю новую политику, какъ науку, которая вывернетъ вашу политику на изнанку. Клянусь честью, я это могу сдѣлать. Но такъ-какъ это было бы слишкомъ непроизводительнымъ и скучнымъ времяпровожденіемъ, то я вамъ покажу свою силу и знакомство съ фокусами иначе. Я возьму первую попавшуюся мнѣ аналогію и буду ее уснащать и развивать, не думая куда она меня приведетъ. Я возьму напримѣръ параллель между сочинителемъ ученыхъ трактатовъ и беременной женщиной. Я буду имѣть при этомъ чрезвычайно серьезную, строгую и величавую физіономію. Порывшись въ физіологическихъ, медицинскихъ и психологическихъ книжкахъ, я обставлю параллель ученымъ аппаратомъ. Затѣмъ я налягу на нѣкоторыя частности параллели, въ родѣ момента зарожденія ребенка и трактата, или потугъ, которыми сопровождается актъ появленія на свѣтъ того или другого. Я приложу чертежи и рисунки. Я поищу при-

мѣровъ сочиненій, которыя обдумывались или писались ровно девять мѣсяцевъ, а не найду, такъ выдумаю. Я обращу вниманіе на то обстоятельство, что новорожденный появляется на свѣтъ божій или головой впередъ или той частью тѣла, которая находится пониже спины, и примѣню это къ ученымъ трактатамъ. Въ концѣ концовъ я докажу, какъ дважды два четыре, что во времена «акцій» ученые трактаты лѣзутъ впередъ головой, а во времена «реакцій» тою частью тѣла, которая находится пониже спины... Въ какія времена написанъ вашъ трактатъ, достопочтенный соціологъ? Et voilà ou va se nicher la science... Фокусники!

VI.

Декабрь 1872.

«Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи» г. Беллярминова.—Переливающая оффиціальная благонамѣренность.—«Матеріализмъ, наука и христіанство».—Кадка меду и нѣсколько ложекъ дегтю.—Книга Навиля «Отецъ небесный». — Соціальный организмъ. — Къ вопросу о реальномъ образованіи. — Естественныя науки, какъ орудіе «скотоподобія». — Г. Стронинъ и великороссы.

Науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ. Если вы юноша, читатель, возьмите «Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи», составленный г. Беллярминовымъ, и вы найдете тамъ питаніе. Если вы старецъ, опять-таки берите тотъ же курсъ и ищите отрады. Конечно вы и въ другихъ книжкахъ можете найти отраду и питаніе, но мы особенно рекомендуемъ вамъ книгу г. Беллярминова. Вопервыхъ она обнимаетъ собою курсъ III и IV классовъ гражданскихъ гимназій. Вовторыхъ на дняхъ вышло уже второе изданіе ея, «исправленное и дополненное»; значитъ по этой книжкѣ много учатся. Втретьихъ на оберткѣ курса г. Беллярминова значится: «Одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ и уѣздныхъ училищахъ, *пред-*

почтительно (жирный шрифтъ въ подлинникѣ) предъ другими учебниками той же категоріи»; значитъ книга съ рекомендаціей. Вчетвертыхъ издана книга фирмой «Н. Фену и комп.», спеціально посвятившей свою дѣятельность педагогическимъ цѣлямъ; это тоже вѣдь рекомендація. Впятыхъ на оберткѣ книги напечатано: «С.-Петербургъ 1873», хотя вышла она въ половинѣ ноября 1872; значитъ это нѣкоторымъ образомъ наука будущаго. Вшестыхъ вы получаете въ курсѣ г. Беллярминова всю всеобщую и русскую исторію отъ «потомковъ Ноя» до «Освобожденія Европы Александромъ I» на пространствѣ двѣнадцати листовъ разгонистой печати и платите за такое концентрированное, сгущенное удовольствіе всего одинъ рубль серебромъ. Вседьмыхъ... Но кажется и этихъ резоновъ совершенно достаточно для того, чтобы искать питанія и отрады именно въ курсѣ г. Беллярминова. Съ этою надеждою и мы взялись за книгу и случайно развернули ее на стр. 37, на которой нашли слѣдующій разсказъ:

«Пришедши однажды въ пниксъ и узнавъ, что причиною происходившаго тамъ шума была раздача денегъ, Алкивіадъ проталкивается сквозь толпу и самъ начинаетъ разбрасывать деньги. Когда обрадованный народъ сталъ привѣтствовать Алкивіада криками и рукоплесканіями, у него улетѣлъ перепелъ, котораго по обычаю богатыхъ того времени онъ носилъ на рукѣ, и толпа съ неистовыми криками бросилась за птицею. Поймавшій ее аѳинянинъ Антіохъ сдѣлался любимцемъ Алкивіада».

Какой однако подробный, полный курсъ, подумали мы, прочитавъ этотъ разсказъ; мало того полный, роскошный. Въ прежнія времена такихъ учебниковъ не было. Порадовавшись этому обстоятельству, мы развернули книгу въ другомъ мѣстѣ и прочли слѣдующее: «Надменные двумя побѣдами нѣмцы вступили въ бой съ неистовымъ крикомъ: «пруссаки не даютъ пощады!» Русскіе отвѣчали: «и мы тоже!» и твердо встрѣтили непріятеля» (145). Это мѣсто намъ очень понравилось, и не только потому, что оно свидѣтельствуетъ все о той же полнотѣ учебника. Хороша конечно и полнота, но эпизодъ пріятенъ самъ по себѣ. Пруссаки, говорятъ, нынѣче хлопочутъ о распространеніи знанія русскаго языка въ арміи. Съ другой стороны желательно конечно, чтобы

на всякій случай и русская армія была нѣсколько знакома съ нѣмецкимъ языкомъ. Но, благодаря изслѣдованіямъ г. Беллярминова оказывается, что еще въ прошломъ столѣтіи, именно въ сраженіи при Цорндорфѣ, русскіе и пруссаки отлично понимали другъ друга. Неизвѣстно только, пруссаки ли кричали порусски: «пруссаки не даютъ пощады»! или русскіе солдаты орали «und wir auch»! Во всякомъ случаѣ это такая любопытная историческая подробность, что уже за одно указаніе ея нельзя не благодарить г. Беллярминова. Повертываемъ еще нѣсколько страницъ.

«Грекъ, слуга европейскаго консула, Георгій покупалъ для своего господина яйца у одной турчанки, имѣвшей взрослую дочь. Случалось, что за отсутствіемъ матери продавала яйца дочь. Сосѣднимъ турчанкамъ стало завидно, что слуга покупаетъ яйца у вдовы, а не у нихъ, и онѣ сговорились наказать его за такое предпочтеніе. Разъ Георгій пришелъ къ вдовѣ и не засталъ ее дома; турчанки тотчасъ сбѣжались и начали кричать, что Георгій обѣщалъ потурчиться и жениться на дочери вдовы. На шумъ явилось множество мусульманъ, которые схватили юношу, повели къ судьѣ и стали обвинять (?) его въ томъ же, въ чемъ обвиняли (?) его и турчанки. Юноша рѣзко отрекся отъ приписываемаго ему намѣренія и обличалъ клеветниковъ. Желая успѣть въ своемъ замыслѣ, турки по обыкновенію прибѣгли къ льстивымъ обѣщаніямъ награды, почестей, и когда эти средства не удались, приступили къ пыткамъ. Георгій былъ твердъ» (160) и т. д.

Юноша пребылъ твердъ до конца и турки его разстрѣляли Подробность изложенія этого эпизода тѣмъ удивительнѣе, что изъ него, кромѣ смерти юноши Георгія, конечно достойнаго сочувствія, ничего не проистекло. Voilà comme on écrit l'histoire! воскликнули мы, преисполненные и духовною пищею и отрадой. Говорятъ, что французскіе учебники временъ второй имперіи много способствовали пораженію французовъ, такъ-какъ результатомъ обученія по нимъ было круглое невѣжество. Но мы очевидно въ случаѣ надобности прокричимъ свое: und wir auch! столь же побѣдоносно, какъ въ сраженіи при Цорндорфѣ, когда наша армія впервые заговорила на нѣмецкомъ языкѣ. Наши учебники не то что наполеоновскіе; масса свѣдѣній, даваемыхъ ими, изумительна. Und wir auch!

Одно только показалось намъ страннымъ въ учебникѣ г.

Беллярминова. Помѣстить на двѣнадцати листахъ разгонистой печати исторію событій отъ Ноя до Александра Благословеннаго включительно,—это, какъ хотите, задача въ родѣ квадратуры круга. А тѣмъ паче, если этотъ удивительный пирогъ начиненъ въ такомъ количествѣ яйцами, юношами Георгіями, перепелами Алкивіада и т. п. Какъ ухитрился г. Беллярминовъ?

Недоумѣнія наши почти разрѣшились, когда мы прочли въ курсѣ г. Беллярминова разсказъ о французской революціи. Вотъ онъ отъ слова до слова.

«*Республика во Франціи.* Въ то время какъ Россія къ концу 18 вѣка достигла большаго могущества, во Франціи произошло народное движеніе, которое повлекло за собой общеевропейскую войну. При Людовикѣ XV, находившемся подъ вліяніемъ своекорыстныхъ совѣтниковъ, къ общественнымъ язвамъ, внѣдрившимся во Франціи еще въ предыдущее царствованіе, присоединились новыя: между нисшимъ и высшимъ сословіями возникла сильная рознь; отъ излишества во всемъ и праздности высшее сословіе впало въ безвѣріе и дошло до крайней испорченности нравовъ, нисшее же отъ крайней бѣдности коснѣло въ глубокомъ невѣжествѣ и грубомъ суевѣріи. Своею заботливостью о нуждахъ народа Людовикъ XVI, напоминавшій французамъ Генриха IV, хотѣлъ преобразованіями исцѣлить Францію отъ ея недуговъ, но не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, потерялъ силу *и былъ низложенъ.* Между лицами, захватившими во Франціи власть, образовалось много партій, которыя страшно враждовали между собою. Побѣда одной партіи надъ другой сопровождалась избіеніемъ всѣхъ ея противниковъ въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ. Особенно же много было пролито крови, когда восторжествовала партія якобинцевъ, провозгласившая республику и распоряжавшаяся невѣжественною чернью. Непрерывными казнями повергнувъ Францію въ ужасъ (терроръ), эта партія запретила исповѣданіе христіанской религіи и ввела поклоненіе «разуму», сопровождавшееся разными безчинными обрядами. Во время такихъ безпорядковъ во Франціи возвысился Наполеонъ Бонапартъ» (170—171).

Пожелали мы затѣмъ познакомиться съ исторіей Пугачевскаго бунта, и тутъ передъ нами выяснился секретъ г. Беллярминова. О Пугачевѣ у него нѣтъ *ни слова*. Понятно, что трактуя вышепредставленнымъ образомъ о французской революціи и вовсе не трактуя о такихъ немаловажныхъ событіяхъ, какъ пугачевщина, можно на пространствѣ отъ Ноя до Александра

Благословеннаго удѣлить довольно много мѣста яйцамъ и перепеламъ. Такимъ образомъ эта сторона дѣла вполнѣ объясняется. Но возникаетъ вопросъ: зачѣмъ г. Беллярминову понадобилось молчать о Пугачевѣ, сводить разсказъ о французской революціи къ размѣрамъ, гораздо меньшимъ размѣровъ разсказа о юношѣ Георгіѣ, и облыжно утверждать предъ лицомъ юношества, что Людовикъ XVI «низложенъ», когда онъ казненъ? Изъ самаго дѣла ясно видно, что г. Беллярминовъ согрѣшилъ въ умолчаніи и во лжи единственно изъ оффиціальной благонамѣренности. Оставимъ въ сторонѣ умолчаніе и непропорціональность разсказовъ,—ихъ пожалуй можно объяснить, съ натяжками разумѣется, и такъ и иначе. Возьмемъ только облыжное показаніе относительно Людовика XVI. Г. Беллярминовъ очевидно пожертвовалъ и репутаціей правдиваго писателя, и уваженіемъ учениковъ, если онъ педагогъ практикъ. Все это онъ предалъ пламени на жертвенникѣ оффиціальной благонамѣренности. Но оффиціальная благонамѣренность есть, какъ и многое на свѣтѣ, оружіе обоюдоострое, и бѣда имѣть разумъ не по рвенію. Г. Беллярминовъ написалъ сочиненіе въ сущности самое неблагонамѣренное. Низложивъ Людовика XVI, онъ избѣгъ обязанности объяснить несчастія Франціи казнью короля. Онъ неблагонамѣренно смягчилъ краски революціи. На его историческихъ вѣсахъ перепелъ Алкивіада оказался тяжеле головы Людовика XVI, а вопросъ о цѣлости имперіи, которой грозила пугачевщина, — менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ объ яйцахъ, купленныхъ юношей Георгіемъ у вдовы-турчанки, имѣющей взрослую дочь. Вотъ до чего доводитъ неблагоразумное обращеніе съ оффиціальною благонамѣренностью. Но на этомъ не останавливаются пагубныя послѣдствія неосторожности поведенія г. Беллярминова. Разсказъ о низложеніи Людовика XVI входитъ въ курсъ IV класса гимназій, значитъ предназначается для мальчиковъ 13—14 лѣтъ. Такіе мальчики легко могутъ на сторонѣ услышать правдивый разсказъ объ участи короля и не только потерять довѣріе и уваженіе къ учителю, но, заинтересовавшись скрываемымъ отъ нихъ плодомъ, получить объ его значеніи совершенно неправильное

и совершенно не благонамѣренное понятіе. Избранный г. Беллярминовымъ способъ писанія историческихъ учебниковъ можетъ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, только компрометировать прибѣгающихъ къ нему. Къ счатью нынѣ уже довольно рѣдко пускается въ ходъ этотъ методъ до такой степени въ раздѣтомъ состояніи, и учебникъ г. Беллярминова есть своего рода драгоцѣнный перлъ. Прискорбно только, что этотъ перлъ, вѣроятно благодаря рекомендаціи, выходитъ уже вторымъ изданіемъ и притомъ, какъ видно изъ указателя по дѣламъ печачи (№ 6), въ количествѣ *5,000* экземпляровъ.

Какъ ни мало поворотливо наше общество, въ немъ, думаемъ мы, должно зашевелиться чувство совершенно справедливаго негодованія за такую безцеремонную, безцѣльную или по крайней мѣрѣ недостигающую своей цѣли подтасовку историческихъ фактовъ. Этого тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать, что и у насъ наконецъ зарождаются попытки правильнаго отношенія къ разнымъ *измамъ*. Г. Беллярминову слѣдовало бы подумать хоть напримѣръ объ образѣ дѣйствія редакціи сборника «Матеріализмъ, наука и христіанство». Это примѣръ, вполнѣ достойный подражанія. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ издаются сочиненія, большею частью переводныя, но отчасти и оригинальныя, имѣющія цѣлью борьбу съ матеріалистическими антихристіанскими идеями. Въ заявленіяхъ отъ редакціи говорится, что «издатель, которому принадлежитъ и самая мысль изданія, желаетъ сохранить свое имя въ неизвѣстности». Редакторомъ же сборника состоитъ протоіерей Іоаннъ Заркевичъ. До сихъ поръ изданы: Навиля «Отецъ небесный», Жанэ — «Современный матеріализмъ въ Германіи», «Мозгъ и мысль», Фабри—«Письма противъ матеріализма», Ульрици — «Тѣло и душа», Люка—«Выводы естествознанія по отношенію къ основнымъ началамъ религіи», Шипкина—«Апологетическія бесѣды о лицѣ Іисуса Христа», Бенера — «Библія природы», Каро — «Матеріализмъ и наука», Маньяна—«Міръ и первобытный человѣкъ», г. В. Попова — «Современное естествознательное ученіе о происхожденіи вселенной». Сборникъ, какъ видите,

ведется дѣятельно и притомъ небезуспѣшно, такъ какъ нѣкоторыя сочиненія вышли уже вторымъ изданіемъ. Переведены означенныя сочиненія, вообще говоря, хорошо, изданы тоже хорошо, стоятъ сравнительно дешево. Но выше всѣхъ этихъ достоинствъ стоятъ намѣренія редакціи сборника. Редакція желаетъ противопоставить «невѣрію нашихъ дней» не богословскія сочиненія, которыя, стоя на совершенно спеціальной почвѣ, не могутъ спуститься до почвы «невѣрія», а мнѣнія «людей науки въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова». Спеціально богословскихъ сочиненій въ сборникѣ нѣтъ вовсе, а есть сочиненія по естествознанію, по философіи, по исторической критикѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже не задаются какими бы то ни было полемическими цѣлями. Такъ напримѣръ книга Бенера есть просто популярная энциклопедія естественныхъ наукъ, а книга Ульрици — руководство къ психологіи. Но для насъ интереснѣе сочиненія полемическія. Мысль сборника какъ нельзя болѣе удачна. Дѣйствительно, подтасовка фактовъ, умолчанія и запрещенія еще никогда не приводили къ благимъ результатамъ, тогда какъ свободное и научное обсужденіе явленій жизни по необходимости ведетъ къ торжеству истины и къ прекращенію заблужденій. Добросовѣстное и всестороннее изслѣдованіе въ концѣ-концовъ укажетъ, гдѣ истина и гдѣ заблужденіе. И это единственный путь не только къ раскрытію истины, но и къ торжеству справедливости, ибо противники борятся здѣсь равнымъ оружіемъ.

Такую-то кадку меду изображаетъ изъ себя сборникъ «Матеріализмъ, наука и христіанство». Къ сожалѣнію въ эту кадку пущено нѣсколько ложекъ дегтю. И первая ложка есть сама редакція сборника. Она пересаливаетъ въ своемъ благочестіи въ своемъ родѣ не меньше, чѣмъ г. Беллярминовъ въ своей оффиціальной благонамѣренности. Въ дѣлѣ этомъ ей значительно помогаетъ духовная цензура. Напримѣръ въ книгѣ Навиля «Небесный отецъ» рѣчь идетъ о неправовѣрныхъ мнѣніяхъ Авзоніо Франчи. Навиль пишетъ, что итальянецъ этотъ между прочимъ учитъ, что «всякое изслѣдованіе о началѣ вещей—чистая мечта;

слѣдовательно намъ надо ограничиваться опытомъ настоящей жизни и ничего не искать за ея предѣлами». Затѣмъ Навиль по силѣ-возможности опровергаетъ и порицаетъ это мнѣніе. Кажется бы довольно. Духовный цензоръ счелъ однако нужнымъ сдѣлать къ приведеннымъ словамъ Авзоніо Франчи краткую, но энергическую выноску: «Это скотоподобно!!» (85). Сильно конечно сказано, но нѣсколько излишне. Бываетъ однако и еще излишнѣе. На стр. 88-й Навиль пишетъ: «Всѣ произведенія антирелигіозной философіи имѣютъ одну и ту же основную мысль, общую секуляризму англичанъ, раціонализму итальянцевъ, позитивизму французовъ и даже сродную высокопарнымъ формуламъ ученія Гегеля. Вотъ эта, *скотамъ* свойственная мысль «съ насъ достаточно одной земли и не нужно неба; человѣкъ можетъ обходиться самъ собой и не нужно ему Бога; съ насъ достаточно дѣйствительности и не нужно намъ химеръ!»—Кажется, чего лучше? *скоты* есть въ текстѣ, но энергическій цензоръ опять-таки дѣлаетъ выноску и припечатываетъ: «Это философія скотовъ». Редакція сборника выражается не столь сильно, но все-таки часто безпокоится безъ малѣйшей надобности. Напримѣръ тотъ же Навиль, обсуждая чье-то еретическое мнѣніе, иронически замѣчаетъ: «Я съ благоговѣніемъ записываю такое мнѣніе». Иронія этихъ словъ очевидна для всякаго, читающаго не по складамъ. Но благочестивая редакція торопится заявить: «Такія выраженія употребляются только для того, чтобы ярче обрисовать нелѣпость разбираемыхъ умствованій». Навиль говоритъ: «Отвергните Бога»—и произойдутъ такія-то и такія-то гибельныя послѣдствія. Кажется ясно въ чемъ дѣло, но редакція считаетъ нужнымъ пояснить: «Это только ораторскій пріемъ; но да сохранитъ Богъ всякаго отъ осуществленія на дѣлѣ столь ужаснаго предположенія». Иногда (напримѣръ, на стр. 138) попадаются даже двухэтажныя выноски: замѣчаетъ безъ всякой надобности редакція, и тутъ же то же самое другими словами замѣчаетъ цензоръ. Это довольно крупная ложка дегтю, потому что она вопервыхъ ставитъ редакцію въ смѣшное положеніе, а во вторыхъ нѣсколько парализируетъ задачу изданія. Въ

самомъ дѣлѣ, сказать: скотоподобно!! значитъ выразиться почти не членораздѣльными звуками, а вовсе не бороться съ невѣріемъ при помощи науки. Къ сожалѣнію редакція и при помощи завѣдомо членораздѣльныхъ звуковъ поступаетъ иногда подобно г. Беллярминову. Такъ напримѣръ въ брошюрѣ Жанэ «Нравственное единство человѣческаго рода» говорится между прочимъ, что буддизмъ, будучи старше христіанства, не могъ отъ него ничѣмъ заимствоваться. Редакція замѣчаетъ: «Слѣды высокаго нравственнаго ученія въ буддизмѣ и въ другихъ религіяхъ востока удобнѣе объясняются знакомствомъ и соприкосновенностью съ христіанствомъ, а не самостоятельнымъ развитіемъ этихъ ученій. Предметъ этотъ еще весьма поверхностно обслѣдованъ наукой и заключенія на этотъ счетъ нѣкоторыхъ писателей отзываются крайнею поспѣшностью или отражаютъ вліяніе предвзятыхъ мнѣній». Редакція здѣсь изъ благочестія отрицаетъ фактъ, признаваемый наукою вообще и книгою высокопоставленнаго русскаго духовнаго лица, архіепископа Нила въ частности.

Вторая ложка дегтю состоитъ въ томъ, что Жанэ, Каро и т. п. суть безъ сомнѣнія люди образованные, но вовсе не «люди науки въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова». Не только потому, что ими не представлена ни одна сколько нибудь замѣчательная научная работа, но и потому, что духъ ихъ сочиненій вовсе не наученъ. Мы однако не будемъ останавливаться на этомъ обстоятельствѣ и перейдемъ къ третьей ложкѣ дегтю. Съ кѣмъ собственно борется редакція сборника «Матеріализмъ, наука и христіанство»? Редакція утверждаетъ, что «религіозныя заблужденія въ послѣднее время разными путями проникли и въ наше общество». Мы вѣримъ этому, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ увѣрены, что огромное большинство читателей сборника изъ него впервые знакомится съ подлинными, хотя и отрывочными мнѣніями Файербаха, Штрауса и т. п. Такимъ образомъ нарушается правило audiatur et altera pars, составляющее основу всесторонняго и свободнаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сборникъ въ значительной степени утрачиваетъ свой raison d'être. Далѣе, орудія, пускаемыя въ ходъ редакціей, всѣ эти

Шипопны, Жанэ и проч. ничего не сдѣлали въ Европѣ, никого не заставили обратиться на путь истины. Но допустимъ, что это орудія въ своемъ мѣстѣ совершенно пригодныя, смертоносныя. Слѣдуетъ ли изъ этого, что они пригодны у насъ? Прежде всего всѣ эти Навили и Жанэ сами суть маловѣры и вольнодумцы, зараженные тѣмъ самымъ ядомъ, противъ котораго они борятся. Протоіерею Іоанну Заркевичу, какъ человѣку православному, то и дѣло приходится уличать этихъ господъ въ неправовѣріи. Напримѣръ Меньянъ (Міръ и первобытный человѣкъ по ученію библіи) желаетъ согласовать новѣйшія естественно-научныя теоріи съ показаніями библіи. Конечно безъ уступокъ невѣрію этого сдѣлать нельзя. И протоіерей Іоаннъ Заркевичъ съ своей точки зрѣнія совершенно справедливо замѣчаетъ, что теоріи теоріями, а «не нужно забывать, что гдѣ дѣйствуетъ всемогущество, тамъ не можетъ быть стѣснѣній, замедляющихъ ходъ дѣлъ при обыкновенномъ положеніи вещей» (34); что «всемогущество Божіе, силою котораго созданъ міръ, не имѣло надобности въ продолжительныхъ періодахъ времени; по слову Божію все могло явиться и въ одно мгновеніе» (40). По мнѣнію Меньяна, «послѣдняя степень безумія, грубый способъ извращенія разсказа Моисеева и всей библіи—буквально принимать метафоры, которыми восточный языкъ всегда такъ былъ обиленъ» (35). Онъ находитъ, что незачѣмъ экзегету «предполагать чудо, когда и второстепенныхъ причинъ достаточно для объясненія факта» (40). На этомъ основаніи онъ считаетъ себя вправѣ принять, что библейскіе шесть дней творенія представляютъ только метафору и что міръ сотворенъ не 6000 лѣтъ тому назадъ. На это редакція сборника возражаетъ: «Православная церковь принимаетъ дни творенія въ общеупотребительномъ смыслѣ» (88). И далѣе: «Лѣтосчисленіе, основанное на хронологическихъ данныхъ, заключающихся въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта, книгахъ, представляющихъ самые первые, а потому и самые древнѣйшіе источники Божественнаго откровенія, имѣетъ на своей сторонѣ много такихъ основаній, которыхъ вовсе не представляетъ лѣтосчислнеіе, предлагаемое геологіей и

основанное только на болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадкахъ и предположеніяхъ» (121).

Изо всего этого видно, что прекрасныя намѣренія редакціи и издателя сборника не осуществились и не могли осуществиться. Всѣ вошедшія въ сборникъ апологетическія, эгзегетическія и полемическія сочиненія такъ или иначе бьютъ мимо цѣли. Европейскій человѣкъ пишетъ трактаты, имѣющіе цѣлью согласовать библейское повѣствованіе о сотвореніи міра съ новѣйшими теоріями свѣта, геологическими открытіями и т. д., доказать, что между христіанскими вѣрованіями и наукою нѣтъ противорѣчія. Редакція «Матеріализма, науки и христіанства» переводитъ эти трактаты, уснащая ихъ частными примѣчаніями: «это ужь слишкомъ либерально», «этого слишкомъ мало» и проч. Но редакція при этомъ забываетъ, что ея главный аргументъ херитъ самый принципъ всѣхъ изданныхъ ею сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, если «гдѣ дѣйствуетъ всемогущество, тамъ не можетъ быть стѣснѣній, замедляющихъ ходъ дѣлъ при обыкновенномъ положеніи вещей»; если это такъ, то зачѣмъ же было огородъ городить и зачѣмъ было капусту садить?

Есть однако въ нѣкоторыхъ изъ вошедшихъ въ составъ сборника сочиненій одна струя, на которую мы желали бы обратить вниманіе читателя. Рѣзче всего эта струя выражена въ упомянутой уже книгѣ Навиля «Отецъ небесный». Рѣчь идетъ объ индифферентизмѣ. Навиль приводитъ слѣдующія слова Тэна и, кажется, какого-то другаго французскаго писателя: «Я не чувствую ни отвращенія, ни омерзѣнія; я оставилъ эти чувства за порогомъ исторіи и вкушаю глубокое и чистое наслажденіе при видѣ того, что душа дѣйствуетъ по опредѣленному закону». «Мы уже болѣе незнакомы съ нравственностью, съ принципами, а только съ нравами и фактами. Мы все объясняемъ и, какъ сказано, умъ кончаетъ одобреніемъ всего того, что объясняетъ. Современная добродѣтель выражается словомъ терпимость». «То что есть, имѣетъ право быть». «Все истинно, все хорошо на своемъ мѣстѣ; мѣсто каждаго предмета составляетъ его истинность». «Мы не преобразовываемъ міръ по своему образу, под-

водя его подъ нашу мѣрку, а напротивъ предоставляемъ ему измѣнять и преобразовывать насъ». Вотъ по мнѣнію Навиля яркое и полное выраженіе современнаго направленія мысли. Но, говоритъ Навиль, міръ великъ, исторія длинна, и какъ бы ни была велика наша жажда любознательности и созерцанія фактовъ, все увидѣть и все узнать нельзя. Спрашивается, на чемъ остановится жадный взоръ человѣка, отринувшаго всякія правила поведенія и нравственнаго суда? Очевидно на явленіи, наиболѣе яркомъ и блестящемъ,—на успѣхѣ. Въ 1829 году Кузенъ говорилъ въ одной изъ своихъ лекцій: «Я оправдалъ побѣду, какъ дѣло необходимое и полезное; теперь я намѣренъ оправдать ее, какъ дѣло справедливое въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно въ успѣхѣ видятъ только торжество силы, и мы питаемъ похвальное сочувствіе къ побѣжденнымъ. Я доказалъ, что такъ-какъ всегда долженъ быть побѣжденный, а побѣжденнымъ всегда бываетъ тотъ, кто долженъ быть имъ, то обвинять побѣдителя значитъ вооружаться противъ человѣчества и сѣтовать на прогрессъ цивилизаціи. Но слѣдуетъ идти далѣе и доказать, что побѣжденный заслужилъ быть имъ и что побѣдитель не только служитъ цивилизаціи, но что онъ и лучше, и нравственнѣе побѣжденнаго, а потому-то и побѣдилъ... Пора философіи исторіи повергнуть филантропическія разглагольствованія къ стопамъ побѣдителя!» Навиль совершенно справедливо замѣчаетъ, что этотъ анализъ не полонъ, что если его провести дальше, то окажется, что побѣда, успѣхъ, съ этой точки зрѣнія все-таки не представляетъ достаточно яснаго нравственнаго пункта. Если побѣда x надъ y есть дѣло хорошее, полезное и справедливое, то хорошо, полезно и справедливо и необходимѣйшее условіе этой побѣды,—положеніе y. Такимъ образомъ мы все-таки остаемся безъ взякаго руководящаго начала.

Навиль крайне негодуетъ противъ такого настроенія современной мысли, а упомянутый уже энергическій духовный цензоръ, архимандритъ Фотій, по обыкновенію замѣчаетъ съ своей стороны, что это взглядъ «скотоподобный». Съ благословенія

духовнаго лица рѣшаемся и мы употребить это крѣпкое слово. Да, это взглядъ скотоподобный. Но онъ не исключительно свойственъ ни нашему времени, ни той точкѣ зрѣнія, которую имѣетъ въ виду Навиль. Онъ возможенъ и на той почвѣ, на которой стоитъ самъ Навиль и редакція «Матеріализма, христіанства и науки», возможенъ и на почвѣ метафизики Кузена, возможенъ и на почвѣ науки. Практически и для Навиля остается только созерцать ходъ вещей, искать перста провидѣнія въ яркихъ и блестящихъ явленіяхъ въ родѣ успѣха и побѣды, признавать, что то, что́ есть, имѣетъ право быть, что все хорошо на своемъ мѣстѣ и т. д. Дѣйствительно, возьмемъ напримѣръ слѣдующія слова самого Навиля: «Какъ свято человѣческое общество, когда, подъ верховнымъ наблюденіемъ общаго Отца, неравенство въ жизни переносится съ терпѣніемъ и смягчается любовью, когда богатый и бѣдный при взаимной встрѣчѣ помнятъ, что оба они—созданія Вѣчнаго, когда надежда безсмертія услаждаетъ бѣдствія настоящей жизни и сознаніе человѣческаго достоинства даетъ понять настоящую цѣну скоропреходящему неравенству въ жизни» (56). Не отрицая благочестія этихъ словъ, нетрудно однако видѣть, что Навиль грѣшитъ здѣсь тѣмъ-же грѣхомъ, въ которомъ уличаетъ Кузена, Тэна и проч. Кузеновское возвеличеніе побѣды, не имъ самимъ сочиненное, а заимствованное у Гегеля, составляетъ другой видъ возведенія факта въ перлъ созданія. Этотъ видъ рѣзко отличается отъ перваго по своимъ теоретическимъ посылкамъ, по своимъ пріемамъ и исходнымъ точкамъ, но въ практическомъ отношеніи они совпадаютъ.

Однако Кузеновскіе пріемы доказательствъ очевидно не составляютъ принадлежности нашихъ дней. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ наше время польстится на эти дутые силлогизмы: въ борьбѣ всегда долженъ быть побѣжденный; побѣжденнымъ всегда бываетъ тотъ, кто долженъ быть имъ; ergo побѣдитель лучше побѣжденнаго. Зачѣмъ намъ это переливаніе изъ пустаго въ порожнее, когда цвѣтъ и краса современной мысли — естественныя науки берутся привести насъ къ тѣмъ-же результатамъ, но

путемъ гораздо болѣе солиднымъ и удовлетворяющимъ современнымъ понятіямъ о достоинствѣ изслѣдованія. Положеніе: то, что есть, имѣетъ право быть,—несмотря на свою безсодержательность, до такой степени соблазнительно ясно, что къ нему приходили представители всевозможныхъ философскихъ школъ. Матеріалисты, идеалисты, спиритуалисты, супранатуралисты, реалисты, позитивисты,—всѣ тамъ были, въ этомъ cercle vicieux обожествленія факта въ силу того, что онъ фактъ. Приглядываясь къ исторіи мысли всѣхъ временъ и народовъ, можно придти къ чрезвычайно горькому заключенію относительно общественнаго значенія науки и литературы. Нельзя конечно сказать, чтобы наука и литература всегда стремились оправдать фактъ во что бы то ни стало. Нельзя вопервыхъ потому, что въ огромномъ числѣ случаевъ такое оправданіе навѣрное не было дѣломъ преднамѣреннымъ; нельзя и потому, что существуютъ въ исторіи, хотя и немногочисленные, но тѣмъ болѣе блистательные моменты возстанія противъ факта, возстанія завѣдомо поднятаго наукой и литературой. Но вотъ положеніе, которое кажется можетъ быть принято во всемъ его объемѣ: нѣтъ ни одного вѣрованія, ни одного научнаго открытія, ни одной теоріи, которые, совершенно независимо отъ степени ихъ достоинства, не служили бы хотя нѣкоторое время орудіями оправданія факта въ силу того, что онъ фактъ. Это не есть непремѣнно вина вѣрованій, пріемовъ мысли, теоріи, открытій. Они могутъ вполнѣ соотвѣтствовать истинѣ, расширять горизонтъ нашихъ свѣдѣній, уяснять намъ ходъ и состояніе вещей, способствовать увеличенію удобствъ нашей жизни и проч. и въ то же время способствовать слѣпому оправданію извѣстнаго разряда фактовъ и слѣдовательно въ той или другой области, въ той или другой мѣрѣ тормозить историческое движеніе. Въ этомъ явленіи есть нѣчто какъ бы роковое. Мы не будемъ говорить о старыхъ способахъ оправданія факта, какъ таковаго. Мы посмотримъ, что дѣлается и что можетъ быть сдѣлано въ этомъ направленіи при помощи естественныхъ наукъ, отъ которыхъ, какъ показали недавнія пререканія о классическомъ и

реальномъ образованіи, большинство нашего образованнаго общества ждетъ всякихъ благъ.

Когда г. Кавелинъ въ своемъ потерпѣвшемъ такое полное фіаско изслѣдованіи доказывалъ, что съ исчезновеніемъ идеи свободы воли долженъ глубоко пасть нравственный характеръ человѣка, онъ былъ недалекъ отъ истины, выраженной у Милля слѣдующимъ образомъ: «Ученіе о свободной волѣ, имѣя въ виду именно ту часть истины, которую слово *необходимость* скрываетъ изъ виду, именно способность души содѣйствовать образованію нашего собственнаго характера, дало своимъ приверженцамъ практическое чувство, гораздо болѣе близкое къ истинѣ, чѣмъ то, которое вообще существовало въ душахъ нецессаріанцевъ. Послѣдніе можетъ быть тверже сознавали важность того, что люди могутъ сдѣлать для образованія характеровъ другъ у друга; но ученіе о свободной волѣ, я думаю, питало въ своихъ послѣдователяхъ болѣе крѣпкій духъ самообразованія» (Система логики, II, 413). Сведенный къ такимъ размѣрамъ, тезисъ г. Кавелина могъ бы быть признанъ безспорнымъ. Но это разумѣется не даетъ ему права обратнаго дѣйствія; если разоблаченіе ложной идеи ведетъ за собой тѣ или другія невыгодныя практическія послѣдствія, то надо думать не о возстановленіи ея, а о компенсаціи этихъ послѣдствій. Дѣло однако не въ этомъ. Во всей необъятной области явленій, подвѣдомственныхъ естествознанію въ тѣсномъ смыслѣ слова, нѣтъ элемента, соотвѣтствующаго тому, что Милль называетъ «способностью души содѣйствовать образованію характера». Способность эта начинаетъ дѣйствовать только въ человѣкѣ, и простѣйшая изъ наукъ, имѣющихъ съ нею дѣло, есть психологія, наука явленій уже весьма сложныхъ. Почтенный авторъ статьи «Г. Кавелинъ, какъ психологъ» указалъ, какъ должны относиться къ этой способности психологія съ одной стороны и этика съ другой. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что вопросъ о произвольности не существуетъ для науки; что психологія неизбѣжно разсуждаетъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ отрицательно, а логика и этика столь-же неизбѣжно разсуждаютъ, какъ бы онъ былъ

рѣшенъ положительно. Небогатая русская философская литература должна быть весьма благодарна автору за рѣзкую, прямую постановку вопроса и столь-же рѣзкую и ясную формулировку отвѣта на него. Мы напомнимъ читателю, что тѣ-же мысли, кромѣ статей, напечатанныхъ въ Отечественныхъ Запискахъ, выражены въ статьѣ г. П. Л. «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе» (Современное Обозрѣніе, № 5), въ «Историческихъ письмахъ» П. Л. Миртова, въ статьяхъ г. П. М-ва «Научныя основы исторіи цивилизаціи», «Очерки систематическаго знанія» въ журналѣ Знаніе за нынѣшній годъ. Мы твердо увѣрены, что какъ бы кто ни смотрѣлъ на занимающій насъ вопросъ, всякій признаетъ въ перечисленныхъ статьяхъ ясность постановки и рѣшенія его. Мы лично видимъ здѣсь не только ясно выраженное, а и единственное правильное разрѣшеніе вопроса и слѣдовательно вдвойнѣ цѣнимъ труды автора. Замѣтимъ однако, что этого рода изслѣдованія, какъ бы ни было ясно и удовлетворительно въ литературномъ смыслѣ ихъ изложеніе, требуютъ извѣстной привычки къ отвлеченному мышленію, которою обладаютъ далеко не многіе. Мы увѣрены, что найдется не мало людей, которые будутъ протестовать противъ двойственнаго рѣшенія, предложеннаго нашимъ авторомъ. Они скажутъ, что рѣшать одинъ и тотъ-же вопросъ различно въ различныхъ областяхъ мысли, незаконно. Та «антропологическая» точка зрѣнія, съ которой исчезаетъ это противорѣчіе и которой по нашему глубокому убѣжденію предстоитъ блестящая будущность, въ настоящее время еще далеко не вошла не только въ общее сознаніе, а и въ сознаніе людей наиболѣе мыслящихъ. Примѣръ на лицо—г. Кавелинъ. Нашъ авторъ блистательно доказалъ, что пресловутый вопросъ о свободѣ воли и необходимости не имѣетъ того дилемматическаго характера, который ему обыкновенно приписывается и который поглотилъ столько умственныхъ усилій. Г. Кавелинъ теперь можетъ быть также убѣдился въ этомъ. Но его «Задачи психологіи» могутъ представить типическій образецъ обычныхъ разсужденій объ этомъ предметѣ. Такъ разсуждаетъ большинство. Разница только въ томъ, что нынѣ вошло въ обык-

новеніе не необходимость приносить въ жертву свободѣ, какъ это дѣлаетъ г. Кавелинъ, а наоборотъ свободу закалать на алтарѣ желѣзной необходимости. Отсюда это отреченіе отъ нравственнаго суда; эта похвальба индифферентизмомъ; это преклоненіе передъ фактомъ; эти заявленія: мы не хотимъ преобразовывать міръ, мы предоставляемъ ему преобразовывать насъ или: мы не знаемъ нравственности, мы знаемъ только нравы; однимъ словомъ, выражаясь слогомъ архимандрита Фотія, все это «скотоподобіе». Нетрудно видѣть, какимъ образомъ естественныя науки могутъ стать орудіемъ этого скотоподобія. Онѣ имѣютъ дѣло съ областью, гдѣ деспотически царствуетъ принципъ желѣзной необходимости, гдѣ фактъ и не нуждается ни въ какомъ оправданіи, — до такой степени очевидна его законность въ физическомъ смыслѣ слова. Понятно, что умъ, привыкшій къ исключительнымъ занятіямъ въ этой области, склоненъ къ перенесенію добытыхъ въ ней воззрѣній и во всѣ другія сферы мысли. Само собою разумѣется, что естественныя науки въ этомъ ни малѣйше невиноваты, но тѣмъ не менѣе дѣло такъ дѣлается. И если для изслѣдователя есть хотя бы малѣйшая выгода въ существованіи того или другаго факта, то пріемы естествознанія всегда готовы къ его услугамъ. Нѣтъ даже надобности, чтобы выгода эта преслѣдовалась совершенно сознательно. Общественное положеніе человѣка всегда подсказываетъ ему рѣшеніе, выгодное если не прямо для него лично, то для той соціальной группы, которой онъ состоитъ членомъ. Неудивительно, что въ недавнемъ спорѣ сторонники классическаго образованія не выдвинули этихъ соображеній: всѣ они принадлежали къ числу людей, нисколько не претендующихъ противъ возвеличенія факта. Но едва-ли наши реалисты вполнѣ и всесторонне понимали значеніе защищаемой ими системы образованія. Мы къ этому еще вернемся, а теперь взглянемъ на нѣкоторые частные случаи.

Особенную гордость современныхъ писателей объ обществѣ составляетъ органическая теорія, идея соціальнаго организма. Изъ статьи г. М-ва «Соціологи - позитивисты» (Знаніе, № 5)

видно, что нѣкоторые члены «соціологическаго общества», основаннаго въ Парижѣ Литтре, Вырубовымъ и ихъ единомышленниками, требовали, чтобы идея эта была положена въ основаніе всѣхъ работъ общества. У насъ ее усердно жуютъ гг. Стронины, П. Л. и т. п. Достойно однако вниманія, что ни одинъ изъ этихъ господъ не пытается представить генеалогіи своей теоріи. Между тѣмъ такое указаніе удовлетворяло бы требованіямъ добросовѣстности и было бы вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезно. Оно свидѣтельствовало бы о томъ, что гг. Стронины, П. Л. и авторы нѣкоторыхъ журнальныхъ статей, будучи знакомы съ литературой своего предмета, не желаютъ приписывать себѣ чести открытія Америки, которая давнымъ давно открыта. Полезно было бы также знать, кто именно и какими путями открылъ Америку въ первый разъ. Это было бы извѣстной рекомендаціей, хорошей или дурной, для самаго открытія. Оказалось бы слѣдующее. Юристы, ища основаній для своей науки, давно уже набрели на органическую теорію, на идею соціальнаго организма. Цѣлая школа юристовъ, козломъ отпущенія которой состоитъ Блунчли, еще въ первой половинѣ нашего столѣтія развивала эту идею съ тщательностью, ни въ чемъ не уступающею усердію современныхъ ея сторонниковъ. Мало того. По словамъ Плутарха, одинъ старый шутъ патриціи, краснобай и бонъ-виванъ Мененій-Агриппа предвосхитилъ эту идею даже у Блунчли. Шекспиръ воспользовался этимъ разсказомъ въ «Коріоланѣ». Когда плебеи волнуются противъ сената и въ особенности противъ Коріолана, Мененій-Агриппа разсказываетъ имъ слѣдующую сказку:

Разъ какъ-то противъ живота возстали
Другіе члены тѣла, въ обвиненье
Ему сказавши, что животъ одинъ
Сидитъ безъ дѣла посреди ихъ всѣхъ,
Набившись пищей, въ лѣности позорной,
Труда незная вовсе, между тѣмъ
Какъ всѣ другіе члены смотрятъ, ходятъ,
Соображаютъ, слушаютъ и вмѣстѣ

Всѣмъ человѣкомъ правятъ...

. . . . . .

Съ презрительной улыбкой
Онъ отвѣчалъ взволнованнымъ безумцамъ,
Которые завидуя тому,
Что онъ всегда былъ полонъ, на него
Кричали такъ, какъ вы теперь кричите
Противъ отцовъ сената...

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Что-же могъ
Отвѣтить онъ и бдительному глазу,
И головѣ подъ царственнымъ вѣнцомъ,
Рукѣ-бойцу и языку-герольду,
И сердцу вѣщему, ногамъ, носящимъ насъ,
И всѣмъ другимъ помощникамъ и членамъ?...

МЕНЕНІЙ.

Замѣть, мой другъ, что важный тогъ животъ
Спокоенъ былъ при бѣшеномъ волненьи
Своихъ враговъ. Онъ имъ отвѣтилъ такъ:
„Друзья, вы правы въ томъ, что поглощаю
Изъ васъ я первый общую намъ пищу;
Но есть тому причина—тѣло все
Живетъ моимъ запасомъ. Не забудьте,
Что пищу ту я шлю вамъ вмѣстѣ съ кровью,
Что черезъ нее и мозгъ и сердце живы,
Что отъ меня вся сила человѣка,
Что жилы всѣ мельчайшія его
Черезъ меня свою имѣютъ долю!
Итакъ друзья-сочлены, хоть всегда
Мои дары приходятъ къ вамъ незримо,
Но вспомните, что мною вамъ дается
Отъ пищи лучшій цвѣтъ, и что ее
Не для себя я берегу“...

. . . . . .

Животъ разумный—это нашъ сенатъ,
Вы-жъ—члены непокорные! По правдѣ
Вы оцѣните всѣ его работы,
Подумайте объ общемъ нашемъ дѣлѣ,

И вы поймете, что отъ старшей власти,
Что не отъ насъ зависитъ благо края!
Вы поняли? (*1-му гражданину*)
Что скажешь мнѣ теперь,
Ты, палецъ отъ ноги?

Въ этой хитроумной притчѣ заключается вся суть, вся соль и вся мораль органической теоріи общества. Правда, Мененій-Агриппа зналъ, что ему нужно «какой нибудь заплатой пестрой бѣду поправить» и такъ и смотрѣлъ на свои адвокатскіе выверты; а современные соціологи держатся относительно теоріи римскаго бонъ-вивана болѣе высокаго мнѣнія. Правда, Мененій. Агриппа зналъ, что онъ «переступалъ границы и слишкомъ заносился вдаль, какъ шаръ, когда его толкнутъ съ крутаго спуска»; а современные соціологи полагаютъ, что они предаются нелѣпымъ разсужденіямъ съ должною умѣренностью. Но эти различія не касаются самой теоріи. И такъ, не продолжая своихъ изслѣдованій, мы можемъ указать, какъ на предковъ модной соціологической теоріи, на рядъ нѣмецкихъ юристовъ и на прихвостня Коріолана Менения-Агриппу. Мы принимаемъ черты генеалогіи идеи соціальнаго организма такъ, какъ намъ ее рекомендуютъ ея современные сторонники. А рекомендуютъ они ее намъ какъ приложеніе біологіи къ соціологіи. Естественныя науки здѣсь въ существѣ дѣла не при чемъ, хотя нѣкоторые весьма и весьма авторитетные естествоиспытатели увлекаются соблазнительною ясностью органической теоріи. Но для насъ это все равно, такъ-какъ дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы показать, какъ естествознаніе, подобно всякому другому знанію, можетъ стать орудіемъ скотоподобія. Мененій-Агриппа говоритъ съ толпой въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ слова. Ему нужно убѣдить эту толпу, что сенатъ заботится объ ней и что Коріоланъ великій человѣкъ, хотя въ сущности и то и другое неправда. Правильными аргументами и логическими доказательствами въ такихъ обстоятельствахъ ничего не подѣлаешь. Это знаютъ адвокаты и проповѣдники всѣхъ временъ и народовъ, которымъ наичаще приходится стоять въ положеніи Менения-

Агриппы. Адвокаты и проповѣдники, имѣя въ виду, что время не терпитъ, что рѣшеніе должно во что бы то ни стало послѣдовать немедленно, стремятся оглушить, ослѣпить слушателей яркой метафорой, притчей, аналогіей. Это своего рода умственная дубина, а изъ какого матеріала будетъ сдѣлана дубина—это безразлично. Мененій-Агриппа дѣлаетъ ее изъ человѣческаго тѣла, превращаетъ сенатъ въ животъ, плебеевъ въ пальцы отъ ноги и т. д.—и дѣло въ шляпѣ: фактъ оправданъ, доказано, что то, что̀ есть, имѣетъ право быть. Нынѣ оказывается, что дубина, случайно попавшаяся подъ руку Менению, есть дубина самая научная. Примѣняется она къ дѣлу такъ. Я заявляю, что общество есть живой организмъ и что поэтому законы, дѣйствующіе въ организмѣ, дѣйствуютъ и въ обществѣ. Если меня спросятъ, почему я признаю общество организмомъ, я отвѣчу, что меня побуждаетъ къ тому сходство законовъ, дѣйствующихъ въ обществѣ и организмѣ. И хотя я впадаю такимъ образомъ въ заблужденіе, называемое въ руководствахъ логики petitio principii, т. е. доказываю два предложенія взаимно одно другимъ, что̀ совершенно непозволительно, но это не мѣшаетъ мнѣ вести дѣло дальше. Я вижу въ организмѣ руки, работающія въ тѣсномъ смыслѣ слова, добывающія пищу, строющія дома, дѣлающія сапоги и т. д. Я говорю: въ обществѣ также существуютъ и *должны* существовать люди, аналогичные рукамъ въ организмѣ, т. е. люди, строющіе для всего общества дома, дѣлающіе для него сапоги и т. д. — Я вижу въ организмѣ мозгъ, центральный органъ, заправляющій всею машиною. Я говорю: въ обществѣ такъ-же существуетъ и *долженъ* существовать мозгъ.—Я вижу въ организмѣ ноги, единственная обязанность которыхъ состоитъ въ поддержкѣ и передвиженіи тѣла. Я говорю: въ обществѣ существуетъ и *долженъ* существовать классъ людей, которые занимаются исключительно поддержкою и передвиженіемъ другихъ членовъ общества и т. д. Въ основаніи этого метода лежитъ, какъ мы видѣли, ложный кругъ, petitio principii; состоитъ онъ весь въ пріискиваніи поверхностныхъ аналогій. Но онъ имѣетъ еще то любопытное свойство,

что при помощи его можно доказывать самые противоположные тезисы. Если я напримѣръ централизаторъ, то мнѣ ничего не стоитъ поддержать свое ученіе при помощи идеи соціальнаго организма: извѣстно, что чѣмъ выше организмъ, тѣмъ онъ централизованнѣе, тѣмъ пассивнѣе его органы, взятые въ отдѣльности; слѣдовательно и общество тѣмъ развитѣе, чѣмъ сильнѣе въ немъ центральная власть. Но стоитъ только мнѣ принять за точку исхода не Россію напримѣръ, а губерніи, уѣзды, волости (чего мнѣ логика не воспрещаетъ), то я могу потребовать для этихъ единицъ полнѣйшаго самоуправленія въ силу того же самаго принципа, который привелъ меня къ убѣжденію въ достоинствѣ централизаціи. Для приложенія этого метода не требуется ни знаній, ни привычки къ отвлеченному мышленію, ни усвоенія правильныхъ логическихъ пріемовъ. Все это съ избыткомъ восполняется остроуміемъ. По Блунчли уголовное правосудіе есть пупокъ общественнаго организма. Это конечно не всякому придетъ въ голову, но за то другой можетъ сдѣлать другія, не менѣе цѣнныя открытія того же сорта. Положимъ, я не могу справиться съ пупкомъ, за то мнѣ удастся можетъ быть пріискать аналогію печени, половымъ органамъ, селезенкѣ и проч. Но самое любопытное въ этомъ методѣ есть стремленіе оправдать фактъ: изъ того, что въ обществѣ существуетъ нѣчто поверхностно аналогичное на мой взглядъ рукамъ, ногамъ и проч., я заключаю, что это такъ и должно быть. Извѣстныя историческія формы объявляются формами разумными, удовлетворяющими требованіямъ нравственности, или вѣрнѣе требованія нравственности пригибаются до фактическаго содержанія жизни данной минуты: то, что̀ есть, имѣетъ право быть, общественный организмъ ростетъ подобно всякому другому организму и нѣтъ смысла подходить къ нему съ нравственной критикой. Мы не спрашиваемъ, нравственно ли существованіе пупка, значитъ нечего подходить съ этическими требованіями и къ уголовному суду. Я устанавливаю аналогію между развитіемъ отдѣльнаго организма и развитіемъ общества. Я вижу, что въ зародышѣ организма отдѣляется въ извѣстное

время слой клѣточекъ; впослѣдствіи онъ самъ раздѣляется на два слоя—слизистый и серозный. Первый съ теченіемъ времени образуетъ систему органовъ, приготовляющихъ и поглощающихъ пищу и втягивающихъ кислородъ, изъ второго развиваются кости, нервы и мускулы. Я утверждаю, что подобнымъ же образомъ и въ обществѣ происходитъ распаденіе первоначально на два слоя, изъ которыхъ одинъ занятъ внѣшними дѣлами и исполняетъ функцію управленія цѣлымъ, а другой занимается снабженіемъ общества пищей, физическимъ трудомъ и т. д. Понятно, что въ виду этой аналогіи, которая при нѣкоторомъ стараніи можетъ быть доведена до виртуозности, мнѣ не можетъ придти въ голову произнести какой-нибудь нравственный судъ надъ устройствомъ общества. Это значило бы судить отдѣленіе слизистаго и серознаго слоя въ зародышѣ, а какъ его осудишь? И какъ легко положеніе приверженца органической теоріи. Возьмемъ напримѣръ фактъ существованія такихъ мѣновыхъ знаковъ, какъ деньги. Экономисты разныхъ школъ, основываясь на тѣхъ, на другихъ соображеніяхъ, спорятъ о значеніи денегъ. Нѣкоторые предполагаютъ возможность ихъ совершеннаго устраненія изъ общественнаго обихода. Но органистъ можетъ только съ улыбкой сожалѣнія прислушиваться къ этимъ пререканіямъ. Онъ знаетъ, что деньги можно сравнить съ кровяными шариками (это одна изъ самыхъ избитыхъ аналогій), а кровяные шарики — что же объ нихъ можно сказать, кромѣ того, что они полезны организму, существуютъ и будутъ существовать?

Очевидно, что приверженецъ идеи соціальнаго организма беретъ любую готовую, исторически сложившуюся форму общественныхъ отношеній и стремится оправдать ея существованіе, пріурочивая къ ней аналогическимъ путемъ законы органической жизни, законы, неподлежащіе суду и расправѣ. Вотъ весь секретъ органической теоріи. У насъ есть впрочемъ соціологъ, именно г. Стронинъ, который этимъ не довольствуется и въ случаѣ недохватковъ аналогіи въ органическомъ мірѣ, вторгается въ область физики, механики и химіи. Это хорошо, ибо въ глубинѣ лѣса дровъ больше, чѣмъ на опушкѣ. Кстати о г. Стронинѣ.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», этотъ козелъ отпущенія грѣховъ русской литературы, обѣщаютъ разсмотрѣть книги гг. Стронина и П. Л. «съ нѣкоторою подробностью въ фельетонѣ». Во ожиданіи этого умственнаго пиршества они преподносятъ своимъ читателямъ легкій библіографическій завтракъ, въ которомъ, между прочими рѣдкими закусками, находимъ слѣдующее: «Въ сочиненіяхъ своихъ г. Стронинъ исходитъ почти всегда изъ вѣрныхъ, непреложныхъ положеній, чтобы дойти какимъ-то невѣдомымъ путемъ до самыхъ странныхъ, самыхъ невѣроятныхъ заключеній. Главный врагъ г. Стронина—его собственная, математически-точная и стройная логика» (№ 330). Газета дѣлаетъ здѣсь величайшее философское открытіе. До сихъ поръ полагали, что логическая способность есть способность приходить къ правильнымъ заключеніямъ. Нынѣ оказывается, что человѣкъ обладающій «математически-точной и стройной логикой», именно въ силу этого печальнаго обстоятельства можетъ исковеркать «вѣрныя и непреложныя положенія» и придти «къ самымъ страннымъ, самымъ невѣроятнымъ заключеніямъ». Это открытіе проливаетъ яркій свѣтъ на судьбу газеты: бѣдняжка обладаетъ математически точной и стройной логикой, она больше ни въ чемъ не виновата. Мы держимся совершенно противоположнаго взгляда на логику г. Стронина и имѣли уже случай отдать ей справедливость. Мы говорили именно, что г. Стронинъ никогда не понимаетъ своей исходной точки, коверкаетъ свои основныя положенія до нелѣпости, но затѣмъ весьма логично, весьма послѣдовательно проводитъ эту нелѣпость до конца, до самыхъ столповъ геркулесовыхъ. Поэтому, если признать его исходную точку «вѣрнымъ и непреложнымъ положеніемъ», то надо признать и почти все остальное. Да и вообще, говоря о приверженцахъ теоріи соціальнаго организма, критикѣ незачѣмъ особенно вдаваться въ разсмотрѣніе частныхъ результатовъ изслѣдованія. Важенъ его общій тонъ, его методъ, его исходная точка.

Какова доля естественныхъ наукъ во всемъ этомъ кувырканьи? Если хотите, и очень мала и очень велика. Мала, потому что здѣсь дѣло не столько въ естественныхъ наукахъ, сколько

въ «математически-точной логикѣ», и естественныя же науки могутъ дать орудіе противъ всѣхъ этихъ фокусовъ. Велика—потому что умъ, привыкшій къ исключительному изученію явленій природы, естественно склоненъ вносить идею желѣзной необходимости, безсудности въ область этики. Конечно не у насъ надо искать яркихъ примѣровъ такой односторонности: «мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Наши промахи можно пожалуй объяснить даже незнакомствомъ съ законами природы. Но вотъ одинъ изъ ученѣйшихъ нѣмцевъ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ свѣтѣ, блестящій комментаторъ теоріи Дарвина, Эрнстъ Геккель, публично защищаетъ идею соціальнаго организма. Въ залѣ берлинскаго «союза ремесленниковъ» это свѣтило науки косвеннымъ образомъ рекомендуетъ слушателямъ примѣръ устройства не только пчелинаго или муравьинаго государства, а даже государства сифонофоръ, въ которомъ до послѣдней возможности пожрана свобода, самостоятельность и благоденствіе отдѣльныхъ членовъ. Мененій-Агриппа живъ! Здѣсь не можетъ быть разумѣется рѣчи о незнакомствѣ съ законами природы. Напротивъ грѣхъ долженъ быть приписанъ односторонности, сравнительному излишеству естественно-исторической точки зрѣнія. Однако и этого объясненія повидимому недостаточно. Все какъ-то думается, что такой сильный умъ сумѣлъ бы ориентироваться даже въ незнакомой ему области, еслибы въ дѣло не замѣшались какія-нибудь побочныя причины. Ихъ можно подсмотрѣть. Весьма и весьма ученая француженка, г-жа Ройе обращается къ образованнымъ людямъ съ патетическою рѣчью, убѣждая ихъ разъяснять при всякомъ удобномъ случаѣ волнующейся, на что-то надѣющейся толпѣ, что Мененій-Агриппа правъ. Она предлагаетъ отнять у народа библію и евангеліе, потому что книги эти посѣваютъ преувеличенныя понятія о равенствѣ всѣхъ людей. Г-жа Ройе прибѣгаетъ при этомъ подобно г. Стронину и къ пирамидальному строю общества, и къ идеѣ соціальнаго организма, но на одномъ пунктѣ рѣзко расходится съ нашимъ отечественнымъ соціологомъ. Именно то, что г. Стронинъ называетъ

«женской утопіей», она раздуваетъ до размѣровъ «царства Амазонокъ» въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. На основаніи аналогіи, притомъ гораздо болѣе удовлетворительной, чѣмъ большинсто упражненій этого рода, предполагается устройство общества на манеръ пчелинаго улья, гдѣ самки суть все, а самцы ничто. Любопытно, что Дарвинъ, желая взять, какъ онъ самъ замѣчаетъ, «крайній случай», говоритъ: «Если бы мы были воспитаны въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, какъ улейныя пчелы, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наши незамужнія женщины, подобно пчеламъ работницамъ, считали бы священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ, матери стремились бы убивать своихъ плодовитыхъ дочерей и никто не подумалъ бы протестовать противъ этого» (Происхожденіе человѣка, пер. Сѣченова I, 77). Дарвинъ беретъ «крайній случай», не думая разумѣется, чтобы онъ могъ когда-нибудь осуществиться. Г-жа Ройе однако, ратующая противъ всякихъ утопій, считаетъ возможными тѣ невѣроятныя измѣненія инстинктовъ и наклонностей, которыя необходимы для пришествія «царства Амазонокъ». Ясно въ чемъ дѣло: г-жа Ройе женщина и потому принимаетъ интересы женщинъ гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ интересы мужчинъ. Это случай исключительный, но онъ даетъ ключъ къ объясненію тѣхъ, иногда вполнѣ добросовѣстныхъ заблужденій, въ силу которыхъ и естественныя науки дѣлаются орудіемъ скотоподобія. Всѣ эти господа соціологи и біологи принадлежатъ, говоря языкомъ аналогическаго метода, къ вершинѣ общественной пирамиды. Вотъ и все.

Кромѣ идеи соціальнаго организма, есть еще одинъ пунктъ, на которомъ естествознаніе даетъ Іудинъ поцалуй соціологіи. Стоитъ только въ вышеприведенную тираду Кузена ввести слова: подборъ, борьба за существованіе,—и мы получимъ возвеличеніе побѣдителя въ силу того, что онъ побѣдитель, при помощи біологической доктрины, составляющей по справедливости славу нашего времени. Убѣжденный нѣкоторыми спеціальными работами и философскими соображеніями, сдѣланными

подъ вліяніемъ его же теоріи, Дарвинъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи сдѣлалъ въ этомъ отношеніи большія уступки. Но второстепенные дарвинисты, охотно вторгающіеся въ область соціологіи, продолжаютъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, величать побѣдителя въ силу того, что онъ побѣдитель. Русскіе соціологи не уступаютъ въ этомъ отношеніи никому.

Спрашивается, если справедливы вышеприведенныя соображенія, то въ какой мѣрѣ можетъ оправдать реальное образованіе возлагаемыя на него у насъ надежды? Само собою разумѣется, что отдѣльные примѣры здѣсь ничего не значатъ. Гегеліанская философія вскормила такихъ людей, какъ Лассаль и Марксъ, которые внесли въ общество массу идей и гораздо болѣе нравственныхъ, и гораздо болѣе научныхъ въ самомъ строгомъ смыслѣ, чѣмъ разные Іегеры и Ройе. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы метафизика Гегеля была выше даже въ спеціально-воспитательномъ смыслѣ, чѣмъ современныя естественно-научныя доктрины. Абстрактно говоря, мы ни мало не сомнѣваемся въ великихъ преимуществахъ реальнаго образованія. Вопросъ собственно объ образованіи для насъ напримѣръ лично разрѣшенъ вполнѣ Контовымъ цикломъ наукъ. Но мы живемъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Контовымъ планомъ могутъ въ настоящую минуту воспользоваться очень и очень немногіе счастливцы, изъ которыхъ вдобавокъ чего добраго выростутъ Ройе и Іегеры. И это самое главное. Дѣло въ томъ, что педагогическій вопросъ, если вы желаете его правильно разрѣшить, не долженъ быть выдѣляемъ изъ общаго соціальнаго вопроса. Если Марксъ и Лассаль дѣлаютъ изъ діалектики берлинскаго штатсъ-философа оружіе, какого самъ онъ никогда не имѣлъ въ виду, то это значитъ только, что философія Гегеля извѣстнымъ образомъ преломилась въ индивидуальностяхъ Маркса и Лассаля. Тайна этого преломленія, интересная можетъ быть въ психологическомъ отношеніи, не имѣетъ никакого спеціально-общественнаго интереса, именно потому, что здѣсь все дѣло въ личностяхъ Маркса и Лассаля. Но когда извѣстная

доктрина, извѣстный строй мысли преломляются въ *общественной средѣ* извѣстнымъ образомъ, то это фактъ соціологическій, съ которымъ необходимо вѣдаться при рѣшеніи педагогическаго вопроса. Если мы видимъ, что при данномъ устройствѣ общества всякое ученіе — реальное и идеальное—обращается въ оружіе скотоподобія и эксплуатаціи слабаго сильнымъ, то центръ тяжести педагогическаго вопроса долженъ быть передвинутъ. Практически безразлично, какими методами будетъ доказано, что то, что есть, имѣетъ право быть, что мѣсто каждаго предмета составляетъ его истинность и что побѣдитель всегда лучше побѣжденнаго. Скажутъ конечно, что помимо того естественныя науки сообщаютъ массу свѣдѣній, расширяютъ горизонтъ нашихъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ развитію техники и слѣдовательно непосредственно ведутъ къ утилизаціи матеріальныхъ и личныхъ силъ страны. Все это совершенно справедливо. Но при извѣстныхъ условіяхъ всѣ эти преимущества могутъ оказаться на сторонѣ скотоподобія. Дѣйствительно, если высшіе слои «соціальной пирамиды» вооружены только силлогизмами Кузена или Гегеля, то это еще не особенно опасные враги, тогда какъ вооруженные знаніями и техническими приспособленіями они могутъ обставить свои интересы весьма солиднымъ образомъ. Мы не говоримъ о прямыхъ злонамѣренныхъ фальсификаціяхъ въ родѣ Беллярминовской. Онѣ собственно наименѣе опасны и могутъ приводить къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые ожидаются ихъ творцами. Мы имѣемъ въ виду только добросовѣстныя заблужденія. Возьмемъ напримѣръ Геккеля или Спенсера. Это ученѣйшіе люди, вдобавокъ люди, которые въ частностяхъ не прочь щегольнуть демократизмомъ. Но они отстаиваютъ презрѣнную и притомъ ошибочную соціальную доктрину, и ученость ихъ въ этомъ направленіи служитъ только ко вреду общества. Почему они это дѣлаютъ? Потому, что ихъ положеніе въ обществѣ и ихъ обычныя занятія не даютъ имъ нужнаго въ такомъ дѣлѣ нравственнаго чутья. Чѣмъ ученѣе они, тѣмъ хуже, разъ остальныя условія остаются нетронутыми. Что касается до улучшенія техники,

то къ этому пункту слѣдуетъ приложить ту же точку зрѣнія. Какъ бы далеко ни подвинулась впередъ техника, она будетъ служить только высшему слою соціальной пирамиды, усиливать только его вооруженіе. Если въ общество, имѣющее устройство пирамидальное, вводится какая-нибудь машина, то она, будучи въ абстрактѣ великою помощницей человѣка, на дѣлѣ ляжетъ тяжелымъ гнетомъ на нижніе слои пирамиды. Этотъ рядъ фактовъ впрочемъ и достаточно извѣстенъ, и не имѣетъ прямаго отношенія къ предмету нашей бесѣды.

И такъ при рѣшеніи педагогическаго вопроса необходимо принимать въ соображеніе не только абсолютное достоинство той или другой системы образованія, но и характеръ общественнаго строя. Въ пирамидальномъ строѣ общества или пожалуй въ соціальномъ организмѣ самою яркою чертою съ соціально-педагогической точки зрѣнія является отдѣленіе знанія отъ труда. Сюда-то и должны быть направлены радіусы педагогическихъ соображеній. Все остальное имѣетъ совершенно второстепенное значеніе. Не дѣло конечно педагоговъ разсуждать о томъ, какъ заставить знающихъ трудиться; но за то главное, единственное ихъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать знаніе трудящимся. Дайте, скажемъ, горноробочему знанія горнаго инженера, дайте заводскому рабочему знанія механика или химика дайте мужику знанія сельскаго хозяина, выдавите этимъ мирнымъ путемъ посредниковъ между знаніемъ и трудомъ,—и *соціально педагогическій* вопросъ рѣшенъ. Тогда, на этой нравственно и хозяйственно расчищенной почвѣ вы можете съ чистою совѣстью возвращать реальное образованіе. Тогда, и только тогда, лучи знанія будутъ правильно преломляться въ общественной средѣ. Тогда, и только тогда, знанія перестанутъ быть орудіемъ скотоподобія.

Не предпологая писать проекта народнаго образованія и не считая себя вовсе къ этому призванными, мы ограничиваемся этими бѣглыми замѣчаніями и переходимъ къ русскимъ соціологамъ. Ихъ положеніе въ виду излюбленной ими идеи соціальнаго организма весьма любопытно и оригинально. Дѣло въ

томъ, что пока,—что дастъ Богъ впредъ, неизвѣстно,—Россія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма не пирамидальна, весьма не органична. Органическая теорія требуетъ, чтобы каждая функція, каждый видъ занятія былъ строго отдѣленъ отъ другихъ, чтобы въ обществѣ было какъ можно болѣе различныхъ и какъ можно болѣе обособленныхъ частей. Если у насъ въ Россіи и сохранились еще нѣкоторыя обособленія, которыя отжили свой вѣкъ въ Европѣ, какъ напримѣръ обособленіе податныхъ и неподатныхъ сословій, то съ другой стороны мы далеко не видимъ около себя той рѣзкости обособленій вообще, какая господствуетъ на Западѣ. Тамъ, въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, землевладѣніе, капиталъ и трудъ отдѣлены другъ отъ друга весьма рѣзко, чѣмъ органическая теорія и удовлетворена. У насъ этого нѣтъ. Подавляющее большинство населенія Россіи состоитъ изъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ. Въ Европѣ обрабатывающая промышленность вся сконцентрирована въ городахъ. У насъ огромная доля ея не отдѣлилась отъ сельской промышленности и не выходитъ изъ деревни. У насъ мужикъ, если и работаетъ на фабрикѣ, то тѣмъ не менѣе имѣетъ свой клокъ земли, къ которому и возвращается лѣтомъ и въ минуты невзгоды. Въ Европѣ этого нѣтъ, потому что и мужика тамъ настоящаго не вездѣ можно сыскать. У насъ безземельный рабочій есть исключеніе, тогда какъ въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы дѣло устроено самымъ органическимъ образомъ и такого явленія, какъ землевладѣлецъ-капиталистъ-рабочій, тамъ давно уже нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія есть страна неразвитая, бѣдная капиталами и знаніями. Въ виду всего этого возможны двѣ діаметрально противоположныя политическія программы. Можно требовать для Россіи буквальнаго повторенія исторіи Европы въ экономическомъ отношеніи: расторгнуть общину, отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность въ города, а сельскую предоставить мелкимъ или крупнымъ землевладѣльцамъ не-земледѣльцамъ. Такимъ путемъ различныя общественныя функціи благополучно обособятся. Но можно пред-

ставить себѣ и другой ходъ вещей. Можно представить себѣ поступательное развитіе тѣхъ самыхъ экономическихъ началъ, какія и теперь имѣютъ мѣсто на громадномъ пространствѣ имперіи. Это будетъ разумѣется опытъ небывалый, но вѣдь мы и находимся въ небываломъ положеніи. Мы представляемъ собою народъ, который былъ до сихъ поръ, такъ сказать, прикомандированъ къ цивилизаціи. Мы владѣемъ всѣмъ богатѣйшимъ опытомъ Европы, ея исторіей, наукой, но въ то же время сами только оцарапаны цивилизаціей. Наша цивилизація возникаетъ такъ поздно, что мы успѣли вдоволь насмотрѣться на чужую исторію и можемъ вести свою собственную вполнѣ сознательно,—преимущество, которымъ въ такой мѣрѣ ни одинъ народъ въ мірѣ до сихъ поръ не пользовался. Какъ бы то ни было, но между двумя означенными политическими программами возможны пренія. Съ той и съ другой стороны могутъ быть выставлены доводы историческіе, экономическіе, этическіе, спеціально - политическіе. Приверженцу органической теоріи общества нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до всего этого. Его дѣло — аналогія, это единственный инструментъ, на которомъ онъ умѣетъ и желаетъ играть. Инструментъ это очень простой, въ родѣ какъ органъ. Для игры на фортепьяно, на скрипкѣ и проч. нужны умѣнье, слухъ, вкусъ, талантъ, бѣглость пальцевъ, а на органѣ — знай себѣ за ручку верти, да не задумывайся. Аналогію подыскать не трудно, пожалуй и не одну. Извѣстно, что въ зародышѣ нѣтъ рѣзкаго различія между частями: все находится въ смѣшеніи. Только съ теченіемъ времени обособляются тѣ, другіе, третьи органы и ткани. Намъ, русскимъ, приходится поэтому просто ждать обезземеленія крестьянъ и всѣхъ другихъ обособленій. Они неизбѣжно наступятъ въ свое время, какъ неизбѣжно начинаетъ функціонировать въ опредѣленное время напримѣръ половой аппаратъ. Результатъ этотъ не только неизбѣженъ, а и вполнѣ желателенъ, именно потому, что онъ неизбѣженъ. Эти счастливые органисты желаютъ только того, что неизбѣжно, хотя неизбѣжное сочиняется ими самими.

Прискорбнѣе можетъ быть всего въ этомъ жонглерствѣ то об-

стоятельство, что имъ дискредитируется наука. Но не забудемъ, что химіи предшествовала алхимія, астрономіи — астрологія, медицинѣ — ученіе о сигнатурахъ. И всѣ эти предтечи дѣйствительныхъ наукъ были построены исключительно на нелѣпыхъ и совершенно произвольныхъ аналогіяхъ. Напримѣръ по ученію о сигнатурахъ *желтуха* излечивается *желтыми* цвѣтами, *кровотеченіе — кровавикомъ*, *головная* боль — маковыми *головками* и т. п. Въ основаніи этихъ рецептовъ лежатъ аналогіи, ни въ чемъ не уступающія аналогіямъ г. Стронина и комп. Одна только бѣда: алхимія, астрологія и ученіе о сигнатурахъ распространяли ложныя идеи, а органическая теорія общества распространяетъ ложныя идеи и скотоподобіе.

Мы не мало не колеблемся употреблять это слово. Нетолько потому, что имѣемъ передъ собою примѣръ архимандрита Фотія, а еще и потому, что никто изъ нашихъ соціологовъ не говоритъ прямо, что то, что̀ есть, имѣетъ *право* быть и т. п. Это надо вывести изъ ихъ теорій и слѣдовательно, говоря о «скотоподобіи», мы никому лично оскорбленій не наносимъ. Что же касается до логическихъ выводовъ изъ этихъ теорій и до самыхъ теорій, то, не зная ничего оскорбительнѣе ихъ для человѣческаго достоинства, мы незнаемъ и оскорбительныхъ словъ, которыя бы не могли быть къ нимъ приложены. Еще недавно увлеченіе естественными науками, какіе бы размѣры оно на принимало, не представляло у насъ ни малѣйшей опасности, потому что въ самомъ обществѣ было нѣчто, не дозволявшее по крайней-мѣрѣ укрѣпляться неправильнымъ преломленіямъ какой бы то ни было доктрины. Нынѣ мы находимся въ совершенно иномъ положеніи. Нынѣ и безъ всякихъ теорій съ ученымъ антуражемъ мы предоставляемъ міру преобразовывать насъ, не пытаясь преобразовывать его сами. Соотвѣтственныя доктрины попадаютъ, что называется, въ точку, но тѣмъ обязательнѣе борьба съ ними. Еще недавно идея законосообразности явленій природы и общественной жизни вызывала въ насъ совершенно не тѣ мысли, чувства и стремленія, какія проповѣдуются теперешними соціологами. Конечно еслибы господа соціологи были правы, то пришлось бы скрѣпя

сердце разстаться съ дорогими идеалами, но этого къ счастію или къ несчастію нѣтъ: господа соціологи не правы. Усиліями недавно завершившей свой кругъ литературы, идея законосообразности вошла во всеобщее сознаніе, стала азбучной истиной. Этому съ одной стороны нельзя не радоваться, но съ другой стороны она слишкомъ долго остается въ положеніи азбучной истины. Она обратилась въ догматъ толпы и ея ораторовъ, которые не умѣютъ съ нею справиться и носятся съ нею, какъ неумные люди съ писаной торбой. Въ такихъ обстоятельствахъ величайшая идея неизбѣжно получаетъ извращенный характеръ и изъ свѣтлаго маяка обращается въ повязку, накладываемую на глаза во время игры въ жмурки. Мы предлагаемъ нашимъ соціологамъ высказать свое мнѣніе вопервыхъ о вышеприведенномъ выводѣ автора статьи «Г. Кавелинъ, какъ психологъ»: психологія неизбѣжно разсуждаетъ, какъ бы вопросъ о произвольности человѣческихъ дѣйствій былъ рѣшенъ отрицательно, а логика и этика столь же неизбѣжно разсуждаютъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ положительно. Далѣе мы желали бы получить отъ нихъ прямые отвѣты на слѣдующіе вопросы: въ какой мѣрѣ устранимъ этическій элементъ, элементъ нравственнаго суда изъ различныхъ областей общественной науки? На чемъ, кромѣ аналогіи, основывается идея соціальнаго организма и пирамидальнаго строя общества? Каковы дѣйствительныя отношенія между общественнымъ и физіологическимъ раздѣленіемъ труда, помимо аналогіи? Желательно-ли само по себѣ для Россіи такое обособленіе общественныхъ функцій, въ силу котораго землевладѣніе, капиталъ и трудъ находятся въ различныхъ рукахъ? Въ какомъ отношеніи находится идея соціальнаго организма къ централизаціи и самоуправленію?

Если почтенные господа соціологи отвѣтятъ на эти вопросы вполнѣ добросовѣстно, т.-е. примутъ въ соображеніе всѣ главные pro и contra, то они окажутъ значительную услугу обществу. Плодить ученые трактаты, написанные съ аналогической точки зрѣнія, весьма удобно: въ одномъ можно сравнить общество съ пирамидой, въ другомъ — съ кубомъ, потомъ съ шаромъ, съ

октаэдромъ, съ цилиндромъ, съ организмомъ, съ ухватомъ, съ кочергой, съ колесомъ и проч., и проч., и проч. Отвѣтить на поставленные вопросы къ сожалѣнію труднѣе, но едва-ли не плодотворнѣе. Оставимъ метафоры и притчи поэтамъ, адвокатамъ, проповѣдникамъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ. Прибѣгать къ метафорѣ въ рѣчи или письмѣ значитъ просто украшать ихъ или облегчать логическій процессъ образными представленіями. Строить на метафорѣ науку значитъ морочить людей. До какой степени аналогисты не брезгливы въ выборѣ своихъ аргументовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Г. Стронинъ считаетъ великороссіянъ новымъ народомъ Израиля, которому самой природой предназначено управлять міромъ. Будучи великороссомъ, я съ ужасомъ думаю объ роли, предназначаемой такимъ образомъ моему народу. Я знаю, что послѣ того народа, которымъ управляетъ другой народъ, самый несчастный есть тотъ, который управляетъ другимъ народомъ. Но если это неизбѣжно, то конечно дѣлать нечего. Я вспоминаю однако, что чуть не у всѣхъ народовъ были и есть пророки, предсказывающіе имъ будущность, принадлежащую, по г. Стронину, великороссамъ. У Пруссіи есть и теперь такіе провидцы, у Франціи были очень недавно, австрійскіе провидцы сочинили даже извѣстный фокусъ изъ пяти гласныхъ латинской азбуки A. E. I. O. U. (Austriae est imperare omni universo). Значитъ еще можетъ быть чаша сія и минуетъ нашъ не воинственный народъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и свойство аргументовъ нашего пророка, которые не далеко ушли отъ фокусовъ австрійскихъ патріотовъ. Напримѣръ г. Стронинъ обращаетъ вниманіе на частое повтореніе въ великороссійскомъ нарѣчіи буквы *а*. Великороссъ говоритъ: *хади*, *харашо* и т. п. Это обстоятельство между прочимъ знаменуетъ по г. Стронину великую будущность великороссійскаго племени, ибо звукъ *а*, какъ онъ доказываетъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто повелительное. Любопытно было бы знать, *акалъ*-ли великороссъ во времена татарскаго ига, московскихъ царей вообще и Іоанна Грознаго въ особенности, *акалъ*-ли онъ во все продолженіе крѣпостнаго права и проч. Достойно вниманія, что а́кать

по конструкціи языка приходится главнымъ образомъ русскимъ женщинамъ: я, Анна, была бита плетью; я, Варвара, была заперта въ теремѣ и проч. Отсюда повелительный характеръ русскихъ женщинъ.

Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1873 г.

I.

Январь 1873 г.

На новый годъ. — Изъ исторіи отношеній нашей литературы къ праздному любопытству. — Диссертація г. Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Рикардо». — Почему тенденціозная литература иногда даетъ замѣчательные художественные и научные результаты, а иногда нѣтъ. — Совѣтъ «Маляру». — Г. Эдипъ де Пуле. — «Разсвѣтъ», сборникъ произведеній писателей-самоучекъ». — Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ? Ничего не произойдетъ. — Куда вышелъ изъ народа г. Губонинъ?—«Очерки ирландской жизни» Тренча.—Важный соціологическій законъ и его примѣненіе къ условіямъ успѣха и къ задачамъ литературы. — Самоотреченіе Милля. — Два слова о публицистикѣ и беллетристикѣ.

Съ новымъ годомъ, читатель, съ новымъ счастьемъ. Знакомые и родные пожелаютъ вамъ чиновъ, крестовъ, многолѣтія, дѣтей, здоровья, богатства. Я, вашъ скромный собесѣдникъ по текущимъ дѣламъ русской литературы, могу вамъ пожелать только одного: честной и смѣлой литературы. Но за то, я увѣренъ, ни одинъ изъ вашихъ знакомыхъ не подноситъ вамъ своихъ пожеланій всякихъ благъ земныхъ и небесныхъ съ такой искренностью, съ какою я приношу вамъ свое. И можетъ быть немного найдется благъ выше того, котораго желаю вамъ я. Въ принципѣ литература есть такая же служительница истины и

справедливости, какъ и всѣ другія общественныя функціи. Но поле ея дѣятельности шире, чѣмъ у другихъ функцій, а потому съ нея больше и спрашивается и большее благо представляетъ она, если исполняетъ свои обязанности какъ слѣдуетъ. Смѣлость и честность обязательны для нея въ такой же мѣрѣ, какъ для суда, для политики внутренней и внѣшней, для экономической дѣятельности. Но ея положительныя или отрицательныя качества важнѣе для общества, такъ какъ ей до извѣстной степени принадлежитъ власть и надъ судомъ, и надъ политикой, и надъ экономической дѣятельностью. Конечно мы нѣсколько отвыкли отъ такого представленія о значеніи литературы. Но только потому, что литература теперешняя имѣетъ весьма мало положительныхъ качествъ, а качества отрицательныя — слабость, вялость, нечестность, распущенность—не могутъ давать результатовъ, вполнѣ осязательныхъ. Они дѣлаютъ свое дѣло, эти отрицательныя качества, они вносятъ въ общество свой ядъ, и еслибы можно было вычислить количество его, мы изумились бы округленности цифры; но это вліяніе невидно и неуловимо. Доброкачественны или дрянны предлагаемые обществу продукты литературы, но à la longue они не остаются безъ вліянія. Если они не всегда воспринимаются сознательно, то всасываются безсознательно и такъ или иначе дѣлаютъ свое дѣло. И вотъ почему я утверждаю, что, желая вамъ честной и смѣлой литературы, я желаю вамъ одного изъ величайшихъ благъ. Я очень хорошо понимаю, что многіе найдутъ мое пожеланіе идиллическимъ. «Честность», «смѣлость», «служительница истины и справедливости», — все это для насъ «жалкія слова», смѣшныя слова, ненужныя, непонятныя, чужія слова. Литература наша умѣла понимать этотъ языкъ въ періодъ своего возрожденія и молодости, но теперь это для нея нѣчто въ родѣ засохшихъ желтыхъ цвѣтовъ Адуева, нѣчто въ родѣ изображенія предмета первой, чистой любви старой, нарумяненной кокотки,—воспоминаніе о шалостяхъ и увлеченіяхъ дѣтства. Пріятно конечно иногда возобновить въ своей памяти розовыя мечты и золотыя надежды юношескихъ годовъ, ту рьяность, ту гордость, вѣру въ себя,

широкій размахъ требованій отъ жизни, которые такъ красятъ молодость. Но не возвращаться же къ этой пройденной ступени. Я авторъ передовыхъ статей, фельетонистъ, беллетристъ и проч.,—при чемъ тутъ служеніе истинѣ и справедливости, смѣлость, честность?—Говоря это, я разумѣется не имѣю въ виду отдѣльныхъ личностей, между которыми есть изношенныя и неизношенныя. Литература въ общемъ состарѣлась настолько, что не можетъ безъ скептической улыбки говорить не только о формахъ своихъ юношескихъ надеждъ и задачъ, а и о самыхъ надеждахъ и задачахъ. И тѣмъ не менѣе я все-таки желаю вамъ смѣлой и честной литературы.

Но я долженъ во избѣжаніе недоразумѣній оговориться. Со стороны внѣшнихъ вліяній положеніе литературы невыгодно. Это всѣмъ извѣстно, хотя «Указатель по дѣламъ печати» къ сожалѣнію не печатаетъ свѣдѣній объ арестуемыхъ и уничтожаемыхъ книгахъ. Законъ 7-го іюня 1872 года, извѣстный подъ именемъ дополненія закона 6-го апрѣля 1865 года, значительно ограничилъ свободу печати.

Не въ цензурномъ отношеніи конечно можемъ мы пожелать литературѣ избытка смѣлости. Дѣло ясное, что мы должны дѣлать только то, что намъ позволяютъ дѣлать, потому что если мы позволимъ себѣ дѣлать то, чего намъ не позволяютъ, то намъ ничего не позволятъ дѣлать. Таково положеніе вещей. Но литература можетъ ослаблять по крайней мѣрѣ нѣкоторые мотивы недовѣрія и неуваженія къ ней, а можетъ—значитъ должна. Литература можетъ быть честна и смѣла, если не въ способахъ бесѣды съ читателями, если не во внѣшнемъ выраженіи своихъ идей, то въ своемъ внутреннемъ отношеніи къ обществу, а можетъ—значитъ должна. И потому я опять-таки желаю читателю честной и смѣлой литературы, желаю—значитъ ея нѣтъ. Да, ея нѣтъ или почти нѣтъ.

Литература можетъ въ значительной степени сама убѣдить и общество, и правительство, что удовлетвореніе празднаго любопытства не есть ея задача. Это очень нетрудно, ибо одна изъ существеннѣйшихъ задачъ литературы состоитъ напротивъ въ

борьбѣ съ празднымъ любопытствомъ, куда бы оно ни было устремлено. Ученый, если онъ сообщаетъ только свѣдѣнія, хотя бы эти свѣдѣнія ни на что не годились, художникъ, который даетъ только картинки, хотя бы эти картинки не имѣли никакого содержанія,—удовлетворяютъ праздному любопытству и не только не исполняютъ задачъ литературы, но подлежатъ ея карѣ, какъ подлежитъ ея карѣ всякій другой гаеръ и фокусникъ. Мы не настолько ригористы, чтобы не признавать человѣческой слабости и законности извѣстной дозы гаерства и фокусничества почти на всѣхъ путяхъ жизни. Но est modus in rebus, что́ можно перевести по русски: сквернаго по немножку. Всегда и во всѣхъ отрасляхъ науки, и во всѣхъ видахъ искусства найдутся гробокопатели, удовлетворяющіе праздному любопытству. Но желательно, чтобы приправа не превращалась въ кушанье

Да позволено мнѣ будетъ напомнить читателю нѣкоторые моменты отношеній нашей литературы къ праздному любопытству. Намъ незачѣмъ подниматься къ тому глухому времени, когда связанная по рукамъ и ногамъ литература по необходимости удѣляла много силъ на удовлетвореніе празднаго любопытства. Мы напомнимъ лишь начало нынѣшняго царствованія, когда формулы празднаго любопытства: «наука для науки», «искусство для искусства» подвергались безпощадному бичеванію и были почти изгнаны дружными усиліями литературы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это время, но всякій долженъ признать, что литература пользовалась тогда уваженіемъ, что къ ея голосу прислушивались во всѣхъ концахъ Россіи, что люди стремились сообразоваться съ ея указаніями и въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности. Одну изъ причинъ этого явленія несомнѣнно составляло презрѣніе литературы къ праздному любопытству. Конечно мы называемъ здѣсь праздным любопытствомъ то, что другіе называютъ спеціально-научными и спеціально-художественными цѣлями. Эти другіе должны будутъ назвать презрѣніе къ праздному любопытству презрѣніемъ къ наукѣ и искусству. Но—странное дѣло—это презрѣніе ни малѣйше не вредило интересамъ науки и искусства. Литература была тенден-

ціозна, она была вся поглощена разрѣшеніемъ текущихъ вопросовъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяла на ходъ общественныхъ дѣлъ и поведеніе отдѣльныхъ личностей, научныя и художественныя цѣли отодвигала на послѣдній планъ и однако попутнымъ образомъ давала замѣчательные научные и художественные результаты. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1871 году вышла диссертація г. Зибера «Теорія цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями», — замѣчательное явленіе въ нашей школьной литературѣ. Это «критико-экономическое изслѣдованіе» имѣетъ въ основаніи своемъ теорію цѣнности Карла Маркса и стремится доказать, что ученіе о цѣнности, какъ оно поставлено классической политической экономіей (Смитъ, Рикардо, отчасти Мальтусъ), требуетъ только извѣстныхъ дополненій и послѣдовательнаго развитія, чтобы достигнуть строгонаучнаго значенія. Между тѣмъ послѣдующіе экономисты не только не дали этого дополненія и послѣдовательнаго развитія, но, запутываясь въ эмпирическихъ фактахъ, все болѣе и болѣе уклонялись отъ истины. Въ предисловіи г. Зиберъ говоритъ, что ему извѣстны только два сочиненія, въ которыхъ разсматриваются важнѣйшія части системы Рикардо въ ихъ взаимной связи; одно изъ нихъ есть сочиненіе Баумштарка, а другое—статья нашего соотечественника г. Ю. Жуковскаго «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» («Современникъ», 1864 г.). О достоинствахъ этой работы авторъ говоритъ вскользь, именно, что, будучи согласенъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ г. Жуковскимъ, онъ не согласенъ съ нимъ въ другихъ. Мнѣ пріятно вспомнить, что въ статьѣ «О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго» я отдалъ бо́льшую справедливость заслугамъ нашего экономиста. Я указалъ именно, что г. Жуковскій давно уже высказалъ мысль о необходимости возвращенія къ источникамъ политической экономіи, въ которыхъ имѣются всѣ данныя для правильнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, данныя, совершенно извращенныя современною школьною политическою экономіей. Но я тогда же указалъ, что честь «права перваго

занятія» этой идеи, оказавшейся нынѣ столь плодотворною въ сильныхъ рукахъ Карла Маркса, принадлежитъ въ русской литературѣ не г. Жуковскому, а другому писателю, автору статей «Экономическая дѣятельность и законодательство» («Современникъ», 1859), «Капиталъ и трудъ» (1860), примѣчаній къ Миллю и проч. Кромѣ старшинства по времени, разница между этимъ писателемъ и г. Жуковскимъ можетъ выразиться наглядным образомъ такъ. Если напримѣръ г. Жуковскій обстоятельно и строго-научно, даже нѣсколько педантически доказываетъ, что трудъ есть мѣра цѣнности и что всякая цѣнность производится трудомъ, то авторъ упомянутыхъ статей, не упуская изъ виду теоретической стороны дѣла, напираетъ преимущественно на логическій практическій выводъ изъ нея: будучи производима и измѣряема трудомъ, всякая цѣнность должна принадлежать труду. Во всякомъ случаѣ г. Жуковскій былъ когда-то чадомъ своего времени, какъ теперь онъ чадо другого времени. И потому намъ пожалуй и незачѣмъ мѣрять его съ кѣмъ бы то ни было. Намъ важно только указать, что въ періодъ презрѣнія къ наукѣ русская литература оказывала такія важныя услуги даже чистой наукѣ, что будущій историкъ развитія экономическихъ идей въ Россіи отмѣтитъ ихъ съ величайшимъ почтеніемъ. Скажемъ больше. Будущій историкъ напишетъ: еслибы въ это время русскій языкъ былъ извѣстенъ въ Европѣ, то европейская наука могла бы кое-чѣмъ позаимствоваться отъ этихъ якобы легкомысленныхъ и презирающихъ науку людей.

Въ области искусства напомнимъ, что въ періодъ презрѣнія къ искусству выросъ и окрѣпъ талантъ Щедрина, который безъ сомнѣнія займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы. Напомнимъ Островскаго. Напомнимъ группу талантливыхъ народныхъ писателей, каковы Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій, Левитовъ, Н. Успенскій, отчасти Слѣпцовъ. Этому направленію къ сожалѣнію до сихъ поръ не удалось развернуться и окрѣпнуть. Оно только начало слагаться, вызванное самою жизнью, какъ колесо жизни повернулось. Судить эту маленькую группу пока очень мудрено. Во всякомъ

случаѣ «Раззоренье» Гл. Успенскаго показало, что отъ нея мы вправѣ ждать своего рода драгоцѣнностей. Но, еслибы она даже совершенно заглохла, что было бы очень и очень печально, то историкъ литературы, даже имѣя въ виду спеціально-художественные интересы, несомнѣнно помянетъ добрымъ словомъ теплый, мягкій юморъ Гл. Успенскаго и, какъ выразился г. Тургеневъ, «трезвую правду» Рѣшетникова. Они будутъ помянуты такъ, какъ разумѣется не помянется ничто, порожденное нашимъ временемъ, когда мы вновь возвращаемся къ уваженію науки и искусства по одной терминологіи, къ праздному любопытству по другой.

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ временъ возрожденія русской литературы. Это была литература смѣлая и честная, игравшая въ открытую, требовавшая отчета отъ всѣхъ явленій жизни и готовая всегда сама дать отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ. Посмотримъ въ чемъ заключался секретъ этой литературы. Дальнѣйшая ея исторія показала, что одной искренности, одного отвращенія къ праздному любопытству недостаточно еще для того, чтобы попутнымъ образомъ получались замѣчательные художественные и научные результаты. Дѣйствительно припомнимъ второй періодъ развитія честной и смѣлой литературы, періодъ Русскаго Слова. Всѣ мы помнимъ это время господства такъ-называемаго реализма, когда презрѣніе къ праздному любопытству достигло повидимому своего апогея. Но всѣ мы знаемъ также, что ни одного сколько-нибудь виднаго научнаго или художественнаго продукта это время не дало, хотя въ литературѣ фигурировали рядомъ съ бездарностями и высоко талантливыя натуры, каковъ покойный Писаревъ. Я знаю, что у многихъ русскихъ критиковъ есть вполнѣ готовое объясненіе этого факта: литературу сгубила ея тенденціозность, ея неуваженіе къ наукѣ и искусству, какъ къ самостоятельнымъ жизненнымъ цѣлямъ. Съ тѣми изъ господъ крититовъ, раздѣляющихъ это мнѣніе, которые валятъ въ одну кучу Писарева и вышеупомянутаго предшественника г. Жуковскаго, Щедрина и г. А. Михайлова,—съ этими господами я разговаривать не буду.

Критиковъ же нѣсколько болѣе разборчивыхъ я спрошу: почему тенденціозность не мѣшала первому періоду возрожденной литературы и мѣшала второму? Если мнѣ скажутъ, что во второмъ періодѣ литература впала въ крайности тенденціозности, то я попрошу отвѣтить мнѣ: вопервыхъ, почему это случилось? во-вторыхъ, гдѣ лежитъ граница между мѣшающею и не мѣшающею тенденціозностью?

Разъ я задаю эти вопросы, значитъ я имѣю на нихъ отвѣты, и я предложу ихъ вниманію читателей. Литература перваго періода дѣлала общенародное русское дѣло, ближайшія ступени котораго были всѣмъ ясны до мельчайшихъ подробностей. Задача жизни состояла въ возстановленіи справедливости, въ теченіи вѣковъ правомѣрно нарушавшейся въ отношеніи къ милліонамъ русскаго народа. Литература взяла на себя обязанность быть органомъ возмущенной общественной совѣсти и всѣ сферы науки, всѣ формы искусства пускала въ ходъ въ видѣ средствъ для достиженія своей цѣли. Наслажденія собственно знаніемъ и художественнымъ творчествомъ и созерцаніемъ играли для нея подчиненную роль, и тѣмъ не менѣе наука и искусство отъ этого не страдали. Зависѣло это именно отъ того, что литература дѣлала дѣло не кружка, не группы, не сословія, а дѣло всего народа. Въ этомъ значеніи народнаго дѣла нѣтъ ничего мистическаго. Ниже мы увидимъ въ чемъ тутъ дѣло, а пока замѣтимъ просто, что чѣмъ шире поле вашихъ наблюденій, тѣмъ вы ближе къ истинѣ; чѣмъ шире поле вашего сочувствія, тѣмъ вы ближе къ справедливости. Поэтому беллетристъ, публицистъ, ученый, принимающій въ соображеніе фактическое положеніе народа и служащій интересамъ народа, будетъ при равенствѣ другихъ условій непремѣнно выше писателя, преслѣдующаго хотя бы самыя возвышенныя цѣли кружка хотя бы самыхъ благородныхъ людей. Онъ будетъ выше въ качествѣ служителя истины и справедливости; для него, опять-таки разумѣется при равенствѣ другихъ условій, вѣроятнѣе созданіе высокохудожественныхъ произведеній и добыча строго научныхъ истинъ. И пониженіе уровня литературы въ періодъ Русскаго

Слова объясняется для меня не тенденціозностью ея, а направленіемъ ея тенденціозности. Дѣло этой литературы вовсе не было народнымъ дѣломъ. Это было дѣло «мыслящаго пролетаріата», дѣло молодыхъ образованныхъ русскихъ людей обоего пола. Дѣло это было въ принципѣ совершенно законное и полезное. Отряхнувъ отъ ногъ своихъ прахъ крѣпостничества, образованные русскіе люди, главнымъ образомъ конечно молодые, естественно должны были пожелать выработать себѣ правила личнаго поведенія. И вотъ мы видимъ цѣлую вереницу романовъ и повѣстей, переполненныхъ образами молодыхъ людей, стремящихся къ личной чистотѣ. Литературная критика провѣряла эти образы, сравнивала ихъ, спорила объ томъ какой изъ литературныхъ типовъ можетъ и долженъ быть образцомъ поведенія, или объ томъ кто выше по степени личной чистоты: Рудинъ ли, или Лаврецкій, Базаровъ, Круциферскій, Печоринъ, Рахметовъ. Характеръ образа мыслей и дѣйствій, предписываемаго этою литературой, вполнѣ опредѣлялся требованіями времени. Онъ долженъ былъ замѣнить лживый, грязный и размалеванный, гнусный и ходульный образъ мыслей и дѣйствій, сложившіяся подъ давленіемъ крѣпостничества. Требовалось свести ходульный идеализмъ на расчищенную землю, расчистить кучу позолоченнаго навоза, копившагося многіе и многіе годы. Сокращеніе всѣхъ статей общественнаго бюджета въ пользу личнаго совершенствованія «мыслящаго пролетаріата»—таковъ былъ девизъ литературы. Имъ устранялась всякая роскошь, все безполезное и лживое. Пока рядомъ съ этимъ теченіемъ продолжало жить и дѣйствовать въ литературѣ общенародное дѣло, оно было явленіемъ и законнымъ, и весьма отраднымъ. Оно отвѣчало потребностямъ наиболѣе свѣжей, воспріимчивой части общества; оно было смѣло и честно; оно боролось съ праздным любопытствомъ. Поэтому оно должно было пользоваться и дѣйствительно пользовалось уваженіемъ общества. Но физіономія литературы приняла совершенно другой характеръ, когда силою внѣшнихъ обстоятельствъ и личныхъ вкусовъ литературныхъ дѣятелей, задача литературы спеціализировалась, когда въ ней не

осталось ничего, кромѣ личнаго совершенствованія молодыхъ русскихъ людей обоего пола. Насколько эта тема велика и благодарна, когда она связана съ другими, болѣе широкими задачами, настолько же она плоска и неблагодарна, когда она поглощаетъ всѣ силы литературы. Мы очень быстро повыбросали за бортъ всякую ложь и ненужную роскошь жизни. Но за неимѣніемъ другихъ задачъ или за неумѣніемъ найти ихъ, мы все продолжали разработывать вопросъ: какъ мнѣ жить свято? мнѣ, т. е. мыслящему пролетарію. Мы накладывали на себя все новыя и новыя эпитеміи, регламентировали каждый свой шагъ, но мы заботились при этомъ исключительно о себѣ. Основныя правила добропорядочнаго поведенія крайне немногосложны и тянуть эту канитель достаточно долго можно только вдаваясь все въ большія и большія подробности. Такъ и было. Я—тогда еще только мечтавшій о литературной дѣятельности мальчикъ—живо помню эти безконечные словесные споры о томъ какъ мнѣ жить свято. Я никогда не брошу въ нихъ словомъ упрека, потому что по собственному опыту знаю какъ много въ нихъ было искренности и душевности. Но при большей дозѣ хладнокровія легко было бы замѣтить, что этотъ путь ведетъ въ глухой переулокъ. Въ самомъ дѣлѣ, обработывая свой вопросъ до мельчайшихъ подробностей, мы выработали наконецъ два-три шаблона, по которымъ всякій, не имѣющій ни искры таланта или серьезной мысли, могъ состряпать романъ, повѣсть, критическую статью. Но замѣчательныхъ художественныхъ и научныхъ результатовъ это направленіе дать не могло и дѣйствительно не дало; именно потому, что его дѣло было дѣломъ не народа, а секты, и притомъ секты, къ которой могли примкнуть представители только очень немногихъ слоевъ общества. Поле наблюденій и сочувствія этой литературы было слишкомъ узко, чтобы на немъ могло вырости что нибудь кромѣ личной морали. Я не хочу разумѣется сказать, чтобы эта литература не желала служить народу. Напротивъ это служеніе несомнѣнно входило въ ея программу, и многіе изъ представителей этого направленія дорого поплатились за попытки служенія народу. Но служеніе это

представлялось только въ самыхъ общихъ очерганіяхъ распространенія просвѣщенія и благосостоянія. Между тѣмъ какъ въ то же время мы до мельчайшей подробности разбирали вопросъ объ томъ какъ долженъ жить «мыслящій пролетарій»: какъ онъ долженъ спать, одѣваться, относиться къ родителямъ, къ женѣ и проч., и проч., и проч. Стараясь по возможности упростить формулу личной жизни «мыслящаго пролетарія», мы не замѣчали, что она становится въ такое противорѣчіе съ усложненіемъ формулы общественной жизни, которое отрѣзываетъ мыслящему пролетарію путь къ цѣлесообразной общественной дѣятельности, какъ бы ни были высоки его стремленія. Мы не замѣчали и того, что по мѣрѣ упрощенія жизненой формулы она становилась все искусственнѣе. Итакъ не тенденціозность, не презрѣніе къ праздному любопытству было (и остается въ нѣкоторыхъ органахъ и по сю пору) больнымъ мѣстомъ этой литературы, а спеціальный характеръ ея тенденціозности.

Я совсѣмъ обойду ту инсинуаціонную, плоскую литературу, представителемъ которой можно признать хоть г. Стебницкаго, показавшаго въ своихъ «Соборянахъ», что для него не существуетъ предѣлъ «некуда». Я рекомендовалъ бы «Маляру» или «Будильнику» изобразить рядъ переходныхъ формъ отъ Базарова до героя «Соборянъ», Термосесова, который есть уже просто каторжникъ. Недурно было бы также изобразить градацію творцовъ этихъ формъ. Тогда можетъ быть оправдается теорія одного нѣмца, въ силу которой не человѣкъ произошелъ изъ низшихъ формъ, а напротивъ обезьяны и проч. произошли отъ человѣка. Я перехожу къ другимъ сторонамъ современной литературы, которыхъ, не смотря на ихъ непривлекательность, можно все-таки касаться безъ перчатокъ.

Несомнѣнно, что мы нынѣ возвратились къ уваженію науки и искусства, какъ самостоятельныхъ цѣлей жизни. Мы приносимъ обильныя жертвы на оба эти алтаря, мы еще больше говоримъ объ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы литература была особенно бѣдна дарованіями. Нѣтъ, таланты есть, есть даже весьма крупные. И тѣмъ не менѣе всѣ согласны въ

томъ, что общій уровень литературы стоитъ весьма низко. Въ литературѣ нѣтъ не только живой общественной струны, но она не представляетъ почти ничего цѣннаго даже въ области чистой науки и чистаго искусства, за которыми она такъ успленно ухаживаетъ. Тотъ самый г. Жуковскій, о заслугахъ котораго было говорено выше, нынѣ, обратившись къ вящшему служенію, наукѣ, занимается просто фокусами. Новые научные дѣятели особенно азартные въ поклоненіи безстрасной, но мудрой Изидѣ, какъ напримѣръ г. Стронинъ, опять-таки занимаются фокусами. Объ искусствѣ и говорить нечего: старое старится, молодое не растетъ, и все что есть дѣйствительно цѣннаго, дано не нашимъ временемъ. Естественно, что это явленіе интересуетъ многихъ, и всякій старается объяснить себѣ такъ или иначе фактъ оскудѣнія литературы. Представилъ и я читателю свое объясненіе и постараюсь его дополнить сегодня. Я представилъ также объясненіе г. Стронина, которое есть впрочемъ не объясненіе а не совсѣмъ вѣрное описаніе. Нынѣ я могу занести въ свои замѣтки еще нѣсколько объясненій того же факта.

Недавно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано письмо г. де-Пуле, имѣющее въ виду разъясненіе причинъ оскудѣнія литературы. Разъясненіе это касается одной беллетристики и отличается замѣчательною, почти дѣтскою простотою. Г. де-Пуле начинаетъ съ заявленія, что фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г. Z., обнаруживаетъ такую способность критической оцѣнки беллетристическихъ произведевій, такое эстетическое пониманіе, какое въ русской литературѣ «не часто встрѣчалось послѣ Бѣлинскаго.» Я не совсѣмъ понимаю, что именно хотѣлъ сказать этими словами г. де-Пуле; то ли, что до Бѣлинскаго зеты встрѣчались часто или что другое,—но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи поднести читателю означенное сопоставленіе именъ въ видѣ сюрприза на новый годъ. Я готовъ признать мнѣніе г. де-Пуле «непреложнымъ положеніемъ», но съ прискорбіемъ ожидаю, что съ помощіи божіей и логики «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изъ него произойдутъ «самыя странныя, самыя невѣроятныя заклю-

ченія». И дѣйствительно они происходятъ. Вся бѣда современной беллетристики обусловливается по мнѣнію г. де-Пуле во первыхъ ея тенденціозностью, а вовторыхъ тѣмъ, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ недостаточно обращается вниманіе на «технику» нашихъ крупныхъ мастеровъ, каковы гг. Тургеневъ, Некрасовъ и проч. Это сама sancta simplicitas. Проще, невиннѣе, «святѣе» этого объясненія ничего нельзя придумать. Оно напоминаетъ остроумные отвѣты нянекъ на вопросы любопытныхъ ребятишекъ: откуда у ихъ маменьки берутся маленькія дѣти?— «Боженька присылаетъ». Я хотѣлъ было порыться въ старыхъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» временъ М. Н. Муравьева, редакторомъ которыхъ былъ г. де-Пуле. Мнѣ хотѣлось именно посмотрѣть, что можетъ быть сдѣлано при помощи голубиной чистоты принциповъ г. де-Пуле. Но я сказалъ себѣ: да идетъ г. де-Пуле въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и далѣе съ міромъ.

Редакція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» присовокупляетъ въ примѣчаніи, что будучи совершенно согласна съ г. де-Пуле относительно программъ среднихъ учебныхъ заведеній, она не можетъ не указать на другую причину оскудѣнія литературы вообще и беллетристики въ частности: гражданское и промышленное развитіе Россіи, желѣзныя дороги, прокуратура, адвокатура и проч. — поглотили всѣ видныя силы и мало оставили литературѣ. Это механическое объясненіе достойно философскихъ пріемовъ газеты вообще, но едва-ли она сумѣетъ поддержать его чѣмъ нибудь, кромѣ доводовъ «отъ разума». Фактическая несостоятельность его выйдетъ наружу тотчасъ-же, если вы припомните имена наиболѣе видныхъ нашихъ практическихъ дѣятелей. При этомъ окажется, что большинство ихъ никогда не были и не обѣщали быть замѣтными литературными дѣятелями. Съ другой стороны окажется, что многіе писатели стали писателями, по крайней мѣрѣ замѣтными, только подъ вліяніемъ гражданскаго и промышленнаго развитія Россіи, какъ напримѣръ кн. Васильчиковъ и др. Да это, надѣюсь, понятно и отъ разума. Если разсуждать по логикѣ г. Корша, то

окажется, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашего отечества литература будетъ все болѣе и болѣе обираема въ пользу другихъ общественныхъ функцій и наконецъ отъ нея останется одинъ голый скелетъ, — можетъ быть это будутъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» съ своей страшной логикой. Такова будетъ литература въ высшій моментъ развитія нашего отечества. Спрашивается однако, почему такого обиранія не произошло въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда крестьянское дѣло и множество другихъ практическихъ сферъ потребовали массу силъ для своей эксплуатаціи, а между тѣмъ литература жила, какъ никогда ни до, ни послѣ того? Если и допустить, что какой нибудь десятокъ возможныхъ литературныхъ силъ поглощенъ практическою дѣятельностью, то онъ съ избыткомъ вознаграждается силами, приливающими именно вслѣдствіе общаго развитія жизни. Такъ по крайней мѣрѣ должно быть. Но если этого и нѣтъ, если компенсація происходитъ въ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ, то указаніе на этотъ фактъ все-таки отнюдь не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ: почему скудѣетъ русская литература вообще и беллетристика въ частности? Вопросъ остается открытымъ и даже осложненнымъ. Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ государствахъ, во всѣ времена шаги общества впередъ на поприщѣ политическаго, экономическаго и гражданскаго развитія вызывали расцвѣтъ литературы, что совершенно естественно. У насъ этого нѣтъ. Почему? Мудрый Эдипъ—разрѣши.

Во ожиданіи я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на книжку, заслуживающую вниманія только по нѣкоторымъ косвеннымъ причинамъ. Въ газетахъ недавно печатались объявленія о «небываломъ» (sic) сборникѣ. Вотъ его полное заглавіе: «Разсвѣтъ. Сборникъ произведеній писателей-самоучекъ (нигдѣ не бывшихъ въ печати)». Въ предисловіи говорится: «Изданіе Разсвѣта, сборника писателей-самоучекъ, возникло изъ желанія познакомить читающую публику съ произведеніями современныхъ нашихъ писателей-самоучекъ, не получившихъ научнымъ путемъ ни образованія, ни воспитанія, но саморазвившихся, самовоспи-

тавшихся. Сборникъ нашъ не есть какая либо претензія на литературное его значеніе. Единственная его цѣль—показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собою въ настоящее время развивается и какъ сочувствуетъ грамотности и какъ любитъ литературу». Я съ большимъ вниманіемъ перечиталъ сборникъ. При нынѣшнемъ безлюдьи поневолѣ съ особеннымъ интересомъ слѣдишь за вновь прибывающими въ литературу силами, а здѣсь ихъ представляется разомъ человѣкъ пятнадцать. Но я не помню, чтобы за послѣднее время какое нибудь чтеніе оставляло во мнѣ болѣе грустное впечатлѣніе. Не въ томъ конечно дѣло, что большинство произведеній сотрудниковъ «Разсвѣта» страдаютъ по части стихосложенія, а иногда и по части грамотности. Не въ томъ также, что буквально всѣ они свидѣтельствуютъ о слишкомъ уже пристальномъ изученіи «техники» Некрасова, Шевченки, Кольцова, Гл. Успенскаго. Дѣло въ цѣляхъ сборника. Сотрудники Разсвѣта рекомендуются людьми изъ народа. Надо думать, они большею частью изъ мѣщанъ и купеческихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ они по рожденію и условіямъ быта стоятъ довольно близко къ массѣ народа. Но они не только грамотны, а и не лишены нѣкоторыхъ знаній и развитія. Обстоятельства эти даютъ имъ право на своеобразное, почетное и полезное положеніе въ литературѣ. Одно изъ двухъ: или они могли бы, зная бытъ крестьянъ и умѣя съ ними говорить, поставить себѣ задачей литературу для народа; или они могли бы представить образованнымъ классамъ картины изъ жизни народа, передать чувства и воззрѣнія народа. Къ сожалѣнію сотрудники Разсвѣта не выбрали ни того, ни другаго, и пожелали просто пофигурировать въ литературѣ или, какъ они сами выражаются, «показать читающей публикѣ, какъ нашъ народъ, безъ всякихъ насилій, самъ собою, въ настоящее время развивается» и проч. Вслѣдствіе этого, вмѣсто всего того, чего мы вправѣ были бы ожидать отъ сотрудниковъ Разсвѣта, получился сборникъ безцвѣтныхъ стихотвореній и разсказовъ, буквально никому и ни на что не нужныхъ. Вотъ напримѣръ стихотвореніе г. Новоселова:

Пройдетъ и ночь, пройдетъ и день,
Пройдутъ недѣли и года,
Какъ полемъ облачная тѣнь;
Пройдутъ и нѣтъ отъ нихъ слѣда.
Пройдетъ и жизнь, исчезнешь ты,
Исчезнутъ всѣ твои мечты.
И для чего, Богъ вѣсть, ты жилъ
И ненавидѣлъ и любилъ.
И тайна вѣчная Творца
Все будетъ тайной безъ конца.

Изъ этого стихотворенія видно, что г. Новоселову приходятъ иногда въ голову мысли о тщетѣ всего земнаго, мысли, довольно часто посѣщающія поэтовъ вообще. Но въ немъ не видно ничего характернаго, ничего такого, что свидѣтельствовало бы о развитіи «нашего народа». Или вотъ отрывокъ изъ стихотворенія г. Жарова «На кладбищѣ». Поэтъ останавливается передъ одной могилой:

Я изъ прошлаго сталъ вспоминать
Погребеннаго вѣсъ и значенье;
И не могъ совершенно понять
Почему сталъ онъ жертвой забвенья.
Онъ приличный имѣлъ капиталъ,
Всѣ знакомствомъ его дорожили,
Изъ тщеславья онъ денегъ давалъ,
Но ему ихъ назадъ не платили.
Каждый другъ къ нему въ домъ пріѣзжалъ
Акуратно къ началу обѣда,
Онъ равно всѣхъ къ себѣ принималъ
Оппивалу, глупца, дармоѣда.

Наконецъ друзья довели обладателя приличнаго капитала до нищеты и онъ умеръ, оставленный неблагодарными прихлебателями. Поэтъ заключаетъ:

Вотъ что значитъ убить капиталъ
Для пустаго и глупаго дѣла!

Я привожу только образцы, вовсе не думая «критиковать» ихъ форму и даже мораль. Это было бы неумѣстно относи-

тельно сотрудниковъ Разсвѣта, хотя нѣкоторые изъ нихъ ухитряются говорить стихами о «собственномъ я». Но я спрашиваю: неужели «саморазвившимся и сомовоспитавшимся» представителямъ русскаго народа нечего сказать образованнымъ классамъ, кромѣ этихъ плоскостей и общихъ мѣстъ? Это было бы чрезвычайно грустно, если бы было вѣроятно.

Я искренно желалъ бы убѣдить этихъ писателей, чтобы во второмъ выпускѣ сборника (предполагаемаго къ изданію въ нынѣшнемъ году) они бросили безцѣльную выставку своихъ глубокихъ думъ, своего благоразумія, своихъ высокихъ чувствъ. Все это давнымъ давно воспѣто, изложено и теперь воспѣвается и излагается, и притомъ гораздо благообразнѣе, обыкновенными сочинителями, изъ которыхъ нѣкоторые видѣли «народъ» только въ Парголовѣ и другихъ пріютахъ петербургскихъ дачниковъ. Но произведенія сотрудниковъ «Разсвѣта» далеко отстаютъ отъ другихъ произведеній на тѣ-же темы не только въ формѣ. Въ нихъ нѣтъ даже того теплаго, сочувственнаго, любовнаго отношенія къ народу, котораго мы разумѣется могли бы ждать отъ нихъ и которое такъ краситъ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Г. Григорьевъ напечаталъ въ сборникѣ легенду о «лихоманкѣ» въ видѣ разсказа ямщика и заключаетъ такъ: «Очень жаль, что подобнымъ нелѣпостямъ неразвитой народъ несомнѣнно вѣритъ и вы его ничѣмъ не разубѣдите, что этого не можетъ быть, что этого не существовало и не существуетъ; хотя бы вы доказывали ему и фактами—не повѣритъ; какъ не повѣритъ и тому, что основано на законахъ природы, физики, механики и т. д.» Затѣмъ г. Григорьевъ сообщаетъ какъ тотъ-же ямщикъ не повѣрилъ его, г. Григорьева, объясненію дѣйствія телеграфа и рѣшилъ, что здѣсь дѣйствуетъ («дѣвствуетъ») нечистая сила. Г. Григорьевъ опять заключаетъ: «Отчего это такъ? Прежде всего отъ суевѣрія, поселеннаго въ насъ съ дѣтства, съ колыбели разными сказками, разсказами нашихъ нянюшекъ, бабушекъ о чертяхъ, домовыхъ и колдунахъ, а затѣмъ отъ простодушія и безграмотности русскаго народа». — Я преклоняюсь передъ здравымъ

смысломъ и образованностью г. Григорьева, но не вижу вмѣстѣ съ тѣмъ въ его рѣчахъ ничего, кромѣ плоскаго резонерства. Читающей публикѣ совершенно незачѣмъ выслушивать отъ г. Григорьева то, что извѣстно каждому гимназисту. Или вотъ напримѣръ г. Деруновъ, напечатавъ три «этнографическихъ очерка» въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» о «поэтическихъ и суевѣрныхъ воззрѣніяхъ народа въ Пошехонскомъ уѣздѣ», четвертый печатаетъ въ «Разсвѣтѣ». Прекрасная тема, въ особенности когда за нее берется человѣкъ, самъ вышедшій изъ народа. И дѣйствительно свѣдѣнія, сообщаемыя г. Деруновымъ, не безынтересны. Но къ сожалѣнію приплетенныя собирателемъ собственныя размышленія сильно отдаютъ писаремъ, хватившимъ цивилизаціи. Напримѣръ: «Нѣкоторыя изъ прописанныхъ ниже суевѣрныхъ гаданій и примѣтъ имѣютъ смыслъ, мѣткость выраженій, поэтическую фантазію изъ міросозерцанія, а нѣкоторыя не только не носятъ никакихъ вѣрованій, но даже лишены всякаго пониманія до безсмысленности... Много слыветъ между грамотѣями о чудодѣйственной силѣ псалмовъ. И дѣйствительно Псалтырь высоко стоитъ не въ одномъ литературномъ отношеніи. Она можетъ быть прекраснымъ руководителемъ во всякой жизни и болѣе ничего. Откуда же нашъ народъ почерпнулъ какую-то особенную чудодѣйственную силу Псалтыри?»—Все это писарское краснорѣчіе просто гадко въ виду того, чѣмъ могъ бы быть «Разсвѣтъ». И я опять такп спрашиваю: неужели русскому народу нечего сказать, кромѣ этой размазни и щеголянья цивилизаніей г. Дерунова?

Во всякомъ случаѣ сотрудники «Разсвѣта» отличаются отъ всей массы современныхъ писателей только нѣкоторыми отрицательными качествами. И затѣмъ сборникъ ихъ произведеній представляетъ нѣкоторый микрокосмъ современной литературы. Возъмемъ же его такъ, какъ онъ есть, и попробуемъ приложить къ нему точки зрѣнія гг. Эдипа де-Пуле и другихъ Эдиповъ. Предположимъ, что эта группа писателей не увлечется практическою дѣятельностью и всѣ силы свои посвятитъ литературѣ. Предположимъ, въ утѣшеніе Эдипа де-Пуле, что беллетристы

эти будутъ самымъ тщательнымъ образомъ изучать технику Некрасова, Тургенева, Гончарова и проч., предположимъ также, что они отбросятъ всякую тенденціозность. Предположимъ наконецъ, въ утѣшеніе нѣкоторыхъ другихъ Эдиповъ, что писатели эти будутъ самымъ пристальнымъ образомъ учиться вообще и напримѣръ естественнымъ наукамъ въ частности. Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: практическая дѣятельность сотрудниковъ «Разсвѣта» очевидно не мѣшаетъ имъ сочинять и любить литературу; технику если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ Эдипомъ де-Пуле писателей, они уже и теперь старательно изучаютъ; тенденціозность и теперь у нихъ играетъ предпослѣднюю роль; къ естественнымъ наукамъ и къ ученію вообще они и теперь очень склонны. Прибавимъ, что нѣкоторые изъ сотрудниковъ «Разсвѣта» имѣютъ кое-какое дарованіе, хоть его и трудно усмотрѣть подъ избраннымъ ими костюмомъ. Но положимъ, что дарованій здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ дѣйствительности. Что же получится въ результатѣ прочнаго прилива этихъ новыхъ силъ въ литературу? Я отвѣчаю: ничего. Число сотрудниковъ въ журналахъ и газетахъ конечно увеличится, увеличится даже можетъ быть число самыхъ журналовъ, но физіономія литературы не потерпитъ ни малѣйшаго измѣненія. Изъ г. Дерунова можетъ выдти новый г. Стронинъ, который напишетъ новую «Политику, какъ науку» или даже что-нибудь получше; г. Новоселовъ сравняется съ г. Праховымъ или даже превзойдетъ и его, и другихъ поэтовъ, произведенія которыхъ сотнями печатаются въ толстыхъ журналахъ; г. Раззореновъ выработаетъ себѣ для переложенія былинъ стихъ, не уступающій стиху г. Буренина; г. Григорьевъ будетъ научнымъ образомъ преслѣдовать народные предразсудки и т. д. Но, кромѣ этихъ чисто количественныхъ измѣненій въ составѣ литературы, не предвидится ничего новаго. Мало того, я утверждаю, что явись въ литературѣ десятки крупныхъ талантовъ, первоклассныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей,—они не измѣнятъ положенія вещей, если принесутъ съ собой только таланты, технику и

знанія. Я утверждаю, что пока литература не станетъ голосомъ общественной совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, пока она не сдѣлаетъ интересовъ народа центромъ своихъ изслѣдованій, помысловъ и образовъ, ей не помогутъ никакіе таланты и никакія знанія, а о панацеяхъ Эдиповъ и говорить нечего. До тѣхъ поръ она будетъ производить въ самомъ благопріятномъ случаѣ только красивыя игрушки. Я не знаю съумѣю ли я доказать эту мысль и въ особенности въ литературныхъ замѣткахъ. Но я отъ души желаю быть краткимъ и яснымъ. Зерно вопроса до послѣдней степени просто, но, чтобы добраться до него, надо снять нѣсколько слоевъ наросшей на него шелухи.

Я уже какъ то говорилъ, что народъ, какъ онъ фигурируетъ въ большинствѣ случаевъ въ литературѣ, лучше всего опредѣленъ Базаровымъ: это таинственный незнакомецъ романовъ г-жи Ратклифъ. Въ немъ подозрѣваютъ то ту, то другую личность, но постоянно сбиваются въ своихъ рѣшеніяхъ, и онъ такъ и остается до конца романа таинственнымъ незнакомцемъ. О силѣ этой таинственности всякій можетъ судить по нѣкоторымъ самымъ обыденнымъ явленіямъ. Напримѣръ всякому вѣроятно случалось слышать такую фразу: такой-то, скажемъ г. Губонинъ или кто другой, вышелъ изъ народа. Говорящій это обыкновенно нѣсколько умиляется и видитъ въ своихъ словахъ нѣкоторую рекомендацію г. Губонину. Если онъ станетъ анализировать свое умиленіе, то увидитъ, что его вопервыхъ радуетъ фактъ удачи г. Губонина, пробившагося откуда-то снизу куда-то на верхъ; вовторыхъ мысль, что г. Губонинъ будетъ добросовѣстнѣе, любовнѣе, вообще лучше, чѣмъ кто либо другой относиться къ той средѣ, изъ которой онъ вышелъ. Наконецъ, если г. Губонину пришлось конкурировать съ какимъ-нибудь инородцемъ или иностранцемъ и остаться побѣдителемъ, то въ въ составъ умиленія войдетъ патріотическій, національный элементъ: представитель русскаго народа побѣдилъ представителя другаго народа. Кажется это довольно вѣрное и полное описаніе чувствъ человѣка, говорящаго: г. Губонинъ вышелъ изъ народа.

Едва ли однако говорящій это приготовленъ къ отвѣтамъ на слѣдующіе вопросы: куда вышелъ г. Губонинъ изъ народа? если слово «народъ» есть такое умилительное слово, то слѣдуетъ ли радоваться тому, что г. Губонинъ вышелъ куда-то изъ народа? вышелъ ли куда-нибудь изъ народа г. Губонинъ, если мы видимъ въ немъ представителя русскаго народа, побѣдившаго представителя другого народа? если г. Губонинъ вышелъ куда-то изъ народа, сталъ ему чужимъ, то на чемъ основано мнѣніе, что онъ будетъ лучше относиться къ народу, чѣмъ напримѣръ русскій винодѣлъ графъ Воронцовъ или русскій сахарный заводчикъ графъ Бобринскій? Намъ скажутъ, что наши вопросы суть простая игра словъ, что мы беремъ народъ то въ смыслѣ трудящихся классовъ общества, то въ смыслѣ племени, націи. Положимъ, но замѣтимъ, что таинственному незнакомцу всегда приходится выходить на сцену подъ музыку игры словъ. Въ этомъ именно и состоитъ его роль, его миссія. Оставимъ однако это пока и повторимъ только два первыхъ вопроса: куда вышелъ изъ народа г. Губонинъ? слѣдуетъ ли радоваться тому, что г. Губонинъ куда-то вышелъ изъ народа? Здѣсь уже нѣтъ никакой игры словъ и подъ народомъ разумѣется только совокупность трудящихся классовъ. Замѣтимъ, что слова: г. Губонинъ вышелъ изъ народа—не простая метафора. Г. Губонинъ, положимъ, сохранилъ всѣ національныя особенности—костюмъ, вѣрованія и проч.,—но все-таки онъ теперь уже не тотъ, у него совершенно другая дѣятельность, совершенно другіе интересы. Пока г. Губонинъ не выходилъ изъ народа, прямой интересъ его состоялъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дорого; теперь, когда онъ вышелъ изъ народа, такой же прямой интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы трудъ оплачивался дешево. Въ виду этого нѣкоторые изъ умиленныхъ можетъ быть призадумаются надъ вопросами: куда вышелъ г. Губонинъ и хорошо ли, что онъ вышелъ? Можетъ быть даже нѣкоторые прямо скажутъ: не хорошо. Тогда мы спросимъ: хорошо ли, что Шевченко вышелъ изъ народа? Всякій, я думаю, отвѣтитъ утвердительно, но опять таки скажетъ намъ, что мы занимаемся игрою словъ; что Шевченко

вышелъ изъ народа совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вышелъ г. Губонинъ; что Шевченко вышелъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, «изъ темной и безгласной толпы простолюдиновъ», но что никогда интересы его не сталкивались враждебно съ интересами народа въ смыслѣ трудящихся классовъ; что самъ онъ вѣкъ свой работалъ, руководимый глубокимъ сочувствіемъ къ народу. Со всѣмъ этимъ намъ придется согласиться и только повторить въ свое оправданіе, что таинственный незнакомецъ весь построенъ на игрѣ словъ. Совсѣмъ опять-таки иной отвѣтъ получится, если мы спросимъ себя—хорошо ли, что гг. Деруновъ, Григорьевъ, Раззореновъ и прочіе сотрудники «Разсвѣта» вышли изъ народа.

Мы взяли ходячую фразу «вышелъ изъ народа», какъ первый попавшійся подъ руку образчикъ. Но читателю стоитъ только чуть-чуть повнимательнѣе осмотрѣться, чтобы найти множество такихъ примѣровъ. Возьмите напримѣръ объявленіе вновь открытаго французскаго ресторана «Эрмитажъ», въ которомъ (объявленіи) въ числѣ прочихъ приманокъ для публики значится: «прислуга въ русскихъ національныхъ костюмахъ». Поставьте вопросъ: почему для публики заманчивъ половой въ русскомъ національномъ костюмѣ?—и при помощи самыхъ несложныхъ соображеній вы убѣдитесь, что народъ есть дѣйствительно таинственный незнакомецъ; что, благодаря этой таинственности, на незнакомца валится, подъ видомъ участія, любви, заботливости, умиленія, цѣлая куча обидъ и бѣдъ, оскорбленій и гнета.

Прежде всего надобно опредѣлить взаимныя отношенія двухъ наиболѣе ясныхъ понятій о народѣ: народъ, какъ нація, и народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ общества. Съ перваго взгляда кажется, что эти понятія совпадаютъ и что если различеніе ихъ важно, то только въ томъ отношеніи, что понятіе націи, совмѣщающей въ себѣ всѣ классы общества, шире понятія народа, который есть только сумма извѣстныхъ классовъ. Но это далеко не вѣрно. Что понятія націи и народа въ своемъ практическомъ выраженіи иногда дѣйствительно совпада-

ютъ, т.-е. что національное дѣло бываетъ иногда тождественно съ народнымъ дѣломъ,—это такъ. Но это бываетъ только иногда. Что же касается до сравнительной широты понятія націи, то это просто оптическій обманъ.

Я предлагаю читателю познакомиться съ недавно вышедшей очень интересной книжкой Тренча «Очерки ирландской жизни». Книга эта, переведенная и изданная по русски крайне небрежно, представляетъ рядъ талантливо написанныхъ картинъ изъ быта ирландскихъ крестьянъ. Авторъ, управляющій или агентъ крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, сообщаетъ свои наблюденія и впечатлѣнія въ видѣ записокъ или воспоминаній. Читатель увидитъ изъ этой книжки между прочимъ, что̀ значитъ безземельный земледѣлецъ. Это не безъинтересно не только само по себѣ, а и по отношенію къ намъ, жителямъ страны земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ. Въ книгѣ Тренча есть разсказы изъ школьной жизни, разсказы о «ревайвеляхъ» (судорожныя возбужденія религіознаго чувства въ массахъ) и проч. Но интереснѣе всего главная часть книги — эпизоды изъ исторіи войны ирландскихъ крестьянъ-фермеровъ съ англійскими лендлордами за землю. Война эта представляетъ любопытный случай совпаденія народнаго дѣла съ національнымъ. Поземельная собственность въ Ирландіи находится, какъ извѣстно, въ рукахъ немногочисленныхъ богачей, лендлордовъ, главнымъ образомъ саксонскаго и англійскаго происхожденія. Ирландскіе крестьяне арендуютъ у нихъ землю небольшими участками, причемъ лендлорды естественно стараются повысить арендную плату и заключать контракты на возможно короткое время. Ирландцы не могутъ забыть, что обрабатываемая ими земля нѣкогда принадлежала имъ и всячески уклоняются отъ платежей, доходя даже до полнаго и открытаго отказа, до формальнаго объявленія войны иногда въ одиночку, иногда обществомъ. Во время, къ которому относятся разсказы Тренча, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ Ирландіи существовало тайное общество «риббонъ-меновъ», періодически то затихавшее, то поднимавшееся. Цѣли общества достаточно опредѣляются слѣдующими

словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ разсказовъ Тренча: «Землю намъ нужно, землю. Саксонскіе грабители отняли ее у нашихъ праотцевъ, и я опять говорю, мы вырвемъ ее у нихъ съ кровью ихъ сердца. Долой церковь, долой лендлордовъ, долой агентовъ, долой все, что стоитъ между нами и нашей зеленой землей». Это было время апогея такъ-называемыхъ аграрныхъ преступленій. Риббонъ-мены совершили цѣлый рядъ страшныхъ и часто совершенно безцѣльныхъ убійствъ.

Здѣсь мы имѣемъ полное совпаденіе народнаго дѣла съ національнымъ: рабочіе ирландцы ведутъ войну съ лордами англичанами. Однако это совпаденіе было не для всѣхъ полно. Невѣста одного риббонъ-мена разсказываетъ Тренчу: «Они (риббонъ-мены) увѣрены, что англичане не имѣютъ права на землю и они надѣются снова вернуть ее, если они смогутъ запугать васъ и такихъ людей, какъ вы, и заставить бѣжать изъ Ирландіи; для этого они хотятъ убивать всѣхъ, кто станетъ держать здѣсь землю, кромѣ *стараго рода*». Въ объясненіе подчеркнутаго выраженія Тренчъ замѣчаетъ: «Многіе риббонъ-мены убѣждены, что землями Ирландіи должны владѣть старинные ирландскіе роды вмѣсто англійскихъ. Старинная ирландская аристократія ведетъ агитацію въ этомъ смыслѣ и эксплуатируетъ въ свою пользу старинное чувство клановъ, сказавшееся въ этомъ убѣжденіи» (274). Итакъ одна часть риббонъ-меновъ смотритъ или смотрѣла на свое дѣло, какъ на преимущественно народное, другая—какъ на преимущественно національное. Которая изъ этихъ точекъ зрѣнія шире, обнимаетъ большую массу интересовъ? Казалось бы въ понятіе націи входитъ все общество, а въ понятіе народа только часть его, а между тѣмъ ясно, что риббонъ-мены націоналы вытащили бы изъ печки каштаны только для меньшинства, тогда какъ другая ихъ отрасль работала на большинство ирландскаго народа. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего исключительнаго. Въ немъ выражается одинъ изъ самыхъ важныхъ и общихъ соціологическихъ законовъ. Еслибы я придерживался аналогическаго метода въ соціологіи, мнѣ бы ничего не стоило подыскать соотвѣтственную аналогію и въ

нѣсколькихъ строкахъ доказать существованіе этого закона. Но я глубоко презираю аналогическое паясничество, а дѣйствительно научное и философское подтвержденіе закона потребовало бы слишкомъ много мѣста и времени и отвлекло бы вниманіе читателя въ сторону. Поэтому я предпочитаю просто формулировать законъ, расчитывая, что этимъ я только подвожу итогъ собственнымъ наблюденіямъ и размышленіямъ читателей. Я заимствую однако для краткости одинъ изъ терминовъ аналогистовъ. Вотъ этотъ очень простой, но очень важный законъ: въ обществѣ, имѣющемъ пирамидальное устройство, всевозможныя улучшенія, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классовъ, а ко благу цѣлаго, ведутъ исключительно къ усиленію верхнихъ слоевъ пирамиды. Законъ этотъ до такой степени простъ, въ жизни его дѣйствіе выражается въ той или другой формѣ такъ часто, о различныхъ частныхъ его проявленіяхъ говорено было такъ много, что мы дѣйствительно имѣемъ право представить его читателю въ качествѣ итога его собственныхъ наблюденій и размышленій. Что касается литературы, то она не только не можетъ избѣжать дѣйствія этого закона, но на ней легче, чѣмъ гдѣ-нибудь, видѣть его вліяніе, тѣмъ болѣе, что говорить о литературѣ значитъ говорить обо всемъ, объ чемъ говоритъ литература, т.-е. о всѣхъ явленіяхъ жизни.

Представимъ себѣ, что ирландскіе публицисты, проникнутые уваженіемъ къ непреложности математической истины: цѣлое больше части, — стали бы работать въ духѣ вышеупомянутыхъ риббонъ-меновъ національновъ. Они могли бы сказать много весьма хорошаго, дѣльнаго, блестящаго въ пользу идей свободы и національности. Но такъ-какъ они направили бы свои усилія ко благу цѣлаго—ирландской націи, а не трудящихся классовъ націи, то дѣятельность ихъ въ случаѣ успѣха повела бы только къ удовлетворенію аппетитовъ ирландской аристократіи. На оборотъ ирландскіе публицисты, которые развивали бы программу другой фракціи риббонъ-меновъ и, выработавъ разумный планъ дѣйствій въ этомъ смыслѣ, достигли бы перехода земель изъ рукъ англійскихъ лендлордовъ въ руки ихъ теперешнихъ фер-

меровъ,—эти публицисты очевидно получили бы попутно и разрѣшеніе національнаго вопроса.

Представимъ себѣ... Но чѣмъ представлять себѣ, возьмемъ нѣчто изъ дѣйствительности. Возьмемъ ретроспективные взгляды нѣкоторыхъ газетъ на истекшій годъ въ промышленномъ отношеніи. Такой ретроспективный взглядъ помѣщенъ напримѣръ въ № 1 «Гражданина». Въ немъ мы находимъ между прочимъ слѣдующія указанія: частная промышленность въ прошломъ году все возрастала; возникло до 80 торгово-промышленныхъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя простираютъ свои виды на цѣлые округи Россіи, напримѣръ общество южно-русской каменно-угольной промышленности или каменно-угольной промышленности московскаго бассейна; для облегченія соединенія силъ и капиталовъ выработанъ проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ, которымъ предполагается отмѣнить требованіе особаго правительственнаго разрѣшенія для каждой акціонерной компаніи и замѣнить этотъ порядокъ системой простаго нотаріальнаго разрѣшенія; въ прошломъ году въ Россіи дѣйствовало 27 акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, 23 общества взаимнаго кредита, и т. д. Если мы обратимся къ № 3 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», то найдемъ въ немъ между прочимъ слѣдующее: «Кредитъ сдѣлалъ въ Россіи въ 1872 году большіе успѣхи. Духъ спекуляціи, проникшій и въ эту область, выдвинулъ устройство кредитныхъ учрежденій въ разрядъ выгоднѣйшихъ предпріятій, затмившихъ пресловутыя желѣзно-дорожныя концессіи. Кромѣ образованія новыхъ кредитныхъ учрежденій, бо́льшая часть старыхъ банковъ также увеличила весьма значительно свой основной капиталъ и расширила операціи... Правительство, по примѣру всѣхъ государствъ западной Европы, рѣшилось наконецъ отказаться отъ устарѣлой системы законодательнаго разсмотрѣнія уставовъ новыхъ акціонерныхъ обществъ и хочетъ замѣнить ее болѣе скорой системой нотаріальнаго разрѣшенія. Составленный сообразно съ этою цѣлью проектъ новаго положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ не окончательно еще обработанъ министерствомъ финансовъ; но можно

заранѣе предсказать, что изданіемъ его, если только въ положеніе не будутъ введены многочисленныя изъятія, сильно поднимется у насъ духъ промышленной ассоціаціи... Положеніе фабричной и заводской промышленности въ Россіи теперь весьма благопріятно. Даже горное дѣло, бывшее пятнадцать лѣтъ въ сильномъ застоѣ, начинаетъ оживать. Въ теченіе 1872 г. обсуждался вопросъ о дальнѣйшемъ покровительствѣ свеклосахарной промышленности и разрѣшенъ въ смыслѣ успокоительномъ для отечественной промышленности» и проч. Пожалуй этого и довольно.

Всѣмъ этимъ шагамъ по пути экономическаго прогресса наши публицисты вообще радуются и хотя и не особенно энергично, но все-таки провоцируютъ и дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи. Конечно протекціонизмомъ напримѣръ у насъ увлекаются немногіе; огражденія акціонеровъ отъ эксплуатаціи спекулянтовъ желаютъ очень многіе; закономъ 31-го мая, въ силу котораго учрежденіе новыхъ акціонерныхъ банковъ въ городахъ, гдѣ уже существуетъ хотя одинъ такой банкъ, воспрещается впредь до новаго распоряженія, — одни довольны, другіе недовольны; частности проэкта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ различными органами обсуждаются различно и т. д. Но вся наша публицистика стоитъ на одной и той же общей точкѣ зрѣнія. Вотъ хоть бы напримѣръ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Казалось бы это два противоположные полюса петербургской журналистики. Первыя блестятъ своимъ либерализмомъ, второй требуетъ какой-то точки къ реформамъ. Другъ друга они глубоко презираютъ, постоянно объ чемъ-то препираются, все другъ надъ другомъ насмѣхаются. Между тѣмъ по множеству вопросовъ внутренней политики эти два органа могутъ быть весьма удобно подведены къ одному знаменателю. Оба они понимаютъ народъ исключительно въ смыслѣ націи и въ силу этого безъ дальнихъ размышленій требуютъ развитія кредита въ Россіи, радуются умноженію акціонерныхъ обществъ въ нашемъ отечествѣ, съ торжествомъ указываютъ на развитіе отечественной промышленности и т. д.

Кредитъ, промышленность, эксплуатація природныхъ силъ страны,—все это вещи сами по себѣ прекрасныя, по поводу которыхъ можно бы было говорить и больше и лучше, чѣмъ говорятъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». Въ своихъ передовыхъ статьяхъ органы эти не исчерпываютъ и сотой доли величія и мощи всѣхъ этихъ помощниковъ человѣка, имъ самимъ создаваемыхъ. Но тѣмъ не менѣе, въ силу вышеприведеннаго соціологическаго закона всѣ эти прекраснѣйшія сами по себѣ вещи, если онѣ направлены не ко благу непосредственно трудящихся классовъ, а ко благу пирамидальнаго цѣлаго, даютъ прискорбнѣйшіе результаты. Мы вовсе не претендуемъ на новость и оригинальность взглядовъ. Утверждая, что кредитъ, машины, эксплуатація силъ природы и т. д., будучи направлены ко благу пирамидальнаго цѣлаго, ложатся тяжелымъ гнетомъ на народъ, утверждая это, мы увѣрены, что все это очень хорошо извѣстно и читателю, и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», и «Гражданину». Въ самомъ дѣлѣ кому же не извѣстно, что всякая новая машина, введенная въ пирамидальное общество, прежде всего уменьшаетъ спросъ на человѣческій трудъ, отнимаетъ у извѣстнаго числа людей заработокъ. Правда нѣкоторые оптимисты стараются утѣшить и себя и другихъ тѣмъ, что при этомъ производство ростетъ, ростетъ и потребленіе. Но этому никто не вѣритъ, то-есть никто не вѣритъ тому, съ которымъ это говорится. Конечно и производство и потребленіе ростетъ, но какъ бы мы далеко ни смотрѣли въ будущее, а машина въ пирамидальномъ обществѣ будетъ всегда отнимать заработокъ у извѣстнаго числа людей. Въ этомъ очевидно состоитъ ея роль. Самъ Милль, человѣкъ и авторитетный и благонамѣренный, пришелъ къ тому заключенію, что всѣ наши механическія изобрѣтенія не облегчили ни на волосъ положенія трудящихся классовъ; что они только дали возможность большему числу людей жить жизнью острожниковъ и большему числу фабрикантовъ — обогащаться. — Всякому извѣстно также, что въ пирамидальномъ обществѣ кредитъ есть выраженіе довѣрія къ имущимъ и недовѣрія къ неимущимъ, такъ какъ послѣдніе

кредитомъ не пользуются. Поэтому развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, если онъ не будетъ особыми путями направленъ ко благу народа, дастъ только средства обирать народъ.—Всякому извѣстно, что когда акціонерная компанія беретъ на себя какое-нибудь производство, то она разворяетъ въ районѣ своихъ дѣйствій всѣ мелкія хозяйства и вводитъ нищету. — Всякому извѣстна наконецъ формула, къ которой пришли добросовѣстные экономисты самыхъ различныхъ направленій: національное богатство есть нищета народа.—Поэтому всякому понятно, что и «Гражданинъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости», и вся публицистика, ратующая за развитіе кредита въ нашемъ отечествѣ, за умноженіе акціонерныхъ обществъ въ Россіи, за развитіе отечественной промышленности, — ратуетъ за гибель и нищету русскаго народа. Мы думаемъ, что это понятно даже самимъ «Гражданину» и «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ».

Но представимъ себѣ, что публицисты наши завтра измѣнятъ свою точку зрѣнія и объявятъ себя служителями непосредственно народа, только народа. Представимъ себѣ, что они нетолько не провоцируютъ облегченія учрежденія акціонерныхъ компаній, развитія отечественной промышленности, кредита и проч., но постоянно обращаютъ вниманіе правительства и общества на оборотную сторону этихъ явленій. Представимъ себѣ далѣе, что публицисты вырабатываютъ широкую систему спеціально-народнаго кредита; что вмѣсто всевозможныхъ субсидій, гарантій и привилегій частнымъ предпринимателямъ и обществамъ, они требуютъ государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производства и пріобрѣтенія новыхъ; что нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерныя компаніи, а производительныя артели; что успѣховъ земледѣлія они не отдѣляютъ отъ условій благопріятнаго положенія земледѣльца, свободы труда — отъ самостоятельности рабочаго и проч., и проч. Что будетъ, если всѣ эти домагательства публицистовъ осуществятся или приблизятся къ осуществленію? Производство и потребленіе будутъ конечно рости, потому что наши гипотетическіе публицисты не думаютъ

враждовать съ кредитомъ, съ машинами, съ принципомъ сочетанія экономическихъ силъ и со всѣми другими помощниками человѣка. Но такъ какъ машины напримѣръ они предполагаютъ состоящими въ рукахъ трудящихся классовъ, то машины эти не могутъ уже отнять у кого-нибудь заработокъ. Или такъ-какъ нормальнымъ сочетаніемъ экономическихъ силъ они признаютъ не акціонерную компанію, подрывающую и раззоряющую въ извѣстной мѣстности мелкія хозяйства, а соединеніе самыхъ этихъ хозяйствъ, то понятно, что такому товариществу раззорять некого. А между тѣмъ товарищество это, между членами котораго нѣтъ ни спекулянтовъ, ни незаинтересованныхъ въ производствѣ, повело бы свое дѣло лучше акціонерной компаніи. Итакъ программа нашихъ гипотетическихъ публицистовъ, направленная единственно ко благу народа, попутно достигаетъ общихъ экономическихъ результатовъ, по крайней мѣрѣ не худшихъ, чѣмъ тѣ, которые радуютъ сердца теперешнихъ нашихъ публицистовъ. Добиваясь національнаго богатства, мы его получаемъ, но получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нищету народа; добиваясь благосостоянія народа, мы получаемъ и его, и національное богатство.

Читатель можетъ сказать намъ, что все, что́ мы говорили, имѣетъ только косвенное отношеніе къ занимающему насъ собственно литературному вопросу. Положимъ, скажетъ читатель, что и «Гражданинъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» одинаково работаютъ на гибель русскаго народа. Это печально. Но дѣло не въ этомъ. Вы мнѣ скажите, отчего и «Гражданинъ», и «С.-Петербургскія Вѣдомости» плоски, слабы, безцвѣтны, вялы собственно въ литературномъ отношеніи. Я могу представить себѣ, что и неодобрительное дѣло ведется хорошо или по крайней мѣрѣ ловко, но я и этого не вижу.

Читатель, этому существуютъ причины двоякаго рода: общія и частныя, мѣстныя. И мы не уклонились отъ нихъ, а напротивъ приблизились къ нимъ, благодаря предъидущимъ разсужденіямъ. Читатель, повторяемъ, знаетъ не хуже насъ, не хуже «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», не хуже «Гражданина», что

національное богатство есть нищета народа, что свобода труда есть рабство работника и проч. Но онъ можетъ быть не замѣчалъ, что причины, обусловливающія этотъ маскарадъ, дѣлаютъ изъ знанія незнаніе или по крайней мѣрѣ непониманіе. Въ прошлый разъ мы видѣли сбразчики такого превращенія. Но въ исторіи политической экономіи можно найти примѣры еще болѣе поучительные. Изъ упомянутой выше книги г. Зибера читатель убѣдится, что вся огромная масса изслѣдованій о законѣ цѣнности (составляющихъ одинъ изъ главнѣйшихъ и основныхъ отдѣловъ политической экономіи), которая болѣе или менѣе уклонялась отъ понятія о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ и мѣрилѣ цѣнности, пропала для науки безслѣдно; что и во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ ученіемъ о цѣнности (а съ нимъ связаны почти всѣ экономическіе вопросы) наука подвинулась со времени своего основанія на столько, на сколько она не упускала изъ виду и развивала этотъ основный принципъ. Конечно какой-нибудь Маклеодъ, какой-нибудь Рошеръ обладаютъ несравненно бо́льшими познаніями, чѣмъ какія имѣлъ Адамъ Смитъ, но это не мѣшаетъ наукѣ Маклеода быть сосудомъ незнанія и непониманія. И если мы будемъ искать причинъ этого обстоятельства, то онѣ будутъ заключаться главнымъ образомъ въ забвеніи или умаленіи роли труда въ производствѣ, практически— роли трудящихся классовъ, роли народа. Можно сказать положительно, что политическая экономія, какъ наука, а не какъ сборникъ эмпирическихъ законовъ, практическихъ правилъ и хозяйственныхъ примѣтъ, существуетъ постольку, поскольку эта роль понята и поставлена во главу угла всего зданія. Послѣдній представитель классической политической экономіи, Милль грѣшенъ не извращеніемъ истины, какъ цѣлая фаланга французскихъ и нѣмецкихъ экономистовъ, а недостаточнымъ развитіемъ ея. И то ему на старости лѣтъ приходится получать сюрпризы, сбивающіе его установившіяся долгими трудами понятія. Всегда добросовѣстный Милль, котораго даже желчный и часто несправедливый къ людямъ Марксъ выдѣляетъ вмѣстѣ съ Фосетомъ и нѣкоторыми другими, изъ общей

клики экономистовъ, Милль объявилъ, по поводу книги Торнтона «Трудъ, его ложныя требованія» и проч., слѣдующее: «Теорія, проповѣдуемая всѣми или почти всѣми экономистами (въ томъ числѣ и мною), о невозможности соглашеніями рабочихъ поднять заработную плату или объ ограниченіи ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи нѣсколько раньшимъ достиженіемъ такого повышенія, которое было бы произведено и безъ того соперничествомъ рынка — эта теорія теперь лишена всякаго научнаго основанія и должна быть отброшена. Достоинства и недостатки дѣятельности рабочихъ союзовъ становятся теперь вопросомъ общественнаго долга и благоразумія, а не вопросомъ, безусловно разрѣшаемымъ непреложными требованіями политической экономіи (Торнтонъ, русск. перев., 427). Другой сюрпризъ доставила Миллю книга Мена объ общинномъ землевладѣніи. Вотъ къ какому еретическому заключенію пришелъ между прочимъ по поводу ея Милль: «Остается открытымъ вопросъ—какія изъ идей наиболѣе пригодны къ тому, чтобы править въ будущемъ, древнія ли идеи, или новыя. Если переходъ отъ однѣхъ къ другимъ произошелъ вслѣдствіе обстоятельствъ, изъ которыхъ міръ успѣлъ уже высвободиться, а тѣмъ болѣе, если этотъ переходъ произошелъ въ значительной степени вслѣдствіе насилія, то было бы лучше можетъ быть остановиться по крайней мѣрѣ на принципѣ древнихъ учрежденій, какъ болѣе пригодномъ, нежели принципъ учрежденій позднѣйшаго времени, чтобы послужить основаніемъ для болѣе совершеннаго, прогрессивнаго устройства общества». Пожалѣемъ мимоходомъ, что книга Мена, заставившая такого человѣка, какъ Милль, подписать это во многихъ отношеніяхъ самоотреченіе, до сихъ поръ не издана порусски, хотя объявленія о ея переводѣ и печатались одно время въ газетахъ.

Если политическая экономія, какъ наука, существуетъ постольку, поскольку во главѣ угла ея зданія стоитъ роль труда, если уклоненія отъ этого принципа дѣлаютъ изъ науки незнаніе и осуждаютъ ее на перемалываніе нѣсколькихъ эмпирическихъ правилъ и хозяйственныхъ примѣтъ; то само собою по-

нятно, что публицистика, руководствующаяся этимъ незнаніемъ и игнорирующая интересы труда, должна быть безцвѣтна, слаба, плоска, вяла. Таковы общія причины неудовлетворительности нашей журналистики, поскольку она занимается экономическими вопросами. Но есть еще причины частныя, мѣстныя и мы на нихъ не разъ указывали.

Колесо національнаго богатства только что начинаетъ вертѣться въ Россіи и при томъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вопервыхъ огромная часть производительныхъ силъ страны находится въ рукахъ народа, т. е. трудящихся классовъ. Значитъ для созданія національнаго богатства по программѣ отечественной журналистики надо отодрать громаду народа отъ земли и орудій производства. Вовторыхъ отодраніе это надо производить сознательно, потому что прислушиваемся же мы къ тому, что дѣлается и дѣлалось въ Европѣ; знаемъ же мы, что національное богатство есть нищета народа, что Миллю приходится задумываться насколько состоятельны тѣ самыя начала, которыя мы у себя вводимъ. Втретьихъ отодраніе должно быть произведено въ пользу лицъ и интересовъ еще не существующихъ, а только имѣющихъ образоваться самымъ процессомъ отодранія. Сознательное, но безцѣльное преступленіе—вотъ что приходится дѣлать современной журналистикѣ при нынѣшнемъ ея направленіи. Что можетъ быть ужаснѣе такой задачи, такого положенія? И мудрено ли, что эти люди ходятъ и пишутъ какъ тѣни, что грозный приговоръ потомства, подсказываемый имъ по временамъ совѣстью, связываетъ имъ языкъ и руки, отгоняетъ образы отъ воображенія, мысли отъ разума. Мудрено ли, что имъ нужно опьяненіе хорошими словами и общими мѣстами съ одной стороны, мелочами будничной жизни—съ другой. Я думаю, что самому закоренѣлому злодѣю нужно напиться пьянымъ, чтобы сознательно совершить безцѣльное убійство. Кто знаетъ, можетъ быть и въ «Гражданинѣ», и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» есть большіе таланты, но, придавленные своимъ ужаснымъ, почти невѣроятнымъ положеніемъ, они не могутъ развернуться. Прильпе

языкъ къ гортани ихъ. И таково положеніе вещей, что этому надо почти радоваться, за людей, за человѣческую природу радоваться. Еслибы при такомъ дѣлѣ языкъ не прилипъ къ ихъ гортани, это были бы какія-то чудовища, которымъ нѣтъ имени въ зоологіи. И потому я еще разъ говорю: явись въ современную литературу десятки крупныхъ талантовъ, первоклассныхъ мастеровъ техники и ученѣйшихъ людей, они ни на волосъ не измѣнятъ физіономіи литературы, если принесутъ съ собой только таланты, технику и знанія. Эдипы, вы жалки съ своими объясненіями и панацеями. И если бы не окружающій васъ limbus infantum, вы заслуживали бы болѣе жесткаго опредѣленія. Вы знаете девизъ Софоклова сфинкса, загадывавшаго загадки и вашему греческому тескѣ: угадай или я тебя пожру. Вы не угадали, новѣйшіе Эдипы, загадки времени, васъ нѣтъ, васъ ваше время пожрало. Вы имѣте полное право пѣть извѣстную разухабистую пѣсню:

Безъ меня меня женили,
Я на мельницѣ былъ.

Вы именно были и остаетесь на мельницѣ и мелете, мелете въ надеждѣ, что когда нибудь все перемелется и мука будетъ.

Однако, скажетъ читатель, вы говорили только о характерѣ экономическихъ статей, но вѣдь есть и другія области науки, есть искусство. Это справедливо. Но мы вовсе не такъ далеко забѣжали впередъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего надо замѣтить, что въ литературѣ всегда есть одна струна, которая задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ. Почему сегодня даетъ тонъ такая то именно струна, а завтра такая-то, это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, опредѣляемыхъ самой жизнью. Такими струнами были у насъ послѣдовательно поэзія, философія, литературная критика, экономическіе вопросы, естествознаніе; такою струною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могутъ стать политическіе вопросы. Что даетъ тонъ современной литературѣ, это одному Богу извѣстно. Но самая видная сторона нынѣшней общественной жизни есть

несомнѣнно экономическая. Сюда устремлены всѣ помышленія и аппетиты. Поэтому отношеніе литературы къ экономическимъ вопросамъ уже опредѣляетъ до извѣстной степени общую физіономію литературы. Далѣе, всѣ предъидущія соображенія могутъ быть приложены и ко всякаго рода другимъ вопросамъ.

Вольтеръ, будучи далеко не первостепеннымъ поэтомъ, написалъ прекрасную оду къ свободѣ. У насъ есть высоко даровитые поэты, но ни одинъ изъ нихъ не напишетъ ничего подобнаго. Вольтеръ вѣрилъ въ свободу, мы не вѣримъ и, прибавлю, имѣемъ право не вѣрить въ нее въ томъ смыслѣ, въ какомъ она вдохновляла Вольтера, ибо и она подверглась дѣйствію вышеприведеннаго соціологическаго закона, и мы это очень хорошо знаемъ. И здѣсь опять таки внѣ интересовъ народа спасенія литературѣ нѣтъ: все остальное съѣлъ нашъ совершенно законный скептицизмъ. О вредѣ тенденціозности говорить могутъ только Эдипы де-Пуле. Мы позволимъ себѣ напомнить, что мы давно уже приводили доказательства въ пользу того, что служеніе чистой красотѣ есть миѳъ; что, поклоняясь чистой, идеальной красотѣ, жрецъ чистаго искусства только возводитъ въ принципъ тѣ черты эмпирической красоты, которыя ему доступны; что онъ только ратуетъ за тѣ общественныя условія, которыя дали возможность выработаться этой эмпирической красотѣ. А Эдипы лѣзутъ съ техникой. Читали-ли они лирическое стихотвореніе, болѣе высоко художественное, чѣмъ «пѣсня о рубашкѣ» Томаса Гуда? И знаютъ-ли они вмѣстѣ съ тѣмъ лирическое стихотвореніе болѣе тенденціозное? Мнѣ говорили, что одинъ критикъ раскастилъ недавно между прочимъ старый разсказъ г. Тургенева «Муму». Самъ я не читалъ этой критики и не знаю аргументаціи автора ея. Но для меня въ образѣ этого глухонѣмаго дворника, отправляющагося топить по приказанію нервной и чувствительной барыни свою собаку—единственное утѣшеніе въ жизни, въ этомъ образѣ сосредоточивается цѣлая эпопея крѣпостничества. И я говорю, что это высоко художественное произведеніе, именно потому, что авторъ въ немъ служилъ не праздному любопытству, не чи-

стой красотѣ, воспитанной насчетъ глухонѣмыхъ дворниковъ, и не такимъ идеямъ, въ которыя онъ не вѣритъ, и не такимъ, которыя составляютъ достояніе секты, а идеѣ народа. И если поставить рядомъ съ этой прелестной и полной глубокаго содержанія картинкой теперешнія произведенія г. Тургенева, въ которыхъ «воспѣваетъ, простодушный, онъ любовь и красоту», въ которыхъ техника доведена до совершенства, то никто, я думаю, не задумается сказать «гдѣ лучше». А между тѣмъ талантъ не оставилъ г. Тургенева, его оставило чутье, и въ этомъ все дѣло.

Да не упрекнетъ меня читатель въ томъ, что я отвожу слишкомъ узкія границы мотивамъ современной беллетристики. Я не то хочу сказать, что беллетристика должна изображать исключительно страданія и радости мужиковъ. И это тема обширная и благодарная. Но не въ ней одной дѣло. Желательно, чтобы измѣнилась физіономія всей литературы и если она въ цѣломъ станетъ голосомъ общественной совѣсти и служительницей истины и справедливости, то и беллетристы найдутъ свои нынѣ потерянныя ими темы. Наконецъ почему не ждать и не желать, чтобы идея труда заняла въ беллетристикѣ то-же или по крайней мѣрѣ такое-же мѣсто, какое занимаетъ идея любви. Любовь есть основной мотивъ беллетристики со временъ незапамятныхъ. Беллетристы выворачиваютъ ее и такъ, и этакъ, часто строятъ на ней произведенія высокаго нравственнаго достоинства, но столь же часто волочатъ ее въ грязи и благоуханныхъ салоновъ и кабаковъ. И однако этотъ въ сущности очень простой мотивъ не надоѣлъ, не исчерпалъ себя. Почему предполагать, что идея труда исчерпаетъ себя скорѣе или сузитъ рамки поэтической дѣятельности? Трудъ, какъ вѣчная доля человѣчества, безконечно разнообразенъ въ своихъ условіяхъ, въ своихъ цѣляхъ, въ своихъ формамъ, въ своихъ комбинаціяхъ. Это море бездонное.

Я заболтался съ вами, читатель, пора кончать, и потому не буду на этотъ разъ говорить о задачахъ различныхъ отраслей науки въ виду идеи народа или интересовъ труда, тѣмъ болѣе

что объ этомъ у насъ уже была рѣчь въ послѣдней прошлогодней книжкѣ. Случай выпадетъ, и мы договоримъ недоговоренное. Я заканчиваю чѣмъ началъ: желаю вамъ на новый годъ честной и смѣлой литературы, внутренно честной и смѣлой, которая не боялась бы своихъ собственныхъ знаній, мыслей и чувствъ, которая ежеминутно задавала бы себѣ вопросы и не отходила отъ нихъ, не получивъ полнаго и безповоротнаго отвѣта.

II.

Февраль 1873 г.

«Пурриры» «Гражданина».—Отчего г. Достоевскій не пользуется темами подходящими къ его таланту и беретъ неподходящіе.—Комментаріи къ «Бѣсамъ». — Дневникъ писателя.—Власы и citoyens du monde civilisé.—Тѣхъ ли и всѣхъ-ли бѣсовъ нарисовалъ г. Достоевскій.

Когда стало извѣстнымъ, что г. Достоевскій дѣлается отвѣтственнымъ редакторомъ «Гражданина», «органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи», многіе были этимъ обстоятельствомъ заинтересованы. Интересовался и я. Мнѣ было прежде всего обидно за г. Достоевскаго. Еслибы у «органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи», какъ онъ обрисовался за годъ своего существованія; еслибы, говорю, у него были какія нибудь опредѣленныя идеи, то это были бы повидимому идеи весьма дикія, ни съ чѣмъ несообразныя. Въ такомъ случаѣ можно бы было даже радоваться, что ни съ чѣмъ несообразныя идеи отстаиваются неумѣло и бездарно. Вѣдь хуже бы было, еслибы за такое дѣло взялся человѣкъ или очень ловкій или очень талантливый. Но такое разсужденіе совершенно не примѣнимо къ «Гражданину». Никакихъ ясно опредѣленныхъ дикостей и несообразностей онъ не проповѣдывалъ, а былъ все время нѣкоторой кунсткамерой, хранилищемъ самыхъ разнообразныхъ антиковъ, монстровъ и раритетовъ, большею частью неважныхъ даже въ смыслѣ античности и монструозности. Такъ шутовство какое-то было, въ сущности даже совсѣмъ не-

винное, насколько шутовство можетъ быть невинно. Шутовство составляло именно цвѣтъ органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи. Теперь въ Петербургѣ появились какія-то конфекты, называемыя «пурриръ» (sic). Конфекты сами по себѣ просто скверныя и соль или вѣрнѣе сладость ихъ состоитъ въ прилагаемыхъ къ нимъ билетикахъ. На билетикахъ напечатаны стишки, сами по себѣ не столько смѣшные, сколько неожиданные, и эта неожиданность-то и можетъ заставить иногда улыбнуться. Стишки тутъ собственно вовсе не «для смѣху», не pour rire, а просто «пурриръ». Такъ вотъ такой-то газетой «пурриръ» и былъ органъ русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи. Издалъ напримѣръ «Гражданинъ» за лѣтніе мѣсяцы, въ которые онъ не выходилъ, сборникъ; на первой страницѣ втораго тома этого сборника напечатано: «Посвящается подписчикамъ «Гражданина» въ знакъ благодарности и уваженія отъ издателя и редакціи». Очевидно это не для смѣху, это просто «пурриръ». Или вотъ напримѣръ стихотвореніе:

О, я, несчастный Атласъ! Цѣлый міръ,
Міръ цѣлый мукъ и скорби я несу!
Невыносимую несу я ношу, сердце!
О, какъ еще не разорвешься ты!
О, сердце гордое! ты этого хотѣло!
Хотѣло счастья ты безмѣрнаго хотѣло —
Или безмѣрнаго несчастья—сердце! —
Пришло къ тебѣ—безмѣрное несчастье!

Это очевидно вовсе не для смѣху сдѣланный переводъ Гейне, это отрывокъ изъ обширнаго «пурриpa» г. Прахова, печатавшагося въ прошломъ году въ «Гражданинѣ». А пурриры кн. Мещерскаго? Да всего и не перечтешь. И редакторомъ такой то газеты «пурриръ» является вдругъ г. Достоевскій. Поневолѣ станетъ обидно за него, какъ за одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ писателей. Что онъ Гекубѣ? Что она ему? Но затѣмъ является вопросъ: что слѣлаетъ изъ «Гражданина» г. Достоевскій и сдѣлаетъ-ли что-нибудь? Теперь кажется можно уже отвѣтить на этотъ вопросъ. Г. Достоевскій изъ «Гражда-

нина» ничего не сдѣлаетъ, ничего или почти ничего. Правда, шутовской характеръ органа русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи, постепенно ослабѣваетъ подъ вліяніемъ, надо думать, новаго редактора. Но богъ вѣсть къ добру-ли это: шутовство именно и составляло до сихъ поръ цвѣтъ «Гражданина» и, лишаясь его, «Гражданинъ» обезцвѣчивается. А что получаетъ онъ взамѣнъ? Фельетоны г. Достоевскаго («Дневникъ писателя»), которые безъ сомнѣнія читаются съ большимъ интересомъ. Но г. Достоевскій писатель въ высшей степени своеобразный и однообразный, до такой степени своеобразный и однообразный, что для него едвали возможно распространить свой духъ на всю пустыню «Гражданина». Онъ будетъ изображать собою нѣкоторый оазисъ среди этой пустыни, и больше отъ него ничего нельзя требовать.

Кстати о своеобразіи и однообразіи г. Достоевскаго. Я только на дняхъ прочиталъ его послѣдній романъ «Бѣсы», уже въ отдѣльномъ изданіи, и по прочтеніи мнѣ пришелъ въ голову слѣдующій вопросъ: отчего г. Достоевскій не напишетъ романа изъ европейской жизни XIV—XV столѣтія? Какое вѣдь тамъ обширное поприще представляется для его блестящаго психіатрическаго таланта (иначе я не могу назвать талантъ г. Достоевскаго). Всѣ эти бичующіеся, демономаны, ликантропы, всѣ эти макабрскіе танцы, пиры во время чумы и проч., весь этотъ поразительный переплетъ эгоизма съ чувствомъ грѣха и жаждой искупленія,—какая это была бы благодарная тема для г. Достоевскаго. Мнѣ почему-то вспомнился Декамеронъ, и я уже сравнивалъ игривыя и легкомысленныя арабески Боккаціо съ тѣмъ, какъ воспользовался бы этой темой г. Достоевскій. Но я очень быстро оборвалъ нить этихъ соображеній и едва не вскрикнулъ: «ахъ я телятина!» Съ какой въ самомъ дѣлѣ стати г. Достоевскому заниматься такимъ далекимъ временемъ и такими чужими дѣлами. Просто мнѣ глупость пришла въ голову. Какіе тутъ макабрскіе танцы и шабаши вѣдьмъ, съ чего? Это такъ. Но почему бы не воспользоваться г. Достоевскому такими моментами, какъ напримѣръ наше масонство? Можетъ быть изъ

декабристовъ нашлись бы для него подходящія фигуры. Или вотъ напримѣръ «духовный союзъ» Татариновой, или исторія Грабянки. Да и вообще царствованіе Александра I и начало царствованія Николая Павловича такъ и просятся подъ перо г. Достоевскаго. Если наконецъ и это для него слишкомъ отдаленное время, то онъ и нынче можетъ найти благодарнѣйшіе мотивы въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектахъ, въ монастырской жизни, наконецъ въ спиритизмѣ. Я видалъ всего одну только спиритку, но положительно говорю, что лучшаго матеріала г. Достоевскому не найти.

Однако это становится любопытно. Какъ ни верти, а г. Достоевскій точно намѣренно обходитъ всѣ тѣ темы, которыя дали бы ему возможность развернуть свой блестящій талантъ. Скажутъ можетъ быть, что перечисленныя темы требуютъ особаго, спеціальнаго изученія. Это правда. Но, спрашивается, изучалъ-ли г. Достоевскій тѣ темы, которыя имъ эксплуатируются, и принадлежатъ-ли они фактически къ числу темъ, преимущественно для его таланта пригодныхъ? Небезъинтересно разсмотрѣть это дѣло нѣсколько поближе. Замѣчу на всякій случай, что я очень уже давно читалъ старыя произведенія г. Достоевскаго и только «Мертвый домъ» помню съ достаточною отчетливостью. Матеріялы для моей бесѣды о г. Достоевскомъ ограничиваются «Преступленіемъ и наказаніемъ», «Бѣсами» и «Дневникомъ писателя». Было бы очень любопытно прослѣдить весь ходъ развитія идей и таланта г. Достоевскаго, но я долженъ отказаться отъ этой интересной задачи.

Можно съ различныхъ точекъ зрѣнія различно классифицировать многочисленныя дѣйствующія лица новаго романа г. Достоевскаго. Но я попробую раздѣлить ихъ на нѣсколько категорій съ точки зрѣнія отношенія къ нимъ г. Достоевскаго, *какъ писателя*, причемъ и выяснятся особенности его таланта.

Мы найдемъ въ «Бѣсахъ» вопервыхъ нѣсколько фигуръ, сдѣланныхъ очень топорно и вовсе г. Достоевскому не принадлежащихъ. Это молодые люди, говорящіе: «нынче нѣтъ привидѣній, а естественныя науки»; дѣвушки, разъѣзжающія изъ го-

рода въ городъ «чтобъ заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ и возбудить ихъ повсемѣстно къ протесту», и т. п. Эти шаблонные образы, играющіе въ романѣ послѣднюю роль, авторомъ не продуманы и не прочувствованы, а взяты на прокатъ у гг. Стебницкихъ и Ключниковыхъ. Нѣкоторое исключеніе впрочемъ составляютъ болѣе или менѣе самостоятельно отдѣланныя и потому болѣе или менѣе человѣкообразныя фигуры женъ Шатова и Виргинскаго. Всю эту группу г. Достоевскій окрещиваетъ именемъ «идеи, попавшей на улицу».

Затѣмъ идетъ рядъ образовъ, принадлежащихъ г. Достоевскому наравнѣ съ другими русскими беллетристами. Они разумѣется очень разнообразны по поэтической концепціи, по своей нравственной идеѣ, по роли занимаемой ими въ романѣ, и проч. Но я ихъ ставлю въ одну категорію потому, что всѣмъ имъ можно подыскать параллели въ произведеніяхъ другихъ нашихъ романистовъ, и всѣ они въ то же время суть самостоятельныя созданія г. Достоевскаго. Напримѣръ типъ идеалиста сороковыхъ годовъ эксплуатировался у насъ весьма часто. Г. Достоевскій беретъ его, но беретъ съ нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ и потому придаетъ ему свѣжесть и оригинальность, несмотря на избитость темы. Еслибы я имѣлъ въ виду собственно критическій разборъ «Бѣсовъ», то я непремѣнно занялся бы этими поучительными параллелями. Но я пишу только замѣтки. Большая часть лицъ этой второй категоріи въ «Бѣсахъ» удачны, а нѣкоторыя даже превосходны. Если прекрасныя фигуры упомянутаго идеалиста сороковыхъ годовъ, Степана Трофимовича Верховенскаго, и знаменитаго русскаго писателя Кармазинова, читающаго свой прощальный разсказъ Mercі,—впадаютъ мѣстами въ шаржу, то фигуры супруговъ Лембке положительно безупречны.

Третья категорія для насъ самая интересная. Здѣсь группируются образы, составляющіе въ русской литературѣ исключительную собственность г. Достоевскаго. Такихъ довольно много въ «Бѣсахъ»:Ставрогинъ, Шатовъ, Петръ Верховенскій, Кириловъ, Шиголевъ. Общее между этими лицами то, что всѣ они

находятся на границѣ нормальнаго и ненормальнаго состоянія духа. Всѣ они ведутъ странный образъ жизни, всѣ высказываютъ странныя мысли. Весьма важно однако замѣтить, что это не сумасшедшіе. Г. Достоевскій любитъ иногда рисовать и такихъ. Такъ въ «Бѣсахъ» есть намеки на временное умопомѣшательство Ставрогина; есть сумасшедшая Лебядкина-Ставрогина, есть сходящій на глазахъ читателя съ ума Лембке. Но не въ этомъ состоитъ спеціальность г. Достоевскаго. Его любимые герои держатся на границѣ ума и безумія, нормальнаго и ненормальнаго состоянія воли. Это или люди, находящіеся въ сильно возбужденномъ состояніи, или мономаны, имѣющіе возможность сочинять и проповѣдывать весьма замысловатыя теоріи.

Гризингеръ въ своемъ сочиненіи о душевныхъ болѣзняхъ замѣчаетъ: «*Нѣкоторыя* поэтическія изображенія умалишенныхъ превосходны во многихъ чертахъ, взятыхъ съ натуры (Офелія, Лиръ, лучше всѣхъ Донъ-Кихотъ); но такъ-какъ поэтъ представлялъ эти состоянія почти исключительно съ духовной стороны, какъ результатъ предшествовавшихъ столкновеній, выставляя только то, что могло служить ему для этой цѣли, и совершенно обходя органическое ихъ основаніе, то и описаніе его по крайней мѣрѣ односторонне». И далѣе: «Поэтическія и моралистическія представленія не только безполезны и теоретически ошибочны, но и положительно вредны въ практическомъ отношеніи. Они дали людямъ, не знающимъ дѣла, такія представленія о душевныхъ болѣзняхъ, которыя не имѣютъ даже и отдаленнаго сходства съ дѣйствительностью, и когда представленія эти не соотвѣтствуютъ ей, у такого человѣка является сомнѣніе дѣйствительно-ли это душевная болѣзнь. Какъ наивно удивляются многіе посѣтители дома умалишенныхъ, представлявшіе себѣ его жителей совершенно иначе!» Таковы требованія психіатра. Но конечно они слишкомъ строги. Обыкновенный читатель не психіатръ и очень рѣдко эмпирическій психологъ, поэтому въ Донъ-Кихотѣ напримѣръ для него имѣютъ совершенно второстепенный интересъ тѣ именно черты, которыя съ

психіатрической точки зрѣнія можетъ быть особенно дороги, напримѣръ галлюцинаціи Ламанчскаго героя. Поэтому, называя выше талантъ, г. Достоевскаго психіатрическимъ, я не то хотѣлъ сказать чтобы имъ вѣрно изображались уклоненія разума и воли отъ нормальнаго состоянія. Объ этомъ я судить не могу. Думаю, что, какъ и всякому наблюдателю, интересующемуся извѣстнымъ кругомъ явленій, г. Достоевскому случается и дѣлать вѣрныя наблюденія, и впадать въ фальшь. Но некомпетентность эта не мѣшаетъ мнѣ, какъ и всякому другому, судить о психіатрическихъ субъектахъ г. Достоевскаго съ эстетической и нравственной стороны. Донъ-Кихотъ занимаетъ меня какъ художественное произведеніе и какъ нравственный типъ, хотя бы я имѣлъ самыя смутныя понятія о процессахъ галлюцинацій и иллюзій. Литературная критика и голосъ толпы оцѣнили Донъ-Кихота задолго до психіатровъ.

Относительно г. Достоевскаго дѣло облегчается еще тѣмъ, что, несмотря на свою наклонность къ изображенію безумія, онъ рѣдко рисуетъ его только какъ процессъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ рѣшаетъ при помощи своихъ психіатрическихъ субъектовъ какую нибудь нравственную задачу и большею частью придаетъ рѣшенію мистическій характеръ. Онъ, если позволена будетъ нѣкоторая восточность метафоры, разыгрываетъ на струнахъ душевной болѣзни нравственно-политическіе мотивы. Въ «Бѣсахъ», какъ и въ «Преступленіи и наказаніи», какъ, сколько помнится, и въ «Идіотѣ», онъ устраиваетъ цѣлые оркестры такого рода. Онъ дѣлаетъ это двояко. Либо онъ беретъ какой нибудь психологическій мотивъ, напримѣръ чувство грѣха и жажду искупленія (мотивъ, его особенно интересующій) и заставляетъ его дѣйствовать въ образѣ. Вы видите напримѣръ, что человѣкъ согрѣшилъ, его мучаетъ совѣсть, онъ налагаетъ наконецъ на себя какую нибудь эпитемію и тѣмъ достигаетъ душевнаго спокойствія. Это одинъ пріемъ. Онъ былъ примѣненъ г. Достоевскимъ въ «Преступленіи и наказаніи». Въ «Бѣсахъ» неудачную попытку этого рода представляетъ Ставрогинъ. Другой пріемъ состоитъ въ томъ, что измученному ду-

шевною болѣзнью человѣку влагается въ уста извѣстное разрѣшеніе какого нибудь нравственнаго вопроса. Въ «Бѣсахъ» къ сожалѣнію преобладаетъ второй пріемъ. Говорю: къ сожалѣнію, потому что пріемъ этотъ очевидно невыгоденъ въ художественномъ отношеніи. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ послѣдняго романа г. Достоевскаго говоритъ: «не я съѣлъ свою идею, а моя идея меня съѣла». Это могли бы сказать объ себѣ весьма многіе герои г. Достоевскаго. И это типъ безъ сомнѣнія въ высшей степени интересный и поучительный. Но одно дѣло показать его какъ типъ, какъ живой образъ, на глазахъ читателя дѣйствительно пожираемый своею идеею. И другое дѣло заставить человѣка безъ устали проповѣдывать пришитую къ нему идею. А таковы большею частью герои «Бѣсовъ» (я разумѣю героевъ третьей категоріи, излюбленныхъ героевъ г. Достоевскаго). Они пожираются своею идеею въ совершенно другомъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что у г. Достоевскаго такой громадный запасъ эксцентрическихъ идей, что онъ просто давитъ ими своихъ героевъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ Бальзакомъ. Приведемъ два-три примѣра.

Въ числѣ всякой губернской сволочи, увивающейся около губернаторши, m-me Лембке, есть нѣкто Лямшинъ. Это мелкая гадина, трусливая, глупая, скверная. M-me Лембке наконецъ выгоняетъ его отъ себя, но пріятели убѣждаютъ ее прослушать «новую особенную штучку на фортепьяно», которую выдумалъ Лямшинъ. Штучка называется «Франко-прусская война». «Начиналась она грозными звуками марсельезы:

Qu'un sang impur abreuve nos sillons!

Слышался напыщенный вызовъ, упоеніе будущими побѣдами. Но вдругъ, вмѣстѣ съ мастерски варьпрованными тактами гимна, гдѣ-то сбоку, внизу, въ уголку, но очень близко послышались гаденькіе звуки Mein lieber Augustin. Марсельеза не замѣчаетъ ихъ, Марсельеза на высшей точкѣ упоенія своимъ величіемъ; но Augustin укрѣпляется, Augustin все нахальнѣе, и вотъ такты Augustin какъ-то неожиданно начинаютъ совпадать

съ тактами Марсельезы. Та начинаетъ какъ бы сердиться, она замѣчаетъ наконецъ Augustin, она хочетъ сбросить ее; отогнать, какъ навязчивую, ничтожную муху, но Mein lieber Augustin уцѣпилась крѣпко; она весела и самоувѣренна; она радостна и нахальна; и Марсельеза какъ-то вдругъ ужасно глупѣетъ: она уже не скрываетъ, что раздражена и обижена, это вопли негодованія, это слезы и клятвы съ простертыми къ провидѣнію руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos fortresses.

Но уже она принуждена пѣть съ Mein lieber Augustin въ одинъ тактъ. Ея звуки какъ-то глупѣйшимъ образомъ переходятъ въ Augustin, она склоняется, погасаетъ. Изрѣдка лишь, прорывомъ послышится опять: qu'un sang impur... Но тотчасъ же преобидно перескочитъ въ гаденькій вальсъ. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавръ, рыдающій на груди Бисмарка и отдающій все, все... Но тутъ уже свирѣпѣетъ и Augustin: слышатся сиплые звуки, чувствуется безмѣрно выпитое пиво, бѣшенство самохвальства, требованія милльярдовъ, тонкихъ сигаръ, шампанскаго и заложниковъ; Augustin переходитъ въ неистовый ревъ... Франко-прусская война оканчивается. *Наши аплодируютъ, Юлія Михайловна улыбается и говоритъ: «ну какъ его прогнать»? Миръ заключенъ У мерзавца дѣйствительно былъ талантикъ»*—. Не то что талантикъ, а идея мерзавца совершенно давитъ его, его не видишь въ теченіи всего дуэта Марсельезы съ Mein lieber Augustin, такъ что подчеркнутыя слова встрѣчаешь съ нѣкоторымъ изумленіемъ: читатель совсѣмъ было и забылъ Лямшина.

Другой примѣръ. Петръ Верховенскій обнаруживаетъ свою «идею» только въ концѣ второй части романа. И пока этого не случилось, вы можете слѣдить за его фигурой, можете разсуждать удовлетворительна-ли она въ литературномъ отношеніи (весьма неудовлетворительна), какова она какъ нравственный типъ и т. п. Но вдругъ на Верховенскаго нападаетъ восторженное состояніе, оказывается, что онъ фанатикъ. Онъ раз-

вываетъ свою идею. Онъ восторженно доказываетъ Ставрогину, что необходимо одно или два поколѣнія разрушенія, пожаровъ, убійствъ, разврата «неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь». «Начнется смута! Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ. Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ». Тутъ по плану г. Верховенскаго надо пустить «Ивана-Царевича», роль, предназначаемая имъ Ставрогину. «Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его, онъ скрывается. А знаете, что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному напримѣръ. И пойдетъ по всей землѣ: «видѣли, видѣли». И Ивана Филиповича бога-саваофа видѣли, какъ онъ въ колесницѣ вознесся предъ людьми, «собственными» глазами видѣли. А вы не Иванъ Филиповичъ; вы красавецъ, гордый какъ Богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, «скрывающійся». Главное легенду! Вы ихъ побѣдите, взглянете и побѣдите. Новую правду несетъ и «скрывается». А тутъ мы два-три соломоновскихъ приговора пустимъ. Кучки-то, пятерки-то—газетъ не надо! Если изъ десяти тысячъ одну только просьбу удовлетворить, то всѣ пойдутъ съ просьбами. Въ каждой волости каждый мужикъ будетъ знать, что есть дескать гдѣ-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ», и заволнуется море, и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить *мы* будемъ, мы, одни мы!»

Мы привели только часть практическаго плана Верховенскаго, и онъ еще на нѣсколькихъ страницахъ развиваетъ теоретическую сторону своей идеи. И во все это время читатель до такой степени пораженъ дикой оригинальностью, эксцентричностью идеи, что Верховенскаго тутъ какъ будто и не бывало. Точно вы читаете дикую книгу или слушаете дикую рѣчь совершенно неизвѣстнаго и не малѣйше васъ не интересующаго человѣка. И замѣчательно, что исчезновеніе Верховенскаго, какъ образа, какъ характера, происходитъ какъ разъ въ ту минуту,

когда онъ становится представителемъ третьей изъ принятыхъ нами категорій, т.-е. когда онъ переходитъ въ исключительную собственность г. Достоевскаго. Безъ сомнѣнія такое пожираніе тучныхъ коровъ поэзіи тощими коровами фантазіи людей, находящихся на границѣ ума и безумія,—въ художественномъ отношеніи не можетъ быть выгодно. Герои г. Достоевскаго, давимые идеями, по необходимости блѣдны, блѣднѣе по крайней мѣрѣ, чѣмъ они могли бы быть нарисованы рукою такого мастера. И въ «Бѣсахъ» они особенно блѣдны, здѣсь нѣтъ ни одного образа, равнаго въ художественномъ отношеніи фигурамъ Раскольникова, Свидригайлова въ «Преступленіи и наказаніи». Недуренъ пожалуй Шигалевъ, но онъ вопервыхъ стоитъ въ самомъ заднемъ углу, а вовторыхъ не развертываетъ своей идеи вполнѣ, а только показываетъ одинъ край ея, такъ что не успѣваетъ быть ею придавленнымъ. Вообще же вмѣсто образовъ *людей, придавленныхъ своими идеями*, въ «Бѣсахъ» фигурируютъ *образы, придавленные идеями, обязательно изобрѣтенными для нихъ авторомъ*.

Позволивъ себѣ эти бѣглыя эстетическія замѣчанія, перейдемъ къ самымъ идеямъ. Хорошо или дурно изображены извѣстные типы, но надо еще знать умѣстно-ли ихъ изображеніе. Надо знать съ кого г. Достоевскій портреты эти писалъ и гдѣ разговоры эти слышалъ.

Въ «Бѣсахъ» разсказывается исторія, по внѣшнему ходу событій и обстановкѣ поразительно сходная съ такъ называемымъ Нечаевскимъ дѣломъ. Есть тутъ вожакъ, Верховенскій (сынъ), устраивающій тайное общество посредствомъ цѣлаго ряда обмановъ. Онъ водитъ всѣхъ за носъ какимъ-то центральнымъ революціоннымъ комитетомъ; связями съ международнымъ обществомъ рабочихъ; виршами, будто бы въ честь его, «студента», написанными *Герценомъ*. Есть поддѣльный ревизоръ, присутствующій съ записной книжкой на засѣданіяхъ кружка. Есть студентъ Шатовъ, постоянно враждующій съ вожакомъ Верховенскимъ. Есть сцена убійства Шатова, котораго заманиваютъ въ гротъ въ паркѣ и тамъ сначала пристрѣливаютъ, а потомъ

топятъ. Есть нѣкто Толкаченко, «странная личность, человѣкъ уже лѣтъ сорока и славившійся огромнымъ изученіемъ народа, преимущественно мошенниковъ и разбойниковъ, ходившій нарочно по кабакамъ, впрочемъ не для одного изученія народнаго». И проч., и проч., и проч. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ романистъ точно задался мыслію не отступать отъ свѣдѣній, добытыхъ слѣдствіемъ и судомъ по Нечаевскому дѣлу. Такъ напримѣръ отношенія, существовавшія между Нечаевымъ и Ивановымъ, не выяснены. Неизвѣстнымъ и до сихъ поръ остается хотѣлъ ли Ивановъ сдѣлать доносъ, или онъ только въ томъ подозрѣвался, или наконецъ Ивановъ совсѣмъ по другимъ причинамъ мѣшалъ Нечаеву. Такъ дѣло стоитъ и у г. Достоевскаго. Отношенія Шатова и Верховенскаго весьма неясны: авторъ не позволилъ себѣ ни на волосъ отступить не то что отъ описываемой имъ дѣйствительности, а даже отъ дѣйствительности, какъ она выяснилась слѣдствіемъ и судомъ. Естественное дѣло, что если важная часть фабулы романа взята изъ современной и надѣлавшей шуму исторіи, то мы вправѣ ожидать отъ автора картины современныхъ нравовъ весьма точной. Странно было бы описывать фактическую сторону дѣла съ фотографической скрупулезностью, а содержаніе влагать въ нее фантастическое или вообще несоотвѣтствующее. Но точность поэтической картины есть нѣчто весьма условное. Въ дѣйствительности есть черты важныя и неважныя, типическія и случайныя. Если поэтъ самымъ тщательнымъ образомъ и вполнѣ точно обрисуетъ черты случайныя и неважныя, то этимъ еще отнюдь не достигается поэтическая точность картины. И на оборотъ; я понимаю, что художникъ можетъ изобразить напримѣръ лиссабонское землятресеніе двумя тремя человѣческими фигурами, если сумѣетъ сконцентрировать въ нихъ суть дѣла. Въ какой мѣрѣ точна картина современной жизни, написанная г. Достоевскимъ? Еслибы его романъ былъ переведенъ на какой-нибудь иностранный языкъ и попалъ бы такимъ образомъ въ руки людей, мало или вовсе незнакомыхъ съ капризными особенностями нашего даровитаго романиста, то они пришли бы въ крайнее изумленіе. Оставляя

пока въ сторонѣ смыслъ всего романа, мы видимъ небольшую группу излюбленныхъ авторомъ героевъ, молодыхъ людей, занимающихся разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ, въ которыхъ для нихъ кульминируется вся злоба дня. «Вы атеистъ?—Да». «Вѣруете вы сами въ Бога?—Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе. Я вѣрую въ тѣло Христово. Я вѣрую, что новое пришествіе совершится въ Россіи.—А въ Бога? въ Бога?—Я... Я буду вѣровать въ Бога». «Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?—Нѣтъ, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную». «Онъ придетъ, и имя ему человѣкобогъ. — Богочеловѣкъ?—Человѣкобогъ, въ этомъ разница.—Ужь не вы ли и лампадку зажигаете?—Да, это я зажегъ—Увѣровали?» «Богъ необходимъ, а потому долженъ быть, но я знаю, что его нѣтъ и не можетъ быть». Вотъ вопросы и отвѣты, имѣющіе мѣсто между тремя самыми видными изъ излюбленныхъ героевъ г. Достоевскаго. Изъ этого источника берутъ начало и ихъ соціальныя теоріи. Впрочемъ другія дѣйствующія лица третьей категоріи, Петръ Верховенскій и Шигалевъ, строятъ свои замысловатыя теоріи на другихъ основаніяхъ. Но во всякомъ случаѣ имѣлъ ли какое-нибудь основаніе г. Достоевскій группировать около Нечаевскаго дѣла людей, проникнутыхъ мистицизмомъ? Думаю, что нѣтъ, а тѣмъ паче не имѣлъ онъ права ставить ихъ типами современной русской молодежи вообще. Такіе люди конечно возможны и здѣсь, какъ и вездѣ. Но мало ли что возможно. Едва ли русская молодежь такъ пристально занимается мистико-религіозными вопросами. Напротивъ направленіе ея, вообще говоря, чисто практическое, а если кое-кто изъ нея и занимается соціальными теоріями, то ужь конечно не такого характера, какимъ отличаются теоріи Ставрогина, Шатова, Кирилова. Замѣчательно, что молодые люди, представляющіе у г. Достоевскаго «идею, попавшую на улицу», тяготѣютъ къ вящшему реализму, съ задоромъ объявляютъ, что «нынѣче нѣтъ привидѣній, а естественныя науки» и т. п. Молодые же люди, «съѣденные своею идеей», тяготѣютъ въ совершенно противоположную сторону. Обстоятельство это въ романѣ ничѣмъ не мотивировано, а это

жаль. Во всякомъ случаѣ, еслибы г. Достоевскій принялъ въ соображеніе громадную массу русскихъ молодыхъ людей, стремящихся въ адвокаты, мировые судьи, проводители усовершенствованныхъ путей сообщенія и проч., и проч., и проч.; еслибы онъ прибавилъ сюда массу молодыхъ людей, настроенныхъ и серіозно и трезво, наконецъ еслибы онъ остановилъ подольше свое вниманіе на массѣ молодыхъ верхоглядовъ,—то онъ безъ сомнѣнія убѣдился бы, что теоріи, подобныя Шатовскимъ, Кириловскимъ, Ставрогинскимъ, могутъ занимать здѣсь только микроскопически ничтожное мѣсто. Онъ убѣдился бы даже, что Нечаевское дѣло есть до такой степени во всѣхъ отношеніяхъ монстръ, что не можетъ служить темой для романа съ болѣе или менѣе широкимъ захватомъ. Оно могло бы доставить матеріалъ для романа уголовнаго, узкаго и мелкаго, могло бы пожалуй занять мѣсто и въ картинѣ современной жизни, но не иначе, какъ въ качествѣ третьестепеннаго эпизода. Но и помимо Нечаевскаго дѣла, гдѣ слышалъ г. Достоевскій, чтобы современные русскіе молодые люди встрѣчали и провожали другъ друга; вопросами: вы атеистъ? вы лампадку зажигали? вы увѣровали? Тѣмъ паче, гдѣ слышалъ онъ изъ устъ молодежи такія идеи, какъ напримѣръ: «народъ есть тѣло божіе», «русскій народъ богоносецъ» и т. п.? Я не спорю, можетъ быть онъ все это и слышалъ, но уже конечно не имѣетъ права выставлять эти черты, въ качествѣ характерныхъ, типическихъ, на первое мѣсто. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Парижѣ и въ Берлинѣ существовали клубы самоубійцъ, по статуту которыхъ члены по жребію должны были убивать себя по одному въ годъ. Это фактъ любопытный. Но что бы сказали о писателѣ, который, рисуя картину европейской жизни начала нынѣшняго вѣка, наполеоновскія войны поставилъ бы въ задній уголъ, а клубъ самоубійцъ на первое мѣсто? Писатель этотъ могъ бы быть очень точенъ въ описаніи своихъ героевъ, но несоблюденіе правила художественной перспективы испортило бы все дѣло. Я думаю, что нѣтъ надобности настаивать на пунктѣ, который доступенъ ежедневному наблюденію всѣхъ и каждаго и потому позволяю

себѣ сказать афористически: еслибы г. Достоевскій нарочно искалъ такой среды, въ которой мистическія теоріи были бы совершенно неумѣстны, то онъ нашелъ бы ее въ современной русской молодежи.

Такимъ образомъ мы пришли къ чрезвычайно странному и любопытному результату. Г. Достоевскій не пользуется темами, подходящими къ свойствамъ его таланта, и въ тоже время втискиваетъ эксцентрическія идеи туда, гдѣ ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Это объясняется очень легко, если мы примемъ въ соображеніе какъ богатъ г. Достоевскій эксцентрическими идеями. Онѣ очевидно его просто мучатъ, тѣснятся въ его фантазіи въ гораздо даже большемъ количествѣ, чѣмъ художественные образы. Прошу покорно выносить въ головѣ Ивана Царевича и два поколѣнія невообразимаго разврата и разрушенія, или теорію самообожествленія посредствомъ самоубійства, которую исповѣдуетъ и практикуетъ Кириловъ. Разъ подобная теорія сложилась въ головѣ автора, она требуетъ исхода. Значитъ авторъ уже органически не можетъ взяться за беллетристическую эксплоатацію напримѣръ духовнаго союза Татариновой или спиритизма. Тамъ есть *свои*, готовыя уже теоріи, *свои* эксцентрическія идеи, а г. Достоевскому надо прежде всего сложить свое собственное бремя. И понятно, что удобнѣе всего его сложить туда, гдѣ больше мѣста, гдѣ дѣйствительность создала наименьшее количество эксцентрическихъ идей и теорій. Г. Достоевскому нужны только подходящія рамки, готовое драматическое положеніе и слабый намекъ на возможность эксцентрическихъ идей. Намекъ этотъ долженъ быть, но чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ просторнѣе продуктамъ фантастической лабораторіи автора. Конечно это обобщеніе можетъ показаться слишкомъ поспѣшнымъ. Но я только предлагаю объясненіе, въ пользу котораго говорятъ и еще кое какія соображенія. Сюда относятся вышеупомянутое пожираніе тучныхъ коровъ поэзіи тощими коровами фантазіи людей, находящихся на границѣ ума и безумія. Сюда же относится и самое пристрастіе автора въ этой границѣ. Герои г. Достоевскаго какъ разъ настолько

безумны, что имъ позволительно уклоняться отъ самыхъ неопровержимыхъ истинъ, и въ тоже время какъ разъ настолько умны, что могутъ излагать довольно связно весьма замысловатыя идеи. Люди нормальные для г. Достоевскаго неудобны, такъ-какъ имъ нельзя вложить въ уста эксцентрическую идею. Сумашедшіе тоже не годятся, потому что тутъ пришлось бы довольствоваться совершенно бозсвязною галиматьей.

Выше было сказано, что г. Достоевскій напоминаетъ Бальзака, конечно не по симпатіямъ своимъ, а только по богатству эксцентричискихъ идей и наклонности къ изображенію исключительныхъ психологическихъ явленій. (Небезъинтересно замѣтить мимоходомъ еще одно сходство: фельетонный способъ писанія широко задуманныхъ вещей). Но разница вотъ въ чемъ. Бальзакъ вопервыхъ гораздо смѣлѣе, потому что не рѣдко беретъ не только исключительное психологическое явленіе, а нѣчто совершенно невозможное, фантастическое (напримѣръ Серафитъ). Вовторыхъ, взявъ какой нибудь рѣдкій феноменъ, большею частью одностороннее развитіе какой-нибудь страсти, онъ уже за нимъ только и слѣдитъ, на немъ одномъ, отъ имени его одного только и строитъ свои эксцентрическія теоріи. Вслѣдствіе такой сосредоточенности романъ получаетъ иногда удивительную силу, идея романа (а не дѣйствующихъ лицъ) вырѣзывается съ необыкновенною ясностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывается и исключительность сюжета. Менѣе плодовитый г. Достоевскій надѣляетъ эксцентрическими идеями всѣхъ, кого только физически возможно надѣлить ими. (Въ «Бѣсахъ» они прорываются даже у Ѳедьки каторжника и пьяницы капитана Лебядкина). Носители эксцентрическихъ идей оказываются при этомъ придавленными не только нравственно, что и хотѣлъ изобразить г. Достоевскій, а и въ художественномъ отношеніи, чего онъ разумѣется не желалъ. Въ результатѣ получается нѣчто многоцентренное, расплывающееся, рядъ насильственно пригнанныхъ драматическихъ положеній, въ которыхъ чрезвычайно трудно оріентироваться. А между тѣмъ въ «Бѣсахъ» г. Достоевскій желалъ быть какъ можно яснѣе. Онъ вопервыхъ снаб-

дилъ романъ двумя очень характерными эпиграфами. Одинъ — стихи Пушкина:

Хоть убей, слѣда не видно
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
. . . . . .
Сколько ихъ, куда ихъ гонятъ,
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ отдаютъ?

Другой эпиграфъ взятъ изъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи бѣсноватаго, объ томъ какъ изгоняемые Христомъ бѣсы попросили у него позволенія переселиться въ пасшееся недалеко стадо свиней и какъ потомъ свиньи бросились въ озеро и потонули. Эпиграфъ этотъ получаетъ въ концѣ романа спеціальное объясненіе. Верховенскій отецъ, больной, проситъ сидѣлку прочитать ему разсказъ объ исцѣленіи бѣсноватаго. Та читаетъ, а Степанъ Трофимовичъ предается по этому случаю нѣкоторымъ изліяніямъ. «Видите,—говоритъ онъ между прочимъ,—это точь въ точь какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней — это язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! Oui, cette Russie que j'aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осѣнятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже можетъ быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша... et les autres avec lui, и я можетъ быть первый, во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватитъ. Но больной исцѣлится и «сядетъ у ногъ Іисусовыхъ»... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ».

Такимъ образомъ г. Достоевскій весьма обязательно самъ

даетъ ключъ къ уразумѣнію «Бѣсовъ». Но это мало подвигаетъ дѣло впередъ. Еслибы еще г. Достоевскій ограничился первымъ эпиграфомъ:

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ? —

то идея романа могла бы быть, хоть и слишкимъ общею, но за то по крайней-мѣрѣ ясною. Второй эпиграфъ, въ особенности въ связи съ его объясненіемъ устами Степана Трофимовича, показываетъ только, что идея романа замысловата, что тутъ есть нѣкоторая претензія. Но ключъ къ ея уразумѣнію предлагается въ видѣ аллегоріи, которую не съ разу и поймешь. Спрашивается, въ чемъ состоятъ міазмы, нечистота, бѣсы и бѣсенята, въ теченіи вѣковъ копившіеся въ нашемъ больномъ? кто эти «мы, мы и тѣ, и Петруша et les autres avec lui», объ которыхъ говоритъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій? кто эти свиньи, въ которыхъ вселяются бѣсы, изгоняемые изъ больной Россіи? въ чемъ наконецъ состоитъ ихъ бѣсовскій элементъ? Въ самомъ романѣ трудно найти отвѣты на эти вопросы. Пожалуй многія дѣйствующія лица его дѣйствительно напоминаютъ бѣсноватыхъ, но конечно дѣло не въ этомъ прямомъ смыслѣ слова, а въ аллегоріи. Формула «мы, мы и тѣ, и Петруша et les autres avec lui» обобщаетъ элементы чрезвычайно разнообразные, такъ что не легко усмотрѣть ихъ совпадающія стороны. «Петруша et les autres avec lui» представляются напримѣръ вамъ, т. е. Степану Трофимовичу Верховенскому, въ видѣ «подлаго раба, вонючаго и развратнаго лакея», который при извѣстныхъ обстоятельствахъ «взмостится на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала (Сикстинскую Мадонну) во имя равенства, зависти и пищеваренія». Съ своей стороны и Петруша et les autres avec lui осыпаютъ «насъ», Степана Трофимовича Верховенскаго, эпитетами, полными ненависти и презрѣнія. И эти враждебныя отношенія вполнѣ объясняются дѣйствительнымъ внутреннимъ различіемъ обоихъ лагерей. Далѣе въ каждомъ изъ нихъ мы опять таки видимъ

только различія и различія. Люди, представляющіе собою исключительные психологическіе феномены, уже сами по себѣ составляютъ нѣчто трудно поддающееся обобщеніямъ. А такъ-какъ въ «Бѣсахъ» эти люди суть большею частью только подставки для эксцентрическихъ идей, то становится еще труднѣе стать на такую точку зрѣнія, съ которой всѣ они сливались бы въ понятіе стада бѣсноватыхъ свиней. Въ самомъ дѣлѣ эксцентрическая идея непремѣнно стоитъ, если можно такъ выразиться, ершомъ, она не имѣетъ ничего общаго съ идеями не эксцентрическими и другими эксцентрическими, такъ что рядъ подставокъ для эксцентрическихъ идей не подлежитъ никакому синтезу; нѣтъ возможности подвести имъ итогъ. И потому, какъ ни старался г. Достоевскій быть яснымъ, онъ этого не достигъ.

Къ счастію тутъ подвернулся «Гражданинъ». Потому ли, что идея «Бѣсовъ» вообще сильно занимаетъ г. Достоевскаго, или потому, что «Дневникъ писателя» пишется подъ непосредственнымъ вліяніемъ писанія «Бѣсовъ», но дневникъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ комментарій къ «Бѣсамъ». Многія мысли «Дневника» высказаны уже въ «Бѣсахъ» разными дѣйствующими лицами и въ особенности молодымъ студентомъ Шатовымъ, или, въ переводѣ на языкъ дѣйствительности, убитымъ Ивановымъ. Комментируя «Бѣсовъ» «Дневникомъ», мы уяснимъ себѣ многое.

Николай Ставрогинъ, по первоначальному по крайней мѣрѣ замыслу автора, долженъ былъ повидимому быть самымъ замѣтнымъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа, нѣкоторымъ его центромъ. Вышла однако фигура съ претензіями, но крайне тусклая. Шатовъ, Кириловъ, Лебядкинъ повторяютъ ему одну и туже фразу: «вспомните, какъ много значили вы въ моей жизни», но это значеніе остается не выясненнымъ. Шатовъ ждетъ отъ Ставрогина многаго, расчитывая на его геніальность; Верховенскій Петръ тоже ждетъ отъ него многаго, но въ расчетѣ на его «необыкновенную способность къ преступленію». Всѣ видятъ въ немъ отчасти натуру крайне сильную, а отчасти крайне слабую. Гдѣ-то за кулисами дѣйствуетъ Ставрогинъ въ качествѣ

члена тайнаго «сладострастнаго» общества, «у котораго маркизъ де-Садъ могъ бы поучиться», которое «заманивало и развращало дѣтей». Когда-то, опять таки за кулисами, Ставрогинъ «увѣрялъ, что не знаетъ различія въ красотѣ между какою нибудь сладострастною звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы жертвой жизнью для человѣчества, что онъ нашелъ въ обоихъ полюсахъ совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія». Словомъ это что-то очень бурное, необыкновенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то очень плоское, будничное. Такъ напримѣръ Ставрогинъ давно записался въ граждане кантона Ури, купилъ тамъ маленькій домъ и зоветъ туда съ собой поочереди трехъ, ни въ чемъ между собою несходныхъ женщинъ: экзальтированную Лизу, преданную Дашу и сумашедшую Лебядкину. Ему кажется все равно съ кѣмъ скоротать свою бурную жизнь, но только непремѣнно съ женщиной, непремѣнно въ маленькомъ швейцарскомъ домѣ, никого не видя, ничего не дѣлая. Всѣ поступки Ставрогина какъ-то изысканно необычайны. И особенно замѣчательно, что г. Достоевскому очень хочется показать, что онъ въ здравомъ разсудкѣ. Онъ даже нарочно для этого сводитъ его на время съ ума, заставляетъ дѣлать безумныя выходки, которыя однако по общему необъяснимо таинственному, инстинктивному убѣжденію свойственны Ставрогину и въ здравомъ умѣ. Романъ даже тѣмъ и оканчивается, что трупъ самоубійцы Ставрогина анатомируютъ и «наши медики по вскрытіи трупа совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство». Это послѣднія строки романа. Очевидно г. Достоевскій хотѣлъ тутъ разрѣшить нѣкоторую психологическую задачу, но не только разрѣшенія какой нибудь задачи не вышло, не вышла даже постановка ея. Нѣкоторое поясненіе дѣла найдемъ мы въ «Дневникѣ писателя» (Гражданинъ, № 4). Тамъ разсказывается слѣдующая исторія. Одинъ мужикъ взялся сдѣлать какую угодно «дерзостную» штуку. Другой и заказалъ ему: пойди причащаться, но причастія не глотай, а возьми въ руку и сохрани. Мужикъ сдѣлалъ. Тогда деревенскій Мефистофель повелъ его въ огородъ, велѣлъ положить причастіе на землю, зарядить ружье и выстрѣлить въ причастіе.

«И вотъ только бы выстрѣлить, разсказывалъ потомъ мужикъ, вдругъ предо мной какъ есть крестъ, а на немъ Распятый. Тутъ я и упалъ съ ружьемъ въ безчувствіи». Затѣмъ мужикъ пошелъ каяться въ грѣхахъ своихъ, почувствовалъ жажду искупленія и страданія и отправился за совѣтомъ къ «схимнику, монаху-совѣтодателю», который и наложилъ на него подходящую эпитемью.

Вотъ разсказъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ замѣчаній г. Достоевскаго, онъ могъ бы составить прекрасную монографію, въ смыслѣ описанія и разъясненія даннаго случая. Въ качествѣ поэта г. Достоевскій могъ бы ограничиться собственно образнымъ представленіемъ развитія «дерзостной» мысли, страшнаго страданія, послѣдовавшаго за ея осуществленіемъ, и наконецъ наслажденія искупляющимъ страданіемъ. Могла бы выдти великолѣпная вещь. Если г. Достоевскій не надѣется на силу своего поэтическаго таланта, то онъ могъ бы конечно развести образы нѣкоторыми размышленіями. Но г. Достоевскій ведетъ дѣло въ этомъ отношеніи уже слишкомъ далеко. Онъ видитъ въ дерзостномъ и кающемся мужикѣ символъ ни больше, ни меньше, какъ «всего русскаго народа въ его цѣломъ», и по этому случаю передается нѣкоторой мало основательной публицистикѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ характеристическихъ, по мнѣнію г. Достоевскаго, чертъ русскаго народа въ его цѣломъ. «Это прежде всего—забвеніе всякой мѣрки во всемъ (и замѣтьте всегда почти временное и преходящее, являющееся какъ бы какимъ то навожденіемъ). Это потребность хватитъ черезъ край, потребность въ замирающемъ ощущеніи, дойдя до пропасти, свѣситься въ нее на половину, заглянуть въ самую бездну и—въ частныхъ случаяхъ, но весьма рѣдкихъ—броситься въ нее какъ ошалѣлому внизъ головой... нѣкоторое адское наслажденіе собственной гибелью, захватывающая дыханіе потребность нагнуться надъ пропастью и заглянуть въ нее, потрясающее восхищеніе предъ собственной дерзостью». Это одна черта, черта, по мнѣнію г. Достоевскаго, всенародная. Въ частности выразилась она и въ исторіи дерзостнаго мужика. Она-же очевидно должна была составлять основу характера Ставрогина, ибо нѣ-

которыя дѣйствующія лица романа говорятъ объ немъ почти тѣми-же словами, какія г. Достоевскій употребляетъ для характеристики народа. Потому то г. Достоевскій такъ и хлопочетъ, чтобы Ставрогина не приняли за сумашедшаго: онъ долженъ выражать собою одну изъ типическихъ чертъ русскаго народа и всѣ его безобразія должны объясняться потребностью дерзости.

Другая черта народа состоитъ въ страстной потребности искупить дерзость, грѣхъ. «Съ такою-же силою, съ такою-же стремительностью, съ такою-же жаждою самосохраненія и покаянія русскій человѣкъ, равно какъ и весь народъ, и спасаетъ себя самъ и обыкновенно когда дойдетъ до послѣдней черты, т.-е. когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчокъ возстановленія и самоспасенія бываетъ серьезнѣе прежняго порыва,—отрицанія и саморазрушенія. То бываетъ всегда на счету какъ бы мелкаго малодушія; тогда какъ въ возстановленіе свое русскій человѣкъ уходитъ съ самымъ огромнымъ и серьезнымъ усиліемъ, а на отрицательное прежнее движеніе свое смотритъ съ презрѣніемъ къ самому себѣ. Я думаю самая главная, самая коренная духовная потребность русскаго народа есть потребность страданія, всегдашняго и неутолимаго, всегда и во всемъ. Этою жаждою страданія онъ кажется зараженъ искони вѣковъ. Страдальческая струя проходитъ черезъ всю его исторію, не отъ внѣшнихъ только несчастій и бѣдъ, а бьетъ ключемъ изъ самаго сердца народнаго... Если онъ способенъ возстать изъ своего униженія, то мститъ себѣ за прошлое паденіе ужасно, даже больнѣе, чѣмъ вымещалъ на другихъ, въ чаду безобразія, свои тайныя муки отъ собственнаго недовольства собой». Вотъ другая черта народнаго русскаго характера, фигурирующая и въ исторіи дерзостнаго мужика. Есть она отчасти и въ Ставрогинѣ. Она прорывается въ немъ отдѣльными вспышками, напримѣръ когда онъ объявляетъ о своемъ бракѣ съ Лебядкиной, когда онъ молча выноситъ пощечину отъ Шатова и т. д. Прорывается, но не доходитъ до конца. Любопытно, что Шатовъ, представляющій собою вообще мнѣнія г. Достоевскаго, посылаетъ Ставрогина къ

какому-то Тихону, бывшему архіерею, живущему по болѣзни на покоѣ, къ которому ходятъ за совѣтами. Это очевидно тотъ-же схимникъ, монахъ-совѣтодатель, къ которому дерзостный мужикъ идетъ за эпитемьей. Но Ставрогинъ не пошелъ за эпитемьей; не пошелъ за активнымъ, такъ сказать, страданіемъ, а страданія пассивнаго, предложеннаго стеченіемъ жизненныхъ обстоятельствъ, не вынесъ и повѣсился. Вотъ въ чемъ, значитъ, разница между Ставрогинымъ и Власомъ, какъ г. Достоевскій зоветъ дерзостнаго мужика, мотивируя весь разсказъ объ немъ извѣстнымъ стихотвореніемъ г. Некрасова:

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой и т. д.

И Власъ и Ставрогинъ одинаково чувствуютъ «наклонность къ преступленію», наклонность впрочемъ только порывистую, наклонность согрѣшить для грѣха, для сильнаго ощущенія. Но Власа этотъ грѣхъ не выбиваетъ изъ его жизненнаго сѣдла окончательно; въ концѣ концовъ даже укрѣпляетъ въ немъ. Онъ идетъ искупать свой грѣхъ и въ страданіи искупленія находитъ примиреніе съ самимъ собой. Ставрогинъ этого сдѣлать не въ силахъ. Онъ падаетъ окончательно именно потому, что не можетъ или не хочетъ принять на себя крестъ; вѣрнѣе сказать не можетъ, силъ не хватаетъ, хоть его и тянетъ къ этому.

Такимъ образомъ, благодаря «Дневнику писателя», тусклый образъ Ставрогина нѣсколько уясняется. Но мы все-таки еще далеки отъ идеи романа, — отъ бѣсовъ, бѣсноватыхъ свиней и больной Россіи. Не ясенъ даже ближайшій пунктъ: что долженъ изображать собою Ставрогинъ, если только онъ не единица, не имѣющая никакого общаго значенія; почему, сохранивъ одну черту народнаго характера, онъ утратилъ другую; почему наконецъ у Власа хватаетъ силы на искупленіе, а у Ставрогина нѣтъ. Пойдемъ дальше въ своихъ комментаріяхъ.

Одинъ изъ героевъ «Бѣсовъ», Кирилловъ, сочинилъ эксцен-

трическую теорію, сущность которой, на сколько ее понимать можно, состоитъ въ слѣдующемъ: Бога нѣтъ; еслибы онъ былъ, то я долженъ бы былъ повиноваться его волѣ; но такъ какъ Бога нѣтъ, то я остаюсь единственнымъ и полнымъ властителемъ своей судьбы и долженъ заявить, что я человѣкъ вольный, никого надъ собой не признаю и никого и ничего не боюсь; такимъ полнымъ актомъ моей воли или «своеволія» можетъ быть только самоубійство, но самоубійство безъ всякой видимой причины: хочу и баста. Это вяжется у Кирилова съ разными другими вещами и между прочимъ со служеніемъ человѣчеству. Онъ вѣруетъ, что убивъ себя, онъ докажетъ міру ложь бытія божія и укажетъ человѣчеству новые пути. Въ силу этой теоріи Кириловъ и рѣшаетъ убить себя. Этимъ пользуется шайка Петра Верховенскаго и заставляетъ безумца подписать передъ самоубійствомъ записку, въ которой Кириловъ принимаетъ на себя убійство Шатова. Подписывая, Кириловъ находится въ какомъ то истерическомъ состояніи и непремѣнно хочетъ подписаться: de Kiriloff, gentilhomme russe et citoyen du monde, «еще лучше»: gentilhomme—séminariste russe et citoyen du monde civilisé. Немедленно послѣ этихъ словъ Кириловъ хватаетъ револьверъ и бѣжитъ стрѣляться. Въ словахъ этихъ звучитъ какая-то насмѣшка надъ самимъ собой, какая-то иронія, тѣмъ болѣе необъяснимая, что Кириловъ по собственному своему убѣжденію исполняетъ священный долгъ. И ничто въ предъидущемъ не даетъ ни малѣйшаго намека на смыслъ французской подписи. Очевидно здѣсь авторъ просто не утерпѣлъ и подсунулъ Кирилову, на свой собственный страхъ, насмѣшливое прозвище, въ устахъ Кирилова совершенно безсмысленное, невозможное. Къ счастію у насъ есть опять таки «Дневникъ писателя», въ которомъ это самое насмѣшливое прозвище является въ сопровожденіи нѣкотораго объясненія. Въ Дневникѣ г. Достоевскій называетъ Герцена gentilhomme russe et citoyen du monde, г. Некрасова «обще-человѣкомъ и русскимъ gentilhomme'омъ». Но опять таки съ которой стороны могутъ быть подведены къ одному знаменателю Некрасовъ, Герценъ и Кириловъ?

Мнѣ очень хочется добраться вмѣстѣ съ читателемъ до идеи «Бѣсовъ». Г. Достоевскій имѣетъ полное право требовать, чтобы къ его мыслямъ и произведеніямъ относились со всевозможными вниманіемъ и осторожностью. Я это дѣлаю, и не моя вина, что это можетъ быть сдѣлано только при помощи цѣлаго ряда отступленій. Такъ ужь г. Достоевскій свой романъ устроилъ. Но теперь мы сдѣлаемъ, надо думать, уже послѣднее отступленіе, мы у берега.

Я уже говорилъ о любопытномъ совпаденіи кровныхъ, задушевныхъ мыслей г. Достоевскаго, высказываемыхъ имъ въ Гражданинѣ, съ идеями Шатова. Сходство между Шатовымъ и г. Достоевскимъ до такой степени полно, что излагая мысли Шатова, можно цитировать «Дневникъ писателя» и на оборотъ. Но при изложеніи этомъ надо устранить прежде всего одну двусмысленность. И г. Достоевскій и Шатовъ къ сожалѣнію играютъ словомъ «Богъ». Иногда они придаютъ этому слову тотъ же смыслъ, который ему придается всѣми людьми, какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими. Но иногда они разумѣютъ подъ «Богомъ» нѣчто иное, и именно кажется совокупность и высшую точку развитія національныхъ особенностей. Такъ напримѣръ они называютъ религіей древнихъ грековъ ихъ философію и искусство, римскимъ богомъ—государство. Куда при этомъ дѣваются Зевесъ и Юпитеръ со всей ихъ свитою—неизвѣстно. Г. Достоевскій и Шатовъ иногда громятъ атеистовъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то-есть въ качествѣ людей, отрицающихъ существованіе личности творца вселенной. И въ тоже время Ставрогинъ пишетъ: «Шатовъ говорилъ мнѣ, что тотъ, кто теряетъ связи съ своей землей, тотъ теряетъ и боговъ своихъ, то-есть *всѣ свои цѣли*». Да въ этомъ же смыслѣ высказываются и сами Шатовъ и г. Достоевскій. А между тѣмъ на этой двумысленности, на этой игрѣ словъ основываются многіе ихъ аргументы. Шатову, какъ человѣку, находящемуся въ постоянно возбужденномъ состояніи, наконецъ какъ человѣку, не берущемуся никого поучать, это простительно. Но отъ г. Достоевскаго можно было бы требовать большей отчетливости и меньшей игривости. Онъ вѣдь

романистъ, а теперь и публицистъ, и редакторъ журнала. Любопытно наблюдать процессъ, которымъ обнаруживается это легкомысленное отношеніе г. Достоевскаго къ дѣлу. Шатовъ, смѣшавъ Бога съ богами въ смыслѣ цвѣтовъ и плодовъ цивилизаціи и народныхъ особенностей, доказываетъ, что человѣкъ, оторванный отъ народной, національной почвы, тѣмъ самымъ уже становится атеистомъ. Доказываетъ онъ это восторженно, но торопливо, нескладно, нелѣпо, что вполнѣ объясняется его ненормальнымъ состояніемъ: съ нимъ «жаръ», онъ только что прожилъ три дня съ мыслью, что его убьетъ Ставрогинъ. И тѣмъ не менѣе г. Достоевскій считаетъ этотъ пунктъ доказаннымъ и говоритъ въ «Дневникѣ»: «Герценъ былъ продуктъ нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde. Въ полтораста лѣтъ предъидущей жизни русскаго барства, за весьма малыми исключеніями, истлѣли послѣдніе корни, разшатались послѣднія связи его съ русской почвой и съ русской правдой. Герцену какъ будто сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства нашего образованнаго сословія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣлясь отъ народа, они *естественно потеряли и Бога*. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами, вялые и спокойные—индеферентными» и т. д. (Шатовъ говоритъ почти слово въ слово тоже самое о Бѣлинскомъ). Въ виду этого легкомыслія я отказываюсь слѣдить за теоріей г. Достоевскаго-Шатова во всей ея полнотѣ. Это просто невозможно. Въ теоріи этой заключается между прочимъ такой пунктъ: каждый народъ долженъ имѣть своего бога, и когда боги становятся общими для разныхъ народовъ, то это признакъ паденія и боговъ и народовъ. И это вяжется какъ-то съ христіанствомъ, а я до сихъ поръ думалъ, что для христіанскаго Бога нѣсть эллинъ, ни іудей...

За вычетомъ этой двусмысленности, этой совершенно неприличной игры словъ, воззрѣнія г. Достоевскаго-Шатова сводятся къ слѣдующему. Вѣками сложилась русская почва и русская правда, сложились извѣстныя понятія о добрѣ и злѣ. Петровскій переворотъ раздѣлилъ народъ на двѣ части, изъ которыхъ

одна, меньшая, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряла смыслъ русской правды, а другая, большая, только слегка подернулась этимъ движеніемъ. Когда первая часть, меньшинство, образованные классы обратили наконецъ свое вниманіе на большинство, на народъ, обратилась къ нему даже съ любовью и желаніемъ добра, они уже не понимали его. Если они и любили народъ, то не тотъ, который тутъ возлѣ нихъ реально существовалъ, а народъ идеальный, созданный ихъ воображеніемъ по западно-европейскимъ образцамъ. А любить идеальный народъ, любить «общечеловѣка» значитъ презирать или ненавидѣть народъ, существующій въ дѣйствительности. Этого мало. По мѣрѣ удаленія отъ народной правды, народныхъ понятій о добрѣ и злѣ, образованные citoyens du monde теряли *всякое* чутье въ различеніи добра и зла, потому что внѣ народныхъ преданій нѣтъ почвы для такого различенія, на него неспособны ни разумъ, ни наука. А между тѣмъ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ тянетъ къ этому различенію, и вотъ они мечутся, ищутъ и ничего не находятъ, а назадъ вернуться уже не могутъ. Они и погибнутъ. Можетъ бить они увлекутъ за собой временно и народъ, можетъ быть уже и увлекаютъ, но въ концѣ концовъ Власы скажутъ свое слово и спасутъ себя и насъ.

Такова теорія г. Достоевскаго-Шатова. Шатовъ говоритъ, что это «или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всѣхъ московскихъ славянофильскихъ мельницахъ, или совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обновленія и воскресенія». Увы! Кажется и сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что это дребедень. Теорія эта, да проститъ мнѣ почтенный авторъ, и слишкомъ стара и слишкомъ ребячески молода, чтобы изъ нея стоило вытаскивать ту крупицу истины, которая въ ней заключается. Г. Достоевскій справедливо говоритъ, что барство извращаетъ понятія о добрѣ и злѣ, но съ Петра ли оно началось? Авторъ повидимому и самъ догадывается, что гораздо раньше, и что съ Петра оно только явилось въ другой формѣ. Онъ говоритъ, что бѣсы и бѣсенята, міазмы и нечистота накопились въ «нашемъ миломъ больномъ за вѣка, за вѣка!» Из-

вѣстно, что это одинъ изъ камней преткновенія славянофильскаго ученія, и мы его трогать не будемъ. Мы воспользуемся только приведенной теоріей для объясненія идеи «Бѣсовъ» и нѣкоторыхъ любопытныхъ соображеній г. Достоевскаго въ «Дневникѣ писателя»,

Бѣсноватый больной, — это Россія, въ которую вселились бѣсы, въ точности неизвѣстно когда. Бѣсы, — это утрата способности различать добро и зло. Стадо свиней, пасущееся недалеко,—это оторванные отъ народной почвы citoyens du monde, это, «мы, мы и тѣ, и Петруша et les autres avec lui.» Всѣ они сохранили въ себѣ одну черту русскаго народнаго характера, — потребность дерзости, жажду отрицанія и разрушенія. Весь романъ представляетъ рядъ болѣе или менѣе дерзкихъ выходокъ и подвиговъ отрицанія и разрушенія, совершаемыхъ разными типами citoyen'овъ. Одинъ пускаетъ мышь въ кіоту образа, другой надругается надъ самыми святыми чувствами, третій херитъ всю вѣковую русскую исторію, четвертый безцѣльно и безсмысленно оскорбляетъ людей, пятый объявляетъ себя богомъ, шестой проповѣдуетъ всеобщій развратъ и проч. и проч. и проч. Все это совершается въ силу особенной черты русскаго характера, заставившей и дерзостнаго мужика Власа покушаться на разстрѣляніе причастія. Но изъ Власа бѣсъ забвенія границъ добра и зла немедленно выходитъ, Власъ не теряетъ чувства грѣха и жаждетъ искупленія, страданія. Citoyen'ы не способны къ этому. Отрицая, разрушая, дерзая, не только въ силу народной безсознательной особенности, а во имя чуждыхъ, общечеловѣческихъ идеаловъ, они не чувствуютъ грѣха, они гордятся имъ, а если и чувствуютъ, то не въ силахъ понести искупляющее страданіе. Они вѣшаются, стрѣляются, окунаются въ омутъ разврата и подлости, впадаютъ въ систематическое, хроническое преступленіе, словомъ такъ или иначе, одолѣваемые вселившимся въ нихъ бѣсомъ, бросаются со скалы въ море и тонутъ. Возврата, спасенія нѣтъ даже для Шатова, который съ болѣзненною ясностью сознаетъ ужасъ своего положенія. Онъ предлагаетъ Ставрогину нелѣпость, которую и самъ готовъ назвать «кунштюкомъ»: «добыть Бога мужицкимъ трудомъ».

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?

Но вотъ свиньи бѣсноватыя побросались со скалы въ море и потонули. Что-же, больной исцѣлился? сидитъ у ногъ Іисусовыхъ? Нѣтъ, не исцѣлился, не сидитъ. Иначе г. Достоевскій не писалъ бы своего «Дневника». Можетъ быть потому не исцѣлился, что еще не всѣ свиньи перетонули, а можетъ быть и потому, что народились новыя, особенныя, которыхъ г. Достоевскій просмотрѣлъ. Да, онъ многое просмотрѣлъ, онъ *все* просмотрѣлъ...

Г. Достоевскій очень ясно видитъ, что больной не исцѣлился. Онъ говоритъ, что Власы «кутятъ»—пьянствуютъ, кривятъ душой, грабятъ, убиваютъ. Но особенное вниманіе г. Достоевскій обращаетъ на забвеніе Власами народной правды въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей. Подталкиваемые citoyen'ами, либеральничающими прокурорами и философствующими о вліяніи среды адвокатами, присяжные, по замѣчанію г. Достоевскаго, слишкомъ склонны къ оправданію преступниковъ. Г. Достоевскій весьма желаетъ отдѣлить сантиментальность и философію среды отъ того воззрѣнія народнаго, въ силу котораго народъ зоветъ *наказанныхъ* преступниковъ «несчастными». Кстати, я не знаю почему г. Достоевскій вездѣ пропускаетъ подчеркнутое мною слово: сколько мнѣ извѣстно, народъ не зоветъ несчастными воровъ, убійцъ, поджигателей, онъ зоветъ несчастными каторжниковъ, заключенныхъ въ тюрьму, арестантовъ, вообще терпящихъ наказаніе. Это простое соображеніе помогло бы г. Достоевскому безъ всякихъ діалектическихъ тонкостей отдѣлить воззрѣнія народа на «несчастныхъ» отъ философіи среды и сантиментальности. Но эта простота и ясность затруднили бы г. Достоевскаго въ другомъ отношеніи. Ему нужно доказать, что русская народная правда состоитъ главнымъ образомъ въ стремленіи къ страданію. Обобщивъ нѣсколько патологическихъ случаевъ въ этомъ направленіи, г. Достоевскій доходитъ почти до смѣшнаго въ томъ жарѣ, въ той ревности, съ которыми онъ охраняетъ свой выводъ. Онъ приводитъ напримѣръ стихотво-

реніе Некрасова «Власъ», критикуетъ его съ той и съ другой стороны, но за всѣмъ тѣмъ признаетъ, что Некрасовымъ вѣрно понята страстная жажда страданія, обуявшая бывшаго грѣшника Власа. Нѣкоторыя строки стихотворенія приводятъ г. Достоевскаго даже въ восторгъ, и онъ замѣчаетъ: «Чудо, чудо какъ хорошо. Даже такъ хорошо, что точно и не вы писали; точно это не вы, а другой кто замѣсто васъ кривлялся потомъ «на Волгѣ» въ великолѣпныхъ тоже стихахъ про бурлацкія пѣсни. А впрочемъ не кривлялись вы и «на Волгѣ», развѣ только немножко: вы и на Волгѣ любили общечеловѣка въ бурлакѣ и дѣйствительно страдали по немъ, то-есть не по бурлакѣ собственно, а такъ-сказать по обще-бурлакѣ». Чтобы видѣть чѣмъ удовлетворяется и противъ чего возмущается г. Достоевскій, я напомню читателю тѣ стихи Некрасова про бурлацкія пѣсни, объ которыхъ идетъ рѣчь:

Унылый сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ.
Все туже пѣсню ты поешь,
Все туже лямку ты несешь.
Въ чертахъ усталаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца...
Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей
И мрутъ безъ всякаго слѣда
И безъ урока для дѣтей!
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что заповѣдать сыновьямъ.
И какъ ему — не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?
Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
Какъ онъ, безплодно пропадешь.
Такъ заметается пескомъ

Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
Не краше узника въ цѣпяхъ.
Твердя постылыя слова,
Отъ вѣка тѣ-же: разъ да два!
Съ болѣзненнымъ припѣвомъ „ой“
И въ тактъ мотая головой...

Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что г. Достоевскій возмущается именно подчеркнутыми мною строками. Въ нихъ выражается протестъ противъ страданія бурлака и можетъ быть протестъ противъ отсутствія протеста съ его стороны. И замѣтьте какъ зорко ревнивъ и подозрителенъ г. Достоевскій. Добро бы поэтъ представилъ русскаго человѣка, не желающаго страдать, терпѣть, тянуть вѣковѣчную лямку, и окружилъ бы его какимъ-нибудь ореоломъ или представилъ бы его какимъ-нибудь всенароднымъ русскимъ типомъ. Ну тогда такъ. Тогда г. Достоевскій могъ бы поднять оружіе за терпѣніе и страданіе, какъ за истинные и великіе атрибуты русскаго народа; это было бы законно съ его точки зрѣнія. Но ничего подобнаго нѣтъ. Поэтъ изобразилъ людей, страдающихъ молча, почти не сознающихъ своего страданія, а тѣмъ паче не протестующихъ. И г. Достоевскій все-таки не доволенъ. Для объявленія войны ему достаточно чисто отрицательнаго явленія: человѣкъ только не поэтизируетъ страданія, покорности и терпѣнія, и г. Достоевскому чудится уже здѣсь и презрѣніе и ненависть къ русскому народу, во имя общечеловѣческихъ идеаловъ, презрѣніе и ненависть къ бурлаку во имя «обще-бурлака». И замѣтьте еще какъ оригинально вяжутся мысли въ головѣ г. Достоевскаго. Онъ готовъ не видѣть разницы между добровольнымъ искупительнымъ страданіемъ Власа и невольными страданіями неповинныхъ бурлаковъ. Страданіе есть—и конецъ: благоговѣйте и не пытайтесь хотя бы мысленно вычеркнуть его, въ немъ вся суть народнаго характера и все спасеніе народа.

Понятно, какъ должна возмущать г. Достоевскаго подмѣченная имъ наклонность присяжныхъ къ оправдательнымъ вердиктамъ: они отнимаютъ у преступниковъ искупительное страданіе,

спасительный крестъ. «Прямо скажу: строгимъ наказаніемъ, острогомъ и каторгой вы можетъ быть половину спасли бы изъ нихъ. Облегчили бы ихъ, а не отяготили. Самоочищеніе страданіемъ легче, легче, говорю вамъ, чѣмъ та участь, которую вы дѣлаете многимъ изъ нихъ сплошнымъ оправданіемъ ихъ на судѣ. Вы только вселяете въ его душу цинизмъ, оставляете въ немъ соблазнительный вопросъ и насмѣшку надъ вами-же, надъ судомъ вашимъ, надъ судомъ всей страны. Вы вливаете въ его душу безвѣріе въ правду народную, въ правду божію». Эти слова произвели нѣкоторую сенсацію, такъ что, по собственному разсказу г. Достоевскаго, къ нему приходилъ съ репримандомъ одинъ пріятель, человѣкъ имъ уважаемый. Г. Достоевскій отвѣтилъ пріятелю, что онъ вовсе не противъ суда присяжныхъ и вовсе не желаетъ административной опеки. Пусть самъ народъ свободно творитъ судъ, пусть онъ именно творитъ его свободно, и тогда, еслибы и произошла какая нибудь большая общая бѣда, народъ спасетъ и себя и насъ. Не знаю остался ли доволенъ этимъ объясненіемъ пріятель г. Достоевскаго, но по моему оно слишкомъ туманно и до него дѣло стояло даже какъ будто яснѣе: г. Достоевскій желалъ спасти народную правду отъ опеки citoyen'овъ прокуроровъ и адвокатовъ. Кажется такъ. Но въ развитіи этой мысли г. Достоевскій раздваивается. Съ одной стороны онъ твердо стоитъ на своемъ: страданіе есть атрибутъ русскаго народа, онъ любитъ, онъ хочетъ страдать, а слѣдовательно тѣмъ паче долженъ страдать преступникъ, во искупленіе своего грѣха, для своего собственнаго счастія. Это одна струя въ аргументаціи г. Достоевскаго. Другая-же состоитъ изъ положеній, отъ которыхъ не отказались бы многіе citoyens du monde. Рядомъ съ народной правдой г. Достоевскій самымъ общечеловѣческимъ языкомъ и съ самыхъ общечеловѣческихъ точекъ зрѣнія доказываетъ, что ученіе о средѣ въ своемъ крайнемъ развитіи обезличиваетъ и нравственно унижаетъ человѣка. Онъ предполагаетъ нелѣпую рѣчь адвоката, защищающаго «развитаго» убійцу тѣмъ, что онъ убилъ «неразвитаго», и находитъ, что она нелѣпа. Еще бы не нелѣпа, но

причемъ-же тутъ народная правда? Онъ разсказываетъ (и мучительно превосходно разсказываетъ) исторію мужика, который варварствомъ своимъ довелъ жену до самоубійства и объявленъ по суду виновнымъ, но достойнымъ снисхожденія. Этотъ приговоръ возмущаетъ г. Достоевскаго, но только отчасти потому, что варваръ лишенъ возможности искупить свой грѣхъ соотвѣтственнымъ страданіемъ. Главнымъ образомъ его заботитъ судьба дѣвочки, которая свидѣтельствовала противъ отца и которая, когда онъ черезъ восемь мѣсяцевъ вернется домой изъ острога, будетъ имъ истиранена и замучена, какъ и мать. А это совершенно уже общечеловѣческое разсужденіе. Съ точки зрѣнія народной-то правды дѣвочкѣ можетъ быть даже и хорошо пострадать, вотъ какъ бурлаку волжскому.

Да, г. Достоевскій, и вы citoyen du monde, какъ и мы всѣ грѣшные. И тутъ пожалуй не объ чемъ печалиться, потому что разные бываютъ citoyens, точно также, какъ и народная правда бываетъ разная. Элементы народной правды растутъ какъ грибы, стихійно, по направленію наименьшаго сопротивленія, и на одной и той-же полянкѣ можно найти и съѣдобный грибъ, и поганку. Вѣдь варваръ мужикъ въ основаніи своемъ (я не говорю во всемъ своемъ существѣ) тоже имѣлъ правду народную, — право мужа бить жену, «учить». Что касается спеціально уголовной правды народной, то я напомню вамъ «Народныя русскія легенды» Афанасьева, гдѣ вы можете найти подвиги искупленія почище подвиговъ Власа и дерзостнаго мужика. Вы найдете тамъ еще двѣ замѣчательныя легенды, помѣщенныя почти рядомъ (№ 28 «Грѣхъ и покаяніе» и № 30 «Крестный отецъ»). Въ одной идетъ рѣчь о великомъ грѣшникѣ, который долго несъ крестъ, но однажды не вытерпѣлъ и убилъ разбойника, хваставшаго убійствами. Онъ думалъ, что онъ совсѣмъ пропалъ, совершивъ убійство, когда и старыхъ грѣховъ не успѣлъ замолить. А оказалось, что именно убійство разбойника и спасло его: «міръ за него умолилъ Бога». Въ другой легендѣ совершенно наоборотъ: человѣкъ, изъ такихъ же побужденій, какъ и герой первой легенды, убиваетъ разбой-

ника, и Господь ему говоритъ: «этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человѣкъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай и трудись, пока грѣховъ своихъ не замолишь». Вотъ вы тутъ и разсуждайте. Спрашивается, что же дѣлать citoyen'амъ, людямъ, нюхнувшимъ правды «общечеловѣческой», въ виду стихійности и разнороднаго состава правды народной? Дѣлаютъ они вотъ что, и не могутъ не дѣлать либо того, либо другого: или они выбираютъ изъ народной правды то, что соотвѣтствуетъ ихъ общечеловѣческимъ идеаламъ, тщательно оберегаютъ это подходящее и при помощи его стараются изгнать не подходящее; или же навязываютъ народу свои общечеловѣческіе идеалы и стараются не видѣть неподходящаго. Г. Достоевскій къ сожалѣнію избираетъ второй путь, путь очень легкій. Ему хорошо жить. Онъ знаетъ, что, что бы съ народомъ ни случилось, онъ въ концѣ концовъ спасетъ себя и насъ. Г. Достоевскій очень часто повторяетъ эту фразу, и не подозрѣвая вѣроятно до какой степени она citoyen'ская: въ народной правдѣ этой фразы нѣтъ, народъ ждетъ спасенія отъ Бога, отъ «царей съ царицами», отъ «купцовъ московскіихъ», но ничего подобнаго не ждетъ отъ себя. Какъ бы то ни было, но съ этою мыслью легко жить. Легко тоже жить съ мыслью о томъ, что мой народъ любитъ страдать. Но опять-таки это мысль citoyen' ская. Народъ ротъ разинетъ, если ее ему представить. Народъ можетъ съ почтеніемъ смотрѣть на принимающихъ мученическій вѣнецъ, онъ можетъ сочувственно относиться къ добровольно несущимъ искупительный крестъ, онъ можетъ наконецъ страдать, не замѣчая этого или не зная выхода, но только citoyen'у можетъ придти въ голову, что народъ хочетъ, любитъ страдать; и при томъ citoyen'у наклонному къ эксцентрическимъ идеямъ и къ обобщенію патологическихъ явленій. Однако при всей легкости этихъ двухъ citoyen'скихъ мыслей, они имѣютъ и нѣкоторое неудобство: съ ними легко жить, но трудно дѣйствовать. Каждый шагъ citoyen'а, проникнутаго этими мыслями, связанъ: съ одной стороны онъ знаетъ, что народъ и только народъ скажетъ послѣднее слово, значитъ ему, citoyen'у, и соваться не-

чего; съ другой стороны онъ знаетъ, что онъ, чего добраго, можетъ неосторожно лишить народъ его святыни—страданія. Не значитъ-ли это броситься со скалы въ море? Сказать, что русскій народъ есть единственный народъ «богоносецъ» въ обоихъ смыслахъ слова Богъ, отрицать все, созданное человѣчествомъ,—значитъ «дерзать» не меньше, чѣмъ дерзалъ Лямшинъ или Петръ Верховенскій, пуская мышь въ кіоту, и чѣмъ вообще дерзаютъ герои «Бѣсовъ». Границы добра и зла забыты здѣсь не меньше, чѣмъ у Ставрогина, Шигалева, Верховенскихъ. И, какъ и они, г. Достоевскій-Шатовъ грѣшникъ нераскаянный, гордящійся своимъ грѣхомъ и не помышляющій объ искупленіи.

Я вамъ скажу, г. Достоевскій, какъ смотрятъ на вещи другіе citoyen'ы, придерживающіеся перваго способа воззрѣнія на народъ и народную правду. Мы—я говорю «мы», потому что вмѣняю себѣ въ честь стоять въ рядахъ этихъ citoyen'овъ—мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ. «Логическимъ-ли теченіемъ идей», какъ вы смѣетесь надъ Герценомъ, или непосредственнымъ чувствомъ, долгимъ ли размышленіемъ или внезапнымъ просіяніемъ, исходя изъ высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ или изъ прямого наблюденія,—мы пришли къ мысли что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть можетъ быть не всегда вполнѣ сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти и мы его отдать желаемъ. Вы смѣетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности соціальныхъ ре-

формъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете-ли что она значитъ? Для «общечеловѣка», для citoyen'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого конечно. Но если всѣ связанныя съ этою свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ! А, г. Достоевскій, вы сами citoyen, вы знаете, что свобода вещь хорошая, очень хорошая, что соблазнительно даже мечтать объ ней, соблазнительно желать ея во что бы то ни стало, для нея самой и для себя самого. Вы значитъ знаете, что гнать отъ себя эти мечты, воздерживаться отъ прямыхъ и слѣдовательно болѣе или менѣе легкихъ шаговъ къ ней—есть нѣкоторый подвигъ искупительнаго страданія. Конечно г. Достоевскій можетъ тутъ пустить въ ходъ иронію и посмѣяться надъ пожертвованіемъ, происходящихъ исключительно въ области мысли. Впрочемъ я знаю, г. Достоевскій надъ этимъ не посмѣется...

Какъ бы то ни было, но, увлекшись разработкой эксцентрическихъ идей и исключительныхъ патологическихъ явленій, г. Достоевскій просмотрѣлъ общую и здоровую основу, если не всѣхъ ихъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. Ухватившись за печальное, ошибочное и преступное исключеніе—нечаевское дѣло, онъ просмотрѣлъ общій характеръ citoyen'ства, характеръ, достойный его кисти по своимъ глубоко трагическимъ моментамъ. Да, онъ достоинъ его кисти даже больше, чѣмъ разсказъ о дерзостномъ мужикѣ. Тотъ самъ согрѣшилъ, активно. Citoyen'ы-же подобны тѣмъ героямъ легендъ, которые *не зная* совершили блудъ съ матерью, сестрой и кумой, и за это несутъ тяжелую кару. Это несравненно глубже, трагичнѣе. Искупленіе невольнаго грѣха при помощи средствъ добытыхъ грѣхомъ,—вотъ задача citoyen'овъ, я не говорю конечно всѣхъ.

Если г. Достоевскій считаетъ петровскій переворотъ моментомъ грѣхопаденія, то я готовъ съ нимъ согласиться, что только съ этого момента мы получили возможность познать свою наготу и устыдиться ея, какъ познали и устыдились наши прародители, Адамъ и Ева, вкусивъ древа познанія добра и зла. До Петра мы не стыдились и не могли стыдиться, не могли сознавать своей срамоты, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы срамоты не было въ дѣйствительности или чтобы срамота не была срамотой. Во всякомъ случаѣ въ настоящее-то время мы, говоря словами кажется Винкельмана, не до такой степени нравственны и въ тоже время не до такой степени безнравственны, чтобы ходить нагишомъ. И это сдѣлала петровская реформа. Какъ и всякая другая, наша цивилизація зачата въ грѣхѣ. Потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь, говоритъ Ренанъ и повторяетъ г. Страховъ. Таково несомнѣнно фактическое условіе первыхъ шаговъ всякой цивилизаціи. И пока извѣстный народъ остается замкнутымъ и не провѣтриваемымъ, это воспитаніе меньшинства насчетъ пота и страданія большинства входитъ въ составъ народной правды; оно никого не возмущаетъ, оно не сознается какъ грѣхъ. Такъ и шло у насъ дѣло до Петра. Допустивъ притокъ общечеловѣческихъ идеаловъ, Петръ вычеркнулъ этотъ параграфъ изъ народной правды, далъ возможность отнестись къ нему сознательно, тогда какъ народная правда инстинктивна и безсознательно наивна. Славянофилы клевещутъ, что Петръ внесъ неправду въ русскую жизнь, тогда какъ онъ внесъ только возможность сознанія и слѣдовательно исправленія искони существовавшей неправды. Тутъ произошло не забвеніе границъ добра и зла, а ихъ открытіе. Петръ не вычеркнулъ первороднаго грѣха цивилизаціи и даже не прекратилъ его развитія, хотя и далъ ему новыя формы. Да онъ этого и не могъ сдѣлать. Наука, искусство, богатство, утонченныя понятія, «благородная жизнь» не перестали высасывать силы изъ народа и послѣ Петра. Петръ даже пожалуй далъ моментально этому порядку вещей сильнѣйшее напряженіе. Но до него порядокъ этотъ не возбуждалъ обвиненій и

не нуждался въ оправданіяхъ, какъ не возбуждаютъ обвиненій и не нуждаются въ оправданіяхъ удары грома, ростъ дерева, паденіе лавины. Послѣ него нужно одно изъ двухъ: либо подыскать какія нибудь разумныя основанія для продолженія грѣховной цивилизаціи, либо подумать объ искупленіи грѣха помощью средствъ, добытыхъ грѣхомъ, каковы наука, искусство, техника. Они не могли быть добыты иначе, какъ потомъ и страданіями большинства и, каково бы ни было величіе ихъ, ничто не въ состояніи сгладить пятна ихъ происхожденія. Если мы, citoyens du monde civilisé пишемъ статьи въ «Гражданинѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», то только потому, что досугъ нѣсколькихъ поколѣній нашихъ предковъ былъ обезпеченъ трудами, можетъ быть голодными смертями тысячъ и тысячъ людей. На извѣстной ступени развитія человѣкъ не можетъ не содрогаться при мысли о томъ количествѣ жизней, которое оплатило собою его личное развитіе. Если онъ и не въ состояніи представить себѣ съ достаточною ясностью всю эту необъятную перспективу невольныхъ жертвъ его невольной высоты, то его все-таки смутно тянетъ къ уплатѣ долга.. Для насъ этимъ стремленіемъ даже измѣряется высота развитія человѣка. И замѣтьте, что несчастный citoyen, находящійся въ такомъ положеніи, не можетъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія цивилизаціи. Онъ не можетъ сказать: довольно науки, не надо искусства, не надо богатства, развитія, свободы; подѣлимся всѣмъ, что мы имѣемъ и знаемъ, съ народомъ и конецъ дѣлу. Это простое рѣшеніе, предлагаемое кажется нѣкоторыми изъ полоумныхъ citoyen'овъ г. Достоевскаго, только полоумныхъ и можетъ удовлетворить. Нашъ долгъ народу неисчислимъ и того, что мы въ настоящую минуту имѣемъ и знаемъ, не хватитъ и на уплату процентовъ, еслибы даже предполагаемая полоумными citoyen'ами ликвидація и была возможна. Но она невозможна. Отдавая соціальной реформѣ предпочтеніе передъ политической, мы отказываемся только отъ усиленія нашихъ правъ и развитія нашей свободы, какъ орудій гнета народа и дальнѣйшаго грѣха. Отрицая науку для науки, мы требуемъ только, чтобы она помогла намъ распла-

титься, но самая эта расплата можетъ совершиться только безостановочнымъ движеніемъ науки впередъ. Всѣ эти особенности положенія citoyen'овъ г. Достоевскій просмотрѣлъ.

Но вы просмотрѣли и кромѣ этого многое, г. Достоевскій, просмотрѣли любопытнѣйшую и характернѣйшую черту нашего времени. Еслибы вы не играли словомъ «Богъ» и ближе познакомились съ позоримымъ вами соціализмомъ, вы убѣдились бы, что онъ совпадаетъ съ нѣкоторыми по крайней мѣрѣ элементами народной русской правды. А разъ вы убѣдитесь въ этомъ, вы уже не повторите, что «девятнадцатымъ февралемъ закончился петровскій періодъ русской исторіи, такъ что мы давно уже вступили въ полнѣйшую неизвѣстность». Нѣтъ, г. Достоевскій, мы вступили или вѣрнѣе вступаемъ въ полнѣйшую извѣстность. Спросите у своего сотрудника, автора экономическаго фельетона, г. Евгеньева, и онъ вамъ вѣроятно подтвердитъ это. Только онъ можетъ быть разрисуетъ эту извѣстность въ слишкомъ розовыхъ краскахъ. Пока вы занимаетесь безумными и бѣсноватыми citoyen'ами и народной правдой, на эту самую народную правду налетаютъ какъ коршуны citoyen'ны благоразумные, не бѣснующіеся, мирные и смирные, и рвутъ ее съ алчностью хищной птицы, но съ аллюрами благодѣтелей человѣчества. Какъ! Россія, этотъ бѣсноватый больной, вами изображаемый, перепоясывается желѣзными дорогами, усыпается фабриками и банками, — и въ вашемъ романѣ нѣтъ ни одной черты изъ этого міра! Вы сосредоточиваете свое вниманіе на ничтожной горсти безумцевъ и негодяевъ! Въ вашемъ романѣ нѣтъ бѣса національнаго богатства, бѣса самаго распространеннаго и менѣе всякаго другаго знающаго границы добра и зла. Свиньи, одолѣваемыя этимъ бѣсомъ, не бросятся конечно со скалы въ море, нѣтъ, они будутъ похитрѣе вашихъ любимыхъ героевъ. Еслибы вы ихъ замѣтили, они составили бы украшеніе вашего романа. Вы не за тѣхъ бѣсовъ ухватились. Бѣсъ служенія народу — пусть онъ будетъ дѣйствительно бѣсъ, изгнанный изъ больного тѣла Россіи,—жаждетъ въ той или другой формѣ искупленія, въ этомъ именно вся его суть. Обойдите его лучше со-

всѣмъ, если вамъ бросаются въ глаза только патологическія его формы. Рисуйте дѣйствительно нераскаянныхъ грѣшниковъ, рисуйте фанатиковъ собственной персоны, фанатиковъ мысли для мысли, свободы для свободы, богатства для богатства. Это вѣдь тоже citoyens du monde civilisé, но citoyen'ы, отрицающіе свой долгъ народу или недодумавшіеся до него. (Таковы у васъ только развѣ Степанъ Верховенскій и Кармазиновъ). Значитъ они то именно и составляютъ искомую вами противоположность Власамъ и дерзостнымъ мужикамъ, практикующимъ искупительное страданіе и только въ немъ находящимъ примиреніе съ своею измученною совѣстью. Но еслибы вы знали, г. Достоевскій, какъ мучитъ иногда совѣсть бѣдныхъ citoyen'овъ, признающихъ свой долгъ, особенно въ виду того, что кредиторъ и не сознаетъ себя кредиторомъ. Еслибы вы знали, какъ мучительно напрягается иной разъ ихъ мысль, взвѣшивая способы погашенія долга. Я не говорю всегда, но бываютъ у этихъ людей минуты страшнаго страданія, и они не прячутся отъ него. Лучше бы вамъ ихъ не трогать, особенно въ такую минуту, когда кругомъ кишатъ и даютъ тонъ времени citoyen'ы съ совѣстью хрустальной чистоты и твердости...

Письмо къ графу В. Орлову-Давыдову *).

Ваше сіятельство!

Обращаясь къ вамъ съ письмомъ, я ни на минуту не забываю глубины раздѣляющей насъ пропасти. Я какъ нельзя лучше помню, что вы—одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ землевладѣльцевъ, а я—русскій писатель; русскій писатель и только, русскій писатель настоящаго времени, когда.... когда быть русскимъ писателемъ такъ трудно и такъ мало лестно. Мало того. Я обращаюсь къ вамъ именно потому, что между нами лежитъ цѣлая пропасть, именно потому, что я—русскій писатель, а вы—человѣкъ совсѣмъ чуждый литературѣ.

Вамъ неизвѣстно конечно, что я вотъ уже съ годъ занимаюсь обозрѣваніемъ русской литературы. Печальное занятіе, ваше сіятельство. Я былъ радъ отдохнуть отъ него на три мѣсяца, въ теченіи которыхъ почти ни одной руской печатной строки не видалъ. Возвратившись въ отечество, я принялся разбирать вороха́ газетъ и кучи книгъ. Замелькали передо мной вялыя, блѣдныя передовыя статьи о томъ, о семъ, а больше ни о чомъ, съ фатальнымъ обѣщаніемъ поговорить о томъ-же на дняхъ; фельетоны большею частію исполненные самаго беззубаго остро-

*) Сентябрь, 1873.

умія; патетическія обличенія улицъ въ нечистотѣ; журнальныя статьи ученыя и неученыя, умныя и глупыя. Попалось нѣсколько курьезовъ. Такъ одна газета извѣщаетъ, что нашъ знаменитый писатель г. Лейкинъ отправился на нижегородскую ярмарку и украситъ—дескать—наши страницы своими разсказами. Я порадовался. Въ другой газетѣ смотрю новый псевдонимъ: «авторъ «Случайныхъ Замѣтокъ». Это въ родѣ того, какъ Аристотеля называютъ иногда учителемъ Александра Македонскаго, Канта—авторомъ «Критики чистаго разума», Гёте—авторомъ «Фауста», Сервантеса—авторомъ «Донъ-Кихота» и т. п. Я опять порадовался. Встрѣтилась еще знаменитая полемика о поддѣлкѣ Гоголя, въ которой меня больше всего порадовалъ образъ г. Ястржембскаго, клятвенно завѣряющаго, что поддѣлка есть и что онъ, г. Ястржембскій, поддѣлыватель. Наткнулся я еще на довольно обширную полемику, извѣстную подъ именемъ полемики «о немъ». Но этимъ я не посмѣю занимать ваше просвѣщенное вниманіе.

А между тѣмъ занять ваше просвѣщенное вниманіе чѣмъ нибудь изъ области русской литературы мнѣ нужно. Зачѣмъ—сейчасъ будетъ видно. Беру почти на удачу книгу Холевіуса «Темы и планы для сочиненій. Переводъ съ нѣмецкаго М. Бѣлявской. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособія». Ваше сіятельство, это весьма любопытная книга. Любопытна она и сама по себѣ, какъ плодъ измышленій нѣмецкаго педагога; любопытна она и потому, что заслужила одобреніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; любопытна она наконецъ потому, что, несмотря на свое иностранное происхожденіе, будучи переведена на русскій языкъ, она можетъ служить весьма типичнымъ представителемъ русской литературы. Мнѣ нѣтъ дѣла до нѣмецкой литературы и ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Я только русскую литературу имѣю въ виду.

Если у васъ есть сынъ гимназистъ, то знайте, что ему между прочимъ приходится писать сочиненія на слѣдующій на-

примѣръ темы: «До какой степени заблужденія доходитъ арфистъ въ пѣснѣ Гете: Wer nie sein Brot mit Thränen ass, etc., порицая небесныя силы?» «Почему главнымъ образомъ Италія есть страна, которая влечетъ къ себѣ нѣмцевъ?» «Почему нравственный законъ внутри насъ и звѣздное небо надъ нами— представляютъ ручательство въ безсмертіи нашего духа?» «Какія мысли облечены въ басню Эвальда Клейста: Der gelähmte Kranich?» «Значеніе шести словъ: ich soll, ich muss, ich kann, ich will, ich darf, ich mag». (Такъ названа эта тема въ оглавленіи, а въ текстѣ она названа: «Значеніе шести словъ опредѣляющихъ сущность и назначеніе человѣка»). Васъ поражаетъ быть можетъ безсмысленность an und für sich нѣкоторыхъ изъ этихъ темъ и уже навѣрное поражаетъ ихъ выборъ для русскихъ гимназистовъ. Но я надѣюсь поразить васъ еще болѣе, сдѣлавъ слѣдующую выписку изъ предисловія: «Намъ нѣтъ нужды возвращаться къ узкимъ требованіямъ старой школы и заставлять учениковъ перваго класса (1-й классъ нѣмецкихъ гимназій соотвѣтствуетъ нашему теперь 8-му, 2-й—7-му и т. д.) писать о пользѣ огня или воды; ибо нельзя предполагать въ умѣ нашихъ юношей такой безотрадной пустоты. У того, кто обладаетъ хоть нѣкоторою смышленностью, — *этимъ наслѣдственнымъ достояніемъ нѣмецкаго юношества*,—всякая отрасль ученія, равно какъ и чтеніе древнихъ и новыхъ писателей могутъ породить множество представленій» и т. д.

Простите, что я отрываю васъ отъ высшихъ государственныхъ соображеній и останавливаю ваше вниманіе на такой мелочи. Но въ каплѣ воды можетъ отразиться цѣлое небо. Въ представленной мною каплѣ отражается все небо русской литературы со всѣми его созвѣздіями. Обратите вопервыхъ вниманіе на добросовѣстность, съ которою переведена во всей ея неприкосновенности подчеркнутая мною фраза нѣмецкаго педагога. Казалось бы, если смышленность есть наслѣдственное достояніе нѣмецкаго юношества, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы русское юношество было способно и обязано разсматривать такія темы, какъ: почему главнымъ образомъ Италія

есть страна, которая влечетъ къ себѣ нѣмцевъ? или: почему нравственный законъ внутри насъ и звѣздное небо надъ нами представляютъ ручательство въ безсмертіи нашего духа? Вы можетъ быть правы, дѣлая это возраженіе, даже навѣрное правы. Но обратите вниманіе на добросовѣстность переводчицы и издателя: они взялись обогатить русскую педагогическую литературу книгой Холевіуса и больше имъ ни до чего дѣла нѣтъ, — они добросовѣстно переводятъ и издаютъ ее. Ваше сіятельство, добросовѣстность есть одна изъ характернѣйшихъ чертъ современной русской литературы. Мы, русскіе писатели, прежде всего добросовѣстны. Предпринявъ выдолбить нѣчто наизустъ, мы выдалбливаемъ, дѣйствительно не заглядываясь по сторонамъ, не предаваясь никакимъ лукавымъ лжемудрствованіямъ. Мы закрываемъ глаза, затыкаемъ уши и подобно институткамъ долбимъ: «баранúна, нúна, нúна, — le mouton, ton, ton; пуговúца, вúца, вúца, — le bouton, ton, ton». Вы скажете, что это — добросовѣстность мало способнаго ученика, который труситъ отступить отъ буквы урока, ибо не понимаетъ его сути. И вы опять-таки будете правы: да, мы неспособны и трусы. Вы будете правы даже въ томъ случаѣ, если скажете, что несмотря на всю нашу добросовѣстность, мы въ высокой степени недобросовѣстны. Казалось бы, оставляя во всей ея неприкосновенности фразу нѣмецкаго педагога насчетъ наслѣдственнаго великолѣпія нѣмецкаго юношества, виновники появленія книги Холевіуса въ русскомъ переводѣ тѣмъ самымъ подписываютъ нѣкоторый приговоръ русскому юношеству. Казалось бы что книга, не только по своему содержанію, но и по мысли автора, и по сознанію переводчика принаровленная къ особенности нѣмецкаго юношества, не можетъ, не должна быть безъ большихъ измѣненій предлагаема юношеству русскому. Для меня здѣсь особенно важно сознаніе самихъ виновниковъ появленія книги Холевіуса въ русской литературѣ. Но даже еслибы этого сознанія не было на лицо, все таки остается весьма любопытный вопросъ: зачѣмъ они обогатили русскую летературу книгой ненужной, неудобной, смѣшной? Зачѣмъ они соблазнили ученый комитетъ

министерства народнаго просвѣщенія и засадили нашихъ бѣдныхъ гимназистовъ за Италію, привлекающую къ себѣ нѣмцевъ; за звѣздное небо, какъ ручательство въ безсмертіи нашего духа и т. д.?

Ваше сіятельство, они сами этого не знаютъ, и это опять-таки не ихъ спеціальная особенность, а характерная черта современной русской литературы. Мы, вообще говоря, не знаемъ зачѣмъ мы пишемъ и не задаемся вопросами о цѣляхъ нашей дѣятельности. Такая безцѣльность, такое отсутствіе потребности въ отдаваніи себѣ отчета въ своей работѣ, въ общественномъ дѣятелѣ несомнѣнно недобросовѣстны. Вышелъ сѣятель сѣять. Зачѣмъ онъ вышелъ, что онъ будетъ сѣять, почему онъ будетъ сѣять имено то, а не это, — онъ не знаетъ и знать не хочетъ. Выростетъ рожь, выростетъ пшеница, выростетъ лебеда, — ему все равно, даже хоть трава не расти, и то ему все равно. И благо ему лично. Но если посѣянное имъ должно питать многія тысячи людей, онъ... Ваше сіятельство, у себя въ кабинетѣ вы можете громко сказать слово, которое я не рѣшаюсь написать. Становясь на точку зрѣнія моралиста и публициста, вы совершенно вправѣ громить насъ за нашу трусость, неспособность, недобросовѣстность и даже за нашу добросовѣстность. Мы должны будемъ выслушать все это, посыпавъ главы пепломъ. Но есть и другая точка зрѣнія, точка зрѣнія изслѣдователя причинъ и слѣдствій явленій. Попробуйте стать на нее, и вы найдете вѣроятно весьма важныя обстоятельства, смягчающія нашъ позоръ и наши преступленія — я ни мало не задумываюсь написать эти слова, потому что фактически позоръ и преступленіе несомнѣнны, и можно только объяснять ихъ, но не отрицать.

Недавно разнесся въ обществѣ и въ литературѣ слухъ, что одинъ изъ нашихъ распространеннѣйшихъ журналовъ, тотъ самый «Вѣстникъ Европы», который вы удостоиваете своимъ сотрудничествомъ, закрывается «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ». Слухъ этотъ совершенно невѣроятенъ. Но не знаменательно-ли то обстоятельство, что онъ существуетъ, что

ему вѣрятъ, что его передаютъ другъ другу съ такимъ-же видомъ, съ какимъ говорятъ о пріѣздѣ или отъѣздѣ г-жи Кадуджи, о сегодняшней погодѣ и о завтрашнемъ обѣдѣ? Весьма знаменательно, ваше сіятельство. Обстоятельство это показываетъ, что члены общества, которые передаютъ другъ другу означенный слухъ, не задумываясь даже о бренности всего земнаго, очевидно также не особенно нуждаются въ литературѣ: есть она, они читаютъ, нѣтъ—не читаютъ. При такихъ условіяхъ — а общій ихъ характеръ извѣстенъ несомнѣнно и вамъ, человѣку, совершенно чуждому литературѣ,—при такихъ условіяхъ представители литературы естественно должны были воспитать въ себѣ всѣ качества рабовъ и несовершеннолѣтнихъ. Но я не смѣю васъ задерживать на этой точкѣ зрѣнія изслѣдователя причинъ и слѣдствій явленій. Въ своемъ безусловномъ видѣ она законна въ приложеніи къ предметамъ исторически замаринованнымъ, напримѣръ къ исторіи ассирійскаго царства. Она понятна и въ приложеніи къ злобѣ дня въ устахъ маринованныхъ людей. Но мы съ вами—живые люди. Мы можемъ только отмѣтить смягчающія, объясняющія обстоятельства, но не можемъ вычеркнуть слова: недобросовѣстность, неспособность, трусость, безцѣльность.

Все это я встрѣтилъ въ русской литературѣ по возвращеніи въ отечество рѣшительно въ томъ-же видѣ, въ какомъ оставилъ за три мѣсяца передъ тѣмъ. Я не удивлялся, не негодовалъ, я привыкъ. Но мнѣ было тоскливо. Мнѣ страстно хотѣлось найти въ литературѣ что-нибудь чуждое литературѣ.

И услышалъ богъ-боговъ.

Я прочиталъ въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы» вашу статью «Земледѣліе и землевладѣніе». Вотъ статья, авторъ которой не рабъ и не несовершеннолѣтній. Въ статьѣ нѣтъ добросовѣстной долбни; «баранина» въ ней мѣстами называется le bouton, а «пуговица» le mouton; не только въ стилистическомъ отношеніи, но даже въ умѣньи располагать аргументацію такъ, чтобы выходило дѣйствительно нѣчто похожее на аргумента-

цію, ваша статья далеко уступаетъ передовымъ статьямъ нашихъ газетъ. Словомъ это—топорная работа. Говоря это, я увѣренъ, нимало не оскорбляю васъ, ибо не гоняться-же вамъ за репутаціей русскаго писателя. Вы—человѣкъ чуждый литературѣ. Но именно потому, что вы чужды литературѣ, вы смѣло и добросовѣстно говорите: вотъ мои цѣли. Каждая подробность вашего неловкаго въ техническомъ отношеніи литературнаго шага вамъ вполнѣ ясна, вы знаете чего вы хотите, почему вы свое хотѣніе заявили именно тогда-то и тамъ-то. Я съ величайшимъ наслажденіемъ прочиталъ вашу статью, хотя къ наслажденію этому естественно примѣшивалось много горечи и стыда за русскую литературу. Судите сами.

Вы заканчиваете свою статью слѣдующими словами: «Представляя наши замѣчанія суду общественнаго мнѣнія, мы убѣждены, что всякій вопросъ можетъ быть окончательно выясненъ только посредствомъ свободнаго и всесторонняго его обсужденія съ разныхъ и даже противоположныхъ точекъ зрѣнія».

Съ своей стороны «Вѣстникъ Европы» во внутреннемъ обозрѣніи того же іюньскаго номера, въ которомъ напечатана ваша статья, замѣчаетъ: «Интересъ самаго дѣла требуетъ выслушать мнѣніе каждаго, и чѣмъ это мнѣніе будетъ искреннѣе, тѣмъ легче оно приведетъ къ результату, независимому отъ интересовъ, лежащихъ внѣ самаго дѣла. Съ такимъ убѣжденіемъ писалъ почтенный авторъ помѣщаемой нами ниже статьи о земледѣліи и землевладѣніи свою записку чисто практическаго характера, съ указаніемъ многихъ практическихъ подробностей, ведущихъ къ осуществленію всесословной волости. И такое убѣжденіе о необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ мы вполнѣ раздѣляемъ, сохраняя за собою право выразить и свое мнѣніе о томъ-же предметѣ съ полною искренностью».

Смыслъ словъ вашихъ и «Вѣстника Европы» одинъ и тотъ же, да и слова-то почти одни и тѣ-же: свободное, всестороннее изслѣдованіе, мнѣніе каждаго и проч. Можетъ только показаться, что «Вѣстникъ Европы» идетъ дальше васъ въ вопросѣ о

необходимости выслушать именно ваше мнѣніе: онъ считаетъ нужнымъ заявить, что «сохраняетъ за собою право» поставить рядомъ съ вашимъ мнѣніемъ и свое собственное, и притомъ «съ полною искренностію». Но конечно никто никогда не сомнѣвался въ правѣ журнала высказывать свои собственныя мнѣнія о вопросѣ, по которому онъ печатаетъ мнѣнія чужія. Такъ что въ приведенныхъ словахъ «Вѣстника Европы» многое есть не что иное, какъ manière de parler, пріемы литературнаго лоска, которые вамъ чужды, какъ и вся литература. Вы просто, кратко и ясно выражаете ту же самую мысль, которую «Вѣстникъ Европы» излагаетъ съ нѣкоторыми вавилонами, пространно и неясно. Но вамъ извѣстно, ваше сіятельство, что quod licet Iovi, non licet bovi. Я хочу сказать, что одна и та же мысль, даже выраженная одними и тѣми же словами, можетъ получить совершенно различный характеръ въ устахъ людей, находящихся въ различныхъ положеніяхъ. Въ занимающемъ насъ дѣлѣ положенія ваше и «Вѣстника Европы» до такой степени, мнѣ кажется, различны, что ваше единомысліе по вопросу о свободѣ мнѣній глубоко поучительно. Вы безъ сомнѣнія вполнѣ сознаете свое собственное положеніе, но, какъ человѣку чуждому литературѣ, вамъ не приходилось вѣроятно, да не было и надобности задумываться о положеніи журнала, который вы удостоили своимъ случайнымъ сотрудничествомъ. Вамъ кажется даже быть можетъ, что нѣтъ никакой разницы въ положеніяхъ вашемъ и «Вѣстника Европы»: вы выражаете съ полною искренностью свои мнѣнія о предметѣ высокой и вмѣстѣ чисто практической важности, онъ обѣщаетъ сдѣлать тоже самое.

Ваше сіятельство, это не совсѣмъ такъ. Къ числу многихъ отвлеченныхъ истинъ, которыя при извѣстной комбинаціи обстоятельствъ могутъ оказаться ложью, принадлежитъ и выраженная вами мысль о необходимости свободнаго и всесторонняго изслѣдованія того или другого вопроса. Вы конечно хорошій православный христіанинъ. Притомъ вы либеральны, вы требуете свободы мнѣній, свободы ихъ выраженія. Допустимъ, что либерализмъ вашъ въ принципѣ простирается такъ далеко,

чтобы вы желали чтобы, въ отечествѣ нашемъ господствовала полнѣйшая свобода для религіозныхъ воззрѣній, каковы-бы они ни были; представимъ себѣ, что вашъ идеалъ осуществленъ, что нетолько лютеране, католики, магометане, евреи, но и всевозможные сектанты, свободные мыслители, атеисты находятся въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находятся нынѣ православные христіане. Они думаютъ, говорятъ, дѣлаютъ что хотятъ, открыто опровергаютъ другъ друга, свободно пропагандируютъ свои идеи, устраиваютъ для этого собранія, не испрашивая на то разрѣшенія г. оберъ-полицеймейстера или какой другой власти; въ академіи наукъ происходятъ публичныя засѣданія, на которыхъ атеисты столь-же свободны, какъ и православные христіане и т. д. Вы и ваши единомышленники вполнѣ удовлетворены этимъ порядкомъ вещей; вы твердо вѣрите, что изъ этого кажущагося хаоса выростетъ въ свое время истина, чистая и однородная, какъ алмазъ. Но будетъ-ли соотвѣтствовать вашему идеалу полнѣйшей религіозной терпимости такая напримѣръ подробность? Канунъ большаго православнаго праздника. Въ православномъ храмѣ идетъ богослуженіе. Вы молитесь, съ благоговѣніемъ слушаете священныя для васъ слова и слѣдите за священными для васъ дѣйствіями. Священнослужитель готовится наконецъ сказать проповѣдь по случаю предстоящаго праздника, но, переговоривъ въ алтарѣ съ какимъ-то евреемъ, выходитъ и говоритъ своей паствѣ: «сегодня, братіе, вамъ скажетъ слово о значеніи завтрашняго дня почтенный Лейба Соломонзонъ, а я сохраняю за собою право съ полною искренностью сказать свое слово съ теченіемъ времени; я держусь того, нынѣ къ счастію господствующаго мнѣнія, что вопросъ о значеніи завтрашняго дня, какъ и всѣ другіе вопросы, долженъ быть обсуждаемъ свободно, со всевозможныхъ и даже противоположныхъ точекъ зрѣнія». Выходитъ почтенный Лейба Соломонзонъ, и сказавъ свое слово, замѣчаетъ: «я убѣжденъ, что всякій вопросъ можетъ быть окончательно выясненъ только посредствомъ свободнаго и всесторонняго его обсужденія».

Что вы скажете объ этомъ гипотетическомъ эпизодѣ изъ

исторіи вашего идеала религіозной терпимости? Я знаю, вы скажете, что онъ нелѣпъ, невозможенъ, немыслимъ. Но напрягите немного вашу фантазію, — право, это не такъ трудно, — и вы скажете вмѣстѣ съ Гамлетомъ: есть много, другъ Гораціо, и т. д. Вы отрицаете возможность нарисованной мною картины только потому, что она оскорбляетъ въ васъ искренняго православнаго христіанина. Но не оскорбляетъ ли она въ васъ и либерала, и проповѣдника полнѣйшей религіозной терпимости? Не находите-ли вы, что слова священнослужителя, пустившаго на свое мѣсто Лейбу Соломонзона, слова либеральныя, въ принципѣ дышащія истиной и справедливостью, не совсѣмъ умѣстны? А главное не находите-ли вы какой-нибудь разницы въ положеніяхъ Лейбы Соломонзона и священника? Не кажется ли вамъ, что не смотря на тождественность ихъ присказокъ насчетъ либерализма и свободы мнѣній, эти присказки въ устахъ того и другого имѣютъ глубоко несходный характеръ?

И священникъ, уступившій мѣсто Лейбѣ Соломонзону и Лейба Соломонзонъ, и «Вѣстникъ Европы» и вы совершенно правы, говоря: «интересъ самого дѣла требуетъ выслушать мнѣніе каждаго, и чѣмъ это мнѣніе будетъ искреннѣе, тѣмъ легче оно приведетъ къ результату, независимому отъ интересовъ, лежащихъ внѣ самаго дѣла». Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мнѣнія Лейбы Соломонзона могли высказываться въ православномъ храмѣ, а ваши—въ «Вѣстникѣ Европы». Въ нашемъ идеалѣ для Лейбы Соломонзона существуютъ синагоги и всевозможныя собранія и засѣданія, спеціально предназначенныя для дебатовъ о религіозныхъ вопросахъ. Въ нашей дѣйствительности для васъ существуютъ подходящіе журналы и другіе способы распространенія своихъ мнѣній путемъ печати; существовала наконецъ только что кончившая свои занятія коммиссія, спеціально предназначенная для выслушанія самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ мнѣній о предметѣ вашей статьи. Но Лейба предпочелъ православную церковь. Это — дерзко, но совершенно понятно. Онъ совершенно чуждъ православному храму и православію вообще. Если ему и

приходило въ голову, что онъ какъ будто оскорбляетъ настоящихъ хозяевъ храма, то онъ не могъ надъ этимъ долго задумываться: его пускаютъ, священникъ уступаетъ ему свое мѣсто, — чего-же ему еще надо? Его дѣло, какъ практика, состоитъ только въ томъ, чтобы выбрать для своей проповѣди подходящій моментъ, напримѣръ канунъ большого праздника, храмъ наиболѣе посѣщаемый, наиболѣе удобный съ точки зрѣнія резонанса и т. п. Онъ не отплатитъ можетъ быть любезному и гостепріимному священнику взаимностью и выгонитъ его изъ синагоги, когда тотъ пожелаетъ сказать тамъ слово объ обрѣзаніи или о казни Христа. Но ему то лично въ православномъ храмѣ стѣсняться нечѣмъ, онъ можетъ даже съ совсѣмъ чистою совѣстью сказать: «будемъ обсуждать свободно и всесторонне». Но имѣетъ ли любезный и гостепріимный священникъ право повторить эти либеральныя слова? Нѣтъ. Повторяя ихъ, онъ оказывается не пропагандистомъ свободы мнѣній, а либо предателемъ, либо игрушкой въ рукахъ Лейбы, либо человѣкомъ, совершенно несознающимъ своихъ обязанностей и весьма индифферентно относящимся къ своей религіи. Я думаю впрочемъ, ваше сіятельство, что въ нашемъ гипотетическомъ анекдотѣ недоразумѣніе заключается въ слѣдующемъ: священникъ добросовѣстно выдолбилъ догматъ либерализма вообще и свободы мнѣній въ частности, но сути его не понялъ и потому труситъ отступить отъ буквы урока. Совершенно точно также переводчица книги Холевіуса добросовѣстно предлагаетъ русскому юношеству книгу, расчитанную на «наслѣдственное достояніе нѣмецкаго юношества».

Ваше сіятельство, мы опять вернулись къ русской литературѣ, и я позволю себѣ напомнить вамъ обстановку, при которой вы выступили на литературное поприще своей статьей о земледѣліи и землевладѣніи. Учрежденная по иниціативѣ министра государственныхъ имуществъ коммиссія для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства только что окончила свои занятія. Неизвѣстно еще, какое употребленіе сдѣлаютъ правительство и общество изъ собранныхъ коммиссіей матеріаловъ,

неизвѣстно даже, будетъ ли изъ нихъ сдѣлано вообще какое бы то ни было практическое употребленіе, или они будутъ просто приняты «къ свѣдѣнію». Но во всякомъ случаѣ моментъ очень важный. Какъ практикъ, какъ человѣкъ дѣла, вы это отлично понимаете и потому рѣшаете именно теперь печатать свою записку о земледѣліи и землевладѣніи. Вы рѣшаете печатать ее въ «Вѣстникѣ Европы». Опять таки шагъ въ высшей степени практическій, дѣловой, искусный. «Вѣстникъ Европы» есть распространеннѣйшій изъ нашихъ литературно-политическихъ журналовъ. Онъ пользуется репутаціей солидности и умѣреннаго либерализма, а и то и другое нынѣ весьма высоко цѣнятся. Правда, записка ваша такого рода, что со временъ покойной «Вѣсти» ничего подобнаго въ русской литературѣ не являлось. Правда, что въ своей статьѣ вы нетолько воскресили духъ «Вѣсти», но даже исправили и дополнили его, ибо, сохранивъ его суть, отрѣшились отъ смѣшныхъ декламацій гг. Скарятина и Юматова. Правда, что въ такомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ духъ «Вѣсти» оказывается гораздо практичнѣе, дѣловитѣе, цѣлесообразнѣе и слѣдовательно вообще пріятнѣе для однихъ, опаснѣе для другихъ. Правда наконецъ, что все это весьма мало согласуется съ программою «Вѣстника Европы», насколько она выяснилась въ теченіи восьмилѣтняго существованія почтеннаго журнала. Но вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Какъ человѣку чуждому литературѣ, вамъ нѣтъ никакого дѣла до мнѣній и программы журнала, который вы выбираете своимъ органомъ въ виду тѣхъ или другихъ практическихъ удобствъ. Честь русской литературы, ея задачи, обязанности, назначеніе для васъ ничего не значатъ. Лейба Соломонзонъ выбралъ канунъ большого праздника, храмъ наиболѣе удобный въ акустическомъ отношеніи, священника наиболѣе сговорчиваго и либеральнаго...

Ваше сіятельство, я знаю—вы непріятно поражены моей аналогіей. Вамъ ненравится параллель между тѣмъ, что дѣлается въ храмѣ, и тѣмъ, что дѣлается въ русской литературѣ. И я совершенно понимаю ваше негодованіе: вы чужды литературѣ. Но я знаю, что вы кромѣ того либеральны и слѣдовательно спо-

собны стать и на мою точку зрѣнія. Храмъ русской литературы—храмъ загаженный, пауки затянули его окна паутиной, онъ не разъ служилъ стойломъ для лошадей и ословъ. Но—вы знаете—«храмъ оставленный, все храмъ». Мнѣ, русскому писателю,—русскому писателю и только,—человѣку, рѣшившемуся жить и умереть въ литературѣ, простительна нѣкоторая слабость по отношенію къ ней. Для меня—она храмъ, и я добровольно сталъ однимъ изъ привратниковъ этого храма. Я показываю любопытнымъ посѣтителямъ, что вотъ здѣсь стояла еще недавно лошадь, здѣсь и до сихъ поръ стоитъ оселъ; котораго нѣтъ возможности выгнать. Храмъ загаженъ, но когда-то въ немъ молились, молится кое-кто и теперь, когда нибудь,—я вѣрю,—въ немъ будутъ молиться всѣ. Презирая существующую литературу, я глубоко чту литературу въ принципѣ. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе ваше и «Вѣстника Европы», что и Лейба Соломонзонъ долженъ быть свободенъ, долженъ быть выслушанъ, долженъ имѣть свой храмъ, я однако никогда не пустилъ бы его объяснять въ моемъ храмѣ значеніе завтрашняго дня, особенно если это день—важный въ практическомъ отношеніи.

Но вы—практикъ и человѣкъ чуждый литературѣ. Поэтому съ вами надо говорить иначе. Приведенныя соображенія, несмотря на свою элементарность, оказываются слишкомъ сложными и высокими даже для литературныхъ дѣятелей по профессіи. Оставимъ храмъ въ покоѣ и будемъ смотрѣть на литературный органъ такъ, какъ Базаровъ смотрѣлъ на природу: будемъ видѣть въ немъ не храмъ, а мастерскую. Съ этой точки зрѣнія окажется слѣдующее. Литературному органу трудно подобрать контингентъ работниковъ, безусловно солидарныхъ по всѣмъ вопросамъ науки и жизни. Особенно трудно это у насъ, какъ по недостатку людей, посвящающихъ себя литературѣ, такъ и потому, что вялость и мелкость нашей общественной жизни мѣшаютъ формированію рѣзко опредѣленныхъ взглядовъ и мнѣній. Всегда найдется какая нибудь подробность, какая нибудь мелочь, относительно которой работники одной и той-же литературной мастерской болѣе или менѣе расходятся въ

мнѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе этому разногласію долженъ существовать и въ дѣйствительности всегда существуетъ извѣстный предѣлъ. Когда Прудонъ сталъ печатать у себя въ «Voix du Peuple» письма Бастіа о даровомъ кредитѣ, онъ объявилъ, что дѣлаетъ дѣло, небывалое въ лѣтописяхъ журналистики. При томъ-же онъ повелъ это небывалое дѣло такъ, что статьи Бастіа способствовали только выясненію его, Прудона, собственныхъ мыслей. Такое отношеніе журналистики къ своему дѣлу вполнѣ естественно. Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе извѣстныхъ взглядовъ и освѣщеніе фактовъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, природы и общества съ извѣстной точки зрѣнія. Обязанность журналиста въ томъ только и состоитъ, чтобы направлять на факты опредѣленное освѣщеніе. Это освѣщеніе, совершенно независимо отъ его популярности или непопулярности, т.-е. отъ успѣха или неуспѣха журнала, естественно признается самимъ журналомъ освѣщеніемъ лучшимъ, единственно истиннымъ. Поэтому, если журналъ помѣщаетъ на своихъ страницахъ освѣщеніе извѣстныхъ важныхъ фактовъ, рѣзко отличающееся отъ его собственнаго, онъ, вообще говоря, не знаетъ цѣли своего существованія или по малой мѣрѣ относится къ ней крайне легкомысленно: онъ самъ себѣ наступаетъ на ногу. Въ русской литературѣ подобныя явленія нерѣдки, и, если вы станете на исключительно фаталистическую точку зрѣнія причинъ и слѣдствій, вамъ станетъ ясно, что иначе и быть не можетъ. Дѣйствительно, мы, русскіе писатели, «не въ авантажѣ обрѣтаемся», мы—въ загонѣ. Нашихъ мнѣній не спрашиваютъ, не слушаютъ, знать не хотятъ. Конечно, если мы обличимъ Ямскую улицу въ нечистотѣ или Глазовъ мостъ въ ветхости и особенно, если мы это сдѣлаемъ съ нѣкоторымъ пафосомъ,—г. Санктпетербургскій градоначальникъ приметъ вѣроятно во вниманіе наше обличеніе и сдѣлаетъ соотвѣтственныя распоряженія. Но на общій ходъ русской жизни въ ея болѣе или менѣе глубокихъ основахъ литературный Jean qui rit имѣетъ столь-же мало вліянія, какъ и литературный Jean qui pleure. Слѣдовательно совершенно естественно такое повидимому не-

нормальное явленіе: мы, русскіе писатели, весьма серьезно и добросовѣстно относимся къ нечистотѣ Ямской улицы и ветхости Глазова моста,—ибо мы въ этой области имѣемъ нѣкоторое вліяніе,—и весьма легкомысленно смотримъ на общій ходъ русской жизни, ибо здѣсь мы—ничто. Естественно даже и то, что вся наша практическая философія состоитъ въ умѣньи быть или казаться ничѣмъ. Такъ практическая философія побуждала Одиссея, въ извѣстномъ казусѣ въ пещерѣ Полифема, отвѣчать на вопросъ великана: кто ты?—«никто». Вамъ извѣстно, ваше сіятельство, что, благодаря этому маленькому слову, Одиссей избѣжалъ большой опасности.

Вамъ, человѣку занятому высшими государственными соображеніями, я не стану конечно разъяснять, что учрежденіе коммиссіи для изслѣдованія состоянія нашего сельскаго хозяйства есть въ принципѣ фактъ весьма важный, затрогивающій интимнѣйшіе интересы нашего отечества. Недаромъ вы, человѣкъ совершенно чуждый литературѣ, выступили въ этотъ моментъ на литературное поприще. Но общій тонъ русской жизни таковъ, что неизвѣстно еще, отзовутся-ли какъ-бы то ни было на практикѣ положенія, выработанныя коммиссіей. Что-же сказать о насъ, русскихъ писателяхъ? Намъ часто приходится тяжело. Но съ другой стороны полюбуйтесь какъ намъ легко: что бы мы ни говорили, выходитъ такъ, что мы будто ничего не говоримъ. Значитъ намъ нечего задумываться: говори что попало. Будь положеніе вещей иное, будь «Вѣстникъ Европы» увѣренъ, что онъ имѣетъ вліяніе, что къ его мнѣніямъ прислушиваются, онъ несомнѣнно не помѣстилъ-бы у себя вашей статьи, не рѣшился-бы проводить ее въ общественное сознаніе подъ своимъ обычнымъ флагомъ умѣреннаго либерализма и солидности.

Но, ваше сіятельство, это опять-таки точка зрѣнія изслѣдователя причинъ и слѣдствій, на которой мы условились не засиживаться. Несмотря на вышеизложенное, вы имѣете полное право сказать, что въ цѣпи причинъ и слѣдствій мы, русскіе писатели, имѣемъ все-таки возможность, а слѣдовательно и обя-

занность играть въ извѣстной мѣрѣ активную роль; что до извѣстной по крайней мѣрѣ степени мы сами создали и продолжаемъ создавать себѣ свое настоящее положеніе. Какъ моралистъ и публицистъ, вы будете правы. Съ горечью, но съ полнымъ сознаніемъ вашей правоты я отдаю въ ваши руки русскую литературу. Я говорю вамъ отъ ея имени: ты побѣдилъ Галилеянинъ! вы, человѣкъ чуждый литературѣ, своимъ первымъ шагомъ на литературномъ поприщѣ показали, что вы искуснѣе, смѣлѣе, добросовѣстнѣе насъ, литераторовъ по профессіи; что вы лучше насъ знаете, чего вы хотите, лучше насъ понимаете свои цѣли и задачи. Привѣтствую васъ...

Привѣтствую особенно вашу смѣлость. Если вы въ часы досуга просматривали кое-что изъ нашихъ многочисленныхъ писаній, вы безъ сомнѣнія говорили себѣ: вотъ люди, которые боятся. Да, мы боимся. Чего? Вы скажете, — цензуры. Но это само собою разумѣется, и за это насъ по совѣсти винить нельзя. Главное: себя самихъ, своей мысли боимся. Ни одной мысли мы не смѣемъ довести до ея логическаго конца, ибо на каждомъ шагу насъ смущаютъ вопросы: не будетъ ли это слишкомъ либерально? слишкомъ консервативно? слишкомъ радикально? недостаточно либерально? недостаточно консервативно? и т. д., смотря по той яко бы партіи, къ которой мы себя причисляемъ. Оттого то, ваше сіятельство, вы и встрѣчаете въ нашихъ писаніяхъ такъ часто знаменитую фразу: «можно не соглашаться, но должно признаться». Прибѣгая въ свою очередь къ этой удобной фразѣ, скажу и я: съ вами можно не соглашаться, но должно признаться, что вы несравненно смѣлѣе насъ, набившихъ себѣ руку въ писаніи. Не моргнувъ глазомъ, не маскируясь какими бы то ни было жалкими словами и двусмысленностями, не боясь ни цензуры, ни совѣсти, вы съ спокойствіемъ глубоко убѣжденнаго и кровно заинтересованнаго человѣка требуете революціи и рекомендуете цѣлый рядъ практическихъ мѣръ, ведущихъ къ ея осуществленію. Конечно вы не поете революціонныхъ гимновъ, не кричите: aux armes, citoyens! Но вы лучше чѣмъ кто нибудь знаете, что это ровно ничего не

значитъ. Въ одномъ мѣстѣ вашей статьи говорится: «Тщетно противопоставлять какіе либо аргументы возраженіямъ, состоящимъ въ одномъ словѣ, особенно, если оно возбуждаетъ страхъ. Таково слово *пролетаріатъ*, и потому мы считаемъ неизлишнимъ по вопросу о пользѣ безземельныхъ работниковъ подвергнуть на размышленіе читателя слѣдующія мысли о пролетаріатѣ. Пролетаріями въ Римѣ назывались тѣ безденежные люди, которые не входили ни въ одинъ изъ классовъ римской республики, такъ какъ не могли обогащать ее ничѣмъ, кромѣ размноженія дѣтей (proles). Пролетаріатъ можно опредѣлить состояніемъ зависимости. Онъ кажется нераздѣльнымъ съ природою человѣка, обреченнаго ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица. Состояніе зависимости является при рожденіи человѣка, возобновляется при его старости и напоминаетъ о себѣ при его болѣзняхъ. Нѣтъ такого государства, въ которомъ бы не было людей непроизводительныхъ или производящихъ подъ вліяніемъ нужды. Даже въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы пролетаріатъ не существовалъ, и потому онъ кажется дѣйствительно нераздѣльнымъ съ общественою жизнью, по крайней мѣрѣ при всѣхъ испытанныхъ доселѣ формахъ ея». Ваше сіятельство, я къ сожалѣнію не могу признать этого сочетанія словъ и предложеній удовлетворительнымъ въ грамматическомъ отношеніи, ибо порусски нельзя «подвергать что либо на размышленіе» читателей. Но это конечно не бѣда, ибо вы чужды литературѣ. Гораздо прискорбнѣе то обстоятельство, что означенное сочетаніе словъ и предложеній неудовлетворительно въ отношеніи логическомъ. Если «пролетаріатъ можно опредѣлитъ состояніемъ зависимости», а «состояніе зависимости является при рожденіи человѣка, возобновляется при его старости и напоминаетъ о себѣ при его болѣзняхъ»; если это такъ, то вы, графъ Орловъ-Давыдовъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ землевладѣльцевъ, родились пролетаріемъ, бываете имъ во время болѣзней и умрете пролетаріемъ, ибо я надѣюсь, что вы доживете до глубокой старости. Въ извѣстномъ смыслѣ все это можетъ быть и вѣрно, но согласитесь съ тѣмъ, что къ предмету

вашей статьи, или, какъ говоритъ «Вѣстникъ Европы», «записки чисто практическаго характера», ваше толкованіе слова пролетарій не имѣетъ ровно никакого отношенія. И вообще ваши предложенія практическихъ мѣропріятій на столько же ловки, послѣдовательны и цѣлесообразны, насколько ваши аргументы и попытки философскаго обоснованія вашихъ положеній слабы и нелогичны. Тѣмъ не менѣе вы не боитесь словъ; вы такъ-ли, сякъ-ли пытаетесь найти имъ объясненіе независимо отъ ихъ ходячаго смысла. Вы поймете поэтому, что *революція* есть только противоположность *эволюціи*, измѣненіе руководящихъ началъ общественной жизни въ противоположность ихъ дальнѣйшему развитію. И съ этой философской точки зрѣнія ваши цѣли глубоко революціонны, равно какъ и предлагаемыя вами мѣры. Руководящія начала русской экономической жизни суть, какъ вамъ извѣстно, общинное землевладѣніе и порядокъ наслѣдованія по системѣ раздѣла. Вы требуете майоратовъ и разрушенія общины. Что можетъ быть революціоннѣе этого Вамъ случалось конечно слышать, что какіе-то нигилисты стремятся къ подрыванію «основъ»; вамъ случалось можетъ быть даже принимать участіе въ подобнаго рода бесѣдахъ. Но, ваше сіятельство, если ваши собесѣдники были такъ же умны, какъ вы, вы несомнѣнно уподоблялись римскимъ авгурамъ и другъ на друга безъ смѣха смотрѣть не могли. И какъ вамъ не смѣяться! Пока какіе то неумѣлые люди носятся съ Молешотомъ и дѣтскими фантазіями; пока одна часть литературы вопитъ, что эти люди подрываютъ основы, а другая мямлитъ свое: «можно не соглашаться, но должно признаться»,—вы вырабатываете широкій революціонный планъ и выдвигаете его въ удобнѣйшую минуту. Вы начинаете съ проекта революціи экономической, потому что понимаете, что здѣсь именно бьется пульсъ общественной жизни. Но вы на этомъ не останавливаетесь. Вы не скрываете, что обезземеленіе крстьянъ и майораты вамъ нужны, какъ средства сосредоточенія политическаго значенія въ рукахъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Еще разъ привѣтствую васъ отъ имени пристыженной вами литературы, привѣтствую вашу смѣлость, послѣдовательность, ловкость...

Если наша литература склонна ставить заплатки, штопать бѣлыми нитками прорѣхи, вилять хвостомъ, объяснять, что можно не соглашаться, но должно признаться,—то вы дѣйствуете совершенно наоборотъ. Вы спрашиваете напримѣръ: «при какомъ порядкѣ вещей и распредѣленіи собственности болѣе всего обезпечивается благосостояніе отечества: при обязательномъ-ли равенствѣ, или при сложившемся отъ вѣка неравенствѣ состояній?» Мы, русскіе писатели, не задаемъ себѣ такихъ прямыхъ вопросовъ, а если намъ ихъ задаетъ кто-нибудь другой, мы начинаемъ усиленно вилять хвостомъ и дотолѣ виляемъ, доколѣ не заметемъ самый слѣдъ какихъ бы то ни было убѣжденій и мнѣній. Въ виду вашего вопроса насъ будетъ смущать съ одной стороны опасность впасть въ радикализмъ, а съ другой стороны мы все-таки свыклись съ идеей справедливости, которой противно всякое неравенство. Вы—другое дѣло, вы не смущаетесь и отвѣчаете прямо. Имѣя въ виду извѣстную практическую цѣль, вы идете къ ней, перескакивая черезъ всевозможныя препятствія и растаптывая все, что попадется на дорогѣ. Я особенно любуюсь на васъ въ тѣ моменты, когда вы топчете логику и справедливость. Замѣчательно, что эти двѣ вещи вы топчете съ разу, благодаря одной логической особенности вашего ума. Вамъ совершенно чужда идея компенсаціи, равновѣсія, такъ что механикъ изъ васъ навѣрное вышелъ-бы очень плохой. Что касается до васъ, какъ логика и политика, то я уже выше привелъ образецъ вашихъ эквилибристическихъ упражненій въ этихъ областяхъ. Пролетаріатъ есть состояніе зависимости, а состояніе зависимости присуще каждому человѣку по крайней мѣрѣ по временамъ въ силу законовъ природы, изъ чего слѣдуетъ, что пролетаріатъ необходимъ. Въ этомъ разсужденіи идея компенсаціи невыгодныхъ условій, налагаемыхъ на насъ природою, совершенно упущена изъ виду. А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ растоптаны и логика и справедливость. Другой примѣръ:

«Всегда и вездѣ самымъ вѣрнымъ помѣщеніемъ капитала по справедливости считалось землевладѣніе; съ другой стороны земледѣліе или собственно сельское хозяйство есть самое

рискованное предпріятіе, ибо его успѣхъ зависитъ не только отъ тѣхъ условій, которыя необходимы во всякомъ промышленномъ предпріятіи, какъ напримѣръ большее или меньшее умѣнье, стараніе и опытность хозяина, но и отъ различныхъ климатическихъ и атмосферныхъ явленій, какъ напримѣръ градъ, излишество или недостатокъ дождя, несвоевременные морозы и проч., которыхъ не только устранить, но даже предвидѣть нѣтъ возможности.»

Обыкновенный смертный, изъ этой сравнительной выгодности землевладѣнія и невыгодности земледѣлія, вывелъ-бы необходимость ихъ сліянія, ибо такимъ образомъ невыгоды одного компенсировались-бы выгодами другого. Это былъ-бы выводъ во-первыхъ вполнѣ логичный, а во-вторыхъ удовлетворяющій самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости. Вы рѣшаете дѣло иначе. Именно изъ того, что землевладѣніе представляетъ самое вѣрное помѣщеніе капитала, а земледѣліе есть предпріятіе самое рискованное, вы заключаете, что они должны быть оторваны другъ отъ друга. Я не понимаю возможности такого умозаключенія, но преклоняюсь передъ нимъ, преклоняюсь передъ тою смѣлостью, съ которою вы топчете логику и справедливость. Вы глубоко послѣдовательны въ самой своей нелогичности и несправедливости. Когда вы видите какое бы то ни было нарушеніе равновѣсія, вы заняты одною мыслью: прибавить нѣсколько гирь на ту чашку вѣсовъ, которая и безъ того перевѣшиваетъ. Вы не можете утерпѣть, у васъ руки чешутся. Если человѣкъ бываетъ по временамъ зависимъ, то вамъ не приходитъ въ голову какъ-нибудь хоть по возможности сгладить эту зависимость; вы требуете расширенія этой зависимости, ея упроченія общественными учрежденіями. Когда вы разсуждаете о невозможности для крестьянъ улучшенныхъ способовъ земледѣлія и раціональнаго сельскаго хозяйства, какъ по ихъ бѣдности вообще, такъ и недостаточности ихъ земельныхъ участковъ,— вамъ не приходитъ въ голову такая задача: нельзя-ли тѣмъ или другимъ способомъ увеличить размѣры крестьянскаго землевладѣнія и дать крестьянамъ возможность приложить къ дѣлу улуч-

шенные способы земледѣлія. Задача это конечно не легкая, но вполнѣ достойная вашего просвѣщеннаго ума. Но вы именно изъ бѣдности мужика выводите необходимость отнять у него и то, что у него есть,—землю. За послѣднее время у насъ было много говорено о податной реформѣ. Вы не касаетесь этого предмета, но съ почтеніемъ цитируете между прочимъ слѣдующія слова орловскаго землевладѣльца г. Краинскаго: «несостоятельность экономическаго устройства освобожденныхъ крестьянъ вызвала возгласы гуманистовъ не противъ ложнаго принципа, на которомъ оно основано, но противъ *мнимой* обременительности крестьянскихъ платежей».

Ваше сіятельство, это — нѣчто болѣзненное, эти признаки нелогичности и несправедливости, ненависти къ равновѣсію. Въ жизни съ вами должны или по крайней мѣрѣ могутъ случаться удивительнѣйшіе казусы: дѣло можетъ дойти до того, что вы отнимете костыль у хромого, выколете глазъ у кривого, или, отнявъ у нищаго брянчащія въ его кошелкѣ семь съ половиной копѣекъ, вручите ихъ владѣльцу того дома, на тротуарѣ котораго нищій играетъ на осиплой шарманкѣ народный гимнъ. И когда у васъ потребуютъ объясненія вашихъ дѣйствій, вы напишете записку часто практическаго характера, въ которой будутъ развиваться и доказываться слѣдующіе тезисы: этотъ человѣкъ хромъ, слѣдовательно костыль у него долженъ быть отнятъ; этотъ другой человѣкъ кривъ, а потому надлежитъ выколоть ему и другой глазъ; этотъ третій человѣкъ нищъ, вслѣдствіе чего у него должны быть отняты семь съ половиной копѣекъ. Когда статья будетъ написана, давайте ее намъ, мы напечатаемъ и даже осыплемъ васъ любезностями. Пусть вы нелогичны, пусть вы топчете справедливость, пусть вы даже русскую грамматику плохо знаете,—въ васъ есть одна черта, къ которой мы не можемъ относиться безъ глубочайшаго уваженія: вы знаете, чего вы хотите. Мы не знаемъ, а потому примите увѣреніе въ искренности моего къ вамъ уваженія.

Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго *).

Въ старые годы у насъ были въ большой модѣ сѣтованія на «разрушеніе авторитетовъ», которымъ будто бы систематически занималась извѣстная часть литературы. Нельзя сказать, чтобы сѣтованія эти теперь совсѣмъ прекратились. Такъ еще недавно г. Градовскій въ полемикѣ изъ-за «примиренія» съ Польшей поднялъ изношенный упрекъ въ недостаточномъ уваженіи къ авторитетамъ отечественнымъ, доморощеннымъ. Но нынѣ подобные упреки и сѣтованія являются во всякомъ случаѣ рѣже, какъ-то спорадически. Зависитъ это отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ едва ли не самая важная состоитъ въ измѣненіи персонала и характера самихъ авторитетовъ. Въ сущности вѣдь это—совсѣмъ вздоръ, это негодованіе на разрушеніе авторитетовъ. Авторитетовъ въ принципѣ, авторитетовъ вообще никогда никто не защищалъ: защищались только тѣ или другіе авторитеты, тѣ именно, которые защищающій признавалъ авторитетами, что и естественно конечно. Если же являлись возможность и охота прикрывать эти вполнѣ естественныя отно-

*) Октябрь 1871 г.

шенія какимъ-то принципіальнымъ уваженіемъ къ авторитетамъ, такъ единственно потому, что въ извѣстныя времена могутъ претендовать на титулъ авторитетовъ только извѣстнаго рода дѣятели, вслѣдствіе чего они до нѣкоторой степени однородны: защита или отверженіе одного изъ нихъ представляется защитою или отверженіемъ всѣхъ остальныхъ, а отсюда до авторитетовъ вообще, до самаго принципа научнаго авторитета—уже рукой подать. Люди, извергавшіе потоки сѣтованій на разрушеніе авторитетовъ, отнюдь не вымерли. Но они вовсе не склонны признавать авторитетами нынѣшніе авторитеты, напримѣръ Дарвина въ біологіи, Конта или Спенсера въ философіи, Маркса въ политической экономіи, Бокля въ исторіи и т. п. Встрѣчая въ литературѣ критическое отношеніе къ этимъ новымъ авторитетамъ, они поэтому нетолько не запѣваютъ своей старой пѣсни, но напротивъ съ большимъ удовольствіемъ потираютъ руки. Дѣло житейское, простое. И хоть такая терпимость къ критикѣ очень односторонняя и ненадежна, но это все-таки лучше, чѣмъ вопли о разрушеніи авторитетовъ, вопли, прямо сказать, лицемѣрные, не честные и глубоко вредные. Вредны они не только потому, что могутъ терроризировать общество и литературу, задерживать ихъ правильное развитіе: они способны возбудить еще иную, внутреннюю, въ своемъ родѣ не менѣе пагубную реакцію. Представьте себѣ, что господа охранители неприкосновенности авторитетовъ, всѣ эти господа Катковы, Мещерскіе и какъ ихъ тамъ еще зовуть, при каждомъ критическомъ замѣчаніи насчетъ Дарвина, Конта, Спенсера, Маркса, Бокля, становятся на дыбы и приходятъ въ ужасъ отъ разрушенія авторитетовъ. Невѣроятно комическій характеръ этихъ сценъ не долженъ скрывать отъ насъ совсѣмъ не комическую сторону дѣла. Подобныя ламентаціи, при достаточной назойливости, могутъ по закону реакціи вызвать въ читателяхъ столь чрезмѣрное преклоненіе передъ авторитетами Дарвина, Конта и т. д., что потомъ можетъ быть годы понадобятся на отдѣленіе пшеницы отъ плевелъ въ писаніяхъ этихъ современныхъ авторитетовъ. По какимъ бы значитъ причинамъ ни призатихли

голоса противъ «разрушенія авторитетовъ»—этому можно радоваться. Есть писатели, до такой степени сильно вооруженные самою природою или усидчивымъ трудомъ, до такой степени способные поработить мысль читателя, что строго критическое отношеніе къ нимъ уже само по себѣ, независимо отъ результатовъ критики можетъ принести значительную пользу. Само собою разумѣется однако, что результаты критики, т. е. указанія на дѣйствительно слабыя и дѣйствительно сильныя мѣста разбираемаго писателя, составляютъ при этомъ необходимое условіе. Просто взять да облаять человѣка, не показавъ ничего, кромѣ собственнаго невѣжества или недобросовѣстности или легкомыслія, безъ сомнѣнія очень не трудно, но зато и нисколько не полезно. Никакого «разрушенія авторитетовъ» тутъ не будетъ, а будетъ только срамъ для самого критика. Таковъ напримѣръ срамъ гг. Антоновича и Жуковскаго, какъ единственный результатъ ихъ попытки «разрушить авторитетъ» Конта.

Къ числу тяжеловѣснѣйшихъ современныхъ авторитетовъ, способныхъ даже гнетущимъ образомъ дѣйствовать на читателя, принадлежитъ Карлъ Марксъ. Рѣдкая логическая сила и громадная эрудиція, признаваемыя даже рѣшительными его противниками, могутъ побудить къ принятію безъ критики и такихъ его положеній, передъ которыми отнюдь не полагается отворять настежь ворота. Возьмемъ примѣръ, который, кромѣ поясненія высказанной мысли, пригодится намъ и впослѣдствіи.

Въ шестой главѣ «Капитала» имѣется параграфъ, озаглавленный: «Такъ называемое первоначальное накопленіе». Здѣсь Марксъ имѣлъ въ виду историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистическаго процесса производства, но далъ нѣчто гораздо большее—цѣлую философско-историческую теорію. Она очень любопытна вообще, очень любопытна для насъ русскихъ въ особенности.

Капиталистическій процессъ требуетъ для своего осуществленія и развитія наличности двухъ разрядовъ людей: во первыхъ на лицо долженъ быть собственникъ денегъ, средствъ производства и существованія, желающій увеличить принадле-

жащую ему сумму цѣнностей покупкою чужого труда; во-вторыхъ на лицо долженъ быть продавецъ труда, *свободный* работникъ. Рабъ или крѣпостной для этого не годится, не годится и крестьянинъ, имѣющій собственное хозяйство. Какъ участникъ капиталистическаго способа производства работникъ ни самъ не долженъ принадлежать къ условіямъ производства, ни эти условія не должны принадлежать ему. Сообразно этому, первоначальное наконленіе есть процессъ отдѣленія работника отъ условій труда или средствъ производства или собственности. Исторія показываетъ, что вездѣ въ Европѣ процессъ этотъ начался вскорѣ послѣ паденія крѣпостнаго права. Главные моменты его слѣдующіе. Уничтоженіе феодальныхъ дворовыхъ выбросило на рынокъ труда громадную массу пролетаріевъ, совершенно свободныхъ въ двоякомъ смыслѣ, нужномъ для капиталистическаго производства. Такой же результатъ имѣла реформація сокращеніемъ или уничтоженіемъ феодальныхъ правъ церкви и ея представителей, распущеніемъ монастырскихъ населеній и проч. Рядомъ съ этими факторами, вытекающими непосредственно изъ разрушенія крѣпостнаго права, дѣйствовалъ рычагъ прямаго насилія. Насильственно или обманнымъ образомъ отчуждались государственныя и церковныя имущества, захватывались подъ разными предлогами и разными способами общинныя крестьянскія земли; феодальная, т. е. условная собственность превращалась въ безусловную частную собственность. Парламентскими и непарламентскими формами насилія, носившими громкіе титулы «билля о включеніи общинныхъ земель», «очищенія имѣній», а то и никакихъ титуловъ не носившими, крестьянскія земли были экспропріированы, что́ уже само по себѣ отрывало земледѣльца отъ условій его труда. Затѣмъ пахатныя земли обращались въ пастбища, выгоны, а выгоны въ свою очередь въ парки. Всѣмъ этимъ земледѣлецъ усиленно гнался съ земли. Появились цѣлыя толпы бродягъ, нищихъ, разбойниковъ, противъ которыхъ правительства издавали чисто драконовскіе законы. Куда же было дѣваться всѣмъ этимъ согнаннымъ съ земли бродягамъ? Или назадъ, на землю, въ батраки къ новымъ

землевладѣльцамъ и ихъ арендаторамъ, или въ города, въ составъ промышленныхъ армій для возникающихъ мануфактуръ. Заморскія событія, въ родѣ открытія американскихъ золотыхъ и серебряныхъ мѣсторожденій, истребленіе и порабощеніе туземныхъ населеній, превращеніе Африки въ поле охоты за неграми, торговыя войны, международный кредитъ—всѣ эти міровыя событія способствовали разъ начавшемуся отлученію труда отъ собственности, работника отъ условій производства. Такимъ образомъ первоначальное накопленіе есть формальное измѣненіе отношеній, именно—превращеніе рабовъ и крѣпостныхъ въ наемныхъ работниковъ, и въ то же время экспропріація непосредственныхъ производителей, т. е. уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Это былъ трудный, мучительный и долгій, вѣковой, но въ то же время необходимый процессъ. Средневѣковыя формы самостоятельности земледѣльца и ремесленника, имѣющихъ въ своихъ рукахъ орудія производства, предполагаютъ раздробленіе земли и орудій. Эти формы противятся введенію кооперації, раздѣленію труда, общественному господству надъ природой — словомъ исключаютъ развитіе *общественной* производительной силы. На извѣстной степени развитія этотъ порядокъ вещей самъ выдвигаетъ матеріалы для своего разрушенія. «Уничтоженіе его, *обращеніе индивидуальныхъ и раздробленныхъ средствъ производства въ общественно-сосредоточенныя*, т. е. обращеніе мелкой собственности многихъ въ громадную собственность немногихъ, т. е. *экспропріація земли, средствъ существованія и орудій труда у большихъ народныхъ массъ*, эта ужасная и трудная экспропріація народа образуетъ первоначальную исторію капитала». Но процессъ на этомъ не останавливается. Въ силу «имманентныхъ законовъ» самаго капиталистическаго производства идетъ дальнѣйшее «обобществленіе» (Vergesellschaftung) труда. На этотъ разъ экспропріируются уже не рабочіе, а сами капиталисты. Одинъ капиталистъ побиваетъ другихъ, немногіе экспропріируютъ многихъ, число магнатовъ капитала сокращается, средства производства сосредоточиваются все въ меньшихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ

развиваются «кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное технологическое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго, общественнаго труда». Рядомъ со всѣми ужасами нищеты, униженія, гнета, которыми этотъ процессъ обрушивается на массы, идетъ обученіе, объединеніе, организація этихъ массъ «самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства». И наконецъ капиталистическая оболочка не выдерживаетъ этого «обобществленія»: «экспропріирующихъ экспропріируютъ». «Капиталистическій способъ производства и присвоенія, а слѣдовательно и капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ и неизбѣжностью собственнаго процесса. Это—отрицаніе отрицанія. Оно снова возстановляетъ индивидуальную собственность, но на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры, т. е. на основаніи кооперацій свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками». Этотъ обратный процессъ долженъ завершиться несравненно быстрѣе, чѣмъ процессъ экспропріаціи массъ. (Стр. 613—650 русскаго перевода).

Вотъ въ сжатомъ видѣ философско-историческій взглядъ Маркса. Онъ отнюдь не случайно имъ высказанъ въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» и подкрѣпляется множествомъ мѣстъ въ огромномъ томѣ «Капитала», а равно и въ другихъ сочиненіяхъ Маркса. Представимъ себѣ теперь русскаго человѣка, который увѣровалъ бы въ истинность этой исторической теоріи. Случай очень возможный, такъ какъ Марксъ и общей своей научной физіономіей способенъ внушить безграничное довѣріе, и въ частности приведенная его историческая теорія обставлена въ фактическомъ отношеніи съ большою роскошью, а въ отношеніи логическомъ представляетъ во всякомъ случаѣ

нѣчто стройное, цѣльное, а потому соблазнительное. Такой русскій человѣкъ, если только онъ живетъ не исключительно головой, не относится безучастно къ практикѣ жизни, окажется въ чрезвычайно странномъ и трудномъ положеніи. Тотъ обоюдоострый, страшный и вмѣстѣ благодѣтельный, непреоборимый процессъ «обобществленія» труда или, вѣрнѣе, та форма обобществленія, которую излагаетъ Марксъ, у насъ на святой Руси очень мало подвинулась впередъ. Крестьянинъ нашъ далеко не въ такой мѣрѣ «свободенъ» отъ земли и орудій производства, въ какой это необходимо для пышнаго развитія капиталистическаго производства. Напротивъ, несмотря на его печальное положеніе какъ земледѣльца и землевладѣльца, многія обстоятельства даже помимо его собственныхъ инстинктовъ держатъ его у земли. Съ другой стороны капиталы наши представляютъ въ сравненіи съ европейскими нѣчто крайне мизерное. Слѣдовательно намъ предстоитъ еще пройти вслѣдъ за Европой весь тотъ процессъ, который описалъ и возвелъ на степень философско-исторической теоріи Марксъ. Разница однако въ томъ, что намъ придется повторить процессъ, т. е. совершить его сознательно. По крайней мѣрѣ его долженъ сознавать тотъ русскій человѣкъ, который увѣровалъ въ непреложность исторической теоріи Маркса. Марксъ не скрываетъ конечно тяжелыхъ и возмутительныхъ сторонъ процесса. Напротивъ онъ ставитъ ихъ, что называется, ребромъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую его жолчную выходку: «Если на Европейскомъ континентѣ вліяніе капиталистическаго производства, которое подкапывается подъ человѣческую расу посредствомъ чрезмѣрнаго труда, дѣленія труда, подчиненія его машинамъ, калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ, дурной жизни и т. п., будетъ развиваться, какъ это было до сихъ поръ, рука объ руку съ конкуренціей en grand на поприщѣ народной солдатчины, государственныхъ долговъ, налоговъ, изящнаго веденія войны и т. п., то все это можетъ сдѣлать наконецъ неизбѣжнымъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкою, о чемъ такъ ревностно пророче-

ствуетъ полурусскій и вполнѣ «москвичъ» Герценъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ беллетристъ сдѣлалъ свое открытіе «русскаго» коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстгаузена» (613). Не входя въ подробности этой выходки, въ эти «кнуты» и «калмыцкую кровь», уже изъ общаго ея тона не трудно видѣть, какъ долженъ съ своей точки зрѣнія относиться Марксъ къ попыткамъ русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, которымъ шла и идетъ Западная Европа; къ попыткамъ, для которыхъ, какъ это уже много разъ доказывалось, вовсе нѣтъ надобности быть славянофиломъ или мистически вѣровать въ особыя высокія качества національнаго русскаго духа: надо только извлекать уроки изъ европейской исторіи. Однако изъ той же выходки Маркса можно усмотрѣть, до какой степени трудно обойтись намъ безъ подобныхъ попытокъ. Въ самомъ дѣлѣ русскому народу и безъ того выпала слишкомъ не легкая доля, чтобы набавлять еще къ этому итогу указываемые Марксомъ способы «подкапыванія подъ человѣческую расу». Выходка Маркса разумѣется чисто ироническая. Онъ вполнѣ увѣренъ, что для обновленія Европы не понадобятся никакія постороннія средства, ибо къ обновленію ее приведетъ внутренній процессъ ея собственнаго развитія путемъ обобществленія труда. И ему хорошо иронизировать, когда значительная и тягчайшая часть этого процесса уже совершилась, но вѣдь мы въ иномъ совсѣмъ положеніи. Всѣ эти «калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ» и проч. намъ еще предстоятъ, и мы съ точки зрѣнія исторической теоріи Маркса нетолько не должны протестовать противъ этихъ калѣченій, что значило бы прать противъ рожна, но даже радоваться имъ, какъ необходимымъ, хотя и крутымъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ счастія. Трудно вмѣстить въ себѣ такое противорѣчіе, которое терзало бы душу русскаго ученика Маркса на каждомъ шагу въ томъ или другомъ частномъ приложеніи. Ему предстоитъ развѣ роль наблюдателя, съ безстрастіемъ Пимена заносящаго въ лѣтопись факты обоюдоострого прогресса. Принимать же въ немъ активное участіе онъ не мо-

жетъ. Для мерзостной стороны процесса онъ совсѣмъ не годится, а всякая дѣятельность, соотвѣтствующая его нравственнымъ требованіямъ, только задержитъ, затянетъ процессъ. Идеалъ его, если онъ—ученикъ Маркса, состоитъ между прочимъ въ совпаденіи труда и собственности, въ принадлежности рабочему земли и орудій и средствъ производства. Но въ то же время, если онъ—ученикъ Маркса со стороны философско-историческаго взгляда послѣдняго, онъ долженъ радоваться разлученію труда и собственности, расторженію связи между работникомъ и условіями производства, какъ первымъ шагамъ необходимаго и въ концѣ концовъ благодѣтельнаго процесса. Онъ долженъ слѣдовательно привѣтствовать ниспроверженіе зачатковъ собственнаго идеала. Конечно такое столкновеніе нравственнаго чувства съ историческою необходимостью должно разрѣшиться въ пользу необходимости. У иного нравственное чувство можетъ и противъ смерти возмущаться, но вѣдь придетъ время, и онъ со всѣмъ своимъ нравственнымъ протестомъ уляжется въ такой же гробъ, въ какихъ лежатъ и никогда не протестовавшіе. Но дѣло въ томъ, что надо же доподлинно знать, что историческій процессъ дѣйствительно неизбѣжно таковъ, какимъ его рисуетъ Марксъ. Мы сейчасъ увидимъ, какія поправки къ теоріи можно заимствовать у самого Маркса. Но ясно во всякомъ случаѣ, что мы должны семь разъ подумать прежде, чѣмъ одинъ разъ отрѣзать себѣ всѣ пути кромѣ указаннаго нѣмецкимъ экономистомъ. Нужна словомъ критика.

И вотъ вы имѣете критику. Ее представилъ г. Ю. Жуковскій въ № 9 «Вѣстника Европы».

Мнѣ не въ первый разъ приходится говорить объ этомъ писателѣ, то есть о г. Жуковскомъ, и я имѣю нѣкоторое основаніе гордиться своими прежними объ немъ разговорами, потому что въ нихъ заключались между прочимъ предсказанія, очень быстро оправдавшіяся, а предсказанія эти вытекали изъ общей характеристики г. Жуковскаго какъ писателя; слѣдовательно и характеристика содержитъ въ себѣ, надо думать, хоть зерно истины. Позволю себѣ напомнить эту характеристику въ новомъ

видѣ—образомъ павлина. Да, г. Жуковскій представляетъ собою образъ и подобіе павлина, который, когда распускаетъ свой разноцвѣтный хвостъ, бываетъ чрезвычайно великолѣпенъ и выступаетъ такъ гордо, что даже слѣды ногъ его имѣютъ повидимому въ его глазахъ чрезвычайно важное значеніе; но такъ какъ собственная природа павлина обязываетъ его время отъ времени опускать хвостъ, то онъ и заметаетъ послѣднимъ свои слѣды впредь до новаго распущенія разноцвѣтнаго хвоста. Такъ именно ведетъ себя г. Жуковскій. Началъ онъ свою литературную дѣятельность давно уже, столь давно, что повидимому и самъ забылъ это начало, то есть, опустивъ хвостъ, замелъ имъ собственные слѣды. Началъ онъ съ идеи необходимости реформировать юридическія науки при помощи политической экономіи. И хотя этой идеи онъ и до сихъ поръ не забылъ, но предвозвѣщенной реформы не произвелъ, не произведетъ и не можетъ произвести. Не произвелъ потому, что, отложивъ свою цѣль въ сторону, посвятилъ себя орудію, то есть политической экономіи. Не произведетъ и не можетъ произвести потому, что оказалась необходимость новой реформы—реформы самой политической экономіи при помощи математическаго анализа. Съ весьма большой помпой была возвѣщена эта новая реформа, но ее постигла участь первой: г. Жуковскій занялся орудіемъ, то есть дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, и до такой степени забылъ цѣль, что одно время серьезно думалъ, будто переводъ теоріи Рикардо съ языка словъ на языкъ математическихъ знаковъ есть настоящее приложеніе математическаго анализа къ экономическимъ явленіямъ. Вътоже время провозглашена была еще одна реформа — реформа всей разсыпанной храмины общественныхъ наукъ при помощи физики и именно механической теоріи. Однако и эта реформа осталась въ проэктѣ и все по той же причинѣ: г. Жуковскій пристрастился къ орудію, физикѣ, и принялся за сочиненіе по теоріи свѣта, котораго хотя до сихъ поръ не написалъ (по крайней мѣрѣ не издалъ), но о которомъ еще въ 1871 году объявлялъ въ газетахъ. Такъ-то подвигался г. Жуковскій—не знаю ужь впередъ

ли, назадъ ли, вправо или влѣво, но вообще въ пространствѣ, періодически распуская пышный хвостъ и заметая имъ же свои собственные слѣды, постоянно оставляя, какъ говорятъ французы, quelque chose à dévîner, постоянно давая понять, что есть у него въ запасѣ такой секретъ, такой секретъ... который онъ разскажетъ въ слѣдующій разъ.

Неизвѣстный литературный хроникеръ «Сѣвернаго Вѣстника», воздавъ должное «Вѣстнику Европы», замѣчаетъ: «Это—не то, что тѣ его собраты, которые то и дѣло кокетничаютъ съ читателемъ, зазывая за кулисы, обѣщая показать тамъ нѣчто любопытное, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тамъ не оказывается ничего кромѣ фарса». Какихъ «собратовъ» почтеннаго журнала имѣетъ въ виду хроникеръ, онъ не говоритъ, да намъ и незачѣмъ знать. Но если имѣть въ виду не журналы, а отдѣльныхъ писателей, то не найдется между ними ни одного, къ которому приведенная характеристика пришлась бы лучше, чѣмъ къ г. Жуковскому. (Она очень идетъ и къ самому хроникеру, но до него намъ здѣсь дѣла нѣтъ).

Пообѣщать громадную реформу науки и дать переложеніе давно извѣстной теоріи съ одного языка на другой—развѣ это не значитъ пообѣщать «нѣчто любопытное» и дать «фарсъ»? Или вотъ напримѣръ г. Жуковскій, лѣтъ уже восемь тому назадъ заявилъ, что ему извѣстны «спеціальныя изслѣдованія дѣйствительно позитивнаго характера, правда немногочисленныя, но драгоцѣнныя въ нравственной литературѣ, *можетъ быть вовсе незнакомыя ни русскому читателю, ни русской журналистикѣ*, которыя давно отвели свое надлежащее историческое мѣсто и старымъ взглядамъ на этотъ предметъ (на отношеніе математики къ соціологіи) позитивистовъ, да и самой позитивной философіи Конта». И восемь лѣтъ г. Жуковскій держитъ русскаго читателя и русскую журналистику въ неизвѣстности! Это ли еще не кокетничанье? И это ли еще не фарсъ, если принять въ соображеніе, что драгоцѣнныя съ точки зрѣнія г. Жуковскаго страницы «нравственной литературы», неизвѣстныя ни русскому читателю, ни русской журналистикѣ, неизвѣстны въ

тоже время ему самому? Неизвѣстны и не могутъ быть извѣстны, по той простой причинѣ, что ихъ нѣтъ. Увлекшись кокетствомъ, г. Жуковскій сказалъ неправду. Впрочемъ до такого прямого, завѣдомаго лжесвидѣтельства г. Жуковскій не всегда доходитъ. Кокетству свойственно самому увлекаться затѣянной игрой и до извѣстной степени вѣрить въ присутствіе отсутствующихъ достоинствъ. Человѣкъ до такой степени способный засиживаться на полдорогѣ къ цѣли, на обработкѣ орудій достиженія этой цѣли, естественно склоненъ оставлять quelque chose à dévîner не только читателю, а и самому себѣ. Юридическія науки стоятъ неудовлетворительно, не имѣютъ настоящаго научнаго облика; нужно ихъ реформировать при помощи политической экономіи. Хорошо. Догадывался ли читатель статей г. Жуковскаго, какой новый обликъ получатъ юридическія науки послѣ реформы? Догадывался, но благодаря отнюдь не самому г. Жуковскому, а его обстановкѣ, главнымъ образомъ опредѣленности физіономіи журнала, въ которомъ г. Жуковскій работалъ. Зналъ ли самъ г. Жуковскій характеръ и содержаніе реформированнаго зданія науки? Въ общихъ чертахъ по всей вѣроятности зналъ, но можно уже навѣрное сказать, что о результатахъ второй реформы самъ онъ рѣшительно не имѣлъ яснаго представленія, ибо иначе онъ не могъ бы принять переложеніе теоріи Рикардо на математическій языкъ за реформу науки. Здѣсь онъ столько же обманывалъ самого себя, сколько читателей. Нѣкоторыя поверхностныя соображенія толкнули его на путь, совершенно для него темный. Онъ и самъ не зналъ, что въ концѣ этого пути нѣтъ ничего кромѣ фарса. Онъ и самъ думалъ, что близокъ къ овладѣнію такимъ секретомъ, такимъ секретомъ... который онъ въ состояніи будетъ разсказать въ слѣдующій разъ. Нѣсколько иной характеръ (нѣсколько менѣе похожій на фарсъ) имѣетъ проэктъ третьей реформы, хотя и тутъ г. Жуковскій очевидно изложилъ проэктъ прежде, чѣмъ составилъ себѣ опредѣленное понятіе о результатахъ его исполненія, и тутъ читатель заманивался въ сферы, таинственныя для самого автора. Отсюда нѣкоторая туманность всей литературной

физіономіи г. Жуковскаго. Литературная дѣятельность слагается изъ двухъ частей: теоретической—научной, и практической—прикладной. Что касается научной стороны дѣятельности г. Жуковскаго, то она естественно не могла до сихъ поръ получить характера законченности и опредѣленности, ибо, провозгласивъ необходимость реформы юриспруденціи при помощи анализа экономическаго, онъ вслѣдъ затѣмъ провозглашаетъ необходимость радикальнаго измѣненія самого орудія этой реформы, то есть политической экономіи; ясно, что непосредственные результаты первой риформы отходятъ въ сторону, объ нихъ нельзя себѣ составить опредѣленнаго понятія до окончанія второй реформы, а между тѣмъ подоспѣваетъ и еще одинъ проэктъ реформы Эта неопредѣленность результатовъ научнаго анализа явленій должна конечно отразиться и на практической сторонѣ литературной дѣятельности г. Жуковскаго извѣстными колебаніями. И дѣйствительно мы видимъ слѣдующее. Первоначально политическій образъ мыслей г. Жуковскаго былъ довольно ясенъ, отчасти опять-таки благодаря журналу, въ которомъ онъ участвовалъ, а отчасти благодаря нѣкоторымъ его собственнымъ статьямъ, которыя онъ вѣроятно теперь не особенно охотно вспоминаетъ. Не буду и я смущать миръ его души этими напоминаніями. Затѣмъ г. Жуковскій (въ «Космосѣ») сталъ уже намекать, что его смѣшивали, «ставили въ одинъ разрядъ» съ какими-то «площадными повѣсами» и что это обстоятельство его очень огорчаетъ. Еще дальше намеки перешли въ прямыя жалобы. Г. Жуковскій сталъ объяснять (въ «Исторіи политической литературы XIX столѣтія»), что онъ «излагалъ только частные выводы экономическаго анализа» и никогда не забывалъ, что выводы эти должны еще видоизмѣняться въ зависимости отъ «вопроса дисциплины»; что его, г. Жуковскаго, совершенно напрасно упрекали въ недостаточномъ уваженіи къ принципу «дисциплины». Наконецъ еще дальше г. Жуковскій пишетъ статью о Карлѣ Марксѣ, въ которой признаетъ начало дисциплины уже въ «въ полномъ размѣрѣ», какъ онъ любитъ выражаться, хотя по старой привычкѣ все еще даетъ понять, что у

него есть такой секретъ, такой секретъ... котораго, увѣряю васъ, онъ даже самому себѣ никогда не откроетъ.

Надо отмѣтить еще одну черту г. Жуковскаго, какъ мыслителя и писателя, находящуюся впрочемъ въ самой тѣсной связи со всѣмъ вышесказаннымъ. Онъ очень любитъ говорить о различіи между формальнымъ и матеріальнымъ, между «феноменальнымъ» и «существеннымъ», но не особенно хорошо уяснилъ себѣ дѣйствительныя различія и предѣлы этихъ логическихъ категорій. Возьмемъ такой примѣръ. Въ виду вашего малокровія, докторъ совѣтуетъ вамъ ѣсть побольше мяса. Вы кушаете битокъ. Подходитъ г. Жуковскій и съ весьма серьезнымъ видомъ, съ готовностью даже пустить въ ходъ математическій анализъ, замѣчаетъ, что битокъ вѣдь это — собственно только форма, что мясо можетъ быть приготовлено и въ формахъ ростбифа, бифштекса и проч. Вы отвѣчаете, что это вамъ очень хорошо извѣстно, но что по обстоятельствамъ, напримѣръ потому, что у васъ зубы плохи, вы предпочитаете форму рубленнаго мяса.—Это такъ, отвѣчаетъ г. Жуковскій:—но все-таки замѣтьте, что употребленіе мяса въ формѣ битка несущественно.— Это надоѣдливо, но по крайней мѣрѣ резонно и даже какъ-будто къ дѣлу идетъ. Но вотъ г. Жуковскій походилъ, походилъ, подумалъ, подумалъ и опять къ вамъ: послушайте, вѣдь самое мясо, это что-же такое? только форма бытія, форма матеріи, потенціальная сила которой при извѣстныхъ условіяхъ преобразуется въ живую силу вашего организма. Это очень справедливо, но къ дѣлу уже вовсе не идетъ, что и самъ г. Жуковскій долженъ понимать; но ему такъ нравится презрительное отношеніе ко всему формальному и «феноменальному» и третированіе за панибрата всего «существеннаго», что онъ можетъ и дальше пойти, заговорить объ томъ, что потенціальная сила есть собственно говоря только форма силы, именно сила, находящаяся въ состояніи напряженія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ разумѣется отойдетъ отъ настоящаго предмета разсужденія за тридевять земель, заманивая васъ все дальше и дальше въ область существеннаго и ничего тамъ не показывая. На дѣлѣ онъ такъ

далекъ отъ пониманія дѣйствительнаго характера употребляемыхъ имъ во зло логическихъ категорій, что можетъ, какъ мы уже видѣли, принять математическую форму изложенія за существенный переворотъ въ наукѣ. Можетъ онъ также употребить такое несообразное выраженіе, какъ «феноменальное явленіе». Несообразное, ибо «феноменъ» и значитъ «явленіе» (въ противоположность «нумену», сущности), и если мы вынуждены употреблять слово «феноменальный», такъ единственно потому, что по-русски существуетъ только одно прилагательное, произвольное отъ слова «явленіе»—«явленный», имѣющее свой слишкомъ спеціальный смыслъ.

Обращаясь къ возраженіямъ г. Жуковскаго Марксу, замѣтимъ прежде всего, что между ними нѣтъ ни одного оригинальнаго. Охотно вѣрю, что г. Жуковскій до всѣхъ нихъ своимъ умомъ дошелъ, но тѣмъ не менѣе по странному стеченію обстоятельствъ они были у него предвосхищены разными нѣмцами. Разница только въ томъ, что нѣмцы ведутъ дѣло на чистоту, а г. Жуковскій laisse quelque chose à dćviner.

Самое общее и притомъ едва ли не единственное вѣрное замѣчаніе состоитъ въ указаніи на пристрастіе къ гегелевской діалектикѣ. Дѣйствительно Марксъ, не смотря на свой протестъ противъ гегелевской философіи, очень охотно, даже слишкомъ охотно прибѣгаетъ къ ея діалектикѣ, чѣмъ безъ нужды усложняетъ и затрудняетъ пониманіе своихъ выводовъ. Это было всѣми давно замѣчено (въ особенности Дюрингъ, вообще крайне несправедливый къ Марксу, налегъ на это обстоятельство въ своей «Критической исторіи политической экономіи и соціализма»), и самъ Марксъ счелъ нужнымъ отозваться на голосъ критики во второмъ изданіи «Капитала». Но, отнюдь не снимая этого грѣха съ души Маркса, г. Жуковскому слѣдовало бы помнить то, что онъ нѣкогда понималъ довольно хорошо, а именно, что гегелевская діалектика, именно благодаря своей пустотѣ, безсодержательности, можетъ иногда оказаться «случайной внѣшней рамкой, въ которую авторъ вставилъ выводы, добытые вовсе не апріористическимъ путемъ, а чистымъ анализомъ фак-

товъ», что «метафизическая форма» можетъ быть «просто механической приставкой къ независимому отъ нея содержанію». Такими именно словами характеризовалъ нѣкогда (и не Богъ знаетъ какъ давно, въ 1866 г.) г. Жуковскій пристрастіе къ гегелевщинѣ у Прудона (въ брошюрѣ «Прудонъ и Луи Бланъ»). А между тѣмъ вся разница въ этомъ отношеніи между Прудономъ и Марксомъ состоитъ въ томъ, что послѣдній не по наслышкѣ, какъ первый, знакомъ съ гегелевской діалектикой и потому прилагаетъ ее къ дѣлу искуснѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ ужь обильно.

Надо замѣтить, что въ глазахъ г. Жуковскаго Марксъ— вдвойнѣ грѣшникъ, вдвойнѣ «формалистъ»: во первыхъ, какъ ученикъ «формалистической» философіи Гегеля, во-вторыхъ— какъ соціалистъ. Эти два пункта къ сожалѣнію такъ перепутаны въ обвинительномъ актѣ г. Жуковскаго, что и намъ трудно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Будемъ слѣдовать за авторомъ обвинительнаго акта.

Г. Жуковскій начинаетъ какъ истый схоластикъ: область общественныхъ наукъ дѣлится на двѣ отрасли, соотвѣтствующія двумъ сторонамъ, заключающимся въ каждомъ предметѣ: сторону формальную изучаетъ наука права, сторону матеріальную— экономія. Первоначально это раздѣленіе труда имѣло свои резоны въ историческомъ ходѣ науки. Наука права родилась раньше экономіи и потому стала искать объясненія формъ общежитія, какъ явленій совершенно самостоятельныхъ или по крайней мѣрѣ независимыхъ отъ явленій экономическихъ. «Изучая ихъ въ такомъ видѣ, первоначально наука права отыскивала объясненія этихъ формъ и ихъ опредѣляющаго содержанія поневолѣ въ такихъ же формальныхъ, отвлеченныхъ основаніяхъ. Онѣ для нея служили то осуществленіемъ на землѣ высшей правды и справедливости, то идеи добра, проходившей въ своемъ развитіи формальныя стадіи логическаго процесса и достигавшей наконецъ сознанія самой себя». Эти объясненія формъ общежитія оказались неудовлетворительными. Между тѣмъ выросла экономія, на которую однако юристы не пожелали опе-

реться. Тогда среди экономическихъ писателей возникла сангвиническая, нетерпѣливая школа, «вмѣшавшаяся въ формальные вопросы общежитія съ экономической точки зрѣнія», не имѣя однако нужныхъ для подобнаго вмѣшательства выдержки и знанія. «Если въ то время, когда оно (вмѣшательство) произошло, можно было говорить о связи между формальными и экономическими фактами, то въ ближайшемъ своемъ видѣ эта связь была вовсе не обслѣдована и экономическое значеніе отдѣльныхъ формъ вовсе не выяснено въ подробности. Точно также недостаточно была изслѣдована и матеріальная или экономическая сторона общежитія и не выяснены въ точности границы, полагаемыя стремленіямъ человѣка, какъ внѣшней природой, такъ и природою самого человѣка». Ничего этого не знали и знать не хотѣли сангвиническіе люди. «Всѣ слабыя стороны матеріальнаго положенія были отнесены къ недостаткамъ въ формахъ, и потому устраненіе ихъ поставлено въ прямую зависимость отъ измѣненія этихъ формъ. Что же касается послѣдняго, то форма представлялась этому направленію исключительно зависящею отъ произвола человѣка и не зависящею ни отъ матеріальныхъ условій, ни отъ природы или степени развитія человѣческой личности». Сангвиники поторопились, вмѣсто научной провѣрки своихъ положеній «предложили опытъ» и окончательно потеряли кредитъ.

Марксъ принадлежитъ къ числу этихъ сангвиниковъ. Спрашивается: насколько онъ, какъ позднѣйшій представитель школы, успѣлъ освободиться отъ общихъ ея недостатковъ? Оказывается, что онъ отъ нихъ не освободился, «въ томъ отношеніи, что ограничиваетъ свое изслѣдованіе точно также одной формальной стороной, а другая, матеріальная сторона оставляется имъ точно также безъ серьезнаго разсмотрѣнія. Правда онъ и въ этомъ отношеніи настолько разсудительнѣе своихъ предшественниковъ, что не игнорируетъ вовсе значенія матеріальныхъ условій, но онъ въ то же время обходитъ ихъ прямое изслѣдованіе». Въ доказательство г. Жуковскій ссылается на слѣдующія умозаключенія нѣмецкаго писателя. Марксъ объясняетъ,

что юридическія и политическія отношенія не суть самостоятельныя явленія, а выростаютъ на почвѣ отношеній экономическихъ; что измѣняются они подъ вліяніемъ измѣненій въ условіяхъ производства. Извѣстныя юридическія и политическія отношенія не только въ дѣйствительности, а и въ сознаніи не могутъ возникнуть раньше, чѣмъ будетъ готова для нихъ матеріальная почва въ видѣ соотвѣтственныхъ условій производства. Слѣдовательно, заключаетъ отсюда Марксъ, если въ современномъ буржуазномъ обществѣ мы видимъ начало борьбы старыхъ порядковъ съ новыми, если въ сознаніи множества людей возникаетъ требованіе новыхъ юридическихъ отношеній, то значитъ матеріальная почва для нихъ готова.

Г. Жуковскій довольно долго ломается надъ этими соображеніями Маркса, справедливо видя въ нихъ отраженіе гегелевской философіи, но все-таки вовсе несправедливо и даже без... застѣнчиво, какъ мы сейчасъ увидимъ, обзывая за нихъ Маркса «формалистомъ», который обходитъ прямое изслѣдованіе матеріальныхъ условій юридическихъ отношеній.

Мы имѣемъ теперь уже всѣ данныя для сужденія о достоинствѣ общихъ критическихъ пріемовъ г. Жуковскаго. Но такъ какъ провѣрить ихъ всего удобнѣе на приведенной выше главѣ о первоначальномъ накопленіи, то посмотримъ сначала какъ относится критикъ къ изложенному тамъ общему закону экономическаго развитія.

Само собою разумѣется, что г. Жуковскій слишкомъ vornehm, слишкомъ великолѣпенъ для приданія вопросу той постановки, которую я рекомендовалъ вниманію читателя. Нѣкогда, въ статьѣ, написанной по поводу магистерской диссертаціи г. Янсона, придравшись къ одному неловкому выраженію почтеннаго профессора, г. Жуковскій обратился къ нему съ такимъ апострофомъ: «Почтенный докторантъ, тутъ дѣло вовсе не въ томъ, чѣмъ кончитъ человѣческій духъ—извѣстное дѣло, когда нибудь все перемелется—мука будетъ, а чѣмъ кончатъ хотя бы саксонскія поля черезъ 60 или 100 лѣтъ, или русскія черезъ 300» («Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической

наукѣ»). Теперь г. Янсонъ имѣлъ бы полное право возвратить эти восклицанія г. Жуковскому, ибо послѣдній въ экономическихъ вопросахъ болѣе занятъ энтропіей (одинъ изъ способовъ объясненія того, какъ все, со включеніемъ духа, перемелется), чѣмъ участью нетолько русскихъ полей, но и русскихъ крестьянъ. Г. Жуковскій обращаетъ вниманіе на слѣдующіе моменты изложеннаго Марксомъ процесса образованія капитала и обобществленія труда. «По своему отношенію къ юридическимъ основамъ общества, говоритъ онъ—Марксъ рѣзко выдѣляется изъ школы соціалистовъ. Если мы примемъ за отличительный признакъ послѣднихъ критическое отношеніе къ началу личной собственности, то должны будемъ признать, что изслѣдованіе Маркса держится другой почвы: онъ остается на той почвѣ личной собственности, которая отрицается соціалистами крайняго направленія; онъ признаетъ это начало, какъ начало, и все его изслѣдованіе направлено къ тому, чтобы объяснить всѣ темныя стороны европейской соціальной жизни вовсе не присутствіемъ этого начала, а тѣмъ, что это начало было нарушено по отношенію къ работнику». Затѣмъ въ концѣ статьи г. Жуковскій очень бѣгло, въ нѣсколькихъ словахъ сообщаетъ содержаніе главы о первоначальномъ накопленіи. Это бы еще ничего, что онъ его сообщаетъ бѣгло, но онъ дѣлаетъ это крайне неполно. Такъ объ томъ, что Марксъ называетъ обобществленіемъ труда, критикъ не упоминаетъ вовсе, ни разу, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ статьи. Онъ говоритъ только, что процессъ состоитъ въ отдѣленіи рабочаго отъ условій производства, въ частности—въ обезземеленіи, и заключаетъ такъ: «Какъ просты кажутся формалистамъ причины капиталистическаго процесса, столь же просты кажутся имъ и средства его измѣненія. Для Маркса повидимому все дѣло можетъ ограничиться закрѣпленіемъ за рабочими права на прибыль». А, дескать, «матеріальныя условія вопроса, лежащія какъ въ степени развитія личности рабочаго, такъ и въ матеріальныхъ условіяхъ производства»—для Маркса не существуютъ.

Такова общая характеристика нѣмецкаго писателя, сдѣлан-

ная рускимъ критикомъ. Имѣю смѣлость заявить, что вся она представляетъ одну большую ложь, состоящую изъ ряда маленькихъ лжей, такъ что трудно даже рѣшить, за которую изъ нихъ удобнѣе взяться сначала для выясненія настоящей физіономіи подсудимаго: embarras de richesses, слишкомъ много цвѣтовъ! Начнемъ съ указанія на уваженіе Маркса къ началу личной собственности. Собственно говоря этотъ вопросъ мало идетъ къ дѣлу, такъ какъ мы имѣемъ въ виду Маркса, какъ человѣка науки, и практической его дѣятельности касаться здѣсь не можемъ, а нѣтъ ни одной его научной работы, спеціально посвященной вопросу о формахъ собственности. Но ради ясности вспомнимъ, что онъ есть одинъ изъ авторовъ «манифеста коммунистической партіи». Самое заглавіе этого документа показываетъ, что соотвѣтственную часть его характеристики, представленной г. Жуковскимъ, надо понимать совершенно наоборотъ. Къ этой фактической, для всякаго безъ разъясненій осязательной неправдѣ можно бы было тутъ же поставить точку и перейти къ слѣдующимъ неправдамъ. Но самъ собою является вопросъ: почему г. Жуковскій пожелалъ ввести читателей «Вѣстника Европы» на этомъ пунктѣ въ заблужденіе? или же—гдѣ основанія его собственнаго заблужденія? Мы видѣли, что философско-историческая схема Маркса такова: капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ; затѣмъ происходитъ историческое отрицаніе этого отрицанія, вновь возстановляется индивидуальная собственность, но на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры — на основаніи кооперації свободныхъ работниковъ и общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками. Послѣдняя часть схемы опять-таки ясно показываетъ, до какой степени наоборотъ слѣдуетъ понимать показаніе г. Жуковскаго объ отношеніи Маркса къ началу личной собственности. Какое ужь тутъ уваженіе къ личной собственности, когда предсказывается и рекомендуется общинное владѣніе землей и средствами производства! Г. Жуковскаго очевидно смутило слово «индивидуаль-

ный». Дѣло въ томъ, что въ схему свою Марксъ ввернулъ два общеизвѣстные фокуса гегелевской діалектики, къ которой г. Жуковскій такъ строгъ, но которой въ данномъ случаѣ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить. Во первыхъ вся схема построена по закону гегелевской тріады: сначала идетъ положеніе, тезисъ, затѣмъ отрицаніе, антитезисъ, и наконецъ отрицаніе, отрицанія, дающее въ окончательномъ результатѣ синтезисъ. Во-вторыхъ этотъ синтезисъ основывается на тождествѣ противоположностей: индивидуальной и общинной собственности. Значитъ тутъ слово «индивидуальный» имѣетъ особенный, чисто условный смыслъ члена діалектическаго процесса и ничего ровно на немъ основывать нельзя. Правда г. Жуковскій опирается повидимому преимущественно на фактическую часть историческаго очерка Маркса. Но вѣдь фактическая сторона потому и называется фактической, что разсказываетъ какъ дѣло было. И соціалистъ, и экономистъ, и Жуковскій, и Марксъ, и Сидоръ, и Петръ должны будутъ приблизительно одинаково передать ее. Разница будетъ только въ освѣщеніи фактовъ. Марксъ освѣщаетъ ихъ съ точки зрѣнія отлученія работника отъ условій производства, но прослѣживаетъ это общее теченіе въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ. Такъ мы видѣли напримѣръ его указанія на значеніе распущенія феодальныхъ дворовыхъ, на расхищеніе общинныхъ земель, на продажу церковныхъ имуществъ и проч. Слѣдовательно и относительно фактической стороны г. Жуковскій просто, какъ говорится, сболтнулъ. Зачѣмъ?—неизвѣстно. Почему?—можетъ быть просто потому, что ничего не понялъ.

За то обвиненіе въ гегелевщинѣ остается въ полной силѣ. Посмотримъ однако не служитъ ли она и у Маркса, какъ по объясненію г. Жуковскаго у Прудона, только случайной внѣшней рамкой, въ которую авторъ вставилъ выводы, добытые не апріористическимъ путемъ, а строгимъ анализомъ фактовъ. Г. Жуковскій не только этого не допускаетъ, но подсовываетъ на эту чашку вѣсовъ своей удивительной критики еще одну гирю: Марксъ—формалистъ, какъ гегельянецъ, да еще и какъ «сангвиникъ». Въ качествѣ такого дубль экстракта формализма Марксъ,

хотя и признаетъ значеніе экономическихъ условій для юридическихъ и политическихъ формъ, но «формальнымъ пріемомъ обходитъ» ихъ изслѣдованіе, именно предполагая, что разъ въ сознаніи современниковъ возникаютъ новыя формы, такъ значитъ матеріальныя условія для нихъ уже готовы. Кромѣ того Марксъ, какъ двойной формалистъ, думаетъ, что все дѣло можетъ ограничиться закрѣпленіемъ за рабочими права на прибыль (битокъ, вѣдь это что же такое? только форма!), а какія для этого условія нужны, онъ и знать не хочетъ. Таковы обвиненія г. Жуковскаго. Если они попадутся человѣку совершенно незнакомому съ Марксомъ, то этотъ бѣдный человѣкъ получитъ замѣчательно извращенное понятіе о «Карлѣ Марксѣ и его книгѣ о капиталѣ» (такъ озаглавлена статья г. Жуковскаго). Дѣйствительно, изъ приведенныхъ обвиненій слѣдуетъ кажется прежде всего заключить, что обвиняемый есть юридическій писатель, доказывающій въ сочиненіи «Капиталъ» право рабочихъ на прибыль. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ни «Капиталъ», ни другое цитируемое г. Жуковскимъ сочиненіе Маркса «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»—отнюдь такой цѣли въ виду не имѣютъ. «Конечная цѣль этого сочиненія — показать экономическій законъ развитія новѣйшаго общества», говоритъ Марксъ о своемъ «Капиталѣ» и строго выдерживаетъ эту программу. Правда для него право рабочихъ на прибыль несомнѣнно; правда онъ увѣренъ, что въ концѣ концовъ и самый законъ развитія новѣйшаго общества тяготѣетъ къ признанію этого права. Поэтому тамъ и сямъ, въ особенности въ примѣчаніяхъ, въ предисловіяхъ, въ заключительныхъ словахъ нѣкоторыхъ главъ, можно найти указанія на право рабочихъ. Но систематически доказывать его онъ вовсе не думалъ. «Капиталъ» цѣликомъ посвященъ анализу условій производства и экономическихъ отношеній, такъ что показаніе г. Жуковскаго, что Марксъ «обходитъ» изслѣдованіе «матеріальныхъ условій», было бы совершенно непонятно, еслибы мы не имѣли уже одного яркаго образца без...церемонности нашего критика. Вотъ что г. Жуковскій, трактуя о Марксѣ, «обходитъ» ни больше ни меньше какъ всего Маркса—это вѣрно.

Еслибы Марксъ сказалъ: законъ развитія современнаго общества таковъ, что оно само, спонтанейно отрицаетъ свое предъидущее состояніе и затѣмъ отрицаетъ это отрицаніе, примиряя противорѣчія пройденныхъ стадій въ единствѣ индивидуальной и общинной собственности, еслибы онъ сказалъ это и *только* это (хотя бы и на многихъ страницахъ), то онъ былъ бы чистымъ гегельянцемъ, строющимъ законы исторіи изъ глубины своего духа и успокоивающійся на чисто формальныхъ, то есть независимыхъ отъ содержанія принципахъ. Но вѣдь всякій читавшій «Капиталъ» знаетъ, что онъ сказалъ не только это. Мало того: всякій прочитавшій только вышеприведенное бѣглое изложеніе главы о первоначальномъ накопленіи долженъ понять, что гегельянскую формулу можно также легко снять съ втиснутаго въ нее содержанія, какъ перчатку съ руки или шляпу съ головы, ни мало не повредивъ руки или головы. Относительно пройденныхъ ступеней экономическаго развитія тутъ даже ни малѣйшихъ сомнѣній быть не можетъ. Называйте эти пройденныя ступени положеніемъ и отрицаніемъ, называйте иначе, перемѣните всю группировку, сдѣлайте изъ двухъ ступеней десять, двадцать — фактически Марксъ останется правъ. Разрушеніе феодальныхъ порядковъ въ Европѣ дѣйствительно сопровождалось отлученіемъ работника отъ условій производства; сила вещей дѣйствительно сгоняла этихъ отлученныхъ въ мануфактуры. Столь же несомнѣнно и дальнѣйшее теченіе процесса: сосредоточеніе средствъ производства все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ. Насчетъ будущаго могутъ быть конечно сомнѣнія. Марксъ полагаетъ, что такъ какъ концентрація капитала сопровождается обобществленіемъ труда, то это послѣднее и составитъ ту экономическую и нравственную почву, на которой выростутъ новые юридическіе и политическіе порядки. Г. Жуковкій имѣлъ полное право назвать это построеніе гадательнымъ, но не имѣлъ никакого права (нравственнаго разумѣется) совершенно умолчать о значеніи, какое Марксъ придаетъ процессу обобществленія. А онъ, какъ мы уже видѣли, умолчалъ. Онъ только съ ученымъ видомъ знатока потолокъ воду насчетъ фор-

мализма, не принимающаго въ соображеніе ни матеріальныхъ условій, ни степени развитія личности. Марксъ, говоритъ, думаетъ, что призналъ право рабочихъ на прибыль, да и шабашъ! Нѣтъ не шабашъ, Марксъ это очень хорошо зналъ. И нетолько зналъ, а сказалъ съ ясностью и выразительностью, далеко превосходящею вялое и туманное мямленье г. Жуковскаго, и обслѣдовалъ съ знаніемъ, не менѣе возвышающимся надъ надменною quasi-ученостью беззастѣнчиваго критика. Въ предисловіи къ «Капиталу» читаемъ: «Въ Англіи процессъ преобразованія очевиденъ до осязательности. Дойдя до извѣстной высоты развитія, онъ долженъ отразиться на континентѣ (Марксъ имѣетъ въ виду преимущественно Германію). Въ какихъ формахъ проявится онъ тамъ, въ грубыхъ или гуманныхъ—*это совершенно зависитъ отъ степени развитія самихъ работниковъ*. Слѣдовательно независимо отъ высшихъ мотивовъ, собственный интересъ самихъ теперешнихъ господствующихъ классовъ требуетъ устраненія путемъ закона всѣхъ препятствій, мѣшающихъ развитію рабочаго класса». Великъ комизмъ положенія человѣка, величественно вздымающаго руку для пораженія противника и попадающаго при этомъ пальцемъ въ небо! Г. Жуковскій *полемизируетъ* съ Марксомъ: «Я утверждаю, что мѣра, въ которой случится это участіе (участіе рабочаго въ прибыли), зависитъ отъ матеріальныхъ условій вопроса, лежащихъ какъ въ степени развитія личности рабочаго, такъ и въ матеріальныхъ условіяхъ производства. *Иначе разсуждаютъ формалисты*». О, да! совершенно иначе, но всетаки, подумаешь, сколько важности тратится иной разъ совсѣмъ напрасно!

«Одна нація можетъ и должна учиться у другой», говоритъ Марксъ. Оставляя на минуту г. Жуковскаго въ покоѣ, спросимъ: какого же рода урокъ можемъ мы получить изъ исторіи развитія экономическихъ отношеній въ Англіи? Имѣя въ виду свое отечество, Германію, Марксъ съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ англійскому фабричному законодательству, то-есть къ тому, насколько въ Англіи подвинулся вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ въ регулированіе рабочаго дня, жен-

скаго и дѣтскаго труда и проч. Здѣсь именно лежатъ тѣ поправки къ фаталiной непреклонности историческаго процесса, которыя могутъ быть заимствованы у самого Маркса. Фабричное законодательство, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, направлено къ огражденію рабочаго населенія отъ калѣченія и къ доставленію ему возможности безпрепятственно развивать свои человѣческія способности. Слѣдовательно возможно до извѣстной степени смягчить непреклонность процесса; возможно и должно, какъ образно выражается Марксъ, облегчить муки родовъ. Но для насъ очевидно и этихъ смягченій мало, ибо, какъ ни желательно у насъ развитіе и извѣстное направленіе фабричнаго законодательства, оно можетъ охватить лишь очень малое сравнительно число народа, а потому необходимо изысканіе путей для болѣе непосредственнаго обхода среднихъ стадій описаннаго Марксомъ процесса.

Изъ этого читатель между прочимъ видитъ, что мы вовсе не расположены только слушать, что magister dixit, а напротивъ съ удовольствіемъ выслушали бы и отъ такого магистра какъ г. Жуковскій рядъ дѣйствительно критическихъ замѣчаній. Къ сожалѣнію до сихъ поръ мы видѣли только рядъ неправдъ. Къ еще большему сожалѣнію мы и впредь увидимъ тоже самое.

До сихъ поръ у насъ шла провѣрка критики г. Жуковскаго на примѣрѣ, нами выбранномъ. Возьмемъ примѣръ, выбранный имъ самимъ. На основаніи нѣсколькихъ словъ предисловія къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie» онъ утверждаетъ, что Марксъ, какъ формалистъ-гегельянецъ, довольствуется заявленіемъ что сознаніе новыхъ общественныхъ формъ уже гарантируетъ наличность необходимыхъ для этихъ формъ матеріальныхъ условій. Опять таки, еслибы Марксъ написалъ только это предисловіе къ «Zur Kritik», то г. Жуковскій былъ бы совершенно правъ. Но такъ какъ Марксъ сдѣлалъ нѣсколько больше, то г. Жуковскій опять-таки говоритъ прямую, завѣдомую неправду. Если снять съ «Капитала» тяжелую, неуклюжую и ненужную крышку гегельянской діалектики, то независимо отъ другихъ достоинствъ этого сочиненія мы увидимъ въ немъ пре-

восходно разработанный матеріалъ для рѣшенія общаго вопроса объ отношеніи формъ къ матеріальнымъ условіямъ ихъ существованія и превосходную постановку этого вопроса для частной области.

Г. Жуковскій весьма основательно замѣтилъ, что употребленіе мяса въ видѣ битка не существенно. Битокъ въ этомъ случаѣ есть дѣйствительно только форма, имѣющая, какъ и другія формы, свои удобства и неудобства. Человѣкъ—тоже форма бытія, оформленный клочекъ вещества, своеобразно ведущій приходо-расходную книжку своего существованія, только форма, по отношенію къ которой битокъ является однимъ изъ матеріальныхъ условій существованія. Но вотъ что удивительно: форма эта такъ сильна, что битокъ и всякія другія формы не только мяса, а питательнаго вещества вообще, поступая въ организмъ человѣка, преобразуются въ матеріалы для поддержанія именно этой формы. Человѣкъ ѣстъ мясо, ѣстъ хлѣбъ, рыбу, рѣдьку съ квасомъ, но остается человѣкомъ. Извѣстная органическая форма совершенно повидимому подчиняетъ себѣ поступающій въ нее пластическій матеріалъ. Однако это—только повидимому. Въ дѣйствительности, какъ всѣмъ извѣстно, условія существованія способны, хотя и медленно, измѣнять органическія формы. Такимъ образомъ между формой и матеріальными условіями существованія устанавливаются довольно сложныя отношенія, причемъ до поры до времени одолѣваетъ форма, хотя въ концѣ концовъ и преобразующаяся. Съ общественными формами происходитъ нѣчто подобное и никто лучше Маркса этого не показалъ. Собственно говоря весь «Капиталъ» посвященъ изслѣдованію того, какъ разъ возникшая общественная форма все развивается, усиливаетъ свои типическія черты, подчиняя себѣ, ассимилируя открытія, изобрѣтенія, улучшенія способовъ производства, новые рынки, самую науку, заставляя ихъ работать на себя, и какъ наконецъ дальнѣйшихъ измѣненій матеріальныхъ условій данная форма выдержать не можетъ.

Книга Маркса требуетъ большой переработки въ смыслѣ очищенія ея отъ многочисленныхъ наростовъ и прожилокъ ненуж-

ныхъ діалектическихъ тонкостей, но именно анализъ отношеній данной общественной формы къ матеріальнымъ условіямъ ея существованія навсегда останется памятникомъ логической силы и громадной эрудиціи автора. Г. Жуковскій имѣетъ нравственное мужество утверждать, что этотъ-то вопросъ Марксъ и обходитъ. Тутъ ужь ничего не подѣлаешь. Остается только съ изумленіемъ слѣдить за дальнѣйшими головоломными упражненіями критика, кувыркающагося на потѣху публики, одна часть которой безъ сомнѣнія сразу пойметъ, что передъ ней ломается отважный акробатъ, но другая, чего добраго, придастъ достойному удивленія зрѣлищу совсѣмъ другое значеніе.

Дальнѣйшее теченіе критическаго потока опредѣляется само собой. Русло для него уже выкопано: Марксъ является въ «Капиталѣ» не человѣкомъ анализа экономическихъ фактовъ, а формальнымъ защитникомъ, апологетомъ правъ рабочихъ. Онъ употребляетъ пріемы, «весьма удобные для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ выгоды капиталиста и невыходы работника», но въ научномъ смыслѣ эти пріемы никуда не годятся. Все, что Марксъ говоритъ о рабочемъ днѣ, «давно повторяется почти каждымъ сочиненіемъ, посвященнымъ изслѣдованію пауперизма; все это тамъ совершено на мѣстѣ и способно вселить читателю много участія къ положенію рабочаго, но все это говоритъ только о злоупотребленіяхъ, которыя капиталисты дѣлаютъ изъ своего права, говоритъ болѣе объ общей порочности людей и заставляетъ серьезно помышлять о мѣрахъ къ устраненію этихъ злоупотребленій». Правда нѣкоторые отдѣлы книги, именно тѣ, гдѣ разсказывается, какъ отражался на судьбѣ рабочихъ прогрессъ раздѣленія труда и машинъ, очень хороши; но «собственно говоря обстоятельства, сюда относящіяся, не представляютъ ничего новаго и давно вошли въ разрядъ общихъ мѣстъ, повторяющихся въ каждой книжкѣ о западномъ пауперизмѣ, съ свойственнымъ этимъ сочиненіямъ человѣколюбіемъ». Въ концѣ концовъ апологія правъ рабочаго, предпринятая Марксомъ въ «Капиталѣ», оказывается крайне шаткою и вообще совершенно неудачною.

Было ужь замѣчено, что «Капиталъ» никакой апологіи въ виду не имѣетъ, а потому ломанье насчетъ «свойственнаго этимъ сочиненіямъ человѣколюбія» совершенно неумѣстно. А впрочемъ человѣколюбіе не такая ужь достойная презрѣнія вещь, чтобы присутствіе его могло компрометировать научное сочиненіе. Вотъ напримѣръ нѣкоторымъ старымъ статьямъ г. Жуковскаго человѣколюбіе нисколько не вредило. Помню я напримѣръ его статью «Экономическая теорія Маклеода», въ которой меня тогда же поразилъ слѣдующій оборотъ мысли: «Въ суммѣ стало быть теорія цѣнности, на которой настаиваетъ Маклеодъ, откровенно разоблачаетъ только передъ нами всю безпощадную суровость рутины и возводить ее въ принципъ значило очевидно тоже, что возводить въ принципъ *неоплатность труда*». Это не я подчеркнулъ послѣднія два слова; ихъ самъ г. Жуковскій напечаталъ курсивомъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что считаетъ этотъ аргументъ отъ человѣколюбія очень важнымъ. Помню я еще его статью о развитіи рабочихъ ассоціацій во Франціи, въ которую человѣколюбіе было допущено «въ полномъ размѣрѣ». Да и мало ли еще я помню статей г. Жуковскаго, вполнѣ человѣколюбивыхъ, что не мѣшало имъ однако быть въ то же время очень почтенными научными работами, гораздо даже болѣе научными, чѣмъ его позднѣйшія упражненія въ математикѣ, физикѣ и акробатическомъ искусствѣ. Если самъ онъ ихъ забылъ, такъ вѣдь павлину свойственно періодически распускать и свертывать хвостъ, заметая имъ собственные слѣды. Какъ бы то ни было, но точка зрѣнія, съ которой г. Жуковскій смотритъ на Маркса, очень удобна для нашего критика. Разъ признано, что Марксъ не законы экономическихъ явленій изслѣдуетъ, а только апологіей правъ рабочаго занимается, не представляется уже большой надобности въ собственно научной критикѣ. Центръ тяжести сочиненія лежитъ въ апологіи—значитъ надо просто противопоставить ей другую. Такъ г. Жуковскій и поступаетъ. Но такъ какъ онъ при этомъ только повторяетъ размышленія одного нѣмца, то и мы сначала къ этому нѣмцу обратимся. Нѣмецъ этотъ есть извѣстный Генрихъ фон-Зибель,

а размышленія его изложены въ отдѣльной брошюрѣ еще въ 1872 году. Надо замѣтить, что это двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Барменѣ, по какому случаю, неизвѣстно, но для какой аудиторіи—можно судить по слѣдующимъ вступительнымъ словамъ первой лекціи: «Если я, академическій ученый, предполагаю говорить объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ промышленнаго міра здѣсь, въ этомъ обществѣ, соединяющемъ множество опытнѣйшихъ практиковъ нашей индустріи, то» и т. д. И такъ, Генрихъ фон-Зибель бесѣдовалъ съ фабрикантами. Сообразно этому онъ и бесѣду повелъ.

Бѣгло разсказавъ содержаніе «Капитала» вплоть до ученія о прибавочной цѣнности, Зибель продолжаетъ:

«Я вамъ передалъ все ученіе въ общей связи, чтобы наглядно показать его связность, законченность и послѣдовательность. Если вы примете первое положеніе, то должны будете признать и все остальное. Но мы уже упоминали, что исходная точка невѣрна. Она гласитъ, что источникъ и мѣрило цѣнности есть единственно человѣческій трудъ. Въ дѣйствительности же такимъ источникомъ является трудъ не самъ по себѣ, а лишь въ связи съ человѣческими потребностями, которымъ онъ удовлетворяетъ. Дѣло не въ продолжительности, а въ цѣлесообразности работы. Легко видѣть какую важность имѣетъ это различіе для всего вопроса. По Марксу прибавочная цѣнность возникаетъ единственно изъ свойства человѣческаго труда производить больше, чѣмъ онъ самъ стоитъ, свойства благодѣтельнаго для самостоятельнаго рабочаго и роковаго для рабочаго наемнаго. Но правда-ли, что прибыль фабриканта основывается единственно на эксплуатаціи рабочаго, на разницѣ между производительностью труда и рабочею платою? Правда-ли, что его собственная дѣятельность въ процессѣ ограничивается ролью надзирателя за исполненіемъ заказанной работы? Я думаю, что ежедневный опытъ учитъ насъ противному. Остановимся на примѣрѣ Маркса. Рабочая плата равна стоимости шести рабочихъ часовъ, которыми окупается содержаніе рабочаго, между тѣмъ какъ запродалъ онъ свою рабочую силу на цѣлый день, то есть на двѣнадцать часовъ; фабрикантъ поэтому выплачиваетъ ему по талеру въ день, а доходу получаетъ по два талера. Въ одинъ прекрасный день, при неизмѣнившихся условіяхъ, фабрикантъ вдругъ удвоиваетъ рабочую плату. По Марксу онъ тѣмъ самымъ отказывается отъ всякой прибыли, потому что преграждаетъ единственный источникъ такъ называемой прибавочной цѣнности. Въ дѣйствительности же произошло вотъ что: обстоятельства еще пока не измѣнились, но проницательный взоръ фабриканта усмотрѣлъ измѣненіе, предстоящее въ будущемъ. Онъ яснѣе другихъ предвидитъ, что черезъ два мѣсяца, вслѣд-

ствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ событій, спросъ на его товаръ страшно возрастетъ. Онъ предвидитъ, что какъ только конкурренты сдѣлаютъ то же наблюденіе, такъ станутъ отбивать другъ у друга хорошихъ работниковъ. Поэтому онъ обезпечиваетъ себѣ своихъ немедленнымъ удвоеніемъ рабочей платы и за это получаетъ черезъ нѣсколько времени учетверенную цѣну своихъ товаровъ. Рабочіе получали за двѣнадцать часовъ работы мѣновую цѣнность не шести, а двѣнадцати рабочихъ часовъ, а капиталистъ все-таки обогатился не эксплуатаціей рабочихъ, а эксплуатаціей конъюнктуры, предвидимаго состоянія рынка. Прибавочная цѣнность, прибыль капиталиста безъ сомнѣнія создана трудомъ, но не ручнымъ трудомъ работника, а головнымъ трудомъ работодателя. Нельзя себѣ представить болѣе заслуженнаго барыша. И всѣ мы знаемъ, что подобные случаи безконечно часты (unendlich häufig), что въ нихъ-то и состоитъ общее правило, въ этихъ спекуляціяхъ на измѣненіе конъюнктуры, въ этихъ барышахъ, независимыхъ отъ отношеній между капиталистомъ и рабочимъ, а основанныхъ лишь на колебаніяхъ рынка. Но пойдемъ еще дальше. Безъ сомнѣнія человѣческій трудъ есть источникъ всякой цѣнности, такъ что никакая цѣнность безъ человѣческаго труда возникнуть не можетъ. Спрашивается чѣмъ заслуживаетъ человѣческая дѣятельность почетное имя труда? Почему трудъ становится источникомъ цѣнности? Намъ отвѣтитъ самъ Марксъ: «мы предполагаемъ здѣсь процессъ труда въ такой формѣ, говоритъ онъ, въ которой онъ составляетъ исключительную принадлежность человѣка. Паукъ исполняетъ операціи, очень сходныя съ операціями ткача, а пчела способомъ построенія своихъ восковыхъ ячекъ пристыжаетъ многихъ человѣческихъ строителей. Но между самымъ плохимъ архитекторомъ и самою искусною пчелою есть одно существенное различіе, состоящее въ томъ, что архитекторъ строитъ свою ячейку въ головѣ прежде, чѣмъ начнетъ лѣпить ее изъ воску. Въ концѣ рабочаго процесса получается результатъ, который при началѣ этого процесса уже существовалъ въ представленіи работника, т. е. въ идеѣ. Человѣкъ не только обусловливаетъ своею дѣятельностью извѣстное измѣненіе формы въ данномъ веществѣ природы, но осуществляетъ въ этомъ веществѣ свою цѣль, которую онъ знаетъ напередъ, которая съ принудительностью закона опредѣляетъ способъ его дѣятельности и которой онъ долженъ непрерывно подчинять свою волю». Слѣдовательно человѣческая дѣятельность становится трудомъ потому, что служитъ человѣческой цѣли, а экономически полезнымъ трудомъ потому, что цѣль эта заключаетъ въ себѣ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Слѣдовательно только тотъ человѣкъ придаетъ труду его истинную цѣну, который кладетъ на него печать цѣлесообразности, который ставитъ передъ нимъ полезныя цѣли и открываетъ и пускаетъ въ ходъ пригодныя для осуществленія ихъ средства. Приложимъ эти данныя къ рабочему процессу большой мануфактуры или фабрики. Кто здѣсь творецъ цѣли? кто поэтому сообщаетъ обрабатываемымъ веществамъ свойство цѣнно-

стей? Мнѣ кажется стоитъ только поставить вопросъ, чтобы разрѣшить его. Въ этомъ положеніи находится единственно фабрикантъ, а не рабочіе. Онъ одинъ даетъ фабрикѣ цѣль... Онъ изслѣдуетъ состояніе рынка, онъ опредѣляетъ родъ и размѣръ производства, онъ создаетъ машины и улучшенія въ нихъ и самихъ рабочихъ (schafft die Handarbeiter). Можетъ быть у него есть наемники и для нѣкоторыхъ умственныхъ работъ, техники, инженеры, спеціалисты по торговымъ вопросамъ. Можетъ быть онъ (какъ акціонеры желѣзной дороги) нанимаетъ особаго человѣка для управленія всѣмъ разъ устроеннымъ предпріятіемъ. Всѣ эти обстоятельства не измѣняютъ существеннаго пункта: фабрикантъ, капиталистъ есть творецъ цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и творецъ всѣхъ возникающихъ цѣнностей. Его наемные рабочіе тутъ не причемъ. Они—орудія въ его рукахъ, одушевленныя, человѣческія орудія, но въ рабочемъ процессѣ фабрики—такія-же орудія какъ и машины. Безъ нихъ онъ не можетъ достигнуть своей цѣли, какъ не можетъ ея достигнуть безъ угля, колесъ, винтовъ. Онъ не долженъ конечно забывать, что кромѣ того они—люди, имѣющіе свои общечеловѣческія, достойныя уваженія цѣли. Но въ рабочемъ процессѣ фабрики они настолько-же участвуютъ въ образованіи цѣнностей, какъ и машины. Кочегаръ, подкладывающій уголь, что онъ знаетъ о цѣли и задачѣ фабрики? Мальчикъ, удаляющій отбросы хлопка, что онъ знаетъ объ общей связи, цѣли и средствахъ производства? Труженикъ ума, инженеръ или директоръ заведенія конечно знаетъ цѣль, но не создаетъ и не измѣняетъ ея, а получаетъ ее изъ духа фабриканта (sic) и служитъ ему точно такъ же, какъ и всякій работникъ. Ихъ рабочая плата входитъ въ составъ цѣны товара, точно такъ, какъ часть расходовъ на ножницы и иголки—въ составъ цѣны сюртука, сшитаго портнымъ. Никто однако не скажетъ, что ножницы и иголка создали сюртукъ и его цѣнность. Точно также и въ крупной промышленности создательницей цѣнности и прибавочной цѣнности является не ручная работа работника, прислуживающаго машинѣ, но головная работа фабриканта, управляющая ею».

Если я доставилъ себѣ скуку перевода этой белиберды Генриха фон-Зибеля, такъ на это были разныя причины. Во-первыхъ сама по себѣ, для чтенія, она увеселительна. Во-вторыхъ она показываетъ, каковы бываютъ настоящія апологіи. Въ-третьихъ наконецъ ее повторяетъ Жуковскій nur mit ein Bischen anderen Worten, какъ говоритъ Маргарита у Гете. Именно ein Bischen, потому что всѣ измѣненія состоятъ главнымъ образомъ въ педантическомъ тонѣ, приданномъ г. Жуковскимъ наивнымъ, яснымъ, откровеннымъ размышленіямъ Зибеля. По простотѣ, а также соображаясь съ персоналомъ своей аудиторіи. Зибель

сложилъ весь міръ у ногъ фабриканта. Г. Жуковскій не такъ простъ, да и аудиторія у него не такая. Поэтому онъ, оставивъ аргументацію Зибеля по существу неприкосновенною, расширилъ ее и вмѣсто «проницательнаго взора» фабриканта поставилъ психическій трудъ вообще. Результатъ отъ этого измѣнился мало. Г. Жуковскій разсуждаетъ такъ. Вы ковыряете свой огородъ крючковатой палкой и вспахиваете его этимъ первобытнымъ способомъ въ двадцать дней. Но вотъ вы рѣшили употребить, положимъ, пять дней на приготовленіе лопаты, которою вспахиваете огородъ уже только въ пять дней. Вы получили десять рабочихъ дней чистой прибыли. Откуда взялась эта прибыль? Ее дало новое направленіе или распредѣленіе, организація вашего труда; прежде вы весь свой трудъ клали прямо въ пашню, а теперь часть его затратили на приготовленіе лопаты, и отсюда—прибыль. Но измѣненіе направленія труда предполагаетъ умственную работу. Этотъ-то психическій трудъ и составляетъ, при участіи силъ природы, источникъ прибыли. «Исторія намъ показываетъ, что этою прибылью пользовались всегда дѣйствительные организаторы труда, правительства или лица, прилагавшія на дѣлѣ какое либо изобрѣтеніе или улучшеніе». Психическій трудъ можетъ быть направленъ двояко: или на комбинированіе и приспособленіе непосредственно силъ природы, чѣмъ завѣдуетъ въ наукѣ технологія, а на практикѣ предприниматели и капиталисты, или на комбинированіе и управленіе трудомъ работниковъ, что составляетъ задачу нравственныхъ и политическихъ наукъ съ одной стороны и законодателей, администраторовъ, а также опять-таки предпринимателей и капиталистовъ—съ другой. Разумѣя дѣло въ этомъ широкомъ смыслѣ, надо признать, что вся прибыль, какъ результатъ психическаго труда, есть результатъ дѣятельности тѣхъ классовъ, которые этимъ трудомъ занимаются. Та часть рабочаго дня, которую Марксъ называетъ прибавочной, «только по внѣшнему виду составляетъ часть рабочаго, какъ тотъ рубль, который я могу положить къ вамъ въ карманъ на сбереженіе, составляетъ только по внѣшнему виду вашу, а не мою собственность. Платье,

которое я вѣшаю на гвоздь, составляетъ точно также принадлежность этого гвоздя; между тѣмъ оно остается моимъ платьемъ и никто не станетъ утверждать, чтобы оно было не мое. Работникъ въ дѣлѣ сокращенія работы—чистый гвоздь, къ которому знаніе и организація труда пристегиваютъ лишній итогъ силы, но въ созданіи которой работникъ совершенно неповиненъ. Онъ не создаетъ той прибыли, въ которой хозяинъ хочетъ (?) сдѣлать его участникомъ, и эта прибыль не можетъ быть измѣряема по существу, какъ это допустилъ Марксъ, длиной рабочаго дня и только вяжется съ нимъ чисто внѣшнимъ формальнымъ образомъ, какъ платье вяжется съ вѣшалкой, на которой оно виситъ... Работникъ Маркса настолько же ровно создаетъ прибыль или прибавочную стоимость, насколько полоса желѣза, представляющая рычагъ, поднимаетъ тяжесть или собираетъ силу; онъ—не болѣе какъ орудіе въ рукахъ знанія и организаціи труда; и сила, создающая прибыль, находится точно также внѣ его, столь же чужда ему и постороння, какъ сила, дѣйствующая на рукоятку рычага». Если источникомъ прибыли служитъ вообще психическій трудъ — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ критикъ, или измѣненіе порядка пользованія физическимъ трудомъ какъ по существу, такъ и по формѣ, словомъ знаніе и организація труда, то и первый капиталъ былъ продуктомъ того же труда, той же психической дѣятельности... Пользованіе капиталомъ доставалось въ руки тѣхъ, кто оказывался виновникомъ его появленія, то есть организующихъ классовъ. Работникъ же, ничего не изобрѣтавшій и нечего неорганизовавшій, а только постоянно организуемый, не имѣетъ никакого основанія заявлять на нее (?) малѣйшія претензіи».

Г. Жуковскій съ свойственною ему скромностью заявляетъ, что новооткрытый имъ факторъ производства, психическій трудъ, «до сихъ поръ упускается изъ виду вовсе экономической наукой»; что «крупная величина психической работы всѣхъ изобрѣтателей, труженикоаъ знанія, организаторовъ, администраторовъ и проч.—составляли тотъ членъ или факторъ въ производствѣ, который оставался скрытымъ для политической эко-

номіи», вплоть до 1-го сентября 1877 года, когда читатели «Вѣстника Европы» получили возможность просіянія своего ума при помощи статьи г. Жуковскаго. Какъ ни лестно это обстоятельство для Россіи, очевидно могущей рождать собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ, но должно съ прискорбіемъ сказать, что эра этого научнаго просіянія должна быть значительно отодвинута назадъ, по крайней мѣрѣ до 9-го марта 1872 года, а то и много дальше. Во всякомъ случаѣ Генрихъ фон-Зибель уже 9-го марта 1872 года повѣдалъ міру то, что г. Жуковскій открываетъ въ сентябрѣ 1877 года. Г. Жуковскій и Генрихъ фон-Зибель едино суть. Если на первый взглядъ неопытнаго читателя научный соусъ, подъ которымъ отечественный писатель подаетъ новый факторъ производства, какъ будто погуще, то это—различіе отнюдь не существенное и не матеріальное, а только «феноменальное» и «формальное». Правда Жуковскій подобно извѣстному повару, не жалѣвшему ни луку, ни перцу, «лишь бы горячо вышло», подложилъ въ свой горячій, научно преданный или предательски научный (не знаю ужъ какъ вѣрнѣе сказать) соусъ постороннихъ ингредіентовъ физики и философіи, но отъ этого самое существо соуса нисколько не мѣняется. Прежде всего ясно, что Зибель и г. Жуковскій относятся къ своей задачѣ совершенно одинаково. Для обоихъ Марксъ важенъ не какъ объектъ критики, съ точки зрѣнія какой нибудь научной доктрины, а главнымъ образомъ какъ политическій противникъ, какъ авторъ апологіи, которой нужно противопоставить другую. Но такъ какъ Марксъ стоитъ дѣйствительно на почвѣ науки, то это и ихъ обязываетъ придать своимъ апологіямъ какой нибудь наукоподобный антуражъ, что́ они и исполняютъ, каждый по мѣрѣ силъ, способностей и усердія. Но вотъ что странно. Съ какой стати г. Жуковскій жалуется, вспоминая то время, когда онъ скромно занимался частнымъ анализомъ экономическихъ фактовъ, а его тянули къ отвѣту за неуваженіе къ принципу «дисциплины»? Правда самъ Марксъ на такія инсинуаціи не имѣетъ права жаловаться, но во-первыхъ русское изданіе Маркса—не самъ Марксъ, а во-вто-

рыхъ требуетъ же г. Жуковскій для себя различенія двухъ означенныхъ областей «психическаго труда»: области теоретическаго изслѣдованія и области практическихъ выводовъ. Въ память столь горько оплакиваемыхъ имъ нынѣ собственныхъ несчастій, надлежало бы ему и на Маркса посмотрѣть преимущественно какъ на писателя занимающагося анализомъ экономическихъ фактовъ, ну, а потомъ, на второмъ планѣ онъ могъ бы пожалуй и апологіями заниматься, если ужь ему такъ нужно.

Есть конечно и различія между Зибелемъ и г. Жуковскимъ. Одно мы уже отмѣтили: понятіе капиталистовъ Зибеля г. Жуковскій расширяетъ до понятія всѣхъ носителей психическаго труда. Съ точки зрѣнія послѣдовательности, это конечно—улучшеніе, вполнѣ однако объяснимое, какъ было замѣчено, различіемъ персонала аудиторій обоихъ ученыхъ. Есть и другія различія. Такъ Зибель, можно сказать, выворачивается на изнанку съ цѣлью показать, что нѣтъ у него никакихъ заднихъ мыслей, что онъ весь тутъ на лицо. Склонный къ кокетству и таинственности г. Жуковскій поступаетъ иначе. При всемъ своемъ достойномъ награды усердіи, онъ не можетъ отказаться отъ заманиванія читателя такимъ секретомъ, который составляетъ еще пока секретъ для него самого. Напримѣръ онъ такъ заканчиваетъ свою апологію: «классъ лицъ, выдвинувшійся изъ рабочей массы въ теченіи исторіи и явившійся организаторомъ коллективной работы въ обществѣ, какъ представитель психической работы общества за все прошлое время, имѣетъ по крайней мѣрѣ съ внѣшней, *формальной стороны*, въ отношеніи прибавочной стоимости болѣе правъ. Это положеніе будетъ непоколебимо вѣрно *до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ искать для раздѣла и распредѣленія прибыли другого основанія, другого закона, кромѣ того, который принимаетъ Марксъ и по которому каждому должно принадлежать то, что онъ производитъ, и та доля общей выработки, которой онъ служитъ виновникомъ*». Видите какой, съ помощью Божіею, оборотъ. Слѣдуетъ ли весь этотъ туманъ такъ понимать, что съ *внутренней, существенной* стороны г. Жуковскій можетъ при случаѣ совсѣмъ иначе освѣ-

тить и Маркса, и защищаемые послѣднимъ интересы? Слѣдуетъ ли ждать, что онъ самъ поколеблетъ когда нибудь свою теперешнюю апологію, которая вѣдь непоколебима только съ точки зрѣнія Маркса? Эта точка зрѣнія, какъ ее передаетъ г. Жуковскій, можетъ быть выражена старинной формулой: à chacun selon ses oeuvres. Можетъ быть г. Жуковскій желаетъ ее замѣнить другой, тоже старинной формулой; à chacun selon ses besoins? Можетъ быть онъ не прочь при случаѣ опять «человѣколюбивыя» сочиненія писать? Можетъ быть онъ просто сболтнулъ? Неизвѣстно; ибо намекнувъ, что имѣетъ въ запасѣ такой удивительный секретъ, который можетъ побить даже его самаго, г. Жуковскаго, со всѣми его апологіями, намекнувъ на этотъ секретъ, ученый критикъ скрылся въ облакахъ...

Но пока что, а на лицо мы имѣемъ все-таки только непоколебимую апологію. Не будемъ пытаться обнять необъятное, не станемъ пробовать колебать непоколебимое. Посмотримъ только на наукоподобный антуражъ воздвигнутой гг. фон-Зибелемъ и Жуковскимъ крѣпости.

Зибель, какъ человѣкъ вполнѣ откровенный, наивный и ясный, очень просто объяснилъ, что психическій трудъ инженера, техника и проч., не играетъ роли самостоятельнаго фактора производства; по отношенію къ созданію прибыли онъ — такой же трудъ, какъ и трудъ физическій; новымъ упущеннымъ Марксомъ изъ виду факторомъ онъ признаетъ психическій трудъ только верховнаго заправителя и организатора всего производства, творца цѣли, проницательный взоръ котораго слѣдитъ за состояніемъ рынка и проч. Расширивъ аргументацію Зибеля, г. Жуковскій лишилъ себя возможности различить эти два вида психическаго труда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они существуютъ и требуютъ объясненія ихъ взаимныхъ отношеній. Такимъ образомъ преимущество широты остается за русскимъ ученымъ, но преимущество ясности должно быть предоставлено его нѣмецкому собрату. Послѣдній напримѣръ очень ясно вводитъ спекулянта въ общія скобки психическаго труда, съ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ производилъ спеку-

ляцію за свой собственный счетъ, ибо напримѣръ биржевой агентъ, исполняющій только черную долю психическаго труда спекуляціи, есть лишь наемный слуга. Въ системѣ же г. Жуковскаго мѣсто спекулянта далеко неопредѣленно, равно какъ и вообще отношенія между чернымъ и бѣлымъ трудомъ. Допустимъ въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ, что физическій трудъ есть трудъ черный, а психическій—бѣлый. Но къ сожалѣнію это весьма мало подвигаетъ насъ впередъ, потому что область психическаго труда далеко не однородна съ экономической точки зрѣнія и въ ней повторяются рѣшительно тѣ же отношенія, какія существуютъ между организующими и организуемыми классами. Есть у насъ поэтъ-издатель г. Гербель, занимающійся составленіемъ и изданіемъ стихотворныхъ сборниковъ. Пользуясь правомъ печатать чужія произведенія въ размѣрѣ, не превышающемъ одного печатнаго листа, г. Гербель снимаетъ сливки со всей отечественной поэзіи, продавая въ свою пользу чужой поэтическій трудъ и ни копейки не платя настоящимъ авторамъ. Г. Жуковскій долженъ оказаться въ большомъ затрудненіи передъ этимъ фактомъ. Съ одной стороны онъ долженъ признать, что г. Гербель есть организаторъ, сообщающій своимъ психическимъ трудомъ цѣнность стихотворному сборнику, поэты же суть не болѣе какъ организуемые, а потому въ созданіи прибыли участвуютъ столь же мало, какъ рычагъ въ поднятіи тяжести. Но съ другой стороны эти поэты суть несомнѣнные представители психическаго труда, уже признаннаго организующимъ началомъ вообще. Какъ тутъ быть? Скажутъ можетъ быть, что операціи г. Гербеля представляютъ нѣчто исключительное и сюда неподходящее, потому что этотъ поэтъ-спекулянтъ не даетъ своимъ невольнымъ сотрудникамъ заработной платы, получаемой каждымъ фабричнымъ работникомъ отъ своего хозяина. Хорошо. Возьмемъ другой примѣръ. Возьмемъ изданіе журнала, возьмемъ дѣятельность самаго г. Жуковскаго. Согласимся, что хоть бы та же его статья о Марксѣ есть плодъ большой учености, что, могущественно вліяя на умы читателей «Вѣстника Европы», статья эта несомнѣнно принад-

лежитъ представителю организующихъ классовъ, создающихъ своимъ психическимъ трудомъ новыя цѣнности. Но въ то же время мы должны признать, что г. Жуковскій есть чистый гвоздь, къ которому г. Стасюлевичъ, въ качествѣ предпринимателя и организатора, пристегиваетъ лишній итогъ силы. Г. Жуковскій есть поэтому не организующій, а организуемый представитель психическаго труда, и въ созданіи прибыли, доставляемой «Вѣстникомъ Европы», ни онъ, ни другіе сотрудники не принимаютъ ни малѣйшаго участія; вся она есть плодъ психическаго труда г. Стасюлевича. А если представить себѣ — что очень возможно—что на мѣстѣ г. Стасюлевича сидитъ въ качествѣ издателя человѣкъ даже малограматный, но обладающій средствами и извѣстной ловкостью, то относительное значеніе различныхъ видовъ психическаго труда и совсѣмъ спутается. Если кромѣ литературной дѣятельности г. Жуковскій служитъ въ какой нибудь канцеляріи, то не смотря на все свое психическое великолѣпіе онъ вдвойнѣ гвоздь. А если у него хватаетъ досуга и знаній для занятій въ качествѣ техника на какой-нибудь фабрикѣ, то онъ—и еще разъ гвоздь, по которому бьетъ молоткомъ фабрикантъ, быть можетъ совершенно невѣжественный. Изъ этого видно, что сочинять новые факторы производства, дотолѣ скрывавшіеся отъ экономическихъ писателей, совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется. Почему г. Жуковскій, обладай онъ достаточными техническими знаніями, можетъ оказаться рычагомъ, заправляемымъ фабрикантомъ? По той простой причинѣ, что фабрикантъ этотъ есть представитель капитала, а вовсе не новоявленнаго психическаго труда. Безъ капитала онъ былъ бы въ числѣ организуемыхъ, какъ и г. Жуковскій и послѣдній поденьщикъ, тогда какъ теперь ему не требуется ни знанія, ни даже организаторской способности: онъ можетъ нанять подручныхъ организаторовъ и спеціалистовъ. Точно также и землевладѣлецъ получаетъ ренту отнюдь не потому, чтобы онъ психическимъ трудомъ занимался, а просто потому что онъ—землевладѣлецъ. Напротивъ доходъ наемнаго агронома-управляющаго, какъ бы послѣдній ни былъ свѣдущъ и дѣятеленъ,

будетъ заработной платой и будетъ управляться ея законами. Наконецъ самъ психическій трудъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заслуживаетъ этого имени, даетъ продуктъ, обусловленный не однимъ, а тремя факторами: природною способностью, знаніемъ и собственно трудомъ, то есть текущею тратой силы. А эти факторы открыты задолго до 1 сентября 1877 года. Дѣйствительно до этого роковаго числа всѣ экономисты единогласно признавали, что производство требуетъ участія: во-первыхъ силъ природы (природная способность), во вторыхъ—средствъ производства, орудій (знаніе) и наконецъ въ третьихъ—труда (собственно психическій трудъ). На эти три давно извѣстные фактора разваливается такимъ образомъ и пресловутый психическій трудъ, отнюдь слѣдовательно не составляющій фактора самостоятельнаго. Слѣдуетъ также замѣтить, что отсутствіе психическаго труда въ организуемыхъ классахъ есть изобрѣтеніе гг. Зибеля и Жуковскаго. Первый пожелалъ въ этомъ отношеніи опереться на критикуемаго имъ писателя. Но онъ имѣлъ осторожность привести только первую половину цитируемаго имъ мѣста изъ «Капитала». Вторая половина гласитъ такъ: «Кромѣ напряженія тѣхъ о́ргановъ, которые работаютъ, требуется еще цѣлесообразная воля, проявляющаяся во все продолженіе процесса труда въ формѣ вниманія; и такого вниманія требуется тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе трудъ по своему содержанію и по способамъ своего исполненія увлекаетъ работника; чѣмъ менѣе поэтому можетъ работникъ наслаждаться имъ, какъ свободною игрою своихъ собственныхъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ». Это вниманіе не мѣшало бы принять во вниманіе и г. Жуковскому при анализѣ психическихъ факторовъ производства. А кромѣ того, если трудъ организаціи чужого труда есть трудъ, подлежащій высокой оцѣнкѣ, то вѣдь быть оргавизуемымъ тоже не легко, тоже требуетъ значительной психической затраты.

Итакъ измышленный г. Жуковскимъ психическій трудъ, какъ творецъ прибыли, есть карточный домикъ, распадающійся отъ одного дуновенія. Ни съ точки зрѣнія производства, ни съ точки зрѣнія распредѣленія, ни съ точки зрѣнія теоріи, ни съ

точки зрѣнія практики—самостоятельнаго значенія онъ не имѣетъ, а разлагаясь на свои составныя части, расплывается, утопаетъ въ старыхъ истинахъ науки, какъ бы его и не было. Къ одной изъ такихъ старыхъ истинъ мы теперь и перейдемъ.

Есть въ работѣ г. Жуковскаго одна особенность, лучше сказать одинъ пробѣлъ, рѣзко отличающій его отъ всѣхъ критиковъ Маркса. На этомъ единственномъ пунктѣ нашъ критикъ является вполнѣ оригинальнымъ, не къ большой впрочемъ своей чести. Г. Жуковскій старательно занялся обозрѣніемъ отношеній Маркса къ гегелевской философіи, хотя въ такой ужь старательности, какъ мы видѣли, особенной надобности не предстояло. Гораздо менѣе занялся онъ отношеніями Маркса къ другимъ «сангвиникамъ», но все-таки по крайней мѣрѣ упомянулъ о нихъ. Но отношенія Маркса къ экономистамъ онъ опустилъ совсѣмъ, не сказалъ о нихъ ни слова. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что въ старые годы г. Жуковскій каждаго экономическаго писателя, такъ сказать, провѣрялъ классиками и не могъ написать ни одной статьи безъ размышленій объ Адамѣ Смитѣ и Рикардо. Почему же у него вдругъ пропала охота начинать съ Адама? Почему она пропала именно теперь и именно по отношенію къ Марксу, котораго всѣ критики, благорасположенные и враждебные, одинаково стараются привести въ преемственную связь съ этимъ самымъ Адамомъ, то есть Адамомъ Смитомъ и Рикардо? Собственно говоря впрочемъ тутъ нечего и стараться, потому что преемственная связь несомнѣнна и ее не надо разыскивать, изслѣдовать, но необходимо указать. Дѣло представляется вотъ въ какомъ видѣ. Въ то время, когда, какъ повѣствуетъ и г. Жуковскій, народилась политическая экономія, она занималась анализомъ матеріальныхъ условій производства и экономическихъ отношеній по возможности независимо отъ юридическихъ формъ. Это и было время между прочимъ Адама Смита и Рикардо. Съ теченіемъ времени въ рукахъ послѣдующихъ экономистовъ этотъ анализъ осложнился идолопоклонствомъ передъ данными формами общежитія, задатки котораго имѣлись уже и въ классикахъ, вслѣдствіе чего вульгарная экономія про-

должала ихъ считать своими отцами. Тутъ подоспѣли сангвиники, и нѣкоторые изъ нихъ, вторгаясь въ область науки права съ экономической точки зрѣнія, ухватились за кое-какія положенія классиковъ. Самая возможность такого факта показывала, что Адамъ Смитъ и Рикардо не совсѣмъ годятся въ отцы идолопоклонникамъ данныхъ формъ общежитія, т. е. позднѣйшимъ экономистамъ. Они не замедлили поэтому начать отреченіе отъ нихъ и когда Марксъ явился со своими логическими выводами изъ нѣкоторыхъ положеній классической экономіи и дальнѣйшею ихъ разработкою, то отреченіе произошло полное и торжественное. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ стремленіи критиковъ Маркса опредѣлить его мѣсто въ ряду экономистовъ вообще и его отношенія къ Адаму Смиту и Рикардо въ особенности. Сторонники Маркса видѣли въ этой преемственности залогъ силы, независимо отъ его собственной убѣдительности. И вотъ почему напримѣръ у насъ г. Зиберъ старался прослѣдить эту связь въ своей диссертаціи и предпринялъ къ сожалѣнію пріостановившійся на первомъ выпускѣ переводъ сочиненій Рикардо. Противники Маркса опять-таки понимали всю выгоду ниспроверженія установившихся авторитетовъ Смита и Рикардо, отродьемъ которыхъ является Марксъ. Мы и видимъ, что всѣ они по поводу Маркса напали на классиковъ. Такъ поступилъ напримѣръ Лаведе (въ «Revue des deux Mondes»), Рёсслеръ, такъ поступилъ даже Зибель, такъ поступилъ у насъ г. Бунге въ разборѣ книги г. Чупрова о желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ (разборъ этотъ былъ напечатанъ въ томъ же «Вѣстникѣ Европы»). А г. Жуковскій, когда то прожужжавшій всѣмъ уши Адамомъ Смитомъ и Рикардо, молчитъ! Нѣтъ дѣйствія безъ причины, нѣтъ даже умолчанія, то есть бездѣйствія безъ причины. Есть она и на этотъ разъ.

Долженъ я сознаться, что относительно сейчасъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказанной исторіи экономическихъ доктринъ г. Жуковскій имѣетъ нѣкоторое право сказать мнѣ не безъ горечи: моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ! Дѣйствительно были у насъ два писателя, очень охотно разсказывавшіе, какъ

и почему экономисты сначала носились съ Адамомъ Смитомъ и Рикардо, а потомъ стали отъ нихъ отрекаться. Разсказы эти составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи нашей экономической литературы. Одинъ разсказывалъ талантливо, живо и ясно, другой—старательно, тяжеловѣсно и сухо. Этотъ другой былъ г. Жуковскій, и я у него (не у одного него конечно) кое-чему научился; настолько научился, что теперь очень хорошо понимаю, почему г. Жуковскій отступился отъ своего Адама. Дѣло объясняется исключительнымъ положеніемъ нашего критика. Основная нить, связывающая Маркса съ классиками, состоитъ въ положеніи, что источникъ и мѣрило цѣнности есть трудъ. Это — тезисъ чисто научный, теоретическій, достаточно разработанный, чтобы была какая-нибудь надобность его здѣсь доказывать. Читатель можетъ обратиться за доказательствами въ русской литературѣ къ Марксу, къ Миллю, къ переводу Рикардо, къ диссертаціи Зибера, къ прежнимъ статьямъ г. Жуковскаго, гдѣ этотъ тезисъ облюбованъ такъ многократно и такъ усердно, что теперь остатокъ конфузливости мѣшаетъ г. Жуковскому отнестись къ классикамъ съ тою развязностью, съ которою онъ относится къ Марксу. Слишкомъ связанный на этомъ пунктѣ своимъ прошедшимъ онъ предпочитаетъ молчать. Въ одномъ, въ двухъ мѣстахъ, по частнымъ и второстепеннымъ вопросамъ онъ даже какъ будто защищаетъ Смита и Рикардо отъ нападеній Маркса, тѣмъ самымъ усугубляя свою вину передъ несвѣдущими читателями, которые и въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать что между классиками и Марксомъ нѣтъ ничего общаго. Г. Жуковскому весьма выгодно оставить читателей въ этомъ заблужденіи. Объ классикахъ онъ говоритъ, что они занимались только изученіемъ матеріальныхъ условій производства, а слѣдовательно, если Марксъ есть ихъ преемникъ, такъ значитъ и онъ не обходитъ этого изученія. Но вѣдь г. Жуковскій сказалъ, что «обходитъ при помощи формальнаго пріема»... И такъ одна неправда родитъ другую. Притомъ же обратиться къ классикамъ значитъ занести ножъ надъ «психическимъ трудомъ», этимъ Веніаминомъ, этимъ младшимъ, послѣднимъ и любимымъ дѣтищемъ...

Обойдя отношенія Маркса къ классикамъ, обойдя самое упоминаніе о послѣднихъ, г. Жуковскій не обошелъ однако измѣны этимъ когда-то имъ столь чтимымъ Адаму Смиту и Рикардо, какъ не обошелся и безъ другихъ измѣнъ, не имѣющихъ къ сожалѣнію характера откровенности, откровеннаго и публичнаго признанія своихъ прежнихъ взглядовъ заблужденіями. Такъ напримѣръ, возражая Марксу, что источникомъ прибавочной цѣнности можетъ служить нетолько трудъ, а и дерево, земля, скотъ, онъ возражаетъ собственно не Марксу, а Рикардо, хотя и не упоминаетъ объ этомъ. Посмотримъ только на пріемы его ратоборства съ самимъ Марксомъ. Дѣло идетъ о прибавочной цѣнности, теорію которой можно пояснить въ нѣсколькихъ словахъ. Источникъ и мѣрило цѣнности есть трудъ, такъ что вещи обмѣниваются въ пропорціяхъ потраченнаго на ихъ производство труда. Поступая на рынокъ, трудъ и самъ обращается въ вещь, въ товаръ, цѣнность котораго опредѣляется опять-таки трудомъ же, именно тѣмъ количествомъ труда, тѣмъ числомъ рабочихъ часовъ или дней, которое нужно для производства содержанія работнику на время работы. Это содержаніе рабочій и получаетъ въ видѣ заработной платы. Положимъ, что содержаніе его равняется шести рабочимъ часамъ. Слѣдовательно, проработавъ шесть часовъ, работникъ окупилъ свое содержаніе, наработалъ столько же, сколько истратилъ на себя. Въ слѣдующую за тѣмъ часть рабочаго дня, напримѣръ еще шесть часовъ, онъ уже производитъ прибавочную цѣнность, которая достается капиталисту. Такова въ самомъ общемъ и элементарномъ видѣ теорія прибавочной цѣнности. Г. Жуковскій желаетъ ее опровергнуть. Онъ нимало не уподобляется при этомъ льву, храбро нападающему, въ надеждѣ на свою силу, на живую добычу. Нѣтъ, подобно шакалу, онъ выбираетъ своего рода падаль—нѣчто очевидно беззащитное, подлежащее не нападенію, а только пользованію. Онъ именно довольно долго останавливается на одномъ разсчетѣ Маркса, переворачиваетъ его на разные лады и побѣдоносно отвергаетъ. Иной читатель можетъ подумать, что г. Жуковскій и впрямь совершилъ тутъ нѣчто особенное, если не за-

глянетъ въ Маркса, а это тѣмъ вѣроятнѣе, что критикъ вообще не указываетъ страницъ, содержащихъ критикуемыя имъ мѣста. Но если читатель разъищетъ у самого Маркса, то увидитъ, что Марксъ, какъ бы предвидя степень силы и мужества г. Жуковскаго, въ нѣкоторомъ родѣ подарилъ ему этотъ разсчетъ. Въ примѣчаніи на стр. 165 читаемъ: «приведенныя нами расчисленія имѣютъ значеніе только какъ иллюстраціи къ предъидущему изложенію». Такъ оговорилъ Марксъ примѣрное, условное, пояснительное значеніе разсчета, на коемъ нажилъ дешевые лавры г. Жуковскій, совершенно минуя все «предъидущее изложеніе», къ которому онъ долженъ бы былъ обратиться по указанію самого Маркса.

Дальнѣйшая аргументація г. Жуковскаго сводится собственно говоря къ двумъ софизмамъ, изъ которыхъ на первый мы взглянемъ только съ точки зрѣнія добросовѣстности аргументатора. Онъ разсуждаетъ такъ. Работникъ, положимъ прядильщикъ, оплачиваетъ свое содержаніе въ шесть часовъ. Однако такъ ли это? Вѣдь онъ наработалъ столько не потому только, что онъ работалъ, а потому, что ему помогали въ работѣ орудія готовыя и сырой матеріалъ. «Самъ по себѣ,—глубокомысленно замѣчаетъ критикъ,—безъ этихъ орудій онъ произвелъ бы вовсе не то же количество пряжи». Выводъ отсюда понятенъ. Мы замѣтимъ только въ утѣшеніе г. Жуковскаго, что безъ хлопка и орудій прядильщикъ не произвелъ бы даже ровно ничего и даже не былъ бы прядильщикомъ. Но мы спросимъ также: что произвелъ бы любой «психическій трудъ» безъ сырого матеріала, капитала и другихъ орудій и труда физическаго? Прибавимъ еще, что если г. Жуковскій между прочимъ обратится къ главѣ о постоянномъ и перемѣнномъ капиталѣ (о которой онъ тоже— ни гу гу), то найдетъ разъясненіе многихъ своихъ недоразумѣній. Любопытнѣе второй софизмъ, повидимому очень понравившійся одному недальновидному газетному рецензенту. Невѣрно, говоритъ г. Жуковскій, чтобы каждый работникъ отработывалъ свое содержаніе въ шесть часовъ. Еслибы это было такъ, то прямая выгода капиталиста состояла бы въ безконеч-

номъ увеличеніи числа рабочихъ, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что такое безконечное увеличеніе отнюдь не выгодно. Во всякомъ производствѣ наступаетъ такой моментъ, когда всякій новый рабочій приноситъ все меньшую и меньшую выгоду хозяину, которому слѣдовательно разсчетъ нанимать новыхъ работниковъ только до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ нихъ по крайней мѣрѣ окупаетъ свое содержаніе. Поэтому Марксъ не имѣетъ никакого права говорить: общее количество прибавочной цѣнности равняется прибавочной цѣнности, доставляемой однимъ работникомъ, помноженной на число работниковъ. Послѣдній нанятый работникъ, работая цѣлый день, все-таки только окупитъ свое содержаніе; хозяинъ держитъ его только благодаря прибыли отъ прочихъ рабочихъ. Орудія производства, такъ сказать, ни мало не оплодотворяются трудомъ этого послѣдняго рабочаго; они для него какъ бы не существуютъ, все равно какъ бы онъ работалъ голыми руками. Вотъ эта-то чистая работа, этотъ-то независимый отъ орудій человѣческій трудъ и есть мѣра цѣнности труда. Ею опредѣляется заработная плата. Съ замѣчательнымъ отсутствіемъ нетолько «человѣколюбія», а и здраваго смысла, г. Жуковскій спрашиваетъ: «что бы заставило работника идти на фабрику, еслибы его трудъ на самомъ дѣлѣ былъ производительнѣе его рабочей платы?» Отсюда ясно, что заработная плата, оплачивающая лишь содержаніе рабочаго, вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ оплачиваетъ его трудъ.

«Формальный» пріемъ, которымъ г. Жуковскій доходитъ до такого заключенія, заимствованъ имъ у Рикардо, хотя послѣдній употребилъ его въ совсѣмъ другомъ, гораздо болѣе умѣстномъ случаѣ, именно вотъ въ какомъ. Дана извѣстная страна съ весьма разнообразными по степени плодородія участками земли. Первые поселенцы естественно занимаютъ лучшія земли, затѣмъ, когда народонаселеніе увеличится, явится надобность или заняться обработкой второго сорта земель, или заплатить владѣльцамъ лучшихъ участковъ извѣстную сумму за право пользованія ихъ землями. Дальнѣйшій процессъ таковъ, что и владѣльцы второго сорта участковъ отдадутъ свои земли въ

наемъ, а тамъ—и третьяго и т. д. Эта плата за пользованіе даровой помощью природы и есть рента, которая очевидно опредѣляется для каждаго сорта земель разницею между доходомъ съ нея и доходомъ (при прочихъ равныхъ условіяхъ) съ наиболѣе худшихъ, послѣднихъ воздѣлываемыхъ земель, которыя ренты не даютъ. Эту естественную убывающую градацію производительности земель г. Жуковскій въ качествѣ дѣйствительно чисто формальнаго пріема перенесъ на разъясненіе отношеній труда къ прибыли. На послѣднемъ изъ воздѣлываемыхъ участковъ работникъ не создаетъ ренты, а только окупаетъ свое содержаніе. Точно также, разсуждаетъ г. Жуковскій, послѣдній нанятый фабричный рабочій не создаетъ прибыли, а только окупаетъ свое содержаніе. Но дѣло въ томъ, что въ случаѣ ренты мы имѣемъ дѣйствительныя различія въ плодородіи земель, тогда какъ послѣдній фабричный рабочій есть миѳъ. Тутъ нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ съ точки зрѣнія производительности—всѣ работаютъ одними и тѣми же орудіями и надъ однимъ и тѣмъ же сырымъ матеріаломъ. А потому и всѣ выводы, основанные на предположеніи несуществующаго въ дѣйствительности и логически невозможнаго послѣдняго работника, не имѣютъ никакого смысла. Послѣдній участокъ земли дѣйствительно ренты не даетъ, но послѣдній фабричный рабочій рѣшительно въ такой же мѣрѣ создаетъ прибыль, какъ и первый. Поэтому Марксъ имѣлъ полное право сказать, что общая прибавочная цѣнность равняется прибавочной цѣнности одного работника, помноженной на число занятыхъ работниковъ.

Вопросъ о рентѣ опять невольно напоминаетъ то не особенно далекое прошлое, когда г. Жуковскій любилъ начинать съ Адама. Вопросъ этотъ составлялъ его излюбленнѣйшую тему, и рѣшалъ онъ его конечно не въ томъ несообразномъ смыслѣ, что рента дается психическимъ трудомъ организаціи физическаго труда. Слѣдуя Рикардо, онъ объяснялъ ренту просто разницей въ количествахъ труда, необходимаго для обработки земель разнаго достоинства. Выразившуюся въ этомъ объясненіи характерную точку зрѣнія классической экономіи г. Жуковскій нынѣ

отбросилъ. Это—его дѣло. Имѣлъ онъ, значитъ, для этого свои резоны и выгоды. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право ставить въ исключительную вину или заслугу Маркса то, что принадлежитъ вовсе не одному ему. Марксъ не съ неба свалился. Онъ выросъ на почвѣ установившейся науки съ одной стороны, на почвѣ извѣстныхъ общественныхъ стремленій — съ другой. Отрывая его отъ предшествующей науки, г. Жуковскій лишаетъ читателя возможности оцѣнить, до какой степени многія положенія Маркса стоятъ прочно, до какой степени они научны, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ выводовъ. Чтобы не далеко ходить, разверните напримѣръ 467 страницу I тома «Основаній» Милля, ученаго, спокойнаго, хотя и либеральнаго Милля. Тамъ вы найдете большой задатокъ марксовой прибавочной цѣнности: «Причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока ростетъ пища... Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получать продуктъ, то кромѣ возвращенія своей затраты онъ получитъ еще нѣсколько лишняго». И т. д. Ничего не говоря о положеніи Маркса среди экономистовъ, г. Жуковскій утверждаетъ, что подобныя вещи можетъ говорить только формалистъ и апологетъ. Помилуйте, какой-же Милль апологетъ! А люди слушаютъ, да ротъ разѣваютъ. Рецензенты двухъ большихъ газетъ были поражены единовременнымъ появленіемъ на страницахъ «Вѣстника Европы» статей гг. Жуковскаго и Бліоха. Одинъ прямо поставилъ въ вину почтенному журналу эту профанацію имени г. Жуковскаго. Другой, разхваливъ (по очевидному недомыслію) Жуковскаго, накинулся на Бліоха. Между тѣмъ какъ вся разница въ томъ, что г. Бліохъ призываетъ читателей на поклонъ передъ психическимъ трудомъ желѣзнодорожныхъ концессіонеровъ, а г. Жуковскій развиваетъ и обобщаетъ этотъ призывъ. Это — съ точки зрѣнія апологіи. Съ точки зрѣнія науки разница конечно больше. Но для обоихъ все

таки одинаково не существуетъ тотъ Адамъ, съ котораго г. Жуковскій прежде любилъ начинать. Поэтому тѣ, кто смотрятъ на г. Жуковскаго только по старой памяти, должны знать, что теперь онъ во всѣхъ смыслахъ — не тотъ. Это должны знать и враги, и друзья прежней литературной его дѣятельности.

Чувствуя нѣкоторую разбросанность предлагаемой статьи и желая обратить вниманіе на минимумъ прегрѣшеній г. Жуковскаго противъ правды, я приглашаю читателя сосредоточиться на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Отношеніе Маркса къ формамъ собственности діаметрально противоположно ихъ изображенію у г. Жуковскаго.

2) Показаніе, что Марксъ обходитъ изслѣдованіе матеріальныхъ условій производства и не принимаетъ въ соображеніе уровня развитія работника, опять-таки діаметрально противоположно истинѣ.

3) Въ частности процессъ обобществленія труда, которому Марксъ придаетъ огромное значеніе, скрытъ отъ читателей «Вѣстника Европы».

4) Точно также скрыты отношенія Маркса къ классической политической экономіи, то-есть къ Адаму Смиту и Рикардо.

5) «Психическій трудъ», какъ единственный создатель прибыли (силы природы подразумѣваются), есть безпорядочный конгломератъ и ничего цѣльнаго и самостоятельнаго собою не представляетъ ни въ производствѣ, ни въ распредѣленіи.

Всего этого, даже оставляя въ сторонѣ разныя забавности въ родѣ феноменальности явленія и формальнаго значенія битка, совершенно достаточно, чтобы читатель «Вѣстника Европы» получилъ о Марксѣ понятіе отчасти неполное, а отчасти совершенно извращенное. Конечно не этимъ способомъ разрушаются авторитеты. Всегда разумѣется найдутся ротозѣи, которые увидятъ «вѣскость» и «солидность» въ самой вздорной и недобросовѣстной критикѣ, если только въ ней есть «жупелы» quasi-учености. Статья г. Жуковскаго именно на такихъ ротозѣевъ разсчитана.

Графъ Бисмаркъ *)

> On n'admettait plus, en fait de société et de gouvernement, ni religion, ni droit, ni science; on croyait à l'art. Et les masses y inclinaient; elles y ont, au fond, toujours incliné. Produit d'une haute ambition, mélange d'habileté et d'audace, voilà ce qu'est pour elles le génie politique. Insensiblement le pouvoir s'était fait artiste; encore un peu, il tombait dans la boheme.
> Proudhon. Contradictions politiques.

29-го іюля 1866 года, когда въ Берлинъ пришли первыя извѣстія о прусскихъ побѣдахъ, ликующіе берлинцы сдѣлали между прочимъ овацію и передъ домомъ Бисмарка. Будущій канцлеръ Сѣверо-германскаго союза сказалъ народу изъ окна рѣчь, прерванную громовымъ ударомъ. «Небо салютуетъ!» вскричалъ Бисмаркъ, и этотъ не совсѣмъ скромный возгласъ покрылся рукоплесканіями и виватами толпы.

Неизвѣстно происходило ли на небѣ какое-нибудь экстраординарное знаменіе въ этомъ родѣ 1-го апрѣля 1815 года. Небо, принимающее какъ извѣстно столь дѣятельное участіе во всемъ, что касается Пруссіи, во всякомъ случаѣ не исполнило своей обязанности, если не салютовало въ этотъ день; оно можетъ даже подлежать обвиненію въ партикуляризмѣ. Ибо въ этотъ

*) 1871, Февраль.

день явилось на свѣтъ божій яйцо, изъ котораго вылупился цыпленокъ — Сѣверо-германскій союзъ, уже превращающійся нынѣ въ курицу—прусско-германскую имперію, каковая курица, какъ гласятъ всѣ предсказанія, окончательно свернетъ голову назойливому вѣстнику утра — галльскому пѣтуху. Въ этотъ день родился Отто-Эдуардъ-Леопольдъ фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ.

Говорятъ, что его мать прочила его въ дипломаты еще въ ту пору, когда онъ лежалъ въ пеленкахъ. Но графъ Бисмаркъ недаромъ родился 1-го апрѣля, въ день, когда благочестивые христіане имѣютъ обычай надувать другъ друга. Онъ долго обманывалъ ожиданія матери, такъ что она даже не дожила до дней его величія и славы. Въ университетѣ будущій союзный канцлеръ велъ настоящую старо-нѣмецкую студенческую жизнь: занимался плохо, дрался на дуэляхъ, кутилъ. Ходитъ много разсказовъ о его дикихъ буршикозныхъ выходкахъ. Пройтись въ халатѣ и въ цилиндрической шляпѣ по улицѣ, натравить собаку на «филистера», подраться на дуэли,—на все это молодой фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ былъ мастеръ. По выходѣ изъ университета онъ служилъ и въ статской службѣ, и въ военной, путешествовалъ, пробовалъ заниматься хозяйствомъ, но все это было въ сущности только продолженіемъ развеселой студентской жизни. Въ своемъ имѣніи графъ Бисмаркъ пилъ портеръ пополамъ съ шампанскимъ (знатоки говорятъ—штука убійственная), пугалъ спящихъ гостей выстрѣлами въ потолокъ, такъ что штукатурка валилась прямо въ лицо сонным собутыльникамъ, славился какъ ѣздокъ, пловецъ и охотникъ, и заслужилъ прозвище «бѣшенаго Бисмарка». Въ Ахенѣ съ нимъ случилась какая-то исторія, изъ которой онъ, по словамъ его холопствующаго біографа Георга Іезекіиля, выпутался только благодаря вмѣшательству одного друга, но послѣдствія которой сказывались еще долго. Служа въ уланахъ, Бисмаркъ забавлялся между прочимъ тѣмъ, что приходилъ курить на крыльцо бургомистра, который терпѣть не могъ табаку. Около этого же времени онъ получилъ первый знакъ отличія, и это была медаль за спасеніе погибающихъ,—онъ вытащилъ изъ воды своего деньщика. Вообще моло-

дой Бисмаркъ представлялъ собою смѣсь того, что́ нѣмцы называютъ Krautjunker (сельскій дворянчикъ), безпардоннаго бурша и удалаго гусарскаго корнета. Его холопствующій біографъ пытается объяснить этотъ бурный періодъ жизни своего героя тѣмъ, что его томила жажда дѣятельности, искали себѣ выхода его молодыя, но не дюжинныя силы. Однако, не отрицая въ графѣ Бисмаркѣ ни жажды дѣятельности, ни энергіи, нельзя не замѣтить, что исторія его молодости есть очень обыкновенная исторія. Нѣмецкая молодежь вообще ухлопываетъ свои золотые годы зря, на безшабашное житье, если только не увлекается какими-нибудь идиллически-романтическими мечтами. Лѣтъ подъ тридцать нѣмецъ обыкновенно рѣзко преобразуется. Индивидуальная практическая струнка вдругъ выскакиваетъ изъ-за временнаго тумана безшабашнаго житья или мечтательности, и забіяка-студентъ превращается въ смирнѣйшаго профессора, мечтатель—въ подрядчика, кутила-дворянчикъ становится важнымъ, солиднымъ бариномъ или домовитымъ помѣщикомъ, удалой корнетъ застегиваетъ душу на всѣ пуговицы и т. д. Если годы молодости иногда и отрыгаются, то въ общемъ практическій путь намѣченъ, и приспособившійся къ нему нѣмецъ идетъ себѣ своей прямой и узенькой дорогой ohne Hast, ohne Rast. Съ графомъ Бисмаркомъ произошло то же самое, съ тою разницею, что дорога ему выпала на долю пошире, большому кораблю—большое и плаваніе. А впрочемъ насчетъ широты дороги графа Бисмарка могутъ быть различныя мнѣнія. Впослѣдствіи, вспоминая свою разухабистую молодость, Бисмаркъ писалъ женѣ (3-го іюля 1851 г.): «Какъ измѣнилось мое міросозерцаніе въ эти четырнадцать лѣтъ, какъ многое изъ того, что́ мнѣ казалось тогда великимъ, я считаю теперь ничтожнымъ, какъ многое я уважаю изъ того, что тогда осмѣивалъ! И сколько разъ еще обмѣнится листва на нашемъ внутреннемъ *я* въ теченіе слѣдующихъ четырнадцати лѣтъ, если мы доживемъ до 1865 года. Я не понимаю, какъ человѣкъ, думающій о себѣ и въ то же время незнающій и нехотящій знать Бога, какъ онъ не умретъ со скуки. Еслибы мнѣ теперь пришлось повторить такую жизнь безъ Бога, безъ тебя,

безъ дѣтей, я бы скинулъ эту жизнь, какъ грязную рубашку».

Бисмаркъ наконецъ перебѣсился. Онъ женился и выступилъ на политическое поприще почти единовременно. Изъ куколки бурша развернулась бабочка юнкеръ. 17-го мая 1847 года въ залѣ засѣданій соединеннаго ландтага раздался звонъ чистѣйшаго юнкерства 96-й пробы, когда на трибуну вошелъ депутатъ фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ. Въ этотъ день онъ говорилъ свою первую политическую рѣчь.

Политическая программа юнкерской партіи есть программа строжайшаго консерватизма, общая всѣмъ послѣдовательнымъ консерваторамъ въ Европѣ. Недавно еще юнкеры ставили своимъ девизомъ изрѣченіе: «Mit der Regierung voll Muth, ohne die Regierung voll Wehmuth, wenn's sein muss gegen die Regierung in Demuth». Но едва-ли часто приходилось юнкерамъ доводить служеніе этому девизу до конца и оказываться plus royalistes que le roi. Самый блестящій и свободномыслящій изъ Гогенцоллерновъ, «просвѣщенный деспотъ» Фридрихъ II былъ далекъ отъ тѣхъ нивеллирующихъ наклонностей, какія всегда и вездѣ сопровождали извѣстный моментъ развитія абсолютизма. Консервативная партія всегда была въ Пруссіи партіей правительственной, и нѣтъ въ Европѣ обломковъ поземельнаго феодализма, болѣе прусскихъ юнкеровъ вѣрующихъ въ обязанность неба салютовать успѣхамъ королевскаго дома. Тѣмъ не менѣе до 1866 года политическая программа прусскихъ юнкеровъ заключала въ себѣ любопытное противорѣчіе. Рядомъ съ благоговѣніемъ къ прусскому королевскому дому, юнкеры глубоко сочувствовали Австріи, несмотря на стародавнюю борьбу Пруссіи и Австріи за первенство въ Германіи. На Пруссію возлагали свои надежды всѣ нѣмецкіе либералы разныхъ оттѣнковъ, надежды, аккуратнѣйшимъ образомъ разбиваемыя Гогенцоллернами. Католическая же Австрія, представительница средневѣковой императорской власти, которой въ силу ея международнаго положенія и преданій приходилось чаще чѣмъ Пруссіи давить свободу и отстаивать дѣло порядка, влекла къ себѣ всѣ симпатіи прусскихъ юнкеровъ. Теперь это все измѣнилось. Еще въ 1852 году ав-

стрійскій министръ народнаго просвѣщенія предписалъ очистить, для школьнаго употребленія, древнихъ классиковъ отъ республиканскихъ выраженій, «дабы юношество не заражалось возмутительными идеями». А въ 1868 году прогрессистъ Вирховъ рекомендовалъ въ палатѣ депутатовъ прусскому правительству руководиться австрійскими порядками, какъ образцомъ либерализма. Графъ Бисмаркъ конечно отклонилъ эту рекомендацію и заявилъ, что новый австрійскій либерализмъ нравится только потому, что онъ молодъ—какъ молодая дама нравится больше старой, пояснилъ шутникъ канцлеръ—а что въ сущности Пруссія гораздо либеральнѣе. Наконецъ въ нынѣшнемъ году въ австрійскомъ рейхсратѣ нѣкоторые ораторы доказывали, что при очевидной выгодѣ дружественныхъ отношеній къ возобновленной германской имперіи, слишкомъ тѣсное сближеніе съ нею Австро-Венгріи нежелательно, ибо сближеніе это можетъ дурно отозваться на внутреннихъ австрійскихъ дѣлахъ, именно повести къ реакціи. Біографъ графа Бисмарка, Георгъ Іезекіиль, мнѣнія котораго интересны потому, что канцлеръ оказалъ ему большое довѣріе, передавъ ему свою политическую и интимную переписку, такъ характеризуетъ теперешнее настроеніе юнкерской партіи: «Враги Пруссіи суть либерализмъ, демократизмъ, враждебная зависть Австріи, зависть другихъ государствъ, парламентаризмъ, партикуляризмъ». Но это программа уже исправленная и дополненная графомъ Бисмаркомъ. Въ сороковыхъ годахъ, когда Бисмаркъ выступилъ на политическое поприще, юнкеры видѣли именно въ союзѣ Австріи съ Пруссіей оружіе противъ демократизма, либерализма и партикуляризма. Мало того, они предназначали въ этомъ крестовомъ походѣ первое, самое видное мѣсто Австріи, а Пруссія должна была стоять возлѣ нея въ положеніи меньшаго брата. Тѣмъ не менѣе эти австрійскія симпатіи совершенно мирно уживались въ головахъ юнкеровъ съ вѣрою въ прусскій абсолютизмъ и съ любовью къ нему. Что касается партикуляризма, то онъ также понимался тогда не такъ, какъ теперь, и особеннаго негодованія противъ него юнкеры не могли питать уже вслѣдствіе своего австро-прусскаго дуализма.

Обѣ характеристическія особенности юнкерской партіи какъ нельзя болѣе ярко и отчетливо обрисовались въ рѣчахъ только что выступившаго на политическое поприще, перебѣсившагося Бисмарка. Свистъ періодическаго революціоннаго самума уже слышался изъ Франціи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV задумалъ исполнить обѣщанія, данныя народу въ минуту опасности его отцомъ. Это совершилось однако въ очень скромной формѣ извѣстныхъ февральскихъ патентовъ. Либераламъ казалось, что этого мало, они заявили свое неудовольствіе; закоренѣлымъ юнкерамъ казалось, что дано слишкомъ много; умѣренные находили, что дано какъ разъ въ пору. Бисмаркъ, запинаясь и лазяя чуть не за каждымъ словомъ въ карманъ, тѣмъ не менѣе смѣло и рѣшительно объявилъ либеральному большинству, что власть прусскихъ королей получена ими отъ Бога, а не отъ народа, что никто не имѣетъ права не только требовать, а и просить чего либо у прусскаго короля. Онъ просилъ не вырывать «изъ почвы права цвѣтовъ довѣрія къ королю и не бросать его какъ сорную траву». Въ этомъ родѣ были всѣ его рѣчи и по другимъ предметамъ; Бисмиркъ былъ замѣченъ. Не мало было людей, раздѣлявшихъ его образъ мыслей, но все это былъ не такой народъ, чтобы постоять за свои идеи. Бисмаркъ же, хотя и не обнаружилъ особенныхъ талантовъ—онъ былъ очевидно далекъ отъ предчувствія послѣдующихъ грозныхъ событій и слѣдовательно не обнаружилъ особенной политической проницательности, а какъ ораторъ онъ и до сихъ поръ плохъ — но энергично стоялъ за свои убѣжденія. Онъ смѣло противопоставилъ свои неуклюжія рѣчи блестящимъ риторамъ либеральнаго большинства. Онъ былъ не изъ тѣхъ ораторовъ, которые увлекаютъ цѣлую аудиторію своими блестящими импровизаціями, но онъ производилъ впечатлѣніе. Съ холодною дерзостью замѣчалъ онъ, когда рѣчи его были покрываемы шиканьемъ, что онъ не можетъ видѣть возраженій въ «нечленораздѣльныхъ звукахъ». А между тѣмъ самъ онъ почти никогда не дѣлалъ возраженій, хотя объяснялся всегда членораздѣльными звуками. Онъ просто ставилъ одинъ за другимъ догматы юнкерскаго политическаго ка-

техизиса, безъ всякихъ прикрасъ. Подобно всѣмъ рѣшительнымъ и вмѣстѣ нетерпѣливымъ людямъ, онъ не упускалъ случая выразить презрѣніе къ своимъ противникамъ и не только не отстранялъ отъ себя и отъ своей партіи разныя насмѣшливыя прозвища, но находилъ особенное удовольствіе въ поддразниваніи ими противниковъ. Когда его уличали въ предразсудкахъ, въ отсталости, въ средневѣковыхъ взглядахъ, онъ не пытался опровергать обвинителей, не пробовалъ доказывать современность своихъ убѣжденій. Онъ съ задоромъ говорилъ: да, я съ молокомъ матери всосалъ этотъ мрачный духъ средневѣковья; да, я юнкеръ, и горжусь этимъ. Вся его высокая, плечистая фигура дышала самоувѣренностью и онъ никогда не снисходилъ до опроверженій, разбора мнѣній противниковъ, доказательствъ и т. п. Онъ только говорилъ: я вѣрю въ то то и порицаю то-то. На эту фигуру нельзя было не обратить вниманія. Но либералы конечно и не подозрѣвали, чѣмъ будетъ впослѣдствіи этотъ смѣлый юнкеръ, и только смѣялись надъ нимъ. Однако король, столкнувшись съ нимъ въ томъ же году въ Венеціи, пригласилъ его къ себѣ, и они бесѣдовали о прусскихъ и нѣмецкихъ дѣлахъ. Юнкеры рукоплескали своему собрату.

Разразилась революція и быстро поднялась до самыхъ вершинъ государственнаго тѣла Пруссіи. Юнкерамъ пришлось припомнить послѣднюю часть своего девиза: wenn's sein muss gegen die Regierung mit Demuth. Бисмаркъ открыто выразилъ свое сожалѣніе, что «сама корона бросила комъ земли на гробъ прошедшаго». Въ 1848 году онъ не принималъ участія въ дѣлахъ. Онъ ограничился только тѣмъ, что тотчасъ послѣ мартовскихъ дней написалъ королю сочувственное письмо. Въ письмѣ не было никакихъ совѣтовъ или предложеній, это было просто изліяніе болѣющей юнкерской души. И король оцѣнилъ это. Въ 1849 г., въ качествѣ депутата, Бисмаркъ съ прежнею почти наивною смѣлостью и послѣдовательностью продолжалъ развивать юнкерскую программу и хлопотать о томъ, чтобы корона воскресила прошедшее. Когда франкфуртскій парламентъ поднесъ Фридриху-Вильгельму IV императорскую корону, Бисмаркъ энер-

гично возсталъ противъ этой помѣси имперіи съ революціей, власти «Божіею милостью» съ властью «избраніемъ народнымъ». Онъ находилъ, что «хотя франкфуртская корона и очень блестяща, но въ ея золотѣ должна растопиться корона прусская». Онъ преслѣдовалъ революціонное трехцвѣтное знамя, принятое франкфуртскимъ парламентомъ и самимъ королемъ. Планы Радовица, мечтавшаго основать единство Германіи на гегемоніи Пруссіи и съ исключеніемъ Австріи изъ Союза, встрѣтили въ Бисмаркѣ конечно не сильнаго, но энергическаго противника. Вотъ отрывокъ изъ рѣчи, сказанной имъ 6-го сентября и прекрасно характеризующей его тогдашнее политическое настроеніе: «Я того мнѣнія, что движущіе принципы 1848 года были скорѣе соціальнаго, чѣмъ національнаго характера. Національное движеніе ограничилось бы небольшимъ кругомъ выдающихся личностей, еслибы почва не задрожала подъ нашими ногами отъ вторженія соціальнаго элемента; если бы не разыгрались страсти и зависть бѣднаго къ богатому; еслибы многолѣтнее и покровительствуемое сверху свободомысліе не расшатало въ сердцахъ людей нравственныя основы. Я не думаю, чтобы можно было помочь бѣдѣ сдѣлками съ демократизмомъ или проектами нѣмецкаго единства. Болѣзнь лежитъ глубже. Я утверждаю, что прусскій народъ не чувствуетъ потребности національнаго обновленія по франкфуртскимъ теоріямъ. Здѣсь часто говорилось о политикѣ Фридриха-Великаго; она отождествлялась съ политикой проекта сліянія (т.-е. проекта Радовица). Я скорѣе думаю, что Фридрихъ оперся бы на выдающуюся черту прусской національности, на военный элементъ — и не безъ успѣха. Онъ зналъ бы, что и нынѣ, какъ во дни нашихъ отцовъ, звукъ трубы, призывающей народъ подъ знамена короля, не утратилъ своего обаянія, шло ли бы дѣло о защитѣ нашихъ границъ, или о славѣ и величіи Пруссіи. Онъ могъ бы сблизиться съ старымъ боевымъ товарищемъ Австріей и взять на себя блестящую роль, которую сыгралъ русскій императоръ — раздавить въ союзѣ съ Австріей революцію. Или же онъ могъ бы съ такимъ же правомъ, съ какимъ онъ завоевалъ Силезію, отклонивъ франкфурт-

скую императорскую корону, съ мечемъ въ рукѣ рѣшить судьбу Германіи. Такова была бы національная прусская политика. Она указала бы Пруссіи и Австріи надлежащее мѣсто для поднятія Германіи на степень соотвѣтствующаго ей въ Европѣ могущества. Что же касается проекта объединенія, то онъ уничтожаетъ Пруссію». По поводу дебатовъ о правѣ представителей народа назначать налоги, Бисмаркъ говорилъ: «Это право перенесетъ центръ тяжести власти на палаты или на парламентское большинство. Конечно правительство можетъ распустить палату и назначить новые выборы, но и новая палата можетъ пойти по старому пути. Такимъ образомъ столкновеніе окажется безъисходнымъ, и прусское государственное право будетъ потрясено можетъ быть сильнѣе, чѣмъ мартовской революціей!!» Любопытно это предчувствіе знаменитаго столкновенія прусскаго правительства съ палатой 1862 — 1866 годовъ. Но это едва-ли не единственный примѣръ проницательности Бисмарка.

Въ эрфуртскомъ парламентѣ Бисмаркъ тоже не уступалъ ни іоты изъ юнкерской программы. Онъ рукоплескалъ паденію Радовица, поведенію министерства Мантейфеля и не видѣлъ никакого униженія для Пруссіи въ ольмюцскомъ договорѣ. Австрія не измѣнила себѣ и не обманула надеждъ прусскихъ юнкеровъ. Засуетившійся Фридрихъ-Вильгельмъ IV протянулъ-было руку мятежнымъ гессенцамъ, изгнавшимъ своего курфюстра и Гассенфлуга, и голштинцамъ, возставшимъ противъ Даніи. Но въ Ольмюцѣ Шварценбергъ обратилъ Пруссію на путь порядка и законности,—и Бисмаркъ ликовалъ. Еще по поводу требованія амнистіи Бисмаркъ говорилъ между прочимъ: «Принципіальный споръ, расшатавшій Европу до основанія, не допускаетъ никакихъ сдѣлокъ. Принципы покоются на противоположныхъ и взаимно исключающихся основаніяхъ. Одинъ видитъ источникъ права повидимому въ народной волѣ, а въ сущности въ баррикадахъ; другой исходитъ изъ Богомъ установленной власти, изъ власти Божіей милостью, и органически связанъ съ существующимъ правовымъ порядкомъ. Съ точки зрѣнія перваго принципа всякаго рода агитаторы суть герои, бойцы за истину, свободу и

право, съ точки зрѣнія втораго они—мятежники. Парламентскіе дебаты здѣсь безспльны. Рано или поздно богъ брани рѣшитъ споръ желѣзомъ!»

Такъ-то не терпѣлось Бисмарку въ рамкахъ теоретизированія и аргументированія; такъ-то рвался онъ на эту чисто практическую, незамысловатую почву «желѣза и крови», на которой онъ впослѣдствіи стяжалъ свои лавры. Онъ рукоплескалъ реакціи, наступившей за 1848 годомъ, но самъ онъ не могъ принять въ ней никакого дѣйствительнаго участія и долженъ былъ ограничиваться парламентскими дебатами о такихъ двусмысленныхъ вещахъ, какъ право и свобода. Онъ рвался изъ этихъ теоретическихъ путъ на просторъ практики, и этими порываніями и оканчивается второй періодъ его жизни. Но листва на его внутреннемъ *я* должна была обмѣниться еще разъ.

Въ 1852 году Бисмаркъ былъ назначенъ представителемъ Пруссіи въ возобновленный франкфуртскій сеймъ. Затѣмъ онъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ и въ Парижѣ. Уѣзжая изъ Парижа, онъ сказалъ полушутя, полусерьезно одной русской дамѣ, что скоро онъ будетъ Кавуромъ Германіи. Въ 1862 году онъ сдѣланъ прусскимъ министромъ. Въ то время нѣмецкіе либералы все еще возлагали свои надежды на Пруссію. Бисмаркъ засталъ двѣ партіи. Девизомъ одной было: durch Einheit zur Freiheit, другой: durch Freiheit zur Einheit. Бисмаркъ принесъ свой собственный девизъ: durch Eisen und Blut, объясняя, что этимъ именно путемъ будутъ получены и Freiheit und Einheit, и даже германская имперія. Еще въ 1859 году Бисмаркъ писалъ изъ Петербурга: «Положеніе Пруссіи въ союзѣ ненормально и рано или поздно намъ придется лечить этотъ недугъ ferro et igni». Только что вступивъ въ министерство, онъ подтвердилъ что «великіе вопросы времени рѣшаются не рѣчами и не голосованіемъ, — это ошибка 1848 и 1849 годовъ, — а желѣзомъ и кровью». На этомъ пунктѣ Бисмаркъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ 1847 и 1849 годовъ. Но какая разница въ остальныхъ частяхъ программы! Дикій вульгарный юнкеръ исчезъ, листва на внутреннемъ *я* обмѣнилась. Человѣкъ, въ 1850 году завидо-

вавшій роли императора Николая въ подавленіи венгерскаго возстанія, въ 1861 находитъ уже, что «система солидарности консервативныхъ интересовъ всѣхъ странъ есть опасная фикція, донъ-кихотство». Человѣкъ, возмущавшійся въ принципѣ противъ всякихъ, самыхъ ничтожныхъ конституціонныхъ попытокъ, къ 1861 году уразумѣлъ, что «народнаго представительства бояться нечего», что «можно создать совершенно консервативное народное представительство и все-таки заслужить благодарность даже у либераловъ». Человѣкъ, осуждавшій въ 1849 году войну съ Даніей изъ-за голштинскихъ мятежниковъ, «какъ самое несправедливое, пустое и вредное предпріятіе въ видахъ поддержанія революціи»,—протягиваетъ руку не только революціонной Италіи, которая все-таки прикрыта королевской мантіей, а даже возставію въ венгерскихъ и славянскихъ земляхъ «стараго боеваго товарища»—Австріи.

Во Франкфуртѣ съ Бисмаркомъ произошло нѣчто очень важное: онъ растерялъ свои политическіе принципы, у него ихъ теперь нѣтъ. Во Франкфуртъ онъ поѣхалъ такимъ же простоватымъ юнкеромъ, какимъ былъ въ 1847 году, съ боязнью революціи, съ ненавистью къ парламентаризму и глубочайшимъ уваженіемъ къ Австріи и системѣ Священнаго Союза. Онъ не замедлилъ съѣздить къ творцу этой системы Меттерниху въ Іоганисбергъ, дабы почерпнуть изъ этого развалившагося кладезя мудрости. Однако чуть ли не это именно путешествіе въ Мекку консерватизма сильно повліяло на переворотъ въ воззрѣніяхъ Бисмарка. Конечно тутъ могли дѣйствовать и второстепенныя причины въ родѣ личныхъ неудовольствій съ австрійскимъ уполномоченнымъ на сеймѣ и т. п. Но во всякомъ случаѣ должно думать, что видъ Магометова гроба въ Меккѣ, видъ развалины Меттерниха въ Іоганисбергѣ не мало повліялъ на выработку презрѣнія къ принципамъ и того чисто практическаго, безъ всякой теоретической подкладки, направленія, которое приняла съ этихъ поръ дѣятельность Бисмарка. Изъ Франкфурта онъ уѣхалъ облегченнымъ, онъ былъ свободенъ какъ птица. Новыми политическими принципами онъ обзавестись не могъ, потому что

онъ все-таки оставался юнкеромъ по наклонностямъ, по складу ума и характера, а старые оказались никуда не годными: они умирали заживо въ замкѣ Меттерниха. Другой толчокъ въ томъ же направленіи, хотя и съ противоположной стороны, Бисмаркъ долженъ былъ получить въ Парижѣ. Тамъ онъ окончательно убѣдился, что время теоретиковъ, политиковъ въ родѣ Меттерниха прошло и что на смѣну имъ идутъ политики — практики, болѣе смѣлые и менѣе брезгливые.

Чтобы читатель видѣлъ, въ какомъ смыслѣ мы называемъ Меттерниховъ теоретиками, а Наполеоновъ и Бисмарковъ практиками, мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Прусско-германская имперія, при образованіи которой мы присутствуемъ, не есть что либо новое, какъ идея. Уже при великомъ курфюрстѣ обнаружилась борьба Пруссіи и Австріи, а Фридрихъ II прямо мѣтилъ на императорскую корону, но не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка надъ Европою пронесся грозный ураганъ революціи, а затѣмъ первой имперіи. Германія претерпѣла многія измѣненія и въ географическомъ, и въ политическомъ отношеніи. При этомъ случаѣ на поверхность общественнаго сознанія всплыла и идея единства Германіи. Общественное мнѣніе понуждало прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III къ дѣйствію, понуждалъ его и самъ владыка судебъ Европы, Наполеонъ. Еще будучи первымъ консуломъ, онъ далъ прусскому королю знать, что не будетъ препятствовать облеченію бранденбургскаго дома въ императорскую порфиру. Фридрихъ-Вильгельмъ разсыпался въ любезностяхъ передъ властелиномъ Франціи, но заявилъ, что онъ «доволенъ своимъ жребіемъ и желаетъ только сохранить положеніе, предоставленное ему Провидѣніемъ». Однако въ то же время онъ повидимому не оставался глухимъ къ проекту тогдашняго руководителя прусской политики Штейна подѣлить Германію между Австріей и Пруссіей. Между тѣмъ образовался Рейнскій союзъ подъ протекторатомъ Наполеона, исчезла древняя германская имперія, Францъ II сталъ императоромъ австрійскимъ. Наполеонъ возобновилъ свои искушенія. Въ іюлѣ 1806 года онъ опять предложилъ Фрид-

риху-Вильгельму III на выборъ либо соединить въ имперію всѣ еще числившіяся за Германіей земли, либо сдѣлаться по крайней мѣрѣ сѣверо-германскимъ императоромъ. Со стороны короля послѣдовали прежнія любезности и прежній отказъ. А между тѣмъ предложенія Наполеона по своей сущности были вовсе непротивны Фридриху-Вильгельму. Отказываясь отъ нихъ, онъ въ то же время велъ переговоры съ курфюрстами саксонскимъ и гессенскимъ именно о своемъ сѣверо-германскомъ императорствѣ. Переговоры эти однако ничѣмъ не кончились, потому что Пруссія была разгромлена Наполеономъ. Наступилъ 1813 годъ. Короля понуждали смотрѣть на мелкихъ германскихъ государей, пристроившихся подъ знамена Наполеона, какъ на враговъ отечества и, не церемонясь съ ними, дать наконецъ Германіи единство цѣною нѣсколькихъ коронованныхъ головъ. Но проникнутый идеями Меттерниха король не посмѣлъ прикоснуться къ германскимъ коронамъ. Либералы возлагали большія надежды на его преемника, Фридриха-Вильгельма IV. Они ждали отъ него осуществленія единства Германіи и дарованія той свободы, которою надулъ ихъ Фридрихъ-Вильгельмъ III. Надежды либераловъ начали повидимому сбываться, благодаря если не личной иниціативѣ короля, то по крайней мѣрѣ революціи. Король проѣхалъ по Берлину съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, за нимъ несли императорскую корону, онъ обѣщалъ быть «щитомъ единства и свободы Германіи», обѣщалъ водрузить знамя свободы у себя въ Пруссіи и въ остальной Германіи. Но когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя депутація отъ франкфуртскаго парламента поднесла королю императорскую корону, — онъ оттолкнулъ ее. Онъ заявилъ, что Гогенцоллернъ можетъ принять и носить только корону, отмѣченную перстомъ божіимъ, а не скованную революціонерами, что онъ не хочетъ уподобиться «баррикадному королю» Луи-Филиппу. Онъ объяснилъ наконецъ, что gegen Demokraten helfen nur Soldaten. Опустились руки у нѣмецкихъ либераловъ и стали они опять ждать единства и свободы.

Вотъ краткая исторія прецедентовъ прусско-германской имперіи. Повидимому это исторія сомнѣній, колебаній и шатаній;

но замѣтьте какая твердость политическихъ и соціальныхъ принциповъ проходитъ красною нитью чрезъ всѣ эти шатанія. Короли прусскіе суть представители божественнаго права и ни на минуту не упускаютъ его изъ виду. Если имъ и случается изъ общечеловѣческой слабости измѣнить временно своимъ принципамъ, если обстоятельства и загоняютъ ихъ въ такія положенія, что имъ приходится фигурировать во главѣ революціонной процессіи, то при первой возможности они отрясаютъ прахъ отъ ногъ своихъ и даже не пользуются выгодами своего положенія. Такъ было съ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV. Конечно на его отказъ отъ франкфуртской короны не мало вліялъ страхъ Россіи и Австріи, но вѣрно и то, что онъ не принялъ короны потому, что не хотѣлъ брататься съ революціей. То же самое видимъ мы и во Фридрихѣ-Вильгельмѣ III. Онъ не прочь стать императоромъ, но хочетъ достигнуть этого законными по его убѣжденію путями; онъ согласенъ получить корону изъ рукъ законныхъ германскихъ государей, но отстраняетъ руку, протянутую ему исчадіемъ революціи и врагомъ легитимизма Наполеономъ. Точно также не смѣетъ онъ поднять руку и на святыя по его мнѣнію короны нѣмецкихъ князьковъ, равныхъ ему по царственному достоинству, запечатлѣнному перстомъ божіимъ.

Сравните съ этою чистоплотностью (чистоплотностью конечно одностороннею, неисключающею нечистоплотности въ другихъ отношеніяхъ), съ этимъ педантизмомъ, со всѣмъ этимъ «zierlich-manierlich», любое изъ дѣяній графа Бисмарка. Въ Іоганисбергѣ и въ Парижѣ Бисмаркъ двустороннимъ наблюденіемъ убѣдился, что легче верблюду пройти сквозь игліное ушко, чѣмъ провести къ побѣдѣ колесницу Пруссіи, отягченную принципами. Онъ сбросилъ балластъ, и корабль прусской монархіи поплылъ гораздо быстрѣе. Въ прусской нотѣ къ итальянскому кабинету, относящейся къ 1866 году, но сохранявшейся въ тайнѣ до 1868, читаемъ между прочимъ: «Прусское правительство въ послѣднее время тщательно изучало венгерскій вопросъ. Оно убѣдилось, что Венгрія, поддерживаемая одновременно Италіей и Пруссіей, можетъ съ своей стороны служить имъ сборнымъ и стратегиче-

скимъ пунктомъ опоры. Къ восточному берегу Адріатическаго моря можетъ быть выслана сильная экспедиція, которая ничѣмъ не ослабитъ главной арміи, ибо ее можно составить преимущественно изъ волонтеровъ и отдать подъ начальство генерала Гарибальди. По всѣмъ имѣющимся у прусскаго правительства свѣдѣніямъ экспедиція эта встрѣтитъ у славянъ и венгровъ самый лучшій пріемъ; она прикрыла бы флангъ арміи, идущей на Вѣну, и задержала бы войска, расположенныя въ венгерскихъ земляхъ. Кроатскіе и венгерскіе полки несомнѣнно откажутся драться съ войскомъ, принятымъ въ ихъ собственныхъ земляхъ въ качествѣ друзей. Съ сѣвера и съ границы прусской Силезіи могутъ быть направлены въ Венгрію летучіе отряды, составленные по возможности изъ національныхъ элементовъ, которые соединятся съ итальянскими войсками и съ возставшимъ мѣстнымъ населеніемъ». Кости покойныхъ прусскихъ королей должны были бы перевернуться въ гробахъ, еслибы они могли внимать этому проекту, въ неисполненіи котораго Пруссія нисколько не виновата. Какъ! Прусская монархія вступаетъ въ союзъ съ революціей! Королевско-прусскіе генералы отъ инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи пойдутъ рука объ руку съ генераломъ отъ революціи Гарибальди, которому нынѣ подносятъ шпагу съ эфесомъ, изображающимъ республику, поражающую символы монархизма! Есть отъ чего затрепетать тѣнямъ прусскихъ королей. Только одна изъ нихъ— тѣнь вольнодумца Фридриха II, друга Вольтера и Ла-Меттри, отнеслась бы сочувственно до извѣстной степени къ приведенному проекту. Есть извѣстія, что онъ и самъ задумывалъ поднять возстаніе въ Венгріи. И вообще теперешняя политика Пруссіи представляетъ значительное сходство съ политикой Фридриха даже въ мелочахъ. Такъ напримѣръ идея военныхъ союзовъ съ южно-германскими государствами взята цѣликомъ у Фридриха.

Нѣмецкіе либералы, столько разъ обманутые и до Бисмарка и Бисмаркомъ, по необходимости ищутъ какого-нибудь утѣшенія и разумѣется находятъ, потому-что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Утѣшенія они теперь ищутъ въ самой личности Бисмарка. Какъ ни какъ, разсуждаютъ они, единство онъ намъ дастъ. А един-

ство Германіи есть для нѣмецкахъ либераловъ нѣчто до такой степени цѣнное, что за него они готовы простить все. Далѣе, нѣмецкіе либералы указываютъ на перемѣны, совершающіяся въ самомъ Бисмаркѣ. Смотрите, говорятъ они, это уже не юнкеръ, это революціонеръ; онъ отбросилъ рутину, руководившую старыхъ сторонниковъ идеи «нѣмецкаго призванія Пруссіи», онъ не сторонится отъ либерализма и конституціонализма и онъ не робѣетъ; если и теперь онъ не гнушается стать рядомъ съ Гарибальди, то подождите еще, что̀ будетъ дальше. Такого рода надеждами проникнутъ напримѣръ довольно впрочемъ безпристрастный біографическій этюдъ о Бисмаркѣ нѣмецкаго либерала Бамбергера. Впрочемъ этюдъ этотъ написанъ еще въ 1868 году, а съ тѣхъ поръ утекло столько всякой жидкости, воды, крови, чернилъ—что Бамбергеръ можетъ быть уже и разстался съ своимъ оптимизмомъ. Но Бамбергеръ могъ бы уже и въ 1868 году принять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство. Приведенный проектъ союза Пруссіи съ Гарибальди и венгерскою и славянскою революціею относится къ іюню 1866 года. А за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, именно въ январѣ того же года, Бисмаркъ писалъ къ прусскому посланнику въ Вѣнѣ Вертеру по поводу голштинскихъ дѣлъ: «въ Гаштейнѣ и Зальцбургѣ я былъ склоненъ думать, что императоръ австрійскій и его министры согласились съ нами въ необходимости бороться противъ общаго врага обѣихъ державъ—революціи. Не больно ли нашему милостивому королю видѣть, что революціонныя тенденціи, разрушительныя для каждаго трона, поощряются австрійскимъ двуглавымъ орломъ? Не должны ли подобныя впечатлѣнія ослабить то убѣжденіе, которое его величество питаетъ такъ давно и такъ ревностно о необходимомъ согласіи обѣихъ державъ?» Очевидно что графъ Бисмаркъ не колеблется въ выборѣ средствъ, идутъ ли они отъ чорта или отъ Бога.

Взглядываясь въ общія контуры нравственной и умственной физіономіи графа Бисмарка, невольно поражаешься прежде всего удивительною цѣльностью психическаго типа, полнымъ отсутствіемъ разлада между мыслью и чувствомъ, между желаніемъ и

исполненіемъ. Томительный процессъ сомнѣнія въ своихъ догматахъ, недовѣрія къ своимъ силамъ, колебанія въ выборѣ средствъ, раздумья навѣрно не провелъ ни одной лишней морщины на майорскомъ лбѣ Бисмарка и не посеребрилъ ни одного волоса на его головѣ.. Чѣмъ-то первобытнымъ несетъ отъ его силы. Каждый шагъ его запечатлѣнъ рѣшительностью, онъ никогда не развязываетъ узловъ, но никогда не задумается разрубить любой. Разъ въ 1850 году онъ сидѣлъ въ портерной. Кто-то изъ посѣтителей дурно отозвался объ одномъ изъ членовъ королевскаго дома. Бисмаркъ безъ всякаго нервнаго взрыва, спокойно объявилъ дерзкому пивопійцѣ, что если онъ не уйдетъ изъ портерной, пока онъ, Бисмаркъ, допьетъ свою кружку, то эта кружка будетъ разбита объ его лобъ. Пивопійца не ушелъ, кружка была разбита объ его лобъ, и Бисмаркъ спокойно спросилъ кельнера, сколько онъ долженъ заплатить за это «битіе стеклянной посуды». Таковъ Бисмаркъ во всемъ. Онъ никогда не разсуждаетъ, никогда не доказываетъ, никогда не сомнѣвается, никогда не колеблется. Онъ просто беретъ на себя отвѣтственность. Въ началѣ прошлаго года въ прусской палатѣ депутатовъ шла рѣчь объ отмѣнѣ или сохраненіи смертной казни. Графъ Бисмаркъ говорилъ между прочимъ: «одна изъ болѣзней нашего времени состоитъ въ боязни взять на себя отвѣтственность въ дѣлѣ смертной казни. Присяжные боятся произнести такой вердиктъ, который по закону ведетъ за собой смерть преступника. Эта боязнь отвѣтственности вообще есть болѣзнь, пронизывающая все наше время. Я понимаю, что сословіе судей старается сложить съ себя эту отвѣтственность уничтоженіемъ самой смертной казни. Я понимаю, что имъ это желательно, особенно въ наше время, когда всякій расположенъ къ критикѣ. Но я не могу назвать эту черту нашего почтеннаго и благороднаго судейскаго сословія иначе, какъ слабостью... какъ болѣзненною сантиментальностью нашего времени». Критика и боязнь отвѣтственности,—вотъ двѣ вещи, совершенно незнакомыя графу Бисмарку. Онъ никогда не хворалъ этими болѣзнями вѣка. Бисмаркъ представляетъ до такой степени цѣльный типъ, всѣ политиче-

скія черты его умственной и нравственной физіономіи, всѣ факторы его психическаго существованія до такой степени связаны между собой, что ихъ очень трудно отдѣлить другъ отъ друга и разобрать въ этой отдѣльности. Въ этомъ отношеніи Ренанъ правъ, утверждая, что Бисмаркъ трудно поддаетя анализу, т.-е. разложенію на простые элементы. Еслибы можно было изображать психическую сторону человѣка графически, то большинство цивилизованныхъ людей пришлось бы выразить кривыми болѣе или менѣе неправильными и незамкнутыми. Но найдется нѣсколько и такихъ людей, духъ которыхъ выразится правильнымъ кругомъ и во всякомъ случаѣ замкнутою кривой, въ которой нѣтъ возможности указать начало и конецъ. Такіе круглые люди приносятъ съ собой въ міръ добро или зло, но всегда являются нѣкотораго рода лавинами, съ ужасающею силою давящими на своемъ пути всѣхъ и все. Ихъ отношеніе ко всему, лежащему за предѣлами ихъ собственной замкнутой линіи, трудно опредѣлимо. Отношеніе это во всякомъ случаѣ отрицательно, но это не презрѣніе, потому что презрѣніе предполагаетъ пониманіе, а круглые люди не понимаютъ ничего, лежащаго внѣ ихъ круга; это и не ненависть и не боязнь, потому что круглые люди ничего не боятся. Они *топчутъ* все, не огороженное ихъ собственнымъ кругомъ,—иначе нельзя охарактеризовать ихъ дѣятельность.

Таковы многіе фанатики, таковъ и Бисмаркъ, хоть его нельзя назвать вполнѣ фанатикомъ. Почему графъ Бисмаркъ топчетъ критику, боязнь отвѣтственности, всякіе принципы? На этотъ вопросъ хоромъ отвѣчаютъ всѣ фибры Бисмарка, но именно потому, что онѣ отвѣчаютъ хоромъ, ихъ трудно выслушать въ отдѣльности.

Графъ Бисмаркъ человѣкъ ощущеній. Ему нужна дѣятельность, дающая сильныя ощущенія. Онъ страстный охотникъ и письма его наполнены разсказами о томъ, сколько и какой именно дичи онъ застрѣлилъ, въ Петербургѣ онъ занимался прирученіемъ медвѣдей. Онъ не прочь и отъ болѣе мягкихъ ощущеній низшаго сорта, — отъ хорошаго обѣда, отъ бутылки добраго

вина, отъ остроумной бесѣды. Но прежде всего ему нужна борьба. И этого человѣка, занимающагося прирученіемъ медвѣдей и разбивающаго пивныя кружки объ лобъ своихъ противниковъ, не проведешь обстановкой и формами дѣятельности. Какъ только въ политикѣ наступаетъ затишье и ему приходится довольствоваться «режимомъ парадныхъ выходовъ, трюфелей и орденовъ», какъ онъ однажды выразился, онъ уже тяготится своимъ положеніемъ, онъ хочетъ бросить дѣла, его тянетъ въ его помѣстья, in's Grüne, на охоту. Но въ бурю онъ счастливъ. Его подмываетъ самый процессъ борьбы, и не мало можно найти въ его интимной перепискѣ мѣстъ, гдѣ онъ по поводу нависающей надъ Европою грозы потираетъ себѣ руки. Напримѣръ въ 1858 г. онъ писалъ: «Бамбергскій дипломатъ (Бейстъ?) толкуетъ о континентальномъ союзѣ противъ прусской агитаціи, о союзѣ трехъ императоровъ противъ насъ и о новомъ Ольмюцѣ. Словомъ въ политическомъ мірѣ становится веселѣе». Когда жажда дѣятельности достигаетъ такого предѣла, критика и боязнь отвѣтственности должны остаться за штатомъ. Это тормазы, и графъ Бисмаркъ топчетъ ихъ.

Конечно одной жажды дѣятельности мало для объясненія всетоптанія, какому на глазахъ оторопѣлой Европы предается Бисмаркъ. Жажда дѣятельности сама по себѣ не исключаетъ ни критики, ни теоретическихъ основъ. Но и всѣ остальные элементы психической физіономіи Бисмарка гонятъ его въ тотъ же уголъ, къ тому же всетоптанію, причемъ жажда дѣятельности является могущественнымъ ферментомъ. Бисмаркъ топчетъ критику и принципы не только потому, что они стѣсняютъ свободу его движенія, а и потому, что онъ неспособенъ къ критикѣ. А неспособенъ онъ къ ней опять-таки по многимъ причинамъ, съ разныхъ сторонъ ведущимъ къ одному и тому же результату. Онъ неспособенъ къ ней вопервыхъ по своему темпераменту, по своей крайней нетерпѣливости, по врожденной привычкѣ либо повелѣвать, либо повиноваться, привычкѣ, воспитанной въ цѣломъ ряду поколѣній его предковъ—прусскихъ юнкеровъ, т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ и офицеровъ прусской арміи. Да-

лѣе, Бисмаркъ неспособенъ къ критикѣ и вообще къ умственной, теоретической дѣятельности по складу своего ума. Это умъ крайне тяжелый, неповоротливый; догматическій по преимуществу, умъ крайне близорукій. На этотъ счетъ читатель потребуетъ у насъ пожалуй объясненія, и мы весьма охотно дадимъ его. Что Бисмаркъ не есть собственно человѣкъ мысли,—этого никто не оспариваетъ. Георгъ Іезекіиль, который охотно раздавилъ бы своего героя подъ вавилонской башней физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ блистательныхъ качествъ, утверждаетъ, что «его взоръ не есть взоръ мыслителя, но взоръ человѣка дѣйствія».

Въ 1847—50 годахъ Бисмаркъ нѣсколько потоптался на теоретической почвѣ, но потоптался какъ чистѣйшій догматикъ: «я вѣрю, что власть короля прусскаго получена имъ отъ Бога», «я вѣрю, что еврей не долженъ занимать высокаго положенія въ христіанскомъ государствѣ», «это столкновеніе можетъ быть рѣшено только желѣзомъ»,—вотъ все, что могъ выжать изъ себя Бисмаркъ въ качествѣ депутата. Если мы взглянемъ на его рѣчи, депеши, письма позднѣйшаго времени, то увидимъ, что онъ здѣсь уже и не пытается стать на теоретическую почву, а или довольствуется чисто практическими доводами: то-то выгодно, а то-то невыгодно, или же обращается исключительно къ чувству своихъ слушателей и корреспондентовъ. Онъ вездѣ приказываетъ, проситъ, но нигдѣ не доказываетъ. Но если никто не признаетъ графа Бисмарка человѣкомъ спекулятивной мысли, то тѣмъ не менѣе самая низкая оцѣнка его умственныхъ качествъ сводится къ характернымъ русскимъ выраженіямъ: «умная бестія» и «ловкая шельма». Это самое малое. Большинство же писавшихъ о графѣ Бисмаркѣ склонны находить въ немъ умъ «сильный», «необыкновенный», «обширный», «проницательный» и т. п. Эпитеты эти прилагаются впрочемъ къ личности канцлера Сѣверо-Германскаго союза довольно неопредѣленно, т. е. сами употребляющіе ихъ не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ своихъ словахъ. Большинство нѣмцевъ, и преимущественно изъ партіи національныхъ либераловъ, идутъ еще дальше.

Вышеупомянутый Лудвигъ Бамбергеръ говоритъ: «великія дѣла—дѣла устойчивыя,—а устойчиво дѣло только тогда, когда оно соотвѣтствуетъ общей потребности, высшей необходимости: здѣсь лежитъ разница между государственнымъ человѣкомъ и искателемъ приключеній. Одинъ руководится въ своихъ предпріятіяхъ общимъ ходомъ идей и событій, другой хватается за преходящій фактъ; одинъ принимаетъ въ соображеніе вѣчные законы бытія, другой—благопріятную минуту. Въ этомъ смыслѣ графъ Бисмаркъ имѣетъ полное право называться государственнымъ человѣкомъ, каковы бы ни были его ошибки и заблужденія. Прошелъ съ небольшимъ годъ (Бамбергеръ пишетъ въ 1868 году) съ тѣхъ поръ, какъ Германія, благодаря его иніацитивѣ, вступила на новый путь развитія, а ужъ устойчивость сдѣланнаго не составляетъ ни для кого вопроса» Какъ! Такъ и въ самомъ дѣлѣ «вѣчные законы бытія» требовали той возмутительной рѣзни и грабежа, какіе совершаются теперь на западѣ? И въ самомъ дѣлѣ прусская цивилизація, вызванная къ жизни графомъ Бисмаркомъ,—да проститъ Богъ глупцамъ, радующимся ей,—летитъ на насъ по вѣчнымъ законамъ бытія? И въ самомъ дѣлѣ тотъ милитаризмъ, который уже охватилъ всю Европу отъ верхняго края до нижняго, соотвѣтствуетъ «общей потребности», «высшей необходимости»? Надо замѣтить, что Бамбергеръ писалъ свой очеркъ дѣятельности современнаго героя современной Германіи для французовъ (онъ былъ сначала напечатанъ по французски). Но какъ истый нѣмецъ онъ не задумался преподнести чужому народу Бисмарковское объединеніе Германіи подъ соусомъ вѣчныхъ законовъ бытія и высшей необходимости. Такое ослѣпленіе личностью Бисмарка обнаруживается впрочемъ преимущественно въ средѣ національныхъ либераловъ. Въ послѣднее время Бисмарку приходится иногда выслушивать со стороны другихъ партій далеко не столь лестные отзывы о своей дѣятельности. 11-го января нынѣшняго года въ баварской палатѣ депутатовъ обсуждались союзные договоры между Баваріей и Сѣверо-Германскимъ союзомъ. Одинъ изъ ораторовъ, Іёргъ, сказалъ между прочимъ: «было время, когда стѣны этой залы дро-

жали отъ проклятій политикѣ желѣза и крови, когда нѣкоторые ораторы не хотѣли произносить имени Бисмарка, чтобы не марать своихъ устъ. Что касается меня, то я считаю его отчаяннымъ, но счастливымъ игрокомъ и желаю, чтобы счастье служило ему до конца, потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы поплатиться за него народу, судьбою котораго онъ руководитъ.» Страшный приговоръ!

Что же такое графъ Бисмаркъ,—отчаянный игрокъ, или государственный человѣкъ, руководящійся общимъ ходомъ идей и событій, вѣчными законами бытія? Мнѣніе Іёрга есть ересь, и всякій нѣмецъ, у котораго былъ еще недавно свой король въ Швабіи, безъ сомнѣнія горячо вступится за своего объединителя и опруссителя. За графомъ Бисмаркомъ повидимому окончательно установилась репутація тонкаго и проницательнаго политика. Всѣ полагаютъ, что онъ очень хорошо знаетъ, куда онъ идетъ и куда ведетъ за собой Германію. Онъ идетъ такъ твердо, такъ рѣшительно, такъ безъ оглядки, съ такимъ наконецъ успѣхомъ. А между тѣмъ Іёргъ правъ: графъ Бисмаркъ отчаянный, но счастливый игрокъ. Изо всѣхъ вещей, надъ которыми веселый канцлеръ на своемъ вѣку посмѣялся, смѣшнѣе всего должны ему казаться толки фельетонистовъ и авторовъ газетныхъ передовыхъ статей о его политической проницательности. Этому своему дарованію онъ очень хорошо знаетъ цѣну. Однажды онъ писалъ женѣ: «я дѣлаю удивительные успѣхи въ искусствѣ нагораживать кучи словъ, пишу отчеты въ нѣсколько листовъ, которые читаются легко, какъ передовая статья; но если, прочитавъ ихъ, Мантейфель можетъ сказать, что онъ прочиталъ, то онъ знаетъ больше меня. Каждый изъ насъ думаетъ о другомъ, что онъ биткомъ набитъ проектами и идеями, и все-таки никто изъ насъ ничего не знаетъ. Самый злобный скептикъ изъ демократовъ не можетъ себѣ представить, что за шарлатанская штука эта дипломатія». Драгоцѣнное признаніе и полезный урокъ для тѣхъ, кто полагаетъ, что графъ Бисмаркъ есть нѣчто большее, чѣмъ печальная съ боку припека къ общему ходу идей и событій и къ вѣчнымъ законамъ бытія. Политикъ безъ

политическихъ принциповъ и дипломатъ, признающій дипломатію шарлатанствомъ,—вотъ что́ такое графъ Бисмаркъ. Его политика есть политика инстинкта или пожалуй вдохновенія. Бамбергеръ самъ говоритъ: «Дипломатическое теченіе увлекало его иногда въ такія противорѣчія съ самимъ собой, что его можно было бы обвинить въ слишкомъ большой довѣрчивости къ своему импровизаціонному таланту. Его способъ пользоваться обстоятельствами напоминаетъ иногда выраженіе того романиста, который, характеризуя свое вдохновеніе, говорилъ: когда стучатся въ дверь моего героя, я еще самъ не знаю, кто войдетъ въ комнату». Можно бы было сказать, что графъ Бисмаркъ движется ощупью, еслибы онъ дѣйствовалъ менѣе рѣшительно и болѣе боялся отвѣтственности. Все его искусство состоитъ именно въ умѣньи ухватываться за шероховатости почвы. Ухватившись за что-нибудь сегодня, онъ вовсе не думаетъ о томъ, въ какое положеніе это обстоятельство его поставитъ завтра. Онъ знаетъ, что и завтра онъ останется тѣмъ же ловкимъ и наглымъ Бисмаркомъ, который сумѣетъ выпутаться; не пецытеся убо объ утрѣ,—довлѣетъ дневи злоба его. Посмотрите на его рѣчи: это образцы фехтовальнаго искусства, искусства, требующаго, какъ извѣстно, инстинктивной находчивости и быстроты безъ всякаго признака мысли и обдумыванія. Обдумываніе здѣсь даже вредитъ. Неопытные фехтовальщики грѣшатъ обыкновенно тѣмъ, что смотрятъ на рапиру или на эспадронъ противника и разсчитываютъ, что вотъ онъ ударитъ вправо, я отпарирую и т. д. Опытный фехтмейстеръ не обращаетъ никакого вниманія на рапиру партнера, онъ смотритъ ему въ глаза и тамъ читаетъ враждебныя намѣренія, но читаетъ какъ-то совершенно безсознательно и потому быстро: задумайся онъ на одну секунду и онъ пропалъ. Бисмаркъ именно такимъ образомъ ведетъ свои дѣла. Въ рѣчахъ своихъ онъ просто фехтуетъ многочисленными двусмысленностями созданной имъ сѣверо-германской конституціи, Соединеніе въ одномъ лицѣ такихъ трехъ концентрически входящихъ другъ въ друга званій, какъ прусскій король, президентъ Сѣверо Германскаго союза и главнокомандующій войсками

сѣверной и южной Германіи, или союзный канцлеръ, представитель Пруссіи въ верхней палатѣ и прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, три парламента и т. п.,—всѣ эти безсмысленности, двусмысленности и трехсмысленности идутъ въ ходъ, чтобы довлѣла дневи злоба его, и притомъ *дневи* почти въ буквальномъ смыслѣ слова. Событіями графъ Бисмаркъ фехтуетъ точно такъ же, какъ и статьями сѣверо-германской конституціи. Думалъ ли онъ о всѣхъ возможныхъ послѣдствіяхъ затѣваемой имъ въ 1866 году игры въ славянскихъ и венгерскихъ земляхъ? Конечно нѣтъ. Онъ видѣлъ только ближайшее слѣдствіе—конечный разгромъ Австріи, а дальше сложилась бы новая комбинація фактовъ, которой онъ не хотѣлъ и не могъ предвидѣть, но среди которой онъ несомнѣнно продолжалъ бы болѣе или менѣе удачно фехтовать. Когда графъ Бисмаркъ обнародовалъ писанный рукою Бенедетти проектъ раздѣла Европы между Пруссіей и Франціей, онъ обвинялъ передъ цѣлымъ міромъ этого барана-дипломата и его правительство. Но онъ не провелъ никого. Да онъ и не хотѣлъ никого провести. Это былъ просто одинъ изъ «выпадовъ» (техническій терминъ фехтовальнаго искусства), и притомъ выпадъ неудачный. Имѣлось въ виду произвести неблагопріятное для Франціи впечатлѣніе, а между тѣмъ, обнародывая такой компрометирующій его документъ, Бисмаркъ выказалъ гораздо болѣе наглости, презрѣнія къ международному праву и общественному мнѣнію Европы, чѣмъ Бенедетти и его правительство, хотя бы даже инціатива проекта дѣйствительно принадлежала имъ. Ошибка произошла оттого, что графъ Бисмаркъ вѣроятно призадумался, не настолько, чтобы бросить фехтовку совсѣмъ, но ровно настолько, сколько нужно, чтобы сдѣлать невѣрный выпадъ: фехтмейстеру думать не полагается. Точно такъ же неудаченъ былъ выпадъ, когда Бисмаркъ развернулъ передъ изумленной Европой потрясающую картину голода двухмильйоннаго населенія Парижа и полумиліона облегающихъ его нѣмецкихъ войскъ. Кого провелъ онъ, сваливая отвѣтственность за возможность такого ужаснаго событія, достойнаго начать собою эпоху новой цивилизаціи, на

правительство народной обороны? Быть можетъ Бисмаркъ думалъ повліять на мягкія сердца членовъ временнаго правительства, завѣдомо страдающихъ болѣзнями вѣка. Конечно лучше бы было ему вовсе не думать: наглость не достигла бы тогда по крайней-мѣрѣ высоты наивности. Мы не можемъ разумѣется назвать Бисмарка бездарностью. Напротивъ, это въ своемъ родѣ человѣкъ чрезвычайно талантливый. Но именно родъ-то его талантливости таковъ, что исключаетъ собою всѣ высшія умственныя и нравственныя силы. Фехтовальщикъ Бисмаркъ безспорно удивительный, но для фехтованія требуется только безсознательность и самоувѣренность. Пчела дѣлаетъ удивительныя вещи. Она строитъ такія ячейки, какихъ человѣку никогда не сдѣлать, и она дѣлаетъ ихъ такъ блистательно потому, что дѣйствуетъ совершенно безсознательно, по унаслѣдованному инстинкту. Есть сферы дѣятельности, — безспорно низшія,—въ которыхъ рефлексія, критика могутъ только вредить, такъ-какъ онѣ парализируютъ до извѣстной степени быстроту и увѣренность дѣятеля. Конечно управленіе судьбами народовъ не можетъ быть отнесено къ числу низшихъ сферъ человѣческой дѣятельности, но Бисмаркъ входитъ въ эту область съ такой стороны, которая принижаетъ ее; онъ спускаетъ ее до своего собственнаго уровня, потому что самъ не можетъ подняться въ ней до надлежащей высоты. Если разсказъ Бенедетти о происхожденіи написаннаго его рукою проекта справедливъ, если Бисмаркъ дѣйствительно фокуснические образомъ заставилъ французскаго дипломата такъ глупо провалиться, то это конечно очень ловкая штука. Но это—жонглерство, а такъ какъ Бисмаркъ и самъ считаетъ дипломатію шарлатанствомъ, то мы, больные болѣзнями вѣка, нечуждые сантиментальныхъ слабостей, критики и боязни отвѣтственности, можемъ сказать: «мы, люди маленькіе, люди невидные, мы по малой мѣрѣ не ниже этого майора, держащаго въ своихъ рукахъ судьбы Европы. Мы по малой мѣрѣ не ниже его ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи». И это будетъ очень скромно...

Повторяемъ, графъ Бисмаркъ—цѣльный типъ. Всѣ факторы

его психическаго существованія—его фехтовальная ловкость, безпримѣрная наглость, отсутствіе охоты и способности къ критикѣ и къ мышленію вообще—находятся въ полной гармоніи и постоянно напрягаются совершенно равномѣрно. Почему графъ Бисмаркъ такъ дерзокъ и наглъ? Потому что онъ презираетъ всякіе политическіе принципы. Почему онъ ихъ презираетъ? Потому что ему нужна практическая дѣятельность, притомъ такая, которой принципы только мѣшаютъ. Почему ему нужна такая дѣятельность? Потому что онъ неспособенъ къ критикѣ, неспособенъ какъ по своему умственному складу, такъ и по особенностямъ нравственнаго характера. Все здѣсь связано въ одинъ клубокъ, въ которомъ нельзя разобрать ни конца, ни начала. Графъ Бисмаркъ, какъ уже сказано, человѣкъ круглый. Именно эта закругленность, простота, несложность и вмѣстѣ съ тѣмъ компактность, законченность составляетъ силу графа Бисмарка. Именно она даетъ ему возможность быть такимъ несравненнымъ политическимъ фехтмейстеромъ, далеко превосходящимъ въ своемъ искусствѣ Наполеона III, кругъ идей котораго гораздо шире, и которому поэтому, независимо отъ разницы между Франціей и Пруссіей, фехтовать несравненно труднѣе. Но въ той же закругленности лежитъ и слабость графа Бисмарка. Именно благодаря ей, онъ не можетъ идти вровень съ «общимъ ходомъ идей и событій», и до конца дней своихъ останется только фехтмейстеромъ. А такъ-какъ жизнь не въ примѣръ сложнѣе личныхъ силъ графа Бисмарка, то рано или поздно онъ сорвется быть можетъ столь же позорно, какъ седанскій герой; быть можетъ это время недалеко.

На графа Бисмарка устремлены глаза всего міра, всѣ стараются заглянуть въ его голову и разгадать, что тамъ творится. Одни отступаютъ съ негодованіемъ, другіе отходятъ съ надеждой; третьи, какъ американскій посланникъ въ Берлинѣ Банкрофтъ, спокойно рѣшаютъ, что графъ «занятъ труднымъ дѣломъ обновленія Европы»; четвертые, какъ Ренанъ, приходятъ къ тому заключенію, что онъ еще не поддается анализу, да можетъ быть и никогда ему не поддастся. Но Господь Богъ,

снабдившій въ экстренномъ случаѣ даромъ слова даже ослицу Валаамову, вложилъ истину въ уста убогаго Георга Іезекіиля. Сочинитель этотъ—едва ли снисходительное солнце Германіи когда либо освѣщало собою болѣе холопскую литературную физіономію—утверждаетъ, что графъ Бисмаркъ былъ и есть не что иное, какъ вѣрный вассалъ прусскаго короля, что въ дѣйствіяхъ своихъ онъ не руководится ничѣмъ, кромѣ личной преданности къ прусскому королевскому дому. Это — сама истина. Надо замѣтить, что Бисмаркъ очень часто въ разговорахъ и перепискѣ говоритъ о своей личной преданности къ королю и о фамильныхъ преданіяхъ, которыми эта преданность отчасти обусловливается. Дѣйствительно очень старинный родъ Бисмарковъ всегда вѣрою и правдою служилъ въ качествѣ вассаловъ бургграфамъ нюренбергскимъ, маркграфамъ и курфюрстамъ бранденбургскимъ, нынѣ королямъ прусскимъ и императорамъ германскимъ. Бисмаркамъ не впервой оказывать своимъ сюзеренамъ существенныя услуги. (Кстати, для насъ, русскихъ, небезъинтересно, что при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I одинъ изъ Бисмарковъ, убивъ лакея, бѣжалъ въ Россію, породнился съ Бирономъ и при паденіи временщика былъ сосланъ въ Сибирь, откуда впрочемъ кажется былъ скоро возвращенъ. Другой Бисмаркъ служилъ въ Россіи при императорѣ Николаѣ Павловичѣ). Графъ Отто Бисмаркъ строго слѣдуетъ фамильнымъ преданіямъ. Собственно говоря, Бисмаркъ равно далекъ отъ юнкеровъ и соціальныхъ демократовъ, національныхъ либераловъ и прогрессистовъ. И это вовсе не потому, что онъ не укладывается въ рамки наличныхъ прусскихъ партій, не потому, что онъ слишкомъ широкъ для нихъ. Указывая на это отношеніе къ прусскимъ политическимъ партіямъ, мы отнюдь не думаемъ проповѣдывать

Недоумѣніе нулей
Къ какой пристать имъ единицѣ.

Всякая партія исповѣдуетъ извѣстную теорію, извѣстные принципы, и еслибы графъ Бисмаркъ имѣлъ нѣчто подобное, то не было бы ничего удивительнаго, еслибы онъ расходился хотя бы и со всѣми наличными партіями. Это говорило бы только о

его силѣ и оригинальности. Но графъ Бисмаркъ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ принциповъ. Онъ дышетъ одною личною преданностью къ прусскому королевскому дому. Принципы монархизма, консерватизма, національности, либерализма, демократизма и проч. ему одинаково чужды. Изо всего этого онъ можетъ въ случаѣ надобности съ спокойною совѣстью сварить какую угодно кашу. Его кирасирская рука въ бѣломъ рукавѣ съ желтыми отворотами одинаково свободно сниметъ корону у короля ганноверскаго и надѣнетъ кандалы на какого-нибудь Либкнехта или Бебеля. Въ этомъ именно состоитъ его отличіе отъ политиковъ-теоретиковъ. У тѣхъ есть нѣкоторая святая святыхъ, независимая отъ ихъ личныхъ привязанностей и, какъ мы видѣли, даже отъ ихъ личныхъ выгодъ. Въ бесѣдѣ съ однимъ французскимъ журналистомъ союзный канцлеръ выразился между прочимъ такъ: «По своей фамиліи, по своему воспитанію, я прежде всего человѣкъ короля» (въ нѣмецкомъ переводѣ: bin ich vor allem der Mann des Königs). И далѣе: «Палата упрямится съ одной стороны, правительство съ другой. Въ этомъ столкновеніи я слѣдовалъ за королемъ. Меня обязывали къ тому мое уваженіе къ нему, все мое прошедшее, всѣ преданія моей фамиліи». Конечно всякій ошибся бы, еслибы вывелъ изъ этихъ словъ заключеніе, что Бисмаркъ во всемъ слѣпо слѣдуетъ за королемъ Вильгельмомъ, да этого Бисмаркъ и не хотѣлъ и не могъ сказать. Не имѣя подъ рукой такого искуснаго фехтмейстера, король Вильгельмъ самъ по себѣ безъ сомнѣнія слѣдовалъ бы политикѣ своего брата и отца. Извѣстно, что король былъ противъ войны съ Австріей, и графъ Бисмаркъ для полученія отъ него согласія прибѣгалъ чуть не къ фальсификаціи документовъ и во всякомъ случаѣ къ передержкамъ: онъ возбуждалъ полемику между офиціозными прусскими и австрійскими газетами и показывалъ королю оскорбительныя для Пруссіи выходки австрійской журналистики, умалчивая о вызвавшихъ эти выходки прусскихъ статьяхъ. Но хотя въ большинствѣ случаевъ Бисмаркъ не только не слѣдуетъ за королемъ, а напротивъ его ведетъ за собой, обстоятельство это нисколько разумѣется не мѣ-

шаетъ Бисмарку быть Mann des Königs. Георгъ Іезекіиль справедливо замѣчаетъ, что здѣсь именно лежитъ ключъ разгадки кажущихся противорѣчій дѣятельности Бисмарка и что въ основаніяхъ своихъ Бисмаркъ и нынѣ остается такимъ же, какимъ былъ въ 1847—49 годахъ. Въ этомъ отношеніи нападки на убогаго Іезекіиля, напримѣръ, анонимнаго англійскаго біографа графа Бисмарка совершенно неосновательны. Графъ Бисмаркъ не проповѣдуетъ нынѣ, какъ въ 1847—49 годахъ, ни принципіальной вражды къ парламентаризму, ни вотчиннаго суда и полиціи, ни политической неправоспособности евреевъ. Онъ однимъ словомъ не можетъ съ прежнею искренностью и смѣлостью сказать, что онъ съ молокомъ матери всосалъ мрачный духъ средневѣковья, что онъ юнкеръ и гордится этимъ. Свое старое вульгарное юнкерство, котораго отчасти и до-сихъ-поръ держатся его былые товарищи, онъ бросилъ. Дикій юнкеръ теперь такъ-же смѣшонъ Бисмарку, какъ смѣшонъ Жюль Фавръ, мечтавшій тронуть его, Бисмарково, сердце разсужденіями о правѣ и цивилизаціи. «Мало существуетъ вещей или людей, надъ которыми графъ Бисмаркъ не рѣшился бы посмѣяться», говоритъ упомянутый англійскій біографъ союзнаго канцлера. Есть однако одна вещь, надъ которою графъ Бисмаркъ никогда не смѣялся и никогда не засмѣется,—это слава и величіе короля прусскаго. На этотъ алтарь онъ принесетъ какія угодно кровавыя жертвы. Какъ Mann des Königs онъ и теперь все тотъ же, какимъ былъ въ 1847 году. Тенденція книги Іезекіиля, говоритъ тотъ же англійскій біографъ, состоитъ въ томъ, чтобы «показать, что графъ Бисмаркъ даже въ своихъ недавнихъ перемѣнахъ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ феодальнымъ ученіямъ». Это вѣрно, но въ мнѣніи Іезекіиля есть значительная доля правды, а «недавнимъ перемѣнамъ» придается обыкновенно совершенно фальшивое освѣщеніе. Нѣмцы вѣрятъ, что ихъ герой съ 1851 года внезапно вдохновился идеей національности и германскаго единства. Смѣшнѣе всего, когда тѣ же нѣмцы указываютъ на сходство политики Бисмарка съ политикой Фридриха II-го и предаются при этомъ совершенно фантастическимъ надеждамъ. Не

говоря уже о томъ, какъ мало рекомендуетъ политику XIX вѣка слишкомъ большое сходство съ политикой прошлаго столѣтія, сходство политики Бисмарка съ политикой Фридриха можетъ служить косвеннымъ свидѣтельствомъ близорукости національныхъ либераловъ и тщетности ихъ надеждъ. Фридрихъ уже разумѣется не руководился идеею національности, онъ, такъ глубоко презиравшій все нѣмецкое, и если онъ и не прочь былъ объединить Германію, то въ такой же мѣрѣ, въ какой не отказался бы объединить и всю Европу. Онъ тутъ просто держался правила Людовика XIV: «увеличивать предѣлы государства есть самое пріятное и достойное занятіе государей». При всей своей умственной чуткости Фридрихъ не держался иныхъ принциповъ въ политикѣ. Онъ дѣйствовалъ исключительно какъ König точно также, какъ графъ Бисмаркъ дѣйствуетъ исключительно какъ Mann des Königs. При всѣхъ своихъ реформаторскихъ наклонностяхъ Фридрихъ былъ въ этомъ отношеніи далеко ниже своихъ современниковъ, Екатерины II и Іосифа II, ниже именно по отсутствію того, что̀ мы называемъ святая святыхъ. Лессингъ въ письмѣ къ Николаи такъ характеризировалъ правленіе Фридриха: «Въ офранцуженномъ Берлинѣ свобода думать и писать сводится на свободу высказывать какія угодно глупости насчетъ религіи. Пусть кто-нибудь попробуетъ въ Берлинѣ писать о чемъ нибудь другомъ такъ же свободно, какъ писалъ въ Вѣнѣ Зонненфельсъ, пусть здѣсь кто нибудь попробуетъ проповѣдывать чванной придворной толпѣ тѣ истины, которыя онъ высказывалъ, пусть кто-нибудь въ Берлинѣ осмѣлится поднять голосъ въ защиту правъ подданныхъ противъ деспотизма и эксплуатаціи, хоть такъ, какъ это дѣлается теперь во Франціи и въ Даніи— и вы увидите тогда, какое государство до-сихъ-поръ еще наиболѣе рабское въ Европѣ». Фридрихъ былъ насквозь пропитанъ военно-аристократическими предразсудками. Онъ не допускалъ мысли, чтобы офицеромъ могъ быть не дворянинъ *), или даже,

*) Въ «Зарѣ» была недавно напечатана статья «Прусская армія въ 1869 году». Авторъ описываетъ между прочимъ свое свиданіе съ Мольтке. Тотъ

чтобы офицеръ могъ жениться на мѣщанкѣ. Одному *тайному совѣтнику* онъ въ видѣ особой милости далъ чинъ *поручика*. И при этомъ не надо забывать, что Фридрихъ II былъ все-таки вольнодумецъ, другъ и почитатель Вольтера, чего о графѣ Бисмаркѣ ни въ какомъ случаѣ сказать нельзя.

Весьма характерно для графа Бисмарка то обстоятельство, что, какъ онъ самъ говорилъ, онъ «не чувствуетъ призванія къ веденію внутреннихъ дѣлъ», что онъ чувствуетъ себя хорошо только въ области дѣлъ иностранныхъ. Это зависитъ отъ многихъ причинъ. Вопервыхъ, какъ ни много оставляютъ желать существующія въ Европѣ гарантіи частныхъ правъ, но настоящая война показала, что международное право далеко не можетъ съ ними сравниться, что въ цѣломъ это возмутительно-потѣшное право представляетъ только безпорядочную кучу оскорбительныхъ для человѣческаго достоинства фикцій. Хотя графъ Бисмаркъ и во внутреннихъ дѣлахъ остается самимъ собой, но внутреннія дѣла по самой сущности своей не даютъ столько простора, какъ иностранныя, для борьбы во вкусѣ союзнаго канцлера. Признаніе Бисмарка въ нерасположеніи къ внутреннимъ дѣламъ помимо своей характерности для него, весьма важно, какъ указаніе чего вправѣ ждать Европа отъ Пруссіи, пока во главѣ ея стоитъ этотъ человѣкъ. Король-императоръ прусско-германскій выразилъ правда пожеланіе, чтобы преуспѣяніе Германіи шло на будущее время путемъ не завоеваній, а мирнаго прогресса. Но если графъ Бисмаркъ не чувствуетъ расположенія къ веденію мирнаго прогресса, если онъ дышетъ только иностранною политикою, которую впрочемъ признаетъ шарлатанствомъ, то надежды и обѣщанія короля Виль-

---

ему сказалъ, что приказъ нашего военнаго министра, въ силу котораго всякій рядовой, какого бы онъ ни былъ происхожденія, имѣетъ возможность черезъ восемь лѣтъ сдѣлаться офицеромъ,—«произвелъ сильное впечатлѣніе въ прусской арміи». «Несмотря на всю справедливость и разумность этой мѣры, говорилъ Мольтке, мы *даже* для своей арміи считаемъ ее преждевременною». Это *даже* въ устахъ пруссака весьма стравно.

гельма сводятся къ наполеоновскому: «имперія — это миръ». Будемъ надѣяться, что прочный миръ надолго, навсегда посѣтитъ гордую своею наукою и промышленностью Европу. Но къ сожалѣнію это надежда крайне шаткая, пока Германіей руководитъ графъ Бисмаркъ. Не одно его бреттерство—онъ слишкомъ фехтмейстеръ, чтобы не быть бреттеромъ — ручается за новыя бури и грозы въ ближайшемъ будущемъ. За это ручается самая суть его политики: онъ вѣритъ, что «распространеніе предѣловъ государства есть самое пріятное и достойное занятіе государей», онъ Mann des Königs. Замѣтимъ, что прусское дворянство испоконъ вѣку, какъ никакое другое дворянство, предано королю. Англійскій посланникъ лордъ Мальмсбюри писалъ въ 1726 году: «Въ тщеславіи своемъ они (прусскіе дворяне) воображаютъ видѣть собственное величіе въ величіи своего монарха. Невѣжество заглушаетъ въ нихъ всякое понятіе о свободѣ и о возможности сопротивленія насилію. Отсутствіе нравственности дѣлаетъ ихъ готовыми орудіями для исполненія какихъ бы то ни было приказаній. Они никогда не размышляютъ на сколько справедливы эти приказанія». Пятьдесятъ лѣтъ спустя то же самое замѣчаетъ Георгъ Форстеръ, но его приговоръ нѣсколько мягче или пожалуй нѣсколько жестче. Форстеръ удивлялся не тому, что эта особенность существуетъ у людей невѣжественныхъ, а тому, что ей причастны самые образованные и умные прусскіе люди. Прусскіе юнкеры и нынѣ склонны видѣть собственное величіе въ величіи своего монарха. Но это личное чувство сопрягается въ нихъ съ цѣлымъ кругомъ понятій о правѣ и справедливости. Они имѣютъ свое древо познанія добра и зла. Подъ сѣнію этого древа сидѣлъ нѣкогда и графъ Бисмаркъ, и тогда онъ былъ чистымъ феодаломъ. Но онъ не высидѣлъ, потому что, какъ ни жидка сѣнь юнкерскаго древа познанія добра и зла, она все-таки давала столько работы мысли, сколько Бисмаркъ вмѣстить въ себѣ не можетъ. Опять-таки мы не думаемъ говорить, что Бисмаркъ глупъ или что онъ глупѣе всякаго заскорузлаго юнкера. Напротивъ именно потому, что онъ умнѣе многихъ юнкеровъ, онъ долженъ былъ рано или

поздно увидѣть несостоятельность юнкерскаго катехизиса. Но онъ сорвался съ теоретической цѣпи не только поэтому, а и по всестороннему инстинктивному отвращенію ко всякаго рода теоріямъ и принципамъ. Притомъ-же, эманципировавшись отъ юнкерскихъ принциповъ, Бисмаркъ и въ глубинѣ души и практически все-таки остается юнкеромъ, но юнкеромъ разнузданнымъ. Графъ Бисмаркъ не знаетъ и знать не хочетъ ни феодальныхъ, ни нефеодальныхъ принциповъ, но именно поэтому руководящее имъ личное чувство носитъ на себѣ очевидную печать феодализма. Преданность вассала своему сюзерену была чисто личнымъ чувствомъ, безъ всякихъ теоретическихъ основъ. Обязанность службы съ одной стороны и обязанность покровительства съ другой (не даромъ Бисмаркъ говоритъ, что германская цивилизація несетъ съ собой «систему обязанностей» на смѣну французской «системы правъ», низвергнувшей феодализмъ), связывавшія леннаго владѣльца съ его сюзереномъ, стояли внѣ всякихъ теорій, внѣ всякихъ понятій о благѣ народа, о справедливости, о національности и т. п. И эту черту феодализма графъ Бисмаркъ воскрешаетъ своею особой. Но собственно формы феодализма онъ воскрешаетъ конечно въ значительно измѣненномъ видѣ. Въ западной Европѣ вездѣ не только феодализмъ палъ подъ ударами абсолютизма, но и самый абсолютизмъ успѣлъ и расцвѣсть и отцвѣсть. Въ этомъ отношеніи Германія далеко отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей, которые успѣли объединиться въ такую пору, когда кровь и желѣзо были самыми естественными продуктами цивилизаціи. Но и въ Германіи, и въ самой Пруссіи и въ Мекленбургѣ, въ странахъ, гдѣ феодализмъ сохранился въ относительно нетронутомъ видѣ, — существуютъ уже другія историческія силы, сломившія въ другихъ мѣстахъ абсолютизмъ. Эти силы растутъ, за ними тянутся уже другія. Изо всего этого получается такая сложная комбинація, среди которой трудно бы было оріентироваться и не такому круглому человѣку, какъ Бисмаркъ, но въ которой въ то же время фехтовать онъ можетъ. Единственная свѣтлая и различимая для Бисмарка точка въ этомъ густомъ и темномъ лѣсу есть король

прусскій. И вотъ король прусскій дѣлается императоромъ германскимъ. Но это не феодальная имперія. Германскій феодализмъ все-таки имѣлъ нѣкоторое подобіе теоріи въ избирательности императора. Германскій феодализмъ не зналъ наслѣдственной имперіи, и если de facto имперія и стала наслѣдственною въ домѣ Габсбурговъ, то de jure она все-таки была избирательною. Нынѣшняя германская имперія есть имперія позднѣйшей формаціи, формаціи Людовиковъ XIV. Разница только въ томъ, что Людовики XIV боролись съ феодализмомъ, а нынѣшній абсолютизмъ идетъ съ нимъ рука объ руку, но за то у него есть другіе враги, которыхъ не было у Людовиковъ.

Политическая атмосфера такъ-сказать полна Бисмаркомъ, и не только политическая. Портной рекомендуетъ вамъ сукно цвѣта Бисмаркъ. Садовникъ предлагаетъ Бисмаркъ-розу и Бисмаркъ-земляннику. Вы можете выпить бутылку шампанскаго «Бисмаркъ-Шёнгаузенъ», выкурить сигару «Comte de Bismarck» и провальсировать съ миссъ Вильгельминой—Бисмаркъ—Садовой (къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстна фамилія этой дѣвицы), ибо существуютъ и такія сигары, и такое шампанское, и такая молодая англичанка. Въ Познани вамъ покажутъ четыре мѣстечка, пожелавшія и получившія разрѣшеніе соединиться въ одинъ «Бисмарксдорфъ». Есть городъ Бисмаркъ въ Техасѣ, есть такой же городъ въ Миссури. Есть ножи à la Bismarck и коробки спичекъ съ его портретомъ. Въ Венецуеллѣ, какъ разсказываетъ нѣмецкій путешественникъ Герштеккеръ, изображенія канцлера сѣверо-германскаго союза раскупаются на расхватъ. Объ Европѣ и говорить нечего. Въ Берлинѣ вамъ покажутъ надпись надъ дверью одного ткача:

Als Wilhelm wirkt und Bismarck spann,
Gott hatte seine Freude dran. 1866.

Тайный совѣтникъ Dr. фонъ-Арнимъ не отстаетъ и пишетъ у себя надъ дверью:

Lang lebe und blühe König Wilhelm mein Held,
Mit ihm soll behalten Graf Bismarck das Feld!

Король Вильгельмъ упоминается здѣсь больше изъ приличія. Въ сущности на него смотрятъ, какъ и на Мольтке и на фонъ-Роона, какъ на луну при солнцѣ-Бисмаркѣ. Одинъ нѣмецкій поэтъ прямо выражаетъ это, обращаясь къ союзному канцлеру съ такими словами:

Mit Stolz und Freude rühmt das Preussenvolk
Das Heer, den König, der es zum Sieg geführt,
Die tapfere Helden; doch vor allen
Klinget Dein Lob in dem Mund und Herzen!

Поэты воспѣваютъ графа Бисмарка во всѣмъ размѣрахъ. Нѣкій Dr. Шветчке пишетъ даже цѣлую «Бисмаркіаду»...

Очевидно великій человѣкъ готовъ. Раздвиньтесь вы, тѣни великихъ служителей человѣчества, дайте мѣсто, иначе этотъ человѣкъ въ заломленной на затылокъ каскѣ и съ классической физіономіей «добраго малаго» самъ раздвинетъ ваши ряды своей кираспрской рукой...

Въ нашемъ журналѣ неоднократно говорилось, что исторія, какъ и всякій другой процессъ природы, управляется извѣстными общими постоянными законами. Что же значитъ жалкая индивидуальная воля, хотя бы и графа Бисмарка, передъ этими общими могучими причинами? Что значитъ она въ особенности съ точки зрѣнія вышеизложеннаго мнѣнія о графѣ Бисмаркѣ? Не должны ли мы и въ самомъ дѣлѣ преклониться передъ фактомъ и смиренно сказать: это случилось по законамъ исторіи; эта страшная рѣзня, какой давно не видѣлъ свѣтъ, должна была произойти; эти рѣки крови и слезъ текутъ по вѣчнымъ законамъ бытія, за нихъ неотвѣтственъ графъ Бисмаркъ, онъ только орудіе судебъ человѣчества. Это старый вопросъ о свободѣ воли и необходимости, котораго мы здѣсь разумѣется разбирать не станемъ. Мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины. Не безъ причины и человѣческія дѣйствія. Исторія управляется общими постоянными законами, но не они составляютъ прямую, непосредственную при-

чину человѣческихъ дѣйствій. Человѣкъ дѣйствуетъ подъ напоромъ той сѣти условій, среди которыхъ ему приходится жить, а эта сложная, постоянно въ извѣстныхъ предѣлахъ колеблющаяся, постоянно измѣняющаяся, то отливающая, то приливающая сѣть подчинена общимъ, простымъ и постояннымъ законамъ. И независимость человѣка отъ общихъ законовъ исторіи, и его зависимость отъ ближайшаго сочетанія причинъ—относительны. Съ одной стороны есть въ исторіи теченія, съ которыми человѣку, будь онъ семи пядей во лбу, бороться невозможно. Съ другой,—человѣкъ, получивъ причинный толчокъ отъ данной комбинаціи фактовъ, становится къ ней самъ въ отношенія причиннаго дѣятеля и можетъ вліять на нее болѣе или менѣе сильно. Сознательная дѣятельность человѣка есть такой же факторъ исторіи, какъ стихійная сила почвы или климата. Общіе, простые и постоянные историческіе законы намѣчиваютъ предѣлы, за которые дѣятельность личности ни въ какомъ случаѣ переступить не можетъ. Но эти предѣлы еще довольно широки и внутри ихъ могутъ происходить колебанія, приливы и отливы, отзывающіеся весьма чувствительно на долгое время. Въ этихъ предѣлахъ энергическая личность, двигаясь и двигая направо или налѣво, впередъ или назадъ, можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ придать свой цвѣтъ и запахъ цѣлому народу и цѣлому вѣку, хотя конечно существуютъ извѣстныя причины, въ силу которыхъ эта личность могла явиться и имѣть такое вліяніе. Но эти спеціальныя причины могутъ стоять совершенно въ сторонѣ отъ общихъ законовъ исторіи; онѣ могутъ корениться напримѣръ въ случайныхъ особенностяхъ организаціи личности, и тѣмъ не менѣе оказывать сильное вліяніе и на ходъ историческихъ событій. Изъ этого кажущагося противорѣчія выйти не столь трудно, какъ можно думать съ перваго взгляда. Общими законами исторіи опредѣляется тотъ порядокъ, въ которомъ историческіе фазисы неизбѣжно слѣдуютъ другъ за другомъ. Въ этомъ отношеніи всѣ тянущія въ разныя стороны усилія отдѣльныхъ личностей въ среднемъ выводѣ и въ окончательномъ результатѣ нейтрализуются Но не то мы видимъ въ отношеніи скорости, съ ка-

кою историческіе фазисы идутъ другъ другу на смѣну. Здѣсь-то главнымъ образомъ и сказывается значеніе индивидуальной дѣятельности. Безсильная вырыть новое русло для исторіи, личность можетъ однако при извѣстныхъ условіяхъ временно запрудить историческое теченіе или ускорить его быстроту. Если-бы мы могли взглянуть на исторію съ высоты нѣсколькихъ сотъ тысячъ лѣтъ, то при этомъ всѣ отдѣльныя личности оказались бы почти одинаково ничтожными. Но мы живемъ такъ мало, а любимъ и ненавидимъ такъ много, что не можемъ не относиться съ исключительнымъ вниманіемъ къ скорости, съ какою наши надежды и опасенія осѣдаютъ въ область дѣйствительности, а слѣдовательно и къ тѣмъ людямъ, личными усиліями которыхъ эти надежды и опасенія реализируются. Мы отводимъ мѣсто въ Пантеонѣ тѣмъ великимъ людямъ, которые, по вышеприведенному выраженію Бамбергера, «руководятся въ своихъ предпріятіяхъ общимъ ходомъ идей и событій и принимаютъ въ соображеніе вѣчные законы бытія». Мы гонимъ изъ Пантеона тѣхъ проходимцевъ, которые ломятся туда только потому, что они положили свою индивидуальную печать на рядѣ событій, хотя печать эта плоска, а сами они только «хватались за преходящій фактъ и благопріятную минуту». И замѣчательно, что мы инстинктивно очень разборчивы въ наименованіи людей великими. Льстецы и холопы готовы честить этимъ именемъ всякаго, но незаслуженное прозвище само не приклеивается. Вы часто назовете нашего Петра великимъ, вы очень рѣдко назовете великимъ Людовика XIV или Фридриха II; вы, смѣю думать, никогда не назовете великимъ графа Бисмарка, а между тѣмъ первыя три личности въ равной степени занимали вниманіе современниковъ, а мы едва-ли меньше вниманія удѣляемъ графу Бисмарку.

И такъ то обстоятельство, что въ исторіи время отъ времени являются личности, накладывающія свою индивидуальную печать, вовсе не противорѣчитъ законосообразности исторіи: общіе законы завѣдуютъ порядкомъ историческаго движенія, личности вліяютъ на его скорость. Извѣстной правильности подлежитъ и самое появленіе выдающихся, властныхъ личностей. Онѣ вы-

ступаютъ всегда на границѣ двухъ фазисовъ историческаго раз, витія, на точкѣ перелома. Для того, чтобы личность могла давать тонъ исторіи, набросить свой личный колоритъ на эпоху-требуется разумѣется, чтобы она сама попала въ тонъ, чтобы было нѣчто общее между ея задачами и средой, въ которой ей приходится дѣйствовать. Но это «нѣчто», за которое энергическая личность должна ухватиться, чтобы затѣмъ быть въ состояніи затоптать и вырвать изъ почвы все, что въ данной средѣ не гармонируетъ съ ея нравственной и умственной физіономіей, это нѣчто можетъ быть очень различно и по объему и по своему достоинству. Это общее должно существовать непремѣнно, иначе личность израсходуется безъ остатка на донъ-кихотство. Но тѣмъ не менѣе великій человѣкъ долженъ быть въ значительной степени чужимъ окружающей средѣ. Людское величіе состоитъ именно въ той борьбѣ, которую человѣку приходится вынести на своихъ плечахъ. И чѣмъ сильнѣе и ожесточеннѣе идетъ борьба, тѣмъ величественнѣе встаетъ передъ нами вынесшая ее личность. Величіе въ концѣ-концовъ сводится на трудъ, не на тотъ тупой и неосмысленый трудъ, подъ тяжестью котораго изнываетъ большинство человѣчества, а на трудъ, освященный яркою мыслью. Дѣйствительно великіе люди изъ фактически ничтожнаго зерна принципіально важныхъ и плодотворныхъ элементовъ строятъ вѣковѣчное зданіе. Своимъ геніальнымъ умомъ они провидятъ и вызываютъ это родственное зерно изъ-подъ толстой коры враждебной и чуждой имъ нечисти, — и зерно подъ ихъ могучимъ вліяніемъ ростетъ, а нечистая кора сохнетъ и отваливается. Въ такихъ случаяхъ въ началѣ дѣятельности личности ее связываетъ со средой фактически ничтожный перешеекъ, но въ немъ сплочено все, что есть въ средѣ лучшаго, способнаго къ развитію, способнаго составить изъ себя фундаментъ новаго историческаго фазиса. Великіе люди—люди будущаго. Но давать тонъ исторіи могутъ и люди прошедшаго. Если-бы личность могла дѣйствовать только на почвѣ лучшихъ силъ среды, то въ исторіи не было бы никакихъ зигзаговъ, никакихъ попятныхъ движеній. Исторія копитъ въ нѣдрахъ об-

щества массу самыхъ разнообразныхъ инстинктовъ, интересовъ, стремленій, идей, расположенныхъ въ весьма сложномъ, запутанномъ порядкѣ, такъ что въ данную минуту на поверхность могутъ всплыть элементы и побочные, и отнюдь не представляющіе собой лучшихъ силъ среды, отнюдь не соотвѣтствующіе тому, что мы называемъ «требованіями времени». И однако ловкая личность можетъ, ухватившись за нихъ, имѣть успѣхъ, окрасить своимъ цвѣтомъ извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Такая роль можетъ иногда придтись по плечу даже совсѣмъ дюжинной личности. Такъ Наполеонъ III опирался у себя дома на невѣжество крестьянъ, на воспоминанія первой имперіи, продажность отребьевъ французскаго общества, а въ Европѣ—на сочувствіе представителей покойнаго священнаго союза, которые изъ боязни революціи рѣшились допустить на французскій престолъ Бонапарта, въ противность договорамъ 1815 года. Кто посмѣетъ сказать, что исторія не оставила Франціи и Европѣ ничего, кромѣ этихъ элементовъ? А опираясь на нихъ Наполеонъ могъ давать тонъ исторіи не только Франціи, а и всей Европы.

Великіе люди, люди будущаго являются въ такіе моменты исторіи, когда въ обществѣ есть элементы, способные къ развитію, но ихъ немного—если ихъ много, то нѣтъ мѣста величію личности. Вдохнувъ жизнь въ эти плодотворные элементы, давъ имъ толчокъ, люди будущаго тѣмъ самымъ кладутъ основаніе новому историческому фазису. Но эта грань можетъ быть обозначена другими явленіями и другими людьми. Наканунѣ неизбѣжнаго перелома отживающіе элементы, какъ бы предчувствуя свою смерть, выдвигаютъ людей, иногда очень даровитыхъ и энергическихъ, которымъ удается сплотить все ветхое, придать ему страшную силу и, пустивъ въ изумленный міръ этою ужасающею глыбой, запрудить на время теченіе исторіи. Эти люди прошедшаго просто пьянѣютъ отъ своего успѣха, ихъ дерзость не знаетъ границъ, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Но это предсмертныя усилія отживающихъ элементовъ среды. Мухи осенью, передъ смертью, какъ извѣстно, особенно кусли-

вы. Незадолго до паденія римской имперіи императоры стали называть себя богами. Метафизика наканунѣ своей смерти выставила Гегеля. Наканунѣ революціи абсолютизмъ во Франціи выросъ до Людовика XIV. Папская непогрѣшимость и нынѣшняя война—какіе это признаки?

Когда намъ указываютъ на какую-нибудь энергическую, вліятельную личность, какъ на кандидата въ великіе люди, надлежитъ разсмотрѣть вопервыхъ какіе элементы въ окружающей средѣ дали личности точку опоры, съ которой она получила возможность вліять на ходъ событій? вовторыхъ, что можетъ принести съ собой вліяніе этой личности на такія стороны жизни, которыя въ настоящую минуту отступаютъ почему-нибудь на задній планъ, но составляютъ быть можетъ стороны наиболѣе существенныя? въ третьихъ каковы цѣли и средства личности. Понятно какіе отвѣты должны получиться, если личность имѣетъ право на мѣсто въ Пантеонѣ. Мы снимемъ передъ ней шапки и за разлитую ею массу свѣта простимъ тѣ слабости, частныя ошибки, увечелнія, пятна на личномъ характерѣ, безъ которыхъ не обходятся и великіе люди. Трудно судить Манлія въ виду Капитолія, какъ выразился Маколей, говоря о Бэконѣ.

Гдѣ Капитолій графа Бисмарка?

Въ единствѣ Германіи, хоромъ отвѣчаютъ нѣмцы.

Когда наши славянофилы толкуютъ о гніеніи Запада, о его насильственности или другомъ какъ либо непохвальномъ качествѣ, общемъ всей западной Европѣ за все время ея существованія, то они сами не знаютъ, что говорятъ. Европа прошла нѣсколько ступеней развитія, пережила не одинъ историческій фазисъ, изъ которыхъ каждый оставилъ по себѣ болѣе или менѣе глубокій слѣдъ и до сихъ поръ имѣетъ своихъ представителей. Такъ что неомраченному взгляду историка Европа представляетъ чрезвычайно пеструю картину, въ которой каждый можетъ найти себѣ что нибудь по сердцу и что-нибудь такое, отъ чего его, какъ говорится, съ души воротитъ. Въ этой картинѣ можно усмотрѣть три главныя историческія напластованія, представляющіяся намъ въ такомъ видѣ: 1) абсолютизмъ, теоло-

гія, война, владычество крупнаго землевладѣнія; 2) конституціонная монархія, метафизика и цеховая эрудиція, биржа, владычество капитала; 3) наука и право и обязанность труда. Мы ставимъ эту схему афористически, не имѣя возможности предаться здѣсь развитію доказательствъ, которыя отвлекли бы насъ отъ графа Бисмарка за тридевять земель въ тридесятое царство. Читателю придется повѣрить намъ пока на слово. Было время, когда первая историческая формація представляла нетолько господствующій, а и почти единственный слой. Тогда все въ ней было тѣсно сплочено, она представляла нѣчто чрезвычайно плотное и устойчивое. Война составляла жизнь народовъ, она была средствомъ существованія, лежала въ нравахъ, соотвѣтствовала вѣрованіямъ. Неограниченная власть вождя, вызванная потребностями времени, сама питала этотъ военный духъ и католическая церковь благословляла воиновъ на брань. Вслѣдствіе этой компактности и однородности соціальной системы, дѣйствовать въ духѣ времени было легко: личные интересы людей, управлявшихъ машиною, не раздвоивались, не шли въ разрѣзъ съ какими бы то ни было достаточно сильными соціальными элементами. Но вотъ мало по малу процессъ исторіи сталъ вырабатывать новыя силы, уже неукладывавшіяся въ рамки первой формаціи. Историческія волны тамъ расшатали чувства, которыми держалась эта формація, здѣсь подмыли ея теоретическія основы, въ третьемъ мѣстѣ пробили брешь въ сферѣ интересовъ. Цѣльная ткань средневѣковой жизни разорвалась. Машинистамъ пришлось поступиться то этою, то другою составною частью машины, чтобы удержать остальное. Положеніе стало гораздо труднѣе. Оно стало еще труднѣе, когда началъ осѣдать третій историческій слой, когда пришлось бороться не только съ парламентаризмомъ, съ биржей, съ капиталомъ, съ метафизикой, но еще принимать въ соображеніе науку и народный трудъ и ихъ распрю съ предыдущей формаціей. Роль политическаго дѣятеля, желающаго идти, такъ сказать, нога въ ногу съ исторіей, соображаться съ общимъ ходомъ идей и событій, очевидна: онъ долженъ всемѣрно расчищать дорогу пра-

вильной организаціи народнаго труда и торжеству науки. Но не говоря уже о практическихъ трудностяхъ этой задачи, ее можетъ себѣ поставить только человѣкъ, понимающій смыслъ исторіи и неотвлекаемый отъ задачи своимъ личнымъ положеніемъ или своими личными симпатіями и антипатіями. Во всякомъ случаѣ движеніе исторіи въ такой мѣрѣ сильно, что большинство европейскихъ правительствъ давно уже сдѣлало извѣстныя уступки вторичной формаціи—формаціи либерализма и биржи. Каковы бы ни были результаты всеобщей подачи голосовъ во Франціи, но, какъ принципъ, она представляетъ большую уступку, точно также какъ и французскій и прусскій парламентаризмъ, хотя они составляютъ фактически только очень прозрачную модную одежду, сквозь которую просвѣчиваютъ формы абсолютизма. Правительства большинства европейскихъ государствъ давно увлечены роковымъ ходомъ исторіи и замѣнили свои старыя военныя задачи мирными: развитіемъ промышленности и науки, поскольку онѣ не выходятъ изъ предѣловъ вторичной формаціи. Существенный интересъ этой формаціи есть миръ, миръ во что бы то ни стало, хотя бы и позорный, за вычетомъ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда война служитъ интересамъ рынка. Войны ведутся и нынѣ—теперь указывать на этотъ фактъ даже нѣсколько смѣшно — но вопервыхъ и императоръ Наполеонъ и императоръ Вильгельмъ одинаково торопятся заявлять, что «имперія — это миръ»; вовторыхъ ни одна война не предпринимается ради славы и величія монарха, то есть война предпринимается и нынѣ въ большинствѣ случаевъ ради этой цѣли, но она не смѣетъ явиться въ такомъ голомъ видѣ: она драпируется разными національными мотивами. Изыскивать ихъ составляетъ существенную задачу людей, желающихъ и надѣющихся если не реставрировать древнѣйшую историческую формацію во всемъ ея объемѣ—задача невозможная,—то по крайней мѣрѣ отчасти раздуть тлѣющіе подъ пепломъ угли. Вошло почти въ поговорку, что Наполеонъ III затѣвалъ войны для отвлеченія вниманія общества отъ внутреннихъ дѣлъ. Но это относится не къ одному

Наполеону, и графъ Бисмаркъ, какъ замѣчательный фехтмейстеръ, инстинктивно чувствуетъ, что центръ тяжести его дѣятельности долженъ лежать въ иностранной политикѣ. Поразительная законченность его психической физіономіи, полная приспособленность къ принятой имъ на себя роли сказывается въ томъ отвращеніи, которое онъ питаетъ къ внутреннимъ дѣламъ. Онъ ищетъ дѣятельности исключительно въ иностранной политикѣ по такому же инстинкту, по какому паукъ никогда не ошибется въ направленіяхъ и точкахъ пересѣченія своихъ тенетъ. Паукъ дѣйствуетъ безсознательно, инстинктивно и потому никогда не пытается расширить сферу своей дѣятельности, но за то и не рискуетъ залѣзть выше своей сферы. Такъ и Бисмаркъ. Онъ сторонится отъ внутреннихъ дѣлъ всѣмъ существомъ своимъ: онъ и не хочетъ и не можетъ ими заниматься, и не долженъ, если хочетъ добиться своей цѣли. Дѣйствительно, въ Пруссіи, какъ и во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ, служить дѣлу абсолютизма непосредственно, дома—трудно. Когда палата депутатовъ отказалась вотировать военный бюджетъ и ссылалась на свои конституціонныя права, Бисмаркъ собственно ничего не нашелся возразить, кромѣ своей старинной и очень нехитрой пѣсни: «Этого рода вопросы права — говорилъ онъ — рѣшаются не теоріями, а постепенною государственно-правовою практикою». Это былъ очень скудный, очень жалкій аргументъ, это не былъ даже аргументъ. Но ничего иного Бисмаркъ, какъ ловкій фехтмейстеръ, не могъ сказать. Поддержать требованія правительства какими-нибудь теоретическими доводами Бисмаркъ не могъ, какъ по своей неспособности къ нимъ, такъ и по ихъ неумѣстности. Требованія правительства были таковы, что подъ нихъ нынѣ уже и невозможно подвести какой-нибудь правовой фундаментъ. Время, когда это было возможно, когда первичная формація представляла собою нѣчто цѣльное, когда она имѣла свои теоріи—прошло безвозвратно. Нынѣ она можетъ жить исключительно практикою, насиліемъ. Бисмаркъ не задумался обойтись безъ согласія палаты, но долго тянуть такое открытое нарушеніе конституціи было неудобно. Конституція, если не

какъ сила, то какъ декорумъ, была нужна ему самому. Постоянныя столкновенія съ палатой, ссоры, взаимное раздраженіе — изо всего этого составляется до такой степени непріятная перспектива, что Бисмаркъ долженъ былъ практически убѣдиться въ трудности непосредственнаго служенія абсолютизму. Онъ не отказывался отъ парламентской борьбы, говорилъ дерзости депутатамъ, безъ сомнѣнія принималъ участіе въ правительственныхъ мѣрахъ 1863 года противъ свободы печати, но онъ долженъ былъ видѣть, что этотъ путь не давалъ кому слѣдовало ни славы, ни величія. Совсѣмъ иной результатъ получился, когда Бисмаркъ, слѣдуя вѣрному чутью политическаго фехтмейстера, обратился къ косвенному пути. Какъ только Австрія была побѣждена и нѣмцы увидѣли приближеніе единства Германіи, котораго они такъ долго и тщетно ждали, все было забыто и прощено; бюджетъ былъ одобренъ заднимъ числомъ и все пошло какъ по маслу: первичная формація высунулась впередъ. Нынѣ ея дѣла идутъ еще лучше. Небывалая война потрясаетъ Европу; изъ архивной пыли выкапывается германская императорская корона; слава и величіе короля прусскаго достигаютъ своего зенита; реакція открыто поднимаетъ голову; почтенные нѣмецкіе ученые въ родѣ Дюбуа-Реймона, Зибеля, Штрауса дурѣютъ; Европа превращается въ ежа со стальными щетинами; такое мирное государство какъ Швеція вытягиваетъ свой военный бюджетъ; такія столицы какъ Римъ обращаются въ крѣпости; такое человѣколюбивое правительство какъ русское принуждено, скрѣпя сердце, говорить, что «для установленія необходимаго равновѣсія силъ мы должны достигнуть, чтобы своевременное подкрѣпленіе полевыхъ войскъ и возмѣщеніе въ нихъ потерь (которыя, при нынѣшнихъ способахъ веденія войны, могутъ быстро достигать весьма большихъ размѣровъ), были надежнымъ образомъ обезпечены» (всеподданнѣйшій докладъ военнаго министра о преобразованіи военной повинности).

И все это сдѣлалъ одинъ человѣкъ? Нѣтъ, но онъ далъ всему этому толчокъ, и въ этомъ смыслѣ молва права, называя австрійскую войну войною одного человѣка, а сѣверо-германскую кон-

ституцію конституціей, созданной однимъ человѣкомъ для одного человѣка.

Первичной формаціи не жить. Это говорятъ законы исторіи, опредѣляющіе *порядокъ* историческихъ напластованій. Но *скорость*, съ какою извѣстные историческіе элементы выходятъ на сцену и сходятъ съ нея, обусловливается личными усиліями дѣятелей. Иногда одного человѣка бываетъ достаточно, чтобы вдохнуть на болѣе или менѣе продолжительное время жизнь въ издыхающія силы. Въ новѣйшее время два человѣка взялись за эту неблагодарную задачу: Наполеонъ III во Франціи и Бисмаркъ въ Германіи. Оба они одного поля ягоды, хотя одинъ молчаливъ, а другой болтливъ, одинъ писалъ много объ «идеяхъ», которыхъ не имѣетъ, другой не написалъ объ нихъ ни строчки, но тоже ихъ не имѣетъ. Оба они политическіе фехтмейстеры, т. е. люди, неруководящіеся въ своихъ дѣйствіяхъ «ни религіей, ни правомъ, ни наукой и вѣрящіе только въ искусство» (см. эпиграфъ); люди, не имѣющіе никакихъ принциповъ и теорій, неспособные къ критикѣ и неимѣющіе понятія о требованіяхъ времени и завтрашнемъ днѣ; люди, занятые исключительно своимъ личнымъ дѣломъ. Одинъ изъ нихъ палъ, палъ позорно и навсегда, хоть можетъ быть и попытается еще опереться на руку своего торжествующаго коллеги. Другой находится на вершинѣ славы, съ которой однако рано или поздно слетитъ. Отчего такая разница въ судьбахъ этихъ фехтмейстеровъ?

Вопервыхъ оттого, что Наполеонъ III слабѣе, какъ фехтмейстеръ; ему недостаетъ ни рѣшительности, ни ограниченности кругозора Бисмарка. Вовторыхъ оттого, что одному пришлось дѣйствовать во Франціи, а другому въ Германіи. Вслѣдствіе особенной быстроты, съ какою сравнительно съ другими странами живетъ Франція, въ ней труднѣе чѣмъ гдѣ-нибудь надолго вызвать къ жизни первичную формацію. Тамъ колеблется уже и формація биржи и либерализма и поистинѣ удивительно то ослѣпленіе, съ которымъ Наполеонъ надѣялся укрѣпить свою династію. Въ этомъ отношеніи положеніе Бисмарка несравненно вы-

годнѣе. Въ то время какъ Наполеону приходилось ссылать десятки тысячъ народу въ Кайенну и держать административную машину въ постоянномъ напряженіи, Бисмаркъ могъ спокойно говорить въ вышеупомянутой бесѣдѣ съ французскимъ журналистомъ: «правительство небоится неудовольствія. Наши революціонеры не такъ страшны. Ихъ враждебность разрѣшается главнымъ образомъ руганью на министровъ, а къ королю они чувствуютъ почтеніе... Пруссакъ, получившій рану на баррикадѣ, будетъ изображать изъ себя очень печальную фигуру и жена обзоветъ его дома сумасшедшимъ; но солдатъ онъ превосходный и дерется какъ левъ за честь страны». Однажды кто-то изъ депутатовъ пригрозилъ министерству возстаніемъ. Товарищъ Бисмарка, военный министръ фонъ-Роонъ спокойно обвелъ глазами оппозиціонныя скамьи и сказалъ: «я вижу здѣсь много честныхъ и почтенныхъ лицъ, но ни одно изъ нихъ не внушаетъ мнѣ страха». И Наполеонъ и Бисмаркъ одинаково нуждаются въ отдушинахъ иностранной политики, одинаково должны искать предлоговъ для войны. Но никакая военная задача, представляющая какую-нибудь тѣнь практичности, не лежитъ передъ Франціей. Такихъ задачъ приходилось искать въ Мексикѣ, въ Китаѣ и только итальянская кампанія пользовалась дѣйствительнымъ сочувствіемъ Франціи, но вести цѣлый рядъ подобныхъ войнъ было невозможно. Бисмарку предстояла напротивъ задача очевидная: объединеніе Германіи. Вопросъ это сложный и мы его разбирать не будемъ. Замѣтимъ только одно. Нѣмцы любятъ сравнивать свое объединеніе съ объединеніемъ Италіи, тогда какъ о степени различія этихъ двухъ явленій можно судить уже по разницѣ между людьми, которые выдвинуты ими на первый планъ; тамъ Гарибальди и Кавуръ, здѣсь Бисмаркъ и Вильгельмъ. Нѣмцы вызываютъ также охотниковъ провести параллель между Кавуромъ и Бисмаркомъ. Это была бы дѣйствительно параллель любопытная, но не между дипломатами только, а между чистокровнымъ итальянскимъ буржуа и прусскимъ юнкеромъ. Объединяясь, Италія ссадила Бурбоновъ и сбросила чужеземное австрійское иго. Что подобнаго

можетъ выставить объединяющаяся Германія? Эльзасъ и Лотарингію? Итальянское объединеніе имѣло передъ собой практическую, народную цѣль—свободу, а не славу и величіе савойскаго дома. Такую же практическую цѣль имѣли и нѣмцы въ 1848 году, когда рѣшили разъ навсегда покончить съ распрями и притязаніями своихъ князей и князьковъ: когда паны дерутся, у хохловъ чубы болятъ. Но Бисмарку удалось извратить эту цѣль, обратить ее въ фиктивную, неимѣющую ничего общаго съ интересами народа. Звукъ тотъ же, но смыслъ его совсѣмъ иной. Однако, возбудивъ невымершіе еще въ нѣмцахъ военные и всѣ другіе сродные съ ними инстинкты, заглушивъ противоположныя мысли и чувства, Бисмаркъ устроилъ дѣло такъ, что его соотечественники не нарадуются своему единству, между тѣмъ какъ оно сводится къ политическому и военному могуществу Германіи, т. е. германскаго императора. Въ то время какъ Наполеону III приходилось довольствоваться въ тиши вождѣленіями чисто-литературнаго свойства и въ книгахъ производить себя въ Юліи Цезари, въ Германіи элементы первичной формаціи оказалось настолько живучими, что дали цезарству фактическую почву. Идея германской имперіи есть идея всемірной монархіи. Не только австрійскія земли, не только остзейскія провинціи, не только нѣмецкіе кантоны Швейцаріи, которые находятся совершенно въ такомъ же положеніи, какъ Эльзасъ и Лотарингія, но вся Европа можетъ уложиться въ германскую имперію, ея власть признавали надъ собой иногда и англійскіе короли. Пища войнѣ и слѣдовательно славѣ и величію обезпечена надолго. Европа еще наглядится на кровь, наслышится стоновъ и пушечной пальбы. Уже прусскіе прогрессисты до такой степени увлеклись успѣхомъ, что проектируютъ союзъ съ Австріей противъ славянства; уже Мольтке, какъ увѣряетъ одна англійская газета, составилъ планъ вторженія въ Англію. Что-то будетъ? Вѣрно то, что на нѣсколько десятковъ лѣтъ «прусская цивилизація», столь прельстившая нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, окраситъ собою міръ. Однако въ концѣ концовъ паденіе этой цивилизаціи есть вопросъ времени. Еще

Талейранъ замѣтилъ, что штыками можно сдѣлать многое, но невозможно на нихъ сидѣть. Вопросъ только въ томъ, какъ и когда провалится дѣло Бисмарка. Быть можетъ эту задачу исполнитъ коалиція европейскихъ государствъ; быть можетъ съ Бисмаркомъ помѣряется презираемая имъ критика и другія болѣзни времени; быть можетъ наконецъ самого графа Бисмарка осѣнитъ какая-нибудь идея, какой-нибудь принципъ, какая-нибудь теорія. Разъ это случится,—фехтованью конецъ, а графъ Бисмаркъ только фехтмейстеръ.

Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха *).

Читая и перечитывая произведенія Дарвина, проникаешься все большимъ уваженіемъ къ этому необыкновенному человѣку, и не знаешь чему удивляться: полнотѣ и всесторонности фактическихъ знаній или силѣ философскаго пониманія, нравственному мужеству убѣжденій или скромности, съ которою они высказываются, наблюдательности въ частностяхъ или величію и мощи всего міросозерцанія.

Гэккель.

И публика смѣялась много,
Смотря на эту ерунду.
Орфей въ аду.

I.

Мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ рѣзкихъ случаевъ историческаго атавизма. 1870-71 годъ есть годъ исключительный; элементы, окрасившіе его особой, просто напросто ворвались, благодаря стеченію особенныхъ условій, на сцену, собственно говоря имъ давно уже не принадлежащую. Конечно они могутъ на ней фигурировать еще довольно долго, быть можетъ даже слишкомъ долго для терпѣнія цивилизаціи, которая впро-

*) 1871, октябрь

чемъ до сихъ поръ оказывается достаточно терпѣливою. Но все-таки это только гости, и гости бездомные — ихъ собственный домъ проданъ съ аукціоннаго торга. И рано или поздно купившіе его, настоящіе хозяева попросятъ ихъ очистить историческую сцену совсѣмъ. Они уже теперь просятъ, но трусливо, въ слишкомъ мягкихъ формахъ, совершенно не дѣйствующихъ на нахальныхъ гостей. Эта скромность приглашеній очистить квартиру обусловливается отчасти уваженіемъ къ бывшимъ домовладѣльцамъ, отчасти надобностью въ ихъ опытности по дворницкой части, отчасти трусостью, отчасти глупостью. Но разумѣется приглашенія будутъ съ теченіемъ времени становиться все настоятельнѣе и настоятельнѣе. Шевалье де-Роганъ отдулъ Вольтера палками и его же упряталъ по этому поводу въ Бастилію. Черезъ нѣсколько лѣтъ Вольтеръ царствовалъ въ Европѣ и разные де Роганы смотрѣли на него снизу вверхъ. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Бастилія пала, де-Роганы бѣжали куда глаза глядѣли, а прахъ Вольтера былъ помѣщенъ въ Пантеонѣ. Sic transit gloria mundi!

Кто же настоящіе хозяева исторической сцены? Я думаю, что читатель это и самъ знаетъ. Когда я говорилъ, что мы переживаемъ моментъ историческаго атавизма, я не говорилъ ничего особенно оригинальнаго. Какъ это ни кажется съ перваго взгляда страннымъ, мысль эта получила особенное распространеніе именно теперь, во время и послѣ франко-прусской войны. Не говоря о Контѣ, Боклѣ, Прудонѣ, ни даже о Бенжаменѣ Констанѣ, ее можно усмотрѣть при нѣкоторомъ вниманіи и въ многочисленныхъ брошюрахъ, книгахъ, статейкахъ, статьяхъ и рѣчахъ по поводу современныхъ событій: и у г. Стронина, который впрочемъ нѣсколько перевралъ дѣло; и у г. Вырубова, который впрочемъ увѣренъ, что онъ говоритъ то, чего до него никто не говорилъ; и у императора Вильгельма, который объяснялъ, что война ему была нужна для упроченія мира; и въ газетныхъ передовыхъ статьяхъ, и въ фельетонахъ, и у Jean qui pleure, и у Jean qui rit. Читатель конечно знаетъ, что промышленность и торговля, съ каждымъ днемъ все развивающіяся,

въ принципѣ исключаютъ войну и всѣ связанныя съ нею силы; что Европа стремится установить у себя такой порядокъ вещей, при которомъ вопросъ о casus belli представлялся бы на разрѣшеніе имущихъ и просвѣщенныхъ представителей націи, т.-е. людей естественно нерасположенныхъ къ войнѣ; что Европа достигла уже въ этомъ направленіи кое-какихъ результатовъ, ибо имущіе и просвѣщенные представители націй получаютъ по мѣрѣ сосредоточенія въ ихъ рукахъ имуществъ и просвѣщенія, все большую и большую силу, и т. д., и т. д. Все это вещи давно всѣмъ извѣстныя, такъ что я отнюдь не посмѣю утруждать ими вниманіе читателя. Онъ безъ сомнѣнія очень хорошо понимаетъ, что настоящіе хозяева исторической сцены въ западной Европѣ, хотя и не вездѣ и не окончательно введенные во владѣніе, суть имущіе и просвѣщенные представители націй. Развивать эту мысль я не стану. Я хочу только представить читателю небольшую и, смѣю думать, интересную параллель между двумя силами, ничего повидимому между собою общаго неимѣющими, но дружно работающими въ интересѣ настоящихъ хозяевъ современной исторіи. Я хочу показать, какъ новые хозяева съ противоположныхъ сторонъ выпроваживаютъ старыхъ домовладѣльцевъ и какіе порядки они съ собой приносятъ.

Эти ничего повидимому между собою общаго неимѣющія, но дружно работающія силы, суть: дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.

О, русская критика, еслибы я не зналъ, что твои громы подобны картоннымъ громамъ Юпитера въ оффенбаховскомъ «Орфеѣ», я бы сильно струсилъ, ставя эти имена рядомъ и особенно помѣщая между ними соединительный союзъ. Я разумѣю критику, имѣющую претензію и патентъ на либерализмъ, потому что съ другой стороны громовъ и не жду. Г. Страховъ меня можетъ быть даже по головкѣ погладитъ, если удостоитъ своимъ вниманіемъ, а—чего добраго—и московская пресса снизойдетъ до одобренія во вниманіе къ пикантности предмета.

Разница въ отношеніяхъ либеральной критики къ Дарвину и Оффенбаху дѣйствительно громадная. Одного всѣ—я продолжаю

разумѣть либеральнюю критику, и письменную и устную—одного всѣ уважаютъ, хотя весьма мало читаютъ и еще меньше понимаютъ; другого всѣ презираютъ, хотя всѣ смотрятъ, слушаютъ, напѣваютъ, насвистываютъ, но тоже не понимаютъ. Въ одномъ видятъ гордость нашего вѣка, въ другомъ—позорное пятно на современной цивилизаціи. Одного съ азартомъ охраняютъ отъ нападковъ мракобѣсія, другого готовы во всякое время выдать головой прокурорскому надзору. И несмотря на все это, я осмѣливаюсь думать, что еслибы русскую либеральную интеллигенцію оставить при одномъ Дарвинѣ, даже при десяти Дарвинахъ, но безъ всякаго Оффенбаха, она сильно соскучилась бы.

Въ прошломъ году во Франкфутѣ происходилъ съѣздъ нѣмецкихъ журналистовъ. Бесѣдовали о разныхъ потребностяхъ литературы, о необходимости полной свободы печати и т. п. И конечно, еслибъ въ Германіи могло подлежать вопросу свободное обращеніе въ публикѣ сочиненій Дарвина, нѣмецкіе журналисты горячо ухватились бы за свободу. Но вотъ въ одномъ изъ засѣданій съѣзда одинъ изъ членовъ предложилъ слѣдующій вопросъ: не вліяютъ ли оперетки Оффенбаха развращающимъ образомъ на общество, не унижаютъ ли онѣ собою драматическое искусство и потому не будетъ ли признано благопотребнымъ по мѣрѣ силъ и возможности препятствовать постановкѣ означенныхъ оперетокъ? Вопросъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, т.-е.: развращающимъ образомъ вліяютъ, драматическое искуство унижаютъ, препятствовать благопотребно. Послѣ засѣданія члены отправились въ театръ, послушать и посмотрѣть—кого? Оффенбаха. Не знаю, разсмѣялись ли подобно древнихъ авгурамъ почтенные представители нѣмецкой журналистики, взглянувъ другъ на друга въ театрѣ. Неизвѣстно мнѣ также, принялся ли кто-нибудь изъ членовъ съѣзда читать послѣ засѣданія произведенія Дарвина. Знаю только, что если въ театрѣ давали не Оффенбаха, а вицъ-Оффенбаха—Эрве и именно «Маленькаго Фауста», то Маргарита пѣла:

Demandez à monsieur Prud'homme
Ce qu'il pense de mes talents,

Il va vous répondre qu'en somme
Ma danse est un signe du temps...

Почтенные представители нѣмецкой жтрналистики нѣкоторымъ образомъ разыграли начало послѣдней сцены изъ «Елены Прекрасной» Переодѣтый жрецомъ-пустынникомъ Парисъ производитъ импонирующее впечатлѣніе на ожидающихъ его веселыхъ царей, жрецовъ, дѣвъ. Всѣ ждутъ отъ него проповѣди строгой и карающей. Больше всѣхъ труситъ пройдоха-попъ Калхасъ. Но вотъ пріѣзжій жрецъ говоритъ, что его богиня не любитъ пасмурныхъ лицъ.

Надо быть веселѣй,
Чтобъ понравиться ей,

напѣваетъ онъ, слегка покачивая туловище направо и налѣво.

Надо быть веселѣй,

подхватываетъ обрадованный хоръ, у котораго свалилась гора съ плечъ. Начинается неистовый канканъ...

Съ Оффенбахомъ подобные казусы случаются довольно часто, случаются разумѣется между прочимъ и въ ущербъ и на счетъ Дарвина. Въ Германіи конечно достаточно людей, читающихъ Дарвина и неслушающихъ Оффенбаха, каковая непослѣдовательность — потому что въ извѣстномъ отношеніи это дѣйствительно непослѣдовательно—можетъ быть вѣроятно въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснена просто черствостью и оторванностью отъ жизни. Есть разумѣется такіе люди и у насъ, хотъ ихъ и гораздо поменьше, чѣмъ въ Германіи. Но я имѣю въ виду не ученыхъ спеціалистовъ, а обыкновенныхъ смертныхъ, вкусившихъ плодовъ древа познанія добра и зла съ гораздо большею умѣренностью, чѣмъ плодовъ древа жизни, живущихъ немножко мыслью, читающихъ книжки, пописывающихъ въ журналахъ и газетахъ, бывающихъ въ театрахъ, въ засѣданіяхъ окружнаго суда и различныхъ благотворительныхъ и неблаготворительныхъ обществъ. Я имѣю въ виду письменную и устную либеральную критику, за разоблаченіе тайнъ которой надо мной, я знаю, разразятся громы, увы!—это я тоже знаю—картонные...

Но мнѣ нужно поговорить еще съ нашей музыкальной критикой, въ средѣ которой тоже есть, какъ я слышалъ, либералы и ретрограды, реалисты и классики, западники и славянофилы. Впрочемъ я долженъ признаться, что обо всѣхъ этихъ фракціяхъ представленіе имѣю смутное. Когда мнѣ попадаются на глаза статьи нашихъ почтенныхъ музыкальныхъ критиковъ, я наталкиваюсь въ нихъ на «септимы» и «доминантъ-акорды», на «сочность», «вкусность», «красивость» того или другого музыкальнаго произведенія. и—грѣшный человѣкъ—почти ничего не понимаю. Я охотно сознаюсь, что главное дѣло тутъ въ моемъ полнѣйшемъ музыкальномъ невѣжествѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я осмѣливаюсь думать, что сама музыкальная критика находится на невысокомъ уровнѣ развитія. Я думаю, что современное ея положеніе соотвѣтствуетъ положенію литературной критики въ моментъ борьбы классицизма съ романтизмомъ, когда все вниманіе критики сосредоточивалось на спеціально эстетической сторонѣ поэтическихъ произведеній; когда рѣшались вопросы о томъ, можно или нельзя отступать отъ классическихъ образцовъ, отъ трехъ единствъ, отъ возвышеннаго стиля; когда одни наслаждались капризными полетами фантазіи, а другіе желали взнуздать ее по формѣ; когда критикъ отсталый пригонялъ къ произведеніямъ классическую мѣрку и затѣмъ кричалъ: лобъ! или: затылокъ! а критикъ передовой, сказавъ: это красиво, это не сочно,—болѣе уже ничего не имѣлъ сказать. Можетъ быть я и ошибаюсь. Можетъ быть также и то, что сама музыка по существу своему способна выдержать только эстетическія требованія. Вы видите, что я не страшусь громовъ и музыкальной критики, но по другимъ причинамъ. Я знаю, что наши музыкальные критики—народъ въ своемъ дѣлѣ сильный—хоть меня нѣсколько и смущаютъ ихъ вопіющія разногласія—и какъ люди, чувствующіе свою силу, будутъ ко мнѣ снисходительны. Понадобилось же мнѣ это вступленіе единственно ради того, чтобы заявить, что относительно музыки Оффенбаха мнѣ не на что опереться. Наши музыкальные критики не занимаются этимъ веселымъ маэстро, такъ что я не знаю, что думаютъ авторитеты даже о степени сочности

и вкусности его музыки. Я чувствую, что музыка Оффенбаха весела, задорна, комична, но какова «мораль» этой *музыки*—я не знаю. Не знаю даже, возможна ли вообще мораль музыки. Что же касается до морали *оперетокъ* Оффенбаха, т. е. совокупности либретто, музыки и исполненія, то она для меня совершенно ясна. Поэтому, когда я буду ниже говорить объ Оффенбахѣ, то буду имѣть въ виду совокупность впечатлѣній, получаемыхъ зрителемъ, и меньше всего въ состояніи буду говорить о сторонѣ музыкальной. Точно также подъ общимъ именемъ Оффенбаха я буду разумѣть и всѣхъ вицъ-Оффенбаховъ.

II.

Дарвинъ и Оффенбахъ суть оба въ равной мѣрѣ продолжатели «просвѣтителей» XVIII вѣка. Я знаю, какія возраженія вы готовы выставить и противъ этого сопоставленія Дарвина съ Оффенбахомъ и противъ приравниванія ихъ обоихъ революціонно философскому движенію прошлаго столѣтія. Больше всего васъ смущаетъ здѣсь легкомысліе, безнравственность, распущенность веселаго маэстро. Вы знаете, что «литература просвѣщенія» подготовила въ извѣстной степени революцію, что она состояла изъ крупныхъ талантовъ, что она составляла силу, въ которой заискивали короли и которой поклонялись народы. Наконецъ она отошла уже въ вѣчность и вспоминается вамъ не иначе, какъ окруженная ореоломъ славы и величія. Вы ее уважаете. О Дарвинѣ и говорить нечего. При взглядѣ на его портретъ, на этотъ крутой, нахмуренный лобъ, нависшія брови и проницательные глаза, вы торопитесь застегнуть на всѣ пуговицы сюртукъ своей души,—да простится мнѣ это фигуральное выраженіе въ восточномъ вкусѣ. Вы знаете, что этотъ человѣкъ совершилъ переворотъ въ наукѣ, что это человѣкъ и глубокомысленный и остроумный, и талантливый и трудолюбивый. Вы его глубоко уважаете... И вдругъ—Оффенбахъ! А что такое Оффенбахъ? Вопервыхъ забубенный маэстро, которому все

трынъ-трава, даже, говорятъ, права артистической собственности. Вовторыхъ гг. Галеви и Мельякъ и другіе, менѣе извѣстные либреттисты, за которыми вы готовы признать извѣстную долю остроумія, но которые суть все-таки не болѣе ккъ господа Мельякъ и Галеви, поставщики болѣе или менѣе скабрезныхъ либретто. Втретьихъ актеры, изъ которыхъ каждый наровитъ выкинуть какое нибудь «колѣнцо». И актеры эти не пѣвцы какіе-нибудь десятитысячные, не крупные драматическіе таланты. Нѣтъ, для Оффенбаха совершенно достаточно безголосыхъ господъ Монаховыхъ и Сазоновыхъ и полу-пѣвицъ, полу-танцовщицъ—госпожъ Лелевыхъ и Лядовыхъ. Если передъ Дарвиномъ вы стремитесь застегнуть сюртукъ вашей души на всѣ пуговицы, то передъ этимъ народомъ вы считаете себя вправѣ разгуливать въ халатѣ и даже въ одномъ бѣльѣ. Вы можетъ быть даже сочувствовали тому фельетонисту, который употребилъ слово «деверіи» для обозначенія едва-ли не публичныхъ женщинъ. Конечно разрѣзъ на туникѣ Прекрасной Елены и пикантныя «пиррическія пляски» имѣютъ для васъ кое-какое значеніе и, между нами говоря, даже очень важное значеніе, но эту-то часть души своей вы и прикрываете, когда застегиваетесь на всѣ пуговицы. И не то чтобы вы при этомъ сильно лицемѣрили. Нѣтъ, пустивъ въ дѣло «холодный разсудокъ», вы передъ самимъ собой скажете, что удовольствіе, получаемое вами при созерцаніи «Герцогини Герольштейнской» или «Фауста на изнанку», несравненно ниже тѣхъ умственныхъ наслажденій, которымъ вы впрочемъ предаетесь съ должною умѣренностью. Пушкинъ о комъ-то, можетъ быть о самомъ себѣ, сказалъ, что онъ

Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ.

Но конечно огромное большинство читающихъ Апулея и не читающихъ Цицерона въ душѣ признаетъ превосходство Цицерона надъ Апулеемъ. Правда, что въ той же душѣ, только чуть чуть поглубже, дѣло имѣетъ по всей вѣроятности другой видъ. Но во всякомъ случаѣ «Происхожденіе видовъ»—и

Дзынь-ля-ля, дзынь-ля-ля...

Дарвинъ—и

Pif! paf! pan!
En avant!
Le pied leste,
Et du geste!
Pif! paf! pan!
En avant!

Монтескье—и

Ah! que j'aime les militaires...

Даламберъ—и

Вотъ, напримѣръ,
Съ моей мама-а-а-а-шей...

Вольтеръ—и

Aux maris ré—
Aux maris cal—
Au maris ci—
Aux maris trants—
Aux maris récalcitrants...

Однако не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Мы такъ спеціализировали свои жизненныя цѣли и задачи, свой трудъ и свои наслажденія, что, натолкнувшись или будучи кѣмъ нибудь или чѣмъ нибудь натолкнуты на извѣстную сторону явленія, склонны оставлять безъ вниманія его другія стороны. Мы привыкли допускать для каждаго явленія только одинъ родъ дѣйствія. Это обрекаетъ насъ на сужденія грубыя, топорныя, огульныя, односторонніе. Успѣшный анализъ, т.-е. разложеніе явленія на его составные элементы, и успѣшный синтезъ, т.-е. усмотрѣніе чертъ, общихъ двумъ или нѣсколькимъ явленіямъ—для насъ одинаково затруднительны. Мы привыкли видѣть въ наукѣ только знаніе, въ художественномъ произведеніи—только эстетическое наслажденіе, хоть многое уже было сдѣлано для низведенія науки и искусства съ ихъ фантастическихъ пьедеста-

ловъ въ общій водоворотъ жизни. Впрочемъ взгляды на этотъ вопросъ претерпѣваютъ многочисленныя измѣненія. Въ наше время одни склонны придавать значеніе фактическому знанію, какъ знанію, an und für sich, не требуя его оплодотворенія ни философскою мыслью, ни практическими цѣлями. Другіе напротивъ уважаютъ только такое знаніе, которое можетъ быть немедленно приложено къ практической жизни, напримѣръ можетъ научить убивать въ наименьшій срокъ наибольшее число людей или что нибудь въ этомъ родѣ. И точно также въ области искусства. Давно уже затихли требованія искусства для искусства, и самые ярые его поборники не прочь настрочить романъ, драму, повѣсть съ совершенно практическою цѣлью—ошельмовать ту или другую единичную ненравящуюся автору личность. Реализмъ, утилитаризмъ и многіе другіе измы давно уже захвачены колесомъ либеральной рутины, увлекающимъ своимъ ровнымъ движеніемъ и своихъ былыхъ противниковъ. C'est la fatalité, какъ говоритъ Калхасъ. Весьма немногіе способны оградить интересы науки и искусства, какъ отъ мелкаго служенія мелкимъ интересамъ мелкаго времени, такъ и отъ педантической и эстетической замкнутости. И даже эти немногіе все-таки рѣдко вполнѣ сохраняютъ балансъ между Сциллой и Харибдой. Даже головы посвѣтлѣе, давно уже признавшія относительность цѣнности фактическаго знанія, часто съ большимъ трудомъ переваривaютъ вопросъ объ общественномъ значеніи того или другаго явленія изъ области чистой науки. Когда здѣсь въ Петербургѣ устраивалась недавно художественно-литературная «Бесѣда», то дѣло не выгорѣло, говорятъ между прочимъ потому, что оказалось крайне-затруднительнымъ опредѣлить границы профессій членовъ. Основаніе «Бесѣдѣ» было положено беллетристомъ г. Тургеневымъ и піанистомъ г. Рубинштейномъ. Сообразно этому, первоначально рѣшено было допускать въ члены исключительно представителей различныхъ отраслей искусства. Но остановиться на этомъ оказалось невозможнымъ и пришлось расширить предѣлы общества допущеніемъ въ него представителей литературной критики, а затѣмъ и публицистовъ. Отсюда оставался уже одинъ

шагъ до ученыхъ и профессоровъ, но этому, говорятъ, воспротивились нѣкоторые вліятельные художники. И это враждебное столкновеніе логики вещей со взглядами нѣкоторыхъ художниковъ совершенно понятно и естественно, потому что логика, собственно говоря, при основаніи Бесѣды не существовала вовсе. Господа художники и ученые, представители искусства и представители науки должны конечно въ большинствѣ случаевъ чувствовать себя нѣсколько неловко рядомъ. Что между ними общаго? Что общаго между напримѣръ историкомъ-публицистомъ г. Костомаровымъ и піанистомъ г. Рубинштейномъ? Или между переводчикомъ Дарвина г. Рачинскимъ и исполнителемъ Оффенбаха г. Монаховымъ? Тутъ мы встрѣтимъ вопервыхъ цѣлый рядъ совершенно несоизмѣримыхъ величинъ, въ родѣ аршиновъ и пудовъ, величинъ до такой степени чуждыхъ другъ другу, что невозможно даже придумать такую мѣрку, которая могла бы измѣрить ихъ различіе. Затѣмъ мы встрѣтимъ въ средѣ нашей интеллигенціи цѣлый рядъ лицъ, чуждающихся другъ друга единственно по недоразумѣнію, но все-таки чуждающихся. Лежащее въ основаніи этой отчужденности недоразумѣніе есть результатъ профессіональной спеціализаціи и оторванности отъ жизни. Оно невозможно въ тѣхъ профессіяхъ, которыя по существу своему стоятъ ближе къ жизни. Недавно были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» маленькіе очерки «Личностей смутнаго времени» г. Костомарова. Тутъ были Скопинъ-Шуйскій, Мининъ, Пожарскій и еще кто-то. Въ фактическомъ отношеніи эти очерки не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ другими трудами нашихъ историковъ, со включеніемъ самого г. Костомарова. Ученому автору приходится на каждомъ шагу указывать на неполноту фактическаго матеріала, взятаго имъ въ основаніе очерковъ. Такъ что для записнаго спеціалиста-эрудита эти крошечные этюды не имѣютъ вѣроятно никакой цѣны. И больше всего онъ можетъ быть приметъ къ сердцу разоблаченіе г. Костомаровымъ чьей-то чисто фактической ошибки, именно смѣшенія князя Пожарскаго, который стоитъ вмѣстѣ съ Мининымъ въ Москвѣ на Красной площади, съ какимъ-то Лопатой-Пожарскимъ, который

ровно ничѣмъ не прославился. Но эти очерки имѣютъ весьма важное общественное значеніе, какъ критическая оцѣнка дѣятелей нашей исторіи, стоящихъ на пьедесталѣ, построенномъ на вѣру и въ силу голаго кваснаго патріотизма. Разъ представитель какой бы то ни было ученой или артистической профессіи сознательно сталъ на эту почву жизни, онъ уже имѣетъ интересы, общіе и другимъ профессіямъ. Онъ уже не будетъ ни кичиться своимъ положеніемъ въ іерархіи профессій, за которую толпа держится по преданію, ни предаваться по этому поводу излишнему смиренію. Если онъ окажется человѣкомъ чужимъ представителю другой профессіи, то отнюдь не потому, что онъ стоитъ по мѣркѣ толпы выше или ниже на лѣстницѣ, а по той же причинѣ, по какой онъ можетъ оказаться чужимъ и товарищу по профессіи, — по причинѣ разногласія въ оцѣнкѣ явленій жизни. Это послѣднее разногласіе для насъ въ настоящую минуту не интересно, такъ-какъ мы заняты явленіемъ, въ логическомъ порядкѣ ему предшествующимъ. Прежде чѣмъ разногласіе въ оцѣнкѣ явленій жизни можетъ обнаружиться, надо чтобы представители различныхъ отраслей умственной дѣятельности встали на эту общую почву жизни. А пока этого нѣтъ, разрозненность и взаимная отчужденность представителей умственнаго труда, дѣятельности ученой и артистической, будетъ имѣть характеръ совершенно безсознательный, такъ-сказать стихійный. Мнѣ хотѣлось бы пояснить дѣло примѣромъ, а между тѣмъ не хочется тревожить чьи бы то ни было имена. Но положимъ актеръ x, фигурирующій въ опереткахъ Оффенбаха, сталкивается съ ученымъ y, пропагандирующимъ и даже самостоятельно развивающимъ воззрѣнія Дарвина. Какъ они отнесутся другъ къ другу? Конечно, какъ люди совершенно чужіе, неимѣющіе между собой ничего общаго. Они чужіе по складу жизни и привычкамъ, которые разумѣется у актера x не таковы, какъ у ученаго y. Толпа испоконъ вѣка рѣшила, что цѣль жизни актера есть развлеченіе публики, а ученаго—поученіе, и актеръ и ученый и сами этому повѣрили. Актеръ x привыкъ къ покровительственному аникошонству, связанному съ извѣстной дозой

презрѣнія или по крайней-мѣрѣ неуваженія. Ученый *y* пріученъ напротивъ къ тому, чтобы къ нему относились съ почтительнымъ трепетомъ. Одинъ — гаеръ, другой — педантъ. Съ однимъ кутятъ, другому даютъ торжественные обѣды. Одинъ распущенъ, другой строгъ. Одинъ привыкъ подлаживаться ко всѣмъ изгибамъ прихоти публики, другой смотритъ сверху внизъ на «чернь непросвѣщенну». Одинъ махнулъ рукой на себя, на свою личность, другой преисполненъ чувства собственнаго достоинства. Понятное дѣло, что актеръ *x* будетъ чувствовать себя неловко въ присутствіи ученаго *y*, и обратно ученый *y* будетъ шокироваться присутствіемъ актера *x*. А между тѣмъ эта неловкость навѣрно исчезла бы, еслибы исполнитель Оффенбаха и пропагандистъ Дарвина выглянули изъ узкихъ оконъ своего гаерства и педантизма на вольный просторъ жизни. Покойная Лядова, говорятъ, искренно и горячо молилась передъ тѣмъ какъ ей выдти въ роли Прекрасной Елены на сцену. Человѣкъ вѣрующій, но грубый назоветъ пожалуй эту молитву кощунствомъ. Я назову ее просто наивностью. Это такая же sancta simplicitas, какую замѣтилъ мученикъ Гусъ въ старухѣ, подкладывающей полѣно къ костру, который готовъ былъ его сжечь. Бѣдная старуха просто не вѣдала что́ она творила. Такъ точно не вѣдала что́ творила и Лядова. Еслибы она занималась не гаерствомъ, т.-е. не подлаживаньемъ подъ всѣ тонкости вкуса публики, не чистымъ пожалуй искусствомъ, а понимала бы что́ такое Оффенбахъ, она безъ сомнѣнія выбрала бы что-нибудь одно. Но эта sancta simplicitas не имѣла за душой ничего, кромѣ желанія угодить, доставить наслажденіе. Какъ же ей не чуждаться, не бояться представителей науки, столь гордыхъ, столь уважаемыхъ? Но повторяю, что еслибы пропагандисты Дарвина и исполнителя Оффенбаха выглянули изъ-за своего педантизма и гаерства на вольный просторъ жизни, они увидѣли бы, что нити, исходящія отъ нихъ въ общественное сознаніе, на извѣстномъ пунктѣ совершенно сходятся, сматываются въ одинъ клубокъ. Они поняли бы, что въ извѣстномъ отношеніи они кровные братья по духу, по конечнымъ результатамъ своей дѣятельности. Быть можетъ

существуютъ исполнители Оффенбаха и пропагандисты дарвинизма непохожіе на моихъ актера *x* и ученаго *y*. Таковые будутъ безъ сомнѣнія со мной согласны, потому что мои доводы и выводы до такой степени просты и незамысловаты, что мнѣ даже нѣсколько совѣстно такого длиннаго вступленія. Если эти выводы не были сдѣланы раньше, то навѣрное только по недостатку вниманія и вслѣдствіе рутиннаго отношенія къ іерархіи профессіей.

III.

Сопоставленіе Оффенбаха съ «литературой просвѣщенія» прошлаго столѣтія очевидно вовсе не такъ дерзко, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Съ точки зрѣнія морали XVIII вѣкъ видалъ вещи не вримѣръ почище Оффенбаха. Не говоря уже о такихъ явленіяхъ, какъ напримѣръ поразительный spectacle des sauvages, который имѣлъ мѣсто на одномъ изъ парижскихъ театровъ около 1770 года и возможности котораго многіе даже отказываются вѣрить, мы въ средѣ самыхъ «просвѣтителей» найдемъ не мало подходящихъ чертъ. Читатель согласится по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что напримѣръ Вольтеръ написалъ весьма достаточное количество скабрезныхъ разсказовъ и стиховъ и что этотъ веселый грѣхъ и вообще водился за просвѣтителями. Но на грѣхи въ этомъ отношеніи хоть бы Вольтера можно смотрѣть различно. Если смотрѣть напримѣръ на Pucelle d'Orleans съ спеціально-моральной точки зрѣнія, то вы найдете здѣсь бездну такихъ вещей, передъ которыми самъ Оффенбахъ покраснѣлъ бы въ качествѣ «мальчишки и щенка». Но въ Pucelle можно усмотрѣть и другую сторону. Обратите вниманіе на то, что здѣсь подвергалось осмѣянію, что скандализировалось, на кого валились всѣ сальности и двусмысленныя остроты. Заушенію и оплеванію предавалась здѣсь католическая святая—я не знаю была ли канонизирована Іоанна д'Аркъ, но это все равно, такъ-какъ въ сознаніи народа она жила во

всякомъ случаѣ святою—и божественное право французскихъ королей, династію которыхъ спасла орлеанская дѣвственница. Эта сторона Puc elle совершенно совпадаетъ съ основнымъ, такъ сказать миссіонерскимъ тономъ литературы просвѣщенія. Вы можете видѣть въ цинизмѣ Puc elle только обертку, въ которую Вольтеръ, сообразно своимъ собственнымъ вкусамъ и вкусамъ современнаго ему свѣтскаго общества, завернулъ революціонныя стрѣлы, можете наоборотъ признать, что Вольтеръ ни о чемъ кромѣ сальностей не думалъ, когда писалъ свою Дѣвственницу. По отношенію къ результатамъ, осѣвшимъ въ общественномъ сознаніи подъ вліяніемъ Дѣвственницы и другихъ подобныхъ произведеній, это вопросъ не важный. Сомнительно конечно, чтобы Вольтеръ не понималъ, что онъ дѣлаетъ. Но во всякомъ случаѣ вы должны согласиться, что воспитательное значеніе подобныхъ произведеній Вольтера было двоякое: съ одной стороны они дѣйствовали нравственно-разлагающимъ образомъ, а съ другой впадали въ общую струю XVIII вѣка, подмывшую старый порядокъ, дѣлали въ нее извѣстный вкладъ. Конечно этотъ вкладъ въ общую кассу критической работы прошлаго столѣтія былъ сравнительно съ размѣрами другихъ вкладовъ, но только сравнительно съ ними, невеликъ. Но это все-таки не была лепта вдовицы. Если переплетенная циническими выходками и грязными картинами борьба противъ стараго порядка сама по себѣ, въ одиночку была бы ничтожна, то нужно помнить, что она въ одиночку не являлась и не могла явиться. Это былъ не только вкладъ на будущее время, а и симптомъ настоящаго. А настоящее это состояло въ томъ, что средневѣковый феодально-католическій колоссъ, расшатанный и надтреснувшій, терпѣлъ нападенія со всѣхъ возможныхъ сторонъ и на всѣ возможныя манеры. Одни какъ кроты рылись подъ его ногами въ сферѣ практическихъ интересовъ; другіе рѣзали его тѣло холоднымъ ножомъ анализа, спокойно смотря на болѣзненное трепетаніе заживо анатомируемаго колосса; третьи пѣли у него подъ носомъ гимны новымъ богамъ—свободѣ и разуму; четвертые съ циническимъ хохотомъ швыряли грязью въ его когда-то грозное и величавое

лицо. Эти силы, дружно съ различныхъ сторонъ развѣнчивавшія, сравнившія, топтавшія колосса, не всегда дѣйствовали вполнѣ сознательно и далеко не всегда подозрѣвали свою солидарность. Но это все-таки были крупные таланты, многосторонніе умы, изъ которыхъ почти каждый держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити борьбы. А для насъ, захваченныхъ дальнѣйшей спеціализаціей жизненныхъ задачъ, трудно уловить общій характеръ явленій, формальнымъ образомъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Однако это еще не значитъ, чтобы пропускаемыя нами стороны явленія не производили на насъ своего дѣйствія. Помимо нашего сознанія всасываемъ мы ихъ въ себя, продолжая думать, что данное явленіе производитъ только одинъ родъ дѣйствія. Общество прошлаго столѣтія зачитывалось «Орлеанской Дѣвственницей», зачитывалось большею частью разумѣется ради ея циническихъ подробностей. Но революціонный духъ ея оно все-таки вбирало въ себя. Какъ бы то ни было, а Орлеанская дѣва, посланная свыше спасительница французскихъ королей, и всѣ связанныя съ нею идеи и воспоминанія были закиданы грязью.

Чтобы достойно оцѣнить значеніе литературы просвѣщенія во всѣхъ ея формахъ, надо припомнить состояніе различныхъ слоевъ общества въ ту пору. Конечно мы должны ограничиться самыми бѣглыми штрихами.

Говорятъ, когда удавъ хочетъ проглотить какое-нибудь мелкое животное или птицу, онъ разѣваетъ ротъ и смотритъ на свою жертву. Повинуясь какому-то таинственному, магнетическому вліянію глазъ змѣи, жертва сама собой валится ей въ пасть. Въ такомъ именно положеніи одуренной, почти самовольной жертвы находилась въ прошломъ столѣтіи вѣками скованная католическо-феодальная организація. Это было нѣчто фатальное. C'était la fatalité. Что касается высшаго общества, то въ примѣненіи къ нему смѣшно было бы говорить о развращающемъ вліяніи Pucelle и тому подобныхъ произведеній. Высшіе слои общества были въ этомъ отношеніи можно сказать неуязвимы, развратить ихъ было невозможно. Во Франціи они видали

какъ регентъ въ своей ложѣ, въ театрѣ, раздѣвалъ до нага танцовщицъ; какъ знатнымъ дамамъ доставляло своеобразное удовольствіе принимать ночную рубашку изъ рукъ лакея. Прусскія знатныя дамы, не желая отставать отъ жительницъ менѣе суровыхъ климатовъ въ обнаженіи своего тѣла, принуждены были надѣвать трико. Въ Австріи разоблаченіе это приняло такіе размѣры, что одинъ горячій вѣнскій проповѣдникъ публично призывалъ орла св. Іоанна, «дабы онъ нагадилъ на эти безстыдно открытыя груди». Его заставили извиниться, онъ отказался. Замѣнившій его проповѣдникъ извинился за него, но при этомъ пожелалъ, чтобы телецъ св. Луки замѣнилъ орла св. Іоанна. Во всей Европѣ въ высшихъ классахъ царила такая виртуозность разврата, что Pucelle тутъ никакъ даже приплипить нельзя. Государи и государини западной Европы и высшее дворянство тонули въ омутѣ самого утонченнаго и изнѣживающаго разврата, передавая своимъ потомкамъ испорченную кровь и ослабшій духъ и все болѣе удаляясь отъ полудикихъ средневѣковыхъ богатырей. Только прусскіе короли составляли въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе и мы можетъ быть переживаемъ теперь отчасти результаты этой относительной воздержности. Конечно весь этотъ народъ долженъ былъ съ жадностью читать вещи въ родѣ Pucelle и даже оставаться недовольнымъ ея элементарностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ люди эти втягивали въ себя и ея революціонную закваску; они постепенно расшатывали въ себѣ свою внутреннюю опору, свою вѣру въ то, что во всякое время и на всякомъ мѣстѣ дѣла могутъ принять, съ божіею помощью, благопріятный для нихъ оборотъ. Одурѣніе могло доходить до того, что коронованныя главы болтали о республикѣ и братались съ своими злѣйшими врагами, какъ весьма скоро обнаружилось.

Развращающее вліяніе скабрезной стороны литературы просвѣщенія на буржуазію имѣло конечно другой характеръ. Но вещь немыслимая развратить то, за чѣмъ стоитъ исторія, хотя можно развратить отдѣльныя личности. Тотъ или другой изъ имущихъ и просвѣщенныхъ представителей націи могъ свих-

нуться, читая циническія и грязныя картины и глядя на развратъ высшихъ классовъ; но буржуазія въ цѣломъ должна была совершить свою историческую миссію. И даже въ отдѣльныхъ личностяхъ распущенность могла вязаться съ благороднѣйшими побужденіями и чистѣйшими идеями. Авторъ Фоблаза, этого благодушнаго, хотя и циническаго оправданія легкаго поведенія по части клубнички, былъ жирондистъ, честнѣйшій республиканецъ, своею кровью засвидѣтельствовавшій вѣрность своимъ убѣжденіямъ вовсе не клубничнаго свойства. Такъ что можно пожалуй согласиться, что циническая сторона «Pucelle» давало пищу безнравственнымъ элементамъ общественной жизни, но она навѣрное не вносила въ нее ничего новаго, тогда какъ ея сатирическая сторона вводила въ общество идеи и чувства несомнѣнно новыя. Это сочетаніе цинизма съ сатирой имѣло даже свои чрезвычайно выгодныя стороны. Конечно можно бы было написать объ «Орлеанской дѣвѣ» ученый трактатъ и доказать въ немъ, съ логикой и историческими документами въ рукахъ, что никогда Богъ не посылалъ ее для спасенія французскихъ королей, что и вообще короли эти не пользовались и не могли пользоваться никакимъ особеннымъ сверхъестественнымъ покровительствомъ и т. д., и т. д. Подобные трактаты и писались въ XVIII столѣтіи, но, дѣйствуя преимущественно на разумъ, они имѣли вѣроятно болѣе глубокое, но менѣе распространенное вліяніе. А миссія XVIII вѣка состояла въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно дальше распространить извѣстныя идеи и чувства. И дерзкое, циническое оплеваніе предметовъ, дотолѣ священныхъ, было чрезвычайно важнымъ и сильнымъ ферментомъ.

Наконецъ надо замѣтить еще слѣдующее. Литература просвѣщенія была по преимуществу литературой критики и разрушенія:

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
Леталъ надъ грѣшною землей.

Въ подобные историческіе моменты—это общій соціологическій законъ, который можно бы было прослѣдить на множе-

ствѣ примѣровъ—расходившаяся критика мало думаетъ о предѣлахъ своей дѣятельности. Литература просвѣщенія, отрицая чувства и идеи, которыми держался старый порядокъ, готова была не только отрицать средневѣковыя формы морали, но и къ самой морали относиться со скептическимъ недовѣріемъ. Таковъ законъ всякой сильной реакціи въ какую бы то ни было сторону. И тамъ, гдѣ замѣшивается смѣхъ, и особенно такой неудержимый, ядовитый, какъ смѣхъ Вольтера, это «черезъ край» выступаетъ съ особенною яркостью. Но проходитъ время, и разлившаяся рѣка вступаетъ въ свои естественные берега.

Итакъ цинизму и сальностей въ литературѣ просвѣщенія было слишкомъ достаточно для того, чтобы поставить съ ней въ этомъ отношеніи рядомъ Оффенбаха. Но ихъ можно и должно ставить рядомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Смѣхъ Оффенбаха есть отголосокъ хохота Вольтера, отголосокъ, достойный большаго вниманія по своей общедоступности. Оффенбахъ — это легіонъ, и легіонъ, котораго всѣ слушаютъ и смотрятъ, несмотря на свой кажущійся ригоризмъ и презрительное отношеніе къ опереткамъ. Кругъ явленій, осмѣиваемыхъ Оффенбахомъ, почти тотъ же, что кругъ явленій осмѣиваемыхъ Вольтеромъ. Пріемы смѣха опять-таки весьма часто совершенно совпадаютъ. Желая осмѣять напримѣръ нетерпимость или какія нибудь вѣрованія, Вольтеръ беретъ иногда совершенно фантастическую канву, вводитъ на сцену разныхъ индійскихъ и египетскихъ боговъ, жрецовъ и проч., и на этой канвѣ начинаетъ вышивать свои сатирическіе узоры въ полной и совершенно резонной увѣренности, что узоры эти дойдутъ по настоящему адресу. И они дѣйствительно доходили. Совершенно такой же эффектъ производятъ и фантастическіе образы Оффенбаха. Надо обладать очень малою аналитическою способностью, чтобы не отличать во всѣхъ этихъ канканирующихъ богахъ, сластолюбивыхъ жрецахъ, «мѣднолобыхъ, то бишь мѣдполатыхъ» Аяксахъ, похотливыхъ герцогиняхъ Герольштейнскихъ, глупыхъ карабинерахъ и проч., и проч., элементъ клубничный, развращающій отъ элемента сатирическаго и, смѣю

сказать, революціоннаго. Да, милостивые государи, революціоннаго, и я сердечно радъ, что могу сказать это, т.-е. сдѣлать открыто доносъ, который навѣрное останется безъ послѣдствій. А останется онъ безъ послѣдствій потому, что Оффенбахъ — c'est la fatalité, потому что это одинъ изъ настоящихъ хозяевъ исторической сцены, съ головы котораго не падетъ ни одинъ волосъ, даже въ угоду московскимъ громовержцамъ; потому что онъ нуженъ всѣмъ, даже тѣмъ, подъ кѣмъ онъ роется. C'est la fatalité.

По степени таланта Вольтера съ Оффебахомъ нельза разумѣется сравнивать уже по одному тому, что Оффенбахъ есть личность собирательная, а не физическая и духовная единица. Конечно смѣяться послѣ Вольтера можно съ меньшею затратою силы, чѣмъ какая нужна была Вольтеру. Но не въ этомъ дѣло. Весьма часто случается, что люди высоко талантливые имѣютъ мало вліянія, а люди совершенно безталанные имѣютъ вліяніе сильное. Оффенбахъ есть собирательная личность, несомнѣнно очень талантливая, но онъ помимо того почерпаетъ силу въ своей собирательности. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу средствъ, какихъ у Вольтера подъ руками не было. Вольтеръ, правда, писалъ драмы и трагедіи, которыя, несмотря на свою ходульность, имѣли воспитательное значеніе. Но свой смѣхъ онъ не облекалъ никогда въ драматическую форму. Оффенбахъ же имѣетъ за себя эту форму, да еще, кромѣ свободы фантастическаго сюжета, разныя другія вольности, своего рода хартіи. Вольтеръ могъ вдосталь наглумиться надъ орлеанской дѣвственницей; но онъ не могъ заставить ее канканировать, какъ канканируетъ у Оффенбаха гётевская Маргарита, какъ канканируетъ у него цѣлый Олимпъ. Обличить бездѣятельность полиціи можетъ каждый писака, точно также, какъ каждый писака можетъ написать такія стихи:

Nous sommes les carabiniers
La sécurité des foyers,
Mais, par un malheureux hasard,
Au secours des particuliers
Nous arrivons toujours trop tard.

Но Оффенбахъ силенъ именно своею коллективностью. Тамъ гдѣ не хватаетъ либреттистовъ, являются актеры, гримировка, костюмы, музыка. И никакія, самыя дѣятельныя и краснорѣчивыя нападки на полицію не унизятъ ее такъ, какъ эти комическія фигуры карабинеровъ. Никакими словами не наложишь на извѣстный сортъ людей такого клейма, какъ образомъ «ца-р-р-я Ахилла, гер-р-ро-я». Обличайте сколько хотите лицемѣріе, пьянство и развратъ католическихъ поповъ, но вы никогда не произведете на массу такого впечатлѣнія, какъ фигура Калхаса, отплясывающаго, подобравъ полы своей хламиды, «пиррическій танецъ». Много ходитъ разсказовъ о различныхъ похотливыхъ и веселыхъ герцогиняхъ. Но посмотрите на герцогиню Герольштейнскую, какъ она производитъ приглянувшагося ей здороваго солдата въ генералиссимусы, какъ она затѣмъ велитъ своимъ прихвостнямъ убить его ночью, но отмѣняетъ внезапно приказъ и довольствуется разжалованіемъ его опять въ солдаты какъ она тутъ же заглядывается на одного изъ убіицъ, и какъ наконецъ выходитъ замужъ за тупоумнаго принца Павла...

Я отнюдь не говорю, чтобы масса выносила изъ Оффенбаха какія-либо опредѣленныя идеи и чувства. Но она далеко не всегда выносила ихъ и изъ смѣха Вольтера. Выносится и залегаетъ въ душѣ, у большинства безсознательно, извѣстный тонъ, разработываемый уже самою жизнью. Если сила Оффенбаха между прочимъ заключается въ его собирательности, то этою же собирательностью обусловливается и его слабость въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Надо помнить, что Оффенбахъ есть не только стимулъ, а и симптомъ извѣстнаго положенія вещей, и слѣдовательно онъ сильнѣе тамъ, гдѣ это положеніе вещей обозначилось ярче. Оффенбахъ есть дѣтище Франціи и всѣ нѣмецкіе вяце-Оффенбахи по необходимости плохи.

Что касается распущенности Оффенбаха, то я еще къ ней вернусь ниже, а теперь обратимся къ Дарвину.

IV.

Всякое болѣе или менѣе крупное обобщеніе служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ, чисто научныхъ, спеціальныхъ изысканій. Но этимъ не ограничивается его роль. Оно немедленно, не будучи даже во всѣхъ своихъ частяхъ достаточно провѣрено, пускается въ оборотъ, переваривается, худо ли хорошо ли, не одними спеціалистами, а и всею массою просвѣщенныхъ и имущихъ представителей націй. И въ этой сферѣ обобщеніе производитъ часто совершенно неожиданныя послѣдствія. Такъ первые шаги мысли по направленію отъ древней, геоцентрической системы мірозданія къ болѣе совершенной — геліоцентрической, составляли съ одной стороны вкладъ въ сокровищницу чистой науки; и астрономы работали надъ улучшеніемъ и уясненіемъ новой системы, большею частью не выходя изъ предѣловъ своей спеціальности. Съ другой стороны геліоцентрическая теорія распространялась и въ кругу людей, весьма мало интересующихся астрономическими вопросами. Эти люди не имѣли никакого резона ждать окончательной выработки новой системы міра. Они немедленно прилагали ея суть къ вопросамъ вовсе не астрономическимъ, ставили ее во главу угла новой теологіи, новой философіи, новой морали, новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, и глядь — Джіордано Бруно ужь корчится въ предсмертныхъ судорогахъ на кострѣ инквизиціи. Въ древнія времена, благодаря ограниченности числа, непрочности положенія и неважности значенія просвѣщенныхъ и имущихъ представителей человѣческой породы, побочные результаты извѣстнаго чисто-научнаго положенія не могли быть особенно важными. Но съ дальнѣйшимъ поступательнымъ движеніемъ исторіи дѣло получаетъ другой видъ.

Исторія той или другой науки быть можетъ и должна довольствоваться изложеніемъ преемственнаго развитія чисто-научныхъ, спеціальныхъ положеній. Но исторія вообще и даже исторія мысли вообще обязана прослѣдить всѣ побочные результаты,

произведенные извѣстнымъ научнымъ открытіемъ, наблюденіемъ, обобщеніемъ, тѣмъ болѣе, что эти побочные результаты могутъ быть иногда несравненно важнѣе результатовъ прямыхъ, чисто-научныхъ. Иногда «труба, зовущая на бой», какъ называлъ себя Бэконъ, бываетъ значительнѣе бойцовъ, особенно если послѣдніе замыкаются въ слишкомъ узкую сферу. Напримѣръ остроумно выполненная Дарвиномъ реставрація нашего отдаленнаго предка—животнаго, покрытаго шерстью, съ бородами у обоихъ половъ, съ острыми, подвижными ушами и т. д., съ научной точки зрѣнія имѣетъ весьма малую цѣнность. Этотъ гипотетическій звѣрь ни на шагъ не подвигаетъ науку впередъ. Онъ можетъ даже оказаться при ближайшемъ разсмотрѣніи звѣремъ совершенно фантастическимъ, небывалымъ. Да еслибы эта частная гипотеза Дарвина и оказалась во всѣхъ частяхъ вѣрною, это все-таки будетъ не особенно цѣнный вкладъ въ науку. Это только одна изъ иллюстрацій къ теоріи Дарвина, и притомъ не такая иллюстрація, которая поддерживала и уясняла бы теорію, а напротивъ такая, которая сама требуетъ ея поддержки. Но побочные результаты этой гипотезы навѣрное весьма важны. Ученые еще долго могутъ препираться на счетъ относительной цѣнности пріемовъ, съ которыми Дарвинъ приступилъ къ реставраціи образа нашего предка и положеннаго въ основаніе ея фактическаго матеріала. Но въ массу просвѣщенныхъ и имущихъ классовъ брошена искусно написанная и производящая впечатлѣніе картина, которая сдѣлаетъ свое дѣло. У массы просвѣщенныхъ и имущихъ классовъ, занятыхъ жизненною практикой и срываніемъ цвѣтовъ наслажденія, нѣтъ ни времени, ни охоты, да нѣтъ и надобности, ждать конца ученыхъ препирательствъ о разныхъ тонкостяхъ и подробностяхъ. Она просто всасываетъ въ себя всѣ подходящіе яркіе элементы, ассимилируетъ ихъ и, вспоенная и вскормленная ими, является на аренѣ исторіи.

Общественное значеніе побочныхъ результатовъ каждаго крупнаго шага въ наукѣ состоитъ въ уясненіи двухъ пунктовъ: 1) положенія человѣка въ природѣ, 2) отношенія человѣка къ человѣку или положенія человѣка въ обществѣ. Ближайшимъ

образомъ важенъ собственно говоря только второй пунктъ, но онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ первымъ, который Гёкели не безъ основанія называетъ поэтому вопросомъ всѣхъ вопросовъ для человѣка, проблемою, лежащею въ основаніи всѣхъ другихъ. Что касается этого перваго пункта, то позиція дарвинизма не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ. Подобно геоліоцентрической системѣ мірозданія и всякой другой научной теоріи, дарвинизмъ вдвигаетъ человѣка въ ряды остальныхъ индивидуализированныхъ дѣятелей природы. Достигается такое вдвиганіе и общими положеніями дарвинизма и частными, прямыми указаніями на мѣсто человѣка въ природѣ. Послѣднимъ вопросомъ спеціально заняты извѣстныя, чисто-научныя изслѣдованія Гёкели Фогта и другихъ, а также множество популярныхъ сочиненій Бюхнера, Ролле, Ройе и проч.; наконецъ послѣдняя книга самого Дарвина. Здѣсь мы находимъ указанія на то, что человѣческій организмъ построенъ по тому же плану, по какому построены и всѣ остальныя млекопитающія; на то, что человѣкъ способенъ принимать отъ низшихъ животныхъ и сообщать имъ нѣкоторыя болѣзни, каковы водобоязнь, оспа, сапъ и т. д., а это свидѣтельствуетъ о сродствѣ тканей и крови по частичному строенію и составу; на то, что обезьяны подвержены нѣкоторымъ незаразительнымъ болѣзнямъ, совершенно тождественнымъ съ нашими; что обезьяны курятъ съ удовольствіемъ табакъ, пьютъ вино и водку, послѣ чего у нихъ болятъ головы и онѣ жадно прохлаждаются лимоннымъ сокомъ, а это, въ связи со всѣмъ остальнымъ, свидѣтельствуетъ о сходствѣ вкусовыхъ нервовъ и аналогичности ощущеній у человѣка и обезьяны; что различныя стадіи эмбріологическаго развитія человѣка представляютъ поразительное сходство съ низшими формами животной жизни, и т. д., и т. д. Дарвинъ слѣдитъ далѣе за умственными, нравственными, даже религіозными элементами человѣка сравнительно съ низшими животными, и на каждомъ шагу приходитъ къ тому заключенію, что во всѣхъ отношеніяхъ разница между человѣкомъ и другими индивидуализированными дѣятелями природы чисто количественная, а не качественная. «Только нашъ

собственный предразсудокъ—говоритъ Дарвинъ — и высокомѣріе нашихъ предковъ, воображавшихъ, что они происходятъ отъ полубоговъ, заставляютъ насъ медлить такимъ выводомъ». Снисходя къ предразсудкамъ толпы, дарвинисты спрашиваютъ, что лестнѣе для человѣческаго достоинства: быть разжалованными изъ полубоговъ, или возведенными въ санъ человѣка изъ низшихъ ступеней естественно-исторической табели о рангахъ?

Общія положенія дарвинизма подрываютъ тѣ же самые предразсудки, но только въ болѣе общей формѣ. Одно отрицаніе принципа отдѣльности акта творенія каждаго изъ животныхъ, даже не будучи приложено къ человѣку, враждебно сталкивается съ цѣлою массою закоренѣлыхъ предразсудковъ и суевѣрій.

Если мы захотимъ прослѣдить исторію положеній Дарвина спеціально по отношенію къ вопросу о происхожденіи видовъ, то въ качествѣ его предшественниковъ, не считая мелкихъ явленій, получимъ Жоффруа Сентъ-Илера, Ламарка, Бюффона, Демальe (замѣчательно, что все это французы). Такъ смотритъ на дѣло самъ Дарвинъ въ предисловіи къ своему первому труду; такъ смотритъ и напримѣръ Катрфажъ въ своемъ очеркѣ предшественниковъ дарвинизма. Но если смотрѣть на дѣло съ болѣе широкой точки зрѣнія, именно если попытаться обнять всѣ побочные результаты ученія Дарвина, то его генеалогія получитъ совсѣмъ другой видъ. Дарвинъ окажется прямымъ преемникомъ энциклопедистовъ и просвѣтителей прошлаго столѣтія. Нужды нѣтъ, что одинъ изъ прямыхъ спеціальныхъ предковъ Дарвина — Демальe былъ обругапъ и осмѣянъ Вольтеромъ. Это частность, какихъ можно бы было пожалуй найти очень много. Но дѣло не въ нихъ, а въ общемъ тонѣ дарвинизма и общемъ тонѣ критической работы XVIII вѣка, которые совершенно совпадаютъ. Едва-ли это нужно доказывать. Къ устраненію вмѣшательства супранатуральныхъ силъ и къ заваливанію теоретической пропасти между человѣкомъ и животными, т.-е. къ установленію мѣста человѣка въ природѣ въ духѣ дарвинизма, вели и психологическія, и этическія, и

философскія, и историческія воззрѣнія XVIII вѣка, словомъ — вся его суть. Если для историка біологіи Дарвинъ есть преемникъ Ламарка, то въ глазахъ исторіи мысли онъ продолжаетъ борьбу просвѣтителей съ феодально-католическимъ колоссомъ. Ведетъ онъ эту борьбу безъ лихорадочной страстности и задора просвѣтителей, а съ спокойствіемъ человѣка, имѣющаго подъ ногами твердую почву, съ спокойствіемъ настоящаго хозяина исторической сцены. Его святѣйшество, Пій IX можетъ сколько угодно предавать въ своихъ энцикликахъ анаѳемѣ «натурализмъ», онъ можетъ сколько угодно заносить сочиненія Дарвина въ свои индексы, но въ западной Европѣ Дарвинъ есть одинъ изъ хозяевъ. Даже тяжелая рука прусскихъ побѣдоносцевъ не въ состояніи придавить его, да еслибы и осмѣлилась временно придавить, то настоящіе хозяева исторической сцены знаютъ пути и лазейки, непроходимые для массивныхъ тѣлесъ побѣдоносцевъ. Дарвинизмъ— c'est la fatalité.

Отъ вопроса о положеніи человѣка въ природѣ идутъ во всѣ стороны подобно радіусамъ изъ центра лучи, освѣщающіе и вопросъ объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Понятное дѣло, что если мы убѣдились, что

Es leuchtet die Sonne
Ueber Bös und Gute;
Und dem Verbrecher
Glänzen, wie dem Besten,
Der Mond und die Sterne, —

то старая этика уже не годится и требуется новая. Понятное дѣло, что если супранатуральныя силы изгнаны изъ обихода природы, то и всѣ держащіяся за нихъ явленія общественной жизни должны рухнуть. До такой степени и здѣсь дарвинизмъ близокъ къ практической работѣ XVIII вѣка, видно будетъ изъ слѣдующаго сопоставленія.

До просвѣтителей исторія представляла складъ всевозможныхъ фантазій и небылицъ, тѣшившихъ ребяческую гордость различныхъ народовъ. Французскіе историки утверждали, что Юпитеръ, Плутонъ и Нептунъ были французскими королями, что

основатель Галліи—Галлъ былъ самъ Ной и т. п. Историческія воззрѣнія Боссюэта слишкомъ извѣстны. Нѣкій богословъ разчиталъ, что Богъ велѣлъ Ною собрать животныхъ въ ковчегъ въ воскресенье 12-го октября, а всемірный потопъ начался ровно черезъ недѣлю, т. е. въ воскресенье, 19-го октября. Одинъ историкъ доказывалъ, на основаніи священнаго писанія, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать французская монархія, міръ можетъ спать спокойно: антихристъ не явится. Просвѣтители дружно принялись выметать эти авгіевы конюшни метлами всевозможныхъ размѣровъ и устройствъ. Собственно вся ихъ дѣятельность во всѣхъ подробностяхъ развѣвала всю эту ерунду. Но они прилагали къ дѣлу и спеціально историческую критику, ниспровергая этимъ орудіемъ вѣрованія въ происхожденіе народовъ отъ боговъ и полу-боговъ, т. е. производя въ частной области ту же ампутацію, какую дарвинизмъ производитъ въ широкихъ размѣрахъ. Но такъ-какъ исторія въ тѣ времена была исторіей исключительно королей, то около нихъ-то и фигурировали супранатуральныя силы, возвышая ихъ значеніе. Для теологовъ всѣ люди были извѣстнымъ образомъ созданы Богомъ. Но историки упускали изъ виду это обстоятельство. Для нихъ короли либо прямо происходили отъ боговъ или полубоговъ, либо были особо поставлены богами, а народы выростали неизвѣстно откуда, въ родѣ грибовъ. Ничтожной причины достаточно для того, чтобы недоразумѣніе на этотъ счетъ разомъ распоролось отъ верхняго края до нижняго. Въ числѣ могущихъ пригодиться на это дѣло причинъ значатся и избранные мною для параллели дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.

Я нѣкоторымъ образомъ пророчествую, а никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ. Но я утѣшаю себя во первыхъ тѣмъ, что пророчествую не для своей земли. Во вторыхъ, когда существовала и дѣйствовала литература просвѣщенія, никто вѣдь навѣрное не повѣрилъ бы тому, кто указалъ бы на смѣхъ Вольтера, на доктрины Гурнэ и проч., какъ на предтечи событій, которыхъ въ дѣйствительности они были предтечами. Навѣрное никто не повѣрилъ бы. Иначе старый порядокъ не лѣзъ бы такъ

наивно охотно въ заготовленную для него исторіей петлю. И когда Г'аліани говорилъ: novum rerum mihi nascitur ordo,— какая нибудь букашка можетъ быть отработала его за оптимизмъ. Я впрочемъ обвиненію въ оптимизмѣ никакимъ образомъ не подлежу, какъ, смѣю надѣяться, будетъ видно изъ слѣдующей главы.

Очевидно, что дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха могутъ быть сведены въ своемъ отрицательномъ значеніи къ одному знаменателю. Очень вѣроятно, что и дарвинисты и Оффенбахъ не видятъ всѣхъ нитей, связывающихъ ихъ между собою, даже вообще не видятъ всѣхъ производимыхъ ими результатовъ. Но дѣлаютъ они во всякомъ случаѣ одно и то же дѣло; одни съ приличною представителямъ науки важностью и спокойствіемъ, другой журча какъ веселый ручеекъ, къ каскаднымъ всплескамъ котораго прислушиваются и тѣ, подъ кѣмъ онъ тихо и постепенно подмываетъ берега.

V.

Какіе порядки несутъ съ собой настоящіе хозяева исторической сцены?

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Дарвинъ пытается приложить свое біологическое обобщеніе къ міру явленій нравственно-политическихъ. Попытка эта къ сожалѣнію и сверхъ всякаго ожиданія крайне слаба, расплывчата, робка и неоригинальна. Онъ говоритъ собственно то же самое, что до него было высказано нѣкоторыми популяризаторами дарвинизма, но безъ смѣлости, послѣдовательности, и если можно такъ выразиться, безпощадности послѣднихъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ приложеній дарвинизма къ соціологіи читатели «Отечественныхъ Записокъ» уже знакомы.

Феодально-католическая этика санкціонировала милостыню, благотворительность, посильную помощь Христа-ради отдѣльнымъ слабымъ, бѣднымъ, немощнымъ лицамъ. Настоящіе хо-

зіева исторической сцены, имущіе и просвѣщенные представители націй, отрицаютъ вмѣстѣ съ остальными основами феодально-католическаго строя, и принципъ помощи немощнымъ и покровительства слабымъ. Отрицанію этому, какъ и всѣмъ доктринамъ настоящихъ хозяевъ исторической сцены, начало положено XVIII вѣкомъ, и именно такъ-называемыми экономистами. Замѣтимъ мимоходомъ, что экономисты, реагируя противъ средневѣковыхъ порядковъ, ратовали противъ двухъ принциповъ, совершенно различныхъ, именно противъ частной, личной благотворительности и противъ вмѣшательства общества въ дѣла частныхъ лицъ. Какъ бы то ни было, и тотъ и другой принципъ, имѣя въ виду помощь немощнымъ, были одинаково противны просвѣщеннымъ и имущимъ классамъ. Одинъ изъ экономистовъ, Мальтусъ, далъ біологическую основу доктрины, каковая основа и развивается дарвинистами. Для дарвинистовъ прогрессъ, какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, осуществляется путемъ неустанной борьбы, вымиранія слабыхъ борцовъ и подбора единицъ сильныхъ. Естественно, что дарвинисты должны видѣть препятствіе прогрессу въ такихъ явленіяхъ общественной жизни, которыя подаютъ руку помощи слабымъ борцамъ. Эти слабыя единицы, вмѣсто того, чтобы погибнуть, какъ погибаютъ онѣ въ природѣ,—въ обществѣ, благодаря благотворительности, сохраняются, передаютъ свою слабость потомкамъ и стремятся понизить уровень человѣческой породы. И Дарвинъ и всѣ дарвинисты согласны относительно этого факта. Но въ то время, какъ болѣе смѣлыя и послѣдовательныя духовныя чада доктрины прямо предлагаютъ прекращеніе какой бы то ни было помощи безпомощнымъ и покровительства слабымъ, въ самомъ Дарвинѣ добрыя чувства борятся съ логикой. «Нельзя не пожалѣть — хотя быть можетъ это не совсѣмъ разумно — о быстротѣ, съ какою размножается человѣчество». «Мы должны безропотно примириться съ несомнѣнно пагубными послѣдствіями сохраненія жизни и размноженія слабыхъ людей». Такъ говоритъ Дарвинъ. Читатель можетъ быть помнитъ, что г-жа Ройе гораздо тверже и неукос-

нительнѣе проводитъ идею дарвинизма. Но нравственно-политическая часть послѣдняго труда Дарвина такъ слаба, что ее, при опредѣленіи общественнаго значенія дарвинизма, совершенно не стоитъ принимать въ соображеніе. Это просто на живую нитку сшитые клочки изъ мальтузіанства, «Теоріи нравственныхъ чувствъ» Адама Смита и утилитаризма. Дѣло въ томъ, что дарвинисты переносятъ свою доктрину въ область соціологическихъ вопросовъ цѣликомъ, только одни дѣлаютъ это съ кое-какими оговорками, а другіе безъ всякихъ оговорокъ. Какъ біологическое обобщеніе, теорія Дарвина въ своихъ главныхъ и основныхъ чертахъ несомнѣнно составитъ такое же вѣчное достояніе науки, какъ нѣкоторыя вѣковыя истины низшихъ наукъ. Я твердо убѣжденъ и въ томъ, что теорія Дарвина обязательна подъ извѣстными условіями и для соціологіи. Но въ этой области изъ нея можно сдѣлать весьма различныя употребленія, и здѣсь для насъ важно только то ея приложеніе къ сферѣ вопросовъ нравственно-политическихъ, какое дѣлается настоящими хозяевами исторической сцены.

Еслибы я вѣрилъ въ то, что мать природа есть намъ дѣйствительно мать, что она блюдетъ за каждымъ нашимъ шагомъ и предупреждаетъ, наказываетъ и милуетъ насъ, я бы обратилъ вниманіе читателя на то любопытное обстоятельство, что такіе люди, какъ Платонъ и Аристотель, Руссо и Вольтеръ, Шиллеръ и Гете являются въ исторіи всегда попарно, какъ бы пополняя другъ друга. Я бы написалъ по этому поводу цѣлый трактатъ, гдѣ говорилось бы и о премудрости природы и о ея благости; и о томъ, что она односторонности боится не меньше, чѣмъ пустоты; и о томъ — что произошло бы, еслибы на свѣтѣ жили только Аристотели, Вольтеры и Гете и не существовало бы Платоновъ, Руссо и Шиллеровъ, и обратно какія послѣдствія могло бы имѣть существованіе Платоновъ, Руссо и Шиллеровъ при отсутствіи Аристотелей, Вольтеровъ и Гете; и о томъ, что природа стремится установить въ головахъ людей извѣстное равновѣсіе, прибѣгая для этого къ системѣ контрфорсовъ, и т. д. Трактата этого я однако не напишу, потому что ясно вижу, что

равновѣсія въ людскихъ головахъ нѣтъ, что контрфорсы тутъ нисколько не помогаютъ, а пожалуй еще большую путаницу производятъ. И будь я самъ Ѳома невѣрный, я долженъ бы былъ въ этомъ убѣдиться, потому что язвы гвоздиныя подъ рукой,— хоть бы напримѣръ въ недавней перепалкѣ изъ-за классицизма и реализма. На этотъ счетъ въ нашемъ журналѣ были высказаны еретическія мнѣнія, за что ему и досталось. И по дѣломъ. Но еретическія мнѣнія не унимаются, и еще недавно одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ ехидно замѣтилъ, что изъ реальныхъ училищъ выходятъ прусскіе уланы, а изъ классическихъ—Камиллы Демулены, и что еслибы у него, нашего почтеннаго сотрудника, былъ сынъ, такъ онъ знаетъ, какой изъ этихъ образцовъ онъ бы для него выбралъ. Ехидство нашего почтеннаго сотрудника очевидно, такъ-какъ тонъ его не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ своего сына прусскимъ уланомъ отнюдь не желалъ бы видѣть. Я предупреждаю «Отечественныя Записки», что если онѣ будутъ продолжать печатать у себя такія вещи, онѣ весьма быстро утратятъ лестную репутацію «либеральнаго», «прогрессивнаго» журнала. Г. Безобразовъ, г. Александръ Кевскій e tutti quanti ополчатся, докажутъ какъ дважды два четыре, что «наши прогрессисты» недалеко уѣхали отъ «нашихъ охранителей», а иные свободные отъ постоя рецензенты и совсѣмъ растеряются. Хорошаго тутъ мало. Но дѣло не въ этой печальной перспективѣ, а въ томъ, что вопросъ объ *измахъ* очевидно подлежитъ пересмотру. Идеализмъ, матеріализмъ, спиритуализмъ, нигилизмъ, классицизмъ, реализмъ, — все это перепуталось, перемѣшалось, во всемъ этомъ, съ позволенія сказать, самъ чортъ ногу сломаетъ, а мы грѣшные и подавно. Одни говорятъ, что классицизмъ плодитъ благонамѣреннѣйшихъ людей, а реализмъ — безбожниковъ и революціонеровъ; другіе утверждаютъ напротивъ, что реализмъ даетъ храбрыхъ, но весьма благонамѣренныхъ прусскихъ улановъ, а классицизмъ—Камилловъ Демуленовъ; третьи доказываютъ, что классицизмъ производитъ просто тупоголовыхъ людей, тогда какъ реализмъ просвѣщаетъ нравственныя очи. И я

осмѣливаюсь думать, что даже участіе представителей университетской науки, гг. Грота, Стасюлевича, Бекетова, Менделѣева и проч. весьма мало подвинуло этотъ любопытный вопросъ къ разрѣшенію. Осмѣливаюсь думать, что господа ученые диспуганты и публики не просвѣтили и сами уѣхали ровнехонько съ тѣмъ самымъ -багажемъ, съ которымъ прибыли на интеллектуальный турниръ: кто съ собой прусскаго улана привезъ, тотъ съ нимъ и уѣхалъ, кто захватилъ тупоголоваго или ночнаго грабителя— опять-таки съ нимъ и вернулся. И такъ по всѣмъ *измамъ*. Дебатируемъ мы, дебатируемъ и приходимъ наконецъ къ результатамъ совершенно неожиданнымъ и можно сказать поразительнымъ, а главное и не замѣчаемъ этой поразительности. Увѣряютъ насъ напримѣръ, что нигилизмъ есть ученіе крайне-опасное, подрывающее всевозможныя основы и т. д. И тутъ же рядомъ изображаютъ что нибудь въ родѣ такого діалога между двумя представителями страшной доктрины:

X. Сигары слѣдуетъ курить дрянныя и дешевыя, потому что таковыя курилъ Базаровъ.

У. Нѣтъ, сигары слѣдуетъ курить хорошія и дорогія, потому что таковыя курилъ Рахметовъ.

Великодушно даря идею этого діалога гг. Ключникову, Лѣскову-Стебницкому и Крестовскому, прошу ихъ взамѣнъ объяснить мнѣ, что такое нигилизмъ. Очевидно, что вся система *измовъ* требуетъ тщательнаго пересмотра. Желаніе дать посильный матеріалъ для такого пересмотра побуждаетъ меня измѣнить своему намѣренію не трактовать о томъ, что произошло бы, еслибы существовали только одни Аристотели или только одни Платоны. Впрочемъ трактатъ будетъ всего въ нѣсколько строкъ.

Еслибы судьба посылала въ міръ только Аристотелей, Вольтеровъ и Гете, мы имѣли бы весьма ясныя понятія о природѣ и о мѣстѣ въ ней человѣка, но мы были бы никуда негодными гражданами и жилками эгоистами. Еслибы наоборотъ Аристотелей, Вольтеровъ и Гете не было, а были бы одни Платоны, Руссо и Шиллеры, мы были бы благородными мечтателями,

пламенными борцами за правду и справедливость, но имѣли бы самыя фантастическія представленія о законахъ природы. Къ счастію судьба посылаетъ въ міръ великихъ идеалистовъ и реалистовъ въ перемежку. Но къ несчастію судьба даетъ міру весьма мало такихъ экземпляровъ, въ которыхъ научный реализмъ находился бы въ надлежащей пропорціи къ гражданскому идеализму, что наводитъ весьма многихъ людей на мысль о несовмѣстимости этихъ началъ въ принципѣ.

Современные дарвинисты продолжаютъ традицію Аристотеля, Вольтера и Гете. Они реалисты и въ наукѣ о природѣ, и въ психологіи, и въ практическихъ вопросахъ нравственно-политическаго характера. И такими именно они и должны быть въ качествѣ настоящихъ хозяевъ исторической сцены. Когда такимъ хозяиномъ былъ феодально-католическій колоссъ, онъ закрѣпощалъ за собой историческую сцену во всѣхъ ея подробностяхъ, опираясь на супранатуральныя силы. Современные хозяева исторической сцены, въ качествѣ людей просвѣщенныхъ, изгнали эту супранатуральную идеализацію фактовъ естественныхъ и общественныхъ; а въ качествѣ людей имущихъ они закрѣпощаютъ за собой историческую сцену своимъ реализмомъ, который сводится къ новаго рода идеализаціи факта. «Хотя это намъ и трудно,—говоритъ Дарвинъ,—но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ своихъ дочерей тотчасъ по ихъ рожденіи или погибающей въ борьбѣ съ ними; ибо это несомнѣнно полезно обществу». Вы спросите: съ какой стати стану я восхищаться тѣмъ, что полезно такому обществу, организація котораго допускаетъ всякія варварства? Дарвинъ отвѣтитъ вамъ: съ такой стати, что это общество существуетъ. Конечно такъ разсуждать могутъ только хозяева исторической сцены.

Такъ-какъ дарвинисты переносятъ свою доктрину цѣликомъ въ область соціологическихъ фактовъ, то намъ достаточно припомнить здѣсь самыя общія черты дарвинизма.

Всѣ индивидуализированныя единицы природы ведутъ между собой неустанную и самую жестокую борьбу за обладаніе про-

странствомъ, за пищу, за половое удовлетвореніе. Примѣняя ко всѣмъ дѣятелямъ природы языкъ человѣческихъ отношеній, мы могли бы сказать, что природа полна всевозможныхъ преступленій: насилій, воровства, грабежа, разврата, убійствъ. Но не смущайтесь этимъ, ибо именно эта жесточайшая свалка обусловливаетъ собой развитіе высшихъ формъ жизни. Не будь ея, слабые индивиды увѣковѣчивали бы въ потомствѣ путемъ наслѣдственной передачи свои недостатки, а сильные за недостаткомъ упражненія постепенно ослабѣли бы. «Такъ изъ вѣчной борьбы,—говоритъ Дарвинъ,—изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, какое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе высшихъ формъ жизни». Перенесите теперь это соображеніе въ область нравственно-политическую, и вы увидите, что такова именно должна быть доктрина просвѣщенныхъ и имущихъ представителей націй. Они достаточно просвѣщенны, чтобы понимать законы природы, и достаточно имущи, чтобы условія развитія — голодъ и смерть — выпали не на ихъ долю. Любопытно видѣть, какъ суровая г-жа Ройе приглашаетъ во имя разума прекратить всякую помощь безпомощнымъ, а мягкосердечный Дарвинъ утѣшаетъ, что и безъ того дѣла идутъ не дурно. «Преступниковъ — говоритъ онъ — казнятъ или подвергаютъ долгосрочному тюремному заключенію, такъ что они не могутъ свободно передавать потомству свои дурныя качества. Меланхликовъ и сумасшедшихъ запираютъ или они кончаютъ самоубійствомъ. Люди запальчивые и задорные часто погибаютъ насильственною смертью» и проч.., такъ что въ концѣ-концовъ все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ.

Я обращаю вниманіе читателя на утѣшительный конецъ, никогда впрочемъ не наступающій, борьбы за существованіе. Процессъ, которымъ вырабатываются высшія формы жизни, ужасенъ и глубоко-возмутителенъ. Это цѣпь насилій, голодныхъ смертей, медленныхъ и внезапныхъ самоубійствъ. Но кончается все прекрасно...

Дзынь-ля-ля...

Читатель, это просится на сцену Оффенбахъ. Онъ желаетъ проканканировать. Пусть его. Онъ имѣетъ резоны.

Елена Прекрасная ставитъ рога своему глупому мужу, надъ нимъ смѣются. Елену и Париса благословляетъ развратный мошенникъ, жрецъ Калхасъ. Пьяные цари шулерничаютъ и подкладываютъ Калхасу вмѣсто пятіалтыннаго пуговицу. Развратъ, пьянство, наглость, глупость, лицемѣріе, — вотъ что́ фигурируетъ на сценѣ. Но не смущайтесь. Конецъ прекрасенъ. Побѣдитель на всѣхъ состязаніяхъ—Парисъ похищаетъ Елену, они передадутъ потомству свой умъ и красоту...

Grisons nous tous
Comme des fous!
Et chacun ayant sa chacune,
Amusons-nous au clair de lune...

Шайка разбойниковъ. Грабежъ, воровство, развратъ, растрата казеннаго имущества и проч. Но не бойтесь. Это только начало и продолженіе. А въ концѣ-концовъ добрый принцъ Мантуанскій даруетъ разбойникамъ амнистію, и страшный атаманъ Фальсакаппа обѣщаетъ вступить на путь истины...

Pif! paf! pan!
En avant!
Le pied leste,
Et du geste!..

Фаустъ и Маргарита. Это не Гётевская пара. Это кокодесъ и кокотка. Убійство; развратъ. Самъ сатана говоритъ, что дьяволамъ скоро нечего будетъ дѣлать на землѣ. И наконецъ наказаніе: за всѣ свои грѣхи Фаустъ и Маргарита обязаны, по приговору сатаны, танцовать до скончанія вѣка...

C'est imprévu, mais c'est moral!
Ainsi finit la comédie...

Это поетъ развратная герцогиня Герольштейнская, рѣшаясь наконецъ осчастливить своей прекрасной особой тупоумнаго принца Павла. Несмотря на разныя несчастія, случающіяся съ

дѣйствующими лицами въ теченіе пьесы, все кончается прекрасно. Разжалованный Фрицъ соединяется съ своей возлюбленной и съ радостью возвращается въ свою хижину, генералъ Бумъ становится генералиссимусомъ, Павелъ женится...

Hop là! hop là!

Перикола, La princesse de Trébizonde, Vert-vert, Le château à Toto,—вездѣ вы увидите одно и тоже: рядъ мерзостей и затѣмъ блистательный конецъ: либо половой подборъ соединяетъ любящія сердца, либо всѣ обращаются на стезю добродѣтели, либо другое какое торжество происходитъ. Что же остается дѣлать?

Надо быть веселѣй...

VI.

Если не считать двухъ кошмаровъ, съ одной стороны — побѣдоносцевъ, а съ другой—неимущихъ и непросвѣщенныхъ представителей націй, — душевный покой настоящихъ хозяевъ исторической сцены невозмутимъ. Это тихое безоблачное небо безъ сучка и задоринки, это роза безъ шиповъ. Просвѣщеніе и имущество эмансипировали настоящихъ хозяевъ исторической сцены отъ всякихъ страховъ. Старыя вѣрованія разбиты, новыя уже складываются, но хозяева ихъ не знаютъ, не хотятъ и не могутъ знать. Ни внѣ себя, ни въ самой себѣ личность не знаетъ никакихъ преградъ своимъ похотямъ и тонетъ въ омутѣ наслажденій. Въ отношеніи необузданности, едва-ли не замѣчательнѣе всего оперетка вицъ-Оффенбаха Эрве, — Le petit Faust. И это достойно особеннаго вниманія, ибо Эрве соединяетъ кажется въ себѣ одномъ всю коллективность Оффенбаха. Если не ошибаюсь, онъ не только композиторъ, а и либреттистъ и актеръ.

Въ старые годы благородные дюки и виконты прокалывали другъ друга шпагами по всѣмъ правиламъ такъ-называемой

чести. Нынѣ Фаустъ даетъ Валентину мефистофелевскій coup de tabatière и стяжаетъ одобреніе присутствующихъ...

Въ старые годы со страхомъ и уваженіемъ относились къ блѣдному образу смерти. Mors была atrociter даже для забубенныхъ подгулявшихъ буршей. Нынѣ *трупъ* предательски-убитаго Валентина *канканируетъ*... Трупъ канканируетъ! Неужели это не признакъ времени?

Въ старые годы боялись ада. Нынѣ души великихъ грѣшниковъ канканируютъ...

Въ старые годы женщинъ соблазняли любезностью, ухаживаніями, похищали, насиловали. Нынѣ ихъ просто покупаютъ, и сама Маргарита есть не болѣе какъ кокотка. Каждый ея жестъ оцѣненъ: за улыбку англичане платятъ шесть пенсовъ...

Можетъ ли этотъ безконечный канканъ имѣть развращающее вліяніе? Странный вопросъ. Конечно не менѣе Pucelle. Но я уже неоднократно обращалъ ваше вниманіе на то обстоятельство, что Оффенбахъ, какъ и всякое другое широко распространенное соціальное явленіе, есть не только дѣятель, а и симптомъ. Съ этой точки зрѣнія это не болѣе какъ наружная сыпь, свидѣтельствующая о неправильности внутреннихъ отправленій организма. И усилія мировыхъ судей, карающихъ г жъ Филиппо и Гандонъ, могутъ только вогнать болѣзнь внутрь. Я знаю, что говорю банальную истину, которая заставитъ только улыбнуться мудрыхъ практиковъ. Но что же дѣлать, истины по большей части банальны, а мудрымъ практикамъ подобаетъ улыбаться.

Со времени Pucelle утекло много воды. Съ тѣхъ поръ настоящіе хозяева исторической сцены уже въ значительной степени выжили старыхъ домовладѣльцевъ. Недавнія событія показали впрочемъ, что послѣдніе еще сидятъ кое гдѣ достаточно крѣпко. Однако и въ недавнихъ событіяхъ можно усмотрѣть нѣчто, хотя бы въ мелочахъ, свидѣтельствующее о надорванности принциповъ старыхъ домовладѣльцевъ. Относительно Франціи это очевидно, но и въ Германіи исторія дѣлаетъ свое дѣло. Я укажу только на одно мелкое, но характерное явленіе,— на позорную исторію съ румынскими желѣзно-дорожными облига-

ціями, въ которой прусская знать участвовала въ подмѣнѣ румынскихъ пятіалтынныхъ прусскими пуговицами. Участіе это показываетъ, что прусская знать, представляющая вмѣстѣ съ англійскимъ дворянствомъ единственную настоящую знать въ Европѣ, готова стать въ ряды ажіотирующихъ и спекулирующихъ просвѣщенныхъ и имущихъ представителей націи. Въ другихъ мѣстахъ это раствореніе аристократіи въ буржуазіи произошло уже давнымъ давно, и древніе гербы и прадѣдовскія доблестныя шпаги снесены на биржу. Сенъ-Симонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что одинъ острякъ сказалъ дюку де-Бурбону, хвастовшему портфелемъ, набитымъ акціями: «фи, милостивый государь, у вашего прадѣда было пхъ (игра словъ: action —акція и дѣло, дѣяніе) всего пять-шесть, но они были дороже вашихъ». Теперь это «фи!» было бы вопіющимъ анахронизмомъ. C'est la fatalité. На одномъ торжественномъ обѣдѣ, происходившемъ вскорѣ послѣ окончанія франко-прусской войны, одинъ доблестный русскій воинъ провозгласилъ, кидая камешекъ въ прусскій огородъ: «Мы не дѣлаемъ изъ своихъ побѣдъ пятимильярдной спекуляціи!» Это замѣчаніе глубоко-вѣрное: уста младенцевъ вѣщаютъ истину. Надъ нашимъ богоспасаемымъ отечествомъ еще вѣетъ старое и почти цѣльное знамя. Когда намъ случается побѣждать, мы дѣйствительно не спекулируемъ, а просто пожинаемъ лавры. Европа же уже давно кладетъ лавровые листья въ супъ. И даже тѣ лавровые вѣнки, которые украшаютъ головы нынѣшнихъ побѣдителей, сильно отдаютъ бульономъ.

Индѣ практически, индѣ принципіально тучныя коровы старыхъ домовладѣльцевъ поглощены тощими коровами настоящихъ хозяевъ исторической сцены. И развратъ, какъ одинъ изъ факторовъ исторіи, не имѣетъ уже дѣла съ обособленными феодально-католическими элементами, которые скинуты со счетовъ. Ихъ замѣнили элементы буржуазно- либеральные, которые, какъ въ XVIII вѣкѣ дворянство, не подлежатъ никакому развращенію. Для нихъ Оффенбахъ просто игрушка и много-много что зеркало, на которое не только не приходится пенять, но въ кото-

рое смотрѣться пріятно. Маргарита совершенно права, утверждая, что ея танецъ есть признакъ времени. Пусть же мертвые хоронятъ мертвыхъ, а опять-таки тѣхъ, за кѣмъ стоитъ исторія, развратить нельзя.

Что же касается спеціально-клубничной стороны разлагающаго вліянія Оффенбаха, то надо замѣтить слѣдующее. Какой вѣкъ не былъ развратенъ? Не тотъ ли, когда папы жили въ кровосмѣсительной связи съ своими матерями и сестрами и содержали публичные дома? Не тотъ ли, когда римскіе цезари публично бракосочетались съ мужчинами? Всегда были въ обществѣ элементы отживающіе и всегда они развратничали. Развратъ есть одинъ изъ молотовъ исторіи. Если сравнительно очень скромный Оффенбахъ распространенъ въ цѣлыхъ слояхъ общества и единовременно во всѣхъ концахъ Европы, то это потому, что ампутація предстоитъ большая.

Novum rerum mihi nascitur ordo.

Простите, читатель, ежели чего не дописалъ или что переписалъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.